ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ ECONOMIC SCIENCES

УДК 316

ЗНАЧЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО ФАКТОРА ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО PAЗВИТИЯ СТРАНЫ VALUE OF THE GENDER FACTOR FOR ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE COUNTRY

Алпатова Э.С., доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Alpatova E.S, doctor of economic sciences, Professor of the department of economic theory, Kazan (Privolzhsky) Federal University

e-mail: elsa6elsa2012@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается значение гендерного фактора для экономического развития страны. Показано экономическое содержание женской дискриминации в современной России.

Annotation: In article value of the gender factor for economic development of the country is considered. The economic content of female discrimination in modern Russia is shown.

Ключевые слова: гендер, дискриминация, гендерная сегрегация, гендерная асимметрия, феминизация бедности.

Key words: gender, discrimination, gender segregation, gender asymmetry, poverty feminization.

Тезис о неразрывной связи экономического роста и человеческого развития давно подтвердил свою справедливость и теоретически и практически. Доказано, что даже в условиях отсутствия широких социальных программ вложения в человеческий капитал способны привести к экономическому процветанию. Со всей очевидностью можно утверждать, что среди всех направлений человеческого развития прогресс гендерного равенства приносит наиболее ощутимые результаты в отношении социально-экономического развития страны, а гендерное неравенство, напротив, замедляет экономическое развитие. [8]

Вместе с тем, тезис о том, что развитие общества гарантированно способствует расширению прав женщин, не является верным. Так, например, промышленно развитые страны Италия и Япония занимают более низкие позиции в рейтинге по показателям расширения возможностей женщин (ПРВЖ), чем уступающие им в рейтинге ВВП Коста-Рика и Аргентина.

Существенное значение гендерного фактора для экономического развития страны в значительной степени обусловлено возрастающей ролью женщины в современном мире, что находит отражение в ряде процессов, в первую очередь, росте числа женщин – представителей «беловоротничковых» профессий, традиционно считавшихся мужскими (юриспруденция, медицина, архитектура), особенно в сфере бизнеса и менеджмента. В своем труде «Мегатенденции», основанном на обширном эмпирическом материале, Дж.Несбитт и П.Эбурдин в качестве одной из таких мегатенденций в преддверии XXI века назвали «приход женщин на руководящие посты» не только в сфере производства, но и в сфере государственного управления. [11] Эти изменения обусловлены значительным ростом интеллектуальной и волевой активности женщин, а также тем, что корпорации проявляют все больший интерес к женщинам как потенциальному источнику рабочей силы.

Подобные тенденции дают некоторым авторам основания (преувеличенные) заявлять: «Меня несколько пугает тенденция, когда высшее образование получают преимущественно только женщины. ... Просто нужно время, и я боюсь, что оно, к сожалению, настанет. Женщины будут командовать, однако не всегда это есть благо для общества. ... 20 лет назад в немецкой газете я прочитал – грядет неоматриархат» [10]

Появление таких оценок не случайно. Дело в том, что реально существующая женская дискриминация не воспринимается людьми (и мужчинами, и женщинами) как проблема. Идеи гендерной сегрегации, выражающейся в доминировании мужчин над женщинами, так прочно и глубоко укоренились в сознании людей, что воспринимаются как естественные не только мужчинами – субъектами власти и сегрегации, но и женщинами – их объектами. Как тут не вспомнить слова Дж.Бергера в своем труде «Способы видения»: «Женщины сами обращаются с собой так, как с ними обращаются мужчины. Они смотрят на свою женственность так, как на нее смотрят мужчины». [5] Поэтому сам термин «феминизм», как правило, воспринимается не то что обывателями, но и учеными не как правозащитное движение или теория, а «деятельность» распущенных и сексуально агрессивных «насильниц». [5]

Все это до недавнего времени приводило к тому, что гендерная проблематика была на периферии общественного самосознания, а гендерные исследования в различных областях гуманитарных наук не играли такой роли, как сейчас. В настоящее время в России ситуация с дискриминацией женщин, в том числе и в экономической сфере, обстоит хуже, чем в западных странах. Это тем более обидно осознавать, что в начале XX века Советская Россия была первым в мире государством, продекларировавшим конституционное равноправие мужчин и женщин. Западные страны ввели принцип равноправия полов в свое законодательство позднее, чем это сделала Россия. Тем не менее, проблема фактической дискриминации в отношении женщин была актуальна на протяжении всей истории СССР, таковой она остается и в современной России. Более того, дискриминация по признаку пола в России усиливается. Однако миф о якобы имеющем место равенстве полов существует и стал настолько непреложным в современном российском обществе, что преодолеть его очень сложно.

Справедливости ради стоит отметить, что и во всем мире внимание к стратегиям продвижения женщин существенно снизилось. Раньше всемирные конференции по положению женщин проходили через каждые пять лет (Мехико – 1975; Копенгаген – 1980; Найроби – 1985), затем их стали проводить через 10 лет; в 1995г. состоялась Пекинская конференция. В дальнейшем положение женщин на уровне конференций уже и не обсуждалось. Между тем глобализация в ее нынешнем виде негативно отражается на состоянии большинства населения планеты, приводя также к усилению дискриминации женшин.

В соответствии со ст.19 Конституции РФ «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола» (п.2), «мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации»» (п.3). [1] При этом, если равные права закреплены в Конституции России и различных законодательных актах (ст.3 Трудового кодекса, ч.3 ст.1 Семейного кодекса, ст.4 Уголовного кодекса и др.), то равные возможности, как процедуры достижения равных прав, лишь декларированы.

Исторический опыт развития гендерного равноправия в России свидетельствует о постоянном дисбалансе в регулировании гендерных отношений, об ущемлении женщины. Л.Т.Шинелева справедливо отмечает, что «реформирование политической системы со всей очевидностью выявило «двойной стандарт» в отношении общества к женщине: в законодательных актах и в реалиях повседневной практики». [15]

К основным проявлениям гендерной асимметрии, на наш взгляд, можно отнести следующие:

- асимметричное распределение ресурсов, выражающееся в рамках гендерного анализа в неравном распределении между женщинами и мужчинами таких ценностей, как время, доход, имущество, доступ к общественным благам, к земле, к производственным ресурсам, к оплачиваемой занятости. Так, например, в случае асимметричных репродуктивных нагрузок, которые ложатся в основном на женщин, можно говорить о неравномерном распределении ресурса времени между полами;
- сегрегированные по полу федеральные и региональные бюджеты, нацеленные, в первую очередь, на развитие «мужских» добывающих отраслей в ущерб программам развития малооплачиваемых отраслей экономики, где чаще всего заняты женщины (образования, здравоохранения, социальной сферы, сектора услуг, малого бизнеса и др.);
- прямая и косвенная дискриминация на рынке труда, проявляющаяся в неравной оплате за труд равной ценности, при найме на работу, при увольнении, при продвижении по службе, в жестокой эксплуатации женщин со стороны работодателей, как женщин, так и мужчин.

Если в 80-х годах XX века уровень заработка женщин составлял 70% заработка мужчин, то в 2000г. это соотношение снизилось до 50-60%. [13] В целом в России, несмотря на высокий уровень занятости женщин (92,5%) и высокий уровень их человеческого капитала (российские женщины образованы лучше российских мужчин), и в настоящее

время заработная плата женщин составляет только 64% заработной платы мужчин. [4] Гендерный разрыв в доходах в значительной степени усугубляется действием поведенческого фактора, выражающегося в низкой самооценке и пассивности женщин на рынке труда, что способствует закреплению патриархатного порядка в обществе и консервации гендерного неравенства.

По мнению Н.Римашевской, «женская рабочая сила ныне устойчиво рассматривается как «второсортная». При относительно равных стартовых позициях мужчин и женщин налицо профессиональная и статусная сегрегация, более низкая оплата труда женщин, ограничения вертикальной мобильности («стеклянный потолок» и «стеклянные стены»)». [13] Специальные исследования показывают, что в числе специалистов женщины составляют 40%, среди низших служащих – 90, а среди высших чиновников – 25%. В профессорскопреподавательском составе государственных вузов на начало 2002/2003 учебного года женщин было: в числе ректоров 6%, заведующих кафедрами – 28%, старших преподавателей – 66%, среди преподавателей и ассистентов – 68%.

В наиболее явном виде дискриминационная практика проявляется при приеме на работу. Гендерное неравенство в сфере занятости находит выражение также при увольнении: большинство среди тех, кто имеет статус безработных – женщины;

- слабая система социальной защиты, низкий уровень социальных трансфертов, недоступность сферы услуг (особенно детских дошкольных учреждений), потребителями которой в большей степени являются женщины. [8] От сокращения социальных программ и социальных систем поддержки семей с детьми, инвалидов страдают, в первую очередь, женщины. В связи с проблемами в демографической сфере следует серьезно ставить вопрос о бюджетном финансировании программ репродуктивного здоровья. Это тем более важно, что российский бизнес фактически дистанцируется от широких слоев населения, притязания которых на материальную поддержку воспринимаются им как посягательство на его собственность.

Реформы в России привели к феминизации бедности: семьи с двумя и более детьми, одинокие матери, а также разведенные женщины, имеющие малолетних детей, оказались в наиболее уязвимом и трагичном положении. Возникла уникальная ситуация, не имеющая аналогов: среднедушевые доходы 80% российских семей с двумя и более детьми не достигают прожиточного минимума. [4] 84% многодетных семей и 75% неполных семей попадают в категорию нищих, т.е. между многодетностью и добровольной бедностью можно ставить знак равенства. [14] В США после либерализации законов о разводе в 1960-е г.г. XX века экономический статус разведенных женщин с детьми ухудшался в среднем на 70%, а материальное благополучие разведенных мужчин улучшалось на 40%. [12]

Еще одним результатом реформ стало разрушение государственных систем общественного воспитания детей, охраны материнства и детства, которые позволяли женщине совмещать работу и семейные обязанности. Готовится следующий шаг в этом направлении — ликвидация детских домов и приютов для детей. Предполагаемое в качестве контрмеры усыновление детей российскими гражданами и передача детей в семьи, очевидно,

не имеет серьезной перспективы вследствие низкого уровня жизни большинства граждан. В 2005г. по сравнению с 1993г. российские граждане усыновляли детей в 2 раза реже, иностранцы – в 4,5 раза чаще. [14]

Вместо государственной поддержки материнства и детства государство выводит эту проблему из сферы государственной политики и спускает ее на уровень гендерных отношений «мужчина-женщина», что находит проявление в изменении гендерной роли женщины. В советское время женщина была не только хранительницей семейного очага и воспитательницей детей, но еще и труженицей социалистического производства. Государство было нацелено на развитие социальной активности женщин во всех сферах жизнедеятельности; к тому же работающий муж, как правило, в одиночку не был в состоянии прокормить семью, что не могло не порождать диспропорции в гендерных отношениях.

В постсоветский период происходит активизация «консервативной» идеологии и ее адептов, пропагандирующих «опору на собственные силы», «свободу выбора для женщин», возврат к якобы естественным гендерным отношениям. Идеализация «традиционной семьи» предполагает дистанцирование от коммунистического опыта, навязанного государством формального эгалитаризма, а ее реставрация рассматривается как одна из стратегий обновления общества. Под «традиционной семьей», по саркастичному замечанию Т.Журженко, понимается нечто среднее между идеализированной семьей досоветского прошлого и образцовой семьей американского среднего класса 50-х г.г. ХХВ. [16]

В качестве проявления подлинной демократии преподносится обратная сторона гендерного равенства, когда муж ведет домашнее хозяйство и воспитывает детей, а жена работает вне дома. Более того, патерналистская политика, забота о женщине со стороны государства объявляются дискриминацией по отношению к женщине, превращающей ее в «социального инвалида» и иждивенца (!) [7.] По мнению Д.Е.Зайкова, «лишь чрезмерная опека со стороны государства порождает на практике различного рода женскую дискриминацию». [7]

С нашей точки зрения, забота о женщине со стороны общества и государства не может быть чрезмерной – это такая чувствительная сфера человеческой жизнедеятельности, реализация которой способна существенно продвинуть страну по пути социальноэкономического прогресса, нравственного оздоровления, создания благоприятного России 53% психологического климата. женшины составляют населения, продолжительность жизни которых на 14,5 лет больше, чем у мужчин, а разрыв в образовании в пользу женщин увеличивается с каждым годом; к тому же 85% мужчин употребляют алкоголь практически ежедневно (19 литров чистого спирта на каждого жителя). В этих условиях женщины представляют собой значительный потенциал, который может и должен быть реализован при условии создания равных с мужчинами возможностей для личностного развития в различных областях общественной жизнедеятельности.

Любопытно, что в трудные времена государство и общество охотно призывают женщин, способных со всем осознанием своей ответственности решать существующие проблемы даже за меньшие деньги. Так, кризис 2008г. привел к значительному увеличению числа женщин на должностях топ-менеджеров и руководителей: в 2009г. эта цифра выросла до 42% (в 2008г. она составляла всего 30%).

Нельзя не согласиться с Т.Сидоровой в том, что прикреплением женщины к дому новые идеологи и политики надеялись решить острейшие проблемы, возникшие с переходом к капитализму, снизить уровень грядущей массовой безработицы, а также обойтись без затрат на целевые социальные программы, поскольку женщина-домохозяйка сама обеспечит жизнедеятельность семьи. Все это делалось для того, чтобы оправдать приватизацию и коммерциализацию огромного государственного имущества детских садов и яслей, детских баз отдыха, санаториев, дворцов пионеров, спортивных и пионерских лагерей, родильных домов и женских консультаций, столовых и т.д. [14]

Потери, которые несет экономика вследствие того, что определенная часть женщин не трудится вне дома и предпочитает вести домашнее хозяйство и воспитывать детей, как расчет канадских ученых, составляют миллиарды показал канадских долларов. Справедливости ради стоит отметить, что можно было также попытаться рассчитать экономический эффект, проистекаемый из этой же ситуации и обусловленный ее положительными факторами: возможностью уделять детям большее внимание, созданием условий для лучшего выполнения своих функций главой семьи и т.д. Вместе с тем говорить об этих факторах как однозначно положительных можно весьма условно - они могут обернуться своей противоположностью, связанной с усталостью женщины от монотонного домашнего труда. На наш взгляд, вопрос о степени занятости женщины на работе вне дома должен решаться в каждой семье индивидуально в зависимости от ее психологических установок, традиций, количества детей, физического здоровья женщины и т.д.

	Россия		EC		США		Япония	
	мальчики	девочки	мальчики	девочки	мальчики	девочки	мальчики	девочки
Смертность на 10 тыс.	146,5	112,0	53,5	43,7	79,6	65,4	36,7	31,0
на 10 тыс. детей до 1	140,3	112,0	33,3	45,7	79,0	05,4	30,7	31,0
года								

Таблица 1 – Показатели младенческой смертности [14]

Ухудшение экономической ситуации в современной России оказало прямое влияние на причины и механизмы падения рождаемости в стране. Если во второй половине прошлого века в России ежегодно рождалось 2-2,5 млн детей, то начиная с 1992г. только 1,2-1,5 млн; показатель младенческой смертности примерно в 2 раза выше, чем в развитых европейских странах, Канаде и США. (табл.1) [4.]

Однако, на рождаемость отрицательно влияет не только экономика. В самых богатых российских семьях число детей в 3-4 раза меньше, чем в самых бедных. По справедливому замечанию И.Гундарова, среди причин важную роль играет нравственно-эмоциональное состояние населения, проявляющееся в снижении либидо и выраженном нарушении репродуктивного здоровья как у мужчин, так и у женщин, росте смертности и разводов среди молодежи, ощущении агрессии, страха, тревожности, несвободы, то есть стресса, деэротизации отношений между мужчиной и женщиной, и приводящее к так называемому психогенному бесплодию. [6]

В Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025г., утвержденной Указом Президента РФ от 9 октября 2007г. №1351 указывается, что на рождаемость отрицательно влияют: низкий денежный доход многих семей, отсутствие нормальных жилищных условий, современная структура семьи (ориентация на малодетность, увеличение числа неполных семей), тяжелый физический труд значительной части работающих женщин (около 15%), условия труда, не отвечающие санитарногигиеническим нормам, низкий уровень репродуктивного здоровья, высокое число абортов.

Таким образом, российскому обществу еще только предстоит решать главную проблему — совмещение женщиной материнства с работой, создающую коренные предпосылки для формирования гендерного неравенства в стране;

- патриархатные формы отношений в обществе и семье, характеризующиеся явным преимуществом мужчин в публичной сфере, жестким контролем над поведением женщин, разделением ролей, преобладанием властного характера над доходным, высоким уровнем домашнего насилия и отсутствием адекватной защиты, дискурсивным выражением отношений власти (навязыванием стереотипов половых ролей через рекламу, учебники и др.).

Гендерный порядок является патриархатным в большинстве обществ, а в развивающихся странах он еще и жестко задан, что находит выражение в строго асимметричном распределении гендерных ролей, отсутствии образовательных женских моделей поведения. Эти процессы обусловлены сложившимися историческими и культурными предпосылками. Развитие культуры с самого начала было ориентировано на мужское доминирование, поскольку именно мужчина являлся основным производителем, распределителем и потребителем культурных ценностей.

Что касается политического представительства женщин, то согласно Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин - они имеют право избирать и быть избранными наравне с мужчинами, а также участвовать в управлении и деятельности общественных объединений (ст.7-8). [3] В настоящее время в России 3 женщины-губернатора, 2 женщины-министра. Из 450 депутатов в Государственной Думе 41 женщина, т.е. 9,1%; в Совете Федерации из 161 члена только 13 женщин, т.е. 8,07%.

Между тем общепризнанная норма политического представительства и соотношения полов составляет порядка 30%. Подобные проблемы существуют и в других странах, однако, в них делаются успешные попытки продвинуться в стремлении к гендерному равенству. Так, например, в Канаде тоже отсутствует 30%-ное представительство женщин в парламенте страны, однако прогресс налицо: если в 1984г. в нижней палате – Палате общин – было 9,6%, в 1988г. – 13%, то в 2009г. – уже 22,1% (на сегодняшний день – это 45 место в мире).

Одной из самых сложных, противоречивых и латентных проблем в большинстве современных обществ является домашнее насилие. К сожалению, насилие как гендерная проблема не стала в России приоритетом государственного уровня и считается частным делом. Между тем жертвами домашнего насилия ежегодно становятся приблизительно 14 тыс. женщин. Каждый день 36 тыс. женщин избиваются мужьями или сожителями; каждые 40 минут одна россиянка погибает [9. С.164] Кроме того, домашнее насилие продуцирует потери общественного богатства (так, например, в Чили - в размере 2%, в Никарагуа — 1,6%, в Канаде — 1-3%);

- гендерное неравенство в продолжительности жизни. И.Е.Калабихина справедливо замечает, что женский проигрыш в смертности по причине дискриминационного фактора в трудоспособном или репродуктивном возрасте формируется под воздействием ограниченного доступа к экономическим ресурсам; в пенсионных и предпенсионных возрастах обусловлен такими явлениями, как усталость от «двойной занятости», низкий уровень жизни.

Мужской проигрыш в смертности в трудоспособном возрасте связан с выполнением роли «кормильца»; в пенсионных и предпенсионных возрастах обусловлен давлением гендерных стереотипов: утрата основной роли «кормильца» лишает дальнейшее существование смысла, приводя к стрессам и болезням.

Кроме того, существует поведенческий фактор гендерной сверхсмертности, выражающийся в низком уровне самосохранительного поведения населения. У мужчин это связано с потреблением алкоголя, табакокурением, отсутствием культуры посещения медицинских учреждений и внимательного отношения к своему здоровью; у женщин – с пренебрежительным отношением к репродуктивному здоровью (например, «абортная культура») и с «мужским» поведением (жесткая карьера, алкоголь). [8]

Устанавливая разный пенсионный возраст женщин и мужчин, законодатель исходил из их физиологических особенностей и особой социальной роли женщины в обществе, связанной с материнством. В настоящее время законодательное решение вопроса о возрасте выхода женщин на пенсию подвергается серьезной критике. В качестве главных аргументов сторонники увеличения пенсионного возраста женщин выдвигают следующие мотивы: 1) продолжительность жизни женщин выше; 2) эта мера позволит решить финансовые проблемы пенсионной системы; 3) сохранение существующего положения ущемляет права самих женщин.

Между тем такая дифференциация способствует достижению подлинного, а не формального равенства, обеспечивающего по смыслу ст.19 Конституции РФ и не может

оцениваться как дискриминационное ограничение конституционных прав мужчин. Ситуация в стране такова, что численность пожилых женщин больше, а их экономическая активность ниже, чем у их ровесников.

Очевидно, продвижение вперед по пути решения пресловутого женского вопроса возможно только в условиях гуманизации общественных отношений. Существующие в государстве и обществе дефицит политической воли и явное нежелание рассматривать гендерную политику в числе приоритетов деятельности органов государственной власти наносят ощутимый урон экономике страны и становлению демократии.

Обеспечение гендерного равенства — это необходимость, способная позитивно повлиять на развитие страны. Она предполагает ликвидацию гендерной дискриминации и гендерной сегрегации в сфере труда и занятости, гендерных диспропорций в социальной сфере, а также обеспечение равного доступа мужчин и женщин к институтам государственного управления. Именно с этих наиболее чувствительных секторов и следует начинать.

Если в индустриальном обществе типичным промышленным работником был мужчина, то типичным информационным работником формирующегося постиндустриального общества является женщина. Обеспечение ее благополучия и развития, как, впрочем, и каждого человека, является обязательным условием социально-экономического развития страны.

Таким образом, все результаты принятия решений в той или иной сфере общественной жизнедеятельности, в том числе, и в экономической, имеют гендерное измерение. Недооценка значения гендерного фактора для экономического развития страны, ущемление социальных прав женщин оборачиваются серьезными последствиями в виде структурных диспропорций в экономике, ухудшения психологического климата в российском социуме, а также потерь общественного богатства нации. Советский опыт воспитания женщин равенством далеко не безупречен, однако современная российская действительность являет собой противоречивый конфликтный, и, в конечном счете, худший по сравнению с советскими временами, вариант решения женского вопроса.

Литература

- 1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.//Российская газета.-1993.-25 декабря.
- 2. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025г.: Указ Президента РФ от 9 октября 2007г. №1351//Собрание законодательства РФ.-2007.- №42.-Ст.5009.
- 3. Факультативный Протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (принят резолюцией 54/4 Генеральной Ассамблеи ООН от 6 октября 1999г.//Собрание законодательства Российской Федерации.-2005.-№7.-Ст.492.

- 4. Азарова, Е.Г. О равноправии полов и социальном обеспечении граждан с детьми/Е.Г.Азарова//Журнал российского права.-2010.-№9.-С.13-24.
- 5. Барчунова, Т.В. «Эгоистичный гендер», или Воспроизводство гендерной асимметрии в гендерных исследованиях/Т.В.Барчунова//Общественные науки и современность.-2002.-№5.-С.180-191.
- 6. Гундаров, И. В поисках утраченной фертильности//Независимая газета.-2007.-14 ноября.
- 7. Зайков, Д.Е. Равенство: новое содержание и значение для современного общества и государства/Денис Евгеньевич Зайков//Государство и право.-2011.-№2.-С.101-106.
- 8. Калабихина, И.Е. Система факторов гендерного неравенства/И.Е.Калабихина//Вестн. Моск. ун-та. Сер.6. Экономика.-2009.-№4.-С.64-73.
- 9. Ключко, О.И. Гендерная стереотипия в изучении актуальных социальных проблем/О.И.Ключко//Общественные науки и современность.-2008.-№6.-С.160-169.
- 10. «Круглый стол» Института государства и права РАН «К 30-летию Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: прошлое, настоящее, будущее» (Обзор материалов)//Государство и право.-2009.-№12.-С.101-107.
- 11. Николаева Г.А. Индустриальный тип культуры гендерных отношений/Николаева Г.А.//Аспирант и соискатель.-2011.-№2.-С.145-149.
- 12. Попкова, Л.Н. Гендерная политика США: формальные институты и практики/Л.Н.Попкова//Общественные науки и современность.-2004.-№1.-С.164-173.
- 13. Римашевская, Н. Человеческий потенциал России и проблемы «сбережения населения»/Н.Римашевская//Российский экономический журнал.-2004.-№9.-С.22-40.
- 14. Сидорова, Т. Женский вопрос/Татьяна Сидорова//Государственная служба.-2006.- №1.-С.43-53.
- 15. Шинелева Л.Т. Гендерная политика в условиях системного кризиса в России. М., 1998.

16.http://library/genderehy.org/hms/uniobiect.php?type=articles&id=358#a358.

УДК 339.727

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ CAUSES AND CONDITIONS OF FORMATION EXTERNAL DEBT IN THE MODERN TIME

Атаев А.М., аспирант кафедры международных экономических отношений, Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Ataev A.M., postgraduate student department of international economic relations, South-Russian institute of Russian academy of national economic and civil service under President of Russia

e-mail:Arslan2202@yandex.ru

Аннотация: Систематизированы причины и факторы формирования внешней задолженности государств, выделены ведущие детерминанты роста внешнего долга в современных условиях.

Annotation: It's systematized causes and factors of external debt formation, identified major determinants of growth of external debt in the modern time.

Ключевые слова: внешний долг, международное движение капитала, глобализация. Key words: external debt, international capital migration, globalization.

В современных условиях внешние источники финансирования играют важную роль в механизме национального воспроизводства. Рациональное использование внешних ресурсов позволяет интенсифицировать темпы экономического развития, наиболее задействовать внутренние факторы производства. Вместе с тем, непроизводительное использование, чрезмерный объём и нерациональная структура внешней задолженности могут способствовать возникновению долговых кризисов и замедлению деловой активности. При этом финансовая изоляция, намеренный отказ от преимуществ использования внешних ресурсов в динамике современных глобализационных процессов приводит к потере конкурентоспособности национальной экономики. В контексте данных обстоятельств возрастает роль внешней долговой политики в механизме долгосрочного экономического роста. Формирование научно-обоснованной системы государственного регулирования внешней задолженности должно опираться на развитом и прочном теоретическом базисе. Качественные изменения в практике хозяйствования требуют дальнейшего развития теоретического знания.

Существующие определения внешнего долга можно условно подразделить на две группы в зависимости от принципа учета внешних обязательств. В соответствии с валютным критерием, внешним долгом признаются обязательства, номинированные в иностранной валюте [1]. Подобная трактовка используется в России и в ряде западных стран (Франция, Бельгия, Австралия) при проведении учета и планировании внешних обязательств. Однако, в большинстве развитых стран применяется резидентный признак, в соответствии с которым внешний долг представляет собой обязательства резидентов перед нерезидентами. Значительные искажения реального объёма российского внешнего долга в 90-х гг. прошлого века при использовании валютного критерия снижали эффективность антикризисных мероприятий по предупреждению и урегулированию долгового кризиса.

В экономической литературе вместо термина «внешний долг» также употребляются: «внешняя задолженность», «внешнеэкономический долг», «внешнеэкономическая задолженность». В силу совпадения экономического содержания указанных терминов, последние в настоящем исследовании будут употребляться как эквивалентные. Приведем некоторые определения внешнего долга.

По мнению Т.А. Комышного внешний долг представляет собой «агрегированное монетарное выражение суммарной величины обязательств резидентов данного государства внешним кредиторам» [2].

М.А. Иванова в диссертационном исследовании, посвященной проблеме учета и анализа внешних займов, формулирует следующее определение: «внешний долг представляет собой обязательства государства, в денежном выражении, подлежащие возврату внешним кредиторам» [5].

А. Медани определяет внешний долг как внешние обязательства страны сроком действия более одного года, оплачиваемые резервной валютой, поставками товаров и услуг [21].

В соответствии рекомендациями международных организаций внешняя cзадолженность собой непогашенную «представляет CYMMY текущих безусловных обязательств резидентов перед нерезидентами, которая требует выплаты (выплат) процентов и/или основного долга в будущем» [15]. В настоящем исследовании при анализе внешней задолженности государств автор намерен придерживаться последнего определения, сформулированного специалистами МВФ.

Внешний долг – статический показатель, характеризующий результат внешних заимствований. По определению А.К. Шайхутдиновой внешние заимствования представляют собой «форму международного перемещения капитала, которая носит кредитный характер и порождает долговые обязательства между заемщиками и их международными кредиторами и служит для привлечения заемного капитала и его производительного использования в целях обеспечения устойчивого экономического развития страны» [16].

Внешние заимствования являются одной из форм международной миграции капитала, и включают в себя следующие составные элементы: экспортер капитала, ссудный капитал и

импортер капитала (рис. 1). В качестве импортера и экспортера капитала могут выступать государство, корпоративный сектор (банковский и прочий сектор). Ссудный капитал включает в себя денежный капитал и торговый капитал.

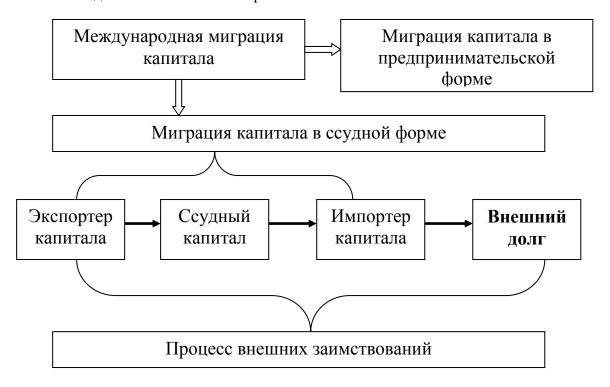

Рисунок 1 – Структура международного движения капитала

Внешние заимствования - представляют одну из форм международного движения капитала. Поэтому становление теоретических взглядов на причины возникновения внешней задолженности следует рассматривать в рамках теории международной миграции капитала. Первые теоретические подходы к анализу международного движения капитала можно усмотреть в работах основателей классической школы — А. Смита и Д. Рикардо [12; 14]. Разработанная ими теория абсолютных и сравнительных преимуществ доказывала преимущества международной торговли и специализации. Д. Рикардо обосновал целесообразность межстрановой миграции предпринимательского капитала, обусловленную наличием сравнительных преимуществ, повышающей эффективность использования факторов производства.

Позднее Дж. Ст. Милль дополнил теорию сравнительных преимуществ Д. Рикардо, обосновав условие равновесия международной торговли, которая обеспечивается сбалансированностью импорта и экспорта [10]. В соответствии со взглядами указанных авторов, образование внешней задолженности является результатом развития международной торговли и других форм мирохозяйственных связей.

В последней трети XIX в. французский экономист и математик Л. Вальрас на основе положений общего экономического равновесия сформулировал положение международной торговли («правило Вальраса») в соответствии с которым импорт равен экспорту и сальдо международной торговли активами [3]. Из этого следует, что диспропорции между объёмами

экспорта и импорта выравниваются соответствующим межстрановым движением капитала, что превращает внешнюю задолженность в средство балансирования международной торговли.

К. Маркс и его последователи связывали причину вывоза капитала в понижении нормы прибыли обусловленного его перенакоплением. Капитал в поисках прибыльного приложения перемещался в регионы с более высокой нормой прибыли. При этом перенакопление и снижение нормы прибыли, по мнению марксистов, отражают несовершенство капиталистического способа производства, основным противоречием которого является частнокапиталистический характер присвоения общественного труда.

В.И. Ленин усматривал в масштабном вывозе капитала в начале XX в. переход капитализма на высшую стадию развития – империализм – характеризующийся господством монополий [9]. В эпоху империализма экспорт капитала является основным орудием неоколониализма, средством эксплуатации и политического давления со стороны развитых капиталистических стран по отношению к менее развитым (Латинская Америка, Африка, Азия). Несмотря на определенную политизированность, марксистская теория содержит ряд рациональных положений относительно причин трансграничного перемещения капитала, роли монополий в вывозе капитала, а также наличия неэкономических стимулов такого вывоза. Таким образом, марксистское течение рассматривало внешнюю задолженность как результат экономической эксплуатации развитыми странами развивающихся.

Неоклассическая теория международного движения капитала сформировалась в 1-ой трети XX в. Основной вклад в её развитие внесли шведские экономисты Э. Хекшер, Б. Олин, американец Р. Нурксе. Неоклассики основную причину трансграничного движения усматривали в межстрановых различиях в предельной производительности капитала. Капитал перемещался в страны, где его цена выше. При этом наличие подобного различия обусловлено неодинаковой обеспеченностью факторами производства. Страны, испытывающие недостаток капитала, характеризуются более высокой нормой процента, и, соответственно, являются привлекательными для приложения капитала.

- Э. Хекшер и Б. Олин на основе теории сравнительных преимуществ Рикардо сформулировали концепцию соотношения факторов производства, объяснявшую причины возникновения сравнительных преимуществ [23]. В соответствии с данной концепцией наличие сравнительных преимуществ зависит от степени обеспеченности факторами производства: если страна обладает избыточным капиталом, то ей целесообразно экспортировать капитал, что логично связывает внешнюю задолженность с нехваткой капитала внутри страны-должника.
- Р. Нурксе разработал две модели движения капитала. В первой модели причиной движения капитала являются сдвиги в НТП, приводящие к изменению объема производства, вследствие чего возникает потребность в привлечении капитала. В соответствии со второй моделью динамика спроса на товары приводит к аналогичным последствиям подобно изменениям НТП в первой модели [22]. Из этого следует, что формирование внешней задолженности обусловлено динамикой деловой активности и развитием НТП.

В отличие от неоклассиков, акцентировавших внимание на микроэкономических аспектах проблемы, кейнсианцы переместили анализ в плоскость макроэкономики. Причину межстранового движения капитала кейнсианцы связывали с состоянием совокупных сбережений и инвестиций, а также с динамикой платежного баланса. Превышение внутренних сбережений над инвестициями образует излишек денежного капитала, что является предпосылкой для его экспорта за границу, и наоборот, нехватка сбережений стимулирует импорт капитала. Активный торговый баланс позволяет накапливать иностранные платежные средства, которые могут быть использованы для оплаты импорта или для экспорта капитала. В свою очередь, отрицательный баланс торговли необходимо компенсировать соразмерным импортом капитала. В этой связи, Ф. Махлуп выделял стимулированное и автономное движение капитала. Стимулированное — обусловлено колебаниями платежного баланса, автономное — не связано с платежным балансом [20].

Д. Аврамович на основе соотношения инвестиций и сбережений выделил три стадии развития экономики. На первой стадии – сбережения меньше инвестиций – страна является чистым дебитором; на второй стадии – инвестиции равны сбережениям – новые внешние займы используются для погашения прежних; на третьей стадии – сбережения больше инвестиций – страна является чистым кредитором, сбережения обеспечивают покрытие старых долгов [19].

Теорию Д. Аврамовича дополнил А. Медани, который отмечает, что страна, принимающая участие в международных кредитных отношениях, проходит через четыре стадии: чистый заёмщик, зрелый заёмщик, новый кредитор и зрелый кредитор [21]. Страна в стадии чистого заемщика характеризуется превышением инвестиционных возможностей над внутренними ресурсами, стадия «зрелый заемщик» наступает когда экспортные доходы достаточны для обслуживания внешнего долга и оплаты импорта, на стадии «новый кредитор» инвестиции за границу превышают вложения иностранцев в национальную экономику, на стадии «зрелый кредитор» отрицательный торговый баланс компенсируется доходами от финансовых вложений за границу.

Рассмотренные теоретические подходы к определению причин международного движения капитала акцентируют внимание на каком-либо одном аспекте проблемы. марксисты рассматривают движение капитала Неоклассики через призму микроэкономических концепций, при этом остаются неучтенными макроэкономические аспекты. Построения неокейнсианцев основаны исключительно на макроэкономических моделях без должного внимания к фундаментальным причинам, порождающим трансграничное движение капитала. Сложность и противоречивость этого движения требуют учета всех сторон при анализе причин его возникновения. В приведенных подходах не отражены современные элементы и явления мирового хозяйства, такие как глобализация финансов, роль мировой валютной системы, компьютеризация и информатизация экономики, и как следствие, минимизация транзакционных издержек, масштабная

либерализация внешнеэкономической сферы, усиление роли ТНБ и инвестиционных фондов в глобальном масштабе, возрастание объемов спекулятивных сделок и т.д.

Рассмотрим подходы отечественных авторов к проблеме возникновения внешней задолженности. Так, Е.И. Солдатова выделяет два условия возникновения внешнего долга: 1) в условиях экономического роста государство стремиться максимизировать уровень инвестиций; 2) в условиях рецессии государству необходимы средства для финансирования дефицита бюджета и стимулирования экономического роста [13].

В. Дмитриев считает, что «недостаток внутренних накоплений и сбережений представляет собой основную причинуширокого привлечения иностранных ресурсов (кредитов и инвестиций) для финансирования инвестиционного процесса» [4].

Современное формирование внешней задолженности, по мнению Б.А. Хейфец, в значительной степени детерминировано глобализацией финансов — «быстрым развитием рынка ссудных капиталов и формированием устойчивых кредитно-долговых взаимосвязей между различными государствами мира» [18].

По мнению Г. Минаева, главной причиной образования внешнего долга является разрыв в уровне социально-экономического развития развитых и развивающихся стран [11]. Л.Н. Федякина отмечает, что «в отношении развивающихся стран внешняя задолженность является новой формой зависимости, опасной и обременительной. Ее можно рассматривать в качестве «ссудной ловушки», которая из-за процентных платежей делает долг неоплатным и определяет его кумулятивный рост» [17].

Я. Андриясова подразделяет причины возникновения внешних заимствований на конъюнктурные и структурные. Конъюнктурные внешние заимствования «связаны с колебаниями спроса и предложения цен на рынках. Структурные внешние заимствования наиболее характерны для развивающихся стран, с плохо сформированной или недостаточно эффективной структурой хозяйствования» [2].

Наряду с этим, автор выделяет внешние и внутренние причины иностранных займов: «к внешним относятся: ухудшение условий внешней торговли, потеря зарубежных рынков, политика протекционизма в отношении стран-экспортеров. Внутренние факторы — бюджетный дефицит, инфляция, рост безработица, завышенный валютный курс» [2].

М. Канкулов отмечает три группы причин возникновения внешних заимствований: объективные обстоятельства; субъективные обстоятельства; случайные обстоятельства. Объективные обстоятельства определены причинами постоянного и периодического характера (цикличность экономического развития, государственное предпринимательство). Субъективные обстоятельства вызваны характером государственной политики в экономической, политической, военной, социальной сферах и т.д. (военные действия, международные конфликты, восстания). Случайные обстоятельства обусловлены особенностями природно-климатических условий (землетрясение, наводнения) [6].

Рассмотренные причины возникновения внешней задолженности можно объединить в две основные группы: 1) причины, связанные с нехваткой капитала и 2) причины, связанные с более благоприятными условиями заимствований на внешних рынках, проявляющиеся

доступности финансовых посредством низкой стоимости И ресурсов, развитой институциональной структурой зарубежных финансовых рынков, низкими издержками привлечения внешних средств (табл. 1). В данном случае, наглядным примером служит ситуация российской экономике, характеризующейся стремительным корпоративного внешнего долга в условиях значительного объема накопленных валютных резервов.

Таблица 1 – Группировка причин возникновения внешней задолженности государств

нехватка капитала	благоприятные условия внешних заимствований		
превышение валовых инвестиций над валовыми сбережениями (кейнсианская теория, Аврамович Д., Медани Д.)	низкая стоимость внешних ресурсов вследствие наличия абсолютных и относительных преимуществ (классическая теория, Смит А., Рикардо Д.)		
сдвиги в НТП и в структуре спроса, приводящие к изменнию производства и увеличивающие потрбность в капитале (Нурксе Р.)	понижение нормы прибыли в развитых странах (марксистская теория)		
отставание в уровне развития развитых и развивающихся стран (Минаев Г., Федякина Л.)	низкая стоимость заёмных средств в развитых странах (Олин Б., Хекшер Э.)		
нехватка внутренних ресурсов для финансирования инвестиций и дефицита госбюджета (Солдатова Е., Дмитириев В., Андриясова Я., Канкулов М.)	развитие рынка ссудных капиталов, обусловленное глобализацией финансов (Хейфец Б.)		

Можно выделить следующие группы факторов, способствующие образованию внешней задолженности: инвестиционные, структурные, непрогнозируемые, спекулятивные и внешние (рис. 2). *Инвестиционные факторы* проявляются на стадии роста экономики и связаны с потребностью в ресурсах для финансирования инвестиций в реальный сектор экономики.

Рисунок 2 – Причины и факторы возникновения внешней задолженности

Структурные факторы актуализируются в стадии рецессии экономики, в условиях кризиса государственных финансов, кризиса внешней задолженности, необходимостью финансирования дефицита бюджета, стимулирования деловой активности и обслуживания накопленных долговых обязательств. Непрогнозируемые факторы имеют случайную природу и возникают в условиях стихийных бедствий, военных операций, требующих аккумулирования ресурсов ДЛЯ преодоления последствий данных неблагоприятных событий. Спекулятивные факторы проявляются в условиях плохого государственного регулирования финансовых рынков и трансграничного движения капитала, и связаны с проведением спекулятивных операций банковским и нефинансовым сектором. Внешняя сформированная под задолженность, воздействием структурных, непрогнозируемых и спекулятивных факторов носит непроизводительный характер и может в перспективе способствовать возникновению проблем с обслуживанием внешнего долга.

В современных условиях роль внешних факторов в росте внешней задолженности государств носит доминирующий характер. Внешние факторы обусловлены экспансией транснациональных банковских и небанковских структур на рынки развитых и периферийных стран. При этом ссудный капитал выступает одним из инструментов расширения рынков сбыта ТНК. Экспансия транснационального бизнеса на мировые рынки обусловлена следующими особенностями современного этапа развития мирового хозяйства:

- перенакопление ссудного капитала В промышленно-развитых странах, обусловленное тенденцией преобладания фиктивного капитала над реальным и недостатками институциональной структуры мировой валютной системы, формирующей предпосылки для генерации избыточного капитала. Под фиктивным капиталом следует понимать «капитал обособившийся, получивший самостоятельное движение форма ссудного капитала, создающий иллюзию их самостоятельного существования как действительного капитала наряду с тем капиталом, титулами которого они являются» [8];
- усиление конкуренции транснациональных структур в глобальном масштабе за рынки сбыта и территории для размещения производств;
- снижение транзакционных издержек экспорта капитала, связанное с интенсификацией процесса глобализации мирового хозяйства и развитием НТП.

Экспорт ссудного капитала транснациональными структурами отвечает разнонаправленным интересам участников кредитных отношений: с одной стороны, способствует расширению рынков сбыта ТНК, с другой, при эффективном использовании позволяет интенсифицировать темпы экономического развития стран-реципиентов капитала. Вместе с тем, непроизводительное использование внешних ресурсов приводит к возникновению проблем с обслуживанием внешнего долга и снижению деловой активности в странах-должниках. Таким образом, внешние факторы формирования внешнего долга могут иметь двоякое воздействие на экономическое развитие.

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

- основными причинами возникновения внешней задолженности являются нехватка внутренних ресурсов и благоприятные условия внешних заимствований в сравнении с внутренними. К факторам образования внешнего долга относятся: инвестиционные, структурные, непрогнозируемые, спекулятивные и внешние. Инвестиционные факторы способствуют интенсификации темпов экономического развития, внешние имеют двойственный характер воздействия на экономику, остальные могут привести к проблемам с обслуживанием внешнего долга;
- доминирующим фактором роста внешней задолженности в современных условиях являются внешние, обусловленные деятельностью транснациональных структур. Экспорт ссудного капитала, являясь инструментом внешнеэкономической политики ТНК, отвечает разнонаправленным интересам субъектов кредитных отношений.

Литература

- 1. *Бюджетный Кодекс РФ*, глава 14, от 31.07.1998, № 145-ФЗ: [Электронный ресурс] / Справочная правовая система «КонстультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/budget/56_18.html#p2390, (дата обращения: 02.11.2012).
- 2. *Андриясова, Я. А.* Механизм государственного регулирования внешнего долга России: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Яна Алексеевна Андриясова. М., 2002. 122 с.
 - 3. Вальрас, Л. Элементы чистой политической экономии или Теория

- общественного богатства / Л. Вальрас. М.: Изограф, 2000. 448 с.
- 4. Дмитриев, В. А. Внешние заимствования государств: теоретический, практический и региональный аспекты // Деньги и кредит. -2006. -№10. -C. 10.
- 5. *Иванова, М. А.* Учет, анализ и контроль внешних заимствований: автореф. дис. ... док. экон. наук: 08.00.12 / Маргарита Анатольевна Иванова. М., 2008. 49 с.
- 6. *Канкулов, М. Х.* Совершенствование механизма управления государственным внешним долгом Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10 / Муаед Хажмусович Канкулов. М., 2008. 27 с.
- 7. *Комышный, Т. А.* Инструменты управления внешним долгом: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10 / Тарас Александрович Комышеый. М., 2002. 163 с.
- 8. *Куклина, С. К.* Фиктивный капитал и особенности его движения в современной экономике: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Саяна Кимовна Куклина. Улан-Удэ, 2010. 20 с.
- 9. *Ленин, В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма / В. И. Ленин. М.: ЛКИ, $2010.-120~\rm c.$
- 10. *Милль*, Дж. Ст. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии: пер. с англ. / Дж. Ст. Милль. М.: Эксмо, 2007. 1040 с.
- 11. *Минаев,* Γ . A. Новые подходы к урегулированию внешней задолженности: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / Григорий Анатольевич Минаев. M., 2005. 189 с.
- 12. Риккардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения: пер. с англ. / Д. Риккардо. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
- 13. *Солдатова*, *Е. И.* Воздействие внешнеэкономической задолженности на ВВП стран с переходной экономикой: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / Елена Игоревна Солдатова. М., 2007. 159 с.
- 14. *Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов: пер. с англ. / А. Смит. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
- 15. Статистика внешнего долга: руководство для составителей и пользователей: пер. с англ. / Международный Валютный Фонд. 2003.–332 с.
- 16. *Шайхутдинова*, А. К. Внешние заимствования: тенденции и перспективы развития в Республике Казахстан: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10 / Айгуль Карбаевна Шайхутдинова. Астана, 2010. 29 с.
- 18. Хейфец, Б. А. Проблемы управления внешним долгом и зарубежными активами в условиях глобализации: на примере России: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.14 / Борис Аронович Хейфец. М., 2001. 367 с.
 - 19. Avramovich, D. Economic growth and external debt // Baltimor. John's Hopkins

Press. – 1964.

- 20. *Machlup*, *F*. International Trade and National Income Multiplier. NewYork: M. Kelley. 1965. 237 p.
- 21. *Medani*, *M*. *A*. External debts, growth and peace in the Sudan.Some serious challenges facing the country in the post-conflict era / Chr. Michelsen Institute Report. 2008. 75 p.
- 22. *Nurkse*, *R*. Problems of Capital Formation in Underdeveloped Countries; Patterns of Trade and Development. [reprinted] New York: Oksford University Press. 1967. 226 p.
- 23. *Ohlin*, *B*. Interregional and International Trade // Cambridge, MA: Harvard University Press. 1933. Revised version published in 1968.

УДК 658.5

БИЗНЕС-МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ BUSINESS MODELING AS THE MECHANISM OF REALIZATION OF INVESTMENT PROJECTS

Буниатова А.Р., канд. экон. наук, ст. преподаватель кафедры управления проектами и инновациями, ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Buniatova A.R., candidate of economic sciences, senior lecturur, North Caucasus Federal University

e-mail: anna ru bu@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается история развития, сущность и методология моделирования бизнес-процессов, а также процессный подход к управлению.

The summary: In article the development history, essence and methodology of modeling of business processes, and also a process approach to management is considered.

Ключевые слова: бизнес-процесс, моделирование бизнес-процессов, процессный подход, реинжиниринг бизнес-процессов.

Keywords: business process, modeling of business processes, the process approach, reengineering of business processes.

В последнее время моделирование бизнес-процессов становится все более популярным инструментарием, позволяющим достаточно эффективно анализировать «узкие места» в управлении и оптимизировать общую схему бизнеса. С точки зрения современных воззрений бизнес-моделирование представляет собой разработку модели деятельности организации с целью решения определенных задач, стоящих перед ее менеджерами.

Существует множество определений термина «моделирование бизнес-процессов» это:

- описание бизнес-процессов предприятия, позволяющее руководителю знать, как работают рядовые сотрудники, а рядовым сотрудникам как работают их коллеги и на какой конечный результат направлена вся их деятельность;
 - эффективное средство поиска возможностей улучшения деятельности предприятия;
- средство позволяющее предвидеть и минимизировать риски, возникающие на различных этапах реорганизации деятельности предприятия;
- метод, позволяющий дать оценку текущей деятельности предприятия по отношению к требованиям, предъявляемым к его функционированию, управлению, эффективности, конечным результатам деятельности и степени удовлетворенности клиента;
- метод, позволяющий дать стоимостную оценку каждому процессу, взятому в отдельности, и всем бизнес-процессам на предприятии, взятым в совокупности;

- всегда верный способ выявления текущих проблем на предприятии и предвидения будущих;
- позволяет проанализировать не только, как работает предприятие в целом, как оно взаимодействует с внешними организациями, заказчиками и поставщиками, но и как организована деятельность на каждом отдельно взятом рабочем месте.

В современной практике моделирования управленческой и производственной деятельности для обозначения объектов моделирования принято использовать термин «бизнес-процесс».

Основополагающей базой современных подходов к управлению является процессный подход, который предполагает определение набора бизнес-процессов, выполняемых в организации, и дальнейшую работу с ними. Предлагаемые сегодня системы управления базируются на следующих основных подходах [1]:

TQM (Total Quality Management) – система всеобщего управления качеством;

PIQS (Process Integrated Quality System) – система менеджмента качества, интегрированная с бизнес-процессами;

ИСО серии 9000 версия 2000 года – регламентирующие требования к системам менеджмента качества;

WFWS (Work Flow Management System) – система управления потоками работ;

ERP (Enterprise Resource Planning) – комплексная система планирования и управления ресурсами организации [2].

Имея модель предприятия, всех его бизнес-процессов, сориентированных на конкретную цель, открывается возможность его совершенствования. Анализ предприятия как модели — это удобный способ ответа на вопрос, что необходимо и достаточно для достижения конкретной поставленной цели [3].

Каждая операция на предприятии предполагает материальные затраты и затраты на оплату труда работников. Средства моделирования открывают дополнительную возможность – проведение стоимостного анализа бизнес-процессов. Стоимостной анализ представляет собою соглашение об учете, используемое для сбора затрат, связанных с работами, с целью определить общую стоимость бизнес-процесса. С помощью стоимостного анализа модели процесса можно решить такие задачи как:

- определение действительной стоимости производства продукта;
- определение действительной стоимости поддержки клиента;
- идентификация работ, которые стоят больше всего;
- обеспечение менеджеров предприятия финансовой мерой предлагаемых изменений,
 то есть оценкой эффекта предлагаемых изменений в бизнес-процессах с финансовой точки зрения.

Одной из первых и наиболее известных и распространенной методик является методология структурного анализа SADT (Structured Analysis and Design Technique). На основе этой методологии был принят стандарт моделирования бизнес-процессов IDEF0.

IDEF0 принят в качестве стандарта в нескольких международных организациях, в том числе в НАТО и МВФ. ВРwin является инструментальным средством, полностью поддерживающим стандарт IDEF0.

Чтобы рассматривать сущность бизнес-моделирования необходимо, прежде всего, определиться с основными понятиями, его описывающими:

- бизнес-процесс устойчивая, целенаправленная совокупность взаимосвязанных видов деятельности, которая по определенной технологии преобразует входы в выходы, представляющие ценность для потребителя;
- владелец бизнес-процесса должностное лицо, которое имеет в своем распоряжении персонал, инфраструктуру, программное и аппаратное обеспечение, информацию о бизнес-процессе, управляет ходом бизнес-процесса и несет ответственность за результаты и эффективность бизнес-процесса;
 - вход бизнес-процесса ресурс, необходимый для выполнения бизнес-процесса;
 - выход бизнес-процесса результат (продукт, услуга) выполнения бизнес-процесса;
- документооборот система документального обеспечения деятельности организации;
- заказчик должностное лицо, имеющее ресурсы и полномочия для принятия решения о проведении работ по описанию, регламентации и аудиту (проверке) бизнеспроцесса;
- модель графическое, табличное, текстовое, символьное описание бизнес-процесса либо их взаимосвязанная совокупность;
- процессный подход применение для управления деятельностью и ресурсами организации системы взаимосвязанных процессов;
- показатели бизнес-процесса количественные и/или качественные параметры,
 характеризующие бизнес-процесс и его результат;
- показатели эффективности бизнес-процесса параметры бизнес-процесса,
 характеризующие взаимоотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами;
 - показатели продукта (услуги) параметры продукта бизнес-процесса;
 - поставщик субъект, поставляющий ресурсы;
 - потребитель (клиент) субъект, получающий результат бизнес-процесса;
 - операция (работа) часть бизнес-процесса;
- регламент бизнес-процесса (описание бизнес-процесса) документ, описывающий последовательность операций, ответственность, порядок взаимодействия исполнителей и порядок принятия решений по улучшениям;
- ресурсы информация (документы, файлы), финансы, материалы, персонал, оборудование, инфраструктура, среда, программное обеспечение, необходимые для выполнения бизнес-процесса;
 - сеть бизнес-процессов организации совокупность взаимосвязанных и

взаимодействующих бизнес-процессов, включающих все функции, выполняемые в подразделениях организации;

функция – направление деятельности элемента организационной структуры,
 представляющее собой совокупность однородных операций, выполняемых на постоянной основе.

Процессный подход к управлению наиболее полно сформулирован в МС ИСО 9000:2000: «Любая деятельность или совокупность деятельности, в которой используются ресурсы для преобразования входов в выходы, может рассматриваться как процесс». МС ИСО 9000:2000, определяющий требования к системе менеджмента качества, можно рассматривать как руководство для построения эффективной системы менеджмента любой организации [1].

Под методологией создания модели (описания) бизнес-процесса понимается совокупность способов, при помощи которых объекты реального мира и связи между ними представляются в виде модели. Любая методология включает три основных составляющих: теоретическую базу; описание шагов, необходимых для получения заданного результата; рекомендации по использованию как отдельно, так и в составе группы методик.

Основное в методологии — дать пользователю практическую последовательность шагов, которые приводят к заданному результату. Именно способность получать результат с заданными параметрами характеризует эффективность методологии. Методологии могут использоваться как отдельно, так и в ряду других методологий. Примером такой ситуации может быть проект реорганизации бизнес-процессов, когда методология создания моделей процессов является одной из применяемых методологий [1].

Рассмотрим вкратце историю развития методологий моделирования бизнеспроцессов. Для более наглядного представления в таблице 1 показана история развития подходов к управлению качеством:

	rwormaw r rroprioger pwestirm negateges n	J P			
Период	Методологии моделирования бизнес-процессов	Методологии (стандарты)			
	•	управления качеством			
40-60-е гг.	Появление алгоритмических языков описания	Национальные стандарты			
XX B.	•	•			
60-е годы	Появление методологии SADT (структурного	Развитие стандартов в			
XX B.	анализа и проектирования)	различных областях, в			
		частности, в области контроля			
		качества продукции			
70-80-е гг.	Появление методологий серии IDEF (IDEF0,	Принятие МС ИСО серии 9000			
XX B.	IDEF3, IDEF1X), DFD, ERD	версии 1988г.			
90-е гг.	Появление методологий ARIS (архитектура	Принятие МС ИСО серии 9000			
XX B.	интегрированных информационных систем),	версии 1994 г. (в стандартах			
	UML (универсальный язык моделирования),	закладываются основы			
	методологий компаний Oracle, Baan, Rational и	процессного подхода)			
	др.				
2000г.	Принятие МС ИСО серии 9000 версии 2000 г., четкое определение процессного				
	подхода к управлению организацией				

Таблица 1 – Периоды развития подходов к управлению качеством

В настоящее время на рынке присутствует несколько методологий. Часть из них основана на государственных стандартах, часть — на корпоративных разработках компаний, часть — выдвинута отдельными авторами. Целесообразно классифицировать существующие методологии по трем категориям: методологии ведения проекта; методологии моделирования и анализа бизнес-процессов; методологии использования программных продуктов для моделирования бизнес-процессов в проекте [1].

В настоящее время существует несколько достаточно четко идентифицируемых методологий ведения проектов, связанных с изменением бизнес-процессов, существующих в организации. Одним из известных подходов, является методология Хаммера и Чампи, известная как «реинжиниринг бизнес-процессов». Реинжиниринг по Хаммеру и Чампи – это «фундаментальное переосмысление и радикальное перепроектирование деловых процессов для достижения резких, скачкообразных улучшений в решающих, современных показателях деятельности компании, таких как стоимость, сервис и темпы». Основой указанного подхода является рассмотрение деятельности организации «с чистого листа» и разработка новых, более эффективных бизнес-процессов. Из аналитических материалов зарубежной прессы известно, что 80-90% проектов, заявленных как проекты реинжиниринга бизнес-процессов, потерпели неудачу. Проблемы здесь следует искать не в самой методологии Хаммера и Чампи, а в способах управления организацией, в частности, в заинтересованности руководителей верхнего уровня и их активном участии в проекте. Для сегодняшнего момента можно было бы переформулировать определение реинжиниринга бизнес-процессов как деятельность, основанную на представлении организации в виде ряда взаимосвязанных бизнес-процессов и направленную на их регулярный анализ и улучшение.

Ко второй группе методологий относятся методологии моделирования и анализа бизнес-процессов. В настоящее время существует несколько базовых способов описания процессов, основанных как на стандартах (IDEF0), так и на общепринятых подходах (DFD). Кроме того, существует ряд нотаций (методологий) описания процессов, предложенных отдельными компаниями – разработчиками программных продуктов. К числу последних относятся методологии ARIS (eEPC) компании IDS Scheer AG, Германия.

К третьей группе методологий относятся методологии использования программных продуктов для создания моделей бизнес-процессов. Следует отметить, что знать нотацию и уметь ее эффективно использовать на практике — далеко не одно и то же. Современные средства моделирования настолько сложны в применении, что требуют разработки специальных методик их применения в проекте. Поэтому для простых проектов часто бывает целесообразнее использовать стандартный язык рисования блок-схем и простейшие инструменты их создания (редакторы MS Word, Visio и др.).

Следует отметить, что методологии являются не самоцелью, а лишь средством достижения целей проекта. Методология моделирования бизнес-процессов — это только одна из нескольких используемых методологий.

Целесообразно дать следующее определение термина «моделирование бизнеспроцессов» организации.

Моделирование бизнес-процессов — это отражение субъективного видения реально существующих в организации процессов при помощи графических, табличных, текстовых способов представления.

Для определения понятия «процессный подход к управлению», помимо понятий «бизнес-процесс» и «моделирование процесса», необходимо ввести понятия «сеть бизнес-процессов организации» и «цикл управления процессом». Рассмотрим следующее определение сети бизнес-процессов организации.

Сетью бизнес-процессов организации называется совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих бизнес-процессов, включающих все функции, выполняемые в подразделениях организации.

Сеть процессов является результатом, который может быть использован для дальнейших работ по улучшению системы управления организации, например, внедрению системы менеджмента качества, соответствующей требованиям МС ИСО 9001:2000. Возможно и другое использование сети процессов — выбор приоритетных процессов для организации, детальное моделирование и анализ выбранных процессов, последующая реорганизация (реинжиниринг) процессов. Важно то, что как руководители, так и исполнители имеют комплексную картину процессов организации и могут принимать адекватные решения.

Для определения процессного подхода к управлению необходимо рассмотреть так называемый цикл PDCA. Этот цикл управления традиционно носит название «цикл Деминга». Цикл Деминга включает четыре шага: планирование процесса (Plan), выполнение процесса (Do), анализ показателей эффективности процесса (Check), корректировка процесса (Act).

Система управления складывается, как минимум, из двух уровней. Управленческие решения принимают: а) генеральный директор («первое лицо») – п. 5.6 МС ИСО 9000:2000; б) владелец процесса – руководитель, отвечающий за эффективность процесса, п. 8.4 МС ИСО 9000:2000.

Система управления основана на обязательных регламентированных обратных связях, описанных в цикле PDCA.

При проведении анализа используются четыре основных потока информации: показатели процесса; показатели продукта; показатели удовлетворенности потребителя; результаты аудитов процессов.

Стандарт требует установить эти показатели, методики сбора, обработки информации, границы показателей для нормального хода процесса и критерии для принятия корректирующих действий. Управленческое решение об изменении регламентов или ресурсов должно приниматься на основании строгих фактов.

Необходимо назначить ответственных — владельцев процессов, которые управляют процессами, отвечают за их результативность и обладают необходимыми ресурсами и полномочиями. Их взаимодействие должно быть определено и формализовано.

Принцип PDCA тиражируется на нижние уровни управления (принятия решения), если это целесообразно [4].

Процессный подход к управлению организацией рассматривается как применение для управления деятельностью и ресурсами организации системы взаимосвязанных процессов. При внедрении процессного подхода к управлению используются следующие методики:

- создания сети бизнес-процессов;
- определения владельцев бизнес-процессов;
- моделирования (описания) бизнес-процессов;
- регламентации бизнес-процессов;
- управления бизнес-процессами на основе цикла PDCA;
- аудита бизнес-процессов.

Ключевыми моментами для внедрения процессного подхода к управлению являются:

- 1) определение и описание существующих бизнес-процессов и порядка их взаимодействия в общей сети процессов организации;
- 2) четкое распределение ответственности руководителей за каждый сегмент всей сети бизнес-процессов организации;
 - 3) определение показателей эффективности и методик их измерения;
 - 4) разработка и утверждение регламентов, формализующих работу системы;
- 5) управление ресурсами и регламентами при обнаружении отклонений, несоответствий в процессе или продукте или изменений во внешней среде (в том числе изменение требований заказчика) [1].

Возможность 1. Процессный подход позволяет оптимизировать систему корпоративного управления, сделать ее прозрачной для руководства и способной гибко реагировать на изменения внешней среды. При внедрении процессного подхода регламентируются:

- порядок планирования целей и деятельности;
- взаимодействие между процессами и подразделениями организации;
- ответственность и полномочия владельцев процессов и других должностных лиц;
- порядок действий сотрудников в нештатных ситуациях;
- порядок и формы отчетности перед высшим руководством;
- система показателей, характеризующих результативность и эффективность деятельности организации в целом и его процессов;
- порядок рассмотрения результатов деятельности и принятие управленческих решений по устранению отклонений и достижению плановых показателей.

Внедрение в организации процессного подхода в первую очередь подразумевает работу по описанию и регламентации бизнес-процессов, в рамках которой:

- 1) проводится распределение ответственности за результаты работ, входящих в состав процессов;
 - 2) определяется система взаимодействия процессов между собой, а также с

внешними поставщиками и потребителями;

- 3) определяется перечень документации, необходимой для функционирования процессов;
 - 4) составляется график разработки и внедрения этой документации;
- 5) устанавливаются показатели деятельности процессов, способы и формы сбора информации и порядок отчетности перед руководителями;
- 6) определяются границы показателей, характеризующие нормальное течение процессов;
- 7) устанавливаются критерии, по которым начинается работа по устранению причин отклонения.

Возможность 2. Процессный подход позволяет получить и использовать систему показателей и критериев оценки эффективности управления на каждом этапе производственной/управленческой цепочки. Система показателей, построенная в рамках процессного управления, структурируется по четырем направлениям:

- показатели результата деятельности отдельных процессов и организации в целом;
- показатели эффективности деятельности отдельных процессов и организации в целом;
 - показатели продуктов, производимых процессами организации;
 - показатели удовлетворенности клиентов результатами деятельности организации.

Возможность 3. Процессный подход обеспечивает уверенность у соучредителей организации в том, что существующая система управления нацелена на постоянное повышение эффективности и максимальный учет интересов заинтересованных сторон поскольку:

- система основана на измерении показателей деятельности организации,
 планировании и достижении непрерывного улучшения результатов деятельности;
- система направлена на удовлетворение потребностей пяти групп лиц, заинтересованных в деятельности организации: соучредители (инвесторы); потребители на рынке; персонал организации; поставщики; общество.

Возможность 4. Разработанная и внедренная система управления бизнес-процессами обеспечивает реализацию в организации процессного подхода в соответствии с требованиями МС ИСО 9000:2000 и получение соответствующего сертификата.

Возможность 5. Внедрение процессного подхода к управлению и построение системы менеджмента качества гарантирует четко определенный порядок и ответственность за разработку, согласование, утверждение и ведение документации.

Возможность 6. Основой процессного подхода к управлению является принятие решений, основанное на фактах, поэтому большое значение имеет наличие в организации информационной системы. Внедряемая в организации информационная система позволяет получать владельцам процессов объективную информацию для ведения управления в том случае, если она строится в рамках единой системы управления организацией на основе

процессного подхода. В том случае, если система автоматизации внедряется без учета потребностей реального управления организацией, то очень велика вероятность неудачного завершения такого проекта.

Многие проекты, проводившиеся в России и мире, были связаны с моделированием бизнес-процессов, анализом и реорганизацией этих процессов. Часто подобные проекты назывались «моделирование и реорганизация бизнес-процессов компании», «реинжиниринг бизнес-процессов компании», «реорганизация бизнес-процессов и подготовка к автоматизации предприятия и т.д. В силу многих причин эти проекты оказывались неудачными, особенно, когда определяли неразумно короткие сроки для их выполнения. Однако наиболее губительными для проектов являются следующие причины:

- отсутствие «лидерства руководителя», прямо прописанного в восьми принципах менеджмента качества МС ИСО 9000:2000;
- отсутствие команды управленцев верхнего уровня, заинтересованности и участия руководства;
- некорректная постановка целей проекта, непонимание сути и реальных возможностей процессного подхода;
- попытки решить проблемы без участия руководителей и менеджеров организации силами рабочей группы;
 - отсутствие внутренних стандартов на описание и регламентацию бизнес-процессов;
 - неэффективное применение инструмента моделирования бизнес-процессов;
 - оторванность от проекта среднего звена управления;
 - недостаточное освещение целей и результатов проекта внутри организации;
 - сопротивление персонала организации изменениям [1].

Первой наиболее серьезной причиной неудач проектов является отсутствие команды управленцев верхнего уровня, непонимание руководством процессного подхода к управлению, нежелание что-либо реально менять в организации. Причины неудач проектов на 80% обусловлены человеческим фактором и среди них на 70-80% — недостаточным участием «первого лица» в этом процессе. Заказчиком данного проекта может выступать только он и никто другой, иначе сначала высшее руководство, а затем и руководители среднего уровня будут воспринимать проект как дополнительную обузу и саботировать его.

Вторая важнейшая проблема – некорректная постановка целей проекта. Очень часто вследствие искаженного понимания основ процессного подхода к управлению от рабочей группы требуют тех результатов, для достижения которых нет либо достаточного времени, либо ресурсов, либо заинтересованности руководства. Кроме того, если в работу по реорганизации процессов не вовлечены руководители и сотрудники, которые их выполняют, то такая работа обречена на неудачу на 80-90%.

Третьей важнейшей причиной неудач является отсутствие в организации утвержденной методики ведения проекта и моделирования бизнес-процессов. Ситуация по моделированию процессов часто выходит из-под контроля. Получаемые модели оказываются совершенно непригодными для дальнейшей работы по анализу, реорганизации, внедрению

процессного подхода к управлению в организации.

Неэффективное использование программных продуктов, предназначенных для моделирования бизнес-процессов, является четвертой причиной неудач проектов [1]. Часто возникает ситуация, когда сотрудники организации не могут (отсутствие обучения) или не хотят (отсутствие мотивации) читать формируемые рабочей командой схемы бизнеспроцессов. В этом случае в неудачах обвиняют систему, хотя правильнее обратить внимание на нежелание сотрудников учиться и осваивать новые технологии.

Большинство проектов по реорганизации бизнес-процессов в российских организациях не выходит за пределы использования интуиции и опыта, при которой есть некоторый результат. Типовой сценарий развития событий в общих чертах следующий: ставятся «правильные» цели, инициируется проект (этап 1), создается описание бизнеспроцессов (этап 2), осуществляются попытки провести их анализ и приступить к реорганизации (этап 3). Большинство организаций испытывают значительные трудности именно на третьем этапе, когда необходимо получить определенные результаты. Не получив быстрых, измеримых результатов, предвидя длительную, кропотливую работу, руководство организаций сворачивает работы по проекту. Начинается поиск очередных «модных» подходов к управлению, способных «повысить» конкурентоспособность организации.

Тем не менее, очевиден факт, что процессный подход к управлению все сильнее закрепляет свои позиции в качестве эффективного инструментария в менеджменте. Также очевиден неуклонный переход от теряющих позиции традиционных иерархических схем описания систем управления к моделированию бизнес-процессов. Практический пример успешного внедрения процессного подхода в управлении реализацией проектов можно уже сейчас увидеть не только у западных компаний, но и у многих российских.

Литература

- 1. Репин, В.В. Процессный подход к управлению. Моделирование бизнес-процессов / В.В. Репин, В.Г. Елиферов. М.: Стандарты и качество. 2004. 408 с.
- 2. Verma V., Managing the Project Team. The Human Aspects of Project Management. V.3, Pennsylvania, PA: PMI, 1997. pp. 296.
- 3. Kerzner H. Project managament. A system approach to planning, scheduling and controlling. N.Y., 1998. pp. 198.
- 4. Черемных, С.В. Структурный анализ систем: IDEF-технологии / С.В. Черемных, И.О. Семенов, В.С. Ручкин. М.: Финансы и статистика, 2003. 208 с.

УДК 330

OTPACЛЕВЫЕ СОЮЗЫ И ОБЪЕДИНЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В CUCTEME ПОДДЕРЖКИ ЭКСПОРТА INDUSTRY AND BUSINESS ASSOCIATIONS IN THE SYSTEM OF EXPORT SUPPORT

Блудова С. Н., кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, НОУ ВПО « Северо-Кавказский гуманитарный институт»

Bludova S.N., candidate of economics, docent, docent of the department of accounting and audit, North-Caucasus Humanitarian Institute

e-mail: bludo@inbox.ru

Аннотация: Рассмотрена роль отраслевых союзов и объединений предпринимателей в системе поддержки экспорта и предложены меры по совершенствованию их деятельности

Annotation: Examined the role of industry and business associations in the system of export support and suggest measures to improve their performance

Ключевые слова: отраслевой союз, ассоциация, экспорт, институты поддержки ВЭД. Key words: industrial union, association, export, foreign trade support institutions.

За последние годы в организации внешнеэкономической деятельности России обозначилась новая весьма важная и перспективная тенденция объединения предприятий, осуществляющих деятельность на внешних рынках. Возникли и действуют союзы производителей и экспортеров лесоматериалов, рыбы, металлопродукции, минеральных удобрений, машиностроения, зерна, нефти и др.

Принципиальная особенность отраслевых союзов состоит в том, что они создаются на добровольной основе различными хозяйствующими субъектами и объединяют как производственные, так и внешнеторговые предприятия. Таким образом можно говорить о том, что сформирован новый институт, целью которого является представительство интересов своих членов перед государственными органами и всестороннее содействие им в работе на внешних рынках.

Опыт большинства зарубежных стран свидетельствует, что отраслевые объединения производителей и экспортеров достаточно эффективно действуют в условиях рыночной экономики. Основным принципом такого взаимодействия является четкое разграничение функций. Отраслевые союзы совместно с государственными органами участвуют в разработке нормативно-правовой базы, определяют основные составляющие внешнеэкономической стратегии, занимаются научными разработками, стандартизацией и статистикой. Например, Немецкий союз машиностроителей определяет высокие требования к техническому уровню продукции, производимой входящими в него предприятиями; квотирует производство; определяет объемы экспорта; ведет переговоры с правительством о льготах той или иной отрасли.

Основная причина слабости отечественных отраслевых союзов заключается в том, что органы государственной власти России все еще не воспринимают отраслевые союзы в качестве структур, с мнением которых необходимо считаться. Никакого реального влияния на проводимую государством политику в своей отрасли союзы и ассоциации оказать не могут.

Второй причиной является слабое понимание некоторыми союзами стратегии, а главное - тактики своей деятельности. Имеют место абстрактные Декларации о «лоббировании интересов предприятий». Многие отраслевые союзы не имеют четкого плана деятельности и ограничиваются популистскими акциями.

Третья причина является неизбежным следствием первых двух - финансовая слабость российских отраслевых союзов. Большинство руководителей союзов говорит о том, что сознание руководства российских предприятий не доросло до необходимости финансовой поддержки своего отраслевого объединения.

Изменения, происходящие в экономике, политике и сфере государственного управления, создают реальные предпосылки для консолидации предпринимательства, укрепления взаимодействия бизнеса и власти, повышения роли общественных организаций предпринимателей в процессе выработки и реализации стратегии социально-экономического развития России.

Несмотря на существующие проблемы, в целом система предпринимательских объединений становится более упорядоченной и организованной, происходит углубление и диверсификация их отраслевой направленности.

Большинство объединений предпринимателей находятся на этапе интенсивного развития. Они демонстрируют примеры высокой организованности и играют заметную роль в развитии различных отраслей или видов предпринимательской деятельности, ориентируясь на выражение конкретных интересов предпринимателей, объединенных общим рынком товаров или услуг, и имеющих общие интересы и потребности. Это, в частности, транспортные ассоциации, союзы парфюмерно-косметической, текстильной и легкой промышленности, ассоциации малого бизнеса, страховые и банковские объединения, аграрно-промышленные союзы и ассоциации и другие.

Одной наиболее эффективно функционирующих ассоциаций Национальная Ассоциация экспортеров сельскохозяйственной продукции. Ассоциация была образована 16 марта 2011 года в Москве ведущими операторами зернового рынка, доля экспорта зерна которых за последние 3 года составляет более 80%, и компаниями, осуществляющими логистическое обеспечение экспортных поставок. Основные стратегические задачи НАЭСП - совершенствование экспортной политики России, увеличение экспортного зернового потенциала, развитие элеваторной, транспортной и портовой инфраструктуры, обеспечение эффективности инвестиционной привлекательности аграрного производства.

Организаторы Ассоциации констатируют, что в настоящее время для эффективного и динамичного развития рынка зерна недостаточно только административных рычагов.

Решение данной задачи требует формирования системы самоорганизации бизнеса, а также конструктивного взаимодействия бизнеса в лице профессиональных ассоциаций и власти. Основной функциональной задачей НАЭСП является выполнение роли связующего звена между структурами власти и бизнес-сообществом, обеспечение конструктивного диалога и выражение совокупного мнения компаний — представителей отрасли по актуальным вопросам развития зернового рынка России.

Для России производство зерна важнейшая отрасль, её развитие определяет не только доступность хлебопродуктов и эффективность животноводства. Доходы от реализации зерна формируют большую часть прибыли сельхозпроизводителей, производство зерна должно быть прибыльным и эффективным.

Сейчас особенно важно создать условия для восстановления темпов роста производства зерна — одной из основных отраслей отечественного сельского хозяйства, которая по праву считается локомотивом развития всего аграрно-промышленного комплекса.

Основными целями Ассоциации являются:

- разработка и реализация современной концепции развития экспорта сельскохозяйственной продукции из России, обеспечивающей ускоренное развитие отрасли сельского хозяйства и смежных с ней отраслей, повышение их конкурентоспособности на международных рынках;
- защита прав и интересов членов Ассоциации во взаимоотношениях с органами государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, и другими организациями, участие в формировании государственной политики в сфере производства и экспорта сельскохозяйственной продукции;
- содействие развитию производства сельскохозяйственной продукции в Российской Федерации,
- содействие развитию инфраструктуры и логистического обеспечения рынка сельскохозяйственной продукции Российской Федерации;
- повышение качества производимой в Российской Федерации сельскохозяйственной продукции, в том числе путем внедрения новых стандартов и требований к качеству и разработки новых систем качества продукции;
- внедрение в отраслях производства, хранения и переработки сельскохозяйственной продукции интенсивных ресурсосберегающих технологий и современных научно-технических достижений, решение научно-технических проблем развития производственно-отраслевой инфраструктуры;
- содействие развитию и поддержанию свободной конкурентной среды в отраслях производства, хранения, переработки и экспорта сельскохозяйственной продукции из Российской Федерации, предупреждение и противодействие нарушениям законодательства о свободной конкуренции и антимонопольного законодательства в указанных отраслях.
- содействие организации специализированного обучения, профессиональной переподготовки и повышения квалификации кадров;

• осуществление контактов с зарубежными партнерами по отрасли, для продвижения российской сельскохозяйственной продукции на мировой рынок.

Другой не менее интересный пример это деятельность Российской Ассоциации производителей чая и кофе. Ассоциация «Росчайкофе» основана в 1998 году под эгидой Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, взаимодействие с которым осуществляется по специальному соглашению.

Ассоциация «Росчайкофе» занимается:

- лоббированием интересов отечественной чайной и кофейной индустрии в государственных структурах власти для формирования адекватных правил функционирования рынка этих напитков;
- стимулированием развития отечественной чаеразвесочной и кофеперерабатывающей промышленности, увеличением инвестиционной привлекательности данных отраслей;
- организацией справочно-информационного сопровождения деятельности участников Ассоциации, помощью в развитии международных контактов;
- популяризацией чая и кофе, увеличением их потребления в Российской Федерации, повышением качества поставляемых на рынок напитков;
 - содействием членам Ассоциации в решении индивидуальных проблем.

Членами Ассоциации являются крупнейшие отечественные чайные и кофейные компании: «Ахмад Ти», «Джей Рус», «Императорский чай», Красногорсклексредства, «Компания «Май», «Московская кофейня на паяхъ», «Московская чайная компания», «Орими Трэйд», «Русский продукт», «Санти» (СП ТД «Гранд» и Таta group), «Универсальные пищевые технологии» (СП ГК «Авалон» и G.V.Gokal), «Чайная компания №1», «Сапсан», «Чайный мир», «Штраус», «Юнилевер».

Ассоциация «Росчайкофе» оказывает помощь профильным министерствам и ведомствам (Минсельхозу России, Минэкономразвития России, Ростехрегулированию, ФТС России и др.) в подготовке документов, касающихся чайной и кофейной отраслей. Во взаимодействии с органами государственной власти готовятся аналитические материалы, справки, разрабатываются рекомендации по наиболее актуальным вопросам развития отрасли. Специалисты Ассоциации участвуют в работе ряда межправительственных комиссий.

При активной роли Ассоциации приняты все основные решения, сформировавшие нынешнюю архитектуру отечественного чайного и кофейного рынка.

На базе Ассоциации, при Федеральном Агентстве по техническому регулированию и метрологии (Ростехрегулирование) действует ТК 451 «Чай, кофе и напитки на их основе», через который проходит согласование отраслевых национальных стандартов и регламентов.

При Ассоциации также работает Центральная Отраслевая Дегустационная Комиссия, в задачи которой входит независимая оценка качества продукции на выставках, проведение сравнительных дегустаций для СМИ, подготовка экспертных заключений для различных

правоохранительных ведомств.

Ассоциация является членом Международного Чайного Комитета, что позволяет оказывать информационно-аналитическую поддержку деятельности ее участников. Участвуя в работе Комитета, Ассоциация имеет возможность влиять на принятие важных для мировой чайной отрасли решений (международные стандарты, устранение торговых барьеров и др.).

Ассоциация принимала активное участие в переговорном процессе по присоединению России к ВТО и лоббирует вступление страны в Международную организацию по кофе.

Национальный союз экспортеров продовольствия является добровольной некоммерческой организацией, созданной для объединения усилий, координации деятельности, представления и защиты общих интересов действующих и потенциальных экспортеров российского продовольствия, сырья и сельскохозяйственной продукции.

В числе участников Союза крупнейшие производители и экспортеры российского продовольствия, поставщики уникальной продукции, страховые компании, выставочные организации, консалтинговые фирмы, издательства, высшие учебные заведения.

Членство в Национальном союзе экспортеров продовольствия дает его участникам следующие возможности:

Законодательная поддержка. Замечания и дополнения Союза учитываются при разработке и принятии федеральных законов, в частности, Закона РФ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» (№ 164-ФЗ от 8.12.2003 г.).

По инициативе Союза принято распоряжение Правительства РФ № 699-р от 15.05.06, в соответствии с которым государственная финансовая (гарантийная) поддержка распространяется на экспортеров ряда продовольственных товаров.

Союзом подготовлен и направлен в заинтересованные ведомства ряд предложений по совершенствованию политики в области экспорта продовольствия.

Конгрессная деятельность. Союз организует конференции и "круглые столы", в том числе с участием представителей международных организаций. Рекомендации конференций направляются в органыт законодательной и исполнительной власти.

Непосредственный поиск партнеров. Союз по просьбам своих участников осуществляет для них поиск партнеров из числа зарубежных компаний-импортеров и крупных дистрибьюторов через возможности российских торговых представительств и торговых отделов посольств.

Деловые миссии в зарубежные страны. В ходе деловых миссий проводятся презентации и выставки-дегустации продуктов и напитков, представленных российскими производителями, а также проводятся двусторонние переговоры. Мероприятия проводятся на территории российских торговых представительств.

В качестве посетителей приглашаются потенциальные импортеры российской продукции: крупнейшие сети продовольственных магазинов, магазины беспошлинной торговли, русские магазины, представители пищевой индустрии и министерства сельского хозяйства.

Информационная поддержка. Союз на постоянной основе информирует своих

участников об интересующих их мероприятиях, в том числе о предстоящих встречах с представителями зарубежных деловых кругов и предстоящих поездках за рубеж российских делегаций. Союз проводит семинары по организации экспорта продукции АПК.

Ежегодный конкурс «Лучший экспортер продовольствия». В конкурсе участвуют предприятия, организации, компании, фирмы и другие юридические лица, экспортирующие российское продовольствие или предоставляющие услуги экспортерам.

По результатам конкурса отбираются предприятия и организации АПК и смежных отраслей, имеющие лучшие показатели в области поставок российского продовольствия за рубеж, а также организации, содействующие экспорту.

Подготовка обзоров АПК зарубежных стран. Союз готовит обзоры аграрного сектора экономики зарубежных стран:

- · сельское хозяйство;
- · пищевая промышленность;
- внешнеторговая политика;
- объемы и структура торговли продовольствием с РФ;
- · законодательство в области иностранных инвестиций;
- порядок открытия представительств и филиалов инофирм.

При поддержке Союза издается ежеквартальный журнал «АГРОС» - единственное в России деловое издание, посвященное экспорту продукции АПК.

Издание распространяется среди посольств зарубежных государств в Москве, а также - через российские торгпредства и торговые отделы посольств — доводится до потенциальных партнеров в различных странах мира. Журнал дает экспортерам отечественного продовольствия возможность распространять информацию о своей деятельности не только по России, но и за рубежом.

Журнал «АГРОС» - победитель конкурса «Лучший российский экспортер» в номинации «За содействие в продвижении экспорта – лучшее СМИ, освещающее вопросы российского экспорта».

Союз является участником Ассоциации отраслевых союзов АПК («АССАГРОС»), в которую входят крупнейшие объединения сферы агропромышленного комплекса. Руководители Союза участвуют в организации работы Комитета по международным связям Ассоциации.

Организацией подписано соглашение о взаимодействии и сотрудничестве с Российским аграрным движением (РАД).[2]

Союз лесопромышленников и лесоэкспортеров России является общероссийской общественной организацией. Он был основан учредительным съездом 8 декабря 1992 года, новая редакция Устава Союза зарегистрирована Министерством юстиции Российской Федерации 15 сентября 1995 года после принятия федерального закона «Об общественных объединениях».

За годы своей деятельности Союз привлек в свои ряды руководителей и специалистов

ведущих лесопромышленных и лесоэкспортных предприятий и организаций лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности, работающих в более чем 50-ти субъектах Российской Федерации.

В соответствии с Уставом основной задачей Союза лесопромышленников и лесоэкспортеров России является представление и защита интересов работодателей лесопромышленного комплекса в различных государственных и общественных организациях, в том числе зарубежных, профсоюзах.

Деятельность Союза направлена на решение, в частности, таких задач, как:

- участие в подготовке проектов законов, организация и проведение независимой общественной экспертизы законопроектов, управленческих решений по вопросам развития экономики, промышленности, внешнеэкономической деятельности, предпринимательства, научно-технической, налоговой, финансовой политики, планов и программ социально-экономического развития лесного комплекса Российской Федерации, а также его крупных технологических и научно-технических проектов;
- оказание членам Союза правовой и иной помощи, разработка соответствующих рекомендаций на основе прогнозов и оценок развития науки и техники, деловой активности на рынке продукции и услуг;
- содействие экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству лесопромышленников России с зарубежными странами, создание благоприятных условий для их эффективного взаимодействия с аналогичными зарубежными организациями;
- развитие внешнеэкономических связей и экспортно-импортной деятельности членов Союза;
- пропаганда достижений промышленности и науки в сфере лесного комплекса, возможностей их использования в условиях рыночных отношений, распространение профессиональных знаний и накопленного опыта, организация выставок, семинаров, конференций, симпозиумов по тематике Союза и т.п.;
- содействие подготовке кадров, повышению деловой квалификации и профессионализма предпринимателей, инженеров и других специалистов лесных отраслей;
- организация информационной, рекламно-издательской деятельности, учреждение своих печатных органов, выпуск изданий информационного, научного, рекламного, учебного и иного характера и др.

Организация стремится представлять и защищать права и законные интересы своих членов в органах государственной власти, органах местного самоуправления общественных объединениях, выступать с инициативами по различным вопросам общественной жизни, вносить предложения в органы государственной власти. В своей деятельности ПО решению задачи защиты интересов лесопромышленников Союз лесоэкспортеров осуществляет сотрудничество администрациями лесопромышленных районов страны, стремится привлечь их непосредственно к работе в организации.

Союзом заключены соглашения с 22 регионами о сотрудничестве по решению проблем лесного комплекса.

Важнейшая задача - содействие развитию лесного экспорта, повышению его эффективности. На решение этой задачи постоянно направлена его работа.

Союз принимает активное участие в деятельности Совета отраслевых объединений производителей и экспортеров, возглавляет Ассоциацию экспортеров лесных материалов в Финляндию и на рынке Скандинавских стран, куда входит большинство основных экспортеров лесобумажной продукции в эти страны.

Союз систематически использует трибуну средств массовой информации для привлечения внимания широкой общественности к проблемам и нуждам лесопромышленного комплекса. Им издается журнал «Лесопромышленник и лесоэкспортер России», который распространяется как внутри страны, так и за рубежом. [4]

Как видно из проведенного анализа деятельности отраслевых ассоциаций в сфере внешнеэкономической деятельности и выработке мер по защите внутреннего рынка роль союзов может быть очень значимой. Так, в недалеком прошлом в органы государственной власти поступило предложение о ликвидации и без того низких ввозных таможенных пошлин на большую группу иностранного оборудования для нефтегазового комплекса. Получив такую информацию, Союз производителей нефтегазового оборудования оперативно провел анализ предложения. Выяснилось, что практически вся предлагаемая номенклатура успешно изготавливается российскими предприятиями, а снижение пошлин приведет лишь к усилению технологической зависимости увеличению импорта нефтегазового комплекса от западного оборудования. Было направлено соответствующее заключение в Минэкономразвития и ФТС, что позволило предотвратить экспансию импортного оборудования и еще больший спад производства оборудования в России.

Для повышения эффективности функционирования отраслевых союзов и организаций необходимо четко сформировать их функции и сделать это в рамках разработки Положения об отраслевых и региональных объединениях производителей и экспортеров. Необходима разработка системы стимулов для самоорганизации экспортеров – передача их объединениям ряда полномочий в сфере поддержки экспорта (в том числе облегчающих для их членов доступ к экспортным услугам), предоставление информационно-консультационного содействия, возможности выдвижения своих членов на соискание наград за достижения в экспорте.

Литература

- 1.Сулакшин С.С., Романихин А.В. //Власть, 2002.-№ 10. С. 3-10.
- 2.Национальный союз экспортеров продовольствия [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.prodexport.ru/. Загл. с экрана.
- 3.Портал внешнеэкономической информации [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/. Загл. с экрана.
- 4. Союз лесопромышленников и лесоэкспортеров [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.expoles.ru/content/view/10/37//. Загл. с экрана.

УДК 330

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КЛАСТЕРОВ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА IMPACT OF THE ECONOMIC CLUSTERS ON COMPETITIVENESS AND INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE REGION

Вечер А.В., аспирант кафедры социально-экономической географии, ФГАОУ «Северо-Кавказский федеральный университет»

Vecher A.V., graduate student, of the department social and economic geography North Caucasus Federal University

e-mail: vecher.a@ya.com

Аннотация: В статье обосновывается идея о том, что экономические кластеры оказывают положительное влияние на конкурентоспособность и инновационное развитие региона.

Annotation: The article explains the idea that economic clusters have a positive impact on the competitiveness and innovative region development.

Ключевые слова: инновационность, экономические кластеры, конкурентоспособность

Keywords: innovation, economic clusters, competitiveness

Идея долгосрочного развития российской экономики предполагает рост ее конкурентоспособности как в традиционных, так и новых наукоемких секторах. Прорыв в решении этих задач требует создания системы тесного взаимодействия государства, крупного и малого бизнеса, науки и образования на основе использования эффективных инструментов инновационного развития, среди которых немаловажную роль должен играть кластерный подход. Теория кластеров это современное видение феномена геогр0афической концентрации экономических активов, который является значимым фактором экономического роста и конкурентоспособности.

При этом идеи о преимуществах сетевой организации бизнеса в промышленности возникли достаточно давно. Одной из самых ранних работ в этой области была книга Альфреда Маршала «Принципы экономики», вышедшая в конце XIX века, где приводились исследования промышленных районов Великобритании. А. Маршал описал преимущества экономической агломерации с точки зрения специализации и доступа к квалифицированной рабочей силе [1]. Хотя А. Маршалл не использует в своем исследовании современные специальные термины, однако ясно, что в ней фактически рассматривается кластер с достаточно обширным межфирменным разделением труда. Таким образом, еще более ста лет

назад А. Маршал обратил внимание на синергетический эффект, достигаемый при объединении и повышении специализации малых предприятий.

Понятие «кластер» ввел в научную терминологию Майкл Портер в 1990г. В частности, он определяет кластер как сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в соответствующих отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций (например, университетов, агентств по стандартизации, а также торговых объединений) в определенных областях, конкурирующих, но вместе с тем ведущих совместную работу[3].

Заслужив признание в мировом экономическом сообществе после публикаций своих работ о конкурентоспособности, М. Портер неоднократно выступал консультантом для международных корпораций, а также правительств. Не исключением стало и правительство РФ, по заказу которого в 2006 году было проведено исследование российской экономики с целью выявить области деятельности, в которых Россия может выиграть в конкурентной борьбе на международном рынке.

Опираясь на исследование М. Портера можно предположить, что кластеры являются мощным локомотивом экономического развития и двигателями инноваций. Они обеспечивают плодородную бизнес-среду для компаний, особенно малых и средних предприятий, которые получают возможность сотрудничать с научно-исследовательскими учреждениями, поставщиками, клиентами и конкурентами, расположенными в том же географическом районе.

Основными аргументами в пользу использования кластерного метода управления региональной экономикой являются [2]:

- высокая согласованность с самим характером конкуренции и источниками достижения конкурентных преимуществ;
- эффективное обеспечение функционирования межотраслевых связей, вследствие материальной заинтересованности всех участников кластера в производстве конечного конкурентоспособного товара;
 - быстрое распространение технологий, навыков и информации;
- возможности эффективного обмена идеями между специалистами а следовательно, формирование конкурентной среды;
- возможность формирования промышленных объединений, обеспечивающих занятость населения региона, развитие инфраструктуры, и т.д.;
- возможность осуществления внутренней специализации и стандартизации; увеличение производительности труда;
- минимизация затрат на внедрение инноваций; наличие в структуре кластеров гибких предпринимательских структур малых предприятий, способствующих формированию инновационных точек роста за счет высокой степени специализации при обслуживании конкретного промышленного производства;

- увеличение налогооблагаемой базы (центры управления малым и средним бизнесом, как правило, находятся на той же территории, что и сам бизнес, в отличие от вертикальных корпораций);
- возможность целенаправленной переориентации убыточных предприятий региона;
- возможность регулирования инвестиционных потоков и оценки эффективности их вложений на основе приоритетности развития региональных кластеров;
- повышение в регионе предпринимательской активности за счет создания благоприятных условий для развития экспортоориентированных и импортозамещающих производств. Как было отмечено выше, кластеры являются синтезом бизнес единиц на определенной территории. Возникает вопрос, каким образом успешная деятельность предприятий кластера в определенном субъекте страны может оказать положительный синергетический эффект в масштабах отрасли, региона или государства в целом.

Ожидаемый результат от кластерной политики - это обеспечение особенно благодатной почвы для поднятия конкурентного и инновационного потенциала предприятий. Кластеры соответствуют современному подходу «открытых инноваций», который предполагает, что инновации создаются не отдельными организациями, а в основном, в динамических средах, где конкурирующие предприятия с квалифицированной рабочей силой конструктивно взаимодействуют и дополняют уже существующие знания и генерируют новые идеи и продукты [9]. Помимо сходств с теорией «открытых инноваций», сходства существуют также с концепцией "тройной спирали", которая подчеркивает, что инновации зависят от взаимодействия между фундаментальными научными исследованиями, предпринимательством и доступностью капитала, а также поддержки федеральных институтов [7].

Результаты исследования агентства Innobarometer [8], в котором были рассмотрены европейские инновационные компании и компании, работающие в кластере-среде, предоставили дополнительные доказательства того, что фирмы, работающие в кластере, более инновационны, чем некластерные фирмы.

В 78% инновационных компаниях, работающих в кластерной среде в 2010 году были введены новые или значительно усовершенствованы действующие виды продукции по сравнению с 74% в 2008 году. В 63% инновационных компаниях кластера освоены инновационные технологии производства, по сравнению с 56% два года ранее. Эти результаты показывают, что инновации действительно были стимулированы кластерами.

Кроме того, компании, работающие в кластере, создают торговые марки и патентуют свои разработки гораздо чаще других инновационных фирм. В то время, как только 12% инновационных предприятий получили патенты в 2008г., среди предприятий работающих в кластере эта доля равна 29%. Аналогично обстоит ситуация с созданием торговых марок в 2008г, когда 14% инновационных фирм, зарегистрировали торговую марку, в то время, как в кластере регистрацию новых торговых марок осуществили 29% предприятий. Более того, во время опроса на предприятиях кластера предоставлялись ли ими новые услуги или

Рисунок 1 – Инновационные показатели компаний, работающих в кластере

продукты для своих потребителей за последние 5 лет, 53% компаний признали, что принадлежность к кластеру способствовало расширению сферы их деятельности, когда 25% не согласились и 20% не добавил новых услуг.

Таким образом, имеются убедительные свидетельства того, что кластеры оказывают стимулирующее действие на инновационную активность фирм. Связь между кластерами и инновационностью на региональном уровне проследить сложнее, т.к. слишком много факторов влияют на статистику. Европейская кластер обсерватория определяет эту взаимосвязь как отношение между количеством полученных патентов в определенном регионе и размером регионального кластера, т.к. патенты являются очень объективным показателем для измерения инновационной деятельности.

Помимо очевидного влияния на инновационную активность, кластерная среда является благоприятной средой для увеличения конкурентоспособности. Конкуренция может поставить предприятия в затруднительное положение, но при этом честная и свободная конкуренция является главным мотивом для инноваций и повышения производительности, оказывая положительное влияние на экономическое развитие отрасли и региона в целом. Кластерная среда, в свою очередь, подразумевает наличие довольно серьезной конкуренции, результатом которой является ускоренное инновационное развитие предприятий.

Фирмы, которые сталкиваются с жесткой конкуренцией в своем кластере, преимущественно соглашаются с положительным влиянием конкуренции. Три четверти из стратегических лидеров в кластерах Евросоюза согласны, что усиление конкуренции в своем кластере приводит к улучшению конкурентоспособности и семь из десяти подтверждают,

что усиление конкуренции является неотъемлемой частью успеха кластера и, соответственно, компаний тоже [6].

Разумно будет предположить, что кластеры являются одними из наиболее актуальных микроэкономических факторов, влияющих на уровень благосостояния в регионе. Кластеры и региональная специализация эмпирически связаны с более высоким уровнем развития экономики. Европейская кластер-обсерватория предоставила систематические данные об этой связи. Экономическое процветание среди регионов Европы связано со степенью развития кластера. Регионы с высокой долей занятых в отраслях, принадлежащих к развитым кластерам, как правило, более преуспевающие в экономическом развитии. Хотя многие другие факторы, помимо кластеризации могут иметь влияние на процветание, данные со всей очевидностью свидетельствуют, что кластеры в значительной степени связаны с уровнем благосостояния в регионе.

Исследование кластеров Майклом Портером в 2003 году, показывает, что в США в регионах, в которых высокая доля от их суммарного количества рабочей силы находится в кластерной среде, наблюдается более высокий уровень экономического развития в виде уровня средней заработной платы и роста занятости.

Исследование датских биофармацевтических кластеров подтвердили эти результаты, утверждая, что увеличение размера кластера на один процент приведет к трехпроцентному увеличению средней заработной платы в кластере [4]. Другими словами, более специализированные регионы имеют больший потенциал для повышения заработной платы.

Несмотря на то, что кластеры тесно связаны с ростом инноваций, высокой занятостью и экономическим ростом, особенно в первые годы своего существования, положительное влияние региональных кластеров на экономическое развитие может со временем ослабляться в кластерах, которые функционируют более 50 лет. Важно, что даже в «старом» кластере имеет место более высокая занятость, уровень зарплат, и количество стартапов, в то время как негативное влияние сказывается на снижении вовлеченности региона в разработку и внедрение новых технологий. Этот факт доказывает, что кластеры необходимо адаптировать и модернизировать под новые возникающие условия и задачи. Тем не менее, доказательства, что кластерная региональная экономика генерирует лучшие экономические результаты, остается убедительной.

Литература

- 1. *Альфред Маршалл*. Основы экономики / Альфред Маршалл. М.: Прогресс, 1993. 594 с.
- 2. *Блудова С.Н.* Региональные кластеры как способ управления внешнеэкономическим комплексом региона // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2004. № 2. С. 42.
 - 3. *Портер М.* Конкуренция / Портер М. М.: Изд. дом «Вильямс», 2003, 347 с.
- 4. Chesbrough, H.W. (2003). Open Innovation: The new imperative for creating and profiting from technology. Boston: Harvard Business School Press

- 5. Copenhagen Economics [Электронный ресурс] / DK-1250 Copenhagen: www.copenhageneconomics.com
 - 6. Flash Eurobarometer No 187 2006 Innobarometer on Clusters
- 7. Henry Etzkowitz, Loet Leydesdorff. The dynamics of innovation: from National Systems and "Mode 2" to a Triple Helix of university–industry–government relations //Research Policy. 2000. − №29. − p.109–123.
- 8. Industrial innovation Innobarometer sheds light on innovation across Europe [электронный ресурс]: http://ec.europa.eu/enterprise/policies/innovation/facts-figures-analysis/innobarometer/index_en.htm
- 9. Thomas Brenner & Andreas Gildner, 2006. "Long-term Implications of Local Industrial Clusters," Papers on Economics and Evolution. 2006-08, Max Planck Institute of Economics, Evolutionary Economics Group.

УДК 330

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗВРАТНОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КРЕДИТОВ PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF SECURE RECOVERY OF CONSUMER LOANS

Герасименко М.А., кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансы, ФГАОУ « Северо-Кавказский федеральный университет»

Gerasimenko, M.A., PhD, Associate Professor, Associate Professor of Finance, North -Caucasus Federal University

e-mail: marixa @list.ru

Аннотация: Рассмотрено потребительское кредитование, выявлены недостатки и предложены способы улучшения методологии и организации оценки кредитоспособности заемщиков в потребительских кредитах для обеспечения их возвратности

Annotation: Considered consumer lending, identified shortcomings and suggests ways to improve the methodology and organization of the assessment of the creditworthiness of borrowers consumer loans, to ensure their recovery

Ключевые слова: потребительский кредит, риски, задолженность.

Key words: consumer credit, risks, debt

В настоящее время в нашей стране наблюдается стремительное развитие рынка кредитования населения. Объемы предоставленных физическим лицам кредитов продолжают увеличиваться, несмотря на то, что многие кредитные организации всячески стараются утаивать от потенциального заемщика реальную стоимость кредита на стадии оформления кредитной заявки. Банки, рекламируя свои кредитные продукты, умалчивают или не полностью раскрывают информацию о реальных размерах процентных ставок, взимаемых за пользование кредитом, комиссиях и других скрытых дополнительных выплатах по кредиту.

Статистические данные говорят о том, что большинство потребителей принимают поспешное решение при приобретении товара в рассрочку. И это является очень серьезной проблемой. При этом россияне недостаточно подробно изучают условия кредитования, о чем впоследствии сожалеют, т.к. в процессе обслуживания кредита «натыкаются на подводные камни» дополнительных платежей и условий кредитного договора.

Таким образом, одной из важнейших проблем потребительского кредитования является то, что потенциальный заемщик не всегда способен самостоятельно тщательно изучить и осмыслить условия кредитного договора.

Кроме того, не менее важной проблемой является то, что на рынке кредитования физических лиц в настоящее время наблюдается явление недобросовестной конкуренции,

т.е. банки, предлагающие кредиты населению на более выгодных условиях, теряют потенциальных клиентов из-за недобросовестных конкурентов, предоставляющих необъективную рекламную информацию, в которой не раскрывается реальная стоимость кредитного продукта.

Еще одной очень важной проблемой потребительского кредитования является рост доли не возврата кредитов. Уже сейчас только по официальной статистике доля проблемных кредитов в портфелях банков в среднем составляет 1,3%. По неофициальным же данным реальный уровень проблемной задолженности в некоторых банках достигает 5-6% от кредитного портфеля. Следует отметить, что эти показатели не относятся к ипотечному кредитованию.

Одна из основных причин такого уровня проблемной задолженности (достаточно высокого) состоит в том, что совершенствование методов и систем оценки рисков в российских банках не успевает за развитием бурно растущего рынка. Поэтому банки зачастую выбирают следующий «способ работы» с проблемными долгами — существующие и ожидаемые проценты дефолтов по кредитам покрывают очень высокие процентные ставки, комиссии и тарифы по этим продуктам.

Чтобы избежать назревающего кризиса недоверия вследствие отсутствия прозрачности условий кредитования, потенциальные заемщики должны понимать, в какую итоговую сумму им обойдется обслуживание кредита, а кредитные учреждения на стадии оформления кредитной заявки обязаны информировать клиентов обо всех сопутствующих условиях кредитования, единовременных выплатах и периодически взимаемых платежах за расчетные периоды.

Относительно проблемной задолженности можно применить несколько вариантов организации работы с ней:

- 1. Создание в банке отдельного подразделения, отвечающего за работу с проблемной задолженностью, или создание при банке «дочерней» компании коллекторского агентства, занимающегося только проблемной задолженностью банка.
 - 2. Передача долгов для взыскания неспециализированным компаниям.
- 3. Передача проблемной задолженности для взыскания независимым коллекторским агентствам, специализирующимся на работе с проблемными кредитами.

Что касается повышения доходности в потребительском кредитовании, то в данном случае речь идет о снижении ряда рисков, об уменьшении потерь за счет неэффективных операций, неэффективных действий[1]. Существует несколько путей снижения потерь в потребительском кредитовании. В первую очередь это, естественно, снижение риска при выдаче кредита. Во-вторых, это оптимизация работы с плохими долгами, которые возникают в любом банке. И это сопровождение существующих заемщиков.

Для решения данных проблем можно ужесточить скоринговую систему или политику выдачи, т.е. консервативную кредитную политику. Она обеспечивает качественный кредитный портфель. С другой стороны, можно расширить рынок выдачи кредитов, но тогда

увеличивается рисковый портфель. При этом следует отметить, что при обоих видах политики ситуация отслеживается только частично. Известно, что в процессе потребительского кредитования около 80% основных потерь — это потери от явных мошенничеств, но 20% — потери по разным обстоятельствам. Для консервативной кредитной политики основная задача — сравнительный анализ входного потока и уже имеющейся базы. В первую очередь — это именно экспертный анализ. Используя различные методы, поток анализируется, а выводы делают эксперты.

Кредитование физических лиц является высокорискованной операцией и увеличение доли таких кредитов в портфеле увеличивает кредитный риск банка. Одна из основных мер по предотвращению возможных потерь - правильная оценка способности заемщика выполнять свои обязательства. Выбор критериев для неё был актуален во все периоды развития банковского дела. Не менее важной является проблема правильной организации процедуры оценки кредитоспособности как наиболее важной в кредитном процессе. Управление риском потребительского кредитования во всем его многообразии предполагает активное использование адаптированных к услугам со времен нового кредитного предпринимательства методов, методик, приемов, инструментов риск-менеджмента в рамках установленных политических приоритетов и выбранных стратегических концепций. Однако уклонение от риска, передача, минимизация, нейтрализация, диверсификация, компенсация основываются на адекватном информационном обеспечении и автоматизации бизнеспроцессов. Снизить риск потребительского кредитования можно с помощью четко разработанной законодательной базы и наличия достаточного количества научных разработок и исследований в области розничного кредитования.

Учитывая продолжающийся процесс активного развития потребительского кредитования, Банк России уделяет повышенное внимание возникающим рискам в этой сфере. Регулирование вопросов потребительского кредитования проводиться путем разработки новых и внесения изменений в действующие нормативные акты Банка России. При этом Банк России осуществляет тесное взаимодействие с другими государственными органами. В связи с тем, что у целого ряда банков наблюдается устойчивая тенденция к росту просроченной задолженности по потребительским кредитам, усилен контроль за формированием банками портфелей однородных ссуд, выданных физическим лицам, и созданием резервов на возможные потери по указанным ссудам.

Итак, одно из направлений совершенствования методологии управления риском потребительского кредитования - четкая законодательная и научно - информационная база, работа с заемщиками на протяжении всего процесса кредитования, доведение четкой и достоверной информации о кредите до клиента, финансовая прозрачность кредита и способность клиента всем этим воспользоваться, в совокупности позволит банкам не только максимально минимизировать риски, возникающие в потребительском кредитовании, но и укрепить доверие населения и институциональных инвесторов к банковской системе России, повысить устойчивость финансовой системы, создать условия для предотвращения и пресечения недобросовестной конкуренции в сфере потребительского кредитования[2].

Необходимо отметить, что управление кредитным риском не может быть сведено к набору инструментов управления, а предполагает правильное соединение принципиальных подходов и конкретных инструментов. Формирование на этой основе системы управления риском предполагает четкое определение целей управления и принципов построения системы. Основной проблемой управления кредитным риском потребительского кредитования является несоответствие между принципами принятия менеджментом банка финансовых решений и требованиями окружающей среды. Данная проблема является результатом недостаточного анализа операций банка и факторов внешней среды, что влечет разработку неверных целей и задач управления, трудности в выборе необходимого перечня инструментов управления и установлении требований к их применению.

В этой связи в качестве целей управления риском потребительского кредитования обозначим следующее:

- 1) минимизация потерь по кредитный операциям. При этом должна быть осознана необходимость разработки механизма анализа и минимизации как текущих отклонений от планового размера денежных потоков, так и конечных потерь по кредитам.
- 2) развитие операций по кредитованию населения путем разработки кредитного продукта, сочетающего в себе баланс кредитных условий банка и интересов заемщиков. Например, на основе выявления наиболее значимых факторов риска может быть сформирована система оценки параметров кредитной сделки, позволяющая компенсировать «недостаток» одного параметра дополнительными требованиями к другому параметру, что обеспечит более гибкий подход к оценке возможности выдачи кредита конкретному заемщику.

Например, многие кредитные организации предъявляют требования заемщикам представлять два документа для получения потребительского кредита наличными деньгами или на кредитную карту. Первый документ обязателен — это гражданский паспорт, второй документ представляется на выбор, это может быть загранпаспорт, водительское удостоверение или страховое свидетельство Государственного пенсионного страхования.

Для совершенствования методологий организации оценки кредитоспособности заемщиков в потребительском кредитовании специалистам в области риск-менеджмента необходимо решать следующие задачи:

- 1) проанализировать существующую систему управления кредитным риском на предмет выявления существующих недостатков или противоречий;
- 2) выявить роль потребительского кредита в экономике страны и конкретного региона путем сбора аналитической и статистической информации о рынке розничного кредитования. И с помощью опроса клиентов банка об интересующих вопросах, касающихся потребительского кредитования определить наиболее востребованные кредитных продукты для данного региона;
- 3) выявить значимость операций по потребительскому кредитованию и определить приемлемый уровень риска для кредитной организации по данному виду актива;

- 4) определить основные показатели и измерители кредитного риска, например, на основе IRB подхода (Internal ratings-based внутренний рейтинг). Кредитные организации могут рассчитывать кредитный риск посредствам стандартизированного, фундаментального или усовершенствованного IRB подходов. Стандартизированный IRB подход заключается в использований весовых коэффициентов риска, установленных регулирующим органом (в России таковым является требования Банка России к формированию портфеля однородных ссуд), фундаментальный- IRB подход заключается в использовании внутренних оценок вероятности дефолта по потребительским ссудам, то есть по имеющимся уже прецедентам. Усовершенствованный IRB подход складывается из трех составляющих параметров оценки риска, а именно оценки вероятности наступления дефолта, оценки суммы подверженной риску дефолта и оценки потерь в случае дефолта;
- 5) исследовать закономерности развития показателей риска путем формирования внутренней подробной статистической информации о состоянии кредитных счетов своих клиентов в предыдущие периоды;
- 6) определить возможные пути снижения риска (диверсификация, хеджирование, формирование резервов);
- 7) установить факторы возможности расширения объемов кредитования с выполнением условия приемлемости риска для банка. На основе проведенного анализа роли потребительского Кредита в экономике страны и конкретного региона проводить расширение деятельности в тех регионах, где наиболее благоприятная экономичная обстановка, стабильные доходы у населения и относительно невысокая степень дефолтности потребительских кредитов по отношению к другим регионам[3].

С целью совершенствования методологии оценки кредитоспособности заемщиков в потребительском кредитовании следует разработать методику управления кредитным риском, имеющую важное прикладное значение и при этом обеспечивающую выполнение задач и достижение целей кредитной политики. Необходимо ее построение осуществлять на основе принципов, учитывающих все условия, в которых разрабатывается система управления. В этой связи, в качестве принципов управления риском потребительского кредитования могут быть названы следующие требования:

- 1. Управление риском должно обеспечивать принятие решения о кредитовании на основе баланса интересов кредитора и заемщика.
- 2. Реализация методик управления риском должна обеспечиваться оптимальной организационной структурой для кредитной организации.
- 3. Методики управления риском должны обеспечивать возможность управления кредитным риском па каждом этапе кредитования.

Кроме этого, необходимо учитывать, что управление кредитным риском должно осуществляться в соответствии с кредитной политикой коммерческого банка, обеспечивать достижение стратегических целей кредитной деятельности банка и приоритетов в развитии направлений банковской деятельности в целом.

Предлагаемые принципы должны быть положены в основу построения модели управления риском потребительского кредитования, а также могут являться критериями оценки применяемых методик управления кредитным риском.

На основе указанных целей и принципов управления риском потребительского кредитования возможно предложить пути совершенствования способов управления риском потребительского кредитования:

- оптимизация процессов, связанных с получением, обработкой и хранением информации, касающейся оценки кредитоспособности клиентов, формирования профессиональных суждений и формирования результатов оценки анализа финансового состояния заемщиков (например, посредством автоматизации процесса работы с получаемой информацией);
- оценка кредитного риска обычно проводится кредитными организациями раз в квартал, необходимо проводить оценку кредитного риска, классификацию и оценку ссуды, определение размера расчетного резерва и итогового резерва не реже одного раза в месяц, по клиентам, которые допускали просрочку по кредитным платежам в последние три месяца. Результаты оценки представлять в виде сводного заключения по кредитному портфелю. Такой подход позволит содержать кредитный портфель в актуальном состоянии и в случае изменения качества ссуды придавать оперативные меры по уклонению от возникновения дефолта по кредиту;
- детальная комплектация информационных потоков, получаемых от заемщиков для формирования профессионального суждения по результатам комплексного и объективного анализа состояния заемщика с учетом его финансового положения, качества обслуживания заемщиком долга по ссуде, а также всей имеющейся в распоряжении риск-менеджмента кредитной организации информации о любых рисках заемщика, включая сведения о внешних обязательстве заемщика, о функционировании рынка (рынков), на котором (которых) работает заемщик. Источниками получения информации о рисках заемщика являются правоустанавливающие документы заемщика, дополнительно предоставляемые заемщиком сведения, средства массовой информации и другие источники;
- помещение всей информации о заемщике, включая информацию о рисках заемщика в электронное досье заемщика. Информация, использованная кредитной организацией для оценки качества ссуды, включая оценку финансового положения заемщика, должна быть доступна органам управления кредитной организации службы внутреннего контроля, аудиторам и органам банковского надзора.

Данное предложение состоит в том, что для оценки финансового положения клиента кредитная организация должна запрашивать у заемщика более подробную и детальную информацию о его доходах, расходах и имуществе, а также платежной дисциплине по уже имеющимся обязательствам. Данное предложение может критиковаться тем, что у клиента будет запрошено слишком много информации, что обернется для банка потерей клиента, однако данный недостаток можно компенсировать внедрением автоматизированных систем

по приему, обработке и хранению информации. Такой подход максимально позволит снизить кредитный риск, так как кредитная организация сформирует четкую картину и будет обладать полной информацией о финансовом положении заемщика.

Таким образом, предложенный комплекс мер по управлению риском потребительского кредитования в случае применения кредитными организациями на практике позволит максимально снизить риски и увеличить возвратность в сфере розничного кредитования. Такой подход к потребительскому кредитованию сформирует устойчивую базу для дальнейшего развития данного сегмента рынка в будущем и избежание кризисных ситуаций связанных с невозвратом потребительских кредитов.

Литература

- 1.Струченкова Т.В. Современные подходы к регулированию банковских рыночных рисков / Т.В. Струченкова // Банковское дело. 2008. №6. С.21-27.
- 2.Получение потребительского кредита Кредиты [Электронный ресурс]. http://bankiinf.ru/
- 3.Потребительский кредит, его краткая характеристика. Основные сведения о потребительских кредитах Бизнес портал [Электронный ресурс].- http://www.allprobiz.net

УДК 336.67

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНВЕСТИРОВАНИЯ КАПИТАЛА В ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО PROSPECTS OF INVESTMENT CAPITAL IN INDUSTRY AND AGRICULTURE

Зайченко И.А., кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и менеджмента Ставропольский технологический институт сервиса (филиал) «ЮРГУЭС»

Zaichenko I.A, candidate of economic Sciences, docent, the senior lecturer of faculty «Economy and management», Stavropol technological Institute of service e-mail: irina 20 64@ mail.ru

Аннотация. Создание экономических и финансовых условий для привлечения инвестиций, сближение банковского и промышленного секторов экономики, снижение рисков кредитования производителей товаров и услуг.

Abstract. The creation of an economic and financial conditions for the attraction of investments, convergence of banking and industrial sectors of the economy, reduction of the risks of lending producers of goods and services.

Ключевые слова: инвесторы, ресурсный потенциал, инвестиционные проекты, промышленность, сельское хозяйство, денежные средства, окупаемость капиталовложений

Keywords: investors, resource potential, investment projects, industry, agriculture, cash, return on investment

Основным условием развития предприятия, отрасли является наличие свободных денежных средств. Получить необходимые финансовые ресурсы можно с помощью инвесторов. Основными факторами, обеспечивающими инвестиционную привлекательность Ставропольского края являются:

- выгодное географическое положение, близость емких рынков сбыта;
- ресурсный потенциал, обеспечивающий прибыльный и эффективный бизнес в сфере производства товаров ежедневного и регулярного спроса;
- развитые транспортные коммуникации, производственная инфраструктура, надежная связь;
- наличие законодательства, предусматривающего для инвесторов гарантирование их имущественных прав и льготный налоговый режим;
 - уникальные и комфортабельные условия для отдыха, туризма и лечения;

- организационная и финансовая поддержка инвестиционных проектов, гарантии безопасности бизнеса со стороны органов исполнительной власти;
 - высококвалифицированные трудовые ресурсы.

На территории Ставропольского края действует 68 предприятий с участием иностранного капитала. Наиболее крупные предприятия созданы с участием инвесторов из США и стран Европейского сообщества. Среди них такие известные в своих отраслях фирмы, как компания "Кока-Кола" и "Хайнц"[1].

Правительством Ставропольского края ведется работа по созданию экономических и финансовых условий для привлечения инвестиций, сближения банковского и промышленного секторов экономики, снижения рисков кредитования производителей товаров и услуг. Нормативными актами разработаны механизмы:

- предоставления инвестиционных налоговых кредитов за счёт средств краевого бюджета;
- погашения за счёт средств краевого бюджета затрат предприятий, осуществляющих инвестиционные проекты по выплате процентов за пользование долгосрочными кредитами банков;
- финансовых гарантий капиталовложений за счёт активов соответствующего фонда, запланированного в бюджете развития края;
- предоставления микрокредитов субъектам малого бизнеса через некоммерческую организацию государственный фонд поддержки малого предпринимательства Ставропольского края;
- конкурсного отбора инвестиционных проектов на финансирование из всех источников.

Организациям, реализующим инвестиционные проекты в сфере производства, включенных в федеральные и краевые целевые программы, оказывается государственная поддержка в форме субсидий, предоставляемых целевым назначением на оплату части процентов, предусмотренных условиями кредитного договора.

Таблица 1 - Структура инвестиций в основной капитал в 2011 году

Показатели	2011 год,
	млн. руб.
Инвестиции в основной капитал	12899,9
в том числе по источникам финансирования:	
собственные средства	4606,4
из них	
прибыль, остающаяся в распоряжении организации (фонд накопления)	2221,2
Амортизация	2001,6
Привлеченные средства	8293,4

в том числе	
B IOM PACIC	
кредиты банков	518,6
заемные средства некредитных организаций	1669,4
бюджетные средства (консолидированный бюджет)	1625,8
в том числе	
из федерального бюджета	958,4
из бюджетов субъектов Федерации и местных бюджетов и местных бюджетов	544,2
средства внебюджетных фондов	27,9
прочие	4452,6
из них средства вышестоящих организаций	3340,1

Проследим, какие отрасли Ставропольского края имеют наибольший экономический вес в отраслевой структуре, чтобы определить основные направления привлечения инвестиций.

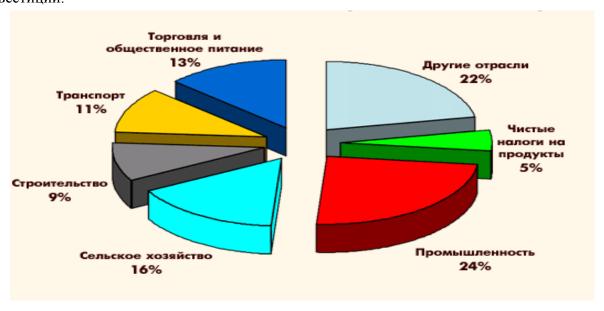

Рисунок 1 - Отраслевая структура валового регионального продукта края в 2011 году

Как видно из рисунка 1, наибольший удельный вес в формировании валового регионального продукта занимают промышленность и сельское хозяйство. Поэтому целесообразно инвестировать капитал именно в эти две отрасли.

Таблица 2 - Инвестиции в основной капитал по отраслям экономики, млн. руб.

Годы						
Показатели	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Всего в отрасли экономики	4048,9	4248,1	7122,3	15865,1	16621,6	17240,3

В том числе (в % к итогу)						
Промышленность	25,8	27,2	26,3	17,4	18,3	20,1
Торговля и общественное	2,7	3,1	2,4	1,4	3,3	2,3
питание						
Сельское хозяйство	5,7	9,4	8,2	5,1	16,3	9,7
Транспорт и связь	16,2	15,8	25,4	51,9	33,5	50,0
Строительство	3,8	3,1	2,2	1,2	1,7	0,6
Жилищное хозяйство	29,5	32,4	27,6	14,9	15,5	4,6
Здравоохранение	3,1	1,2	1,4	2,7	4,9	4,3
Образование	1,4	0,4	0,9	0,6	0,8	1,3

Анализ таблицы 2 показал, что инвесторы стараются вкладывать средства в первую очередь в транспорт и связь (за 2009-2011 гг. эта отрасль стала популярнее промышленности), а только затем в промышленность и сельское хозяйство.

Говоря об инвестициях в промышленность, необходимо отметить, что в настоящее время каждый пятый рубль инвестиций в Ставропольском крае приходится на промышленность. Очевиден постоянный рост объема вкладываемых средств в данную отрасль[2].

В промышленности размешать средства эффективнее всего в предприятия химии и нефтехимии, электроэнергетики, топливной и пищевой промышленности. Наиболее успешными фирмами в химической промышленности являются Невинномысские ОАО «Арнест» и ОАО «Невинномысский АЗОТ», занимающие соответственно в отраслевом рейтинге «1000 лучших предприятий России» за 2011 год 53 и 19 места. В этих организациях выпускают удобрения, парфюмерно-косметические изделия и др. продукцию.

Основными инвестиционными проектами ОАО «Арнест» являются:

- Увеличение мощности по производству алюминиевых баллонов;
- Реконструкция склада фреонов ОАО "Арнест";
- Реконструкция действующего производства.

На эти цели предприятию требуется 1 540 000 долл. США и всего лишь три года для полной окупаемости проектов.

ОАО «Невинномысский АЗОТ» собирается построить установку по производству меламина. Предполагается создать отечественное производство меламина – важного сырья в промышленности пластмасс.

Предполагаемый инвестиционный кредит- 33 150 000 долл. США. Окупаемость проекта – 94 месяца.

Говоря о сельском хозяйстве, можно отметить, что на протяжении многих лет сельское хозяйство было и остается главной отраслью экономики края. В Российской Федерации Ставропольский край продолжает быть четвертым регионом по валовому сбору зерна и в первой десятке по объему производства сельскохозяйственной продукции в целом. Агропромышленный комплекс нашего края постоянно совершенствуется.

Основными направлениями в развитии агропромышленного комплекса являются интеграция и кооперация в различных их формах: концерны, агрокомбинаты, агрофирмы, оптовые продовольственные рынки и иные формирования по производству, переработке, хранению и торговле сельскохозяйственной продукцией и продовольствием.

Однако в 2011 году сельское хозяйство перестало представлять интерес для капиталовложений. Их количество снизилось по сравнению с 2010 годом на 40,5 %. Это объясняется перенасыщением рынка сельскохозяйственной продукцией.

На сегодняшний день крупнейшим инвестиционным проектом в сельском хозяйстве может стать создание комплекса по глубокой переработке пшеничной муки на сухую клейковину, продукт для производства спирта и модифицированного крахмала. Инициатором оказался крупный концерн ЗАО «Колиев-Продукт». Эта фирма старается организовывать производство по принципу замкнутого цикла: свои пашни, площадью 22000 гектаров; зерно, мельница, перерабатывающие мощности, включая спиртзавод, производительностью 900000 декалитров в год, производство пищевой и алкогольной продукции; акцизный склад.

В результате проекта появится конечный продукт переработки муки - сухая клейковина, крахмал. А модифицированные крахмалы и продукт для производства спирта являются потенциально экспортным товаром, который постоянно котируется на основных продовольственных биржах мира.

Для воплощения задуманного в жизнь концерну потребуется 5 300 000 долл. США и три года напряженной работы. Зато окупаемость займет 26 месяцев. Рентабельность окажется на уровне 56,62%. Доход 1 068 271 долл.

ЗАО Концерн "Колиев-Продукт" гарантирует обеспечение данного проекта производственными зданиями и помещениями, а так же инженерными сетями, коммуникациями. Из собственных средств он произведет закупку, установку и монтаж мельницы, закупку линий по производству модифицированных крахмалов[3].

В настоящее время в сельском хозяйстве и промышленности есть множество возможностей для приумножения собственного капитала. И, думаем, что вскоре большинство вкладываемых в экономику денежных средств окажутся именно в этих отраслях. Ведь одним из важнейших показателей для инвесторов является окупаемость капиталовложений. По приведенным примерам правомерно говорить о краткосрочности окупаемости инвестиционных проектов в данных отраслях и высокой доли прибыли.

Литература

- 1. Государственный комитет статистики Ставропольского края.
- 2. Программа социально-экономического развития «Юг России».
- 3. Всероссийская маркетинговая программа «Инвестиции в России».

УДК 330

ЭКСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНА: TEOPETUЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ EXPORT POTENTIAL OF REGION: THEORETICAL APPROACHES

Исакова О. С., аспирант кафедры мировой экономики и регионоведения, ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Isakova O.S., graduate student, Department of World Economy and Regional Studies of the North Caucasus Federal University

e-mail: xomka06@inbox.ru

Аннотация: В статье рассмотрены теоретические подходы к понятиям потенциал, экономический потенциал, экспортный потенциал

Annotation: The article deals with the theoretical approaches to the concepts of potential, economic potential, export potential

Ключевые слова: nomeнциал, экономический nomeнциал, экспортный nomeнциал Key words: potential, economic potential, export potential

Глобализационные процессы, происходящие в мировой экономике обусловливают развертывание конкуренции на всех уровнях мировой экономической системы. Существенно меняется роль отдельного региона в мировой экономике. В условиях глобализации регионы — субъекты РФ становятся активными участниками международных экономических отношений, вследствие чего региональная политика и региональная конкурентоспособность оказывают все большее влияние на конкурентные преимущества всей страны. Исходя из этого, целесообразно делать ставку не столько на международные региональные группировки, сколько на собственные регионы. Соответственно, на первый план выходят вопросы конкурентоспособности национальных экономик и наращивания экспортного потенциала регионов. Вследствие вышесказанного разработка теории и методологии интеграции региона — субъекта РФ в мировую экономику и пути наращивания и оптимизации экспортного потенциала регионов становится одним из наиболее актуальных направлений современной социально-экономической политики России.

Анализ уровня социально-экономического развития регионов РФ показывает, что именно эффективность использования экспортного потенциала во многом определяет современное состояние экономики региона, что особенно важно на фоне затянувшейся экономической депрессии и сокращения возможности дотационных поступлений в региональные бюджеты из центра.

Изучение проблемы формирования регионального экспортного потенциала во многом объясняется отсутствием комплексных научно-обоснованных подходов и методов анализа. Вопросы формирования экспортного потенциала региона остаются недостаточно

изученными и, как правило, связаны с особенностями отдельно взятого региона. Одним из факторов замедляющих решение отмеченных проблем является не проработанность в отечественной экономической науке ряда теоретических вопросов, связанных с экспортной деятельностью регионов как административно-территориальных единиц, а также нечеткость в трактовке некоторых понятий и определений.

Теоретико-методологические, а также прикладные аспекты формирования и оценки экспортного потенциала экономических систем и объектов были отражены в работах российских и зарубежных ученых: Л.Б.Вардомского, Н.М.Ратнера, Р.И.Шнипера, А.А.Мальцева, В.П.Тимошенко, А.И.Трейвиша.С. Н.Блудовой. Целью данной работы является уточнение сущности такого явления, как экспортный потенциал региона.

Экономическая энциклопедия определяет потенциал (от лат. "potentia" – сила, мощь) как имеющиеся у экономического субъекта ресурсы, их оптимальную структуру, умение их рационально использовать для достижения поставленной цели [1].

Наиболее известным является следующее определение: «Потенциал — это источники, возможности, средства, запасы, которые могут быть использованы для решения какой-либо задачи, достижения определенной цели; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области» [2]

В современной науке выделяются три основных трактовки понятия потенциал [21].

Таблица 1-Подходы к определению термина «Потенциал»

Авторы	Определение понятия «Потенциал»			
Потенциал как характеристика разных видов ресурсов				
Черников Д., Фигурнов Е.,	Потенциал – совокупность необходимых для функционирования			
Белова С. [3, с. 6].	или развития системы разных видов ресурсов.			
Абалкин Л.И.	Потенциал – обобщенная, сборная характеристика ресурсов,			
[4, c.24] .	привязанная к месту и времени.			
Архангельский В.М.,	Потенциал – это средства, запасы, источники, которые в наличии			
Зиновьев Л.Е. [5, с.6].	и могут быть реализованы для достижения определенной			
	цели или решения определенной задачи.			
Потенциал к	ак комплекс (система) различных видов ресурсов			
Иванов М.А., Одегов Ю. Г	Потенциал – это система материальных и трудовых факторов,			
Андреев К.Л. [3, с. 8]. обеспечивающих достижение цели производства.				
Потенциал – способность комплекса ресурсов экономической системы выполнять поставленные				
перед ней задачи.				
Ансофф И. [3, с. 8].	Потенциал – это целостное представление про единство			
	структуры и функций объекта, определение их взаимосвязи.			

Большая Советская Энциклопедия трактует понятие «потенциал» очень широко, что позволяет применить его к различным отраслям науки и деятельности человека. В зависимости от того, о какой силе, средствах, запасах, источниках идет речь может быть: народно-хозяйственный потенциал; экономический потенциал; оборонный потенциал; интеллектуальный потенциал; природно-ресурсный потенциал; научно-технический потенциал; кадровый потенциал; производственный потенциал и т.д. [22]

Наиболее теоретически проработано понятие экономического потенциала. Анализ этих публикаций выявляет значительные различия в определении экономического потенциала, понимании его сущности (табл.2).

Таблица 2-Подходы к определению термина «Экономический потенциал» [22]

Авторы	Определение понятия «потенциал»		
Экономический потенциал как сов	окупная способность отраслей народного хозяйства		
Б.М.Мочалов [6, с.7].	Совокупная способность отраслей народного		
В.Н.Мосин и Д.М.Крук [7, с.82]	хозяйства производить промышленную,		
Л.И.Лопатников и др. [8, с.67]	сельскохозяйственную продукцию, осуществлять		
А.М.Румянцев и др. [9]	капитальное строительство, перевозить грузы,		
	оказывать услуги населению>		
Экономический потенциал	как совокупность имеющихся в наличии ресурсов.		
Б.Плышевского [10, с.3],	Содержание понятия «потенциал» подменяется		
А.Тодосейчука [11, с.64],	понятиями «ресурсы», «инвестиции»,		
Ю.Лычкина [12, с.28] и	«инвестиционные ресурсы», «численность занятых».		
А.Цыгичко [13, с.10], Н.			
Игнатенко и В. Руденко [14]			
Отождествление терминов «эн	кономический потенциал», «экономическая мощь» и		
«народн	ю-хозяйственный потенциал».		
Э.Горбунов [15]. Э. Фигурнов	Термины «экономическая мощь», «экономический		
[16].	потенциал», «народно-хозяйственный потенциал»-		
	синонимы		
Б.М.Мочалов [6, с.10,с.18].	Следует отличать показатели экономической мощи от		
А.А.Задоя, [17 с.22].	экономического потенциала. Экономический		
	потенциал страны. отрасли, предприятия		
	характеризуется объемами накопленных ресурсов и		
	максимально возможным объемом материальных благ		
	и услуг, которых можно достичь в перспективе при		
	оптимальном использовании имеющихся ресурсов.		
	Экономическая мощь характеризует фактически		
	достигнутый уровень развития производственных сил		
	на определенную дату. Экономический потенциал		
	раскрывает экономическую мощь		

Экономический потенциал как результат экономических и производственных отношений			
между субъектами хозяйственной деятельности			
Самоукин Л.И. [18 с.5].	Экономический потенциал необходимо рассматривать		
	во взаимосвязи со свойственной каждой общественно-		
	экономической формации производственными		
	отношениями, возникающими между отдельными		
	работниками, трудовыми коллективами, а так же		
	управленческим аппаратом предприятия, организации,		
	отраслей народного хозяйства в целом по поводу		
	полного использования их способностей к созданию		
	материальных благ и услуг.		

Ученые – регионалисты, исследующие проблемы потенциала, рассматривают его либо как экономический, либо, как организационный.

При этом ученые первого направления под экономическим потенциалом подразумевают преимущественно природно — ресурсный, трудовой, производственный и инновационный потенциал. Так, Суспицын С.А. и Мищенко В.В., Дорогов Н. считают, что потенциал региона — это экономический потенциал, составляющими которого являются природноресурсный потенциал, население и трудовые ресурсы, производственный и инновационный потенциал [20].

Ученые второго направления рассматривают потенциал региона немного шире как с точки зрения потенциала, так и с точки зрения его организации [19]. по их мнению потенциал представляет собой возможности отдельного региона и включает в себя организационно-управленческие решения ПО реализации поставленных задач. Организационный потенциал региона классифицируется по признакам качественного его использования. В него входят следующие: политический, социальный, экономический, региональный, структурно-отраслевой, природно-ресурсный, научно-технический, технологический, трудовой, кадровый, военно-экономический, экспортный, производственный, фирменный [19].

Как уже отмечалось выше повсеместное повышение роли внешнеэкономического фактора в развитии регионов привело к необходимости более пристального изучения составляющих экспортного потенциала региона.

Наиболее часто определяют экспортный потенциал – способность производства, отдельных отраслей или предприятий производить продукцию на экспорт.

Ученые-экономисты, посвятившие свои работы проблемам формирования и управления экспортным потенциалом на любом из его уровней (микро-, мезо-, макро-), поразному определяют место экспортного потенциала в экономической системе предприятия, региона, страны.

По мнению Блудовой С. Н. и Немирова А. Л. оценка только внешнеэкономических показателей каждой территории не столь уж результативна, как может показаться на первый взгляд, так как, по нашему мнению, необходимо оценивать не столько внешнеэкономический или экспортный потенциал региона, сколько региональный внешнеэкономический комплекс. Именно в этом случае возможна оценка сильных и слабых сторон экономики региона с точки зрения его международной конкурентоспособности, оценка приемлемого для региона вида экономического роста: экспортоориентированного, импортозамещающего или смешанного с приоритетом экспорто- или импортозамещения. [23]

По мнению Савельева И. И. «данная категория является более сложной, включающей в себя как природно-сырьевую базу, так и состояние экономики региона, которые обеспечивают научно-техническое, технологическое, промышленное, социальное и культурное развитие, позволяющее достичь устойчивых темпов экспортного производства и высокого уровня жизни населения с учетом существующих и прогнозируемых рыночных условий» [24].

Таким образом, условно мнения можно разделить на две группы. В первой группе – авторы, которые придерживаются мнения, что экспортный потенциал является составной частью (подсистемой, субсистемой) внешнеэкономического потенциала исследуемого объекта, и на основании этого проводят дальнейшие исследования и расчеты

Другая группа ученых-экономистов рассматривают экспортный потенциал как сложноорганизованную динамическую систему, в свою очередь, состоящую из подсистем.

В первом случае мнения расходятся в вопросах определения взаимозависимости и взаимовлияния экспортного потенциала и других подсистем.

Во втором случае проблемы связаны с затруднениями в определении четких границ анализируемой системы.

Литература

- 1. Экономическая энциклопедия (в трех томах) Т. 3.// – Киев. : Научный центр «Академія», 2002. - 952 с.
- 2. Советский энциклопедический словарь //Гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1982. 1600 с.
- 3. Федонин А.С., Репина И. М., Олексюк А.И./ Потенциал предприятия: Формирование и оценка: учеб. пособие. К.: КЕУ, 2006. 316 с.
- 4. Абалкин Л.И. Диалектика социалистической экономики/- М.: 1. Мысль, 1985.-246 С.
- 5. Архангельский В.Н., Зиновьев Л.Е.//, Управление научно-техническим прогрессом в машиностроении. –М., 1983. –347c
- 6. Экономический потенциал развитого социализма / [под ред. Мочалова Б.М.] М.,1982 $-280~\rm c.$

- 7. Основы экономического и социального прогнозирования: Учебник для вузов / Д. М. Крук, В. С. Лукин, В. Н. Мосин и др.; Под ред. В. К Мосина, Д. МКрука.—М.: Высш. шк., 1985. —200 с.
- 8. Лопатников Л. И. Популярный экономико-математический словарь/.-3-е изд., доп.-М.: Знание, 1990. -254 с
- 9. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия : в 4 т. / гл. ред. А. М. Румянцев. М. : Советская энциклопедия. 673с.
- 10. Плышевский Б. Потенциал инвестирования // Экономист. 1996. № 3.
- 11. Тодосийчук А. Научно-технический потенциал социально-трудовой сферы // Экономист. 1997. № 12.
- 12. Лычкин Ю. Потенциал строительного комплекса // Экономист. 1997. № 6.
- 13. Цыгичко А. Сохранение и приумножение производственного потенциала страны // Экономист. N 7. 1992.
- 14. Игнатенко Н. Г., Руденко В. П. Природно-ресурсный потенциал территории: географический анализ и синтез. Львов: Вища школа, 1986. 163 с.
- 15. Горбунов Э. Экономический потенциал развитого социалистического общества // Вопросы экономики. 1981. №9. С. 100-101.
- 16. Фигурнов Э. Производственный потенциал социалистического общества // Политическое самообразование. 1982. № 1. С. 38;
- 17. Задоя А. А. Народно-хозяйственный потенциал и интенсивное воспроизводство./ Киев; Донецк: Вища школа, 1986.-153с
- 18. Самоукин, А. И. Потенциал нематериального производства / А. И. Самоукин. М.: Знание, 2005. 152 с.
- 19. Дульщиков Ю.С. Региональная политика и управление/. М.: РАГС, 2001. 257 с.
- 20. Мищенко В.В. Экономика регионов: Уч. Пособие/. А.: Алтайский государственный университет, 2002.-160 с.
- 21. Ковальская Л.С. Теоретические основы исследования потенциала региона // Культура народов Причерноморья . 2007. № 121. С. 46 47.
- 22. Степанов А. Я., Иванова Н.В. Категория «потенциал» в экономике [Электронный pecypc]: http://www.marketing.spb.ru/read/article/a66.htm
- 23. Блудова С.Н., Немиров А.Л Методические подходы к совершенствованию системы управления внешнеэкономической деятельностью региона.//Вестник Костромского государственного технологического университета. 2003.- № 8. -С. 98-100.
- 24. Савельев И. И. Развитие экспортного потенциала региона (на примере Владимирской области): автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Савельев Игорь Игоревич. Владимир., 2011. 26 с.

УДК 338.4+339:519.86

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА РИСКОВ В ПРОЦЕССЕ УПРАВЛЕНИЯ ТОВАРНО-МАТЕРИАЛЬНЫМИ ЗАПАСАМИ THE ANALYSIS AND ASSESSMENT OF RISKS IN MANAGEMENT OF INVENTORY HOLDINGS

Кулаговская Т.А., доктор экономических наук, профессор кафедры экономического анализа и аудита, ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Kulagovsky T.A., Doctor of Economics, professor of the department economic analysis and audit North Caucasian federal university

e-mail: kulagovskaya@yandex.ru

Аннотация: Производится анализ и апробация наиболее распространенных методов количественного анализа рисков, в частности предлагается методика статистического и имитационного моделирования рисков.

Annotation: In clause the basic methods of an estimation risks, modern simulation and modelling, are described. It contain some new information about existing heuristic and economic-mathematical methods of an estimation of logistics risks.

Ключевые слова: логистика, управление материальными потоками, оценка логистических рисков,

Key words: Logistics, management of material streams, assessment of logistic risks

Возникшие в настоящее время изменения в экономических системах, связанные с качественными изменениями в общественно-экономической жизни, внедрением в народное хозяйство различных форм собственности, подрядных, арендных отношений, созданием совместных предприятий, развитием предпринимательства и проведением приватизации, привнесли новые виды рисков, ранее не присущих экономике страны.

Существующая литература характеризуется разбросом мнений в трактовке понятий риска.

На наш взгляд, можно выделить следующие методы определения величины логистических рисков, связанных с управлением запасами.

Качественные методы определения величины риска осуществляются с целью определить факторы риска, этапы и работы, при выполнении которых риск возникает, т.е. установить потенциальные области риска, после чего идентифицировать все возможные риски.

Количественные методы ставят цель количественно оценить размеры отдельных рисков и риска всего проекта.

После количественной оценки рискованности варианта вложения финансовых средств в запасы необходимы анализ финансовой реализуемости и оценка эффективности проекта с учетом оцененного риска.

Риски в управлении запасами представляется возможным измерить с помощью стандартных статистических характеристик: вычисления среднего ожидаемого значения, дисперсии, среднеквадратического отклонения, коэффициента вариации.

Может применяться следующая качественная оценка различных значений коэффициента вариации: до 10% - слабая колеблемость, 10-25% - умеренная колеблемость; свыше 25 % - высокая колеблемость [1,5].

Чем больше дисперсия и среднее квадратическое отклонение, тем выше степень риска.

Для оценки рисков в управлении запасами мы предлагаем использовать метод имитационного моделирования.

Имитационное моделирование является одним из мощнейших методов анализа экономических систем.

В общем случае, под имитацией понимают процесс проведения на ЭВМ экспериментов с математическими моделями сложных систем реального мира.

Цели проведения подобных экспериментов могут быть самыми различными – от выявления свойств и закономерностей исследуемой логистичекой системы, до решения конкретных практических задач управления запасами. С развитием средств вычислительной техники и программного обеспечения, спектр применения имитации в сфере экономики существенно расширился. В настоящее время ее используют как для решения задач внутрифирменного управления, так для моделирования управления макроэкономическом уровне. Рассмотрим основные преимущества применения имитационного моделирования [2].

Как следует из определения, имитация — это компьютерный эксперимент. Единственное отличие подобного эксперимента от реального состоит в том, что он проводится с моделью системы, а не с самой системой. Однако проведение реальных экспериментов с логистическими системами, по крайней мере, неразумно, требует значительных затрат и вряд ли осуществимо на практике. Таким образом, имитация является единственным способом исследования систем без осуществления реальных экспериментов.

Часто сбор необходимой информации для принятия решений практически невыполним или требует значительных затрат. Например, при оценке инвестиционного риска, как правило, используют прогнозные данные об объемах продаж, затратах, ценах и так далее.

Однако чтобы адекватно оценить риск необходимо иметь достаточное количество информации для формулировки правдоподобных гипотез о вероятностных распределениях ключевых параметров проекта. В подобных случаях отсутствующие фактические данные

заменяются величинами, полученными в процессе имитационного эксперимента (то есть сгенерированными компьютером).

При решении многих задач финансового и логистического анализа используются модели, содержащие случайные величины, поведение которых не поддается управлению со стороны лиц, принимающих решения. Такие модели называют стохастическими. Применение имитации позволяет сделать выводы о возможных результатах, основанные на вероятностных распределениях случайных факторов (величин). Стохастическую имитацию часто называют методом Монте-Карло [1].

Имитационное моделирование представляет собой серию численных экспериментов призванных получить эмпирические оценки степени влияния различных факторов (исходных величин) на некоторые зависящие от них результаты (показатели).

В общем случае, проведение имитационного эксперимента можно разбить на следующие этапы:

- 1) Установить взаимосвязи между исходными и выходными показателями в виде математического уравнения или неравенства.
 - 2) Задать законы распределения вероятностей для ключевых параметров модели.
 - 3) Провести компьютерную имитацию значений ключевых параметров модели.
- 4) Рассчитать основные характеристики распределений исходных и выходных показателей.
 - 5) Провести анализ полученных результатов и принять решение [3].

Первым этапом анализа является определение зависимости результирующего показателя от исходных. При этом в качестве результирующего показателя обычно выступает один из критериев эффективности.

Предположим, что используемым критерием является чистая современная стоимость (доход на капитал, инвестируемый в запасы) [4]:

$$NPV = \sum_{t=1}^{n} \frac{NCF_t}{\P + r} - I_0 \tag{1}$$

где NCF_t – величина чистого потока платежей в периоде t, тыс. руб.;

r – норма дисконта, %;

 I_0 – начальные инвестиции в запасы, тыс. руб.;

n — срок расходования запаса.

Предположительно значения нормы дисконта r и первоначальной суммы оборотного капитала, инвестируемого в запасы, известны и считаются постоянными в течении срока расходования запаса. Также неизменяемыми параметрами проекта будут являться: постоянные затраты F, сумма амортизационных отчислений A, ставка налога на прибыль T и срок расходования запаса n.

Ключевыми варьируемыми параметрами являются: финансовые вложения в запасы V, количество наименований запасов Q и средняя цена реализации запасов P. При этом будем исходить из предположения, что все ключевые переменные имеют равномерное распределение вероятностей.

Реализация третьего этапа может быть осуществлена только с применением ЭВМ, оснащенной специальными программными средствами. Поэтому для осуществления имитационного эксперимента предлагается использовать соответствующие средства пакета прикладных программ EXCEL, автоматизирующие его проведение.

Проведение имитационных экспериментов в среде EXCEL можно осуществить двумя способами – с помощью встроенных функций и путем использования инструмента «Генератор случайных чисел» дополнения «Анализ данных».

Оценим риск инвестирования оборотного капитала ОАО «Ставрополь-Лада» в запасы материальных ресурсов.

Имеются следующие исходные данные (таблица 1).

Для проведения имитационного эксперимента необходимо определить возможные границы изменений ключевых параметров. На основании графиков плотности вероятности и распределения вероятности для каждой ключевой переменной определяются минимальное и максимальное значение (таблица 2).

Таблица 1 – Исходные данные для проведения моделирования

Изменяемые переменные	Наиболее вероятное значение
1. Удельные финансовые вложения в	134
запасы, руб	134
в т.ч. 1.1. Стоимость страхового запаса	74,1
1.2. Стоимость транспортировки	0,27
1.3. Затраты на прогнозирование	0,07
1.4. Потери, связанные с дефицитом	37,2
(отсутствием) запасов	31,2
1.5. Прочие затраты (потери от порчи,	22,3
краж, стоимость обслуживания и т.д.)	22,3
2. Количество наименований запасов, шт	9561
3. Средняя цена реализации запасов, руб	385
Постоянные переменные	
1. Постоянные затраты, руб.	104730
в т.ч. 1.1. Стоимость хранения и	74450
размещения на складе	74450
1.2. Арендная плата	30280
2. Начальные инвестиции в запасы, руб.	3545259
3. Амортизационные отчисления, руб.	177262
4. Ставка налога на прибыль, %	24
5. Норма дисконта за период поставки, %	0,008
6. Средний срок расходования запаса, нед.	2

Ключевые переменные	Минимальное	Наиболее	Максимальное
	значение	вероятное	значение
		значение	
Удельные финансовые вложения, руб.	132	134	136
Средняя цена реализации запасов, руб.	380	385	390
Количество наименований запасов, шт	9680	9725	9770

Таблица 2 – Диапазоны изменений ключевых переменных

Величина ожидаемого NPV (дохода от вложения средств в запасы) равна 48744 руб. при стандартном отклонении 25979 руб. Коэффициент вариации (0,53) меньше 1. Результаты вероятностного анализа показывают, что шанс получить отрицательную величину NPV существует. Общее число отрицательных значений NPV в выборке составляет 15 из 500. Таким образом, вероятнее всего чистая современная стоимость проекта будет положительной, однако риск значителен. При этом вероятность того, что величина NPV окажется больше чем $M(NPV) + \sigma$, равна 16% (ячейка F19). Вероятность попадания значения NPV в интервал [$M(NPV) - \sigma$; M(NPV)] равна 34%.

Цену риска можно определить через показатель коэффициента вариации. В данном случае коэффициент вариации равен 0,53. Это значит, что на рубль среднего дохода (*NPV*) приходится 53 копейки возможных потерь.

Таким образом, предложенная методика позволяет в первом приближении рассчитывать доход на каптал, вложенный в запасы; анализировать возможные риски, возникающие в процессе управления запасами и определять цену таких рисков.

Литература

- 1. Кулаговская Т.А. Анализ состояния и перспективы управления запасами в цепях поставок//Интегрированная логистика. 2011. № 5. С. 6-7.
- 2. Кулаговская Т.А. Разработка экономико-математической модели управления запасами материальных ресурсов// Вестник Самарского государственного экономического университета. 2008. № 5. С. 50-53.
- 3. Лукинский В.С., Плетнева Н.Г., Порохня Т.А. Формирование номенклатурных групп на основе методов АВС и XYZ//Сборник научных трудов «Экономика и менеджмент на транспорте». СПб, 2005.
- 4. Сухова Л.Ф., Любенкова Е.П. Методологические подходы к антикризисному управлению финансами кооперативных организаций // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2009. № 4-2. С. 38-46.
- 5. Ушвицкий Л.И., Тер-Григорьянц А.А. Перспективы инновационного развития экономики ставропольского края//Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 26. С. 2-7.

УДК 338.4+339:519.86

РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ В ЛОГИСТИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ ЦЕПЯМИ ПОСТАВОК RISK MANAGEMENT IN THE LOGISTICS SUPPLY CHAIN

Любенкова Е.П., кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и бухгалтерского учета, Филиал ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет приборостроения и информатики» в г.Ставрополе

Lyubenkova E.P., PhD, Associate Professor, assistant professor of economics and accounting, Stavropol branch FGBOU VPO "Moscow State University of Instrument Engineering and Informatics" in Stavropol

e-mail: tnln@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрена сущность риск-менеджмента при управлении цепями поставок, дана характеристика современных методов оценки экономических рисков, проведена апробация методики использования имитационной модели оценки риска на автосервисных предприятиях.

Abstract: In this article the essence of risk management in supply chain management, the features of modern methods of evaluating the economic risk approbation of methods of using a simulation model of risk assessment on auto service companies.

Ключевые слова: цепи поставок, логистика, риск-менеджмент, методы оценки рисков, имитационное моделирование

Keywords: supply chain, logistics, risk management, risk assessment methods, simulation

В последние десятилетия, когда механизмы снабжения, производства и распределения готовой продукции начали захватывать не одну страну, цепочки поставок между организацией и структурами, с которыми она связана, постепенно удлиняются, становятся более сложными и дорогостоящими. В подобных условиях глобализации необходим поиск эффективных логистических решений, способных учесть сложный характер конфигурации цепей поставок, географические масштабы хозяйственных операций, многомерность и интеграцию материальных, информационных и финансовых потоков.

Логистическая система в любой практической реализации – от процесса перемещения грузов до процессов товародвижения в рыночном пространстве – включает множество разнородных элементов, функционирование которых находится под влиянием различных факторов и сопряжено с определенным риском. Одним из принципов логистики является надежность, причем на микро- и макрологистическом уровнях. Это означает, что риск функционирования логистической системы должен быть сведен к минимуму или вообще

нейтрализован.

Эффективность деятельности отдельно взятой организации сегодня зависит не только от результативности внутренних операций и функций, но и от вклада каждого участника в цепи поставок. Сегодня каждая организация становится частью цепи поставок как взаимовыгодного партнёрства и сотрудничества. В этой связи важнейшей задачей становится управление рисками на каждом этапе цепи поставок наряду с «созданием стоимости» в звеньях цепи поставок. Это, в свою очередь, предполагает обеспечение более полного выявления и идентификации причин возможных рисков в процессе взаимоотношений с покупателями, поставщиками и посредниками в цепи поставок и требует совершенствования методов их количественной оценки.

В деятельности компании постоянно возникают разнообразные риски, имеющие разную природу происхождения. Так, будущие затраты на материальное обеспечение существенно зависят от внешних условий, изменения цен на факторы производства. В деятельности каждой фирмы существенную роль играют и внутренние факторы риска, природа которых в каждом конкретном случае уникальна. Кроме того, не следует забывать и о влиянии форс-мажорных, непредсказуемых событий, вероятность реализации которых также следует учитывать при оценке риска.

Сегодня управление рисками является тщательно планируемым процессом. Задача управления риском органически вплетается в общую проблему повышения эффективности работы предприятия. Пассивное отношение к риску и осознание его существования, заменяется активными методами управления.

Риск - это финансовая категория. Поэтому на степень и величину риска можно воздействовать через финансовый механизм. Такое воздействие осуществляется с помощью приемов финансового менеджмента и особой стратегии. В совокупности стратегия и приемы образуют своеобразный механизм управления риском, т.е. риск-менеджмент.

Риск-менеджмент представляет собой систему управления риском и экономическими, точнее, финансовыми отношениями, возникающими в процессе этого управления. В основе риск-менеджмента лежат целенаправленный поиск и организация работы по снижению степени риска, искусство получения и увеличения дохода (выигрыша, прибыли) в неопределенной хозяйственной ситуации.

Систему управления риском можно охарактеризовать как совокупность методов, приемов и мероприятий, позволяющих в определенной степени прогнозировать наступление рисковых событий и принимать меры к исключению или снижению отрицательных последствий наступления таких событий [1].

Экономические риски, связанные с приобретением и движением материальных ресурсов, обусловлены влиянием факторов риска, выделяемых с учетом конкретных условий исполнения рассматриваемого проекта, которые не позволяют однозначно определить будущие приобретения и расходы, связанные с его осуществлением.

Логистическая система управления цепями поставок дает огромное множество и разнообразие форм практической реализации. Одной из таких форм является система,

состоящая из следующих блоков (подсистем): закупка, транспортировка, хранение, материально-техническое снабжение, внутрипроизводственное движение материальных ресурсов. Для каждой из этих подсистем имеет место определенный риск, и соответственно ему выбираются способы страхования (табл.1).

Наименование логистических Риск Способ страхования подсистем Функционально-ценовой анализ. Несоответствие цены качеству Соблюдение бюджетных Закупки товара. Увеличение затрат в ограничений. Оптимизация (по производстве Парето) условий сделки Оптимизация маршрутов Увеличение транспортных Диспетчеризация. Охрана Транспортировка имущества. Имущественное издержек Нарушение графика поставок. Утрата имущества страхование. Страхование ответственности Несбалансированность Нормирование расхода (несоответствие объема материальных ресурсов. поставок потребностям) Материально-Входной контроль. Несоответствие по качеству техническое Управление производственными материальных ресурсов. снабжение запа-сами. Оперативные закупки. Ситуации возникновения Управление производственными дефицита. Сверхнормативные запасами. Поставки "точно в срок" запасы и неликвиды Управление запасами в Внутрипроизводстве Нарушение нное движение незавершенном производстве.

Таблица 1 - Риски и страхование в логистических системах [3]

Под оценкой риска понимается систематический процесс выявления факторов и видов риска и их количественная оценка, то есть методология анализа рисков сочетает взаимодополняющие количественный и качественный подходы [1].

производственного ритма

Поэтому можно выделить два этапа оценки риска: качественный и количественный (рис.1).

Задачей качественного анализа риска является выявление источников и причин риска, этапов и работ, при выполнении которых возникает риск, то есть:

- определение потенциальных зон риска;

материальных

ресурсов

Подготовка материалов к производственному потреблению

- выявление рисков, сопутствующих деятельности предприятия;
- прогнозирование практических выгод и возможных негативных последствий проявления выявленных рисков.

Основная цель данного этапа оценки — выявить основные виды рисков, влияющих на финансово-хозяйственную деятельность. Преимущество такого подхода заключается в том, что уже на начальном этапе анализа руководитель предприятия может наглядно оценить степень рискованности по количественному составу рисков и уже на этом этапе отказаться от претворения в жизнь определенного решения.

Итоговые результаты качественного анализа риска, в свою очередь, служат исходной информацией для проведения количественного анализа, то есть оцениваются только те риски, которые присутствуют при осуществлении конкретной операции алгоритма принятия решения.

На этапе количественного анализа риска вычисляются числовые значения величин отдельных рисков и риска объекта в целом. Также выявляется возможный ущерб и дается стоимостная оценка от проявления риска и, наконец, завершающей стадией количественной оценки является выработка системы антирисковых мероприятий и расчет их стоимостного эквивалента.

Количественный анализ можно формализовать, для чего используется инструментарий теории вероятностей, математической статистики, теории исследования операций. Наиболее распространенными методами количественного анализа риска являются статистические, аналитические, метод экспертных оценок, метод аналогов.

После количественной оценки рискованности варианта вложения финансовых средств в запасы необходимы анализ финансовой реализуемости и оценка эффективности проекта с учетом оцененного риска. На наш взгляд, наиболее применимы методы, представленные на рисунке 2.

Стр 81 отдельным файлом

Суть статистических методов оценки риска заключается в определении вероятности возникновения потерь на основе статистических данных предшествующего периода и установлении области (зоны) риска, коэффициента риска и т.д. Достоинствами статистических методов является возможность анализировать и оценивать различные варианты развития событий и учитывать разные факторы рисков в рамках одного подхода. Основным недостатком этих методов считается необходимость использования в них вероятностных характеристик. Возможно применение следующих статистических методов: оценка вероятности исполнения, анализ вероятного распределения потока платежей, деревья решений, имитационное моделирование рисков, а также технология «Risk Metrics».

Метод оценки вероятности исполнения позволяет дать упрощенную статистическую оценку вероятности исполнения какого- либо решения путем расчета доли выполненных и невыполненных решений в общей сумме принятых решений.

Метод анализа вероятностных распределений потоков платежей позволяет при известном распределении вероятностей для каждого элемента потока платежей оценить возможные отклонения стоимостей потоков платежей от ожидаемых. Поток с наименьшей вариацией считается менее рисковым.

Деревья решений обычно используются для анализа рисков событий, имеющих обозримое или разумное число вариантов развития. Они особо полезны в ситуациях, когда решения, принимаемые в момент времени t=n, сильно зависят от решений, принятых ранее, и в свою очередь определяют сценарии дальнейшего развития событий.

Имитационное моделирование является одним из мощнейших методов анализа экономической системы. В общем случае под ним понимается процесс проведения на ЭВМ экспериментов с математическими моделями сложных систем реального Имитационное моделирование используется в тех случаях, когда проведение реальных экспериментов, например, с экономическими системами, неразумно, требует значительных затрат и/или не осуществимо на практике. Кроме того, часто практически невыполним или требует значительных затрат сбор необходимой информации для принятия решений, в подобных случаях отсутствующие фактические заменяются данные величинами, полученными процессе имитационного эксперимента (т.е. генерированными компьютером).

Технология «Risk Metrics» разработана компанией «J.P. Morgan» для оценки риска рынка ценных бумаг. Методика подразумевает определение степени влияния риска на событие через вычисление «меры риска», то есть максимально возможного потенциального изменения цены портфеля, состоящего из различного набора финансовых инструментов, с заданной вероятностью и за заданный промежуток времени.

Аналитические методы позволяют определить вероятность возникновения потерь на основе математических моделей и используются в основном для анализа риска инвестиционных проектов. Возможно использование таких методов, как анализ чувствительности, метод корректировки нормы дисконта с учетом риска, метод эквивалентов, метод сценариев.

Анализ чувствительности сводится к исследованию зависимости некоторого результирующего показателя от вариации значений показателей, участвующих в его определении.

Метод корректировки нормы дисконта с учетом риска является наиболее простым и вследствие этого наиболее применяемым на практике. Основная его идея заключается в корректировке некоторой базовой нормы дисконта, которая считается безрисковой или минимально приемлемой. Корректировка осуществляется путем прибавления величины требуемой премии за риск.

С помощью метода достоверных эквивалентов осуществляется корректировка ожидаемых значений потока платежей путем введения специальных понижающих коэффициентов с целью приведения ожидаемых поступлений к величинам платежей, получение которых практически не вызывает сомнений и значения которых могут быть достоверно определены.

Метод сценариев позволяет совместить исследование чувствительности результирующего показателя с анализом вероятностных оценок его отклонений. С помощью этого метода можно получить достаточно наглядную картину для различных вариантов событий. Он представляет собой развитие методики анализа чувствительности, так как включает одновременное изменение нескольких факторов.

Метод экспертных оценок представляет собой комплекс логических и математикостатистических методов и процедур по обработке результатов опроса группы экспертов, причем результаты опроса являются единственным источником информации. В этом случае возникает возможность использования интуиции, жизненного и профессионального опыта участников опроса. Метод используется тогда, когда недостаток или полное отсутствие информации не позволяет использовать другие возможности. Метод базируется на проведении опроса нескольких независимых экспертов, например, с целью оценки уровня риска или определения влияния различных факторов на уровень риска. Затем полученная информация анализируется и используется для достижения поставленной цели. Основным ограничением в его использовании является сложность в подборе необходимой группы экспертов.

Метод аналогов используется в том случае, когда применение иных методов по каким-либо причинам неприемлемо. Метод использует базу данных аналогичных объектов для выявления общих зависимостей и переноса их на исследуемый объект.

В данной работе для оценки рисков в управлении цепями поставок предлагается использовать метод имитационного моделирования.

В результате проведения имитационных исследований могут быть достигнуты следующие цели:

- получение информации о поведении реальной системы;

- экспериментальная отработка проектируемых систем или изменяемых действующих систем путем перебора параметров и определения максимального эффекта при определенном наборе;
 - прогнозирование поведения системы в будущем;
 - обучение работников в режиме деловых игр;
- решение сложных математических, в том числе вероятностных, задач с применением ЭВМ;
- оперативное управление в реальном режиме времени (корректировка графиков, расписаний, перераспределение ресурсов и т.д.).

Имитации с проведением экспериментов на ЭВМ, описывающие поведение сложных систем, получили название вычислительных экспериментов. Основу их составляет компьютерное моделирование систем. В общем случае, проведение имитационного эксперимента можно разбить на следующие этапы.

- 1) Установить взаимосвязи между исходными и выходными показателями в виде математического уравнения или неравенства.
 - 2) Задать законы распределения вероятностей для ключевых параметров модели.
 - 3) Провести компьютерную имитацию значений ключевых параметров модели.
- 4) Рассчитать основные характеристики распределений исходных и выходных показателей.
 - 5) Провести анализ полученных результатов и принять решение [2].

Первым этапом анализа является определение зависимости результирующего показателя от исходных. При этом в качестве результирующего показателя обычно выступает один из критериев эффективности[3].

Предположим, что используемым критерием является чистая современная стоимость (доход на капитал, инвестируемый в запасы) [4]:

$$NPV = \sum_{t=1}^{n} \frac{NCF_t}{\P + r} - I_0 \tag{1}$$

где NCF_t – величина чистого потока платежей в периоде t, тыс. руб.;

r – норма дисконта, %;

 I_0 – начальные инвестиции в запасы, тыс. руб.;

n — срок расходования запаса.

Предположительно значения нормы дисконта r и первоначальной суммы оборотного капитала, инвестируемого в запасы, известны и считаются постоянными в течение срока расходования запаса. Также неизменяемыми параметрами проекта будут являться: постоянные затраты F, сумма амортизационных отчислений A, ставка налога на прибыль T и срок расходования запаса n.

Ключевыми варьируемыми параметрами являются: финансовые вложения в запасы V, количество наименований запасов Q и средняя цена реализации запасов P. При этом будем

исходить из предположения, что все ключевые переменные имеют равномерное распределение вероятностей.

Реализация третьего этапа может быть осуществлена только с применением ЭВМ, оснащенной специальными программными средствами. Поэтому для осуществления имитационного эксперимента предлагается использовать соответствующие средства пакета прикладных программ EXCEL, автоматизирующие его проведение.

Проведение имитационных экспериментов в среде EXCEL можно осуществить двумя способами — с помощью встроенных функций и путем использования инструмента «Генератор случайных чисел» дополнения «Анализ данных».

Проведем оценку риска инвестирования оборотного капитала ОАО «Ставрополь-Лада» в запасы материальных ресурсов.

Имеются следующие исходные данные (табл.2).

Таблица 2 – Исходные данные для проведения моделирования

Изменяемые переменные	Наиболее вероятное значение		
1. Удельные финансовые вложения в запасы, руб.	134		
в т.ч. 1.1. Стоимость страхового запаса	74,1		
1.2. Стоимость транспортировки	0,27		
1.3. Затраты на прогнозирование	0,07		
1.4. Потери, связанные с дефицитом (отсутствием) запасов	37,2		
1.5. Прочие затраты (потери от порчи, краж, стоимость обслуживания и т.д.)	22,3		
2. Количество наименований запасов, шт.	9561		
3. Средняя цена реализации запасов, руб.	385		
Постоянные переменные			
1. Постоянные затраты, руб.	104730		
в т.ч. 1.1. Стоимость хранения и размещения на складе	74450		
1.2. Арендная плата	30280		
2. Начальные инвестиции в запасы, руб.	3545259		
3. Амортизационные отчисления, руб.	177262		
4. Ставка налога на прибыль, %	24		
5. Норма дисконта за период поставки, %	0,008		
6. Средний срок расходования запаса, нед.	2		

Для проведения имитационного эксперимента необходимо определить возможные границы изменений ключевых параметров.

На основании графиков плотности вероятности и распределения вероятности для каждой ключевой переменной определяются минимальное и максимальное значение (таблица 3).

Таблица 3 – Диапазоны изменений ключевых переменных

Ключевые переменные	Минимальное значение	Наиболее вероятное значение	Максимальное значение
Удельные финансовые вложения, руб.	132	134	136
Средняя цена реализации запасов, руб.	380	385	390
Количество наименований запасов, шт.	9680	9725	9770

Оценим риски управления запасами с помощью инструмента «Генерация случайных чисел». Полученные результаты решения приведены на рисунках 3, 4.

Рисунок 3 – Результаты и1митационного эксперимента

	A1 ▼ № Исходные условия эксперимента				
	А	В	С	D	Е
1	Исходные условия эксперимента				
2		Удельные финансовые вложения в запасы	Количество наименований запасов	Средняя цена реализации	Вероятность
3	Минимум	132	9680	380	0,05
4	Вероятное	134	9725	385	0,9
5	Максимум	136	9770	390	0,05
6					
7	Среднее	134,00	9725,00	385,00	
8	Отклонение	0,63	14,23	1,58	
9					
10	Экспериментов =	500		Номер строки =	512
11					
12	Финансовые вложения (V)	Количество (Q)	Цена (Р)	Поступления (NCFt)	ЧСС (NP√t)
13	133,8108537	9717,311885	383,3951638	1806167,40	24 185,59p.
14	133,1950596	9732,237195	383,9143812	1817393,61	46 371,42p.
15	134,1538821	9719,78158	385,9726363	1823141,78	57 731,26p.
16	134,8041783	9742,121893	384,5897432	1812363,56	36 430,76p.
17	134,7549606	9747,447313	384,371953	1812125,73	35 960,74p.
18	135,0918739	9735,497216	383,7905368	1803063,99	18 052,45p.
19	132,6243398	9692,961031	383,8821672	1813876,65	39 421,02p.
20	133,8524658	9723,538205	384,2648839	1813468,06	38 613,54p.
21	134,6898642	9702,761767	387,5636828	1827664,64	66 669,57p.
22	133,3153786	9726,574569	383,2718439	1810675,43	33 094,59p.
23	133,5651714	9721,889849	386,4245572	1831234,11	73 723,76p.
24	132,9350276	9736,696885	·	1816875,60	45 347,71p.
25	132,8364461	9717,396155		1807202,24	26 230,68p.
26	133,3840934	9725,605982		1829413,81	70 126,37p.
27	133,5126906	9712,53196		1825951,29	63 283,56p.
28	132,6657033		384,542297	1821371,46	54 232,66p.
29	133,6422073	9707,987597	383,5777995	1806990,52	25 812,27p.

	Имитационный ана				·	
	· ······ and	Имитационный анализ (Метод Монте-Карло)				
	Нормальное распределение					
łачальные инвест. (I)			0,01			
1ост. Расходы (F)	104730,00	Налог (Т)	0,24			
\мортизация (A)	177262,00	Срок (n)	2,00			
Т оказатели	Финансовые (V)	Количество (Q)	Цена (Р)	Поступления (NCFt)	NPV	
реднее значение	134,03	9725,11	385,09	1818594,22	48744,12	
тандарт.отклонение	0,64	13,58	1,63	13145,97	25979,76	
(оэф. Вариации	00,00	0,00	00,00	0,01	0,53	
Линимум	132,26	9679,37	380,40	1779569,57	-28378,48	
Лаксимум	135,79	9759,38	389,66	1856291,66	123243,83	
łисло случаев NPV<0					15,00	
умма убытков					-151293,43	
умма доходов					24523354,83	
o (E<=0)	0,00	0,00	00,00	0,00	0,03	
^ο (M(E)+σ<=E<=max)	0,16	0,15	0,16	0,16	0,16	
^O (M(E)-σ<=E<=M(E))	0,34	0,34	0,34	0,34	0,34	
	ост. Расходы (F) мортизация (A) оказатели реднее значение тандарт.отклонение оэф. Вариации минимум мисло случаев NPV<0 умма убытков умма доходов (E<=0)	ост. Расходы (F) 104730,00 мортизация (A) 177262,00 оказатели Финансовые (V) реднее значение 134,03 тандарт. отклонение 0,64 оэф. Вариации 0,00 минмум 132,26 минмум 135,79 исло случаев NPV<0 умма убытков умма доходов (E<=0) 0,00 мме (M(E)+σ<=E<=max) 0,16	ост. Расходы (F) 104730,00 Налог (T) мортизация (A) 177262,00 Срок (n) Оказатели Финансовые (V) Количество (Q) Реднее значение 134,03 9725,11 тандарт. отклонение 0,64 13,58 оэф. Вариации 0,00 0,00 минимум 132,26 9679,37 9759,38 исло случаев NPV<0 умма убытков умма доходов (E<=0) 0,00 0,00 (M(E)+σ<=E<=max) 0,16 0,15	ост. Расходы (F) 104730,00 Налог (T) 0,24 мортизация (A) 177262,00 Срок (n) 2,00 оказатели Финансовые (V) Количество (Q) Цена (P) реднее значение 134,03 9725,11 385,09 тандарт. отклонение 0,64 13,58 1,63 оэф. Вариации 0,00 0,00 0,00 14имум 132,26 9679,37 380,40 14ксимум 135,79 9759,38 389,66 исло случаев NPV<0 умма убытков умма доходов (E<=0) 0,00 0,00 0,00 0,00 (M(E)+σ<=E<=max) 0,16 0,15 0,16	ост. Расходы (F) 104730,00 Налог (T) 0,24 мортизация (A) 177262,00 Срок (n) 2,00 оказатели Финансовые (V) Количество (Q) Цена (P) Поступления (NCFt) реднее значение 134,03 9725,11 385,09 1818594,22 тандарт. отклонение 0,64 13,58 1,63 13145,97 озф. Вариации 0,00 0,00 0,00 0,01 инимум 132,26 9679,37 380,40 1779569,57 аксимум 135,79 9759,38 389,66 1856291,66 исло случаев NPV<0 9мма убытков 9мма доходов (E<=0) 0,00 0,00 0,00 0,00 0,00 (M(E)+σ<=E<=max) 0,16 0,15 0,16 0,16	

Рисунок 4 – Результаты анализа

Величина ожидаемого NPV (дохода от вложения средств в запасы) равна 48744 руб. при стандартном отклонении 25979 руб. Коэффициент вариации (0,53) меньше 1. Результаты вероятностного анализа показывают, что шанс получить отрицательную величину NPV существует. Общее число отрицательных значений NPV в выборке составляет 15 из 500. Таким образом, вероятнее всего чистая современная стоимость проекта будет положительной, однако риск значителен. При этом вероятность того, что величина NPV окажется больше чем $M(NPV) + \sigma$, равна 16%. Вероятность попадания значения NPV в интервал $M(NPV) - \sigma$; M(NPV) равна 34%.

Цену риска можно определить через показатель коэффициента вариации. В данном случае коэффициент вариации равен 0,53. Это значит, что на рубль среднего дохода (*NPV*) приходится 53 копейки возможных потерь.

В итоге проведенных расчетов становится ясным, что риски, связанные с управлением запасами очень высоки. Затраты на хранение материальных запасов значительны, поэтому прибыль на капитал, вложенный в материальные запасы, должна быть также высока и не меньше, чем от иного использования такой же суммы денежных средств с аналогичным риском.

Таким образом, предложенная методика позволяет в первом приближении рассчитывать доход на каптал, вложенный в запасы; анализировать возможные риски, возникающие в процессе управления запасами и определять цену таких рисков.

Литература

- 1. *Борисова, 3. Н.* Теоретические основы принятия рисковых решений в процессе управления на объектах экономической деятельности [Электронный ресурс] // Проблемы современной экономики. N 3 (27). 2008. Режим доступа: http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2091.
- 2. *Кулаговская*, *Т.А.* Разработка экономико-математической модели управления запасами материальных ресурсов // Вестник Самарского государственного экономического университета. -2008. -№ 5. С. 50-53.
- 3. Логистическая система управления ресурсами на предприятии [Электронный ресурс] / Зачет без хлопот... / Главная / Логистика Режим доступа: http://www.libsid.ru/logistika/logisticheskaya-sistema-upravleniya-resursami-na-predpriyatii/vse-stranitsi Загл. с экрана.
- 4. *Лукинский*, *В.В.* Методы расчета основных параметров моделей (стратегий) управления запасами в цепях поставок / В.В. Лукинский, Т.А. Кулаговская, Ю.В. Малевич // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. 2009. Т. 28. –№ 1. С. 217-226.

УДК 330

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ АНАЛИЗА ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ ТО A QUESTION ABOUT THE METHOD OF ANALYSIS OF THE FINANCIAL CONDITION OF THE COMPANY

Каракчиева Л. О., преподаватель кафедры организации производства, магистр, Караганда (Республика Казахстан), Карагандинский государственный технический университет

Karakchieva L.O., lecturer in the organization of production, the masterKaraganda (Kazakhstan), Karaganda State Technical University

e-mail: lyuda_12_74@mail.ru

Аннотация: Рассмотрены подходы к методике анализа финансового состояния предприятия.

Annotation: The approaches to the methodology of the analysis of the financial condition of the company.

Ключевые слова: финансовый анализ, финансовая отчетность, аналитические процедуры.

Key words: financial analysis, financial reporting, analytical procedures.

В последнее время в периодической печати, а также отдельными изданиями был опубликован целый ряд методических рекомендаций по проведению финансового анализа. Авторы этих работ предлагают различные методики финансового анализа. В основе большинства из этих методик, что является важнейшей особенностью их, лежит анализ целой системы новых показателей, которые в нашей отечественной практике не использовались. Наши научные и практические работники активно осваивают зарубежный опыт финансового анализа и управления хозяйствующими субъектами. Определенный интерес вызывают у них предложения авторов опубликованных методических разработок в отношении последовательности проведения анализа финансового положения предприятия. Так, авторский коллектив Государственного экономического университета Республики Беларусь под руководством В.И. Стражева предлагает начать анализ финансового положения активов и пассивов, с анализа его переходя затем платежеспособности и финансовой устойчивости предприятия, отдачи активов краткосрочного прогноза финансового положения. О.В. Ефимова начинает свою методику анализа аналогично, т.е. с оценки структуры имущественной массы, что является одной из важнейших задач каждого хозяйственника и позволяет сделать предварительную оценку платежеспособности и ликвидности предприятия.

И.М. Лоханина и З.К. Золкина сначала осуществляют проверку качества составления отчетности, затем проводят чтение ее, на базе которого предварительно оценивают финансовое положение предприятия, после чего проводят углубленный (детальный) анализ имущественного состояния предприятия и источников его формирования, финансовой независимости и платежеспособности предприятия.

Оригинальную методику анализа финансового положения предприятия предложили А.Д. Шеремет и Р.С. Сайфулин. Она включает в себя следующие блоки анализа: общая оценка финансового состояния и его изменения за отчетный период; анализ финансовой устойчивости предприятия; анализ ликвидности баланса; анализ деловой активности и платежеспособности предприятия.

Оценка финансового состояния и его изменения за отчетный период по сравнительному аналитическому балансу — нетто, а также анализ абсолютных показателей финансовой устойчивости, по их мнению, составляют тот основной исходный пункт, из которого должны развиваться остальные блоки анализа финансового состояния. Анализ ликвидности баланса, исходя из анализа устойчивости, должен оценивать текущую платежеспособность и давать заключение о возможности сохранения финансового равновесия и платежеспособности в будущем.

В.А. Андреев и В.В. Ковалев предлагают организовать работу по оценке финансового положения предприятия в виде двухмодульной структуры: экспресс-анализа и углубленного (детализированного) анализа. Целью экспресс-анализа является оценка финансового благополучия и динамики развития хозяйствующего субъекта. В рамках его осуществляется расчет, контроль и анализ в динамике небольшого числа основных показателей, что позволяет наглядно и просто достичь поставленной цели.

Нами рассмотрен первый аспект использования финансового анализа при аудиторской проверке финансовой отчетности.

Второй аспект рассматривает финансовый анализ как вид аудиторских услуг, т.е. как услуги аудитора или аудиторской фирмы клиенту. Руководству хозяйствующего субъекта, собственникам и акционерам нужна полная и обстоятельная информация о финансовом положении предприятия в конце отчетного периода, результатах его финансово-хозяйственной деятельности за отчетный год. Такая информация может быть получена на основе проведения комплексного анализа финансовой отчетности.

Эволюция развития аудита показывает, что удельный вес аналитических услуг в деятельности аудиторских фирм все более возрастает. Клиентов интересует не только текущее финансовое положение своего предприятия, но и перспективы роста, ожидаемые последствия от принятых решений, сканирование возможностей достижения стратегических целей.

Аналитические процедуры, включающие в себя анализ финансового положения предприятия, анализ финансовых результатов его деятельности, анализ оборачиваемости

текущих активов (оценку деловой активности), оценку потенциального банкротства, являются независимыми аудиторскими процедурами, применяемыми аудитором для обоснования аудиторских доказательств. В международном нормативе аудита 12 аналитические процедуры определены как вид независимых процедур для получения аудиторских доказательств. Этот норматив требует использования аналитических процедур в планировании и обзоре всех проверок. Он свидетельствует о том, что аналитические процедуры являются важной частью аудита и относятся к числу сопутствующих ему услуг.

Аналитические процедуры бывают различных видов, начиная с простейших сравнений и заканчивая комплексным анализом с использованием сложных моделей, включающих многосторонние взаимосвязи, элементы базы данных, статистические методы.

Перед непосредственным проведением анализа аудитор прежде всего определяет его цели и задачи. Затем разрабатывает программу анализа, которая может состоять из следующих трех этапов:

- выбор приемов и методов анализа, оптимальных для достижения поставленных целей и задач;
 - определение информационной базы анализа;
- установление критерия при принятии решений в случае выявления необычных колебаний.

Для осуществления своих функций аудитору необходимо быть знакомым и понимать содержание деятельности клиента, а также его взаимоотношения со своими партнерами. Знакомство с бизнесом клиента является обязательным этапом в работе аудитора как на этапе заключения договора, так и в ходе самой проверки.

Аналитические процедуры аудитора в ходе предварительного ознакомления с бизнесом клиента сводятся к следующим типовым действиям:

- сравнение текущих данных с данными предыдущих периодов;
- сравнение текущих данных с данными бизнес-плана;
- сравнение текущих данных предприятия со средними отраслевыми данными;
- сравнение фактических данных с расчетами самого аудитора;
- сравнение текущих данных с нормативными (или оптимальными) значениями.

Рассмотрим содержание этих действий аудитора при проведении аналитических процедур.

1 Сравнение текущих данных с данными предыдущих периодов. Сравнительный анализ учетных и отчетных данных клиента за несколько временных периодов заключается прежде всего в изучении аудитором отклонений (по сумме и в процентах) по выбираемым им показателям, а также процентных соотношений между промежуточными и итоговыми показателями в отчетности. При этом обращается внимание на имевшее место изменения, которые могут отражать различные тенденции в хозяйственной деятельности клиента или являться результатом влияния различных факторов. Так, понижение процентного отношения дохода к объему продаж за отчетный период может свидетельствовать о возрастающей

конкуренции в той сфере, где работает клиент, или же о наличии морально устаревших запасов готовой продукции на складе предприятия.

Существенные неожиданные разницы между данными предварительной отчетности клиента за текущий период и другой информацией прошлых лет, используемой для сравнения, называют в учетной и аудиторской практике необычными колебаниями. Одной из возможных причин существования необычных разниц являются преднамеренные непреднамеренные ошибки в учете и отчетности. Таким образом, если сумма необычных колебаний велика, то аудитор должен установить вызвавшие их причины и определить, является ли это результатом воздействия нормальных экономических явлений или же ошибкой. Предположим, что по сравнению с прошлым годом произошло уменьшение значений двух следующих коэффициентов: во-первых, соотношение между возможной суммой сомнительной дебиторской задолженности и общей величиной счетов дебиторов и, во-вторых, отношение объема продаж за период к общей сумме счетов дебиторов. Из сказанного можно сделать вывод о возможном занижении суммы сомнительной дебиторской задолженности в текущем году.

Несопоставимость данных аналитического и синтетического учета может служить сигналом о недостоверности отчетных данных. Проверка первичных документов и регистров бухгалтерского учета включает также их счетную проверку. Особое внимание при этом следует обращать на документы, принятые для выплаты наличных денег, оприходования или списания товарно-материальных ценностей и т.д., т.е. на случаи, когда общая сумма выплаченных денег, оприходованной или израсходованной продукции определяется на основании итоговых данных ведомостей, накладных и т.п.

- 2 Сравнение текущих данных с данными бизнес-плана. Хозяйствующие субъекты планируют свою предпринимательскую деятельность (составляют бизнес-план) и ее финансовые результаты, что является важнейшей составной частью управленческого учета. При сравнительном анализе фактических и плановых показателей аудитору необходимо определить, являются ли плановые сметы результатами для исполнения; были ли фактические данные за текущий период изменены с целью достижения запланированных. Для решения первого вопроса аудитор проводит разбор содержания и порядка составления сметы и обсуждает их с клиентом; для второго детально тестируются фактические показатели[1].
- 3 Сравнение текущих данных предприятия со средними отраслевыми данными. Анализируя показатели отчетности клиента, аудитор может квалифицировать позиции предприятия как устойчивые, без каких-либо финансовых трудностей. Однако при сравнении со среднеотраслевыми данными картина может измениться. В США публикуются специальные статистические издания, в которых собраны различные относительные показатели, рассчитанные на базе внешней отчетности 1000 компаний и корпораций. Многие аудиторские фирмы покупают их публикации для использования в качестве основы сравнительного анализа при проведении аудита.

Преимущество данного метода в том, что в результате его аудитор глубже понимает содержание бизнеса клиента и имеет возможность оценить устойчивость его финансовых позиций, платежеспособность и кредитоспособность. Недостаток же его – в неточности основанных на нем выводов из-за разнородности сравниваемых показателей.

4 Сравнение фактических данных клиента с расчетами самого аудитора. Руководствуясь учетными стандартами, аудитор самостоятельно пересчитывает те или иные показатели отчетности, особенно если они получены в результате расчетов. Примерами здесь могут быть расчет суммы сомнительной дебиторской задолженности с использованием процентов возможных неуплат по счетам дебиторов; процентов по текущей и долгосрочной кредиторской задолженности клиента за отчетный период; амортизационных отчислений по объектам и т.п. В качестве источников информации берут данные прошлых лет, планы на текущий год, отраслевые данные и оперативную информацию. При этом аудитор должен критически подходить к привлекаемой им информации, оценивать степень ее достоверности и объективности[2].

Сравнивая собственный результат с результатом клиента, аудитор должен определить минимальную и максимальную границу возможной разницы, наличие которой не требует дополнительного тестирования. Решение данной задачи зависит от степени существенности (материальности) выявленной разницы по отношению к связанным с ней показателям и всей отчетности в целом. Если значение выявленной разницы, по мнению аудитора, неприемлемо, то он должен попытаться найти реальное объяснение для нее. Все объяснения бухгалтерии клиента по поводу возникшей разницы всегда должны быть подкреплены действующими документами. Если аудитор не удовлетворен ими, то он считает выявленную разницу ошибкой, проводит дополнительное тестирование и отражает это в своем отчете[3].

- 5 Сравнение текущих данных с нормативными (или оптимальными) значениями. Это сопоставление аудитор применяет при определении эффективности использования производственной мощности предприятия, материальных и трудовых ресурсов, финансовой устойчивости и платежеспособности предприятия. Так, например, в качестве базы сравнения текущих данных могут служить теоретически обоснованные или полученные в результате экспертных опросов величины, характеризующие оптимальные или критические с точки зрения устойчивости финансового положения значения относительных показателей. Например:
- коэффициент автономии, равный доле собственного капитала в общем итоге баланса; его минимальное значение теоретически оценивается на уровне 0,5;
- коэффициент соотношения заемных и собственных средств, равный отношению величины обязательств предприятия к величине его собственного капитала, должен быть менее 1,0;
- коэффициент текущей ликвидности, представляющий собой отношение всех текущих активов (за вычетом расходов будущих периодов) к величине краткосрочных обязательств, должен быть в пределах 2,0-3,0.

Обязательным этапом в работе аудитора является предварительный обзор финансового положения предприятия, который проводится на базе баланса. Оценка финансового положения предприятия в сжатом и концентрированном виде нужна аудитору как ориентир, как сигнальный указатель. Она выполняет роль подсказки для выбора правильного решения в процессе аудирования. Осведомленность аудитора как следствие проведенного краткого финансового анализа придает ему уверенности в своих действиях, помогает правильно спланировать проверку, выявить слабые места в системе учета, определить нетипичные ситуации в деятельности предприятия и в его отчетности. Таким образом, правильно организованный предварительный обзор финансового положения предприятия ведет к снижению риска аудитора в ходе проверки. Процедуры предварительного обзора могут с успехом применяться и на последующих этапах проверки. «В таком понимании, — пишет А.Д. Шеремет, — финансовый анализ играет в аудите вспомогательную роль. Его приемы и методы подчинены целиком целям и задачам аудиторской проверки. Однако все более выпуклой становится тенденция к росту самостоятельности финансового анализа в аудите».

При проведении существенного анализа аудитор должен быть знаком с бизнесом клиента, операциями, структурой внутреннего контроля, персоналом. Он также должен иметь представление об изменениях в экономической и промышленной среде, связанных с хозяйственной деятельностью клиента. Такое представление должно охватывать внутренние и внешние факторы, способные повлиять на принятие управленческих решений и подготовку финансовой отчетности. В заключение следует отметить, что со своими выводами, полученными в результате проведения аналитических процедур аудитор обязан ознакомить руководство предприятия и в свою очередь выслушать его оценки финансового положения и перспектив развития, скорректировать свои выводы, если это необходимо, и изложить их в письменном виде с подробными рекомендациями, направленными на улучшение деятельности предприятия-клиента. Обычно такие рекомендации приводятся в акте аудиторской проверки.

Пока такой анализ не стал обычным, весьма важным и необходимым дополнением к проводимым аудиторским проверкам. Причина здесь заключается в отсутствии социального заказа, насущной потребности руководства в точном знании финансового положения предприятия и перспектив его развития. Вот почему и «ржавеют» в арсеналах экономической науки эффективные аналитические методы, разработанные отечественными и зарубежными специалистами. Остается надеяться, что такое положение долго не сохранится и сама жизнь заставит руководителей стать по-настоящему рачительными и предприимчивыми, проявлять находчивость и жизнестойкость, а потому ими с благодарностью будет встречена любая толковая рекомендация, использование которой позволит улучшить работу предприятия. Но пока на это остается только надеяться[4].

По-другому обстоит дело в странах с развитой рыночной экономикой. Там центр тяжести аудиторской деятельности уже давно переместился с проверок и подтверждения достоверности отчетности на текущее консультирование по самым разнообразным вопросам с тем, чтобы, например, усовершенствовать систему управления предприятием, изменить в

лучшую сторону социальный климат, добиться психологической совместимости среди работающих и, конечно, улучшить систему учета и отчетности на основе использования вычислительной и организационной техники, компьютеров, самых эффективных форм и методов учета. Подобная аудиторская профилактическая работа позволяет избежать в будущем неприятностей, в том числе санкций со стороны налоговых органов, поскольку значительная доля консультационных услуг аудиторских фирм и отдельных частнопрактикующих аудиторов приходится на оказание текущей помощи по проблемам налогообложения, а также на консультирование по правовым вопросам.

Литература

- 1. Баканов М.И., Шеремет А.Д. Теория анализа хозяйственной деятельности. Учебник. М.: Финансы и статистика, 2002.- 414с.
- 2. Ковалев В.В. Финансовый анализ: управление капиталом, выбор инвестиций, анализ отчетности. М.: Финансы и статистика, 2004. 456 с.
- 3. Бороненкова С.А. Управленческий анализ: Учеб. Пособие. М.: Финансы и статистика, 2002. 384 с.
- 4. Грузинов В.П., Грибов В.Д.Экономика предприятия: Учебное пособие. М.: Финансы и статистика, 2002. 208c.

УДК 330

CTPATEГИЧЕСКОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ STRATEGIC POSITIONING OF ORGANIZATION

Киселёва И.Н., кандиадт экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансового права, Российский государственный социальный университет

Kiseleva I.N., candidate of economics, docent, docent of the department Economics and financial Law, Russian State Social University

e-mail: worldclub@list.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, направленные на формирование новых современных методических подходов к формированию конкурентных стратегий и совершенствования методических основ повышения конкурентоспособности организаций путём разработки методики формирования конкурентных стратегий в условиях структурного реформирования системы хозяйствования

Annotation: The article examines guestions, aimed to form new and up-to-fate approaches to competitive strategies improvement of methodological foundation of competitiveness among organizations through the fevelopment of methods of forming the competitive strategies in the conditions of structural reform of system of management

Ключевые слова: конкуренция, конкурентная борьба, предпринимательская структура, конкурентоспособность, олигополия, дифференциация, рыночная экономика, конкурентная стратегия, конкурентное

Key words: competition, entrepreneurial structure, competitiveness, oligopoly, differentiation, market economy, competitive strategy, competitive advantage

Развитие в России рыночных отношений, коренной переворот в экономическом развитии страны, наложили свой отпечаток на все сферы жизнедеятельности. Формирование рыночной модели экономики, реформирование отношений собственности, либерализация цен, усиление конкуренции, кардинальным образом изменили условия и принципы функционирования хозяйствующих субъектов в Российской Федерации.

Основу рыночной экономики составляет понятие конкуренции, которая является главной движущей силой развития взаимоотношений хозяйствующих субъектов, функционирующих в данной среде. Конкуренция проявляется в разной степени на различных сегментах рынка и в разных регионах страны. Наиболее успешным участником такого соревнования является тот, кто способен выдерживать конкурентную борьбу на отечественном и внешнем рынках.

Современный этап развития российской экономики характеризуется формированием предпринимательских структур, нацеленных на постоянное обновление ассортимента

конкурентоспособной продукции, улучшение обслуживания потребителей повышение производительности труда и, в результате, на укрепление конкурентоспособности функционирования организации.

Функция обеспечения безопасности предпринимательской деятельности имеет следующую сущность: при наличии большого количества конкурентов всем обеспечиваются равные условия хозяйствования нейтрализовать их или уничтожить внеэкономическими, незаконными методами просто невозможно.

Экономические законы конкуренции регулируют отношения между различными участниками рынка, устанавливают баланс между потреблением и производством, диктуют правила поведения в различных рыночных ситуациях. В ходе конкуренции выявляется общественная необходимость в определенном виде товаров или услуг и дается их оценка в устанавливаемом среднеотраслевом уровне цен.

В то же время конкуренция ограничивает возможности каждого хозяйствующего субъекта воздействовать на положение дел на рынке, навязывать свою волю клиентам, тем самым ограничивается анархичность и неопределенность функционирования рынка – становятся открытыми, предсказуемыми пути развития рынка, в целом экономическая система рынка приобретает устойчивость.

Таким образом, конкуренция — это не только обязательный признак рыночной системы, но и главная движущая сила. Поэтому эффективное функционирование рынка требует наличия конкурентной среды для производителей товаров и услуг, развития конкуренции, что невозможно без рационального сочетания свободы хозяйственной деятельности, потребления и регулирования отношений, складывающихся между субъектами рынка в ходе конкурентной борьбы.

С позиций теории маркетинга конкуренция рассматривается как двухсторонний взаимодополняющий процесс: с одной стороны соперничество, борьба продавцов (производителей) за лучшее удовлетворение требований потребителей, а с другой стороны соперничество покупателей за приобретение максимально полезных им товаров или услуг на наиболее выгодных условиях. Современная концепция маркетинга построена на стратегическом треугольнике «Потребитель – Предприятие – Конкурент», причем потребитель ставится во главу этого треугольника, т.к. его действия являются определяющими.

При такой концепции организация в противовес своим конкурентам пытается предложить клиентам более лучшие или более дешевые товары, причем эти преимущества не всегда оцениваются объективно. Достаточно того, чтобы с точки зрения потребителя товар воспринималась как более лучший или дешевый. Например, клиент оценивает техническую компетенцию организации выше, чем компетенцию конкурентов, и вследствие этого больше прислушивается к ее советам и аргументам, или же процесс коммуникации между производителем и потребителем может протекать в более благоприятной обстановке, чем общение с конкурентами этой организации, вследствие личных симпатий, лучшего

понимания менталитета партнера и т.д. Заказчик также может субъективно оценивать качество услуг и логистического обслуживания у данной организации выше, чем у ее конкурентов, хотя это может и не соответствует действительности. Внешний дизайн средств может также послужить оценке качества процесса и т.д.

Так как конкуренция предполагает наличие условий, при которых идет борьба за потребителей, клиентуру, получение дополнительного заказа, дохода, то государство, регулируя давление и условия конкуренции, может управлять развитием рынка, разрабатывая и реализуя соответствующую экономическую политику.

Активное использование маркетинговых инструментов ведения рыночной деятельности сделало невозможной эффективную работу организации без разработки соответствующей конкурентной стратегии, обеспечивающей им конкурентные преимущества. Конкурентная стратегия заключается в установлении совокупности действий, направленных на овладение максимально возможной долей рынка при этом получая запланированный объем прибыли в соответствии с решаемыми стратегическими и тактическими задачами[1].

Однако отсутствие должного внимания к разработке конкурентных стратегий организаций, определяющих конкурентоспособность хозяйствующих субъектов, стало препятствием для расширенного воспроизводства производственно-технического потенциала и устойчивого экономического роста отечественных коммерческих структур и национальной экономики в целом. В этих условиях возникает необходимость в совершенствовании методических подходов к формированию конкурентных стратегий, направленных на создание конкурентных преимуществ, завоевание прочных позиций на рынке, которые бы позволили хозяйствующим субъектам эффективно использовать ресурсы и принимать стратегические решения, реагируя на все изменения, происходящие в рыночной среде организации.

Потребность анализировать, оценивать и регулировать конкуренцию возникает в условиях формирующегося и усиливается в условиях развивающегося рынка.

Развитие неконтролируемой конкуренции, какой она является сейчас на рынке, может вызвать ряд негативных последствий и серьезных проблем в экономике в целом, таких как создание монополистической или олигополистической верхушки, лоббирование ее интересов, снижение качества услуг, неконтролируемый рост цен и т.д. В результате проведения такой политики конкуренция может принять самые жесткие формы, негативные (по нерегулируемым последствиям) для всех участников рынка, многие из которых и так не выдерживают конкуренции и либо покидают рынок и отрасль, либо разоряются[2].

Рост количества производителей услуг усиливает влияние конкуренции на процессы развития рынка и объемов производства услуг, общая результативность рынка при этом растет, что выгодно и государству, и отдельным участникам рынка. Рост спроса на качественные услуги, удовлетворяющие не одну из возможных потребностей, а целый их комплекс одновременно, ущемляет интересы слабых конкурентов и неплатежеспособных клиентов. Государство стремится предотвратить ужесточение борьбы между конкурентами,

определяя их статус через соответствие стандартам (качества и безопасности производства; финансовой деятельности); лицензирование; защиту прав клиентов; регулирование барьеров входа в отрасль.

На современном этапе оптимальное управление маркетинговой деятельностью организации требует углубленного исследования особенностей протекания конкуренции, присущих отрасли, изучение форм и методов конкуренции на рынке товаров и услуг.

Основная выгода от конкуренции между многими производителями, т.е. большим числом сравнительно малых организаций, в условиях сильных рыночных воздействий заключается в защите потребителей от эксплуатации производителей, в предотвращении злоупотреблений экономической властью на стороне рыночного предложения. Организации большей частью получают цены, сформировавшиеся на рынке, а не устанавливают их.

Однако конкуренция между многими организациями не лишена и некоторых недостатков. Почти каждый реальный фрагмент рынка, на котором действует много производителей, включает организации, которые малы как относительно, так и абсолютно. Малые размеры и характер предпринимательства структур, действующих на рынках монополистической конкуренции, определяют их недостатки. Стратегия таких организаций направлена главным образом на краткосрочную максимизацию прибыли. Поэтому существует вероятность того, что технический прогресс будет идти медленнее, чем при наличии крупных организаций[3].

Отличительная черта олигополии состоит в том, что небольшое число организаций (от трех до десяти) удовлетворяют значительную долю спроса, поэтому фактически речь идет о конкуренции среди немногих. Наиболее яркие примеры конкуренции между немногими мы видим, например, в небольших и средних населенных пунктах, где действуют две-три автотранспортные организации.

В случае конкуренции между небольшим числом организаций решения и действия каждой из них оказывают серьезное воздействие на конкурентов. То, что делает одна организация, отзывается в других организациях, часто заставляя их реагировать соответствующим образом.

Результатом является предельно адресная конкуренция, где каждая организация знает, что ее действия зависят от стратегии конкурентов. Взаимозависимость действий и поведения олигополистов охватывает все сферы конкуренции: цены, объемы продаж, доли рынка, дифференциацию продукции, стратегии стимулирования сбыта, инновационную деятельность, уровень сервиса грузовладельцев и т. д.

Таким образом, взаимозависимость и конкурентное взаимодействие между организациями являются ключевыми признаками олигополии. Рыночная экономика показывает, что со временем олигополистические рынки приходят либо к интенсивной конкуренции (некооперативное стратегическое поведение), либо к сознательному параллелизму (кооперативное стратегическое поведение).

Выбор между кооперацией и некооперацией ведет к различным результатам. Крайними случаями являются открытый сговор и олигопольная война. Группы кооперирующихся олигополистических организаций могут копировать цены, стимулировать сбыт, использовать другие действия, перенимать политику конкурентов, так что вместе они приблизятся к монопольной ситуации. Когда две организации или более сознательно действуют параллельно, цены и объем производства имеют тенденцию стать совместно монопольными. Наоборот, рынок некооперативной олигополии, независимая максимизация прибыли могут привести к ценовой войне.

Важнейшей задачей организации является разработка конкурентной стратегии или бизнес-стратегии, необходимой для взаимодействия с конкурентами на конкретном рынке товаров и услуг. Конкурентная стратегия — это модель поведения, действий организации на конкретном рынке, позволяющая обеспечить ей необходимые объемы реализации, прибыльности, темпы роста и конкурентоспособности.

Основными элементами системы маркетинга являются: исследования рынка, разработка и реализация на этой основе рыночной (конкурентной) стратегии. Стратегия маркетинга — это составная часть всего стратегического управления предприятием, это план его деловой активности. Основная задача заключается в поддержании конкурентоспособности предприятия, в освоении новых рынков, увеличении сбыта и, в конечном счете, в повышении эффективности деятельности.

Главная функция анализа конкурентной ситуации состоит в том, чтобы выявить свои решающие преимущества, последовательно использовать их в рыночной деятельности.

В процессе маркетинговых исследований проведение расчетов по оценке конкурентоспособности продукции имеет своей целью выявление конкурентных преимуществ и уязвимых позиций предприятия. Задача состоит в том, чтобы удержать и развить свои конкурентные преимущества.

Для этого формируется деловая (конкурентная) стратегия предприятия по каждой стратегической единице бизнеса. Для решения этой задачи может быть использована модель конкурентной стратегии М. Портера.

Для поиска и реализации стратегического позиционирования данная модель предусматривает комбинацию из трех следующих критериев: преимущество по издержкам; товарная дифференциация; концентрация на рынках.

В результате принципиально возможны пять основных позиций и соответствующих им конкурентных стратегий, которые можно представить схематично (рис.1).

Исходя из этих подходов, создаются конкурентные преимущества, но каждая стратегия требует наличия необходимых экономических ресурсов, определенных навыков и правильных управленческих действий руководителей.

Тип конкурентного преимущества Низкие Дифференциация издержек продукции Широкая Стратегия Стратегия (весь широкой лидерства по рынок) издержкам дифференциации Область Стратегия конкуренции оптимальных издержек Узкая Сфокусированная Сфокусированная (сегмент стратегия низких стратегия дифференциации рынка) издержек

Рисунок 1 - Модель конкурентной стратегии по М. Портеру

В соответствии со стартовыми позициями предприятия может быть использована одна из следующих конкурентных стратегий: снижение себестоимости продукции, дифференциация продукции, сегментирование рынка, внедрение новшеств, ориентации на потребность рынка.

При разработке конкурентной стратегии необходимо учитывать, что все виды конкурентных преимуществ делятся на две группы: преимущества низкого порядка и преимущества высокого порядка.

Преимущества низкого порядка связаны с возможностью использования дешевых: рабочей силы, материалов (сырья), энергии. Низкий порядок этих конкурентных преимуществ связан с тем, что они очень неустойчивы и легко могут быть потеряны либо вследствие роста цен и заработной платы, либо из-за того, что эти дешевые производственные ресурсы точно также могут использовать конкуренты. Иными словами, преимущества низкого порядка — это преимущества с малой устойчивостью, неспособные обеспечить, преимущество над конкурентами надолго.

Преимуществами высокого порядка являются: уникальная продукция, уникальная технология, оптимальная маркетинговая структура, организация производства, хорошая репутация фирмы. Если конкурентное преимущество достигнуто за счет выпуска на рынок уникальной продукции, основанной на собственных конструкторских разработках, то для уничтожения такого преимущества конкурентам придется либо разрабатывать аналогичную продукцию, либо придумывать что-то лучшее. Все эти варианты недешевы и требуют немалого времени для своей реализации.

Наиболее же ценное конкурентное преимущество – хорошая репутация фирмы, которая достигается с большим трудом, медленно и требует крупных затрат на ее поддержание.

Возможные стратегии по достижению и удержанию конкурентного преимущества предприятия на рынке представлены на следующей матрице (табл. 1).

Таблица 1- Матрица стратегий конкурентных преимуществ

Позиция на рынке	Упреждающие стратегии	Пассивные стратегии
Лидеры рынка	«Захват»; «Защита»	«Перехват»; «Блокировка»
Преследователи	«Атака»; «Прорыв по курсу»	«Следование»; «Окружение»
лидеров рынка		
Избегающие прямой	«Сосредоточение сил на участке»	«Сохранение позиций»; «Обход»
конкуренции		

Тип выбираемой стратегии зависит от того положения, которое занимает предприятие на рынке, и от характера его действий.

Наряду со стратегией обеспечения конкурентоспособности необходимо разработать тактику и методы конкуренции, которые будут использоваться предприятием, а также наметить мероприятия, направленные на улучшение его конкурентных позиций.

Разработка конкурентной стратегии позволит создать стабильное конкурентное преимущество, повысить интенсивность рыночной деятельности организации и улучшить результаты его работы. В конечном счете, именно этот фактор является решающим в условиях динамичной и непредсказуемой окружающей рыночной среды. Исследования показывают, что основу рыночной экономики составляет понятие конкуренции, как главной движущей силы эволюции взаимоотношений субъектов, функционирующих в данной среде. Наиболее успешным участником такого соревнования является тот, кто способен выдерживать конкурентную борьбу на отечественном и внешнем рынках.

Литература

- 1. Аакер Д. Стратегическое рыночное управление. СПб.: Питер, 2009.
- 2. Азоев Г.Л., Челенков А.П. Конкурентные преимущества фирмы. М.: Новости, 2010.
- 3. Гурков И.Б. Инновационное развитие и конкурентоспособность. Очерки развития российских предприятий. М.: ТЕИС, 2011.

УДК 339.92

РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В НАЧАЛЕ 21 ВЕКА RUSSIA-GERMAN ECONOMIC COOPERATION AT THE BEGINNING OF THE 21ST. CENTURY

Клещарь М.А., Заведующий учебно-методическим кабинетом кафедры права экономического факультета ФГБОУ ВПО «Ставропольской государственный аграрный университет»

Kleshchar M.A., The head of training and methodical study of the Department of Economic Law Faculty StSAU

e-mail: skgi_institut@mail.ru

Аннотация: Экономические отношения России и Германии основаны на выгодах, которые государства получают от предпринимательской деятельности: в результате торговли товарами и услугами, технологического сотрудничества, обмена капиталом и трудовыми ресурсами.

Annotation: Economic relations of Russia and Germany are based on the economic gains, which states receive as a result business activity of trade in the goods and services, technological cooperation, an exchange of the capital and manpower.

Ключевые слова: партнерство, экономическое сотрудничество, торговые отношения, предприятия, товарооборот.

Keywords: partnership, economic co-operation, trade relations, enterprises, commodity circulation.

Международное инвестиционное сотрудничество и бизнес отношения являются основными формами внешнеэкономической деятельности, схожими по своей природе и очень часто взаимодействующими друг с другом. Специфическая роль данных форм по отношению к внешнеэкономической деятельности в целом состоит в обеспечении источников ее развития. Соответствующим образом инвестиции и бизнес влияют на выполнение внешнеэкономической деятельностью своих функций: во-первых, придают этому процессу непрерывный характер, а во-вторых, создают основу совершенствования механизмов их осуществления. [1]

Основной концептуальный подход, сформировавшийся к началу XXI века, состоит в сочетании интересов двух основных институтов современного общества — государства и бизнеса. Каждая из сторон преследует собственные цели, использует специфические инструменты, решает свои задачи, имеет различную мотивацию. Государство несет

ответственность перед обществом за обеспечение достойного качества жизни, выполняет регулирующие, законодательные, контрольные и надзорные функции. Его деятельность направлена на увеличение объема, разнообразия, на улучшение качества производимых в стране товаров и оказываемых услуг. Бизнес осуществляет практическую деятельность по созданию благ, и его основными задачами являются обеспечение безубыточности своей работы и максимизация прибыли, что иногда идет вразрез с задачами государства. Участие государства и бизнеса в совместных проектах повышает заинтересованность обеих сторон в успешном осуществлении проектов.

Российско-германские отношения развиваются чрезвычайно динамично, носят системный характер и охватывают практически все сферы деятельности. Традиционно тон им задают высшие руководители наших государств. В ткань повседневного взаимодействия вовлечен широкий круг партнеров - от неправительственных организаций до отраслевых ведомств и бизнес-структур. Стабильный характер экономические связи между Россией и Германие приобрели после установления дипломатических отношений 26 декабря 1991 года. Германия является ведущим торгово-политическим партнером России. Внешнеторговый оборот Российской Федерации на начало 2012 года с Германией составил 11000 млн. долларов США. С 1995 Германия является важнейшим торговым партнер Российской Федерации.

С точки зрения немецкой стороны, важнейшим событием в российско-германских отношениях стали правительственные консультации, прошедшие в апреле 2006 года в Томске. В состав немецкой делегации, возглавляемой федеральным канцлером Ангелой Меркель, входили почти все ведущие политики и бизнесмены Германии. Российская сторона была представлена президентом В. Путиным и также всеми важнейшими деятелями российского правительства и бизнеса. Существенным результатом встречи стало подписание коммюнике о продолжении стратегического партнерства между обеими странами. [2] Россия и Германия высказались в поддержку создания двусторонней германо-российской внешнеторговой палаты. Согласно решению высшего исполнительного органа Союза Немецкой Экономики в Российской Федерации, принятому 5 декабря 2007 года, Союз стал Российско-Германской Внешнеторговой палатой (ВТП). Таким образом, начался новый этап в развитии внешнеторговых отношений между Россией и Германией, а представительство политико-экономических интересов двух стран было заметно усилено. ВТП - первая инстанция для обращения немецких и российских фирм, собирающихся начать бизнесдеятельность на территории страны-партнера. Главным направлением деятельности Палаты ведение интенсивного диалога со всеми российскими и немецкими партнерами с целью поддержки совместного бизнеса. [3]

Германия была и остается важнейшим торговым партнером России. В 2006 году германо-российский торговый баланс впервые перешагнул отметку в 50 млрд. евро. Особым спросом пользуются немецкие станки и оборудование, средства транспорта и запчасти или комплектующие к ним, строительные материалы, продукция химической и электроиндустрии, продукты питания, потребительские товары, услуги и многое другое.

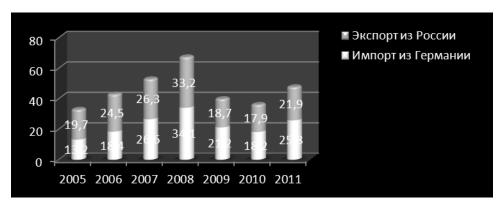
Число работающих в России немецких компаний снова выросло, равно как и объем немецких инвестиций, и количество фирм, открывших здесь свое производство. Ярчайшим, с точки зрения немецкой стороны, событием стала закладка первого камня завода Volkswagen в Калуге. Общая сумма инвестиций в этот проект достигнет 370 млн. евро. Кроме того, этот проект подтверждает тенденцию к экспансии иностранных компаний внутрь страны. Немецкий бизнес в той или иной форме работает в 63 субъектах Российской Федерации. Основу немецкого экономического сообщества в России составляют предприятия среднего бизнеса. На них же приходится большая часть всех инвестиций в российскую экономику. Они выступают в роли своеобразной основы, на которой, как маяки, возвышаются крупные компании.

В 2008 товарооборот между Россией и Германией году вырос на 20% и достиг 60-63 миллиардов долларов. Германия является крупнейшим внешнеторговым партнером России. На нее приходится около 10% от общего внешнеторгового оборота РФ (на Нидерланды -8,5%, на Китай - 7,3%, на Италию - 6,5%, на Украину - 5,6%, на Белоруссию - 4,6%). Доля России во внешней торговле Германии с зарубежными странами составляет примерно 3%. По объему накопленных в Российской Федерации иностранных инвестиций Германия остается одной из крупнейших стран-инвесторов (после Кипра, Нидерландов, Люксембурга и Великобритании), давно и успешно работающих на российском рынке. По данным Росстата, на конец 2009 г. объем накопленных германских капиталовложений в российскую экономику составил 19,2 млрд. долл., в том числе прямых инвестиций – 7,8 млрд. долл., портфельных инвестиций – 14 млн. долл. и прочих инвестиций – 11,3 млрд. долл. Экспорт товаров из Германии в Россию за 2010 год вырос на 28%. Всего было поставлено товаров на общую сумму в 26,4 миллиарда евро. Что касается импорта из России в Германию, то за прошедший год он увеличился на 26% и составил 31,8 миллиарда евро. Несмотря на положительную динамику роста экспорта, докризисный показатель, всё ещё не достигнут. Общий объём экспорта немецких товаров достиг уровня в 19,4% и составил 959,5 миллиарда евро. Стоит отметить, что основными торговыми партнёрами Германии являются Франция, Голландия и Великобритания.

Прямые германские инвестиции поступают преимущественно в такие отрасли, как оптовая и розничная торговля, электроэнергетика, металлургия, нефтегазовые и угольные месторождения, транспорт, связь, пищевая, химическая, электротехническая, электронная и автомобильная отрасли промышленности, производство стройматериалов. Привлекательны атомная энергетика, авиа- и автомобилестроение, деревообработка, транспортное и энергетическое машиностроение, биржевая деятельность в Москве, создание туристскорекреационных зон.

Германия проявляет интерес к участию в реализации российских национальных проектов — строительство жилья, модернизация здравоохранения, транспортная инфраструктура, ЖКХ, программа по энергоэффективности, проект Сочи-2014.

Товарооборот между Россией и Германией (в млрд. долларов США, по данным Росстат)

* данные за январь-август 2011 г

Сегодня в России действуют более 6000 предприятий из ФРГ, большинство из них - малые и средние. Если в Германии 90 процентов всех компаний являются малыми и средними, на них занято 70 процентов всех наемных работников, и они создают более половины ВВП страны, то в России в этой сфере работает всего 19 процентов всех занятых по найму, и на их долю приходится только 15 процентов ВВП. [4]

Германия по-прежнему с большим отрывом лидирует в списке российских импортеров. Рост российской экономики стал выгоден для немецкого бизнеса еще с начала 70-х годов XX века. Как бы ни расценивать ситуацию в России, факт остается фактом: экономические условия продолжают улучшаться, что обещает хорошие перспективы для оборота и прибыли немецких (и не только) компаний. Российские компании любят работать с немецкими партнерами и отдают дань уважения мастерству, качеству, надежности лейбла «Маde in Germany», что лишний раз подтверждает его конкурентные преимущества, которые следовало бы использовать еще интенсивнее.

Рост импорта в Россию не прекращается. Особенно велик спрос на станки и оборудование, за ними следуют средства транспорта и запчасти к ним, продукция химической и электропромышленности, современная бытовая техника, строительные материалы, электронное оборудование, программное обеспечение, продукты питания и услуги всех видов - вкратце: все, что необходимо для создания высокоразвитой экономики. Это развитие получает стимулы и со стороны постоянно растущей покупательской способности населения России. Реальный рост зарплат на более чем 10 процентов служит источником роста потребления. Ритейлорские компании получают колоссальную прибыль. Торговые концерны из Германии, наряду с другими, делают миллиардные инвестиции в российский рынок.

Германия — важнейший партнер России в области инноваций, технологий и модернизации экономики. Существенное повышение конкурентоспособности России немыслимо без партнерства с Германией в области технологий. Россия все еще сильно зависит от экспорта энергоносителей и другого сырья — на их долю приходится 85 процентов

от общего объема экспортных поставок. Оставшиеся 15 процентов не в состоянии обеспечить России равные с другими промышленно развитыми странами позиции на мировом рынке.

Литература

- 1. См. подробнее: Ермаков Н.П. Эволюция и взаимосвязь внешней торговли и инвестиционной деятельности как форма развития российско-германских внешнеэкономических отношений в условиях глобализации мирохозяйственных связей : Автореф. дисс. ... канд. эконом. наук. Ростов-н/Д, 2008. 26 с.
- 2. Титов В. Модель партнерства между Россией и Германией пройдет через Томск. // Российская газета Столичный выпуск. № 4052. 25.04.2006.
- 3. Россия 2007: динамика, преемственность и перемены. Годовой отчет Российско-Германской Внешнеторговой палаты (ВТП). М., 2008. С. 3.
- 4. Морозов С. «Германия в поисках среднего и малого бизнеса России» // Экономика, 01.06.2011

УДК 332

КЛАСТЕРНЫЕ СИСТЕМЫ КАК МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ CLUSTER SYSTEM AS A MECHANISM OF INCREASING THE COMPETITIVENESS OF REGIONAL ECONOMY

Мещерякова Ж.В., кандидат экономических наук, доцент, зав.кафедрой гуманитарно-экономических дисциплин, СФ НОУ ВПО «Московский институт предпринимательства и права»,

Meshcheryakova J.V., candidate of economic, docent, head of the department of humanities and economic disciplines SF NEI HPE «Moscow Institute of Entrepreneurship and Law»

e-mail: jannet_77766@mail.ru

Дзекунскас В.С., кандидат экономических наук, директор ГУП СК «Гарантийный фонд поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства»

Dzekunskas V.S, candidate of economic, director of SUE SC «Guarantee fund to support small and medium enterprises»

e-mail: dzekunskas@mail.ru

Аннотация: Рассмотрены методологические подходы к созданию региональных кластерных систем как формы управления и механизма повышения конкурентоспособности региональной экономики.

Annotation: Methodological approaches to the development of regional cluster systems as a form of control mechanism and improve the competitiveness of the regional economy.

Ключевые слова: кластеры, кластерные системы, конкурентоспособность, региональная экономика, региональное управление.

Key words: clusters, cluster systems, competitiveness, regional economy, regional management.

Феномен кластера как отраслевой агломерации на территории экономически взаимосвязанных предприятий известен со времен ремесленного производства. Однако только в последней четверти XX века кластеры начали рассматриваться как важный фактор экономического развития регионов.

В настоящее время все более широкое признание находит точка зрения, что регионы, на территории которых складываются кластеры, становятся лидерами экономического развития. Такие регионы-лидеры определяют конкурентоспособность национальных экономик. Регионы, не имеющие кластеров, занимают ведомое экономическое положение. Кластерная политика набирает популярность, как за рубежом, так и в российских регионах.

Однако до сих пор существует неразбериха по поводу специфики кластерной политики, ее места в ряду существующих инструментов экономической политики государства.

Кластерный подход находит свою основу в трудах Маршалла и Шумпетера. Можно сказать, что историческими основами кластерного подхода выступают, с одной стороны Маршалловский «индустриальный район» и экономика агломераций, а с другой стороны инновации Шумпетера, способствующие экономическому росту внутри региональных агломераций. Таким образом, в кластере одновременно реализуются две основные функции: 1) снижаются расходы за счет близкого соседства связанных фирм; 2) распространяются инновации от одной фирмы к другой, обеспечивая постоянный рост производительности в кластере в целом.

Современный же интерес к кластерной концепции во многом связан с трудами Майкла Портера, по определению которого «кластер - это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере, характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга» [1].

Наиболее полемичным вопросом в отношении формирования кластеров является вопрос о возможности искусственного их создания. Речь идет о государственном вмешательстве, корректирующем естественное течение процесса.

В России партнерству между государством и бизнесом в настоящее время уделяется довольно большое внимание со стороны органов власти, в то же время реализация кластерных стратегий развития пока не получила большого распространения. Так же немаловажным фактом является то, что в России развитие кластеров сталкивается с серьезными препятствиями исторического характера, так как большая часть российской экономики создавалась вне рынка, то и нельзя говорить о естественных кластерах, которые появляются в силу исторических причин описанных Майклом Портером. Тем не менее, кластерная форма очень перспективна, ее развитие способно серьезно улучшить конкурентоспособность и эффективность экономик регионов России, следовательно, можно говорить и необходимости включения кластеров в проекты регионального промышленного развития. Кроме того, сдерживающими факторами для формирования и развития кластеров в России в настоящее время являются: низкое качество управления бизнесом, отсутствие ориентации многих предприятий на международный рынок; слабый уровень развития территориальных кооперационных структур, которые, как правило, самостоятельно не справляются с задачей разработки и реализации приоритетов для продвижения интересов регионального бизнеса; недостаточный уровень плановых решений по территориальному хозяйственному развитию; большие горизонты достижения ожидаемых результатов, так как реальные выгоды от создания кластеров проявляются только через 5-10 лет [2].

Все кластерные системы характеризуются общими особенностями:

- наличие предприятия лидера, определяющего долговременную хозяйственную, инновационную и иные стратегии всей региональной экономической системы;
- территориальная локализация основной массы хозяйствующих субъектов участников

кластерной системы;

- устойчивость стратегических хозяйственных связей в рамках кластерной системы, включая ее межрегиональные и международные связи;
- долговременная координация взаимодействия участников кластерной системы в рамках ее общенациональных и внутрирегиональных программ развития, инвестиционных проектов, инновационных процессов;
- наличие корпоративных систем управления, контроля бизнес-процессов, коллективного хозяйственного мониторинга.

Для этого в современных условиях экономического развития на базе кластеров должен достигаться консенсус стимулирования кластеров между бизнесом и региональными властями.

Как показывает практика, кластеры значительно отличаются друг от друга. Объясняется это национальными особенностями экономики стран и регионов, поскольку каждый регион уникален по-своему и, следовательно, имеет свою определенную специализацию. При этом для России можно отметить такую важнейшую особенность, как существование различных регионов. Данные различия связаны как с территориальным расположением региональных кластеров, так и различной комбинацией детерминант «ромба Портера», составляющих основу конкурентоспособности кластеров.

Свой взгляд на происходящее в экономике России высказал Майкл Портер в выступлении «Российская конкурентоспособность: где мы находимся?» на Российско-американском инвестиционном симпозиуме в Бостоне [3]. Портер отмечает, что в отличие от унаследованной Россией плановой экономики, где экономическая политика направлена из центра, а связи покупатель/поставщик видятся с точки зрения национальной перспективы, экономическая политика, основанная на кластере, подразумевает достаточную автономию на региональном и местном уровне. Кроме того, предполагается специализация регионов в тех сферах, в которых они конкурентоспособны, а географический выбор основан на экономической привлекательности региона и расположении фирм по отношению к другим компаниям, с целью получения максимальной выгоды от кластера.

Портер выделяет несколько функций, которые выполняют кластеры в экономическом развитии любой страны:

- Кластеры критические двигатели в экономической структуре национальной и региональной экономики. Процветание региона зависит от значимых позиций в определенном количестве конкурентоспособных кластеров;
- Кластеры могут определять фундаментальные задачи в национальных или региональных условиях ведения бизнеса: кластеры в большой мере соотносятся с природой конкуренции и микроэкономическими факторами, которые влияют на конкурентные преимущества;
- Кластеры обеспечивают новый способ мышления в сфере экономики и усилий по развитию ее организации. Так, кластер заставляет пересмотреть роли частного сектора, правительства, торговых ассоциаций, образовательных и исследовательских учреждений в

экономическом развитии, а также определить общие возможности, а не только общие проблемы фирм и компаний всех форм собственности.

Особую роль в экономическом развитии страны и региона Портер отводит органам исполнительной власти. Это:

- улучшение макроэкономического, политического, законодательного и социального фона;
- установление стабильного и предсказуемого макроэкономического, законодательного и политического окружения;
 - улучшение социальных условий для граждан;
 - улучшение условий для ведения бизнеса;
- повышение доступности, качества и эффективности инфраструктуры и образовательных учреждений;
- содействие образованию и развитию кластера (определение существующих и зарождающихся кластеров, а также участие в определении кластерных барьеров и выработка планов по их устранению);
 - руководство совместным процессом экономических перемен;
- создание «институтов повышения конкурентоспособности», которые бы информировали граждан и мобилизовали бы частный сектор, органы власти всех уровней, образовательные и другие учреждения, а также все гражданское общество.

Однако существуют и национальные особенности кластерной политики. Нет однозначности в составе средств кластерной политики; они едины только в странах - участницах одного кластерного проекта; многообразие методов обеспечения кластерной политики, которые определяются национальными особенностями и принятой концепцией кластерного подхода; кластерные политики государств различаются по степени вмешательства правительства в процесс кластеризации; методические основы формирования кластерной политики еще не разработаны [4].

В настоящее время применение кластерного подхода становится одним из ключевых направлений региональной промышленной политики. При этом применение подхода для развития региональной экономики, стимулирования занятости, повышения региональной конкурентоспособности, перехода на инновационный путь развития пока еще недостаточно изучено, особенно это касается российского опыта. Необходимо так же изучение международного опыта применения ориентированной на кластеры промышленной политики.

Проблема кластерной политики складывается из решения следующих вопросов: вопервых, как должна оказываться поддержка кластеров со стороны государства — через создание условий функционирования или непосредственную поддержку кластеров; вовторых, должны ли государственные средства вкладываться в широкий спектр кластеров или только в ограниченный круг лидирующих региональных кластеров; третий вопрос, что важнее с точки зрения поддержки кластеров — сохранение и развитие рабочих мест или культивирование новых, стратегически важных технологий [5].

Анализ кластерных инициатив, реализованных за последние десять лет в разных странах, показывает, что высокая конкурентоспособность этих стран основана на сильных позициях отдельных кластеров, усиливающих конкурентоспособность и оптимизирующих управление национальной экономикой. Первопроходцами в применении кластерного подхода, по общему мнению, являются создатели Кремниевой долины в США. На ее 87 компаний. территории располагаются порядка тысяч несколько лесятков исследовательских центров и несколько крупных университетов. Кремниевая долина это классический пример плодотворного взаимодействия академической среды, бизнеса и кадрового обмена между научными центрами и бизнес сектором. На территории Кремниевой долины оказывают услуги около 180 венчурных фирм и около 700 банков, которые финансируют деятельность отдельных компаний. Являясь первопроходцами в области кластерного подхода, сегодня Соединенные Штаты продолжают успешно его применять.

Современная государственная политика в области формирования и развития кластеров, определяется многими национальными особенностями. Она может быть весьма разнообразной и выступать в виде:

- конкретной политики с четко установленной стратегией и выделенным бюджетом, которая может охватывать ряд промышленных секторов;
- политики, сфокусированной на отдельных аспектах развития кластеров, например, взаимодействия между бизнесом и исследовательскими организациями или бизнесом и государством;
 - политики как составляющей других стратегий экономического развития.

В зависимости от проводимой политики определяются и направления, формы государственной поддержки кластеров, среди которых можно выделить прямую финансовую поддержку специфических проектов, снижение налогов на исследовательские расходы, организацию публичных мероприятий, обеспечение передачи информации.

Зарубежный опыт свидетельствует о широком разнообразии правительственных организаций поддержки кластеров. Как правило, реализация кластерных стратегий предполагает наличие грантообразующих фондов (институтов, агентств), поддерживающих кластерные инициативы: например, Национальное агентство планирования DATAR (Франция), Информационная система поиска и классификации кластеров CASSIS (Люксембург), Национальный совет по конкурентоспособности (США), программа кооперации LINK (Великобритания) [6]. Кроме того, организовываются специальные институты, выполняющие функции по развитию, построению сетевых структур и их интернационализации. К ним можно отнести центры экспертизы (Финляндия), центры превосходства (США), консалтинговые, маркетингово-аналитические и брендинговые компании (Economic Competitiveness Group (США); институты и агентства, входящие в кластерные инициативы (Мюнхенский технический университет). Неотъемлемой частью инфраструктурного обеспечения кластерных стратегий является создание бизнесинкубаторов, технопарков, особых экономических зон, которые, по сути дела, являются катализаторами образования региональных кластеров.

Региональные кластеры сегодня оказались перед долговременными системными вызовами, отражающими как мировые и общероссийские тенденции, так и внутренние барьеры устойчивого развития.

В условиях формирования национальной инновационной системы у предприятий в составе региональных кластеров появляется новая задача — способствовать формированию и эффективно взаимодействовать с объектами инновационной системы. Однако региональные кластеры не располагают необходимой институциональной средой для развития инновационной деятельности предприятий в составе региональных кластеров и, тем более, для создания полноценной такой системы.

Для решения данной проблемы необходимо создать все звенья, т.е. необходимую инфраструктуру развития инновационной деятельности для предприятий в составе региональных кластеров на основе горизонтальной интеграции на ресурсном уровне с хозяйствующими субъектами из других регионов. Пока этот барьер значительно снижает возможности устойчивого развития региональных кластеров.

Новый уровень развития транспортно-логистической системы страны формирует стремление граждан к более комфортным транспортным услугам.

К примеру, республики Северного Кавказа в настоящее время не имеют необходимой транспортной инфраструктуры и не могут оказывать транспортные услуги для предприятий в составе региональных кластеров на должном уровне. Это в дальнейшем может стать сильным сдерживающим фактором устойчивого развития региональных кластеров, прежде всего, для туристско-рекреационного кластера республик. Республики являются транспортным тупиком и не имеют на своей территории аэропорта, поэтому необходимо принять кардинальные меры для того, чтобы изменить ситуацию, иначе это будет значительно снижать конкурентоспособность и возможности устойчивого развития региональных кластеров [7].

Среда такой конкуренции в последнее время значительно расширяется и охватывает не только традиционные рынки товаров, капиталов, технологий и рабочей силы, но и системы управления, поддержки инноваций развития человеческого потенциала на предприятиях в составе региональных кластеров. Эта конкуренция может еще больше усилиться после вхождения России в ВТО. Следует учитывать, что большинство выпускаемой в регионах продукции в настоящее время не является конкурентоспособной, и поэтому на региональном рынке преобладает импортная продукция, что подчеркивает недостаточность уровня конкурентоспособности и динамики устойчивого развития региональных кластеров [8].

В последние годы развитые страны начали активно переходить к формированию новой технологической базы экономических систем, основанной на использовании новейших достижений биотехнологии, информатики и нанотехнологий, в том числе в здравоохранении и других сферах развития человеческого потенциала. Россия в настоящее время хотя и отстает по многим направлениям, однако имеет достаточный потенциал для

обеспечения технического лидерства для предприятий в составе региональных кластеров по ряду важнейших направлений. В связи с этим Правительство России предусматривает серьезную модернизацию экономики и формирование высокотехнологичных отраслей, а также расширение позиций на мировых рынках наукоемкой продукции [9].

В современных условиях уровень конкурентоспособности региональных кластеров все в большей степени определяется качеством профессиональных кадров, уровнем их социализации и кооперационности [10]. Региональные кластеры Северного Кавказа сегодня не располагают необходимым человеческим капиталом для обеспечения развития высокотехнологичной инновационной экономики. Для того чтобы решить эту проблему на предприятиях в составе региональных кластеров республик, необходимо принять неотложные комплексные меры по подготовке высококвалифицированных специалистов.

В аспекте обозначенных тенденций и барьеров устойчивого развития видно, что современный вектор в повышении конкурентоспособности и росте динамики устойчивого развития региональных кластеров Северного Кавказа, обозначенный в ряде программных документов органов региональной власти и докладах ученых, определяет необходимость конкурентоспособности И устойчивости построения методики оценки развития, базирующейся на комплексе целевых показателей устойчивого развития и прогнозов результатов деятельности предприятий в составе региональных кластеров. При этом изучение ВРП как центрального показателя устойчивости развития региональных кластеров в целом и доли региональных кластеров в региональном продукте как ведущего показателя его лидирующих позиций не позволяет полноценно оценить действенность административных механизмов государственного и муниципального управления, уровень использования имеющихся у региона конкурентных преимуществ, что провоцирует разрыв между производственно-экономическим сектором и социальной сферой региона [11].

Сегодня все более ведущую роль в устойчивом развитии и повышении конкурентоспособности региональных кластеров, как показывает опыт развитых стран, играет повышение эффективности использования региональных ресурсов. В Российской Федерации, занимающей первое место в мире по протяженности территории, а также в силу обширного спектра географических особенностей, характеризующих различные регионы страны, индуцирующих появление естественных конкурентных преимуществ, этот аспект имеет особую актуальность в рамках оценки конкурентоспособности и устойчивости развития региональных кластеров. При этом растущая необходимость поиска особого подхода к обеспечению конкурентоспособности и устойчивости развития региональных кластеров обозначена и в ряде докладов Председателя Правительства Д.А. Медведева и других представителей высших органов государственной власти.

Традиционные методики оценки конкурентоспособности и устойчивости развития регионального кластера в силу отсутствия единой системы специфических целевых показателей устойчивого развития позволяют аналитически решить данную проблему индивидуально для определенного регионального кластера или региона на основе единой внутренней логики развития соответствующей территории, что делает невозможным

последующую систематизацию полученных результатов в масштабах всего государства. Между тем современная экономика определяет человеческий капитал не только как центральный фактор производства, но И как целевой ориентир повышения конкурентоспособности и устойчивости развития региональных кластеров республик. С этой точки зрения, необходимость расширения числа целевых показателей устойчивого развития, позволяющих оценить эффективность использования человеческого капитала, т.е. уровня эффективности размещения населения в производственно-экономическом секторе региона, приобретает особую роль.

На основании анализа теоретико-методологических подходов, зарубежного и отечественного опыта можно выработать алгоритм формирования кластеров в регионе, предусматривающий три основных этапа.

Принципиально важное значение имеет первый этап - предварительный, на котором определяется потенциал кластеризации и разрабатывается программа реализации кластерных проектов.

Задача второго этапа - активизация процессов кластеризации в регионе, подключение к этим процессам возможных участников. Для того чтобы процесс кластеризации начался, требуется инициатива властных структур региона. Действия властей должны быть направлены, прежде всего, на формирование координационного центра с целью планирования и реализации кластерных проектов, лоббирования интересов их участников, разрешения внутренних конфликтов, координации деятельности, содействия развитию.

Кластер предполагает взаимодействие различных структур и организаций, поэтому членами координационного совета могут стать все заинтересованные в его создании и развитии лица: представители местных органов власти, различных объединений и союзов предпринимателей, крупных компаний и образовательных учреждений региона. После создания координационного совета необходимо определить: цели и задачи кластера; состав его основных участников, связанных между собой в процессе создания и экспорта продукции; необходимую инженерную и социальную инфраструктуру; научно-исследовательские организации для выполнения разработок по профилю кластера; учебные заведения для подготовки специалистов, требующихся предприятиям-участникам.

Для достижения заметной внутренней динамики кластер нуждается в привлечении множества участников и некой критической массе. Ее наличие позволит сформировать и надолго сохранить постоянно обновляющиеся связи между гибкими фирмами малого размера и крупными поставщиками ресурсов. Критическая масса может служить буфером и придавать кластеру устойчивость к внешним воздействиям или давлениям другого рода, включая потерю компаний, пока не превышен критический порог количества оставшихся участников. Отсутствие критической массы может, наоборот, сделать кластер уязвимым к утрате специфических ресурсов и навыков. Итак, условно участников кластера можно разделить на три группы:

1) Министерства федерального правительства, региональные органы власти и

управления и Координационный совет кластера – участники, которые оказывают косвенное воздействие на функционирование кластера и роль которых заключается в координации и регулировании его деятельности.

- 2) Предприятия производители ключевых товаров/услуг кластера. Они объединены между собой как вертикальными, так и горизонтальными связями.
- 3) Организации, обслуживающие предприятия производителей ключевых товаров/услуг кластера. Данные организации не принимают непосредственного участия в производстве ключевых товаров/услуг кластера, однако их наличие оказывает значительное влияние на его развитие. Необходимо развивать и коммуникации между основными участниками кластера.

Основой ДЛЯ формирования кластеров является необходимость совместного использования хозяйствующими субъектами многими одного нескольких объединяющих факторов, таких как: базовая технология, каналы маркетингового система подготовки кадров, система генерации ноу-хау, продвижения продукции, относящихся к единому продуктовому направлению. Итогом основного этапа является реализация программы развития, а, следовательно, создание в регионе кластеров.

На завершающем этапе выполняется оценка функционирования кластеров на основе показателей, характеризующих экономическое развитие. По результатам оценки осуществляется корректировка программы развития кластеров, проводятся необходимые изменения в их деятельности.

Таким образом, кластеры в их организационно-экономическом взаимодействии играют большую роль в устойчивом развитии региона. Применение кластерного подхода предоставляет необходимые инструменты и методологию, позволяющие достигнуть расширенного развития малого и среднего предпринимательства. Однако, принимаемые на местах региональные программы и коммерческие проекты инновационного развития наталкиваются на существенные трудности. Примеров развития инновационной активности в Российской Федерации множество: регионы, обладая богатейшими запасами минеральносырьевых, лесных и рекреационных ресурсов, имея большое количество инновационных проектов, разрабатываются комплексные программы поддержки развития предпринимательства во всех сферах хозяйственной деятельности. Но, несмотря на сложившуюся ситуацию в регионах, развитие бизнеса сдерживается множеством различных факторов, совокупность которых формирует ту хозяйственную среду, которая в настоящее время является неблагоприятной для развития инновационного предпринимательства. В числе этих факторов следует выделить, в первую очередь, те из них, которые связаны с недостатками в области государственной поддержки бизнеса. Одним из них является фрагментарность сложившейся в регионах инфраструктуры для малого и среднего предпринимательства, отсутствие в ней или слабое развитие ряда ее основных звеньев стимулирование спроса, эффективное сотрудничество бизнеса, власти и общества, лишающее ее свойств системности. Единственной возможностью является сосредоточение усилий по развитию инновационных проектов, в том числе в условиях развития кластерного

подхода в их технологическом и идеальном взаимодействии. Чтобы кластеры стали действенным механизмом роста конкурентоспособности региональной экономики, необходимо активизировать работу в этом направлении как со стороны правительственных и предпринимательских структур, так и организаций, обеспечивающих информационное и методическое обслуживание.

Литература

- 1. Портер М. Конкуренция.: Пер. с англ.: М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. 608 с.
- 2. Родионова Л.Н., Хайруллин Р.Ф. Кластеры как форма интеграции инвестиционных ресурсов: http://www.ogbus.ru/authors/Rodionova_4.pdf
- 3. Michael E. Porter. Russian Competitiveness: Where Do We Stand?. Institute for Strategy and Competitiveness. Harvard Business School. U.S.-Russian Investment Symposium. Boston, Massachusetts. http://www.isc.hbs.edu/pdf/CAON_Russia_2003_Harvard_Symposium
- 4. Яшева Г.А. Кластерная политика в повышении конкурентоспособности национальной экономики: методика формирования. Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 11. 2007.
- 5. OECD (2007), Competitive Regional Clusters: National Policy Approaches, ISBN 978-92-64-02708-4. www.oecd.org/publications/Policybriefs;
- 6. Грановеттер М. Успех инновационного кластера основан на открытости, гибкости и свободе [Электронный ресурс] // The New Times. 2010. № 12. Режим доступа: http://newtimes.ru/articles/detail/1884
- 7. Семидоцкий В.А., Ешугова Р.Н., Шамара Ю.А. Обоснование мер государственной регулятивной политики в сфере инновационно-модернизационного развития Южного федерального округа // Экон. науки. 2012. № 4. С. 20-24.
- 8. Халабуда Ю.Э. О механизме влияния инноваций на конкурентоспособность экономики региона // Экон.науки. 2011. № 1. С. 129-133.
- 9. Огнивцев С.Б. Концепция региональной инновационной политики региона // Экон. науки. 2011. № 12. С. 226.
- 10. Сердюкова Л.О. Оценка роли интеллектуального капитала в экономическом развитии региональных инновационных систем // Экон. науки. 2011. № 5. С. 279-284; и др.
- 11. Ковалева В.Е., Кириллов С.Р. Государственная политика модернизации и инновационный процесс в России // Экон. науки. 2012. № 3. С. 38-43.

УДК 338.46:368

PAЗВИТИЕ СТРАХОВОГО РЫНКА В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ DEVELOPMENT OF THE INSURANCE MARKET IN RUSSIA ON THE CURRENT MOMENT

Носова Е.А., кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, аналиаз, аудита НОУ ВПО «Северо- Кавказский гуманитарный институт»

Nosova E.A., candidate of economic Sciences, associate Professor of the Department accounting, analysis, audit, NNOU VPO of the North-Caucasian Institute for the Humanities e-mail: skgi institut@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются тенденции развития страхового рынка России на современном этапе, даются рекомендации по созданию стабильной национальной системы страхования.

Annotation: This article discusses the trends of the insurance market in Russia at the present stage, the establishment of a stable national insurance scheme.

Ключевые слова: Страховой рынок, страховая компания, страховой агент, франшиза, страховой взнос, обязательное страхование, добровольное страхование.

Key words: The insurance market, insurance company, insurance agent, franchise, insurance, compulsory insurance, voluntary insurance.

За последние годы страховой рынок в России прошел путь от «серой» и непрозрачной сферы деятельности до важнейшего сегмента экономики, о необходимости развития которого заговорили на самом высоком уровне, так как посредством страхования человек реализует одну из важнейших своих потребностей - потребность в безопасности. Благодаря страхованию снижается степень такой зависимости, когда человеческие ошибки или злой умысел, просто стихийные бедствия могут поставить отдельную жизнь, семью, бизнес на грань катастрофы. Несмотря на то, что по основным макроэкономическим показателям Российский страховой рынок значительно уступает развитым странам он вышел на новый этап своего развития, поскольку поменялись идеология страховых компаний и их целевые ориентиры. Как показывает опыт, динамика российского страхового рынка тесно связана с развитием экономики. Можно констатировать, что страхование колеблется вместе со всей остальной российской экономикой. В этой связи показательна динамика страхового рынка в кризис [1].

Таблица 1-Основные изменения, произошедшие на российском страховом рынке

№	Направления изменений	До кризиса	После кризиса
п.п.			
1.	Перспективные сегменты	Розница	Лидеры падения и
		Банкострахование -	наиболее проблемные
		локомотивы роста	сегменты рынка-
		страхового рынка	страховая розница и
			страхование банков.
			Средний
			комбинированный
			коэффициент
			убыточности-нетто
			розничных компаний в
			2010 году составил 106,9
			%,увеличившись по
			сравнению с 2009 годом на
			6,5 п.п. Средние темпы
			падения взносов
			розничных страховщиков в
			2010 году составили
			12%,одновременно темпы
			прироста взносов
			корпоративных
			страховщиков равны+7%
2.	Ориентированность	Ориентация на	Посредники
	бизнеса страховщиков	посредников:	дискредитированы: их
		банки, автосалоны,	бизнес резко сократился в
		брокеров, агентов, как	результате падения
		обеспечивающих быстрый	кредитования, сокращения
		прирост бизнеса	продаж новых автомобилей
			(увеличилось число
			случаев мошенничества
			среди брокеров и
			страховых агентов) и уже
			не могут диктовать свои
			условия страховым
			компаниям. Ориентиры на
			страхование: обновление и

			расширение страховых
			продуктов, использование
			франшизы, развитие
			прямого страхования.
3.	Стратегия страховых	Захват рыночной доли.	Основные целевые
	компаний	Основные целевые	показатели- ликвидность,
		показатели: объем	убыточность,
		полученных взносов, доля	рентабельность. В
		рынка, темпы роста	результате: оптимизация
		взносов. В результате -	бизнес процессов,
		продажа с максимальным	реструктуризация.
		мультипликатором.	

Начало нового этапа развития страхового рынка связано с постепенным выходом сектора из кризиса и изменением отношения государства к страховой отрасли. В 2010 году были приняты или активно обсуждались законопроекты, которые будут определять ускоренное развитие страхового рынка на ближайшие 3—5 лет.

Для оценки уровня развития страхового рынка Российской Федерации, необходимо сравнить значения основных макроэкономических индикаторов проникновения страхования в экономику страны.

Таблица 2- Сопоставление российских и мировых показателей уровня проникновения страхования в экономику в 2011 году

Nº	Показатель	Российский страховой	Мировой страховой рынок
п.п.		рынок	
1.	Взносы всего по	2,5	7,0
	отношению к ВВП,%		
2.	Взносы по видам	2,5	3,0
3.	Взносы всего на душу	280,9	595,1
	населения, долл.		
4.	Взносы по видам на душу	276,4	253,9
	населения (кроме		
	страхования жизни),долл.		
5.	Взносы по страхованию	4,5	341,2
	на душу населения, долл.		

В целом уровень проникновения страхования в мире составляет от 6 до 16 %. В Российской Федерации данный показатель значительно ниже в 2010 г. он составил 2,29 %, в 2011 г. - 2,56 %. этому способствует, прежде всего, низкий уровень проникновения страховых услуг в

сфере добровольного страхования на российский страховой рынок. Кроме этого причины слабости рынка страхования в России кроются в низком уровне сбережения российского населения. Помимо выше перечисленных причин, существует множество факторов оказавшие влияние на динамику взносов в различных видах страхования в России - падение производства и снижение объемов кредитования, сокращение доходов населения, ослабление курса рубля и инфляция, изменения в законодательстве, касающиеся обязательных и вмененных видов страхования, а так же недоверие населения к страховым компаниям. Так за последние два года (2010 и 2011 г.) только 72 % от общего числа клиентов, получивших выплату в страховой компании, полностью или в основном удовлетворены размером выплаты и качеством обслуживания. Полностью удовлетворены выплатой и сервисом всего лишь 51 % от числа тех, кто получал выплату и определился с оценкой обслуживания. Поэтому для обеспечения как экономической, так и психологической хозяйствующих субъектов необходимо обеспечить повышение роли страхования в системе социально-экономических и финансовых отношений. По мнению специалистов в 2012 году со вступлением в силу новых законов и реализации прочих мер по стимулированию спроса на страхование начнется новый этап бурного роста российского страхового рынка. По оценкам «Эксперта PA», если будут реализованы все обсуждаемые в настоящий момент меры и законопроекты по введению новых обязательных видов страхования и стимулированию добровольного спроса на страхование, объем страхового рынка в 2013 году может достигнуть 1 230 млрд. рублей, увеличившись по сравнению с 2010 годом в 2,2 раза. В результате объем взносов, собираемых в рамках обязательных видов страхования (без учета ОМС), составит порядка 500 млрд. рублей (100 млрд. рублей в 2010 году) [2]. Реальные темпы роста страхового рынка в России будут находиться между оптимистичным и пессимистичным прогнозами в зависимости от принятия законов о введении новых обязательных видов страхования и реализации мер по стимулированию добровольного спроса на страхование. К примеру, при пессимистичном прогнозе — если страховые законопроекты приниматься не будут — предполагается рост взносов к 2013 году до 840 млрд. рублей, или в 1,5 раза. При этом объем взносов по обязательным видам страхования будет составлять порядка 200 млрд. рублей.

Таблица 3 - Прогноз темпов прироста страховых взносов в 2013 году по отношению к 2010 году, %

Виды страхования		Оптимистический прогноз	Пессимистический прогноз
Добровольные	виды	60	41
страхования			
Обязательные виды		411	107
страхования			
Всего		124	53

Тенденции формирования страхового рынка показывают, что отечественный страховой рынок имеет мощный потенциал. Особым условием его развития является понимание и стимулирование страхования как специализированной отрасли по стабилизации экономики [3]. Ведь именно с помощью создания эффективной системы страховой защиты имущественных интересов физических и юридических лиц происходит формирование необходимой для экономического роста надежной и устойчивой хозяйственной среды. Однако принуждение потребителей к приобретению страховых услуг не всегда является действенным методом для их продвижения. Чаще намерение потенциальных страхователей пользоваться услугами страховщиков продиктовано собственной оценкой степени угрозы каждого отдельного риска, а также потенциального ущерба, связанного с ним. Создание стабильной национальной системы страхования поможет создать эффективный механизм по предупреждению и противодействию, существующим и внезапно возникшим опасностям и угрозам. Для этого необходимо решение следующих задач:

- -укрепление стабильности и надежности страховщиков;
- -государственное регулирование и надзор за тарифной политикой страховщиков;
- -совершенствование правовых основ деятельности участников страхового рынка;
- -формирование направлений и подходов к осуществлению как добровольных и обязательных, так и вмененных видов страхования с учетом региональных потребностей;
- -создание благоприятного налогового режима в целях стимулирования развития страховой отрасли;
- -совершенствование качества отраслевого образования с учетом перехода на двухуровневую систему вузовского образования.

Литература

- 1. Аналитический ежегодник «Экспертиза страхового рынка» 2011 г.
- 2. Аналитическое исследование «Эксперт РА», «Будущее страхового рынка России».
- 3. Ведмедь И. Прогнозирование макроэкономических индикаторов развития страхового рынка Российской Федерации в 2010 г. с использованием методов имитационного моделирования // Страховое дело. 2010. № 3.

УДК 330.341

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ ECONOMIC BASIS OF A CONSUMER SOCIETY IN KAZAKHSTAN

Стеблякова Л.П., доктор экономических наук, доцент, Карагандинский государственный технический университет

Steblyakova L.P., doctor of economy, docent, Karaganda State Technical University e-mail: Larissast@hotbox.ru

Аннотация: Общество потребления является порождением зрелого капитализма. Выделены его значимые черты. Доказана оазисная форма существования общества потребления в Казахстане.

Annotation: Consumer society is generation of mature capitalism. It is meaningful features are allocated. The oasis form of existence of a consumer society in Kazakhstan is proved.

Ключевые слова: общество потребления, зрелый капитализм, форма существования. Key words: consumer society, mature capitalism, form of existence.

В программной статье, опубликованной в июле 2012 г., Президент Казахстана Н.А. Назарбаев говорит о необходимости проведения в стране социальной модернизации, которая видится ему в переходе от общества потребления к обществу всеобщего труда. В статье указывается на «иллюзорность» концепции потребительского общества. «...Эта идеология оказалась губительной», - констатировал Президент. В качестве альтернативы он выдвинул идею общества всеобщего труда [1].

Термин «общество потребления» впервые ввел в употребление немецкий социолог Э. Фромм, говоря о необходимости реформирования современного общества. Главная задача, на его взгляд, состоит в построении «душевно здорового общества», «воспитания в людях продуктивного характера» [2]. Продуктивность, по мнению автора, это - «способность человека любить, использовать свои силы, способность к самореализации». Э. Фромм призывает заменить доминирующую ныне в характере человека установку на обладание установкой на бытие.

Общество потребления является закономерным порождением **зрелого капитализма**. В любом обществе производство и индивидуальное потребление составляют основу экономического развития. Однако только на определенном этапе развития капитализма индивидуальное потребление институциализируется и превращается в ключевой фактор экономического роста. То есть оно все глубже опосредуется институтом рынка. Но и существование рынка, относительно независимого от индивидуального потребления, становится невозможным.

В этом плане интерес может представлять определение личности общества потребления Г. Маркузе. В своей книге «Одномерный человек» социальный психолог и политолог пишет: «...культ потребления является одной из форм общественного контроля... Внешне система, в которой мы живем (капитализм), претендует на то, что основана на демократических принципах, но на самом деле она является авторитарной в том, что несколько человек диктуют наши представления о свободе посредством рекламы. Они оставляют нам только один способ быть счастливыми - покупать. В этом обществе люди несвободны в том, что работают больше, чем им необходимо для обеспечения реальных основных потребностей. Оно разрушительно в том, что материальные предметы или деньги становятся средством социальной связи» [3].

Общество потребления есть результат бурного экономического и технического развития капиталистических стран, сопровождаемого ростом доходов населения, снижением продолжительности рабочего дня, увеличением свободного времени, индивидуализацией потребления и существенным изменением его структуры. В обществе потребления популярной формой досуга является шопинг; развитие средств коммуникации кардинально расширяет информационное пространство и доступ к различным источникам информации, в т.ч. относительно условий и мест совершения покупок; а формируемая новая культура потребления становится неотъемлемой составляющей экономической системы. Теперь бизнес создает новые феномены культуры, формирует новые ценности, нормы поведения, вкусы, желания. Важным, действенным инструментом выступает реклама. Именно на эти стороны изменений современного общества обращает внимание известный социолог-постмодернист Ж. Бодрийяр [4]. «Людям нравится реклама, утверждает Бодрийяр, - но не тем, что она несет в себе определенный «мессидж» (хотя именно в этом состоит цель ее авторов), и уж, конечно, не потому, что она убеждает их отправиться за покупками, а по одной простой причине: она доставляет им удовольствие. Реклама – это спектакль, и он возбуждает, и это все».

В современном обществе потребление находится в отрыве от естественной природы, является следствием возведенной в культ социальной дифференциации, направленной на оправдание в любых условиях необходимости экономического роста.

Можно выделить несколько наиболее значимых черт, характерных обществу потребления, на которые обращают внимание исследователи:

- 1) конкуренция производителей порождает конкуренцию потребителей;
- 2) формируется развитая система кредитования, ускоряющая процесс принятия решения при покупках;
- 3) существенно меняется структура стоимости товаров и услуг, значительный удельный вес составляет плата за торговую марку (брэнд);
- 4) ускоряется темп изменения моды (вещи обесцениваются и устаревают быстрее, чем изнашиваются физически);
- 5) образование, прежде всего высшее, становится платной рыночной услугой, приобретаемой в массовых масштабах;

- 6) физкультура и спорт проходят процесс коммерциализации (профессиональные спортивные клубы становятся производителями зрелищ, а известные спортсмены объектом купли-продажи);
 - 7) широкое распространение получает «индустрия красоты»;
- 8) обществом потребления порождаются вещизм и аффлюэнца, которые во многом способствуют порождению кризисных явлений.

Процесс формирования общества потребления в развитых странах происходил в разное время: в США — после Второй мировой войны, в Западной Европе — немного позже, примерно с середины 1950-х гг. Возникает вопрос, когда сложилось общество потребления в постсоциалистических странах, в том числе в Казахстане, и сложилось ли оно вообще? Внешне, похоже, общество потребления в Казахстане состоялось, все атрибуты, присущие ему, имеются. А что же в действительности?

Прежде всего, необходимо иметь в виду, что постсоциалистические страны все еще находятся в состоянии трансформации. Формирующаяся здесь капиталистическая система существенно отличается от моделей, характерных развитым рыночным экономикам. Одновременно происходит трансформация общества, формируется западная культура потребления. Все в большей степени проявляются черты, характерные обществу потребления. Однако не все население в одинаковой степени может пользоваться его благами. Это связано с тем, что происходит социальная стратификация общества, обусловливающая различия в возможностях доступа к пространству общества потребления. Существует малая страта – социальный слой – которая по своим материальным возможностям может позволить воспроизводство стилей жизни обеспеченных групп населения развитых стран мира. Однако для большинства населения доступны только «виртуальное и вторичное общества потребления (СМИ, рынки подержанных и фальсифицированных товаров)». Как отмечает один из российских исследователей – Ильин В.И. – это большинство «живет в тени общества потребления: оно его ощущает, но может пользоваться его благами в очень ограниченных и суррогатных формах. Однако оазисы общества потребления являются источником желаний, надежд, иллюзий и мотивов для огромной части населения, особенно — молодежи». Отечественное общество потребления, неся в себя ключевые характеристики теоретической модели, отличается зачаточным состоянием многих ее атрибутов и оазисной формой существования.

Казахстанские исследователи отмечают, что небольшая страта общества в нашей стране демонстрирует безудержную тягу к потреблению и презрение к честному труду, которые проявляются в расточительно-вульгарной форме, вызывающей отторжение у здравомыслящих граждан. К сожалению, остальные слои общества пытаются им подражать, однако, не имея для этого достаточных доходов.

Понимание тупиковости данного пути развития выразил Президент Н.А. Назарбаев: «Сегодня весь мир с особой остротой убедился, что идеология потребления породила массовые социальные иждивенчества в развитых странах мира, стала одной из главных

причин глобального кризиса. Поэтому ложной идее, которая не может быть реализована даже в развитых странах мира, можно найти другую конструктивную альтернативу. Я такую альтернативу называю «общество всеобщего труда»» [1]. Закономерно возникает вопрос, как построить «общество всеобщего труда»? Как сломать сложившуюся модель?

Предлагаются различные меры. Например, включение экономических механизмов, в т.ч. введение налогов на сверхпотребление и предметы роскоши, дифференцированной ставки налогообложения в зависимости от величины дохода. Отмечается необходимость формирования нового отношения к защите трудовых прав, поскольку низкооплачиваемая и бесправная рабочая сила никогда не обеспечит качественного технологического роста. Важно использование мощного идеологического сопровождения, чтобы возродить уважение к человеку труда. Все эти меры, бесспорно, нужны. Однако необходимо понимать, что они воздействуют большей частью на верхушку айсберга. Причины же нужно искать в глубине. Лишь поняв их, можно пытаться воздействовать на саму основу.

факторы появления и развития общества потребления, некоторые Выясняя исследователи выводят на передний план проблемы духовного, идеологического порядка, такие, как царящий в обществе перманентный нигилизм, расчищающий поле общественного сознания для взращивания ценностей общества потребления; постоянная манипуляция человеческим сознанием как естественная (моральная) норма общественной жизни; философия маркетинга, культивирующая неуемные человеческие желания. Однако идеологию и психологию различных социальных групп или общества в целом (говоря марксистским языком - надстройку) формируют доминирующие производственные отношения (базис). Необходимо, конечно, помнить, что надстройка выполняет в обществе важнейшие социальные функции. Господствующая надстройка выражает и закрепляет экономические отношения собственности данного общества. Но в то же время, выполняя свои социальные функции, надстройка всегда является активной силой, обратно воздействующей на базис. Поэтому было бы упрощением и вульгаризацией рассматривать связь базиса и надстройки как однонаправленную. Между ними существует диалектическая взаимосвязь и взаимозависимость. Надстройка, раз возникнув, начинает оказывать обратное воздействие на базис, а, следовательно, и на всё общество, включаясь в процесс развития общества как мощный фактор, имеющий свои специфические законы генезиса, функционирования и развития. И все же в этом взаимодействии определяющую роль, в конечном счете, играет базис.

Обратимся к производственным отношениям как реальному базису общества. Поскольку в Казахстане уже более 20 лет строятся рыночные (капиталистические) производственные отношения, следовательно, именно они и являются основными «виновниками» сформировавшейся идеологической надстройки и, соответственно, сложившегося казахстанского «общества потребления». Отсюда можно сформулировать ряд тезисов.

Тезис 1: Потребление необходимо ради экономического роста. Потребление является средством экономического роста капиталистических предприятий. Однако

потребление никогда не стимулируется повышением доходов трудящихся. Стимулирование потребления сводится к поддержке потребительского интереса и воли к потреблению. Отсюда расходование сбережений и увлечение кредитами. Данные процессы осуществляются в соответствии с действующими капиталистическими принципами, согласно которым труд не приносит его носителю богатства, а покрывает в лучшем случае стоимость его жизни.

Возьмем, к примеру, так называемую «справедливую оплату труда», о которой сейчас много говорится в свете 20 шагов к обществу всеобщего труда. Однако само слово «справедливая» в данном случае не несет в себе никакой нагрузки, кроме приятных эмоций. Дело в том, что согласно данному принципу доходы должны быть только трудовыми. Но доход по акциям – это уже «нетрудовой» доход. И хотя мы говорим о ежегодном росте ВВП в Республике Казахстан и ВВП на душу населения, сегодня только около 34% ВВП идет на оплату труда наемных работников. Чистые косвенные налоги на бизнес составляют 6%, потребление основного капитала – 14%, чистая прибыль и чистые смешанные доходы – 46%, т.е. как минимум 46% - это «нетрудовые» доходы. Если такое соотношение считать несправедливым, то, как его изменить? Данный вопрос остается открытым.

Тезис 2: В принципе, каждый свободен в формировании собственного потребления. В то же время для капиталиста свобода выбора обусловливает рост прибыли, а для работающего по найму - это лишь поддержание его работоспособности.

Тезис 3: Ощущая себя свободными в сфере индивидуального потребления, потребители в то же время зависимы от капиталистического производства. Но средства массовой информации поддерживают иллюзию «потребительского сознания».

Далее хотелось бы привести одно из основополагающих положений программной статьи Президента Казахстана: «Социальная модернизация в Казахстане, и я в этом убежден, должна быть, прежде всего, направлена на повышение качества жизни всех казахстанцев, сокращение числа бедных и недопущение социальной маргинализации. Сегодня в Казахстане имеются потенциал и экономические предпосылки для того, чтобы установить определенные социальные стандарты качества жизни, в том числе гарантируемые государством» [1].

Действительно, за годы независимости среднестатистические доходы казахстанцев выросли в несколько раз. Однако наиболее потребляемыми стали образы и иллюзии. Потребление же важнейших благ существенно сократилось. Это подтверждают статистические данные. Взять хотя бы потребление мяса и мясопродуктов на душу населения. Если в 1989 г. (в СССР, в период тотального дефицита) потребление мяса на душу населения составляло 72 кг/чел. в год (при норме, рекомендованной ВОЗ, – 70-75 кг) (к концу 1980-х гг. СССР по этому показателю достиг уровня Великобритании и Греции и значительно превышал показатели Японии, Китая и Португалии), то за весь период после распада СССР этот показатель в странах СНГ, в т.ч. в Казахстане, оказался значительно ниже нормы. Так, в 2000-м г. потребление мяса и мясопродуктов в год в Казахстане на душу

населения составляло всего 42,5 кг/чел., в 2010-м г. – 53,1 кг/чел., и только в 2011-м г. – 65,9 кг/чел. (в 2011-м г. Казахстан занял 48 место по потреблению мяса на душу населения из 177 стран мира).

Если в целом говорить о потреблении продуктов питания в Казахстане в расчете на душу населения, то необходимо отметить, что, несмотря на сложившуюся тенденцию роста, показатели далеки от нормативных значений, рекомендованных ВОЗ. При этом недопотребление мяса, рыбы, молочных продуктов, овощей и фруктов (более дорогих продуктов) население вследствие недостаточной покупательной способности компенсирует хлебопродуктами, крупяными изделиями, сахаром, джемом, шоколадными и кондитерскими изделиями, что никак не может быть положительным явлением. Нерациональное, несбалансированное питание приводит к росту заболеваний, отклонениям в развитии молодого поколения, ожирениям и прочим негативным последствиям.

Уровень и структура потребления основных продуктов питания зависит от материальной обеспеченности домашних хозяйств. Так, в 2010 году 10% наименее обеспеченного населения в 2 раза меньше по сравнению с 10% наиболее обеспеченного населения потребляло молока и молочных продуктов, в 3 раза меньше - яиц, мяса и мясопродуктов, рыбы и морепродуктов.

К сожалению, реальность такова, что нищенская жизнь значительной части казахстанцев не заботит их более удачливых сограждан. В этом беда не общества потребления, а общества вообще. Между беднейшими слоями страны и богатой её частью пропасть столь глубока, что население благополучных крупных городов вообще не представляет истинных масштабов бед своих соотечественников, особенно сельских районов.

Посмотрим хотя бы такой показатель, как доля населения с доходами ниже прожиточного минимума. Даже если учесть, что прожиточный минимум у нас в стране крайне низок, и то до 2006 г. более 30% населения имели доходы ниже прожиточного минимума. При этом сельское население вообще просто выживало. В начале 2000-х годов почти 60% населения имели доходы ниже прожиточного минимума. Высокое значение имеет коэффициент фондов. В конце 1990-х годов средние доходы 10% наиболее обеспеченного населения в 10-11 раз превышали средние доходы 10% наименее обеспеченного населения. И сейчас разрыв составляет 5-6 раз. Официальные показатели глубины и остроты бедности, а также индекс Джини имеют тенденцию к уменьшению. Так, за период с 2001 по 2011 год глубина бедности сократилась в 16,4 раз и составила 0,9%. С 2001 года острота бедности сократилась в 21,7 раза и составила 0,3%. Значение индекса Джини с децильным (10%-ным) интервалом доходных групп в Казахстане сократилось в 1,2 раза: от 0,339, которое характеризует заметное неравенство, до 0,289, то есть умеренное неравенство.

Квинтильное распределение доходов показывает незначительное увеличение среднемесячного дохода на душу населения в первых 4-х квинтилях, кроме последнего. Так, среднедушевой доход 3 и 4 квинтиля, превышая величину прожиточного минимума в 1,5-1,9 раза, говорит о том, что фактически 80% населения республики имеют доходы, не более

двукратной величины прожиточного минимума, половина из которых уязвима по отношению к риску оказаться в категории бедных.

Величина прожиточного минимума в Казахстане с 1 января 2012 г. составляет 17439 тенге (прожиточный минимум включает 43 наименования продуктов, определяемых по минимальным нормам потребления, утвержденным Академией питания; по ним определяется продовольственная корзина (для сравнения, например, в Великобритании потребительская корзина включает 350 наименований продуктов)). Эксперты отмечают, что продовольственная корзина в Казахстане не только скудна, но и далека от норм, рекомендованных Всемирной организацией здравоохранения. А прожить на минимальную заработную плату практически невозможно. В настоящее время ведется активная дискуссия по поводу необходимости повышения минимальной заработной платы не менее чем в два раза.

В странах Евросоюза адекватной считается минимальная зарплата, составляющая 68% от среднего заработка граждан. У нас же минимальная заработная плата составляет менее 20% от среднего заработка граждан. Кстати, в Великобритании минимальная заработная плата в 12 раз выше, чем в Казахстане (1505,6 против 116,5 долл. США). Минимальная заработная плата выше и у ближайших соседей — в России, Беларуси, Украине, Азербайджане и др. Причем и ее покупательная способность там выше.

Необходимо принимать во внимание и тот факт, что цены постоянно растут и не только на продукты питания, но и на коммунальные услуги. Ежегодное повышение минимальной заработной платы на уровень официальной инфляции не является адекватным. Постоянный рост цен на продовольственные товары (причем совершенно неоправданный) приводит к увеличению удельного веса денежных расходов домашних хозяйств, истраченных на продовольственные товары (если в 2008-м г. он составлял около 41%, то в 2011-м году — уже более 45%). При этом нужно учесть, что стоимость непродовольственных товаров и коммунальных услуг также постоянно растет. Где уж тут до «безудержного потребления»?

То же самое можно сказать и об иждивенчестве. Размер социальных пособий в Казахстане оставляет желать лучшего, об этом всем известно. Получатели социальных пособий - в основном дети. Так, по данным Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан 60,9% получателей адресной социальной помощи в 2010 году составили дети, 9,3% пришлись на самозанятых, 9,0% - на безработных граждан, 20,8% - на прочие категории граждан. На социальное пособие вряд ли кто-то захочет добровольно жить. Это не Германия и не Великобритания. А ведь именно там возникла проблема социального иждивенчества.

Таким образом, идея искоренения иждивенчества в Казахстане состоит в большей степени в том, что государство намерено переложить часть своих забот на работодателей из частного сектора и иностранных инвесторов. Это, конечно, один из способов решения стоящих социальных проблем. Однако для общего предпринимательского климата - это

сигнал не совсем привлекательный, если вместо создания одинаковых условий для всех, будут приниматься новые законы по дополнительной нагрузке на отдельных представителей бизнеса.

Особая тема для разговора — это пенсионная система. Имеющиеся в Казахстане проблемы с пенсионной системой становятся причинами непопулярных мер, принимаемых государством. Одна из них — повышение пенсионного возраста женщин до 63 лет. За счет принятия данного закона планируется сэкономить до 400 млрд. тенге в год. По сути, повышением пенсионного возраста правительство пытается отсрочить неминуемое падение большей части пенсионных фондов, средства которых «съедены» инфляцией. Еще более непопулярной является мера повышения продолжительности рабочего дня, которая противоречит всем имеющимся нормам.

Затраты на образование и здравоохранение — это также показатель социальной заботы государства. Повышение качества образования в Казахстане зависит от уровня государственного финансирования отрасли, который остается низким (3,6% ВВП). Нужно отметить, что Казахстан в ближайшие три года намерен направить на развитие образования и науку более 1,1 триллиона тенге (около 4% от ВВП), на развитие системы здравоохранения - 1,3 триллиона тенге (4,8% от ВВП). Но пока это только намерения.

Здоровье населения — одна из главных составляющих человеческого капитала, от которого зависит успешное экономическое развитие страны. Инвестиции в здоровье населения создают основу для развития и роста конкурентоспособности человеческого капитала. Доля государственных расходов на здравоохранение в Казахстане в ВВП страны в 2004-2010 гг. составляла всего 2,2-2,5%. По этому показателю Казахстан находится на одном из последних мест в СНГ.

С учетом сложившихся тенденций в долгосрочной стратегии развития здравоохранения значительное место следует уделять вопросам не только обеспечения качества и доступности медицинской помощи, но и формированию потенциала здоровья населения. В этом плане важная роль принадлежит немедицинским факторам: здоровый образ жизни, условия труда и состояние окружающей среды.

В программной статье Президент Н.А. Назарбаев отдельным пунктом, отдельным поручением выделяет модернизацию здравоохранения и пропаганду здорового образа жизни. Это, бесспорно, верно. Но необходимо иметь в виду, что для обеспечения здорового образа жизни у большинства населения просто не хватает покупательной способности и свободного времени. Вопиющим является уже тот факт, что «здоровое питание» приобрело сегодня статус особого товарного знака, за который необходимо платить дополнительно.

Занятия физкультурой, спортом требуют достаточного свободного времени. Однако обществом потребления, как уже говорилось выше, порождаются не только вещизм, но и аффлюэнца. Возникает аффлюэнца вследствие хронической нехватки денег у потребителя для обеспечения себе достойного, на его взгляд, уровня жизни. То есть получается некий замкнутый круг, преодолеть который достаточно сложно.

Ожидаемая продолжительность жизни от рождения является важной характеристикой индекса развития человеческого капитала и отражает возможность продолжительной и здоровой жизни населения страны. К сожалению, в Казахстане наблюдается более короткая средняя ожидаемая продолжительность жизни от рождения по сравнению с развитыми странами мира. В 34 странах этот показатель составляет 75-80 лет. С 2008 г. у нас наметился незначительный рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении, она вот только достигла уровня 1991 г. (в 2010 г. она составила 68,4 года).

На 1000 женщин в стране умирает 1329 мужчины, почти 40% из них — мужчины в трудоспособном возрасте. Смертность мужчин в трудоспособном возрасте (16-63 года) превышает смертность трудоспособных женщин (16-58 лет) в 3 раза. Высока смертность детей в возрасте до 1 года. Коэффициент смертности в этой возрастной группе в 2004 г. составлял 14,5, в 2008 г. — 22,92, в 2010 г. — 18,45 (несколько снизился). В Казахстане не решены такие проблемы, как детская и материнская смертность, распространение ВИЧ/СПИДа и туберкулеза, по которым показатели далеки от стандартов Всемирной организации здравоохранения.

Как решить все назревшие проблемы?

Наиболее развитые страны пошли по пути создания так называемого «государства всеобщего благосостояния». Расцвет государства всеобщего благосостояния пришелся на послевоенный период - 1945-1975 гг., названный «золотым веком капитализма». В фундаменте этого проекта лежал исторический компромисс между трудом и капиталом, корпоративный договор между государством, бизнесом и профсоюзами. Но ослаблению проекта способствовали многие причины. Спад в экономике и падение прибыли в конце 1970-х гг. побудили капитал пересмотреть существующий компромисс, заключить новый договор, в котором позиции профсоюзов и наемных были существенно ослаблены. Произошел демонтаж государства всеобщего благосостояния, была дана полная свобода рынку.

Сейчас идет дискуссия о реализации модели, которая продолжает и развивает известную скандинавскую модель и опирается на идеи лауреата Нобелевской премии по экономике (1998) А. Сена. Данная модель сохраняет регулирующую роль государства, его роль координатора усилий всех участников социальной и экономической жизни - наемных, профсоюзов и предпринимателей. Она опирается на широкие права и потребности человека, понимаемого в качестве трудящегося, гражданина и личности, сочетая универсальное и персональное измерения. Эта модель вызывает растущий интерес со стороны Европейского Союза (ЕС). Наконец, в 2002 г. в Барселоне Совет Европы сформулировал европейскую социальную модель, «основанную на эффективной экономике, высоком уровне социальной защиты, образования и социальном диалоге».

Казахстан пытается реализовать свою модель социально-экономической модернизации. Социальные аспекты модернизационного процесса в Казахстане сформулированы Президентом в ежегодном послании, которое носит название «Социально-

экономическая модернизация — главный вектор развития Казахстана». Программная статья «Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда» стала продолжением принятого курса.

«В условиях глобальной экономической нестабильности необходим баланс между возможностями государства и социальными ожиданиями. В современной социальной реальности государство не является абсолютным проводником к миру «благоденствия». Оно должно «помогать», создавать условия. А будут они реализованы или нет — это уже сфера ответственности самого человека» [1]. Именно такая концепция реализуется в РК, именно на это указывает в своих выступлениях глава государства. Но здесь, на наш взгляд, важно обеспечить равный доступ всех жителей Казахстана к социальным благам и переход их на новый уровень качества жизни.

Литература

- 1. Назарбаев Н.А. Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда (программная статья), 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kazpravda.kz/c/1341882404— Загл. с экрана.
- 2. Фромм Э. Здоровое общество. В кн.: Психоанализ и культура. Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма./ М.: Юристъ, 1995-143с.
- 3. Е. Самарская. Жан Бодрийяр и его вселенная знаков // Бодрийяр Жан. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006, с. 251—264
- 4. *Ильин В.И.* Общество потребления в России: Миф или реальность? [Электронный ресурс]. Санкт-Петербург, 2004. Режим доступа: http://artpragmatica.ru.

УДК 331.5

СТРУКТУРА СПРОСА НА РАБОЧУЮ СИЛУ НА МИРОВОМ РЫНКЕ ТРУДА THE STRUCTURE OF DEMAND FOR THE LABOUR FORCE IN THE GLOBAL LABOUR MARKET

Ткаченко М.Ф., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной статистики и демографии Российского государственного социального университета

Tkachenko M.F., doctor of economy, professor, the head of the department of social statistics and demography of Russian State Social University

e-mail: martek-80@rambler.ru

Аннотация: В статье рассмотрены межотраслевые и внутриотраслевые сдвиги в занятости отдельных регионов и стран мира с учетом безработицы и неформальной занятости

Annotation: The paper demonstrates intersectoral and intrasectoral shifts in the employment of several regions and countries taking into account unemployment and informal employment

Ключевые слова: спрос, межотраслевые и внутриотраслевые сдвиги в занятости, безработица, неформальная занятость, гибкость

Key words: demand, intersectoral and intrasectoral shifts in the employment, unemployment, informal employment, flexibility

Основным субъектом мирового рынка труда выступает глобальная рабочая сила, которая формируется под воздействием закона спроса-предложения, в рамках условий национальных рынков труда и требований субъектов мировой экономики, влияющих на систему международного разделения труда.

В экономической теории величина спроса на труд измеряется как число работников, нанятых предприятиями в течение определенного периода времени. В рамках национальной экономики спрос на труд следует рассматривать как совокупный спрос, т.е. использование рабочей силы в рамках целых отраслей. О величине спроса можно судить по динамике занятых в национальной экономике в целом и её отдельных отраслях. Структуру спроса на образом, представить в отраслевом и профессионально-ОНЖОМ квалификационном разрезе. С учетом сказанного, следует проанализировать межотраслевые и внутриотраслевые (квалификационные) сдвиги в содержании занятости, вызванные процессами глобализации. Для оценки сдвигов в квалификации занятых и анализа квалификационноемкости национальных экономик И отдельных отраслей были использованы Международная стандартная классификация рода занятий 1968 и 1988 гг. (International Standard Classification of Occupations 1968 (ISCO-68) и International Standard Classification of Occupations 1988 (ISCO-88)), а также Международная стандартная промышленная классификация экономических отраслей (International Standard Industrial Classification of all Economic Activities (ISIC-Rev2, 1968)) или (International Standard Industrial Classification of all Economic Activities (ISIC-Rev3, 1988)) в совокупности со статистическими данными МОТ, собранными на основании переписей и обследований населения по труду и занятости (LABORSTA — база данных по статистике труда: Экономически активное население, распределение по отраслям и роду занятий) (LABORSTA-database of labour statistics: Economically active population, by industry and occupation))[7].

К квалифицированным работникам помимо профессиональных, технических и управленческих работников принадлежат также клерки, поскольку их труд можно отнести к выполнению работы т.н. «белыми воротничками», хотя среди клерков есть категории работников, способные выполнять свою работу без профессиональной подготовки.

Исходя из определения спроса на труд, рассмотрим динамику роста занятого населения по отраслям и роду занятий по странам и регионам мира.

В независимости от колебаний численности населения, в т.ч. занятого населения, начиная с 1950 г. имеет место тенденция сдвига спроса в сторону квалифицированных работников в большинстве отраслей национальных экономик, даже тех, которые традиционно не относятся к квалификационноемким. Под квалификационноемкой отраслью мы понимаем отрасль, где задействованы работники высокой квалификации (имеющие высшее образование или находящиеся на более высоких его ступенях).

Если анализировать ситуацию со спросом на труд определенной квалификации в разрезе регионов, то в наибольшей степени квалифицированный труд пользуется спросом в странах Западной Европы и Северной Америки (в среднем по региону доля квалифицированных работников составляет 49,1%), далее следует регион Центральной и Восточной Европы – 39,1%, затем Восточная Азия и АТР (33,5%) и страны арабского мира – 28%. Примерно 26,7% квалифицированных работников трудится в национальных экономиках стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Наиболее низкие показатели использования квалифицированного труда в странах Южной и Западной Азии (16,2%), а также в странах Южнее Сахары – 10,5%. При этом если в странах Западной Европы и Северной Америки, а также Центральной и Восточной Европы спрос на квалифицированную рабочую силу распределяется приблизительно равномерно, то в таком регионе как Восточная Азия и АТР в основном спрос на квалифицированный труд предъявляют Австралия, Новая Зеландия, за ними следуют Япония и Республика Корея. Похожая ситуация складывается в странах южнее Сахары, где основной спрос на квалифицированных работников в исследуемой выборке стран предъявляют ЮАР и Ботсвана, а в остальных странах доля квалифицированных работников не превышает 5% [7].

Эксперты МОТ сходятся во мнении, что причинами роста спроса на высококвалифицированных работников в последние десятилетия являются: глобализация, технологическое развитие и изменения в формах организации работы. Причем все эти три

причины взаимосвязаны между собой. Технология, сокращая издержки и повышая скорость коммуникаций, сыграла важную роль в глобализации производства и финансовых рынков; в свою очередь глобализация, усиливая конкуренцию, дала толчок к распространению технологий и применению новых форм организации рабочего места [5]. Это утверждение справедливо как для развитых, так и для развивающихся стран.

При этом происходит перемещение рабочей силы как между отраслями, так и внутри отдельных отраслей национальной экономики.

Анализируя межотраслевые сдвиги в занятости, можно сделать вывод, что за последние 30-40 лет произошли существенные изменения, связанные со смещением экономической активности населения в сферу услуг и преобладании постиндустриального типа занятости [7]. (При определении постиндустриального типа занятости мы использовали выводы Э.Тоффлера о постиндустриальном обществе, которое базируется на таких показателях занятости как: доля занятых в сельском хозяйстве <15%; доля занятых в сфере услуг в городской местности>50%)[9]. Если в 70-80-е гг. ХХ в. только 28% стран характеризовались его постиндустриальным типом занятости (основу выборки для расчета составило 81 государство), то в конце 2000-х гг. таких стран насчитывалось уже чуть более 65%. При этом если доля стран Северной Америки и Западной Европы практически не изменилась, колеблясь в пределах 34-35%, то значительно усилили свое присутствие в группе стран постиндустриального типа занятости страны Восточной Азии и АТР, а также Латинской Америки и стран Карибского бассейна. К этой группе также относятся большинство стран Центральной и Восточной Европы. Практически не изменилась ситуация с отраслевой структурой занятости в Южной и Западной Азии, а также странах Юга Африки (исключение ЮАР), здесь в большинстве своем работники преобладают в сельском хозяйстве, тем самым стимулируя развитие аграрного или аграрно-индустриального типа занятости.

Основываясь на данных этой же самой выборки (81 страна), мы оценили масштаб и последствия внутриотраслевых квалификационных сдвигов.

Следует отметить, что для большинства стран мира характерно постепенное замещение низко и малоквалифицированной рабочей силы высококвалифицированными кадрами. При анализе внутриотраслевых квалификационных сдвигов было сделано несколько важных выводов [7]:

1. Наибольшая доля квалифицированных работников сохраняется в таких отраслях как: деловые услуги (финансы, страхование, сделки с недвижимостью и т.д., административные, социальные и персональные услуги населению), а также в сфере по предоставлению услуг, связанных с транспортировкой, хранением и коммуникациями. Однако в большинстве исследуемых стран прирост квалифицированных работников в основном происходил в сфере оптовых и розничных продаж, ремонта бытовых товаров и машин, а также гостиничного и туристского бизнеса (86% стран), далее следует

промышленность (84%), затем сельское хозяйство и газо-энерго-и водоснабжение (по 80%). Нулевой или отрицательный прирост сохранялся в сфере деловых услуг.

- 2. В отраслях, где наблюдался наибольший прирост квалифицированных работников, их доля в сравнении по разным странам (особенно в странах Восточной Азии и ATP) выросла в 10-15 раз.
- 3. В большинстве стран выборки наблюдается тенденция одновременного роста занятого населения по отраслям и роста квалификационноемкости отрасли, хотя, следует отметить несоответствие роста занятых в отрасли и темпов роста квалифицированных работников. При этом в выборке выделяется группа стран, где вследствие неблагоприятных демографических тенденций или роста безработицы, занятое население в отрасли сокращается, но при этом усиливается квалификационноемкость отрасли. К этой группе относятся в основном страны ЦВЕ (сельское хозяйство, добыча природных ресурсов, промышленность, газо-энерго-и водоснабжение, незначительное снижение по отраслям сферы услуг), ряд стран Латинской Америки и Карибского бассейна (сельское хозяйство, добыча природных ресурсов, газо-энерго-и водоснабжение, транспорт и коммуникации, а также общественные, социальные и иные персональные услуги), развитые страны Западной Европы (преимущественно в сфере добычи, а также газо-энерго-и водоснабжения), а также Япония (сельское хозяйство и добыча природных ресурсов) и США (промышленность).
- 4. Доступные статистические данные по безработице (из базы данных ILO Laborsta) отдельных категорий работников позволяют говорить, что в независимости от уровня социально-экономического развития страны безработица гораздо ниже среди высококвалифицированных работников, нежели чем среди малоквалифицированных и неквалифицированных работников.

При этом динамика безработного населения не внушает оптимизма. Безработица остается серьезной проблемой во многих странах и регионах мира, а её апофеоз приходится именно на периоды мощных экономических кризисов. Её наличие свидетельствует о несоответствии спроса предложению рабочей силы.

По данным МОТ, уровень безработицы в течение последнего десятилетия неуклонно снижался вплоть до 2008 г., когда были отмечены признаки рецессии в мировой экономике [3]. Причем в наибольшей степени пострадали развитые страны, чье производство в основном было ориентировано на экспорт. Снижение уровня безработицы в 2008 г. продолжилось в трех регионах мира: Ближнем Востоке, Северной Африке и странах Южнее Сахары [3]. В этих регионах сильное влияние кризиса на мировой рынок труда могло демпфироваться низким уровнем занятости населения в легальном секторе экономики и включением все большего числа видов экономической деятельности в неформальный сектор экономики.

Там, где безработное население преобладает в числе экономически активного населения, оно способствует формированию неформальной занятости, часто сопряженной с нелегальными видами деятельности.

Проблемы в регулировании спроса на рабочую силу в рамках глобального рынка труда связаны также с неравномерностью создания рабочих мест в мире. По данным экспертов Международной конференции по народонаселению и развитию (ICPD), в последние четыре десятилетия в мире было создано более 1 млрд. рабочих мест, что превышает число созданных рабочих мест в предыдущие четыре века. Если тенденция сохранится, то в ближайшие 35 лет будет создано ещё 1,3 млрд. рабочих мест [6]. При этом большая часть рабочих мест создается в развивающихся странах за счет наличия там источника дешевого труда, чем не могут не воспользоваться ТНК. Так, по данным МОТ из почти 45 млн. новых рабочих мест, созданных в 2006-2007 гг. большинство было создано в Южной Азии (28%), а наименьшее количество (4%) — в развитых экономиках, в том числе в странах ЕС [2].

Однако уровень производительности труда при этом остается выше все-таки в ЕС и США. Имеется тенденция к повышению производительности труда во всех регионах мира, за исключением Ближнего Востока.

При этом возможные колебания в динамике создания рабочих мест в ряде случаев связывают со структурной перестройкой производства, вызванной технологическими нововведениями, что приводит к смещению рабочих мест в другие отрасли. Хотя промышленно развитые страны (ПРС) продемонстрировали прямо противоположный результат. Здесь занятость только возрастала по мере усовершенствования технологического процесса производства.

Особенно стремительным был рост рабочих мест в странах развивающегося мира. В последние сорок лет он в два раза превысил общую занятость. Хотя вследствие беспрецедентного роста народонаселения он был «съеден» безработицей. Политика, направленная на сокращение рождаемости в ряде развивающихся стран, способствовала повышению экономического роста и росту количества рабочих мест. Одновременно со стремительным увеличением количества рабочих мест произошел качественный сдвиг в природе занятости. Т.е. произошло смещение от преимущественно слабо эффективных ручных форм производства в сельском хозяйстве до более квалифицированных и сложных форм занятости в других отраслях экономики. Это подтверждается данными анализа внутриотраслевых и межотраслевых сдвигов занятости.

Все отрасли потенциально являются стимуляторами для создания рабочих мест. Так, в развивающихся странах много рабочих мест до сих пор создается в сельском хозяйстве. Сфера услуг может стать главным стимулятором по созданию рабочих мест, даже на ранних стадиях развития экономики. Значительный потенциал роста при условии поддержки со стороны государства имеют небольшие неформальные предприятия сферы услуг в строительстве, коммерции, продаже продуктов, ремонте и транспортном обслуживании.

По мнению экспертов ICPD, безработица в последние десятилетия стала проблемой именно потому, что рост населения опережал рост рабочих мест, а также потому что более

значительный процент населения, особенно женщин, ищет рабочие места сейчас, нежели в прошлом [6].

Недостаток рабочих мест на рынке труда и рост безработицы, усиление технологичности производства и предоставления услуг, а также смещение занятости в сферу услуг усиливают спрос на новые более гибкие рабочие места, диктуют условия в реорганизации практики найма и увольнения, а также организации рабочего времени. В силу этого возникает потребность в распространении т.н. нестандартной занятости, к основным видам которой относят: временная занятость, неполная занятость, недозанятость, сверхзанятость, самозанятость, неформальная занятость, занятость в домашних хозяйствах [8].

В основе существования нестандартной занятости лежит гибкость трудовых отношений между работником и работодателем.

Гибкость рынка труда характеризуется как способность системы трудовых отношений адаптироваться к влиянию внешних факторов и при этом сохранять свое равновесие. Гибкость, по классификации Аткинсона, может иметь вид временной занятости (внешняя численная гибкость), варьироваться по времени (внутренняя численная гибкость), предполагать смену рабочих функций (функциональная гибкость), а также изменения в оплате за труд (финансовая гибкость). Возможно также осуществление работником производственных задач вне своего рабочего места, например, на дому с использованием Интернета или телефона [1].

Ряд международных организаций (Всемирный Банк, Всемирный экономический форум, Международная организация труда) предоставляют статистическую информацию по вопросам организации процесса найма и увольнения, рабочего времени и рабочего места, продолжительности рабочей недели, которые свидетельствуют о том, что гибкость может быть присуща в равной степени как рынкам труда развитых, так и развивающихся стран. Проведенный нами кластерный анализ по показателям докризисного периода (основные показатели: взаимодействие в решении трудовых споров, жесткость занятости, гибкость заработной платы, издержки увольнения, практики найма и увольнения, работники на телефоне, работники, работающие неполный рабочий день) продемонстрировал наличие двух устойчивых кластеров (выборка составила 125 стран), каждый из которых имеет высокую социально-экономическую дифференциацию. В кластер с высоким уровнем гибкости национальных рынков труда входит значительное количество стран Латинской Америки и Африки, что позволяет сделать предположение о том, что их присутствие в этом кластере сопряжено с высоким уровнем неформальности их экономик. Наличие подобной тенденции заставляет соотносить показатели гибкости рынков труда с показателями социальной безопасности (социальной защищенности) работников.

К сожалению, реальную практическую модель оптимального сочетания принципов гибкости и безопасности удалось построить только в рамках ЕС («flexicurity»). В частности, в качестве методов достижения «flexicurity» указывается на необходимость: введения новых более гибких форм трудовых контрактов, создание временных агентств занятости,

поддержка использования информационных технологий и более гибкого графика рабочего времени как средств модернизации организации труда, поддержка привлекательности неполной занятости, внедрение системы социальной защиты, чтобы поддержать мобильность работников.

В развивающихся странах (прежде всего, странах Южной и Западной Азии, ряде стран Латинской Америки и Карибского бассейна, Суб-Сахары) гибкость рынка труда сопряжена с расширением масштабов неформальной занятости. Основной причиной этого является преимущественное развитие сельского хозяйства, которое предъявляет спрос на неквалифицированных работников.

Следует сказать, что хотя неформальная занятость очень часто ассоциируется с нелегальной занятостью, в большинстве случаев не носит нелегальный характер.

К неформально занятым работникам (в соответствии с Резолюцией 15-й Международной конференции статистиков труда) относят: самозанятые работники (в российском варианте индивидуальные предприниматели), работники, которые имеют неформальную работу, но одновременно заняты в формальном секторе; семейные работники, независимо от того, работают они в формальном или неформальном секторе; оплачиваемые работники в домашнем хозяйстве; члены неформальных производственных кооперативов; лица, занятые производством собственной продукции, для продажи.

В соответствии с предложенной Международной конференцией статистиков труда классификацией, в 2009 г. 5 из 10 человек работали либо в качестве семейных работников, либо были самостоятельно заняты. Количество неформально занятых работников измеряется с помощью такого показателя как уровень уязвимой занятости (vulnerable employment ratio). Увеличение значения данного показателя считается аналогом расширения бедности и неформального сектора. Лица, чья деятельность описывается этим показателем, относятся к группе высокого экономического риска.

По методологии МОТ считается, что работники признаются занятыми в неформальном секторе, если их трудовые отношения не подпадают под трудовое законодательство, налогообложение, социальную защиту, а также выплаты социального характера (ежегодный отпуск, отпуск по уходу за ребенком, выплаты по больничному листу и т.д.) по следующим причинам: отсутствие прямого декларирования рабочих мест работодателем (нелегальные работники, нелегальные иммигранты и т.д.); случайный заработок или работы, ограниченные коротким промежутком времени; работы, где не установлены продолжительность рабочего дня или официальная заработная плата; занятость на незарегистрированных предприятиях или в домохозяйствах; рабочие места находятся вне предприятия работодателя.

Особой проблемой при анализе масштабов и тенденций занятости в неформальном секторе является методика учета неформально занятых. Чтобы преодолеть межстрановые различия в учете неформально занятых, Expert Group on Informal Sector Statistics (Delhi Group) на своей третьей встрече сформулировала набор рекомендаций по гармонизации

национальных определений неформального сектора на основе международного определения неформального сектора. Учет неформально занятых важен с точки зрения определения рисков в формировании национальных рынков труда, а также в силу того, что потенциал неформальной занятости можно использовать в развитии малого предпринимательства, расширении гендерной занятости.

Исходя из международной практики учета неформально занятых и авторских исследований по проблеме расширения неформального сектора экономики, следует сказать о ряде особенностей определения масштабов неформальной занятости. Во-первых, официальная статистика учитывает только легальные способы получения дохода в неформальном секторе экономики, а, во-вторых, только занятое население без учета безработных, которые также могут быть заняты неформальной или даже нелегальной деятельностью. Причем с большой вероятностью можно сказать, что большинство из тех безработных, которые не учитываются в агентствах по занятости и трудоустройству, являются реальной или потенциальной рабочей силой в неформальном секторе экономики. На наш взгляд, разница между количеством официально зарегистрированных безработных и общим числом безработных составляет значительную часть неформально занятых в экономике.

По данным ОЭСР (2009), из 3 трлн. оплачиваемых работников в мире, 1,8 трлн. (60%) заняты неофициально, а 1,2 трлн. работников, соответственно, работают легально. В странах с низкими доходами, а также в большинстве стран со средними доходами, уровень неформальной занятости достигает 50-90% всей занятости. При этом рост неформальной занятости наблюдается и в ряде развитых стран [4].

В большей степени неформальная занятость проявляется в развивающихся странах, прежде всего, Юго-Восточной Азии и странах южнее Сахары.

В Азии рост неформальной занятости в основном связан с урбанизацией и стремительным ростом населения. При этом вклад промышленности в создании ВВП остается весьма скромным, а значительная доля занятых по-прежнему приходится на сельское хозяйство. Сравнительные преимущества на рынке труда создаются за счет поддержания конкурентоспособности азиатских товаров за счет дешевого и нелегального труда бывших сельских жителей.

В развитых странах большинство занятых в неформальном секторе экономики — это иммигранты из развивающихся стран. В большей степени неформально занятые присутствуют в экономике таких стран как: Греция, Кипр, Италия, Польша, Португалия.

Таким образом, неформальная занятость является неотъемлемым элементом как рынков труда развитых, так и развивающихся стран, хотя в целом она характеризуется рядом существенных признаков, связанных с сокрытием доходом, социальной уязвимостью занятых в этом секторе работников и высоким уровнем риска для государства.

Итак, спрос на рабочую силу формируется исходя из потребностей национальной экономики и с ориентацией на факторы и субъекты глобализации. Важной особенностью совокупного спроса на рабочую силу на современном этапе является его смещение в сторону

постиндустриального типа занятости c ориентацией на привлечение высококвалифицированных работников. При этом недостаток рабочих мест и рост безработицы наряду с усилением технологичности производства и расширением сферы услуг обуславливают появление новых организационных форм занятости, сопряженных с гибкостью национальных рынков труда, но при этом требующие соблюдения принципа социальной безопасности, чтобы избежать расширения неформальной занятости. Последняя не поддается точному измерению, но весьма распространена в развивающихся странах, прежде всего, нижнего эшелона, где преобладает аграрный или аграрно-индустриальный тип занятости, не предъявляющий особых условий к квалификации рабочей силы и её образованию.

Литература:

- 1. Atkinson, J. Manpower Strategies for Flexible Organizations //Personnel Management. 1984. August. P. 24-36
- 2. Global Employment trends 2008. Geneva: International Labour Organization, 2008 (January). $-76 \,\mathrm{p}$.
- 3. Global Employment Trends 2011. The challenge of a jobs recovery. Geneva: International Labour Organization, 2011.
- 4. Wick I. Women Working in the Shadows: The informal economy and export processing zones.

 SUDWIND,

 http://digitalcommons.ilr.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1408&context=globaldocs (дата обращения: 25.03.2010)
- 5. World Employment Report 1998-1999. Employability in global economy. How training matters. International Labour Organization, 1998. 79 p.
- 6. Population and Sustainable Development. Information kit. International Conference on Population and Demography. URL: http://www.un.org/popin/icpd/infokit/infokit.eng/6interre.html (дата обращения: 25.03.2010)
- 7. Международная организация труда (ILO Laborsta) (Economically active population, by industry and occupation). URL: http://laborsta.ilo.org/STP/guest (дата обращения: 11.02.2011)
- 8. Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда. Препринт WP3/2005/05. Серия WP3. Проблемы рынка труда/ В. Гимпельсон, Р. Капелюшников. Москва: ГУ ВШЭ, 2005. 38 с.
- 9. Тоффлер, Э. Третья волна [Текст] / Э. Тоффлер. М.: АСТ, 2010. 784 с.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ SCIENCE OF LAW

УДК 342

COBEPШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОРОДА КУРГАНА IMPROVEMENT OF SOCIAL POLICY IN KURGAN

Ховралев А.Л., кандидат политических наук, доцент, Уральский институт экономики, управления и права.

Вивчарук К.Г., студент Уральский институт экономики, управления и права Hovralev A.L., Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Ural Institute of Economics, Management and Law

Vivcharuk K.G., student, Ural Institute of Economics, Management and Law e-mail: Ksviv@mail.ru

Аннотация: В статье приведены основные направления осуществления социальной политики, а так же рекомендации по совершенствованию социальной политики города Кургана.

Annotation: This paper presents the main lines of the social policy, as well as recommendations for improving the social policy of the city of Kurgan.

Ключевые слова: социальная политика, департамент, местное самоуправление. Key words: social policy, department, local government.

Местное самоуправление является конституционно — закрепленной гарантией для населения в участии решения вопросов местного значения. С момента принятия Конституции РФ прошло практически 20 лет, это обязывает нас — граждан подводить уже назревшие итоги, в первую очередь, итоги развития местного самоуправления. Без сомнений, местное самоуправление является комплексным институтом власти, который решает абсолютно различные задачи, но основная из них, по мнению автора настоящей статьи, сводится к осуществлению социальной политики органами местного самоуправления, а именно соответствующим департаментом администрации. В рамках данной статьи будет проведен анализ деятельности департамента социальной политики города Кургана. В связи с тем, что ст. 7 часть 1 Конституции РФ провозглашает Российскую Федерацию — социальным государством, поднятая тема о социальной политики одного из муниципального образования является особенно актуальной.

К целям настоящей статьи можно отнести следующие:

- 1) Анализ имеющихся задач и функций департамента социальной политики в городе Кургане
 - 2) Предложение путей совершенствования социальной политики города Кургана

Стоит рассмотреть структуру департамента социальной политики города Кургана:

- 1) Управление образованием
- 2) Управление опеки и попечительства
- 3) Финансово экономическое управление
- 4) Отдел культуры
- 5) Отдел спорта

В соответствии с данными структурными элементами департамент решает соответствующие цели, задачи и функции.

Основной целью Департамента социальной политики является обеспечение конституционных социальных гарантий, направленных на стабилизацию и нормальное развитие социально-демографических процессов в городе Кургане, проведение социальной политики в сфере здравоохранения, образования, культуры и физической культуры и спорта, работа с молодежью, усиление социальной поддержки слабо защищенных групп населения.

К задачам относятся следующие:

- 1. обеспечение долговременного прогнозирования социального развития города по основным направлениям деятельности Департамента;
- 2. проведение единой политики деятельности муниципального здравоохранения на подведомственной территории, обеспечение эффективной медицинской помощи населению;
 - 3. координация деятельности по организации работы с молодежью и другие.

Так же выделяется немалое количество функций департамента социальной политики по городу Кургану, некоторые из них:

- 1) Осуществляет деятельность по организации библиотечного обслуживания населения, комплектованию и обеспечению сохранности библиотечных фондов библиотек города.
- **2**) Создает условия для включения молодежи в социально-экономическую, политическую и культурную жизнь города.
- 3) Организует оказание на территории города Кургана первичной медикосанитарной помощи в амбулаторно-поликлинических, стационарно-поликлинических и больничных учреждениях, скорой медицинской помощи (за исключением санитарноавиационной), медицинской помощи женщинам в период беременности, во время и после родов и многие другие.

Стоит отметить, что какие – то из перечисленных направлений активно реализуется и подтверждением этому является наличие муниципальных целевых программ по улучшению демографической ситуации, по развитию основного и дополнительного образования, по развитию отдыха и оздоровления детей, а так же по развитию культуры и спорта. Однако, не все задачи и функции имеет подобную реализацию.

В рамках настоящей статьи автор считает целесообразным разделить предложения по совершенствованию деятельности департамента социальной политики на общие и специальные.

Общие направления совершенствования:

1) Создание информационного отдела, который будет заниматься информационной деятельностью, включая распространение информации о новых программах, мероприятиях, льготах и иной деятельности департамента социальной политики. Цель подобной деятельности заключается в информировании широкого круга заинтересованных лиц посредством многочисленных каналов.

(интернет, телевидение, радио, газеты и другое)

- 2) Создание правового отдела в рамках департамента социальной политики, цель которого будет сводиться к осуществлению правовой экспертизы НПА, принимаемых департаментом на соответствие другим НПА, обладающим высшей юридической силой, а так же проверка на отсутствие нарушений прав и свобод человек и гражданина. Этот же отдел мог бы заниматься контролем за исполнением принятых НПА.
- 3) Совершенствование финансово экономического управления через осуществление следующих действий: 1) достаточное выделение средств 2) их эффективное распределение 3) жесткий контроль за их использованием по целевому назначению, данная триада должна реализоваться во всех властных структурах ,потому она относится к числу общих направлений.

Специальные направления совершенствования:

- 4) Область здравоохранения одна из самых важных в жизни каждого человека и это очевидно, его развитие должно занимать лидирующее место. Обратимся к сформулированным задачам департамента социальной политики города Кургана, там речь идет, в первую очередь, о проведении единой политики деятельности муниципального здравоохранения, и только после этого речь заходит об обеспечении эффективной медицинской помощи населению. Возникает вопрос, а что же важнее единая политика здравоохранения, или же его эффективность? На взгляд автора, приоритеты расставлены крайне неправильно. Это имеет отражение и в практической жизни, так на сегодняшний день в городе Кургане практически не осталось качественно и полно функционирующих муниципальных поликлиник для взрослых. Основная проблема в отсутствии специалистов, которые уходят из за низких заработных плат. За счет этого происходит развитие платного здравоохранения, куда уходят работать сами врачи специалисты, и куда вынуждены обращаться граждане, чтобы получить реальную, но уже не бесплатную медицинскую помощь. Следовательно, приоритетная задача в части здравоохранения поднятие заработных плат специалистам врачам в муниципальных поликлиниках для взрослых.
- 5) Не менее важное направление для населения это развитие образования. В целом ситуация с образованием не на столько плачевна, как ситуация со здравоохранением, тем не менее, есть, что усовершенствовать и здесь. Обращая внимание на функции департамента в области образования стоить отметить следующее это организация

библиотечного обслуживания и развития библиотечного дела. В действительности же обычные, то есть библиотеки не занимающие центрального места не имеют должного развития, не привлекая школьников и студентов. Если же предусмотрена подобная функция в деятельности департамента социальной политики, то все библиотеки должны развиваться должным образом, а именно обладать не только актуальной и современной литературой, но и оснащаться техническими новинками. Они должны иметь преимущества перед интернетом, который находится у каждого молодого человека дома, а чтобы такие преимущества были, библиотекам нужно приложить немало сил, а не банально существовать, как они это делают сегодня. Логически понятно, что на это нужны денежные средства. Можно коснуться ещё одного вопроса, связанного с образованием детей и молодежи, а именно, включение молодежи в социально – экономическую, политическую и культурную жизнь города. Безусловно, мероприятия различного рода дают возможность включить молодежь и в культурную и в социально – экономическую жизнь, но современная молодежь сохраняет свою аполитичность, на основании этого можно сделать вывод, что мероприятий по вовлечению её в политическую жизнь, недостаточно. По собственному опыту можно констатировать, что основную массу мероприятий политического характера организуют не администрация, а избирательные комиссии, особенно избирательная комиссия Курганской области, вывод, данный опыт у избирательных комиссий нужно перенимать всеми остальными властными структурами/

6) На взгляд автора, структура и функции департамента социальной политики является не совсем полными и исчерпывающими, они не отражают значительных вопросов в области социальной политики, а именно регулирование уровня занятости и помощи безработному населению города Кургана, а так же оказание помощи лицам с ограниченными возможностями, по крайней мере, необходимо в отношении перечисленных категорий лиц разработать муниципальные целевые программы. В отношении вопроса занятости населения — сотрудничать департаменту социальной политики с центром занятости, одно из направлений уже имеется, так на сайте департамента социальной политики города Кургана есть вакансии в образовательной сфере — это положительный опыт деятельности, описанной выше.

Таким образом, в данной статье были рассмотрены только самые основные вопросы социального характера на примере города Кургана, были предложены некоторые возможные пути и предложения по совершенствованию социальной политики Кургана. Настоящая статья имеет практическую ценность в большей степени, чем любая иная, так как она посвящена вопросам местного значения, а кому, как ни нам — населению этого города, решать их!

УДК 343

ВЛИЯНИЕ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ НА РЕШЕНИЕ ВОПРОСОВ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИИ INFLUENCE OF VICTIMOLOGICAL FEATURES ON THE SOLUTION OF THE CRIMINAL LIABILITY AND PUNISHMENT

Дедюхина И.Ф., кандидат юридических наук, доцент кафедры права ФГБОУ ВПО «Ставропольский государственный аграрный университет»

Dedukhina I.F., candidate of legal science, associated professor, docent of the law department, Stavropol state agrarian universitet

e-mail: i30041978

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы оценки виктимологических признаков при установлении и реализации уголовной ответственности.

Annotation: the questions of estimating of victimological features in setting and implementation of crime liability

Ключевые слова: потерпевший, уголовная ответственность, наказание.

Key words: victim, crime liability, punishment

В настоящее время бесспорным является тезис о том, что преступление — это не только индивидуальный общественно опасный и противоправный акт виновного лица, но и системное образование, проявляющее себя в единстве трех составляющих: правонарушителя, противоправного деяния и потерпевшего. При этом правовая значимость пострадавшего не ограничивается той ролью, которую он играет в зарождении и развитии преступной ситуации.

Виктимологические признаки существенным образом влияют на решение вопросов об уголовной ответственности и наказании виновного не только на уровне правоприменения, но и правотворчества. С характеристикой личностных качеств и поведения пострадавшего законодатель связывает установление, дифференциацию, а также реализацию уголовной ответственности. Черты и свойства потерпевшего играют немаловажную роль и при квалификации деяний, индивидуализации наказания, а равно при решении вопроса о возможности уголовного преследования виновного.

Признавая безусловную важность потерпевшего в уголовном праве, не следует гиперболизировать значение его личностных и поведенческих признаков, «примеряя» ко всем без исключения деяниям. Излишним видится также расширение уголовно-значимых свойств пострадавшего за счет сведения к ним его индивидуальных особенностей.

Полагаем, что в настоящее время проблема уголовно-правовой оценки признаков потерпевшего должна разрешаться на основе системного анализа, предполагающего

рассмотрение виктимологических свойств в единстве, а равно во взаимодействии с уголовноправовыми категориями и институтами.

При всем многообразии направлений общим для системного подхода является то, что «он рассматривает объекты и явления окружающего мира в качестве определенных материальных систем, состоящих из элементов, взаимосвязанных между собой и определенным образом функционирующих» [1].

Анализ уголовно-правовых признаков потерпевшего посредством системного метода позволяет выделить два направления исследования: определение уголовно-релевантных качеств пострадавшего как системы взаимосвязанных элементов, а равно выявление системы их взаимодействия с основными категориями и институтами уголовного права.

Обращаясь к вопросу о системе уголовно-релевантных качеств потерпевшего, считаем методологически оправданным ограничение сферы настоящего исследования только признаками физического лица – потерпевшего от преступления. Важно отметить, что в теории уголовного права признаки жертвы, имеющие уголовно-правовое значение, изучаются, как правило, обособленно. Качества свойства пострадавшего классифицируются в зависимости от его отношения к объекту и объективной стороне преступления либо от физических и социальных характеристик личности. Очевидно, что подобные классификации не отражают действительного значения потерпевшего в уголовном праве. В результате, в правотворческой и правоприменительной деятельности отсутствует единый подход к оценке виктимологических данных при установлении и реализации уголовной ответственности.

Полагаем, что системный анализ уголовно-релевантных признаков потерпевшего обусловливает необходимость их исследования посредством рассмотрения личности как целостного образования. Под личностью мы предлагаем понимать «человека со своими социально обусловленными и индивидуально выраженными качествами»[2], иными словами, физическое лицо, обладающее биологическими, психологическими и социальными чертами и признаками. Вопрос состоит лишь в том, какова структура этих признаков.

Психология все свойства личности подразделяет на две основные подструктуры: психологическую, определяющую индивидуальность личности, и социальную, определяемую социальными ролями и опытом деятельности в той или иной социальной среде. Характерно, что структура личности предполагает следующие уровни: 1) тип нервной системы, возрастные, половые признаки, свойства психики, темперамент; 2) индивидуальные свойства отдельных психических процессов, ставшие свойствами данной личности; 3) социальный опыт, в который входят приобретенные знания, навыки, умения и привычки; 4) направленность личности, оцениваемая с позиции социально-психологического анализа [3]. Полагаем, что предложенное выше определение структуры личности, допустимое в психологии и соответствующее предмету и задачам данной науки, не следует механически переносить в уголовное право.

Более предпочтительным видится анализ структуры личности посредством выявления групп ее типичных признаков. Наука уголовного права знает немало таких классификаций. В частности, Н.Ф. Кузнецова и Г.М. Миньковский рассматривают личность как совокупность трех основных компонентов: социальный статус; социальные функции (роли) личности и нравственно-психологическая характеристика [4]. В структуре личности выделяют также социально-демографические; биофизиологические признаки (пол, возраст, состояние здоровья, особенности физической конституции и т.д.); уровень умственного развития (знания, умения и навыки); психические процессы, свойства и состояния; нравственные качества, ценностные ориентации и стремления личности, ее социальные позиции и интересы, потребности, наклонности, привычки [5]. Можно привести классификаций, однако, несмотря на их кажущееся разнообразие, они основываются на психологической структуре личности и потому тождественны друг другу. Для большей простоты и убедительности системного анализа предлагаем выделять два блока личностных признаков: социально-демографические и нравственно-психологические.

Уголовно-правовая структура личности не исчерпывается, однако, этими характеристиками. Потерпевший от преступления проявляет себя и в динамических свойствах, которые в ряде случаев являются отражением имманентно присущих личности черт и качеств. Пример тому — поведение потерпевшего, отражающее его социальные и психологические установки.

Под установкой обычно понимаются ситуации «готовности субъекта к определенной деятельности в соответствии с конкретными условиями, потребностью и ситуацией ее удовлетворения» [6]. Являясь целостным личностным состоянием, она создает у субъекта дифференцированное отношение, избирательную готовность к предстоящим внешним воздействиям и влияет на протекание и направленность актов поведения [7].

К динамическим признакам человека следует относить и его состояние. Под состоянием обычно понимается «положение, внешние или внутренние обстоятельства, в которых ктонибудь находится» [8]. Данный термин определяется и как устойчивое субъективное свойство, в котором продолжительное время находится тот или иной человек; кратковременное ситуационное свойство; относительно стабильное или динамичное отношение с другим человеком; сравнительно продолжительное или постоянное объективное свойство (внешнее положение) субъекта [9]. Признавая несомненную важность и полноту приведенных выше определений, их использование в уголовном праве вряд ли можно признать оправданным, поскольку, во-первых, они охватывает собой не только состояние, но и поведение лица, а вовторых, предложенные определения не согласуются с тем смысловым значением, которое вкладывает в понятие «состояние потерпевшего» УК РФ.

Как известно, к уголовно-значимым состояниям относятся: беспомощное состояние (п. "в" ч. 2 ст. 105 УК), состояние беременности (п. "г" ч. 2 ст. 105 УК), болезнь (ст. 124 УК), старость (ст. 125 УК), недееспособность (ч. 2 ст. 202 УК), опасное для жизни и здоровья состояние (ст. 125 УК РФ) и пр.

На основе анализа Уголовного закона можно сделать следующий вывод: состояние потерпевшего в уголовном праве — это обусловленное внутренними или внешними обстоятельствами положение лица, расширяющее или, напротив, ограничивающее его возможности самостоятельно реализовывать и защищать свои интересы.

Очевидно, что в настоящее время традиционная структура личности не может обеспечить полноту и достоверность системного анализа уголовно-значимых признаков потерпевшего, поскольку она, с одной стороны, не охватывает динамических свойств потерпевшего, а с другой, содержит в себе множество признаков, не имеющих уголовно-правового значения. В этой связи необходимым видится построение такой классификации виктимологических признаков, которая бы позволила отразить стройную и органичную систему индивидуальных черт, показать взаимосвязь между ними, а также выявить их влияние на решение уголовно значимых вопросов.

Полагаясь на специфику отражения признаков потерпевшего в УК РФ, считаем целесообразным классифицировать их на следующие группы:

- 1) социально-демографические свойства;
- 2) поведение потерпевшего;
- 3) его состояние.

Использование предложенной классификации видится возможным только с учетом следующих обстоятельств: 1) виктимологические признаки находятся между собой в неразрывном системном единстве; 2) уголовно-значимыми являются отнюдь не все свойства потерпевшего; 3) при определении пределов уголовной ответственности и наказания признаки жертвы требуют дифференцированной оценки на основании специфики их проявления в механизме преступного поведения.

В числе демографических свойств потерпевшего законодатель особо выделяет пол (в ст. ст. 131, 145 УК РФ потерпевшей может признаваться только женщина); возраст (новорожденный потерпевший - ст. 106 УК РФ; малолетний - ст.125 УК; несовершеннолетний - ст.150 УК РФ, лицо, не достигшее шестнадцатилетнего возраста (ст. ст. 134, 135 УК РФ) и др.

Социальный статус потерпевшего отражают следующие качества: государственный или общественный деятель (ст. 277 УК РФ); представитель власти (ст. ст. 318, 319 УК); прокурор (ст. 294 УК); судья (ст. ст. 295, 296); гражданин (ст. 141 УК); автор (ст. 146 УК); изобретатель (ст. 147 УК); эксперт (ст. 309), военнослужащий (ст. 335 УК); лицо, пользующееся международной защитой (ст. 360 УК); дети и родители (ст. ст. 106, 157 УК) и пр. Нравственно-психологические свойства личности проявляют себя в поведении жертвы и подлежат уголовно-правовой оценке только наряду с ним.

Рассматривая социальные признаки, В.И. Полубинский предлагает оценивать их только в совокупности с общественно полезным поведением потерпевшего [10]. Применительно к составам, предусмотренным ч.2 ст. 105, ст. ст. 277, 295, 317 УК РФ, замечание автора, без сомнения, оправдано. Повышенная общественная опасность этих деяний обусловлена не только особым социальным положением потерпевшего, но и его общественно полезным

поведением. Однако данное требование не носит универсального характера, и уголовноправовая значимость потерпевшего нередко ограничивается только его формальным статусом (например, дети и родители).

Нравственно-психологическая характеристика личности потерпевшего включает в себя широкий спектр внутренних позиций жертвы в различных сферах социального бытия; потребности, интересы, моральные принципы личности, развитость ее воли и чувств. Настоящие признаки проявляют себя в поведении потерпевшего и подлежат уголовноправовой оценке только наряду с ним.

Поведение личности — это сложное и многогранное явление. Оно представляет собой процесс превращения внутреннего состояния человека в действие по отношению к внешнему миру [11]. Поведение есть внешне наблюдаемая система действий или поступков, в которой реализуются внутренние побуждения человека.

Целесообразно выделять поведение потерпевшего в предкриминальной, криминальной и посткриминальной ситуациях. Отрицательное поведение жертвы в предкриминальной и криминальной ситуациях является дифференцирующим обстоятельством в ст. ст. 107, 108, 113 и 114 УК РФ, а положительное – в п. «б» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч.2 ст. 111, ст. ст. 277, 295, 317 УК РФ и пр. В числе уголовно-релевантных поступков потерпевшего в постпреступной ситуации следует выделить примирение с преступником, являющееся основанием освобождения последнего от уголовной ответственности (ст. 76 УК РФ).

Специального рассмотрения требует волеизъявление потерпевшего, относимое нами к поведенческим особенностям жертвы преступления.

Значимость данного признака в современных условиях трудно переоценить. Он лежит в основе определения общественной опасности деяния, влияет на установление и реализацию уголовной ответственности виновного. Несмотря на то, что термин «согласие потерпевшего на причинение вреда» не закреплен в Уголовном законе РФ, он буквально пронизывает многие правовые институты и нормы. В частности, установление волеизъявления жертвы на причинение определенных последствий может служить основанием для признания деяния правомерным либо преступным, разграничивать смежные составы (ст. 111 и ст. 123 УК РФ), а также смягчать наказание (ч.2 ст. 61 УК РФ).

Анализ уголовно-релевантных состояний потерпевшего, позволяет классифицировать их на следующие группы:

- 1) субъективные состояния, отражающие физическое или психическое здоровье жертвы (беспомощное состояние п. "в" ч. 2 ст. 105 УК, состояние беременности п. "г" ч. 2 ст. 105 УК, болезнь ст. 124 УК, старость ст. 125 УК и пр.;
- 2) объективные положения, обусловленные внешними факторами (например, зависимое положение, являющееся обстоятельством, отягчающим наказание (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ); опасное для жизни и здоровья состояние (ст. 125 УК РФ) и др.).

В целом, системный анализ уголовно-значимых признаков потерпевшего в их внутреннем взаимодействии убеждает в следующем:

- в УК РФ отражение находят не все свойства и качества личности, а только те, которые обладают типовым характером и могут применяться по отношению к неопределенному кругу лиц;
- уголовно-релевантные признаки характеризуют, как правило, поведение (негативное или социально полезное) и состояние потерпевшего (объективно или субъективно обусловленное), а равно его социально-демографические черты (пол, возраст, социальный статус и пр.). Нравственно-психологические свойства личности проявляют себя в поведении жертвы и подлежат уголовно-правовой оценке только наряду с ним.

Если первое из заявленных нами направлений системного исследования предполагает ответ на вопрос: «Какие признаки потерпевшего имеют уголовно-правовое значение?», то второе ориентировано на решение вопроса: «В чем проявляется уголовно-правовая значимость этих признаков?».

Обращаясь к данной проблеме, Д.Б. Булгаков предлагает выделять две самостоятельные, но вместе с тем взаимосвязанные группы признаков потерпевшего:

- общие (универсальные) свойства пострадавшего лица, которые имеют основополагающее значение и пронизывают все институты уголовного права;
- признаки, имеющие специфическое (частное) правовое значение и выражающие особенности личности, количество потерпевших, их поведение, особое состояние пострадавших, гражданско-правовую и государственно-правовую характеристику жертв; их взаимоотношения с преступником [12].

Не вдаваясь в детальный анализ методологических недостатков предложенной классификации, сформулируем лишь некоторые критические замечания.

Во-первых, исследование общих свойств потерпевшего предполагает отнесение к их числу только таких качеств личности, которые пронизывают все институты и категории уголовного права. Но автор рассматривает их иначе, выделяя признаки, определяющие значимость охраняемых уголовным законом интересов, и свойства, лежащие в основе назначения наказания. В то же время некоторые качества потерпевшего, определенные Д.Б. Булгаковым как специфические, влияют на характер и степень общественной опасности деяния, а также на процессы дифференциации ответственности и назначения наказания (например, возраст потерпевшего).

Во-вторых, не выдержано основание классификации. В основе выделения отдельных групп признаков лежит уголовно-правовая значимость виктимологических качеств, а в основании выделения подгрупп – элементы структуры личности.

Более предпочтительным и методологически обоснованным видится рассмотрение правовой значимости признаков потерпевшего на различных этапах законотворческой и правоприменительной деятельности. В этой связи предлагаем выделять следующие функциональные свойства виктимологических признаков:

- определение характера общественной опасности деяния на этапе установления уголовной ответственности;

- изменение типовой степени общественной опасности преступления и личности виновного в процессе дифференциации уголовной ответственности;
- определение индивидуальной общественной опасности преступления и личности виновного при назначении наказания.

Литература

- 1. Диалектический материализм. М., 1989. С. 341.
- 2. Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя. М., 2003. С. 208.
- 3. См.: Карсаевская, Т.В. Прогресс общества и проблема целостного биосоциального развития современного человека / Т.В. Карсаевская. М., 1979. С.120-125.; Социальная психология. История. Теория. Эмпирические исследования. Л., 1979. С.95-100; Человек. Личность. Индивид. М., 1995. С.20.
- 4. См.: Криминология / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и Г.М. Миньковского. М., 2008. С.95.
- 5. См., например: Сахаров, А.Б. Об антисоциальных чертах личности преступника // Советское государство и право. 1970. №10.
- 6. Узнадзе, Д.Н. Психология установки / Д.Н. Узнадзе. СПб, 2001. С.60.
- 7. Современные проблемы теории познания диалектического материализма / Под ред. М.Б.Митина и др. Т.2. М., 1970. С.315.
- 8. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. М., 2007. С. 740.
- 9. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. Т.4. М., 1978. С. 279-280.
- 10. Полубинский, В.И. Криминальная виктимология / В.И. Полубинский. М., 1999. С. 64.
- 11. Абельцев, С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия / С.Н. Абельцев. М., 2000. С.38.
- 12. Булгаков, Д.Б. Потерпевший в уголовном праве и его криминологическая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.Б. Булгаков. Ставрополь. 2000. С. 40-43.

УДК 343

ЮРИДИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ОТЯГЧАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ LEGAL DESCRIPTION OF THE CIRCUMSTANCES, THAT AGGRAVATE THE PUNISHMENT

Долгополов К.А., кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовноправовых дисциплин, НОУ ВПО «Северо-Кавказский гуманитарный институт»

Dolgopolov K.A., candidate of law, head of the criminal law department of North-Caucasus Humanitarian Institute

e-mail: nadal06@mail.ru

Аннотация: Рассмотрено понятие обстоятельств отягчающих наказание и их влияние на назначение уголовного наказания.

Annotation: The notion of the circumstances that aggravate the punishment and their influence on the sentencing.

Ключевые слова: наказание, назначение уголовного наказания, отягчающие обстоятельства.

Key words: punishment, sentencing, aggravate circumstances.

Перечень обстоятельств, отягчающих наказание, предусматривается в ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г.

В соответствии с ч. 1 ст. 63 УК, отягчающими обстоятельствами признаются:

- а) неоднократность преступлений, рецидив преступлений;
- б) наступление тяжких последствий в результате совершения преступления;
- в) совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества (преступной организации);
 - г) особо активная роль в совершении преступления;
 - д) привлечение к совершению преступления лиц, которые страдают

тяжелыми психическими расстройствами либо находятся в состоянии опьянения, а также лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность,

е) совершение преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, из мести за правомерные действия других лиц, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его

совершение;

- ж) совершение преступления в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга;
- з) совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, а также в отношении

малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица либо лица, находящегося в зависимости от виновного;

- и) совершение преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательством, а также мучениями для потерпевшего;
- к) совершение преступления с использованием оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств, специально изготовленных технических средств, ядовитых и радиоактивных веществ, лекарственных и иных химикофармакологических препаратов, а также с применением физического или психического принуждения;
- л) совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках,
- м) совершение преступления с использованием доверия, оказанного виновному в силу его служебного положения или договора;
- н) совершение преступления с использованием форменной одежды или документов представителя власти.

В теории уголовного права и законодательства обстоятельства, предусмотренные ныне в ч. 1 ст. 63 УК РФ (ранее ст. 39 УК РСФСР I960 г.), именовались по-разному, например, «влияющими на степень вины», «увеличивающими вину», «отягчающими преступление», «отягчающими

общественную опасность», «отягчающими степень ответственности», «влияющими на степень и характер ответственности».

Нам представляется, что называть обстоятельства, перечисленные в ч. 1 ст. 63 УК, отягчающими вину нельзя. Наличие отягчающих обстоятельств свидетельствует о большей степени общественной опасности совершенного деяния и личности преступника, а не о большей степени его вины, поскольку степень вины лица, совершившего преступление, должна определяться не совокупностью всех обстоятельств конкретного преступления, а исключительно психическим отношением виновного к совершенному им деянию, характером этого психического отношения.

Трудно согласиться с авторами, называющими рассматриваемые обстоятельства отягчающими преступление, общественную опасность или ответственность. Такого рода названия не отражают сути и основного назначения отягчающих обстоятельств, а именно отягощать наказание. В этом смысле позицию законодателя, именующего ныне рассматриваемые обстоятельства, как обстоятельства, отягчающие наказание, следует считать оправданной.

Доктрина и практика термин «отягчающие обстоятельства» используют как при характеристике перечисленных в ст. 63 УК обстоятельств, так и при характеристике квалифицирующих признаков определенного состава преступления.

Нет четкого понимания различия между квалифицирующими обстоятельствами (признаками) и обстоятельствами, отягчающими наказание, предусмотренными ч. 1 ст. 63 УК, и среди практических работников. Принято считать, что любой признак, используемый для конструирования разновидностей того или иного состава преступления, по своей правовой природе суть смягчающее или отягчающее обстоятельство (например, совершение преступления группой лиц, неоднократность преступлений и т.д.)

Однако, при конструировании основного состава иногда используются признаки, которые нельзя отнести ни к смягчающим, ни к отягчающим обстоятельствам. Учитывая, что почти в каждой второй статье Особенной части УК называются один либо несколько разновидностей состава, и каждая из этих разновидностей, в свою очередь, включает, как правило, ряд альтернативных признаков, то количество отягчающих обстоятельств сравнимо с количеством основных признаков составов преступлений, содержащихся в Особенной части Уголовного кодекса. Отсюда следует, что противопоставление основных признаков состава преступления квалифицирующим признакам, неудачно называемым «отягчающими обстоятельствами», приводит к путанице и нечеткому осознанию теорией уголовного права и практикой не только понятия «отягчающее обстоятельство», но и понятия «квалифицированный состав преступления».

В целях избежание смешений понятий обстоятельств, отягчающих наказание, и квалифицирующих признаков состава термин «отягчающие обстоятельства» целесообразно использовать только для обозначения обстоятельств, которые перечислены в ч. 1 ст. 63 УК.

С тем, чтобы правильно раскрыть существо обстоятельств, отягчающих наказание, необходимо, прежде всего, отграничить и установить различия между отягчающими наказание обстоятельствами и квалифицирующими обстоятельствами состава преступления.

Квалифицирующие признаки состава, которые обычно указываются в частях вторых (третьих и т.д.) статей Особенной части УК, выполняют специфическую функцию: они приводят к созданию разновидности того или иного состава преступления, а, следовательно, и к появлению новой санкции, как правило, более строгого наказания.

Следовательно, квалифицирующие признаки состава преступления и обстоятельства, отягчающие наказание, сближает такое свойство, как влияние на вид и размер наказания. Однако их правовая природа существенно различается.

Отягчающие обстоятельства, предусмотренные ч. 1 ст. 63 УК, являются по своей сути обстоятельствами дела, которые законодатель наделил особым свойством, а именно, влиять на избираемое судом наказание в сторону его отягощения

Сопоставление квалифицирующих признаков составов преступлений, содержащихся в Особенной части УК, с отягчающими обстоятельствами, перечисленными в ч 1 ст. 63 Общей части УК, позволяет указать на совпадение некоторых из них по наименованию

(например, таких, как совершение преступления неоднократно, группой лиц по предварительному сговору, с использованием оружия и др.) Использование в УК одних и тех же формулировок, совпадение описания квалифицирующих признаков и отягчающих обстоятельств порождает мысль о единстве их юридической природы[1].

Мысль о таком единстве получает дополнительный импульс в свете того общеизвестного положения, что Общая и Особенная части неразрывно связаны друг с другом: без Особенной части положения Общей части были бы беспредметны, в свою очередь, применение норм Особенной части УК возможно лишь в соответствии с общими положениями, сформулированными в Общей части. Ввиду же того, что общие положения, касающиеся квалифицирующих признаков (обстоятельств), в главе третьей Обшей части УК РФ отсутствуют («Понятие преступления и виды преступлений»), схожесть терминологии подводит к мысли искать эти общие положения в главе УК, где дано описание отягчающих и смягчающих обстоятельств. В итоге некоторые криминалисты приходят к выводу, что правовая природа квалифицирующих признаков и отягчающих обстоятельств «едина», что отягчающие обстоятельства и квалифицирующие признаки «одни и те же».

У рассматриваемых правовых явлений, действительно, можно найти немало общего. Кроме того, и те, и другие обстоятельства находятся в тесной связи с совершенным преступлением и с личностью виновного. И те, и другие обстоятельства оказывают влияние на объем уголовной ответственности. Наконец, по содержанию некоторые виды тех и других обстоятельств совпадают.

И все же, смешивать их, ни, тем более, отождествлять рассматриваемые понятия недопустимо. Квалифицирующие признаки, сближаясь с отягчающими обстоятельствами в способности влияния на объем уголовной ответственности, на вид и размер наказания, служат средством дифференциации, а не индивидуализации наказания, выступают инструментом в руках законодателя, а не судьи. Влияние отягчающих обстоятельств и квалифицирующих признаков состава на вид и размер уголовного наказания за содеянное различны. Квалифицирующий признак (или несколько признаков) конкретного состава преступления используется в законе для конструирования состава того же преступления, характеризующегося, как правило, повышенной общественной опасностью и влечет тем самым формулирование более строгой санкции в соответствующей части статьи Особенной части УК, т.е. образует новое основание повышенной уголовной ответственности виновного. Совершение преступления при наличии обстоятельств, отягчающих наказание, не образует нового основания уголовной ответственности, а суд назначает наказание в пределах санкции статьи УК без квалифицирующих признаков.

Литература

1. Уголовное право Российской Федерации. Учебник под ред. А.И. Рарога. М., 2011

УДК 343

СЕМЕЙНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ FAMILY-LEGAL RESPONSIBILITY AS INDEPENDENT TYPE OF LEGAL RESPONSIBILITY

Матвеев П.А., преподаватель кафедры гражданского и уголовного права и процесса Российский государственный социальный университет

Matveev P.A., teacher of department of civil and criminal law and process Branch RSSU e-mail: nauka-rgsu@mail.ru

Аннотация: В статье обосновывается отнесение семейно-правовой ответственности к самостоятельному виду юридической ответственности.

Annotation: The article explains the allocation of family-legal responsibility to form an independent legal liability.

Ключевые слова: юридическая ответственность, семейно-правовая ответственность, семейное право.

Key words: legal liability, family liability, family law.

Формирование гражданского общества и правового государства обусловливает необходимость переосмысления проблемы юридической ответственности. Данная дефиниция широко используется в отечественной правовой науке, это одна из фундаментальных правовых реалий, занимающих важное место в механизме правового регулирования общественных отношений. Повышенное внимание, уделяемое юридической наукой проблеме ответственности, объясняется также ее большим значением в структуре охранительной функции права.

Юридическая ответственность - важный институт любой правовой системы, она служит гарантом прав и свобод человека, и является одним из сущностных признаков, характеризующим право в качестве необходимого регулятора общественных отношений [1].

В условиях построения правового государства и формирования гражданского общества, необходимости укрепления законности и правопорядка роль юридической ответственности в механизме правового воздействия существенно возрастает. Она становится одним из условий и критериев эффективности правового воздействия, проблемы которого находятся в центре внимания многих представителей юридической науки.

Реализация юридической ответственности свидетельствует об уровне законности и состояния правопорядка, качестве юридических норм, что в конечном итоге свидетельствует об эффективности действия всей правовой системы.

Юридическая ответственность как целостное правовое явление — это нормативная, гарантированная и обеспеченная государственным принуждением, убеждением и поощрением юридическая обязанность по соблюдению и исполнению требований норм права, реализующаяся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемым государством, а в случае ее нарушения - обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и их реализация [2].

Под юридической ответственностью понимается отрицательная реакция государства на противоправное деяние, которая выражается в государственном осуждении и причинении правонарушителю определенных лишений, предусмотренных санкциями правовых норм [3]. «Юридическая ответственность является охранительным институтом, в рамках которого осуществляется защита прав, а в отношении виновного лица реализуются неблагоприятные последствия, предусмотренные санкцией. При этом, с одной стороны к правонарушителю применяются определенные санкции в виде лишения каких-либо имеющихся у него субъективных прав либо вынуждающие принять какие-то обременительные обязанности, а с другой стороны, обеспечивается защита прав управомоченного лица» [4].

Государство посредством института ответственности обязано предупредить, а в случае необходимости наказать правонарушителей. В частности, правоприменительная практика свидетельствует об отсутствии контроля за исполнением возложенных законом или договором обязанностей и больших масштабах нарушения субъективных семейных прав, за которые не всегда следует привлечение к ответственности. На основании этого Л.Е. Чичерова приходит к выводу, что механизм ответственности в семейном праве не в полной мере отвечает как отраслевым целям, так и целям юридической ответственности [5].

Таким образом, «юридическая ответственность как мера государственного принуждения, основанная на юридическом и общественном осуждении правонарушителя, выражается в установлении для него определенных отрицательных последствий в виде ограничений (лишений личного или имущественного характера)» [6].

Дифференциация юридической ответственности является одним из направлений развития российского законодательства и правовой политики в целом. При этом можно констатировать, что такая правовая политика влияет на появление в теории права все новых самостоятельных видов юридической ответственности.

Наравне с классическими видами юридической ответственности — гражданскоправовой, уголовно-правовой, административно-правовой, дисциплинарной, международноправовой — следует выделять семейно-правовую ответственность.

В правовой науке М.В. Антокольской высказано мнение, что понятие ответственности в семейном праве идентично гражданско-правовой ответственности. Она определяет семейно-правовую ответственность как обязанность лица претерпевать лишения права и иные дополнительные неблагоприятные последствия своего виновного противоправного поведения [7].

Данное мнение поддержано С.П. Гришаевым. Он считает, что не существует семейноправовой ответственности в чистом виде и к нарушителям применяются меры гражданского, уголовного и семейного права [8]. Так же радикален в своих взглядах Д.А. Лининский. По его мнению, семейно-правовая ответственность отсутствует, за семейно-правовые нарушения наступает административная или уголовная ответственность, а лишение родительских прав, ограничение родительских прав он рассматривал в качестве семейноправовых средств обеспечения дозволений и запретов [9].

Мнения отдельных учетных о том, что семейно-правовая ответственность не является самостоятельным видом юридической ответственности, поддержал Р.Ф. Гарипов. В своей работе «Деликтоспособность: Теоретико-правовые проблемы» он приводит следующие аргументы: «В частности, за многие правонарушения, вытекающие из семейных правоотношений, наступает либо уголовная (например, ст. 156 УК – неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего; ст. 157 – уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособноных родителей), либо административная ответственность (например, ст. 5.35 КоАП – неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по их содержанию и воспитанию). Называемые же сторонниками позиции о самостоятельности семейно-правовой ответственности меры (ограничение и лишение родительских прав, расторжение брака) не могут быть отнесены к мерам юридической ответственности. Это объясняется тем, что признаками любой юридической ответственности являются осуждение правонарушителя и претерпевание им неблагоприятных последствий. Но какие последствия наступают в случае развода остаётся не совсем ясным, поскольку никакого осуждения при расторжении брака не происходит. Более того, нельзя назвать правонарушителем лицо, брак с которым расторгают, так как разводы происходят по самым разным причинам. То же самое можно сказать и о лишении (ограничении) родительских прав. Данная мера является не мерой юридической ответственности, а мерой защиты, которая направлена за обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетнего» [10].

Ю.Ф. Беспалов высказывает обоснованные критические замечания относительно приведенной позиции, указывая, что применение норм административного, гражданского и уголовного права не препятствует применению мер семейно-правовой ответственности. При этом Ю.Ф. Беспалов признает, что отсутствие фундаментальных научных исследований по проблемам семейно-правовой ответственности создает определенные трудности при применении норм семейного законодательства, а следовательно, влечет разные подходы в право применении [11]. Но это, на наш взгляд, не может быть расценено как несуществование и отрицание семейно-правовой ответственности. Например, за злостное уклонение от уплаты алиментов предусмотрены два вида ответственности – семейно-правовая (лишение родительских прав) и уголовно-правовая (ч. 1 ст. 157 УК РФ).

В качестве примера можно привести мнение И.К. Пискарева. Он исходит из того, что алименты являются семейно-правовой обязанностью, на основании чего делает вывод, что ее

неисполнение влечет применение семейно-правовой ответственности, а злостное уклонение от уплаты алиментов - уголовную ответственность [12]. Таким образом, И.К. Пискарев также рассматривает семейно-правовую ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности.

Семейно-правовая ответственность отличается от гражданско-правовой ответственности. К гражданско-правовой ответственности относятся только такие принятые к правонарушителю меры, в результате которых он понес имущественные лишения, которые не наступили бы, если бы правонарушитель не совершил правонарушение. Кроме того, гражданско-правовая ответственность - это ответственность одного участника гражданского правоотношения перед другим участником того же правоотношения, ответственность правонарушителя перед потерпевшим. Поэтому под гражданско-правовой ответственностью понимается применение к правонарушителю таких мер, в результате которых у правонарушителя изымается и передается потерпевшему имущество, которое правонарушитель не утратил бы, если бы не совершил правонарушение [13].

По мнению Д.Е. Богданова, сущность гражданско-правовой ответственности характеризуется принципом автономии кредитора, который отражает автономное, свободного в применении или неприменении независящее поведение кредитора, установленных законом или договором мер гражданско-правовой ответственности [14]. Кредитор предстает в качестве носителя цивилистических свобод, правообладающего лица, наделенного определенной мерой возможного поведения по распоряжению своими правами и самостоятельной инициативой в вопросе привлечения должника к гражданско-правовой ответственности [15].

На самостоятельность семейно-правовой ответственности указывает Р.Х. Макуев, считающий, что «семейная ответственность предусмотрена за семейные проступки. Санкции большей частью связаны с реконструкцией семейных отношений: развод, лишение родительских прав, возложение на одну из сторон дополнительных обязанностей и т. д.» [16]. Нельзя согласиться с такими мерами семейно-правовой ответственности, как развод, возложение на одну из сторон дополнительных обязанностей. Российское семейное законодательство не рассматривает расторжение брака как меру ответственности за неправомерное поведение в браке.

С учетом вышеизложенного примечательна позиция С.А. Сидоровой: «семейноправовая ответственность как вид юридической ответственности - это возможные неблагоприятные последствия, выражающиеся в лишении или ограничении имущественного или личного неимущественного права либо в ограничении семейной правоспособности, предусмотренные в санкциях правовой нормы либо условиями договора, которые могут наступить в случае виновного несоблюдения правонарушителем требований правовой нормы, условий договора, положений судебного акта» [17].

Данное определение содержит признаки семейно-правовой ответственности как уникального отраслевого института.

К тому же семейно-правовой ответственности присущи свои специфические черты: 1) семейно-правовая ответственность применяется за совершение правонарушений, предусмотренных нормами семейного права [18], 2) эти меры ответственности могут применяться только в отношении членов семьи, то есть субъектов, связанных возникшими семейными правоотношениями [19], 3) в большинстве случаев применение мер семейно-правовой ответственности зависит от волевого акта заинтересованного лица.

Специфические признаки семейно-правовой ответственности позволили Ю.Ф. Беспалову [20], А.Е. Казанцевой [21], А.М. Нечаевой [22] говорить о самостоятельности этого вида ответственности и отличиях мер семейно-правовой ответственности от мер, например, гражданско-правовой ответственности.

Поэтому автор разделяет позицию ученых, которые признают существование семейно-правовой ответственности, ее самостоятельность [23]. Но хотя их и большинство, на этом нередко единство мнений и заканчивается и прослеживается разнообразный подход к определению семейно-правовой ответственности.

Н.Ф. Звенигородская определяет семейно-правовую ответственность как «предусмотренное семейным законодательством последствие совершенного семейного правонарушения, выраженное в отрицательных, нежелательных для правонарушителя, субъекта семейных правоотношений, лишениях личного или имущественного характера» [24].

В своем диссертационном исследовании, посвященном ответственности в семейном праве (2004 г.), Л.Е. Чичерова формулирует понятие семейно-правовой ответственности и предлагает два его определения. В одном случае она определяет семейно-правовую ответственность как предусмотренную санкцией нормы права или условиями договора меру возможного воздействия на правонарушителя при несоблюдении требований закона, условий договора или судебного акта, влекущую для него лишения или ограничение имущественного или личного неимущественного права [5]. В другом случае юридическую ответственность в семейном праве данный автор определяет как одну из форм государственного принудительного воздействия на нарушителей норм права, условий договора или судебного акта, заключающуюся в применении к ним предусмотренных законом или договором мер лишении или ограничении ответственности, имущественного неимущественного права, возложении дополнительных имущественных обременений [5].

По мнению С.А. Муратовой, «Семейно-правовая ответственность - это обязанность лица претерпеть лишение субъективного права или иные дополнительные неблагоприятные последствия своего противоправного виновного поведения» [25].

В понимании Л.В. Кружаловой семейно-правовая ответственность — это предусмотренные законом (условия договора) меры воздействия на нарушителя, влекущие лишение или ограничение его имущественных или личных неимущественных прав [26].

Недостаточность этого понятия, на наш взгляд состоит в слишком обобщенном характере. Фактически, семейно-правовая ответственность определяется в нем под углом

зрения категории «юридическая санкция». При таком подходе отсутствует специфическое содержание, которое исторически вкладывается в понятие «юридическая ответственность», и следовательно должно отражаться в понятии «семейно-правовая ответственность. Мы имеем ввиду такие признаки, как государственное принуждение, противоправное поведение субъекта семейных правоотношений и его вина.

Данным критериям более соответствует позиция О.А. Макеевой, по мнению которой при неисполнении или ненадлежащем исполнении алиментного обязательства к правонарушителю применяются меры юридической ответственности, т.е. особые меры государственного принуждения, имеющие целью наказание нарушителя, восстановление прав потерпевшего и оказание превентивного воздействия на конкретного правонарушителя и на все общество в целом.

Дело в том, что в теории права «юридическая санкция» и «юридическая ответственность» соотносятся как общее и частное. На этом совершенно правильно акцентировала внимание Л.М. Звягинцева. Она подчеркивает, что термин «санкция» используется в трех значениях:

- как мера государственно-принудительного воздействия на правонарушителя;
- как структурный элемент правовой нормы;
- как невыгодные, неблагоприятные последствия правонарушения в виде лишений личного и имущественного характера, и в этом значении санкции могут быть сведены к двум группам: мерам ответственности и мерам защиты [27].

Наиболее удачным представляется понятие семейно-правовой ответственности, данное Ю.Ф. Беспаловым, он определяет ее как совокупность личных неимущественных, а в отдельных случаях и имущественных мер принуждения, ограничивающих и (или) лишающих отдельных семейных прав либо приостанавливающих их осуществление, а также устанавливающих дополнительные обязанности; предусмотренных семейным законодательством, применяемых судом, иным уполномоченным органом к лицам, совершившим семейное правонарушение, либо допустившим иное действие (бездействие), рассматриваемое семейным законодательством в качестве основания ответственности [11].

Юридическая ответственность в семейном праве выполняет прежде всего карательную функцию, поскольку предусматривает неблагоприятные последствия для правонарушителей в виде лишения или ограничения имущественного или личного неимущественного права. Мерами семейно-правовой ответственности являются: признание брака недействительным, лишение и ограничение родительских прав, отмена усыновления, опеки, попечительства, расторжение договора о передаче ребенка на воспитание в приемную семью, лишение права на общение с ребенком, отобрание ребенка, прекращение или ограничение обязанности материальному содержанию субъекта семейного ПО правоотношения другим субъектам. Санкции (ответственность или иные меры воздействия) за неосуществление семейных прав и неисполнение обязанностей могут выражаться не только в лишении субъектов семейных правоотношений соответствующих прав (например, родительских), но и в прекращении правоотношения (например, путем отмены усыновления), в изменении правоотношения (например, при изменении размера алиментов на супруга, который недостойно вел себя в период совместной жизни) и т.д. Уплата неустойки по алиментным обязательствам как мера гражданско-правовой ответственности в семейном праве выполняет также карательную функцию [28].

Семейно-правовая ответственность выражается в многообразных санкциях, закрепляемых семейным законодательством. Согласимся с Л.И. Глушковой, которая предлагает классифицировать их по трем основаниям. По воздействию на правонарушителя санкции могут быть личными неимущественными и имущественными; по связанности с юридической ответственностью санкции могут быть связанными и не связанными с ней; по способу охраны правопорядка санкции могут быть карательными И правовосстановительными [29].

Н.С. Шерстнева обращает внимание на следующие особенности мер принудительного воздействия в семейном праве: 1) среди них ведущее место занимают те, которые играют роль средств защиты нарушенного субъективного права ребенка или средств, предотвращающих такое нарушение; 2) в гражданском праве принудительные меры приводятся в действие по заявлению потерпевшей стороны, в семейном праве указываются и другие лица, которые могут обращаться к правоприменительным органам, чтобы привести в действие механизм защиты (прокурор, орган опеки и попечительства, родитель, опекун, усыновитель, а также заинтересованные лица) [30].

В качестве особых семейно-правовых санкций можно рассматривать лишение родительских прав (ст. 69 - 71 СК РФ), лишение прав на алименты родителей, в прошлом уклоняющихся от выполнения своих обязанностей (абз. 1 п. 5 ст. 87 СК РФ), лишение права на алименты супруга, который вел себя в браке неподобающим образом (ст. 92 СК РФ), лишение права на алименты фактических воспитателей, отчимов и мачех, которые в прошлом ненадлежащим образом воспитывали и содержали детей (п. 2 ст. 96, п. 2 ст. 97 СК РФ).

Литература

- 1. Юзефович Ж.Ю. Функции юридической ответственности и формы их реализации по российскому законодательству: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Жанна Юрьевна Юзефович.— М., 2004. с. 3
- 2. Матузов Н.И, Малько А.В. Теория государства и права. М., 2004. с. 451.
- 3. Теория государства и права / под ред. О.В. Мартышкина. М., 2007. с. 398
- 4. Габричидзе Б.Н., Чернявский А.Г. Юридическая ответственность. М.: Альфа-М, 2005. с. 429.
- 5. Чичерова, Л.Е. Ответственность в семейном праве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... к.ю.н.: 12.00.03 / Людмила Евгеньевна Чичерова. Рязань, 2004. с. 4.
- 6. Марченко М.Н. Определение термина "юридическая ответственность". Словарь терминов юриста [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.slovari.info/lawyer/2437.html.

- 7. Антокольская, М.В. Семейное право: учебник / М.В. Антокольская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2003. с. 98.
- 8. Гришаев, С.П. Семейное право в вопросах и ответах / С.П. Гришаев. М.: ООО «Новая культура», 2008. c. 72.
- 9. Липинский, Д.А. О некоторых проблемах системы юридической ответственности // Право и политика. -2004. -№ 12. -c. 22-30.
- 10. Гарипов, Р.Ф. Деликтоспособность: Теоретико-правовые проблемы / Р.Ф. Гарипов. Казань: Институт социальных и гуманитарных знаний, 2009. С. 54-55.
- 11. Семейное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под. ред. Ю.Ф.Беспалова, О.А.Егоровой, О.Ю. Ильиной. М.: 2009. с. 257.
- 12. Пискарев, И.К. Мировой судья в гражданском судопроизводстве: Научно-практическое пособие / Под ред. А.Ф. Ефимова, И.К. Пискарева. М., 2004. –с. 343.
- 13. Гражданское право: учебник: В 3 т. Т. 1 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Велби, 2003. с. 647.
- 14. Богданов, Д.Е. Сделки об ответственности в гражданском праве РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Дмитрий Евгеньевич Богданов. Волгоград, 2005. С. 6.
- 15. Богданов, Д.Е. Принципы гражданского права и гражданско-правовой ответственности: от общего к частному // Актуальные проблемы правоведения. 2004. N 1. C. 128
- 16. Макуев, Р.Х. Теория государства и права: учебник / Р.Х. Макуев. –М.; Орел: Издательство ОРАГС, 2005. С. 614.
- 17. Сидорова, С. А. Вопросы применения мер гражданско-правовой и семейно-правовой ответственности в семейном праве: дис.канд. юрид. наук: 12.00.03 / Светлана Андреевна Сидорова. М., 2008. С. 8.
- 18. Мардахаева, П. Н. Лишение родительских прав как мера семейно-правовой ответственности : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Полина Николаевна Мардахаева. М.: РГБ, 2006. С. 36.
- 19. Ворожейкин, Е.М. Семейные правоотношения в СССР / Е.М. Ворожейкин М., 1972. С. 269.
- 20. Беспалов, Ю.Ф. Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации. Владимир, 2000.
- 21. Казанцева, А.Е. Обязанности и права родителей (заменяющих их лиц) по воспитанию детей и их ответственность за их нарушение. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1987. 140 с.
- 22. Нечаева, А.М. Правонарушения в сфере личных семейных отношений. М., 1991. 238 с.
- 23. Звягинцева, Л.М. Меры защиты в советском семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Любовь Михайловна Звягинцева. Сверловск, 1980.
- 24. Звенигородская, Н.Ф. Семейное правонарушение как основание семейно-правовой ответственности // Российский судья. -2010. N 12. c. 13 17.
- 25. Муратова, С.А. Семейное право. М.: Новый Юрист, 1998. С. 34.

- 26. Нечаева, А.М. Значение вины при разрешении споров о детях // Советское государство и право. 1974. № 10
- 27. Семейное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Ю.Ф.Беспалова, О.А.Егоровой, О.Ю.Ильиной. М.: 2009. С. 258.
- 28. Гливинская, И.Н. Особенности функций юридической ответственности в семейном праве // Семейное и жилищное право. -2010. N1. C.31-33.
- 29. Глушкова, Л.И. Ответственность в советском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Людмила Ивановна Глушкова. –М., 1982. С. 7 8.
- 30. Шерстнева, Н.С. Понятие, сущность и система принципов семейного права: Монография. М.: Юстицинформ, 2006. С. 22.

УДК 343.121

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО GENERAL-THEORETICAL BASES OF THE PROCEDURAL STATUS OF THE SUSPECT

Пономаренко С. И., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и гражданского права Таганрогского государственного педагогического института имени А. П. Чехова

Ponomarenko S. I., candidate of jurisprudence, associate professor of criminal and civil law of the Taganrog state teacher training college of a name A. P. Chekhov

e-mail: mamychev@yandex.ru

Аннотация: Проведен анализ различных подходов к определению статуса подозреваемого, сформулировано определение статуса подозреваемого, как составной части института подозреваемого – его ядра.

Summary: The analysis of various approaches to definition of the status of the suspect is carried out, definition of the status of the suspect, as component of institute of the suspect – his kernels is formulated.

Ключевые слова: статус, подозреваемый, участник, процессуальные гарантии, права свободы, элементы.

Keywords: status, suspect, participant, procedural guarantees, rights of freedom, elements.

Для современной российской теории уголовного процесса термины личность, ее правовое положение, права и законные интересы лица, правовой статус, являются основными и наиболее часто используемыми в литературе и в официальных правовых актах - понятиями. В словаре иностранных слов термин латинского происхождения «статус» определяется как «правовое положение, состояние» [1]. Поэтому большинство ученых используют понятия статус и правовое положение личности как синонимы, не проводя между ними различий [2]. Однако высказывались и достаточно аргументированные предложения различать эти понятия. В частности предлагалось понятием статус обозначить лишь ядро, стержневые элементы положения личности, а всю совокупность правовых признаков, состояний и возможностей гражданина именовать правовым положений [3]. По мнению других авторов, наоборот, правовое положение личности более частное понятие по отношению к правовому статусу и первое, всего лишь реализованная часть последнего [4].

Думается, правы те авторы, которые считают, что при всей убедительности и определенной уместности подобных предложений, они все же только усложняют суть вопроса. О правовом статусе личности можно говорить в широком и узком смысле [5], но

фактическое ее положение в обществе, отраженное и закрепленное в нормах права от этого не изменится.

Поэтому мы также присоединяемся к точке зрения о тождестве понятий «статус», «правовой статус» и «правовое положение».

Исходя из вышесказанного, очевидноследует, что использование термина статус в юридической литературе возможно и без сочетания с прилагательным «правовой» [6]. Однако такой вывод не вполне верный в виду широкого применения термина «статус» в различных отраслях науки, техники и обыденной жизни. При этом далеко не всегда в данное понятие вкладывают только юридическое, правовое содержание [7]. Тем не менее практически всеми авторами, исследующими правовой статус личности термин «статус» используется без сочетания с соответствующим прилагательным. Это, конечно же, допустимо, т.к. позволяет избежать тавтологии и громоздкости изложения. Важно лишь использовать данный термин в контексте, исключающем неоднозначность толкования. Кроме того, в литературе высказывается вполне обоснованная мысль, что при исследовании правового статуса личности для выражения подлинного многообразия его проявления невозможно оперировать только чисто правовыми категориями [8]. В конечном итоге право это лишь нормативное закрепление объективных экономических, социальных политических реалий, либо отражение стремлений К закреплению реально не существующих, но желаемых отношений [9].

Применительно к фигуре подозреваемого следует отметить, поскольку ранее мы вели речь о понятии статуса личности вообще, что подозреваемый - это прежде всего отдельно взятый человек, личность, на которую в силу ее политико-правовой принадлежности к государству (гражданства) либо в силу нахождения на территории государства в качестве иностранного гражданина или лица без гражданства в той или иной мере распространяется юрисдикция этого государства. Поэтому его правовое положение (статус) определяется как фактическое положение в данном обществе и государстве, с большей или меньшей полнотой выраженное в праве [10], а также как его социально допустимые и необходимые возможности и потенции [11]. Другими словами подозреваемый, будучи вовлеченным в орбиту уголовно-процессуальных отношений, и даже подвергаясь серьезным ограничениям его конституционных прав, продолжает оставаться носителем всех черт статуса личности.

Известно, что основы правового статуса гражданина определяются Конституцией, которая в частности наделяет его рядом прав уголовно-процессуального содержания: неприкосновенность личности, жилища и т.п. Все эти конституционные положения закреплены в УПКРФ как принципы уголовного судопроизводства. Однако для человека, не участвующего в уголовно-процессуальных отношениях, они не являются определяющими в его правовом статусе, для него они остаются именно лишь как «допустимые возможности и потенции». Для участника же уголовного судопроизводства они, наоборот, являются главными, определяющими. Особенно это очевидно по отношению к подозреваемому, который зачастую выступает центральной фигурой досудебного уголовного производства,

отношении него осуществляется уголовное преследование. поскольку именно в Конституционные права его наделяют возможностями противостоять такому преследованию, но в наиболее общем, декларативном виде. Именно отраслевое, т.е. законодательство своими уголовно-процессуальное нормами наполняет статус подозреваемого конкретным содержанием, определяя совокупность субъективных прав и гарантии их реализации.

Поэтому применительно к подозреваемому, как и к другим участникам уголовного судопроизводства, в специальной литературе нередко используются такие термины как процессуальное положение, уголовно-процессуальный или процессуальный статус. Тем самым, как бы подчеркивается, что в соответствующем контексте речь идет исключительно о правовых возможностях личности, обеспечивающих ее законные интересы, а также надлежащее поведение в рамках отношений по уголовному делу. Казалось бы, что по отношению к подозреваемому в этом смысле отсутствует необходимость использовать соответствующее прилагательное - «процессуальный», т.к. ни одной иной отрасли права, помимо уголовного процесса, неизвестна фигура подозреваемого. Нам же представляется, случаев ЭТО просто необходимо, ряде поскольку некоторыми исследования статуса подозреваемого с точки предпринимались попытки взаимодействия его сугубо процессуальной составляющей с положениями норм и институтов иных отраслей права. С этой целью осознанно использовалось понятие «правовой статус подозреваемого» как бы отражающее комплексный, межотраслевой характер его содержания [12]. Тем не менее даже в подобного рода исследованиях статус подозреваемого определялся как комплексное межотраслевое правовое образование, сформировавшееся в результате взаимодействия норм и отношений различных отраслей права, при ведущей и определяющей роль уголовно-процессуальных норм и отношений, обеспечивающих оптимальное сочетание интересов установления истины по делу с интересами осуществления подозреваемым его конституционных прав и свобод [13].

При очевидной бесспорности подобной позиции и несомненной полезности ее учета для правоприменителей, все эти нюансы, которые действительно встречаются в конкретных жизненных ситуациях, невольно отвлекают от главного - процессуальной по изначальной сути роли подозреваемого. Поэтому в настоящем исследовании предпочтительнее, как представляется, обращаться исключительно к уголовно-процессуальным аспектам положения подозреваемого. Поэтому в дальнейшем при употреблении понятия статус подозреваемого, мы вкладываем в него сугубо процессуальный смысл.

Поскольку проблематика защиты прав человека наиболее зримо и остро проявляется при осуществлении уголовного судопроизводства, это обусловило повышенное внимание к этим проблемам в теории уголовно-процессуального права. Многие ученые-процессуалисты обращались к анализу положения личности в уголовном процессе вообще и правового положения отдельных участников уголовного судопроизводства, в т.ч. и подозреваемого, что во многом способствовало развитию законодательного регулирования статуса личности в этой отрасли российского законодательства. Наиболее значимый вклад в данное

направление научно-прикладных исследований внесли такие ученые как М. С. Строгович, Л. Д. Кокорев, А. М. Ларин, И. Л. Петрухин, Ф. М. Кудин, В. М. Корнуков, В. С. Шадрин и др. [14].

Однако, среди авторов, исследовавших процессуальное положение подозреваемого не было единства в определении структуры элементов, составляющих его содержание, тем более, что большинство из них специально не ставило перед собой такой задачи. Обычно в качестве элементов такой структуры назывались лишь права и обязанности [15], дополнительно указывалось на наличие соответствующих гарантий [16] и законных интересов [17].

Лишь в немногих литературных источниках проблема правового положения личности в уголовном судопроизводстве вообще и положения подозреваемого в частности рассматривалась с позиций развития соответствующих положений общей теории права. Впервые комплексный подход в исследовании важнейших теоретических проблем статуса личности в российском уголовном процессе предпринят еще в 1975 г. Л. Д. Кокоревым [18]. В дальнейшем такой подход получил развитие [19]. В наиболее развернутом виде концепция уголовно-процессуального статуса личности свышеуказанных позиций обоснована лишь к концу 80-х годов 20 столетия [20]. Многие положения названной концепции можно рассматривать в качестве основы для исследования статуса конкретных участников судопроизводства.

Но даже на основании такого единого в общих чертах подхода разные процессуалисты не совсем одинаково определяют содержание правового статуса участников уголовного процесса.

По мнению одних их правовое положение определяется процессуальными правами и обязанностями, законными интересами, процессуальными право- и дееспособностью, системой гарантий прав, процессуальной ответственностью [21]. Другие считают, действительное положение личности в уголовном процессе, кроме совокупности перечисленных правовых факторов, обусловлено также гражданством, гарантиями, обеспечивающими не только осуществление прав, но и защиту интересов и исполнение обязанностей, относя к числу гарантий понятие ответственности [22]. Третьи в содержание процессуального статуса вводят основания и порядок появления субъектов уголовного процесса, личные свободы и их гарантии, но как и представители первой позиции, не называют в числе элементов гражданство и гарантии исполнения обязанностей [23].

Применительно к подозреваемому элементами его процессуального статуса в литературе называют: 1) понятие подозреваемого; 2) основания и порядок привлечения в качестве подозреваемого; 3) процессуальную правосубъектность; 4) субъективные права, свободы и законные интересы; 5) процессуальные обязанности; 6) гарантии прав, свобод и законных интересов [24].

Также указывалось, что правовое положение подозреваемого в уголовном процессе обусловлено действием принципов презумпции невиновности, обеспечения обвиняемому

права на защиту и неприкосновенности личности, а также влиянием некоторых иных правовых факторов [25].

Таким образом, с учетом позиции о содержании процессуального статуса личности вообще и возможности ее распространения на фигуру подозреваемого, большинство авторов, использующие методологию общей теории права, сходятся во мнении, что обязательными элементами этого статуса являются процессуальные права и обязанности, законные интересы подозреваемого, гарантии его прав. По поводу обязательности или необязательности всех иных называемых элементов отмечается расхождение взглядов. Существенно ли это?

Комментируя сходную ситуацию, сложившуюся в общей теории права по поводу структуры элементов статуса личности, Н. И. Матузов считает, что спор о «наборе» элементов правового статуса носит не формальный характер. Речь идет об адекватности или неадекватности отражения данным понятием реальной правовой действительности, о полноте или неполноте охвата предмета. Однако надо учитывать и то, что согласно диалектике, всякое понятие находится в постоянном развитии, как и отражаемый им предмет. Изменяется предмет - изменяется и понятие [26].

В нашем случае «предмет» - это сложная совокупность правовых факторов, обеспечивающая действенную возможность участия подозреваемого в уголовном производстве с учетом всех аспектов, в т.ч. с учетом, прежде всего, интересов самого подозреваемого. «Понятие» - это более или менее четкая формула, обобщенно отображающая эти факторы.

Предмет нашего исследования - статус подозреваемого, - за время своего развития, т.е. с 1960 г., когда он был впервые законодательно сформулирован в качестве понятия, подвергся значительным изменениям. Принятие Конституции СССР 1977 г., а затем Конституции Российской Федерации 1993 г., присоединение России к международным конвенциям и пактам по правам человека, оказало влияние на изменение содержания общего правового статуса личности. Увеличен перечень прав и обязанностей, упрочнилась система гарантий, закреплена позитивная ответственность. Это не могло не отразиться на изменениях в содержании различных специальных отраслевых статусов, в т.ч. статуса подозреваемого.

«Включение или невключение тех или иных элементов в понятие правового статуса не должно быть искусственным, произвольным, это диктуется объективной необходимостью» [27].

С учетом сказанного и современного состояния института подозреваемого, структуру содержания процессуального статуса подозреваемого, по нашему мнению, составляют следующие необходимые элементы: 1) понятие этого участника предварительного расследования; 2) права и неопосредованные правами законные интересы; 3) обязанности.

Предлагаемая структура, как можно заметить, не содержит таких элементов, называемых иными авторами, как основания и порядок привлечения в качестве

подозреваемого; процессуальную правосубъектность; гарантии прав, свобод и законных интересов; гарантии обязанностей. Представляется, что современный уровень развития правозащитных механизмов в нашей стране и специфика регулирования основ правового статуса всех участников уголовного судопроизводства на основе состязательности предполагает излишним прямой учет названных правовых факторов.

В условиях осуществления судебно-правовой реформы, бурного изменения и дополнения действующего уголовно-процессуального законодательства и смежных с ним отраслей права нужны более стабильные и четкие ориентиры, позволяющие сконцентрироваться на главном, основополагающем и абстрагироваться от менее значимого, вторичного, зачастую производного от этих основ, и поэтому наиболее подверженного изменениям.

В этой связи вряд ли следует рассматривать правосубъектность подозреваемого в качестве обязательного элемента его статуса. Понятие процессуальной правосубъектности, включающее в себя правоспособность - способность лица быть участником уголовного судопроизводства, иметь и нести соответствующие права и обязанности, а также уголовно-процессуальную дееспособность — способность лица лично, самостоятельно реализовывать в процессе свои права и обязанности [28], используется для характеристики свойств любого субъекта уголовно-процессуальных отношений (как и субъектов любых иных отраслевых правоотношений). Поэтому возможно данный признак и является значимым для обобщенного уголовно-процессуального статуса личности. В одинаковой мере этим признаком должен обладать любой участник уголовного судопроизводства вплоть до свидетеля и понятого. Поэтому ключевой роли для характеристики именно подозреваемого он не играет. Данный признак приобретает значение лишь в тех случаях, когда в качестве подозреваемого по делу выступает несовершеннолетний либо душевнобольной. В этих случаях возможная ограниченность правосубъектности восполняется за счет участия в деле защитника и законных представителей подозреваемого. Основы же статуса такого подозреваемого остаются неизменными.

Что же касается необходимости рассмотрения гарантий прав, свобод и законных интересов как элемента статуса подозреваемого, то действительно следует согласиться с степенью значимости названного правового фактора ДЛЯ подозреваемым своего права на защиту. Точно также гарантии его обязанностей следует рассматривать качестве системы средств обеспечения надлежащего хода судопроизводства. Несомненно правы Ю. И. Стецовский и А. М. Ларин, указывая на то, что исследование одних лишь прав, законных интересов и обязанностей подозреваемого и обвиняемого невозможно в отрыве от корреспондирующих им прав и обязанностей государственных органов, ведущих уголовное производство, обязанностей и прав защитника, от иных правовых средств выступающих в виде соответствующих гарантий. Без всего этого сами права, интересы и обязанности подозреваемого превращаются в ничем не обеспеченное благочестивое пожелание, в пустую фразу [29].

Очевидно, что все перечисленные средства и способы вполне относимы к гарантиям прав, законных интересов и обязанностей подозреваемого. Таковыми следует считать права и обязанности других участников процесса, правила и порядок допроса подозреваемого, как и порядок производства иных следственных действий с его участием. Соответствующими гарантиями нужно признавать процессуальную форму вообще, все принципы уголовного судопроизводства и систему его построения. Многие гарантии могут находиться даже вне сферы уголовно-процессуального регулирования, выступая, скажем, в виде приказов и указаний Генерального прокурора РФ либо ведомственных инструкций о правилах внутреннего распорядка в местах содержания под стражей подозреваемых, по организации несения конвойной службы и т.п.

Таким образом, несмотря на то, что соответствующие процессуальные гарантии действительно очень важны для реальной оценки обеспеченности статуса подозреваемого и заслуживают в связи с этим тщательного изучения, их включение в качестве элемента содержания статуса подозреваемого представляется излишним. Иначе сам этот статус превращается в достаточно неопределенное, размытое и не подающееся систематизации правовое образование.

Оценивая точку зрения о рассмотрении как элемента статуса подозреваемого оснований и порядка привлечения в качестве подозреваемого, представляется, что вряд ли ее следует считать обоснованной. Дело в том, что нормативное закрепление понятия подозреваемого в российском уголовном процессе напрямую связано с основаниями его появления в уголовном производстве: 1) возбуждение уголовного дела в отношении лица; 2) задержание лица; 3) применение к нему меры пресечения до предъявления обвинения; 4) уведомление о подозрении в совершении преступления в порядке статьи 223 УПК РФ (ч. 1 ст. 46 УПК РФ). Таким образом, само понятие подозреваемого как участника уголовного судопроизводства, которое мы рассматриваем в качестве элемента его статуса, уже содержит в себе указание на основания появления в уголовном деле подозреваемого.

Думается, что несостоятельной выглядит и попытка включения в процессуальный статус подозреваемого порядка его вовлечения в дело в названном качестве. Этот порядок напрямую зависит от разновидности основания появления подозреваемого. И в зависимости от соответствующего основания несколько различается специфика реализации некоторых прав подозреваемого, что зависит от характера применяемых к нему правоограничений в виде мер процессуального принуждения: задержания, заключения под стражу, применения домашнего ареста, залога, подписки о невыезде и т.п.

В связи с этим представляется уместным различать общий процессуальный статус подозреваемого и специальные разновидности статус подозреваемого: статус лица в отношении которого возбуждено уголовное дело; статус задержанного и статус лица, к которому примененамера пресечения до предъявления обвинения, статус лица, которое уведомлено о подозрении в совершении преступления. Вид специальногостатуса,

возможно, подразделять на подвиды в зависимости от характера меры пресечения, применяемой к подозреваемому.

Сам по себе порядок вовлечения лица в дело в качестве подозреваемого имеет значение лишь для конкретизированной характеристики специальных разновидностей статуса подозреваемого. Общий же процессуальный статус подозреваемого при всем при этом продолжает оставаться неизменным [30].

Таким образом, статус подозреваемого - это совокупность правовых свойств лица, вовлекаемого в уголовное производство в связи с имеющимся в отношении него подозрением в совершении преступления, позволяющая характеризовать его место и роль в этом производстве на основе законодательного определения его понятия, наделения комплексом прав и обязанностей, обеспечивающих ему защиту личных интересов и участие в уголовнопроцессуальных отношениях.

Указанная совокупность свойств подозреваемого имеет свое нормативное закрепление, т.е. эти свойства выражаются в нормах уголовно-процессуального права, также образующие системную совокупность. Каково же место данной совокупности внутри названной отрасли права?

Обычно подобные комплексы взаимодействующих норм именуют правовыми (отраслевыми) институтами. В теории государства и права под институтом понимается совокупность правовых норм, составляющих обособленную часть отрасли права и регулирующих определенный вид, сторону однородных общественных отношений [31]. Тем самым правовой институт облачается от отрасли права прежде всего объемом регулирования: он регулирует не всю совокупность качественно однородных общественных отношений, а одну лишь их сторону. Вместе с тем правовой институт - относительно самостоятельная, устойчивая и автономная часть системы права.

В свете вышесказанного, как представляется, данное понятие нельзя отождествлять с понятием «процессуальный статус подозреваемого». Первое понятие, т.е. институт, полностью включающее в себя и нормы, характеризующие статус подозреваемого, по своему содержанию гораздо шире. Именно в рамках института подозреваемого следует рассматривать правовые нормы посредством которых реализуется его статус. Таковыми, на наш взгляд как раз и являются нормы, регулирующие порядок привлечения лицав качестве подозреваемого, порядок приглашения защитника, участия подозреваемого следственных иных процессуальных действиях, порядок обжалования и заявления ходатайств, правила определения правосубъектности, нормы закона, выступающие в качестве гарантий прав и обязанностей подозреваемого и т.п.

Таким образом, процессуальный статус подозреваемого, будучи составной частью института подозреваемого, является ядром, сердцевиной, главной составляющей этого института. Все остальное содержание института подозреваемого выступает в качестве средств его реализации и регулирования.

Литература:

- 1. См.: Словарь иностранных слов. М., 1987. С. 471.
- 2. См.: Семенов П.Г. Конституция и гражданин: Теоретические основы советской Конституции. М., 1981. С. 7; Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов. 1987. С. 48 и др.
- 3. См.: Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 27-28.
- 4. См.: Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности (Теоретические вопросы). М., 1968. С. 82.
- 5. См.: Новоселов В.И. Два понятия правового положения граждан СССР // Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 года. Саратов, 1980. С. 249-254.
- 6. По этому пути идет и законодатель, что следует даже из наименований отдельных законодательных актов (См., например:Федеральный закон «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального собрания РФ» от 8 мая 1994 г.; Закон РФ «О статусе судей в РФ» от 28 июня 1992 г.).
- 7. Социологи, например, выделяют в системе статусов социально-производственный, социально-экономический, социально-политический и социально-организационный статусы (См.:Социология производственного коллектива. М., 1982. С. 68-72).
- 8. См.: Матузов Н.И. Правовая система и личность. С. 48-49.
- 9. См.: Колосович С.Д. Правовой статус подозреваемого и проблемы его совершенствования. Дисс. ... к.ю.н. М., 1991. С. 14.
- 10. См.: Воеводин Л.Д. Советское государственное право. М., 1985. С. 139.
- 11. Витрук Н.В. Правовой статус личности в СССР. М., 1985. С. 8.
- 12. См.: Колосович С.А., Парий А.В. Правовой статус подозреваемого и проблемы его совершенствования. Волгоград, 1997.
- 13. См.: Там же. С. 16. Впрочем, высказывалось мнение о том, что при взаимодействии уголовно- процессуальных норм с нормами других отраслей права приоритет во всех случаях остается за нормами конституционного права (См.: Корнуков В.М. Взаимосвязь государственно-правовых, административных и уголовно-процессуальных норм, регламентирующих процессуальное положение личности // Реализация норм государственного и административного права на предварительном следствии. Волгоград. 1987. С. 102.).
- 14. См., например: Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984; Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / Под ред. Л. Д. Кокорева. Воронеж, 1984; Корнуков В. М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1987; Ларин А. М. Презумпция невиновности. М., 1982; Кудин Ф.М. Принуждение в уголовном судопроизводстве. Красноярск, 1985; Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985; Шадрин В. С.

- Обеспечение прав участников предварительного расследования; Володина Л. М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. Тюмень, 1999. и т.п.
- 15. См.: Галкин И.С., Кочетков В.Г. Процессуальное положение подозреваемого. М., 1968. С. 3.
- 16. См.: Бекешко С.П., Матвиенко Е.А. Подозреваемый в советском уголовном процессе. С. 44; Чувилев А.А. Привлечение следователем и органом дознания лица в качестве подозреваемого по уголовному делу. М., 1982. С. 54-67.
- 17. См.: Напреенко А.А. Гарантии прав подозреваемого в советском уголовном процессе. Автореф. дисс. ... к.ю.н. М., 1982. С. 14.
- 18. См.: Кокорев Л.Д. Положение личности в советском уголовном судопроизводстве. Автореф. дисс. ... Л., 1975.
- 19. См., например: Мартынчик Е.Г., Радьков В.П., Юрченко В.Е. Охрана прав и законных интересов в уголовном судопроизводстве. Кишинев, 1982.
- 20. См.: Корнуков В.М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве.
- 21. См.: Кокорев Л.Д. Положение личности в советском уголовном судопроизводстве. С. 7.
- 22. См.: Корнуков В.М. Указ.соч. С. 53-54.
- 23. См.: Мартынчик Е.Г.. Радьков В.Г1., Юрченко В.Е. Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. С. 11.
- 24. См.: Там же. С. 48.
- 25. См.: Гуткин И.М. Развитие законодательства, регламентирующего деятельность органов следствия и дознания, в свете Конституции СССР. М., 1986. С. 63, 69.
- 26. См.: Матузов Н.И. Указ.соч. С. 60.
- 27. См.: Там же. С. 63.
- 28. См.: Курс советского уголовного процесса. Общая часть. М., 1989. С. 442.
- 29. См.: Стецовский Ю.И., Ларин Д.М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. М., 1988. С. 15.
- 30. См.: Уголовный процесс России в схемах и определениях: Учеб.-метод, пособие. Волгоград: ВД МВД России. 2004. С. 7.
- 31. См.: Теория государства и права / Под ред. С.С. Алексеева. М.: Юрид. лиг., 1985. С. 279.

УДК 347.251.037.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТРЕБОВАНИЯ ИМУЩЕСТВА ОТ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПРИОБРЕТАТЕЛЯ ACTUAL PROBLEMS OF RECLAMATION OF PROPERTY FROM THE DILIGENT PURCHASER

Гунарис Ю.С., к.ю.н, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин НОУ ВПО «Северо-Кавказский гуманитарный институт»

Gunaris Yu.S., candidate of jurisprudence, head of the department of civil-law disciplines of NOU VPO «North-Caucasian humanitarian institute»

e-mail: skgi_institut@mail.ru

Аннотация: Попытка собственника защитить свои права посредством предъявления виндикационного иска может повлечь обратный эффект — полную утрату истиом права собственности.

Annotatoin: Attempt of the owner protect the rights by means of presentation of the vindikatsionny claim can to entail a boomerang effect – complete loss by the claimant of the property right.

Ключевые слова: Виндикационный иск, иск о возврате исполненного по недействительной сделке, собственник, добросовестный приобретатель, неуправомоченный отчуждатель.

Key words: The Vindikatsionny claim, the claim about return executed according to the void transaction, the owner, the diligent purchaser.

В соответствии со ст. 302 ГК РФ, если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не должен был знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя лишь в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли.

Если более подробно говорить о добросовестных приобретателях то в первую очередь необходимо указать на постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда от 25 февраля 1998 года № 8 «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [5]. В п. 25 Постановления отмечается, что если по возмездному договору имущество приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, и в такой ситуации собственником заявлен иск о признании недействительной сделки купли-продажи и возврате имущества, переданного покупателю, а при разрешении спора будет установлено соответствие покупателя требованиям, предъявляемым к добросовестному приобретателю (ст. 302 ГК РФ), то в удовлетворении исковых требований о

возврате имущества должно быть отказано, и если право собственности подлежит государственной регистрации, решение суда является основанием для регистрации перехода права собственности к покупателю.

Таким образом, ВАС РФ, по существу, квалифицировал отказ в удовлетворении виндикационного иска в качестве основания возникновения права собственности у ответчика (добросовестного приобретателя) и, соответственно, прекращения права собственности у истца (собственника). Таким образом, сложилось положение, в котором попытка собственника защитить свои права посредством предъявления виндикационного иска или иска о возврате исполненного по недействительной сделке могла повлечь обратный эффект – полную утрату истцом права собственности, если приобретатель докажет, что имущество было приобретено им хотя и у неуправомоченного отчуждателя, но добросовестно и возмездно, а собственник не сможет доказать, что истребуемое имущество выбыло из его владения помимо его воли.

В 2003 году вопрос о соотношении требований о возврате исполненного по недействительной сделке и виндикационного иска оказался и в поле зрения Конституционного Суда РФ. В п. 2 Постановления от 21 апреля 2003 года № 6-П Конституционный Суд отметил, что по смыслу ч. 2 ст. 35 Конституции РФ во взаимосвязи с другими конституционными нормами права владения, пользования и распоряжения имуществом обеспечиваются не только собственникам, но и иным участникам гражданского оборота, поэтому в тех случаях, когда имущественные права на спорную вещь, возникшие на предусмотренных законом основаниях, имеют другие, помимо собственника, лица — владельцы и пользователи вещи, этим лицам также должна быть гарантирована государственная защита их прав. К числу таких имущественных прав относятся, по мнению Конституционного Суда РФ, и права добросовестных приобретателей.

Также Конституционный Суд РФ сделал вывод о том, что федеральный законодатель, осуществляя регулирование оснований возникновения и прекращения права собственности и других вещных прав, а также оснований и последствий недействительности сделок, должен предусматривать такие способы и механизмы реализации имущественных прав, которые обеспечивали бы защиту не только собственникам, но и добросовестным приобретателям, как участникам гражданского оборота, так как в противном случае для широкого круга добросовестных приобретателей, проявляющих при заключении сделки добрую волю, разумную осмотрительность и осторожность, будет существовать риск неправомерной утраты имущества.

То обстоятельство, что истребование имущества у добросовестного приобретателя может оказаться невозможным вследствие применения правил ст. 302 ГК РФ, вовсе не означает, что с момента вступления в силу судебного решения у приобретателя возникает право владения или право собственности (хотя Высший Арбитражный Суд РФ, как уже упоминалось, придерживается прямо противоположного мнения: «... если право собственности подлежит государственной регистрации, решение суда является основанием

для регистрации перехода права собственности к покупателю (добросовестному приобретателю)). Точно также отказ в виндикационном иске по мотивам пропуска истцом срока исковой давности влечет оставление имущества во владении ответчика, что не придает владению законного характера и не превращает фактическое владение в право владения или право собственности. Интересы такого незаконного фактического владельца в случае нарушения владения третьими лицами защищаются по правилам п. 2 ст. 234 ГК РФ.

Важно также обратить внимание, что защиту интересов добросовестного приобретателя, по мнению Конституционного Суда РФ, может обеспечить только федеральный законодатель (а не высшие судебные органы) и только при осуществлении правового регулирования оснований возникновения и прекращения права собственности, а также оснований и последствий недействительности сделок (а не каких-либо иных отношений) [4].

В п. 3.1 Постановления Конституционный Суд РФ практически дословно воспроизводит п. 25 постановления ВАС РФ № 8, а также указывает, что «из ст. 168 ГК РФ, согласно которой сделка, не соответствующая требованиям закона, ничтожна, если закон не устанавливает, что такая сделка оспорима, или не предусматривает иных последствий нарушения, следует, что на сделку, совершенную с нарушением закона, не распространяются недействительности сделки, положения о последствиях если предусматривает «иные последствия» такого нарушения». Поскольку добросовестное приобретение в смысле ст. 302 ГК РФ возможно только тогда, когда имущество приобретается не непосредственно у собственника, а у лица, которое не имело права отчуждать это имущество, последствием сделки, совершенной с таким нарушением, является, по мнению КС РФ, не двусторонняя реституция, а возврат имущества из незаконного владения (виндикация) [3]. Отсюда Конституционный Суд РФ делает имеющий принципиальное значение вывод о том, что права лица, считающего себя собственником имущества, не подлежат защите путем удовлетворения иска к добросовестному приобретателю с использованием правового механизма, установленного пп. 1 и 2 ст. 167 ГК РФ, а допустимой является лишь защита путем удовлетворения виндикационного иска, если для этого есть те предусмотренные ст. 302 ГК РФ основания, которые дают право истребовать имущество у добросовестного приобретателя (безвозмездность приобретения имущества добросовестным приобретателем, выбытие имущества из владения собственника помимо его воли и др.).

Также КС РФ отметил, что иное истолкование положений пп. 1 и 2 ст. 167 ГК РФ означало бы, что собственник имеет возможность прибегнуть к такому способу защиты, как признание всех совершенных сделок по отчуждению его имущества недействительными, то есть требовать возврата полученного в натуре не только когда речь идет о первой сделке, совершенной с нарушением закона, но и когда спорное имущество было приобретено добросовестным приобретателем на основании последующих сделок, чем нарушались бы вытекающие, по мнению Суда, из Конституции установленные законодателем гарантии защиты прав и законных интересов добросовестного приобретателя [2].

Оценивая обоснованность доводов Конституционного Суда РФ, следует отметить, что правило п. 2 ст. 166 ГК РФ о возможности предъявления требования о применении последствий недействительности сделки любым заинтересованным предусматривает каких-либо изъятий, в том числе возможность применения таких последствий не ставится в зависимость от возможности удовлетворения виндикационного иска. Отказ в удовлетворении виндикационного иска в соответствии со ст. 302 ГК РФ – это вовсе не последствие нарушения закона при совершении сделки, а последствие наличия совокупности совершенно других юридических фактов – возмездности и добросовестности приобретения имущества и его выбытия из владения собственника по воле последнего. По тем же причинам нет оснований считать отказ в удовлетворении виндикационного иска и «иными последствиями» в смысле п. 2 ст. 167 ГК РФ, то есть иными последствиями недействительности сделки.

Поэтому существующее состояние гражданского законодательства позволяет собственнику предъявить более удобный для него виндикационный, то есть вещно-правовой, иск с расчетом на его удовлетворение лишь в случае, если для отказа в таком иске нет оснований, предусмотренных ст. 302 ГК РФ. Если же рассчитывать на удовлетворение виндикационного иска ввиду наличия указанных оснований не приходится, собственник вправе прибегнуть к более сложному способу защиты своих интересов – последовательному предъявлению требований о возврате спорного имущества каждому из отчуждателей вплоть до возврата самому собственнику.

Конечно такая ситуация не способствует стабильности гражданского оборота, и здесь Конституционный Суд РФ был прав. Дело в том, что согласно п. 1 ст. 235 ГК РФ право собственности может прекращаться лишь по основаниям, предусмотренным законом. Ни ст. 302, ни какая-либо иная норма Гражданского кодекса РФ так и не легитимировали отказ в удовлетворении виндикационного иска в качестве основания прекращения права собственности на спорное имущество у собственника и возникновения этого права у добросовестного приобретателя. Между тем, как следует ИЗ постановления стабильность Конституционного Суда РΦ, придать гражданскому обороту рассматриваемом аспекте могло бы лишь внесение соответствующих дополнений в Гражданский Кодекс РФ.

В качестве примера можно привести Германское гражданское уложение, ст. 932 которого содержит специальное указание на возникновение у приобретателя права собственности на приобретенное у неуправомоченного отчуждателя имущество, если приобретатель является добросовестным. Следует обратить внимание на то, что это основание возникновения права собственности действует лишь применительно к движимому имуществу. Оно является вполне самостоятельным и не зависит от предъявления собственником виндикационного иска к добросовестному приобретателю, то есть такой приобретатель вправе сам предъявить иск о признании права собственности на имущество по указанному основанию. Приобрести по такому основанию право собственности на

недвижимое имущество невозможно, поскольку применительно к недвижимости Германское гражданское уложение аналогичного правила не содержит [10].

Не так давно в ГК РФ были внесены изменения, в том числе касающиеся последствий удовлетворении виндикационного иска по мотивам добросовестности отказа приобретателя. Речь идет об изменениях, внесенных в п. 2 ст. 223 ГК РФ. По общему правилу п. 1 ст. 223 ГК РФ (определяющей момент возникновения права собственности у приобретателя по договору) право собственности у приобретателя вещи по договору возникает с момента ее передачи, если иное не предусмотрено законом или договором. Такое «иное» правило предусмотрено, в частности, в п. 2 ст. 223 ГК РФ, согласно которому в случаях, когда отчуждение имущества подлежит государственной регистрации (таким случаем является отчуждение недвижимого имущества), право собственности приобретателя возникает с момента такой регистрации, если иное не установлено законом. Федеральным законом от 30 декабря 2004 года № 217-ФЗ (ст.1) п.2 ст. 223 ГК РФ был дополнен правилом, согласно которому недвижимое имущество признается принадлежащим добросовестному приобретателю (п. 1 ст. 302 ГК РФ) на праве собственности с момента такой регистрации, за исключением предусмотренных ст. 302 случаев, когда собственник вправе истребовать такое имущество от добросовестного приобретателя [9].

Внесенное в п. 2 ст. 223 ГК РФ дополнение весьма неоднозначно. Грамматическое и логическое толкование п. 2 ст. 223 ГК РФ в его новой редакции возможно путем принятия во внимание того обстоятельства, что сама ст. 223 не устанавливает основания возникновения права собственности, а лишь определяет момент возникновения такого права у приобретателя имущества по договору. Однако при таком варианте толкования правило ст. 223: «недвижимое имущество признается принадлежащим добросовестному приобретателю (пункт 1 статьи 302) на праве собственности с момента такой регистрации, за исключением предусмотренных статьей 302 настоящего Кодекса случаев, когда собственник вправе истребовать такое имущество от добросовестного приобретателя» - приводило бы к абсурдному выводу о том, что в случаях, когда имущество не может быть истребовано у добросовестного приобретателя, оно признается принадлежащим ему с момента государственной регистрации права собственности, а в случаях, когда имущество может быть у него истребовано, оно признается принадлежащим ему на праве собственности с какого-то другого момента.

Неясность п. 2 ст. 223 ГК РФ связана также с возникающей неопределенностью понятия «добросовестный приобретатель» применительно к недвижимому имуществу [1]. Дело в том, что в ст. 301, 302 ГК РФ речь идет об истребовании имущества из чужого незаконного владения. После заключения договора об отчуждении недвижимого имущества (а в случае отчуждения жилого помещения или предприятия - после регистрации такого договора) недвижимое имущество может поступить во владение приобретателя как до, так и после регистрации перехода права собственности к приобретателю. Виндикационный иск может быть предъявлен как к приобретателю, которому имущество фактически передано, но право собственности которого на приобретенное имущество еще не зарегистрировано, так и

к приобретателю, чье право собственности на переданное ему имущество уже зарегистрировано к моменту предъявления иска. Если в обоих случаях считать фактического владельца имущества добросовестным приобретателем в смысле ст. 302 ГК РФ, то при таком понимании добросовестного приобретателя отказ в удовлетворении виндикационного иска был бы возможен в каждом из этих случаев. Если же под приобретателем в смысле ст. 302 ГК РФ понимать лишь второго из указанных приобретателей, то отказ в удовлетворении виндикационного иска возможен лишь во втором случае.

Представляется, что правильным следует считать второе понимание добросовестного приобретателя. Такой вывод можно сделать на основании п. 2 ст. 551 ГК РФ, согласно которому исполнение договора продажи недвижимости сторонами до государственной регистрации перехода права собственности не является основанием для изменения их отношений с третьими лицами. По отношению к неуправомоченному отчуждателю и добросовестному приобретателю собственник является третьим лицом. Если считать, что после передачи имущества приобретателю истребование собственником этого имущества стало невозможным, это означало бы изменение отношений между приобретателем и собственником вследствие передачи имущества, что противоречило бы п. 2 ст. 551 ГК РФ [7].

Кроме того, следует учесть, что в п. 1 ст. 302 ГК РФ речь идет об имуществе, которое возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать. Именно поэтому в ст. 302 ГК РФ речь идет о добросовестном приобретателе, а не о добросовестном владельце. В силу п. 2 ст. 223 и п. 1 ст. 551 ГК РФ имущество может считаться отчужденным продавцом и приобретенным покупателем лишь с момента государственной регистрации перехода права собственности на недвижимость. Поэтому новое правило п. 2 ст. 223 ГК РФ может быть рассчитано лишь на случай, когда виндикационный иск предъявлен собственником к приобретателю после государственной регистрации перехода к нему права собственности (поскольку лишь с этого момента можно говорить об имуществе как о приобретенном) и поступления недвижимого имущества во владение приобретателя в соответствии со ст. 556 ГК РФ (до этого момента имущество остается во владении собственника, поэтому нет оснований для предъявления виндикационного иска).

Как представляется, условия ст. 302 ГК РФ, при которых имущество не может быть истребовано от добросовестного приобретателя, применимы не к любому недвижимому имуществу. Из правила ст. 301 ГК РФ о возможности истребования имущества из чужого незаконного владения существует изъятие. Оно установлено в п. 1 ст. 302 ГК РФ для случая, если нарушение права владения собственника связано с возмездным приобретением спорного имущества у лица, которое не имело права его отчуждать, добросовестным приобретателем, то есть таким приобретателем, который не знал и не мог знать об отсутствии у отчуждателя правомочий на отчуждение имущества [6]. При таких обстоятельствах собственник вправе истребовать имущество от добросовестного приобретателя лишь в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому

имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли.

Отсюда следует, что для целей применения установленного в п. 2 ст. 302 ГК РФ основания отказа в удовлетворении виндикационного иска факт нахождения отчуждаемого имущества во владении отчуждателя должен являться значимым условием для признания приобретателя добросовестным. Чтобы счесть отчуждателя управомоченным на отчуждение имущества, на момент заключения договора должны отсутствовать очевидные препятствия со стороны отчуждателя не только к заключению договора, но и к его исполнению. Любой договор купли-продажи или мены предусматривает обязанность продавца передать вещь (товар) покупателю (п. 1 ст. 454 ГК РФ). Если передача вещи состоит во вручении ее приобретателю, то есть поступлении вещи в его владение (п. 1 ст. 224 ГК РФ), то для исполнения этой обязанности вещь должна находиться в непосредственном или опосредованном владении отчуждателя. Отсутствие такого владения у отчуждателя является достаточным основанием для того, чтобы усомниться в его способности передать вещь не только во владение, но и в собственность приобретателя.

Момент перехода права собственности на движимую вещь, согласно общему правилу п. 1 ст. 223 и п. 1 ст. 224 ГК РФ, определяется моментом поступления вещи во владение приобретателя. Также немаловажную роль в данной ситуации, на наш взгляд, играет время, место и способ передачи такой вещи. Именно эти обстоятельства в совокупности позволяют считать добросовестным поведение приобретателя, который предполагает владельца движимой вещи ее собственником.

Применительно к недвижимому имуществу переход права собственности к приобретателю происходит в момент регистрации отчуждения имущества (п. 2 ст. 223, п. 1 ст. 551 ГК РФ), поэтому первостепенное значение для приобретателя имеет наличие у отчуждателя зарегистрированного права собственности на отчуждаемое имущество. Вместе с тем согласно п. 1 ст. 556 ГК РФ обязанность продавца передать недвижимость покупателю считается исполненной после вручения этого имущества покупателю и подписания сторонами соответствующего документа о передаче. Поэтому нахождение недвижимого (насколько имущества во владении отчуждателя ОНЖОМ говорить владении недвижимостью) служит дополнительным обстоятельством, убеждающим приобретателя в наличии у продавца правомочий на отчуждение имущества.

Однако передача недвижимого имущества не всегда сопряжена с вручением его приобретателю. Так, для передачи предприятия достаточно только подписания передаточного акта обеими сторонами (п. 2 ст. 563 ГК РФ), что по общему правилу п. 2 ст. 564 ГК РФ предшествует регистрации перехода права собственности на предприятие. Поэтому факт владения предприятием никак не влияет на возможность его отчуждения, в связи с чем предприятие всегда может быть истребовано от добросовестного приобретателя [6].

От правильного решения вопросов применения ст. 223, 302 ГК РФ зависит и применение ст. 31.1 Федерального закона «О государственной регистрации прав на

недвижимое имущество и сделок с ним» [8]. Согласно п. 1 ст. 31.1 этого Закона собственник жилого помещения, который не вправе его истребовать от добросовестного приобретателя, а также добросовестный приобретатель, от которого было истребовано жилое помещение, имеют право на разовую компенсацию за счет казны РФ. Это правило может применяться лишь во взаимосвязи со ст. 223, 302 ГК РФ. Так, если от добросовестного приобретателя имущество может быть истребовано, то это означает, что право собственности у него не возникало (п. 2 ст. 223 ГК), поэтому компенсацию в этом случае вряд ли можно называть компенсацией за утрату права собственности, к чему, казалось бы, обязывает название ст. 31.1 Закона — «Основания выплаты Российской Федерацией компенсации за утрату права собственности на жилое помещение».

Условия выплаты этой компенсации определены в п. 2 ст. 31.1 Закона, в соответствии с которым она выплачивается в случае, если по не зависящим от собственника и добросовестного приобретателя причинам в соответствии с вступившим в законную силу решением суда о возмещении им вреда, причиненного в результате утраты права собственности на жилое помещение, взыскание по исполнительному документу не производилось в течение одного года со дня начала исчисления срока для предъявления этого документа к исполнению. При этом размер компенсации ограничен размерами реального ущерба (то есть стоимостью утраченного жилого помещения), но не может превышать один миллион рублей. Порядок ее выплаты должен быть установлен Правительством РФ, а сама ст. 31.1 Закона применяется лишь в случае, если государственная регистрация права собственности добросовестного приобретателя на жилое помещение была проведена после 1 января 2005 г. Для применения ст. 31.1 Закона необходимо, чтобы утрата права собственности была следствием не виновных действий регистрирующего органа (в этом случае причиненный вред, согласно ст. 31 Закона и ст. 1064, 1069 ГК РФ, возмещается за счет казны РФ в полном объеме), а неправомерных действий третьих лиц. Например, сделка купли-продажи жилого помещения и регистрация перехода права собственности на него совершены арендатором этого помещения, действующим в качестве представителя собственника на основании изготовленной арендатором по сговору с нотариусом подложной доверенности. В силу выбытия жилого помещения из владения собственника по его воле (добровольной передачи жилого помещения арендатору), возмездности приобретения добросовестности приобретателя собственнику будет отказано имущества удовлетворении иска к покупателю об истребовании жилого помещения. Однако собственник будет вправе предъявить иск о возмещении вреда к арендатору и нотариусу. После вступления в силу судебного решения об удовлетворении иска о возмещении вреда взыскателю выдается исполнительный лист, который предъявляется к исполнению.

Вероятно, законодатель хотел видеть смысл п. 2 ст. 31.1 Закона в том, что если в течение года взыскание присужденной суммы в полном объеме не произведено, то оставшаяся невзысканной ее часть выплачивается за счет казны РФ. Однако правило п. 2 ст. 31.1 Закона, согласно которому компенсация выплачивается в случае, если «взыскание по

исполнительному документу не производилось», по его буквальному смыслу означает, что право на компенсацию не возникнет, если в течение года по исполнительному документу будет взыскана хотя бы ничтожная часть присужденной суммы.

Таким образом, проведенный выше анализ лишь некоторых вопросов, связанных с применением ст. 223, 302 ГК РФ и норм Закона о регистрации прав на недвижимость, показывает, что существует настоятельная и неотложная потребность в квалифицированном изменении и дополнении указанных норм.

Литература

- 1. Гражданское право. Том (часть) 1.: Учебник. Садиков О.Н. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: «ИНФРА-М», 2006г. 493с.
- 2. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т.1. / под ред. А.П. Сергеева. -М.: РГ Пресс, 2011. с. 800.
- 3. Пиляева В.В. Гражданское право. Части Общая и Особенная М.: 2009. Издательство: КноРус. – с. 992.
- 4. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 ГК РФ в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и Р.М. Ширяева». Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс:ВысшаяШкола.
- 5. Постановление пленума Высшего Арбитражного Суда от 25.02.1998 г. № 8 «О некоторых вопросах практики разрешения споров связанных с защитой права собственности и других вещных прав». Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс:ВысшаяШкола.
- 6. Саморукова Н.А. Гражданско-правовые способы защиты права собственности и иных вещных прав на недвижимое имущество. Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 182.
- 7. Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. М.: Юрид.лит., 1991. С. 240.
- 8. Федеральный закон от 21 июля 1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс:ВысшаяШкола.
- 9. Федеральный Закон РФ от 30 декабря 2004 года №217-ФЗ «О внесении изменений в статью 223 части первой Гражданского кодекса РФ и ФЗ РФ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». Доступ из справочноправовой системы КонсультантПлюс:ВысшаяШкола.
- 10. Эрделевский А. Об истребовании имущества у добросовестного приобретателя. // Хозяйство и право. 2008. № 5. с. 4.

УДК 348

ОСНОВАНИЕ И УСЛОВИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПАСНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

BASE AND CONDITIONS OF THE INDEMNITY COMMITMENT, DONE BY CARRYING OUT OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Стоякина О.Н., преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, НОУ ВПО «Северо-Кавказский гуманитарный институт»

Stoyakina O.N., lecturer of the civil law department North-Caucasus humanitarian institute e-mail:Olyalyaaa@yandex.ru

Аннотация: проведен анализ тождественности понятий «основание» и «условия» ответственности

Annotation: the analysis of the identity of notion "base" and "conditions" of responsibility was done.

Ключевые слова: деликт, ответственность, вред

Key words: delict, responsibility, damage.

В условиях научного и технического прогресса, появления большего количества источников повышенной опасности, расширения сферы деятельности человека и других современных факторов, способных причинить вред жизни или здоровью людей, очевидно, что исследование проблемы возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина при осуществлении им опасной профессиональной деятельности с каждым годом становится все более актуальным.

Смирнов В.Т. и Собчак А.А. подчеркивали, что «в юридической литературе, посвященной исследованию проблем гражданско-правовой ответственности вообще и деликтной ответственности В особенности, понятия «основание» «условия» ответственности нередко смешиваются и употребляются как тождественные. Между тем их нужно различать не только потому, что каждое явление, отраженное в соответствующем понятии, обладает определенным, только ему присущим содержанием (явление должно быть сущностным), но и, главным образом, потому, что они имеют различное не только смысловое, но и юридическое значение. «Основание» - это то, что порождает какое-либо явление, фундамент, на который последнее опирается и который определяет его природу. «Условия» - те признаки, которые характеризуют основание и без наличия которых явление не может возникнуть.

Т.И. Илларионова считает что, основанием ответственности является противоправное

поведение причинителя вреда, а остальные элементы состава правонарушения относятся к условиям ответственности[1].

С. Бакунин, рассуждая об основании возникновения обязательств вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина, пишет: «Факт причинения физического вреда (факт повреждения здоровья или причинение смерти гражданину) - это основание (повод) ставить перед правоприменителем вопрос о привлечении к деликтной ответственности причинителя вреда. Самого по себе этого единичного факта недостаточно для привлечения к деликтной ответственности, но достаточно для постановки вопроса об этом. Поэтому, считает автор, можно сделать вывод: факт причинения физического вреда является основанием (поводом) для решения вопроса о привлечении причинителя (или иного обязанного лица) к деликтной ответственности. Для привлечения причинителя к деликтной ответственности, по общему правилу, необходимо наличие фактического состава: юридический (имущественный) вред, действие или бездействие причинителя, причинноследственная связь между вредом и деянием, вина, которые в цивилистике получили название условий деликтной ответственности»[2].

Таким образом, основание - это совокупность определенных «элементов», необходимых для применения мер ответственности, а условия это «характеристики» самого противоправного деяния нарушителя и ответственности, при наличии которых складывается основание. Основание - одно, а условий может быть несколько.

Вместе с тем, по мнению одних авторов, состав гражданского правонарушения является не только основным, но и единственным основанием ответственности, а в тех случаях, когда нет полного состава правонарушения, нельзя говорить и об ответственности причинителя вреда. В частности, С.С. Алексеев пишет: «При отсутствии законченного состава правонарушения лицо не может быть привлечено к гражданской ответственности»[3]. Другие авторы считают, что состав правонарушения, порождающий гражданско-правовую ответственность при причинении вреда, может быть как полным, так и ограниченным (усеченным), когда вина как элемент правонарушения отсутствует[4].

Общие основания ответственности за причинения вреда установлены статьей 1064 ГК РФ, которые в совокупности с фактом причинения вреда порождают обязательства по его возмещению. Для наступления гражданско-правовой ответственности за причинения вреда необходимо наличие следующих условий:

- 1) наличие вреда;
- 2) противоправность действия (бездействия);
- 3)причинная связь между действием (бездействием) и наступившим результатом (причинение вреда);
 - 4) вина причинителя вреда[5].

Вред является непременным условием деликтной ответственности. При отсутствии вреда вопрос о ней вообще не ставится[6].

В теории используют несколько различных терминов для обозначения неблагоприятных изменений в имущественной сфере участников гражданских

правоотношений. Так, в цивилистический понятийный аппарат твердо вошли понятия «вред», «ущерб», «убыток», зачастую используемые в юридической литературе, судебной практике, а иногда и в законодательстве в качестве синонимов. Действительно, эти понятия очень близки по значению, хотя различие между этими категориями есть.

Понятие вред более широкое по сравнению с понятиями имущественный ущерб и убытки. М.М. Агарков под вредом обоснованно предлагал понимать «всякое умаление того или иного имущественного блага», а вред, нанесенный имуществу и выраженный в денежной сумме, называть убытком [7].

От категории «вред» и «имущественный ущерб» необходимо отличать и понятие убытки. Гражданскому кодексу РФ присуще разграничение понятий «убытки» и «ущерб». Понятие убытков определено в ст. 15 ГК РФ. Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Проанализировав гражданское законодательство, можно сделать вывод, что понятие «убыток» употребляется, как правило, в договорных обязательствах и только во множественном числе, а понятие «вред» - во внедоговорных, за исключением ст. 1082 ГК РФ, где используется термин «убытки». А термин «вред» в российском законодательстве стал своего рода «товарным знаком» деликта. Само использование в тексте нормативного акта термина «вред» применительно к обязательственному правоотношению, ориентирует правоприменителя на деликтный характер такого отношения[8].

Причинение физического вреда личности практически всегда связано с увечьем или иным повреждением здоровья, а также причинением смерти. Сам вред, причиненный гражданину, это – уменьшение способности к труду по определенной профессии, а в случае смерти кормильца – уменьшение дохода, на которое лицо имеет право по закону (ст. 1085 ГК РФ).

В отношении увечья и иного повреждения здоровья в юридической литературе и судебной практике сложились устойчивые понятия. Так, профессиональное заболевание возникает в результате длительного и систематического воздействия на организм человека неустранимых вредных последствий производства либо других специфических для данной профессии факторов. Однако, причиненное увечье, профессиональное заболевание сами по себе не порождают обязательств по возмещению вреда. В этих случаях указанные обязательства возникают при условии, что потерпевший понес также определенный имущественный ущерб (убытки). Повреждение здоровья может вызвать утрату трудоспособности временную или стойкую, частичную или полную. Следствием этого является потеря заработка, иных имущественных доходов, которые потерпевший мог бы получить, если бы не пострадало его здоровье. Оно, кроме того, может повлечь расходы на санаторнокурортное лечение, протезирование, усиленное питание, посторенний уход и т.д. Именно

материальные затраты такого рода и образуют так называемый имущественный ущерб (убытки), причиненный здоровью лица, осуществляющего профессиональную деятельность.

Итак, первым условием возникновения обязательства из причинения вреда здоровью работника является наличие имущественного вреда, представляющего собой убытки, связанные с ухудшением состояния здоровья. Остановимся подробнее на видах имущественного вреда, причиненного работнику в связи с повреждением здоровья.

В отечественной цивилистике советского периода отстаивалась теория необходимой и случайной причинной связи. Согласно этой теории, только необходимая причинная связь между неправомерным поведением и наступившими последствиями может служить основанием ответственности за результат. Если же причинность носит случайный характер, для привлечения к ответственности нет достаточных объективных предпосылок[9].

Автор теории возможности и действительности О.С. Иоффе полагал, что влияние, которое различные обстоятельства оказывают на наступление неправомерных последствий, проявляется в том, что одни из них создают абстрактную возможность, другие - конкретную возможность, а третьи действительность результата. Если неправомерное поведение играет роль одной, лишь абстрактной возможности, ответственность исключается. Если же оно вызвало конкретную возможность результата или тем более превратило результат из возможного в действительный, налицо причинная связь, достаточная для привлечения к ответственности[10].

Решая вопрос о наличии или отсутствии причинной связи, необходимо учитывать не всеобщую закономерность в природе и обществе (фатальную неизбежность), а необходимую связь в каждом конкретном случае в данный момент и при данных обстоятельствах (но не предполагаемых и не воображаемых, вроде: «если бы не это, то тогда бы не случилось тото»). Естественно, в основе этой связи действует всеобщая закономерность. Однако при одних обстоятельствах всеобщая закономерность проявляет себя и приводит к возникновению убытков, а в другой ситуации не действует.

Понятие вины наука гражданского права заимствует из уголовного права. Под виной понимается определенное психическое отношение субъекта к своему противоправному поведению и его возможному результату[11]. Это отношение может определяться в двух формах - умысла и неосторожности (ст. 401 ГК РФ). Вместе с тем, вина как субъективное основание ответственности в уголовном и гражданском праве имеет различное значение.

В гражданском праве для возникновения внедоговорной ответственности перед потерпевшим форма вины причинителя вреда не имеет значения. В гражданском законодательстве различаются две формы вины: умышленная и неосторожная. Вина в форме умысла характеризуется тем, что причинитель вреда сознает противоправность своего поведения, предвидит его вредные последствия, желает или безразлично относится к их наступлению. Неосторожность выражается в таком отношении лица к своим поступкам, которое характеризуется нарушением должной внимательности, заботливости, предусмотрительности, определяемой характером соответствующего вида деятельности и особенностями осуществляющего ее субъекта. Вместе с тем, нельзя неосторожную вину

превращать только в фактическую ошибку, какой она предстает, если отвлечься от внутреннего (психического) отношения лица к совершаемым им действиям и их последствиям.

Гражданско-правовую ответственность отличает присущий ей принцип презумпции виновности причинителя, а следовательно, и презумпции противоправности его действий, поскольку только такие действия могут быть виновными. Причинитель предполагается виновным, если не докажет отсутствие своей вины. В соответствии с этим происходит и распределение бремени доказывания между потерпевшим и причинителем: потерпевший, обращаясь в суд с требованием о возмещении вреда, обязан доказать наличие у него вреда, а также причинную связь между действием причинителя и наступившим вредом. Причинитель, в свою очередь, должен доказать отсутствие в своих действиях противоправности и вины. Гражданское законодательство допускает возмещение вреда при отсутствии вины причинителя, но только в случаях, предусмотренных законом.

Необходимо проанализировать психическое отношение работодателя, обязанного обеспечить здоровые и безопасные условия труда, к своему поведению и его последствиям. В момент постановки задания связанного с риском для жизни и здоровья, как правило, имеется возможность предвидения неблагоприятных последствий таких действий. Субъект работодатель осознает возможность причинения вреда здоровью лица, осуществляющего профессиональную деятельность, но надеется на его предотвращение теми или иными силами и средствами, такими как: высокий уровень мастерства специалиста, наличие и технических средств (бронежилетов, специальных защитных декомпрессионных камер, альпинистского снаряжения), организованные различных лиц, участвующих в мероприятии и другие. Однако, несмотря на наличие всех данных условий, возможность неблагоприятного исхода нередко остается высокой. Это позволяет говорить о наличии психических предпосылок в поведении лица, обязанного обеспечить здоровые и безопасные условия труда (работодателя), для возложения на него обязанности возместить причиненный вред[8].

Литература

- 1. Илларионова Т.И. Основания внедоговорной ответственности организаций: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. С.6.;
- 2. Бакунин С. К вопросу об основании возникновения обязательств вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина//Арбитражный и гражданский процесс. 2006. №1. С. 14.
- 3. Алексеев С.С. О составе гражданского правонарушения//Правоведение. 1958. №1.-С. 48.
- 4. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. М., 1970. С. 7-8: Поляков И.Н. Ответственность по обязательствам вследствие причинения вреда. М., 1998. С. 18.

- 5. Киселев Ю.В. Возмещение экономического и другого вреда, причиненного официальными органами и их должностными лицами// "Российская газета" 2001 (Библиотечка "Российской газеты" Вып. 4). С.74.
- 6. Медведев М.Ф.. Ответственность за нарушение обязательств по новому Гражданскому кодеку Российской Федерации: Учебное пособие. - Волгоград, 1996. - С. 7.
- 7. Гражданское право. Т.1./Под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. М., 1944. C.328.
- 8. Болдырев В.А. Возмещение вреда, причиненного здоровью лица при осуществлении им опасной профессиональной деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. Омск. 2003. С. 78.
- 9. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М.: Госюриздат, 1950. С. 307-319.
- 10. Иоффе О.С. Обязательственное право. М. 1975.С.118-120.
- 11. Матвеев ПК. Вина в советском гражданском праве. С. 169-170.

УДК 340.15

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ HISTORICAL TYPES OF LOCAL GOVERNMENT IN ANCIENT GREECE

Тарасов С.В., специалист Центра кластерных технологий Tarasov S.V., specialist of the Cluster technologies e-mail: ctas_tarasov@mail.ru

Семашко А.Г., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса Филиала РГСУ в г. Клину Московской области Semashko A.G., candidate of law, docent of the department of civil and criminal law and

process Branch RSSU in Klin Moscow Region

e-mail: nauka-rgsu@mail.ru

Аннотация: В статье раскрываются основные исторические типы организации местного самоуправления в Древней Греции.

Annotation: The article describes the basic historical types of Local Government in Ancient Greece.

Ключевые слова: местное самоуправление, Древняя Греция, Афины, Спарта, Македония, эллинистические государства.

Key words: local government, Ancient Greece, Athens, Sparta, Macedonia, Hellenistic state.

Местное самоуправление, которое в настоящее время часто фигурирует как неотъемлемая часть демократии, имеет глубочайшие исторические корни.

Его развитие в древнем мире происходило следующим образом: местное самоуправление зародилось в Древнем Египте, в период Древнего царства (XXVIII — XXIII века до н.э.) был создан разветвленный и весьма многочисленный государственный аппарат, состоявший из трех основных звеньев (центрального, областного (номового) и местного).

Номами назывались области, бывшие до объединения страны самостоятельными государственными образованиями. Администрацию в номе возглавлял номарх, должность которого замещалась, как правило, по наследству представителями местной аристократии. Говоря о низовом уровне, следует отметить, что в надписях, относящихся к эпохе Древнего царства, встречаются термины джаджат и кенбет, которые означают общинные советы. Эти советы, формируемые самими общинами, наблюдали за состоянием местной оросительной сети, осуществляли некоторые судебные функции, а также решали прочие задачи, связанные с организацией жизни общин. Советы были включены в административную вертикаль, а их

члены постепенно превращались в низших чиновников. Роль общественности со временем сошла на нет.

Время от времени Египет путем военных захватов значительно расширял свою территорию, как это было, например, в эпоху Нового царства (XVI — XI века до н.э.), но при этом в землях за пределами собственно Египта система управления не подвергалась после завоевания каким-либо существенным перестройкам. Египтяне ограничивались сменой местного царя или князя или изъявлением ими покорности. Завоеванными южными территориями в Нубии и землями в Азии управляла специальная администрация, однако это управление сводилось к обеспечению внешнеполитических и торговых интересов Египта, а также сбору дани. Во внутреннее управление покоренными странами египтяне практически не вмешивались. Поэтому, если в подвластной стране народ до завоевания участвовал в управлении государством, такое участие на уровне самоуправления сохранялось и после установления египетского владычества.

Но развёрнутое законодательное оформление местное самоуправление получило в Греции, а затем произошло распространение этого принципа на огромные территории вместе с македонскими завоеваниями.

Позднее местное самоуправление вошло в структуру многих эллинистических государств.

Согласно легенде царю Тесею удалось объединить население Аттики под главенством Афин. Такое объединение называлось синойкизм (в переводе с греческого — совместное проживание). После этого под территорией полиса стала пониматься территория всей Аттики, а гражданами Афин считались все коренные ее жители. Синойкизм ознаменовал собой один из первых шагов на пути формирования государственности: была определена территория, на которую распространялся суверенитет полиса.

Институт царей в Афинах постепенно приходит в упадок, и к VII веку до н.э. власть сосредоточивается в руках родоплеменной знати. К этому времени уже сложились три основных сословия граждан: эвпатриды (благородные), демиурги (ремесленники) игеоморы (земледельцы). Рабы, естественно, ни в одно из сословий не входили: не имея личной свободы, они вообще не были гражданами полиса. Важнейшие выборные должности по управлению полисом могли занимать только эвпатриды. С 80-х годов VII века до н.э. оформился ареопаг как центральный коллегиальный орган полисного самоуправления. был органом, осуществлявшим административные, Ареопаг правящим религиозные, внешнеполитические функции. В его состав ежегодно избирались архонты ("регенты" или "начальствующие"), среди которых были главнокомандующий войсками, первосвященник, судьи [1].

По мере усиливавшегося имущественного расслоения и растущего могущества эвпатридов роль народного собрания стала заметно снижаться. Зажиточные граждане занимались ростовщичеством, в результате чего не только забирали за неуплату долгов имущество должников, но и обращали в рабство самих обедневших граждан и членов их семей. Рост материального неравенства порождал конфликты. Социальная напряженность на

протяжении всего VII века до н.э. постоянно нарастала. При этом все более очевидной становилась неспособность догосударственных механизмов управления разрешать постоянно множащиеся социальные проблемы.

Так дело шло до тех пор, пока в 594 году до н.э. архонтом не был избран Солон, которого наделили чрезвычайными полномочиями для проведения реформ. Прежде всего Солон отменил долговое рабство. Впредь в случае неуплаты долгов взыскание можно было наложить только на имущество должника. Самого афинского гражданина было запрещено превращать в раба при любых обстоятельствах. Все афинские граждане, обращенные в рабов до реформы, были освобождены, а те из них, кого продали за границу, выкупались за государственный счет. Иными словами, в Афинах при переходе от догосударственного самоуправления к государственности утвердился принцип индивидуальной свободы гражданина, а полис стал выступать в качестве гаранта этой свободы.

Солон преобразовал также систему органов власти. Общий надзор за управлением в полисе, внешняя политика, а также подготовка дел для рассмотрения на народном собрании ("экклесия" — по-гречески) были вверены новому органу — совету четырехсот. Для рассмотрения гражданских и уголовных дел, а также для обжалования решений и действий должностных лиц был создан судебный орган — гелиэя. В его компетенцию входило к тому же рассмотрение исков о соответствии только что принятых законов важнейшим правовым основам афинского полиса, то есть своего рода правовой контроль. В случае признания новых законов не соответствующими таким основам они не вступали в силу. Наконец, законодательные полномочия и решение принципиальных вопросов полисной жизни сосредоточились в ведении самого народного собрания [2].

Способ формирования указанных органов подрывал могущество родоплеменной знати. Солон установил деление всех граждан на четыре класса по имущественному признаку. Принадлежность к тому или иному классу определялась в соответствии с годовым доходом гражданина. В народном собрании могли участвовать все граждане не моложе 20 лет независимо от принадлежности к классу. Гелиэя, состав которой менялся каждый год, включала 6000 граждан не моложе 30 лет, также принадлежащих ко всем четырем классам. В состав совета четырехсот был открыт доступ гражданам первых трех классов. Другие административные должности также вправе были занимать представители этих трех классов. Практически все публичные должности замещались на выборной основе либо по жребию.

Становление Афинского демократического государства проходило отнюдь не гладко. В ходе обострившейся после проведения реформ Солона политической борьбы в 561 году до н.э. была установлена тирания Писистрата. Действуя против аристократии, в которой Писистрат видел своего основного противника, он конфисковал у ряда крупных землевладельцев их наделы и, поделив на небольшие участки, раздал мелким крестьянам. Стремясь к укреплению единоличной власти, он не только опирался на наемную вооруженную силу, но и поощрял ремесло и торговлю. Здесь важно отметить, что греческие тираны (включая и Писистрата) отнюдь не были похожи, на восточных деспотов: они не

отменяли действовавшее законодательство, а административные должности при них попрежнему замещались традиционным для полиса порядком — в результате выборов либо по жребию. Кроме того, в период расцвета античной демократии правление тиранов никогда не было особенно долгим.

В 509 - 507 годах до н.э., после крушения тирании Писистратидов, Клисфен провел реформу, практически завершившую процесс формирования демократической государственности в Афинах. Он заменил родоплеменное деление населения на территориальное. В связи с новым делением населения на 10 территориальных фил место совета четырехсот занял совет пятисот. В последний входили сменявшиеся ежегодно представители территориальных фил — по 50 от каждой.

Еще больше снизилась роль ареопага после 509 года до н.э., когда полномочия по руководству вооруженными силами были переданы от архонта-военачальника коллегии стратегов. Коллегия состояла из 10 стратегов, каждый из которых избирался от территориальной филы сроком на год, но мог переизбираться неограниченное количество раз. Роль коллегии стратегов фактически вышла за рамки управления войсками и военным флотом. Они реально выполняли управленческие функции, связанные с обеспечением государственной безопасности и укреплением обороноспособности. Вместе с советом пятисот стратеги занимались и внешней политикой.

По реформе Клисфена, каждая территориальная фила делилась на три тритии (округа), которые располагались в разных частях Аттики: одна — в Афинах, другая — в прибрежной зоне и третья — во внутренней, преимущественно сельскохозяйственной зоне. Этим, с одной стороны, не допускалось возникновение противоречий между сельским и городским населением, а с другой — обеспечивалось преимущество демократически ориентированной части прибрежного населения над консервативно настроенными жителями внутренних сельскохозяйственных районов [3].

Тритии, в свою очередь, подразделялись на демы, которых было около ста. С появлением государства возникает и местное самоуправление. В Афинском государстве оно было организовано по демам, где органом местного самоуправления было ежегодно сменяемое лицо — демарх. Демархи вели учет граждан, регистрацию призывников в армию, решали вопросы местного значения. При выдающемся политическом деятеле эпохи расцвета афинской демократии стратеге Перикле (ок. 495 — 429 годы до н.э.) были созданы суды по делам, которые разбирали небольшие дела. Создание таких судов облегчало доступ к правосудию для наименее состоятельных граждан.

В демократических Афинах большое внимание уделялось обеспечению максимально широкого участия граждан в управлении государством и предотвращению опасности узурпации власти. Большинство должностей с VI — V веков до н.э. замещалось по жребию. Деятеля, стремившегося к установлению тирании, народное собрание могло изгнать из полиса. Процедура голосования об изгнании именовалась остракизмом (от греческого слова "остракон" — черепок). В ходе специальной сессии собрания каждый участник мог анонимно написать на глиняном черепке имя человека, которого, по его мнению, надо было

подвергнуть изгнанию. Если за остракизм высказывалось большинство, соответствующее лицо обязано было покинуть территорию полиса. Во времена Перикла гражданам начали платить деньги за работу в качестве должностного лица, а также за каждый день участия в народном собрании. Такая плата давала возможность малоимущим гражданам, добывающим пропитание своим трудом, участвовать в государственном управлении.

Спарта

Государственность в Спарте начала формироваться сравнительно рано, хотя спартанское государство и сохранило целый ряд пережитков родоплеменного строя. В частности, Спарта не знала деления населения по территориальному признаку, которое считается одним из основных для государства. Поэтому можно сказать, что Спарта, будучи довольно мощным образованием, так и не стала государством в полном смысле этого слова [4].

Население Спарты делилось на три основных сословия — спартиатов, илотов и периэков. Спартиаты представляли собой потомков завоевателей-дорийцев и считались равноправными гражданами, обладавшими всей полнотой прав. Статус полноправного гражданина связывался как с потомственным происхождением, так и с имущественным цензом. Спартиатам было запрещено заниматься торговлей или производительным трудом. Во время войны все они сражались с оружием в руках, а в мирный период должны были упражняться, чтобы находиться в постоянной боевой готовности. Каждый спартиат получал из общественного фонда земельный надел без права отчуждения, который бесплатно обрабатывали илоты, а весь урожай шел в собственность спартиата. Полученный в результате этого доход должен был обеспечить существование спартиата и его семьи, дать средства для покупки оружия, доспехов и иного военного снаряжения.

Илоты — потомки земледельческого населения областей Лаконики и Мессении, завоеванных дорийцами. Они были прикреплены к земле и могли покинуть местность, где жили, только по решению государства. Несколько семей илотов должны были бесплатно обрабатывать конкрадел спартиата, но они также работали на земле и для себя, для обеспечения собственного существования. Орудия труда находились в их собственности. Во время военных действий часть илотов призывалась в армию и служила в качестве легковооруженной пехоты. За заслуги перед Спартой государство могло дать илоту вольную, что, впрочем, не превращало его в гражданина. Не будучи гражданам, илоты не участвовали в управлении государством, однако в илотских общинах существовало местное самоуправление.

Периэки также были потомками жителей захваченных дорийцами областей Пелопоннеса. Занимались они торговлей и ремеслом. Периэки платили налоги и несли повинности в пользу государства, в частности, они призывались в армию. Так же, как и илоты, периэки не считались гражданами Спарты, а потому не участвовали в управлении

государством. В то же время в периэкских общинах существовало развитое местное самоуправление.

Легендарным реформатором, давшим Спарте законы (примерно VIII век до н.э.), считается Ликург. Он рассматривал равноправие спартиатов в качестве краеугольного камня полисного самоуправления в Спарте. Гарантию равноправия граждан он видел в сохранении социального равенства спартиатов. По этой причине система государственных органов Спарты несла на себе заметный отпечаток догосударственного самоуправления [5].

В народном собрании (апелле) могли принимать участие все полноправные спартиаты — мужчины не моложе 30 лет. Полномочия апеллы не были четко определены, хотя и считалось, что на ее рассмотрение выносились наиболее важные вопросы: объявление войны и заключение мира, утверждение в должности царей и избрание должностных лиц и другие. Собранию представлялись только те вопросы, которые предварительно были рассмотрены советом старейшин (геруссией). Народное собрание лишь утверждало (либо не утверждало) представленное ему предварительное решение Совета старейшин. самоуправленческих органах Афин были хорошо проработаны и активно применялись процедуры как открытого (путем поднятия рук), так и тайного голосования, то в Спарте результаты народного волеизъявления в апелле определялись на слух — по громкости возгласов — двумя старейшинами (геронтами), находящимися в каком-то закрытом помещении.

В Спарте одновременно правили два царя, принадлежавших к разным династиям. Однако позднее титул второго царя был упразднён, и в государстве установилась единовластная монархия. Цари командовали войском, выполняли некоторые религиозные обязанности. Административные функции цари осуществляли совместно с советом старейшин (в состав которого они входили) и под надзором эфоров.

Эфоры — пять должностных лиц, избираемых на один год из числа полноправных граждан. Коллегия эфоров появилась в Спарте позже других органов примерно в середине VI века до н.э. В компетенцию эфоров входили судебные полномочия по гражданским делам, надзор за всеми другими органами, включая царей, с точки зрения основополагающих законов и традиций. Эфоры вместе с царями играли видную роль в реализации внешнеполитических полномочий. Они были вправе созывать народное собрание. В совет старейшин входили 28 избранных народным собранием пожизненно полноправных граждан Спарты в возрасте не моложе 60 лет и -по должности - оба царя. Геруссия обладала судебными полномочиями по уголовным делам. Старейшины вместе с царями руководили делами спартанской общины [6].

После установления македонского владычества в Греции в 338 году до н.э. полисы утратили былую независимость, хотя сохранили собственную организацию управления и довольно широкую автономию. Во ІІ веке до н.э. римские легионы разгромили Македонию. Но для Греции это означало лишь, что македонское господство сменилось римским. Спустя столетие территория Греции была превращена в провинцию Римского государства. После этого полисная организация власти переросла в городское самоуправление,

просуществовавшее несколько столетий. Таким образом, греческий полис из догосударственной самоуправляющейся общины превратился вначале в государство, а затем — в городское самоуправляющееся сообщество в рамках Римского государства. В Афинах, например, сохранилось большинство существовавших ранее органов. Правда, их функции теперь сводились к решению местных вопросов в городе и его округе. Выборность органов сохранялась, но постепенно складывалось привилегированное сословие, из числа представителей которого только и могли избираться члены городского совета.

Македония и эллинистические государства

Возвышение Македонии началось ещё в V веке до н.э. Однако полностью объединение Верхней и Нижней Македонии завершается лишь при царе Филиппе II, который в 359 г. до н. э. был провозглашен верховным правителем государства. В этот период в Македонии появляется система местного самоуправления. Основным населением страны были свободные земледельцы и пастухи. Жили они небольшими посёлками в каждом из которых имелось местное самоуправление в виде сходов поселенцев, где решения принимались большинством голосов и свой суд на основе обычного права [7]. В городах система самоуправления копировала греческий образец, однако находилась под жёстким царским контролем во избежание возможных волнений, которые с лёгкостью могла организовать местная администрация. Все верховные органы самоуправления (Совет старейшин и т.д.) с укреплением монархии стали сугубо совещательными.

В 338 году, разгромив греческие войска при Херонее, Филипп II провозгласил поход против Персии. Однако в 336 г. до н.э., во время празднеств по случаю свадьбы его дочери, по дороге в театр, он был убит македонским юношей Павсанием. На престол вступил сын Филиппа Александр III Македонский. Его армии огнём и мечом прошли по всей Персидской империи, Египту, Средней Азии, дойдя до Индии. Небольшая Македония за короткий срок превратилась в мировую империю. Однако при возвращении из индийского похода в 323 году до н.э. Александр умер [8]. Следующие 22 года Македонская империя стремительно распадалась в результате кровопролитных войн диадохов – преемников Александра. В итоге этих войн образовалось большое количество эллинистических государств. Самыми известными были: Египет под управлением династии Птолемеев, Империя Селевкидов (Сирия и большая часть империи Александра от Малой Азии до Индии), Македония и греческие полисные федерации (Ахейский союз, Этолийский союз и т.д.).

В этот период начинается новый виток развития местного самоуправления практически во всех государствах. В 279 году до н.э. для защиты от македонской агрессии в Греции создаётся Ахейский союз который внес значительный вклад в развитие системы местного самоуправления [9]. В Ахейском союзе не было центрального полиса-гегемона, как, например, в Пелопоннесском или Делосском союзах. В полисах сохранялись прежние порядки и учреждения. Центром Союза, по крайней мере до 188 г. до н. э., являлся город Эгион. Верховными союзными органами были синклит и синод — собрание членов Союза, в которых могли участвовать все граждане союзных городов, достигшие 30-летнего возраста.

Синод созывался регулярно, два раза в год. На нём происходили выборы должностных лиц и рассматривались текущие дела. Синклит собирался только в экстренных случаях, когда требовалось решать особо важные вопросы. Кроме того, делами союза заведовал союзный совет, о котором упоминания встречаются редко, так что среди историков нет единства мнений о его деятельности, избрании и составе членов [10].

Касаясь непосредственно системы местного самоуправления, следует отменить, что благодаря реформам стратегов Арата (271-213 до н. э.) и Филопемена (253-183 годы до н. э.) она приобрела следующий вид: самоуправляющиеся общины делали взносы в общую казну, размер которой определялся союзным собранием. Сам факт появления общей полисной казны уже является значительным нововведением, так как до этого ничего подобного не организовывалось Отказ от взноса расценивался как попытка отпадения от Союза. Другим обязательством полисов было выставлять определенные контингенты в союзную армию. Кроме того, Союз располагал наемным войском, набор и содержание которого находились в ведении союзного собрания. Единство политической организации Ахейского союза выражалось также в том, что все граждане Союза носили имя ахейцев независимо от происхождения [11]. Система продержалась до 146 года до н.э., когда была отменена стратегом Критолаем, присвоившим себе монархические полномочия. Но отмена местного самоуправления назревала давно, так как на деле демократическое устройство Ахейского союза фактически перестало функционировать, а в условиях возрастающего внешнего напряжения народ испытывал нужду в сильном единовластном правителе внутри государства [12]. Похожую структуру имела и другая могущественная греческая полисная федерация— Этолийский союз, образованный в 322 году до н.э. Однако здесь местное самоуправление находилось под контролем различных аристократических группировок, которые часто использовали формально свободные, а на деле подвластные им общины в своих политических целях, провоцируя нескончаемую череду мятежей и несогласий внутри союза [13]. В итоге такая политика не привела ни к чему хорошему: отвергнув предложение о союзе с Римом и, соединившись с более слабым селевкидским царём Антиохом III, Этолийский союз проиграл в войне и в 189 году до н.э. был вынужден подчиниться римской власти, что положило конец его долгому существованию.

В Спарте в ходе реформ по уравнению всех граждан государства в правах царь Агис IV в 245 году до н.э. предложил новую систему местного самоуправления для спартанских общин, включавшую в себя предоставление им широкой автономии как самостоятельным субъектам государства и чёткой регламентации всех их прав, обязанностей и полномочий. Однако спартанская знать воспротивилась реформам, Агис был обвинён в измене и казнён. Его дело продолжил Клеомен III, в 229 году до н.э. захвативший власть и частично осуществивший реформу Агиса. Но его порядки продержались недолго. Уже в 222 году до н.э. Клеомен был разбит македонским царём Антигоном III и бежал, а все его реформы были отменены, так как македонцы восстановили в Спарте старые законы Ликурга, не предполагавшие развитой системы местного самоуправления. Попытки продолжения реформ Агиса и Клеомена предпринимал присвоивший власть после ухода македонцев тиран

Маханид (212-207 г. до н.э). Но больше всего преуспел другой тиран — Набис (207-192 г. до н.э), при котором все реформы (в том числе и местного самоуправления) приобрели законченный вид. Но нормальное функционирование института местного самоуправления В Спарте было прервано сначала римским вторжением, а затем и неудачной войной с Ахейским союзом. Спартанская армия потерпела полное поражение, Набис был убит, а сам полис лишился своей государственности и всех плодов многолетних реформ.

Однако лучшую организацию местного самоуправления сформировала Империя Селевкидов. Большое значение для этой отрасли имеют указы и законы царя Антиоха III (223-187 г. до н.э). В них подробно регламентируется положение вольных городов, им разрешается иметь свою администрацию и выборные органы управления, и даже вступать в дипломатические отношения. Количество таких городов неуклонно возрастало, так как Селевкиды даровали статус вольного любому городу, сохранявшему определённое время верность центральной власти. Важно отметить появление института третейского суда, когда спор между двумя городами мог в судебном порядке разрешить третий [14]. Система местного самоуправления в целом работала без сбоев, однако постоянно распадающаяся империя Селевкидов не могла поддерживать внутри себя твёрдый порядок и в итоге была захвачена римскими войсками во главе с Гнеем Помпеем в 64 году до н.э, а опыт этой системы частично перешёл в римскую практику.

Литература

- 1. Паневин К. В. История Древней Греции / К.В. Паневин СПб.: Полигон, 1999. с. 335.
- 2. Штоль Г.В. История Древней Греции в биографиях / Г.В. Штоль М.: Русич.— 2003.- с. 234
- 3. Лурье С.Я. История Греции / С. Я. Лурье СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета. 1993. – с. 413.
- 4. Хаммонд Николас. История Древней Греции / Николас Хаммонд М.: Центрполиграф. 2008.— с. 634.
- 5. Кузищин В. И. История Древней Греции / В. И. Кузищин М.: Высшая школа. 1986. с. 214.
- 6. Сергеев В. С. История древней Греции / В. С. Сергеев М.: Издательство восточной литературы. 1963. с. 297.
- 7. Бадак А. Н., Войнич И. Е., Волчек Н. М. Всемирная история: В 24 т. Эллинистический период / А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек Минск, Москва: Харвест, АСТ, 2002. Т. 4.— с. 367.
- 8. Шофман А. С. История античной Македонии / А.С. Шофман Казань: Изд-во Казанского ун-та. 1960. с. 141.
- 9. Егер Оскар. Всемирная история. Том 1. Древний мир / Оскар Егер М.: ACT. 2006.— с. 578.

- 10. Сизов С. К. Ахейский союз / С. К
 Сизов М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1989.— с. 123.
 - 11. Полибий. Всеобщая история / Полибий СПб.: ВО «Наука», 1994. Т. 1.– с. 234.
 - 12. Полибий. Всеобщая история / Полибий СПб: «Наука», 1994. Т. 2.- с. 321.
- 13. Тит Ливий. История Рима от основания города / Тит Ливий М.: Гиганты мысли, 2009.- с. 765.
 - 14. Бикерман Э. Государство / Э. Бикерман М.: Наука. 1985. с. 133.

УДК 321.01

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: МОДЕРНИЗАЦИОНАЯ ПАРАДИГМА CURRENT PROJECTS TRANSFORMATION OF PUBLIC POWER: MODERNIZATION PARADIGM

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ проект №12-33-01274 a2

Мамычев А.Ю., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой государственноправовых дисциплин, Таганрогский государственный педагогический институт имени А.П. Чехова

Mamychev A.J., candidate of law, docent, Head. Department of State and legal, Taganrog State Pedagogical Institute of AP Chekhov

e-mail: mamychev@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируются два доминирующих типа трансформации российской публичной власти и обстоятельно рассматриваются варианты модернизационной парадигмы государственно-правовой организации

Abstract: This article analyzes the two dominant types of transformation of the Russian public authorities and thoroughly discusses options for modernization paradigm of state-legal organization

Ключевые слова: государственная власть, консерватизм, модернизм, система публичной власти, трансформация

Key words: State power, conservatism and modernism, system of public power, the transformation

В современной политико-правовой действительности доминируют два основных проекта трансформации системы российской публичной власти: консервативный и моденизационный. Каждый из них представляет не только систему юридико-политических представлений, идей, образов и символов (идейно-концептуальную платформу развития публичных отношений), комплекс форм и принципов организации государственно-правового процесса, но и специфическую систему властно-правовых практик. Здесь следует пояснить, что процессы трансформации рассматриваются в качестве более широкой категории, чем понятие «модернизация», которая является одним из типов трансформационных процессов. Дело в том, что трансформация трактуется нами как эволюционное, революционное (скачкообразное) или маятниковое развитие политических и юридических институтов, системы властно-правовых отношений.

Причем понятие «модернизация» имеет очевидную социокультурную нагрузку, поскольку опирается на определенный, образеи (образ, модель и т.п.) государственноправовой трансформации, сформированный в определенных конкретно-исторических условиях и преемственно развивающий специфический стиль юридического, политического социокультурного мышления, определенный ТИП государственно-правовой трансформационных рациональности. Другим аналогом процессов выступает консервативная идейно-концептуальная платформа. При этом следует отметить, что в консервативных правовых и политических учениях, доктринах, проектах происходит интеграция традиционных ценностей, символов, верований и т.д. с неизбежными процессами эволюции государственно-правовой организации. В том плане, мягко говоря, некорректно «уличать» консерваторов в негативном отношении к социальным инновациям, проектам реформирования государственно-правовой организации, ко всему новому в целом. Консерватизм, как это в свое время обосновал Л.А. Тихомиров, нацелен вовсе не на застой, а на развитие человеческой организации (публично-правовой, духовно-нравственной, социально-экономической), но на развитие, не отрекающееся от прошлого, а, наоборот, предполагающее и опирающееся на традиционный культурно-исторический опыт. В отличие от фундаментализма и традиционализма, которые исходят из регрессивного движения социального и политического, и ориентированы на восстановление изначальной универсальной (примордиальной) традиции, утраченных форм и моделей общественного взаимодействия, что предполагает негативное отношение ко всяким изменениям, инновациям, трансформациям; консерватизм, напротив, «не требует сохранения традиции неизменной несмотря ни на что, он лишь стремится ввести эти изменения в рамки "естественного развития" самой традиции» [8].

Более того, одной из основных программных положений различных политических и правовых учений являлось консервативная трансформация государственно-правовой жизни общества, направленных на формирование адекватных и органичных культуре публичных институтов власти, форм организаций, отвечающих интересам и ценностям общества. Поэтому словосочетание «консервативная трансформация» феномен ЭТО не постмодернистского дискурса, совмещающего несовместимое, сочетающего противоположности и т.п., а реальная программная установка консервативного политического мышления - консерваторы не пытаются противостоять переменам, они пытаются сделать их управляемыми. Поэтому, «консерваторы видели пути решения проблем, стоящих перед страной, не в радикальной революционной ломке, а в опиравшемся на национальном опыте постепенном эволюционном реформировании системы» [9].

Укажем на их общие (схожие) характеристики, а также на принципиальные различия между эти двумя парадигмами трансформации публично-правовой организации. Итак, *общим*, безусловно, является обоснование необходимости изменений, ориентация на оптимизацию, совершенствование, улучшение форм государственно-правовой организации, поиск адекватных и эффективных средств и механизмов управления, решения социальных задач и проч. В свою очередь, *отличий* на самом деле гораздо больше и они более серьезны и

принципиальны, чем это принято сегодня считать. Здесь следует отметить, что многие исследователи государственной политики, например, считают, что в современном контексте достаточно сложно выделить различия между консервативными и эволюционными модернистскими платформами, что они практически совпадают в своих идеях, представлениях и схожи в программных положениях. Неслучайно, в современных текстах модернизм рассматривается авторами как более широкое понятие для отражения трансформационных процессов в политико-правовой организации. При этом выделяют различные модели модернизации - консервативная, эволюционная, радикальная и т.п., что существенно искажает смысл и содержание указанных идеологических платформ [4]. Конечно, настоящее время существуют так называемые постмодернистские идеологические платформы, которые сочетают не сочетаемое, а в идеологических построениях используют идеи, принципы и программы совершено разных идеологий. Тем не менее, считаем такой подход неоправданным как с теоретико-методологической, так и с практической точек зрения.

Итак, к различиям обобщено говоря можно отнести следующее:

- во-первых, оппозиция консервативных и модернистских платформ обусловлена разностью трактовки социальных оснований политического и правового порядков. Первая исходит из того, что общество выстраивается на основании определённых целостных структур, в нем доминируют конкретные целостные социальные системы, обеспечивающие политико-правовое единство, общественную целостность, социокультурную идентичность и т.п. В то время как вторая платформа (берущая свое основание в либеральнодемократической парадигме политико-экономического мышления), напротив, в качестве основ общественного порядка видит индивидуализированные воли субъектов, а не тотальные социокультурные суперсистемы: «ценности модерна особые, - справедливо по этому поводу замечает А.Г. Глинчикова, – это иенности индивидуализированного общества, т.е. главной ценностью модерна является индивидуальность, неповторимость, аутентичность и самостоятельность общественного и личного выбора. Общество модерна не просто состоит из личностей, оно ведет себя как личность в политике, экономике, культуре (курсив мой – Причем эти формы целостности и единства рассматриваются в качестве форм «подавления личности», «авторитарных форм консолидации», «тоталитаристских средств» закрепощения гражданской активности и практик развития гражданских институций.

Поэтому, с точки зрения консервативной платформы без той иной целостности нет власти, а есть неограниченный ни какими социокультурными, духовными, нравственными, государственными, правовыми и иными рамками произвол и насилие. Напротив, вторая платформа обосновывает необходимость освобождения от тотальной власти традиционных целостностей, давления каких-либо социальных суперсистем, «выступает против концепции самостоятельного существования надындивидуальных сущностей вроде общества, государства и т.п. ... приемлет общество только как мирное сосуществование находящихся в

отношениях взаимовыгодного обмена индивидов, а государство готово терпеть в качестве "ночного сторожа" или слуги такового общества» [8];

- во-вторых, противоречия межу эти двумя идеологическими платформами и соответственно стратегиями развития системы публичной власти связано с соотношением традиций и инноваций. Для консервативной платформы характерно жесткая связь между государственной политикой и историческими закономерностями развития общественной системы, доминирующими традициями и инновациями. Например, С. Эйзенштадт утверждал, что инновации и традиции не противостоят друг другу, а, напротив, в правильном сочетании приводят к стабильному и органичному развитию общества, политической системы и т.п. Он доказывал, что характер изменений в любом обществе не произволен, он задан традицией изнутри, в каждом обществе имеют место «реальные и символические события прошлого, порядок и образы которого являются ядром коллективной идентичности, определением меры и природы его социальных и культурных изменений. Традиция в таком обществе служит не только символом непрерывности, но и определением пределов инноваций и главным критерием их законности, а также критерием социальной активности (выделено мной – А.М.)» [11].

Следовательно, консервативная идеологическая платформа опирается на традицию и полагает, что традиционно существующие человеческие общности (общества) имеют самостоятельное бытие, свои основания рациональности и первичны по отношению к индивиду данного общества. В свою очередь модернистский вектор трансформации государственно-правовой организации (шире всей общественной системы) базируется, напротив, на индивидуалистической парадигме политического и правового. Именно в этом и состоит сущность модернизации (читай приобщения к модернити, современности) и главный пафос прогресса — «здесь критерием выступает настоящее (modernity — настоящее, современное, прогрессивное — А.М.), с помощью которого выносится оценка прошлому как несовершенному, подготовительному, черновому, эскизному варианту» [5].

Рассмотрим более обстоятельно модернистский «стиль» политико-правового платформы мышления, формирующий специфические идейно-концептуальные рациональные стратегии развития публичной власти применительно к российской государственности. Проект политической модернизации можно в целом охарактеризовать в качестве идейно-политической программы формирования, развития и распространение либерально-демократических современных идей, представлений, политических юридических институтов и практик, а также соответствующей им правовой культуры социально-правовому (имеющей тенденцию К универсализму стандартизации политической мыследеятельности) [7]. Именно в XX веке моденизационный проект, после крушения альтернативных идеологических политических программ (коммунизма, фашизма) рассматривается в качестве единственно возможной идеологии и практики политикоправовой универсализации и социально-культурной типизации. Данный проект определения и навязывания единых для всех обществ принципов организации и практик реализации публичной власти «сводится к предписанию повсеместного установления

единственной формы политического строя, независимо от культурных традиций и образов жизни его субъектов. То, что политические режимы признаны служить средствами сохранения сложившихся образов жизни, и то, что формы правления могут вполне правомерно различаться в соответствии с культурами народов, которым они служат, - это утверждение, отвергаемая всеми либералами, как новыми, так и прежними» [3].

При этом механизм модернизационной трансформации в иных культурах базируется на заимствовании конкретных образцов, идей, принципов, практик и т.п., которая может быть реализована в сочетании трех основных программ [6]:

- во-первых, это гармоничная (системная) имитация общих форм политико-правовой социально-культурной организации, сопровождающееся сменой не И только организации, политической институционально-властной но И мыследеятельностью субъектов. Данный вариант заимствований является наиболее сложным и системным проектом модернизации, основанный на радикальной смене форм стилей, практик и социально-политической жизнедеятельности, предполагающий формирование качественного состояния общественной системы, становлению новых политико-правовых традиций, верований, ритуалов и собственно «нового политического субъекта»;
- во-вторых, это *механическая имитация*, которая по справедливой оценке М.В. Ильина, дает наиболее быстрый эффект и ощутимые результаты, направленная на перенос и адаптацию алгоритмов, при котором копируются государственно-правовые процессы, т.е. механика политической, юридической и социально-культурной жизни (процедуры, средства, приемы и способы, используемые в организации и осуществлении публичной власти);
- в-третьих, это имитация результата или формы, данный вид имитации (или точнее институциональной симуляции) характерен ДЛЯ многих государственно-правовых пространств переходного типа. Развитие данного вида имитационной модернизации основные причины: с одной подталкивают две стороны, симуляция связана с политических распространением стандартов И процессов правовой унификации (посредством которых международным сообществом легитимируется та или иная политическая и правовая системы); а с другой – транзитивными процессами (как правило, перехода институционально-властной организации от авторитарных к демократическим формам и режима властвования). В большинстве эту технологию политической имитации форм и результатов используют либо авторитарные политические системы, камуфлирующие практики «изначального определения» ключевых властных позиций (например, несвободный и несоревновательный характер выборов, камуфлируется под демократический процесс волеизъявления народа), либо конвергационные политические системы, сочетающие демократические институты и процедуры с административными рычагами реализации публичной власти и неформального властного давления.

По мнению известного политолога Д.Е. Фурмана на постсоветском пространстве закономерно сложились и достаточно успешно воспроизводятся авторитарные имитационные демократические политические системы (Россия, Белоруссия, Туркменистан,

Таджикистан, Грузия, Казахстан и др.). В которых для легитимации власти осуществляется «ритуализация» избирательной системы и поддерживаются иллюзии всенародных выборов. В целом этим имитационно-демократическим системам «для стабильности необходимо поддержание некоторого уровня плюрализма и "демократичности", сохранение "фасада"». В этих системах, с одной стороны, повышается влияние на политику, экономику и проч. спецслужб, а, с другой происходит уменьшение формально-правого пространства властных практик, что активизирует и расширяет внеправовую деятельность государственной власти: «в имитационно-демократической системе управление не может осуществляться в соответствии с формальными правовыми нормами. Обеспечить безальтернативность власти можно, лишь нарушая или обходя эти нормы, действуя где-то на гране законного и незаконного (формируя так называемые «плавающие рамки законности», или развитие феномена «ситуативной законностии» во властной деятельности и «индикативный характер правовой активности», законности по индикаторам или «статистическая законность» — А.М.) или вообще за пределами закона (формирование неправового пространства властной деятельности — А.М.)» [10].

Однако при всем при этом проект модернистской трансформации государственноправовой организации, как нелинейный, многоэтапный и неоднозначный процесс, можно условно классифицировать на три различные идеологические платформы. Выделение таковых идеологических платформ основано на различных вариантах осуществления самой модернизации публично-правовых систем власти, соотношении социокультурной среды, ценностей, традиций с модернизационной идеологией, а также национального политикоправового опыта с инновациями.

модернизация» предполагает кардинальное «Органичная (повсеместная) переустройство всех сфер жизнедеятельности общества (политической, правовой, экономической, духовно-нравственной И иной) под универсальный либеральнодемократический стандарт. В этом варианте обосновывается необходимость «расчистить» социально-политическое и духовно-культурное пространство России для принятия общественным сознанием ценностей тех культур, которые продемонстрировали свою «успешность», «эффективность» в решении социально-экономических и иных задач (заметим, что критерии успешности всегда так или иначе связаны с утилитаристскими характеристиками и институциональной стабильностью, т.е. по сути формальными). Трансформационный вектор в данном случае направлен на копирование западноевропейского образца социальной, политической, правовой и экономической организации. В контексте данного трансформационного проекта всякая традиционная идентичность граждан, национальная система ценностей, аксиомы политического и правового сознания, доминанты развития политической культуры общества нивелируются и замещаются теоретически сформулированными либерально-демократическими идеалами, интерпретируемыми в качестве универсальных, общечеловеческих, прогрессивных, единственно приемлемых и т.п.

Причем следует отметить, что данный вариант обновления государственно-правовой организации направлен не просто на восприятие определенного набора эффективных принципов, средств и институтов, но, прежде всего, на формирование *целостного образа жизни*, противостоящий и замещающий весь исторически сложившийся национальный образ жизнедеятельности, поскольку последний содержит комплекс социально-правовых принципов, предписывающих лучший политический, экономический, духовный строй и наилучшие, эффективные институты.

«Эволюционная (совместимая) модернизация» в отличие от предшествующего проекта направлена на обновление государственно-правовой организации с учетом национально-культурной среды, в которой реализуются инновационные процессы. Другими словами вектор трансформации сохраняется, это формирование демократической политической системы, правового государства, либерализации публично-правового взаимодействия с приоритетом прав и свобод человека, однако, сам процесс таковых изменений осуществляется эволюционно, с учетом национально-культурных особенностей. Причем главный упор в подобной трансформации делается не на одновременное (сейчас и все сразу) кардинальное (системное) изменение всех сфер жизнедеятельности общества, а на поэтапное установление демократических процедур и режимов, прежде всего, в публично-правовое взаимодействие между личностью, обществом и государством.

Здесь главной проблемой модернизации становится не полное копирование западноевропейских политических институтов и режимов их функционирования, а поиск сочетающего модернизацию c уважением направления развития, разнообразных естественных (для определенной общественной системы) форм, обеспечивающих традиционно социальную консолидацию и устойчивость общества. При этом «уважением» пользуются не все традиционные культурные формы, а лишь те из них, которые не противоречат (и) или усиливают развитие демократических тенденций в обществе, обеспечивают совместимость национально-культурного уклада и быта с демократическими принципами гражданского устройства. В этом варианте признается, что «отказ от национальной культуры всегда ведет к деморализации общества, к чувству национальной неполноценности, которые в конечном итоге и делают общество неспособным к отстаиванию своих социальных, экономических и политических интересов... Поэтому отказ от любой национальной культуры есть отказ от шанса на модернизацию, т.е. на формирование активного гражданского общества, способного за себя постоять (курсив мой - A.M.)» [2].

«Фрагментарная (технологическая) модернизация» связана с обоснованием необходимости трансформации публично-правовой организации общества, восприятию эффективных модернизационных ценностей и демократических политических. Однако ценности модернизации здесь воспринимаются фрагментарно, выборочно, а к технологиям, формам и режимам, которые за собой несет моденизационный вектор преобразований относятся как к инструментальным (а не ценностно-нормативным) новациям. В отличие от предшествующих проектов модернизации государственно-правовой организации общества,

которые ориентированы на радикальную либо эволюционную (поэтапную) смену парадигм социально-политической организации, политической культуры и юридического мышления (т.е. чтобы сделать «рывок в будущее», перейти в современность, «чтобы "перепрыгнуть" саму себя, нация должна перестать быть самой собой, должна изменить собственную идентичность» [1], собственную стиль традиционного политического и юридического мышления и ценностно-нормативные основы культуры); данный вариант связывает развитие с рекомбинацией, инструментальными новациями, перестановкой и реорганизацией действующих публично-правовых институтов. В свою очередь фрагментарная модернизации проводит как к эффектам внешней, «поверхностной модернизации», так и эффекту «колпака Броделя».

Первый случай институциональных эффектов, порождаемых фрагментарной модернизацией, описывает внешнее воздействие процессов инноваций на системную организацию системы государственной власти. Следствием такого воздействия является имитационное переустройство и внешняя реорганизация публично-правовых институтов по политическим стандартам современных высокоразвитых и эффективных демократических систем, при этом реальные режимы взаимодействия между этими институтами, практика осуществления власти и сохранения ключевых властных позиций, а также технологии формирования обоснования политической повестки ДНЯ остаются неизменными, воспроизводятся в системе властно-правового взаимодействия общества и государства.

Второй случай описывает те институционально-властные эффекты, порождаемые фрагментарной модернизацией, при которых формируются несколько властно-управленческих центров, «которые, вроде бы живут по-западному, там работают транснациональные компании, действуют юристы, есть признаки процветания; и есть вся остальная страна, которая живет на неформальных социальных контрактах, поддерживаемых криминальными способами, причем разными от региона к региону» [1].

При этом данная модель модернизации можно условно подразделить на авторитарную модернизацию и инструментально-техническую. И первая и вторая модели обновления политико-правовой организации предполагают ведущую роль в модернизационных процессах институтов государственной власти, которая использую свою административно-правовую, политическую, организационную и материальную мощь при преобразовании общественной жизнедеятельности.

рамках авторитарной модели модернизации осуществление процессов преобразования, Красильщиков, как справедливо пишет В. правящая элита, обновлении заинтересованная В государственно-правовой организации, фактически себя противопоставляет обществу, сложившимся институтам, его практикам взаимодействия, воспроизводящимся традициям, обычаям, социальным ценностям и проч. Поэтому, политический режим, инициировавший процесс модернизации предпочтениям большинства, не может не быть не авторитарным в своей правовой политике. При этом «модернизатторский авторитаризм, стимулируя масштабные капиталовложения (и даже принуждая к ним) развитии промышленности и инфраструктуры, в образование и науку, устанавливал жесткую дисциплину не только для низов, ограничивая или запрещая забастовки, регулируя заработную плату... Он существенно и жестко ограничивал также аппетиты верхов». В тоже время, насколько не был бы жесткой модель авторитарной модернизации, тем не менее, она «закладывает предпосылки для отхода от политического авторитаризма» [4].

В свою очередь модель инструментально-технической модернизации также признает обновления государственно-правовой организации перед современности. Причем потребность в модернизации вынуждает развивающиеся страны заимствовать современные институты, но эти институциональные заимствования протекают под знаком их «технической» интерпретации, институты воспринимаются как технические приспособления, призванные обеспечить индустриальное, политическое, информационное и другое инновационное развитие. В основном такая модель модернизации реализуема в тех социально-культурных условиях, где политические, правовые и экономические институты не наделяются самоценностью, а являются инструментальными по отношению к более высоким духовно-нравственным ценностям и целям развития общества. Например, контексте отечественной политической И правокультурной государственно-правовые институты И учреждения не имели самоценного самодостаточного статуса (это относится, прежде всего, к управительным властям исполнительной, судебной, законодательной, а не к верховной власти), как это можно наблюдать в западной политико-правовой традиции (где происходит фетишизация политической и правовой систем), а по большому счету были ценностями вторичными, прикладными, обеспечивали реализацию в социальной действительности ценностей первичного характера, таких как: социальная справедливость, правда, гармоничность, духовная и нравственная свобода и т.п. При этом эффективность и легитимность политической и правовой систем обусловливалась верой в правду, в социальную справедливость, т.к. уважение к правде значило намного больше, чем разумные законы и рационально организованные юридические и политические институты.

В свою очередь, консерватизм как стиль политического и правового сознания представляет собой специфические мыследеятельностные структуры, отражающие способ познания и оценки существующей политико-правовой действительности, а также публично-правовую практику, направленную на охранение традиционного государственно-правового опыта, рационализацию и репрезентацию устойчивых иррациональных (метаюридических, этнополитических, правокультурных, архетипических и т.п.) доминант национальной культуры, их охранения и воспроизводства в публичной организации.

В меняющейся политико-правовой реальности консервативный стиль мыследеятельности (несмотря на различные нюансы, программные положения, идеологические предпочтения и т.п.) ориентирован на устойчивость и преемственность, сохранении форм организаций обеспечивающих единство и целостность, солидарность и

справедливость. Причем последние выступают в качестве типоформирующих признаков консервативного типа политического мышления, характерных ДЛЯ различных консервативных учений, доктрин, идеологических платформ. В свою очередь, содержание консервативного мышления может меняться в зависимости от конкретно-исторических условий, возникающих проблем и т.п. Консервативная стратегия ориентируется на обусловленность этнополитическую правокультурную социально-правового взаимодействия граждан, формирования и развития политической организации, правовой упорядоченности и т.д. При этом предполагается, что именно из этих оснований (социальнокультурных кодов) граждане из поколения в поколения черпают свою идентичность, определенный порядок взаимоотношений. Ограниченность объема статьи не позволяет более обстоятельно рассмотреть консервативные идейно-концептуальные платформы трансформации публично-правовой организации власти в России. В заключении отметим, что в российской государственности, с нашей точки зрения, доминируют пять основных идейно-консервативных платформ: традиционалистическая, «обновленная» евразийская (неоевразийская), модернистская консервативная и постмодернистская идеологии, а также проект консервативной революции (радикальной трансформации).

Литература:

- 1. *Аузан А.А.* «Колея» российской модернизации // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 50, 55.
- 2. Γ линчикова A. Γ . Модернизация, традиция и эволюция частного интереса // Политикофилософский ежегодник. Вып. 4. М., 2011. С. 164, 171.
- 3. *Грей Д*. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М., 2003. С. 273 – 274.
- 4. Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Центр исследований постиндустриального общества. М.: Издательство «Европа», 2010. С. 222 224.
- 5. *Дугин А.Г.* Философия политики. М., 2004. С. 49.
- 6. Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. М., 1995.
- 7. Мамычев А.Ю. Что такое демократия: постановка вопроса // Философия права. 2010. № 2.
- 8. *Никитаев В*. Повестка дня для России: власть, политика, демократия // Логос. 2005. № 5 (50). С. 53.
- 9. Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 9 10.
- 10. *Фурман Д.Е.* Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М., 2010. С. 136.
- 11. Eisenstadt S.N. Tradition, Change, and modernity. N.Y., Sydney, Toronto, 1973. P. 51 52.

УДК 342.3

ФЕДЕРАТИВНЫЕ ЧЕРТЫ В СОВРЕМЕННЫХ МОНАРХИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВАХ FEDERATED TRAITS IN CONTEMPORARY MONARCHICAL STATES

Агаян В.А., аспирант, Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса

Aghayan V.A., postgtaduate, South-Russian State University of Economics and service e-mail: violletta94@mail.ru

Аннотация: Рассмотрено развитие федерализма в монархиях, его плюсы и минусы для современных стран.

Annotation: The development of federalism in monarchies, the advantages and disadventages for modern countries.

Ключевые слова: федерализм, монархия, форма правления, форма государственного устройства.

Key words: federalism, monarchy, form of governing, form of state order.

Монархия — форма правления, где высшая государственная власть принадлежит монарху, который занимает престол по наследству и не несет ответственности перед населением.

Федерация – сложное союзное государство, субъекты которого обладают признаками государственности.

Признаки федеративного государства: [1]

- предметы ведения и полномочия разделены между государством в целом и его составными частями;
- система органов государственной власти, в соответствии с которой отдельно существуют федеральные органы и органы субъектов федерации;
- система законодательства (конституция и законы существуют как на уровне федерации, так и на уровне каждого субъекта);
 - установление отдельного гражданства в субъектах внутри федерации.

В современном мире существует такое правовое явление как федеративные черты в монархии, которое является сложной правовой категорией. Существует представление, что монархия и федерация друг с другом плохо уживаются. Имеющиеся сегодня примеры монархических федераций (в Австралии, Бельгии, Канаде, Малайзии, ОАЭ и Папуа - Новой Гвинее) доказывают, что это не так. Монархическая федерация - реальное, но довольно сложное явление.

Теоретически термин «федерация» акцентирует внимание на структурной, прежде всего организационной, стороне государства, как состоящего из «соединенных» частей. В своей основе это понятие отражает не столько динамику, процессы, сколько статику, в том числе сложившуюся систему отношений. [2]

Современный федерализм выполняет две важнейшие функции: децентрализует власть посредством ее разделения по вертикали и интегрирует территориальные сообщества. Выполняя эти функции, федерализм предоставляет социально-культурную и политическую автономию территориальным частям государства.

Вообще федерализм может в перспективе оказаться одной из оптимальных форм сочетания тенденций интеграции и децентрализации в современном мире, упрочнения целостности мира при сохранении суверенности наций. Д. Элейзер, несомненно, прав, констатируя, что концепция федерализма, обосновывающая образец должного политического порядка, по своей нормативной силе близка теории естественного права.

Для правильного понимания федерализма и принципов федеративного государства необходимо рассматривать вопрос о соотношении и взаимосвязи федерализма и политической демократии. Именно процессы либерализации и демократизации в монархиях способствовали как появлению новых концепций федерализма, так и становлению новых федеративных государств. Поэтому нельзя не согласиться с И. Духачеком, который отмечал, что федерализм - это «территориальное выражение внутреннего кредо демократии».

Современное применение системного подхода переключило акценты на систему связей и отношений. Согласно этому подходу «федеративное государство представляет собой нечто большее, чем сумма составляющих его компонентов». [3]

На наш взгляд, исключая признаки, которые не относятся к монархии, можно было бы в самом общем виде охарактеризовать современное федеративное монархическое государство как союзную государственно-территориальную организацию, состоящую из государств или государственных образований, опирающуюся на принцип согласия, основанную одновременно на целостности государственной власти и ее вертикальном разделении между федерацией и ее членами при верховенстве федерации. [4]

Исторически монархические федерации возникали двумя способами: договорным и конституционным.

При договорном способе самостоятельные монархические государства объединялись в федерацию, заключив между собой договор об объединении. Так, ОАЭ были образованы в 1971 г. путем соглашения между семью эмиратами, на территории которых существовал родоплеменной строй, где глава общины получал свою должность по наследству и обладал неограниченными полномочиями. [5]

Конституционные федерации при монархической форме правления создавались на основе конституции или иного конституционного документа, в котором центральная власть признает федеративное устройство и автономию отдельных территорий. Так, Конституция Бельгии 1831 г. закрепляла унитарную форму государственного устройств. Между тем в

дальнейшем конституционном развитии этой страны возникли проблемы, обусловленные тем, что население этой страны неоднородно. Радикальная реформа государственной системы Бельгии вызывает на данном этапе неоднозначные оценки в бельгийском обществе. [6]

Роль и значение федерализма при монархии определяются прежде всего тем, что эта форма политико-территориального устройства в условиях современной монархии позволяет, с одной стороны, обеспечить ее единство и целостность, а с другой - удовлетворить потребности ее внутренних территориальных единиц в создании собственных государств или государственных образований в рамках исторической формы правления. Разделение государственной власти по вертикали и предоставление достаточной самостоятельности составным частям монархического государства являются важной предпосылкой практического осуществления демократии, ибо при прочих равных условиях это серьезно приближает органы власти монархии к массам, существенно расширяет возможности их активного участия в этой власти, защиты и реализации прав и свобод личности. Развитие некоторых современных монархий из унитарных территориальных образований в федерации очень специфично.

Основыми критериями, определеяющими федеративное устройство современных монархий являются:

- децентрализация власти посредством ее разделения по вертикали и интеграция территориальных сообществ в механизм государственного правления,
- федеральные органы власти могут законодательно отграничить самостоятельные вопросы ведения субъектов федерации, наделяя их определенными полномочиями,
- предоставление социально-культурной и политической автономии территориальным частям государства,
- субъекты федерации могут самостоятельно принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос нуждающийся в законодательном регулировании,

Факторами, противоречащими идее о федеративном устройстве монархий являются:

- федерация в процессе осуществления своих полномочия может принять решение в ущерб интересов субъектов, минуя мнение государственных органов субъектов,
- субъекты монархий не имеют права самостоятельного выхода из федерации, а при попытке выхода из состава федерации незамедлительно применяются насильственные методы,
- отдельные части федерации не обладают правом решения всех вопросов, касающихся функционирования органов государственной власти субъектов,
- вследствие безответственности субъектов федеративных отношений (т.е. монархий в составе федерации) сохранение федерации при монархической форме правления препятствует становлению демократических ценностей и, следовательно, это чревато разрушением монархии.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод о том, что федеративные черты государственного устройства в монархической форме правления имеют как плюсы, так и минусы. Ряд факторов говорят о том, что федеративные черты присущи монархии, а ряд других положений противоречат этой точке зрения. Следовательно, понятие федерализма в монархии является сложной правовой конструкцией и требует дальнейшего теоретического исследования.

Литература

- 1. Липень С.В. Теория государства и права. Учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2004. 528с.
- 2. Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М., 2000. 241 с.
- 3. Elazar D.J. Exploring Federalism. // Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1987. P. 2 3.
- 4. Основы теории и практики федерализма. Институт европейской политики Католического университета г. Лейвена. М., 1999. С. 10.
- 5. Егорин А.З., Исаев В.А. Объединенные Арабские Эмираты. М., 1997. 341 с.
- 6. Савицкий П.И. Становление бельгийской федерации // Правоведение. 1995. № 4 5. С. 56.

УДК 351.741

РЕФОРМА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ REFORM OF MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

Арутюнян А.Д., аспирант, Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса

Arutyunyan A.D., postgraduate, South-Russian state university of economics and service e-mal: wow girl@inbox.ru

Аннотация: реформирование органов внутренних дел, создание нового правоохранительного органа полиции.

Annotation: The reform of interiors, creation of new law-enforcement bodies: police.

Ключевые слова : реформа, министерство внутренних дел, полиция, милиция. Key words: reform, ministry of Internal affairs, police, militia.

Закон о полиции - без преувеличения эпохальное событие в развитии не только полицейского законодательства, но и всей правовой системы России. Он имеет основополагающее значение для организации практической работы по защите прав и свобод граждан, противодействию преступности, охране собственности, обеспечению общественного порядка и безопасности в стране, отвечая на вопрос, кто это будет делать, на каких принципах, какими методами и при каких условиях. С принятием Закона о полиции завершилась эпоха милицейского законодательства, основанного на тотальном контроле за обществом, сформировавшемся еще в советский период. [1]

Основная задача реформы - вывести систему МВД России на новый качественный рубеж развития. Функционально и организационно она должна обеспечивать удовлетворение потребностей общества в надежной защите прав и свобод граждан, эффективно противодействовать преступности, обеспечивать порядок на улицах и в других общественных местах.

Реформа призвана, также решить наиболее острые социальные проблемы органов внутренних дел, в том числе существенно увеличить уровень заработной платы и пенсий сотрудников. Тем самым будет заложена необходимая основа для формирования стабильных, психологически и нравственно устойчивых, высокопрофессиональных полицейских коллективов.

Закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. «О милиции» (далее - Закон о милиции), на смену которому пришел Закон о полиции, хотя и является продуктом российской эпохи, но лишь самого первоначального ее этапа. В нем были заложены многие

принципы и нормы, обслуживавшие еще советскую модель государственно-правовой охраны правопорядка. [2]

Важнейшей причиной разработки Закона о полиции, безусловно, явились изменения в правовой жизни общества. На базе новой Конституции Российской Федерации осуществляется активный процесс обновления различных отраслей законодательства. Некоторые статусные законы уже переизданы, причем не по одному разу.

Актуальность издания Закона о полиции обусловлена также потребностью в повышении уровня правового регулирования деятельности милиции. К сожалению, подзаконный материал все еще занимает доминирующее место в правовой основе ее работы. Закон о полиции в известной мере решил названную задачу: во-первых, за счет придания законодательного характера целому ряду подзаконных норм; во-вторых, за счет увеличения числа предписаний, в которых отсылка делается на действующий закон, а не на законодательство Российской Федерации в целом, что было присуще Закону о милиции.

В Законе о полиции использован в адаптированном виде положительный опыт зарубежных стран в области строительства полицейских институтов. Сделан очередной шаг на пути сближения с международно-правовыми стандартами полицейской деятельности. Учтены нормы и рекомендации, содержащиеся во многих международных документах, в числе которых Декларация о полиции, Всеобщие стандарты борьбы с коррупцией в полицейских ведомствах и органах, Европейский кодекс полицейской этики, Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, Международный кодекс поведения государственных должностных лиц, Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, Конвенция о защите физических лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера, Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию и ряд других.

Важно также отметить, что Закон о полиции сохраняет положения Закона о милиции, которые прошли проверку временем и подтверждены решениями Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского суда по правам человека. Это касается, например, норм о применении полицией силы, об отдельных ее обязанностях и правомочиях.

Новый Закон ,по сравнению с Законом о милиции отличают более совершенная юридическая техника, строгий понятийный аппарат и определенность юридических формулировок. Закон является удобным в пользовании за счет его комплексности и более совершенной юридической техники. В нем содержатся исчерпывающий перечень обязанностей и развернутый набор прав полиции, «извлеченных» в том числе из подзаконного материала. Заметно уменьшилось число отсылок к подзаконным актам. Формулировки норм стали более внятными и определенными. Все это имеет позитивное значение не только для личного состава полиции, но и для граждан, в отношении которых будут, как хочется надеяться, исключены возможные злоупотребления, допускаемые из-за нечеткости нормативного правового материала и сложности пользования им.

Федеральный закон «О полиции» - это самый «полновесный» юридический документ среди статусных законов. Он содержит 56 статей, объединенных в 11 глав. Новым в

архитектонике Закона является выделение трех глав - главы 2 «Принципы деятельности полиции», главы 4 «Применение полицией отдельных мер государственного принуждения» и главы 6 «Правовое положение сотрудника полиции».

Резюмируя все вышесказанное можно сказать, что «милиция» было не просто переименована в «полицию», а изменилось само назначение органов, были оптимизированы их функции, ужесточились требования к работникам органов внутренних дел, как мера улучшающая работу правоохранительной системы общества. Каким образом это произошло мы рассмотрим подробнее в следующих главах.

Полиция, в первую очередь, предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства (далее также - граждане; лица), для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности.

Полиция также незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств.

Полиция обязана в пределах своих полномочий оказывать содействие федеральным органам государственной власти, органам государственной власти субъектов Российской Федерации, иным государственным органам, органам местного самоуправления, иным муниципальным органам, общественным объединениям, а также организациям независимо от форм собственности (далее - организации), должностным лицам этих органов и организаций (далее - должностные лица) в защите их прав.

Милиция в Российской Федерации - система государственных органов исполнительной власти, призванных защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, собственность, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств и наделенных правом применения мер принуждения в пределах, установленных настоящим Законом и другими федеральными законами. [3]

Закон Российской Федерации «О милиции» был принят 18 апреля 1991 года и введен в действие Постановлением ВС РСФСР от 18 апреля 1991 г. № 1027-1 «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О милиции». Данное Постановление, помимо момента вступления в силу Закона о милиции, также возлагало обязанности на различные государственные органы:

Закон о милиции - нормативно-правовой акт, занимающий третью ступень в иерархической лестнице правовых актов России (после Конституции РФ и федеральных конституционных законов). Данный документ имеет исторический оттенок, поскольку был принят до распада СССР и до принятия Конституции Российской Федерации 1993 г., в силу чего в названии вида комментируемого нормативного акта отсутствует слово «федеральный». В системе российского законодательства подобных документов осталось не так много.

Закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции», на смену которому пришел Закон о полиции, хотя и является продуктом российской эпохи, но лишь

самого первоначального ее этапа. В нем были заложены многие принципы и нормы, обслуживавшие еще советскую модель государственно-правовой охраны правопорядка.

Полиция, в первую очередь, предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности.

Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ - это самый «полновесный» юридический документ среди статусных законов. Он содержит 56 статей, объединенных в 11 глав. Новым в архитектонике Закона является выделение трех глав - главы 2 «Принципы деятельности полиции», главы 4 «Применение полицией отдельных мер государственного принуждения» и главы 6 «Правовое положение сотрудника полиции».

Наиглавнейшей причиной разработки Закона «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ, безусловно, явились изменения в правовой жизни общества. На базе новой Конституции Российской Федерации осуществляется активный процесс обновления различных отраслей законодательства. Некоторые статусные законы уже переизданы, причем не по одному разу. [4]

Новый Закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ по сравнению с Законом «О милиции» отличают более совершенная юридическая техника, строгий понятийный аппарат и определенность юридических формулировок. Закон является удобным в пользовании за счет его комплексности и более совершенной юридической техники. В нем содержатся исчерпывающий перечень обязанностей и развернутый набор прав полиции, «извлеченных» в том числе из подзаконного материала. Заметно уменьшилось число отсылок к подзаконным актам. Формулировки норм стали более понятными и определенными. Все это имеет позитивное значение не только для личного состава полиции, но и для граждан, в отношении которых будут, как хочется надеяться, исключены возможные злоупотребления, допускаемые из-за нечеткости нормативного правового материала и сложности пользования им.

Литература.

- 1. Цуциев М.А. Триллион для МВД // Бюджет. 2011. № 12. С. 10 12.
- 2. Закон РФ от 18.04.1991 № 1026-1 (ред. от 27.07.2010) «О милиции» // «Ведомости СНД и ВС РСФСР», 18.04.1991, № 16, ст. 503.
- 3. Степин В.С., Семигин Г.Ю. Философская энциклопедия. Т. 3. М.: Мысль, 2001. 684 с.
- 4. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 06.12.2011) «О полиции» // «Российская газета», № 25, 08.02.2011.

УДК 348

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПО БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ПРОЯВЛЕНИЯМИ ЖЕСТОКОСТИ И НАСИЛИЯ СРЕДИ МОЛОДЁЖИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ ENHANCING THE WORK ON ENDING GANG AND YOUTH VIOLENCE IN THE UNITED KINGDOM

Бакаева Е.К., филиал Федерального государственного казенного учреждения «Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России» по Северо-Кавказскому федеральному округу, научный сотрудник, майор полиции

Bakaeva E.K., Stavropol, Federal State—Owned Institution "Russian National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation" (Branch for North Caucasus Federal District) Researcher, major of the police

e-mail: konstanta.elle@mail.ru

Аннотация: Рассмотрены основные мероприятия, проводимые в рамках реформирования системы по борьбе с насильственной и организованной преступностью среди молодёжи в Великобритании.

Annotation: Key measures of the reforms on tackling gang and youth violence in the UK.

Ключевые слова: Великобритания, борьба с организованной преступностью, насильственная преступность среди молодёжи, превенция, сотрудничество

Key words: United Kingdom, tackling gang crime, youth violence, prevention, partnership working

Массовые беспорядки в августе 2011 года на улицах Северного Лондона, обнажили ряд проблем британского сообщества, чем вызвали серьезную обеспокоенность правительства страны. Случившиеся беспорядки, по словам премьер-министра Д. Камерона, стали "моментом истины" для Великобритании, которая должна взглянуть в глаза глубинных причин неблагополучия отдельных слоев своего общества [1].

Глава Минюста страны К. Кларк отметил, в частности, недостаточно эффективную работу британской исправительной системы и, как следствие, необходимость ее экстренного реформирования, чтобы исключить возможность повторных нарушений закона, акцентировав внимание на том, что три четверти совершеннолетних, задержанных за участие в беспорядках, ранее уже привлекались к ответственности [2].

Министром внутренних дел, в свою очередь, отмечена необходимость более глубокого анализа природы этого вида преступности и ее масштабов, а также пересмотра работы в отношении несовершеннолетних по направлениям:

- поддержки и оказания помощи на территориальном уровне в борьбе с проявлениями жестокости и насилия, а также организованной преступностью среди молодёжи, прежде всего, в проблемных районах;
- предупреждения участия молодежи в совершении, главным образом, насильственных преступлений с акцентом на раннее вмешательство и превенцию;
- усиления борьбы с данным видом преступности, в частности, поиска эффективных путей отказа молодежи от преступной деятельности, уход от влияния культуры и образа жизни организованных молодежных банд;
 - ужесточение наказания для лиц, не желающих становиться на путь исправления;
- сотрудничества организаций и общин на местном уровне в борьбе с данным видом преступности.

На данный момент правительством Великобритании пока не выработано единого понятия «банды», ее определения разнятся. Одним из наиболее полных является следующее: «Банда - относительно устойчивая группа молодых людей, преимущественно проводящих время на улице, которые: - считают себя (или считается другими) группой; - вовлечены в преступную деятельность и насилие; - предъявляют права влияния на конкретной территории (необязательно по географическому принципу, но и, к примеру, территории, на которой осуществляется незаконная экономическая деятельность); - имеют отличительные черты структурной организации; - состоят в конфронтации с другими подобными бандами» [3].

1 ноября 2011 года МВД Великобритании опубликовало подробный план преобразований, где особое внимание уделено: 1) определению субъектов (организаций и лиц), которые задействованы в системе по борьбе с насильственной и групповой преступностью молодёжи (см. схему №1); 2) определению факторов риска, оказывающих влияние в период становления личности (с момента рождения до 21 года) и способствующих совершению преступных деяний данного вида, а также соответствующих субъектов реагирования (см. схему №2); 3) определению мероприятий по оказанию молодёжи помощи и поддержки при возникновении трудностей и проблем на каждом этапе становления личности.

Планом установлены следующие основные мероприятия по предупреждению, борьбе с насильственной и групповой преступностью молодежи, поддержке и оказанию помощи молодежи и их семьям:

Периоды жизни и проблемы Период становления (0-5 лет)

- домашнее насилие;
- безразличие родителей и душевные травмы;

Мероприятия

1.Усиление превентивной работы с родителями (матерями) в рамках программы «Забота о семье» (FNP) — особенно с матерями-подростками (достижение показателя к 2015 году —

- психологические проблемы со здоровьем в семье;
- нестабильная обстановка в семье;
- -злоупотребление родителями алкоголем и/или наркотиками

Начальный период (дошкольный и начальная школа) (5-12 лет)

- -беспорядок /насилие в семье, снижающие образовательные навыки -жертва насилия;
- плохое поведение;
- безразличие родителей и душевные травмы;
- насилие в семье;
- антиобщественное поведение (начальная стадия);
- плохая успеваемость в школе;
- влияние уличных банд подростков/ случаев проявления насилия в районе проживания

помощь 13000 матерям в год)

- 2. Увеличение числа патронажных работников. Улучшение работы по выявлению ими случаев насилия над женщинами и детьми в семьях.
- 3. Увеличение количества часов (до 15 ч. в неделю) по бесплатным образовательным программам ухода за детьми для малоимущих.
- 4. Дополнительное инвестирование в программы по защите наиболее потенциальных жертв домашнего насилия и их детей.
- 5. Работа с б**о**льшим количеством проблемных семей.
- 1. Усиление работы с волонтерским сектором по оказанию поддержки наиболее уязвимым семьям и улучшения их родительских навыков.
- 2. Оказание помощи учителям школ специалистами ПО проблемам поведения и непослушания в школе с акцентом на своевременное установление их причин, а не только симптом плохого поведения (проводится рамках специализированной программы «Психическое здоровье в школах»).
- 4. Усиление работы с семьями по своевременному выявлению признаков вовлечения в банду/тусовку и т.п.
- 5. Инвестирование начальных школ в издание материалов по обучению детей безопасности, в том числе отказа от вовлечения в преступную группу и совершения преступлений с

Подростковый период (средняя школа и старшие классы) (13-18 лет)

- жертва насильственного преступления;
- повышение уровня жестокости в действиях подростка;
- исключение из школы;
- -ношение холодного оружия;
- неоднократное обращение за помощью
- в травматологическое отделение;
- вовлечение в банду/тусовку и т.п.

использованием холодного оружия.

- 1. Усиление работы специально создаваемых (при Департаменте ПО общин делам И местных администрациях) групп по работе с проблемными семьями рамках программы «Интенсивное вмешательство (IFI). В семью» Направления работы:
- -антиобщественное поведение;
- -подростковая преступность;
- -проблемы взаимопонимания между поколениями;
- -безработица в семье.
- 2. Программа «Много-Системной Терапии» разновидность вмешательства в проблемную семью, основанная на привлечении терапевта узкой направленности на срок от 3 до 5 месяцев для работы с проблемными которых совершили семьями, дети преступление или демонстрируют отклоняющееся или антиобщественное поведение.
- 3. Территориальное расширение превентивной образовательной программы «Против банд и насилия» (по образцу программы, проводимой в лондонских школах совместно со Столичной Полицейской Службой) для учащихся 13-15 лет, а также в ее рамках чтение курса «Девушки, тусовки и последствия».
- 4. Расширение программы «Сделаем школу более безопасной вместе», предусматривающей работу сотрудников полиции в школе, устранение барьера

между полицией и школами, снижение уровня прогулов, немедленное реагирование на возможные и неминуемые проявления насилия, совершаемые бандой (вне школы).

- 5. Дополнительные инвестиции в деятельность психологических служб по работе с детьми и подростками в рамках программы «Улучшение доступа к психологической помощи», направленной на работу с проблемным поведением и его отклонением.
- 7. Инвестирование деятельности по оказанию помощи девушкам жертвам группового насилия.
- 8.Усиление работы органов правосудия на стадии ареста молодых преступников по выявлению у них таких проблем, как злоупотребление алкоголем, наркотиками, проблем с психикой и др., оказание им помощи (особенно в проблемных районах).
- 9. Выдача запретов на участие в тусовках, бандах лицам 14-17 лет -как способ вовлечения ИΧ В позитивную деятельность (*с января 2011 подобные запреты выдавались только лицам от 18 и старше; данная мера дает полномочие полиции запрещать предполагаемым лидерам или членам банд участие в них, посещать определенные места, общаться с нежелательными лицами и т.д. с целью предотвращения возможного последующего совершения ими насилия или жесткости)
- 1. Создание рабочих мест, обучение.
- 2. Работа с личным консультантом по

Период начала взрослой жизни (19-21 год)

- -вовлечение в торговлю наркотиками; -ношение огнестрельного оружия; -неоднократные проявления жестокости и насилия по отношению к другим;
- отсутствие квалификации и навыков;
- отсутствие работы.

трудоустройству.

- 3. Расширение программы предоставления жилья при переселении молодежи с их семьями в другие районы для прекращения влияния неблагоприятного окружения в местах их проживания.
- 4.Дальнейшее развитие и совершенствование программы ресоциализации заключенных (обучение для последующего трудоустройства).
- 5.Медиация (посредничество, вмешательство) как способ прекращения нежелательного поведения. Заключается в: - активном вмешательстве в целях сглаживания противостояния между бандами молодёжи; - вмешательстве после столкновения банд ДЛЯ предотвращения ответных действий, возмездия; поддержке стимулировании кто тех, желает покончить с участием в бандах к непосредственному отказу от участия в них. (Данная работа проводится при помощи бывших членов банд группировок).
- 6.Сокращение числа предупреждений за ношение ножа и иных предметов преступления (кроме огнестрельного оружия), с одновременным увеличением числа арестов и их сроков.
- 7. Расширение взаимодействия Миграционной Службы с органами полиции в направлении совместной работы по депортации из Великобритании опасных членов банд, не являющихся ее гражданами.

8. Ужесточение уголовно-правовых последствий для тех, кто участвует в бандах и иных группировках (увеличение срока тюремного заключения). Доктрина объединенных действий полиции и государственных обвинителей.

Для решения задачи оказания интенсивной помощи и поддержки проблемным районам, правительством Великобритании в декабре 2011 года создана Команда по Борьбе с Групповой и Насильственной Преступностью Молодежи, в состав которой вошли экспертыпрофессионалы, в том числе эксперты из числа активистов местных общин, имеющих опыт по мобилизации местных общин на борьбу с насильственными преступлениями, совершаемыми бандами, эксперты по психическому здоровью детей и подростков, специалисты по процессам, происходящим в бизнесе, главные специалисты по ювенальной преступности, специалисты по безопасности, а также сотрудники полиции.

Обязанностями данной Команды являются, в частности:

- определение всех местных органов и организаций, которые должны быть задействованы в работе с преступниками и их семьями;
- определение симптомов проблемы групповой преступности или насильственных преступлений, совершаемых молодежью, используя данные полиции, медицинских учреждений и местной администрации;
- обзор процедур по установлению наиболее опасных членов банд и потенциальных жертв;
- совершенствование обратной связи: получения независимого мнения от местных общин по вопросам выбора наиболее действенных мер;
- детальное изучение превентивных мер и стратегий для данного района и предложение мер по улучшению;
- выработка практического плана действий с целью улучшения борьбы с бандами в каждом конкретном районе.

Участие в банде порождает насилие с серьезными последствиями и, как следствие, подрывает общепринятые системы ценностей. Хотя в Великобритании данный вид преступности является относительно редким (обзоры по преступности молодёжи насчитывают от 2 до 7% молодёжи, в среднем, в возрасте от 10 до 19 лет, являющихся членами преступных банд [4]), намерение британских властей ужесточить политику в отношении уличной преступности и перейти на программу американского типа так называемой "нулевой терпимости" к участникам уличных беспорядков и мародерам, предусматривающую жесткие наказания даже за незначительные правонарушения, вполне оправдано. Данная политика, прежде всего, призвана предотвратить любые рецидивы и эскалацию подобных деяний, показать участникам уличных банд, что правительство и,

прежде всего, общество, не намерено закрывать глаза на их действия, заставить осознать последствия этих действий и неизбежность сурового наказания.

Очевидно, что решение проблемы борьбы с преступлениями, совершаемыми в группе, в том числе насильственными преступлениями, требует систематических усилий целого ряда организаций и уяснения всей ситуации до мелочей — четкое представление процессов, специально подготовленный персонал, охват всех направлений. Это не означает проведение большего количества совещаний, разработку многочисленных стратегий, планов действий, а требует несколько иного выполнения своей работы от организаций, команд, отдельных лиц. Именно этот подход лежит в основе проводимого правительством Великобритании реформирования системы по борьбе с организованной и насильственной преступности среди молодёжи.

Стр. 227 отдельным файлом

Стр. 228 отдельным файлом

Литература

- 1. The Today Riots Debate. (Официальный сайт Би-Би-Си) Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/today/hi/today/newsid_9580000/9580888.stm
- 2. Газета «Guardian» от 06.08.2011 Режим доступа: http://www.guardian.co.uk/world/2011/aug/06/.
 - 3. Ending Gang and Youth Violence. //A Cross-Government Report. November 2011. p.17.
 - 4. A new approach to fighting crime. //Home Office Report, 2011. Режим доступа: http://www.homeoffice.gov.uk/crime/fighting-crime-programme/.

УДК 343.352.4

ПОСРЕДНИЧЕСТВО ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И НАКАЗУЕМОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ INTERMEDIARY IN BRIBERY: PROBLEMS OF QUALIFICATION AND PUNISHABILITY IN MODERN RUSSIA

Грудинин Н.С., преподаватель кафедры уголовного права и процесса, Российский государственный социальный университет

Grudinin N.S., lecturer of the department of criminal law and process Russian state social university

e-mail: nekit-07@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема квалификации посредничества во взяточничестве по Уголовному кодексу Российской Федерации.

Annotation. In this article the problem of qualification of intermediary in bribery under the Criminal code of the Russian Federation is researched.

Ключевые слова: посредничество во взяточничестве, Уголовный кодекс Российской Федерации.

Key words: intermediary in bribery, Criminal code of the Russian Federation.

Взяточничество — одно из древнейших и наиболее распространённых проявлений коррупции. «Как только появились носители власти, облечённые особыми полномочиями, одновременно с этим появилось и взяточничество», — писал известный русский криминалист В.Н. Ширяев [1]. Президент РФ В.В. Путин в своих выступлениях неоднократно подчёркивал, что именно коррупция на современном этапе является наиболее серьёзным препятствием на пути поступательного развития нашей страны. Более того, по словам В.В. Путина, коррупция и мздоимство не являются проблемами какой-либо конкретной социальной сферы (медицины, образования), а являются бедой всего общества [2].

Исследование проблемы взяточничества как негативного социально-политического, экономического и уголовно-правового явления в обществе в настоящее время приобрело особенно значимый и актуальный характер. Это связано, в первую очередь, с возрастающей криминализацией российского общества в целом и глубоким укоренением коррупции в органах государственной власти и местного самоуправления. Важность исследования данной проблемы обусловлена рядом обстоятельств, среди которых, на наш взгляд, необходимо выделить следующие.

Во-первых, нормы об ответственности за взяточничество, т.е. за получение и дачу взятки, посредничество во взяточничестве, установленные действующим Уголовным кодексом РФ, существенно отличаются от норм, которые были предусмотрены в УК РСФСР 1960 г. Несмотря на что УК РФ действует уже более 15 лет, проблема правильной квалификации

составов, связанных с взяточничеством, не утрачивает своей актуальности. Это объясняется тем, что в повседневной деятельности органов внутренних дел существует реальная потребность в получении и использовании теоретических разработок, посвящённых отграничению составов преступлений получения и дачи взятки, посредничества во взяточничестве от таких смежных составов преступлений, как коммерческий подкуп, злоупотребление должностными полномочиями, злоупотребление служебными полномочиями.

Во-вторых, взяточничество относится к одному из наиболее опасных преступлений и создаёт благоприятную почву для процветания организованной преступности. Исключительно высокая общественная опасность взятки обусловлена тем, что она подрывает авторитет власти, дискредитирует её в глазах граждан. Беспрецедентные масштабы взяточничества оказывают крайне разрушительное влияние на моральное здоровье общества, формируют негативный образ государственных и муниципальных служащих, порождают у граждан РФ уверенность в их продажности.

В-третьих, важно подчеркнуть, что состояние, структура и динамика взяточничества как уголовно-правового явления не находятся в прямой зависимости от усилий правоохранительных органов РФ, направленных на противодействие данным преступлениям. В связи с этим назрела реальная необходимость изучения уголовно-правового аспекта взяточничества. В рамках данного аспекта весьма значимым представляется разработка проблем квалификации преступлений, связанных с получением и дачей взятки, посредничеством во взяточничестве; исследование изменения способов, схем и обстоятельств совершения взяточничества; выработка комплекса мер уголовно-правового характера, направленных на предупреждение взяточничества, включая его профилактику и внесение соответствующих корректив в уголовно-правовую политику РФ.

Посредничество во взяточничестве – преступление, состоящее в физическом осуществлении действий ПО передаче взятки ПО поручению взяткодателя взяткополучателя либо ином способствовании взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере. Как известно, с момента принятия действующего УК РФ уголовная ответственность посредника во взяточничестве в зависимости от конкретных обстоятельств по делу и его роли в даче или получении взятки стала наступать за соучастие во взяточничестве, т.е. в случаях, предусмотренных ст. 33 УК РФ. Одно из наиболее существенных отличий нормы о посредничестве во взяточничестве в её нынешней редакции (ст. 291.1 УК РФ) заключается в том, что объективная сторона соответствующего преступления включает не только непосредственную передачу взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя, но и предусматривает совершение иных действий, направленных на содействие взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки.

В соответствии со ст. 291.1 УК РФ любые действия лица, которые направлены на способствование получению или даче взятки, должны быть квалифицированы как действия,

направленные на способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении (даче) взятки. Однако в соответствии с ч. 1 ст. 291 УК РФ способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении или реализации соглашения между ними о получении и даче взятки является преступным только в случае, если речь идёт о взятке в значительном размере. Между тем, в соответствии с примечанием 1 к ст. 290 УК РФ значительным размером взятки признаются сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающие 25 тысяч рублей. По этой причине возникает вопрос: как надлежит квалифицировать действия лица, которые выразились в передаче взятки по поручению взяткодателя (взяткополучателя) ИЛИ в совершении иных действий, направленных на способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в размере менее 25 тысяч рублей?

В соответствии с буквальным толкованием уголовного закона посредничество во взяточничестве является самостоятельным составом преступления (ст. 291.1 УК РФ), которым и предусмотрены указанные действия. Но при недостижении значительного размера взятки уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве исключена за отсутствием состава преступления. Фактически, действия лица, которые были направлены на способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в незначительном размере, декриминализованы, что выглядит, по меньшей мере, достаточно странным в условиях ужесточения государственной политики в сфере противодействия коррупционной преступности. Если же рассматриваемые нами действия посредника направлены на способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в незначительном размере, их следует квалифицировать по ст. 290 или ст. 291 УК РФ со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ в зависимости от конкретных обстоятельств по делу и его роли в даче или получении взятки.

В данном случае налицо конкуренция норм уголовного закона. Необходимо отметить, что уголовно-правовая норма, предусматривающая такой состав преступления, как посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), является специальной нормой по отношению к нормам об ответственности за дачу и получение взятки в случаях, когда действия лица образуют соучастие в даче или получении взятки. Следуя общему правилу квалификации преступлений в случае конкуренции общей и специальной норм применяться должна специальная норма. Общая норма, общий состав преступления будут применяться лишь в случаях, которые специальными составами не охватываются. Соответственно, если было совершено посредничество в даче или получении взятки в незначительном размере, и специальным составом данный случай не предусмотрен, то такие действия будут квалифицированы как соучастие в получении или даче взятки.

Следует подчеркнуть, что состав посредничества во взяточничестве, предусмотренный ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, имеет (условно говоря) второстепенное значение по

отношению к составам дачи и получения взятки. Соответственно, в зависимости от моментов окончания таких составов преступлений, как дача взятки и получение взятки, посредничество формально может быть разделено на следующие стадии преступлений. Если посредником совершаются действия по содействию достижению либо реализации соглашения между взяткодателем и (или) взяткополучателем о получении или даче взятки, то данные действия могут быть расценены именно как приготовление к даче или к получению взятки, если свой преступный замысел лица, стремившиеся выполнить роли взяткодателя и взяткополучателя, не смогли реализовать по не зависящим от них причинам. зависимости ОТ категорий преступлений приготовление К преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 290 УК РФ, ч.ч. 1, 2 ст. 291 УК РФ (преступления небольшой и средней тяжести), является в соответствии с ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовно ненаказуемым. Логично, что и посредник, который способствовал достижению либо реализации соглашения между взяткодателем и (или) взяткополучателем о получении или даче взятки, в этом случае также не подлежит уголовной ответственности.

Если же посредник начал совершать действия по передаче или получению взятки, но по не зависящим от него обстоятельствам не смог передать или получить предмет взятки в размере, незначительном действия взяткодателя или взяткополучателя следует квалифицировать соответственно как покушение на дачу или получение взятки. Действия посредника не могут быть квалифицированы как посредничество в получении или даче незначительном размере отсутствия соответствующего из-за предусмотренного ст. 291.1 УК РФ. В данном случае действия посредника будут квалифицированы как пособничество в покушении на получение взятки (ч. 3 ст. 30, ст. 290 УК РФ) или как пособничество в покушении на дачу взятки (ч. 3 ст. 30, ст. 291 УК РФ).

Если посредник как соучастник (в размере менее значительном) не смог передать предмет взятки (он его, по логике вещей, от взяткодателя уже получил), то действия взяткодателя квалифицируются как покушение на дачу взятки, а действия посредника – как неудавшееся соучастие. В случае недоведения исполнителем преступления до конца по независящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление в соответствии с ч. 5 ст. 34 УК РФ. Одновременно, помимо ст. 30 и статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за конкретное преступление, при квалификации действий соучастников необходима также ссылка на ст. 33 УК РФ. В рассматриваемом нами случае посредник лично преступление не осуществляет, не он является собственником взятки, он лишь помогает в её передаче, соответственно при квалификации его действий ссылка на ст. 33 УК РФ является необходимой для надлежащей уголовно-правовой оценки действий всех соучастников.

В продолжение разговора об уголовно-правовой квалификации посредничества во взяточничестве, мы проанализируем ст. 291.1 УК РФ. Объектом посредничества во взяточничестве выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальное (в

соответствии с законом) функционирование и деятельность публичного аппарата власти и управления. Предметом в данном преступлении является взятка в виде денег, ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера.

С объективной стороны посредничество во взяточничестве выражается в одном из следующих действий: непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя; иное способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки. При этом сумма взятки в обоих случаях должна быть значительной (значительным размером взятки в ст. 291.1 УК РФ, как мы помним, признаются сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающие 25 тысяч рублей).

Субъект данного вида преступления общий – физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. Субъективная сторона посредничества во взяточничестве характеризуется прямым умыслом. Поскольку совершение данного преступления связано с передачей взятки или иным содействием взяткодателю (взяткополучателю), умыслом виновного должны охватываться не только характер и значение его собственных действий, но характер и значение действий взяткодателя (взяткополучателя).

посредничество во взяточничестве, Квалифицированным является если оно совершено заведомо незаконными действиями (бездействиями) либо ЛИЦОМ использованием своего служебного положения. К особо квалифицирующим признаками относятся совершение данного преступления: группой данного состава предварительному сговору или организованной группой; в крупном размере (крупный размер взятки – превышающий сто пятьдесят тысяч рублей); в особо крупном размере (особо крупный размер взятки – превышающий один миллион рублей); обещание или предложение посредничества во взяточничестве.

Необходимо отметить, что за совершение деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, лицо наказывается штрафом в размере от двадцатикратной до сорокакратной суммы взятки с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до трёх лет либо лишением свободы на срок до пяти лет со штрафом в размере двадцатикратной суммы взятки. Нам представляется, что столь существенное наказание за посредничество во взяточничестве должно отбить всякую охоту у лиц, желающих оказать различного рода «содействие» в получении (даче) взятки.

Литература

- 1. Ширяев В.Н. Взяточничество и лиходательство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Ярославль: Тип. Губ. правл., 1916. С. 9.
- 2. Стенограмма программы «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение» 15 декабря 2011 года [Электронный ресурс] // http://premier.gov.ru/events/news/17409/index.html.

УДК 347.466.3

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЛОГА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ SOME PROBLEMS OF THE LEGAL REGULATION OF THE PLEDGE AND THE WAYS OF SOLVING THEM

Дербенцева М.А., ассистент кафедры теории государства и права, Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса Derbentseva M.A., assistant of the department of Theory of the State and Law, South-Russian State University of Economics and Service e-mail: derbentsevamasha@mail.ru

Аннотация: В работе обозначены тенденции развития института залога, разработана модель альтернативного способа реализации заложенного имущества и предложены авторские редакции правовых норм.

Annotation: In the graduation work the tendencies of development of the institute of pledge are designated, the model of an alternative way of realization of the pledge property is developed and author's editions of rules of law are offered.

Ключевые слова: залог, обращение взыскания на заложенное имущество, реализация заложенного имущества.

Key words: the pledge, turning the penalty onto the pledge property, realization of the pledge property.

На сегодняшний день существует ряд проблем в области законодательства, регулирующего залоговые отношения, в частности, отношения, возникающие при обращении взыскания на заложенное движимое имущество.

Первой, рассматриваемой нами существенной проблемой является тот факт, что до внесения Проекта Федерального Закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Проект изменений) на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 3 февраля 2012 г., его положения достаточно долго обсуждались, на основании чего отдельные его проектные нормы (с учетом замечаний) уже в новой редакции были включены в Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования порядка обращения взыскания на заложенное имущество» от 06.12.2011 № 405-ФЗ (далее — Закон № 405-ФЗ) [1]. Вместе с тем, при внесении рассматриваемого Проекта изменений на рассмотрение в Государственную Думу корректировки, отраженные в

Законе № 405-ФЗ, учтены не были.

Закономерно, что в случае принятия Проекта изменений [7] соответствующие нормы Закона № 405-ФЗ теряют свою силу. В итоге, работа по устранению недочетов и неточностей окажется бессмысленной, а отдельные положения проекта изменений будут спорны. Может иметь место и другое развитие ситуации – нормы Проекта Изменений будут приняты, но, в скором времени, из-за внутренних противоречий и законодательных коллизий, отдельные нормы (уже действующего Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)) будут пересмотрены.

К проектным положениям, которые были внесены без учета изменений Закона № 405-ФЗ [1] можно, на наш взгляд отнести следующие.

В Проекте изменений [7] не учтен абз. 1 п. 2 ст. 339 ГК РФ в редакции Закона № 405-ФЗ, согласно которому стороны имеют право предусмотреть в договоре о залоге условия о порядке реализации по решению суда заложенного имущества и (или) о возможности обращения взыскания на заложенное имущество во внесудебном порядке. Полагаем, названная норма необходима, так как развитие законодательства направленно на закрепление возможности права выбора сторонами способа реализации заложенного имущества. Однако при отсутствии рассматриваемой нормы сложится ситуация, когда фактически стороны могут указать способ обращения взыскания, а формально данное право не закреплено, что, полагаем, может вызвать разногласия между сторонами по поводу включения в договор о залоге условия о способе реализации заложенной собственности должника.

В проектной ст. 339 ГК РФ нет указаний на договор об ипотеке, несмотря на то, что в п. 3 ст. 339 ГК РФ в редакции Закона № 405-ФЗ содержатся достаточно важные поправки (договор об ипотеке и договор, влекущий за собой возникновение ипотеки в силу закона и содержащий условия об обращении взыскания на заложенное имущество во внесудебном порядке, должны заключаться путем составления одного документа, подписанного сторонами).

Кроме того Проект изменений [7] не учел корректировки Закона № 405-ФЗ, хотя нормы первого сформулированы таким образом, что трудны для восприятия (в частности проектный п. 2 ст. 339 ГК РФ), а это недопустимо. Думается, что предусмотренная Проектом изменений редакция ст. 339 ГК РФ должна иметь вид ст. 339 ГК РФ в редакции Закона № 405-ФЗ.

Положения проектной ст. 348 ГК РФ в значительной степени стали более обтекаемыми. Проектный п. 2 ст. 348 ГК РФ при вступлении изменений в силу может приобрести характер так называемой «каучуковой» нормы, когда ее положения можно будет толковать в зависимости от потребности. Заметим, что анализируемое проектное положение закрепляет, что в обращении взыскания на заложенное имущество может быть отказано, если допущенное должником нарушение обеспеченного залогом обязательства крайне незначительно и размер требований залогодержателя вследствие этого явно несоразмерен стоимости заложенного имущества. Однако положения, характеризующие несоразмерность, были исключены, что дает право каждой из сторон толковать норму так, как необходимо, что, несомненно, вызовет споры при обращении взыскания на заложенное имущество посредством внесудебного порядка обращения взысканий. Закон № 405-ФЗ [7], напротив, не устраняет указанные обстоятельства,

характеризующие несоразмерность требования кредитора, а конкретизирует отдельные их положения.

В связи с тем, что Проектом изменений [7] не предусматривается критерий оценки несоразмерности, был исключен п. 3 ст. 348 ГК РФ. Закон № 405-ФЗ, наоборот, дает пояснения, что, если договором о залоге не предусмотрено иное, обращение взыскания на имущество, заложенное для обеспечения обязательства, исполняемого периодическими платежами, допускается при систематическом нарушении сроков их внесения, то есть при нарушении сроков внесения платежей более чем три раза в течение двенадцати месяцев, предшествующих дате обращения в суд или дате направления уведомления об обращении взыскания на заложенное имущество во внесудебном порядке, даже при условии, что каждая просрочка незначительна.

Исключения условий несоразмерности требований залогодержателя к должнику может явиться причиной спора между сторонами по поводу оценки данной несоразмерности.

П. 5 ст. 28.1 Закона РФ «О залоге» (далее – Закон о залоге) [1] в редакции Закона № 405-ФЗ, а также п. 5. ст. 349 ГК РФ закрепляет, что соглашение о внесудебном обращении взыскания должно быть заключено в нотариальной форме. В свою очередь, п. 1 ст. 91 Основ законодательства Российской Федерации гласит, что исполнительная надпись совершается лишь при наличии бесспорности требования, при этом главой XVI.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [4] в редакции Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования порядка обращения взыскания на заложенное имущество» предусмотрены основные положения, регулирующие особенности совершения исполнительной надписи бри бесспорности требований. Однако, по-нашему мнению, при введении Проекта изменений [7] есть вероятность того, что неоднозначность положения проектного п. 2 ст. 348 ГК РФ, из контекста которого исключены условия, характеризующие несоразмерность требований залогодержателя к стоимости заложенного имущества, приведет не к повышению эффективности внесудебного порядка, а к наличию еще больших разногласий между сторонами. Сегодня ГК РФ предусматривает конкретные условия несоразмерности, а именно: 1) сумма неисполненного обязательства составляет менее чем пять процентов от размера оценки предмета залога по договору о залоге; 2) период просрочки исполнения обязательства, обеспеченного залогом, составляет менее чем три месяца. В данной же ситуации спор очевиден, так как залогодатель (в случае непредставления подтверждения существенных нарушений), желая затянуть срок погашения обязательства, а порой и вовсе избежать исполнения обязательств, будет настаивать на несоразмерности требований.

Исключение условий, характеризующих несоразмерность требования залогодержателя, приведет к увеличению числа судебных дел об оспаривании требований кредитора при внесудебном порядке обращения взыскания, а не к их уменьшению, на что направлены изменения, содержащиеся в Законе № 405-ФЗ [1]. На наш взгляд, условия, характеризующие несоразмерность требований залогодержателя к стоимости заложенного

имущества, стоит оставить без изменения.

Первое, на что стоит обратить внимание, так это то, что некоторые проектные положения статьи и положения статьи в редакции Закона № 405-ФЗ закрепляют по смыслу одни и те же нормы, но в разном изложении (пп. 1-2 ст. 349 ГК РФ). При этом редакция Закона № 405-ФЗ является более точной.

П. 4 ст. 349 ГК РФ в редакции Закона № 405-ФЗ [1] в случае принятия Проекта изменений будет заменен двусмысленным проектным п. 4 ст. 349 ГК РФ, который может толковаться как предоставляющий возможность заключить соглашение о внесудебном обращении взыскания при двух одновременно соблюденных условиях: 1) имущество (как движимое, так и недвижимое) должно принадлежать гражданину; 2) основание для обращения взысканий должно возникнуть. С учетом абз. 2 п. 4 ст. 349 ГК РФ возникает вопрос по поводу иного заложенного имущества, в отношение которого соглашение о внесудебном обращении заключается в любое время, в том числе при заключении договора залога такого имущества. Возможно и другое толкование: если предметом залога выступает недвижимость, либо собственниками движимого имущества являются граждане, соглашение заключается после возникновения оснований обращения взыскания. Во всех иных случаях соглашение заключается в любое время. Думается, норма должна быть конкретизирована: «Соглашение об обращении взыскания во внесудебном порядке может быть заключено только после возникновения оснований обращения взыскания на: а) недвижимое имущество; б) движимое имущество, принадлежащее гражданам», либо оставлена в редакции Закона № 405-ФЗ [1].

Полагаем, что предложенные нами корректировки могут способствовать устранению существующих коллизий и пробелов в залоговом законодательстве.

В свою очередь, обращаясь теме реализации заложенного имущества, стоит отметить не только вопросы согласования норм, но и практические проблемы, которые имеют место быть сегодня.

Известно, что судебный порядок реализации заложенного имущества зачастую невыгоден как залогодателю, так и залогодержателю. Стоит заметить, многие авторы справедливо полагают, что отмена обязательности публичных торгов упрощает процедуру удовлетворения требований залогодержателя [9,10].

Бесспорно, судебный порядок обращения взыскания на данный момент содержит в себе много недостатков, однако не стоит забывать, что при успешности проведения торгов залогодержатель удовлетворяет свои требования по залоговому обязательству, а залогодатель, в свою очередь (в случае если сумма, вырученная при реализации предмета залога, превышает размер обеспеченных этим залогом требований залогодержателя) возвращает себе разницу (ст. 30 Закона о залоге [5]). Стало быть, должник не несет дополнительные расходы, либо данные расходы могут быть значительно уменьшены.

На наш взгляд, предложенная отмена обязательности публичных торгов — недостаточная мера для решения проблемы, так как многие, желая избежать долгой судебной процедуры реализации предмета залога, откажутся от рассматриваемого порядка обращения взыскания, что, полагаем, не всегда положительно скажется на результате реализации

заложенного имущества. По-нашему мнению, чтобы предупредить все возможные недобросовестные действия сторон залоговых правоотношений, а также для сохранения способа обращения взыскания в судебном порядке, стоит рассмотреть иной путь решения обозначенного вопроса.

Нами предлагается идея создать в рамках эксперимента доступные для всех желающих специализированные рынки заложенного движимого имущества на территории 1-2 субъектов Российской Федерации [8].

Эксперимент состоит в том, что на территории нескольких субъектов Российской Федерации должны быть созданы рассматриваемые специализированные рынки, которые будут функционировать в качестве экспериментальных в течение двух лет. По нашему мнению, указанного срока вполне достаточно, чтобы выявить имеющиеся недостатки и исправить их, а также определить, пользуются ли рассматриваемые рынки популярностью у населения и эффективны ли они в целом.

Создание альтернативного рынка заложенного имущества может способствовать тому, что стороны понесут минимальные убытки (либо не понесут вообще), даже если в случае недобросовестности и злоупотребления правом со стороны залогодателя внесудебное обращение взыскания не состоится в связи с тем, что отсутствует бесспорность при нотариальном удостоверении соглашения. В свою очередь, судебный порядок реализации имущества более не будет являться своеобразным барьером для удовлетворения требований по договору залога. Более того, при создании рынков заложенной собственности появиться достаточно выгодная альтернатива реализации заложенного движимого имущества должника. К тому же, в случае удачи эксперимента, во-первых, многомесячные попытки реализации заложенного имущества уйдут в прошлое, во-вторых, появятся новые рабочие места, что немаловажно при нынешней ситуации с нехваткой рабочих мест.

Понимая, что создание открытых рынков заложенного движимого имущества может повлечь за собой вопросы и проблемы, рассмотрим более подробно наиболее вероятные из них.

Во-первых, должны ли указанные рынки быть обязательными или нет? Реализацию заложенного имущества через альтернативные рынки заложенной собственности следует, по нашему мнению, осуществлять в одном из двух случаев:

- данный способ закреплен сторонами в договоре о залоге;
- договоренность сторон о реализации заложенного имущества посредством указанных рынков отсутствует, однако первый этап торгов не состоялся, а взыскатель в свою очередь согласен реализовать заложенное имущество не посредством второго этапа торгов, а с помощью специализированных рынков заложенного движимого имущества.

Обозначим, что во втором случае требуется согласие лишь залогодержателя, так как обращение взыскания на заложенное имущество в счет погашения долга неизбежно, а залогодатель, стремясь избежать выплат по обязательству, либо сохранить свою собственность, может не дать согласие на реализацию рассматриваемым способом. При

таком условии будет гарантированна реализация залога по определенной стоимости в сжатые сроки, что защищает в большей степени интересы залогодержателя.

Во-вторых, в какой форме будут существовать рынки, и кто будет осуществлять их финансирование?

Этот вопрос, на наш взгляд, является одним из самых главных, от правильного разрешения которого зависит появление альтернативных рынков заложенного движимого имущества. Полагаем, что данные рынки должны находиться в частной собственности. Помимо этого, важной особенностью действия рынков должно стать наличие соглашения между собственником рынка заложенного имущества и представителем государства, где будет оговорена стоимость приобретаемого товара, а также условия передачи движимого имущества должника на открытые рынки заложенного имущества.

В-третьих, какой государственный орган будет вправе заключать соглашение с собственниками рынка? Согласно пп. 5.5 п. 5 Постановления Правительства РФ «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом» [6] в отношении конфискованного товара подобную функцию выполняет Федеральное агентство по управлению государственным имуществом. Однако применимо к нашей ситуации право заключать соглашение с собственником рынка уместно возложить на службу судебных приставов конкретного субъекта, в частности на руководителя управления федеральной службы судебных приставов конкретного субъекта.

В-четвертых, как способствовать появлению рынков заложенного имущества? Понашему мнению, одних изменений в законодательство, касающихся закрепления основ функционирования рассматриваемых рынков, недостаточно для привлечения вероятных собственников специализированных рынков заложенного имущества. Полагаем, необходимы выгодные предложения, чтобы заинтересовать предполагаемых собственников рассматриваемых рынков. Однако стоит отметить, что при предоставлении льгот и уступок одной стороне (покупателю заложенного имущества), стоит помнить о правах и интересах поставщика (в данном случае залогодержателя и залогодателя).

Таким образом, чтобы привлечь потенциальных собственников рынков заложенного движимого имущества, необходимо:

- реализовывать заложенное имущество по цене на 15 % меньше от первоначальной объявленной стоимости (залогодержатель избежит долгой процедуры реализации заложенного имущества вторично, а также оставления имущества за ним; залогодателю будет гарантировано, что стоимость имущества более не снизится; у собственника рынка есть возможность приобрести товар по выгодной цене);
 - рассмотреть вариант снижения налоговых выплат собственниками рынков.

При этом стоит учитывать возможность недобросовестные действия со стороны собственников рынков, которые, уклоняясь от налогов, могут реализовывать иную продукцию в качестве заложенной собственности. Следовательно, необходимо организовать учет имущества, реализовываемого посредством специализированных рынков заложенной собственности.

В-пятых, будет ли ограниченно количество специализированных рынков заложенной движимой собственности на один субъект Российской Федерации?

Чтобы предотвратить злоупотребление правом, количество специализированных рынков заложенного движимого имущества необходимо ограничить на один субъект Российской Федерации (в зависимости от востребованности). Предполагаем, что количество подобных рынков будет составлять 1-3 на субъект. При этом информация о месте нахождении рынков и режиме их работы должна быть размещена в средствах массовой информации субъекта и периодически обновляться. Следовательно, население субъекта Российской Федерации будет достаточно информировано о создании рассматриваемых рынков, о графике их работы и местонахождении.

Для того чтобы ввести специализированные рынки заложенного движимого имущества необходимы существенные изменения в ряд нормативно-правовых актов Российской Федерации. Прежде всего, изменениям будут подвергнуты Закон о залоге [5] и Федеральный закон «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве) [2].

Нами предлагается внести в Закон о залоге следующие изменения:

- 1) дополнить пункт 2 абзацем 3 следующего содержания: «В случае несостоятельности первого этапа проведения публичных торгов, залогодержатель с его письменного заявления имеет право отказаться от проведения повторных торгов с последующим снижением первоначальной объявленной стоимости в пользу реализации заложенного движимого имущества залогодателя через специализированные рынки заложенного движимого имущества. При данном порядке обращения взыскания на имущество должника собственник специализированного рынка заложенного движимого имущества обязан в течение десяти рабочих дней приобрести данное имущество.»;
- 2) пункт 2 дополнить абзацем 4 следующего содержания: «При передачи заложенного движимого имущества на специализированный рынок заложенного движимого имущества цена на предмет залога будет снижена на 15 % от рыночной стоимости при внесудебном порядке обращения взыскания и от первоначальной объявленной стоимости при судебном порядке обращения взыскания.»;
- 4) пункт 3 дополнить подпунктом 3 следующего содержания: «3) предоставить предмет залога для дальнейшей реализации на специализированный рынок заложенного имущества в порядке, установленном законодательством Российской Федерации об исполнительном производстве.»;
 - 5) дополнить статьей 28.51 следующего содержания:

«Статья 28.5¹. Соглашение о реализации заложенного движимого имущества через специализированные рынки заложенного движимого имущества

Соглашение о реализации заложенного движимого имущества посредством специализированных рынков заложенного движимого имущества заключается сторонами как при обращении в суд (судебный порядок), так и без обращения в суд (внесудебный порядок).

Порядок реализации заложенного движимого имущества при обращении взыскания на имущество должника через специализированные рынки заложенного имущества определяется законодательством Российской Федерации об исполнительном производстве.».

А также в Закон об исполнительном производстве внести предложенные ниже корректировки:

1) дополнить главой:

«Глава 10¹. Реализация имущества должника через специализированные рынки заложенного движимого имущества

Статья 94¹. Собственники специализированных рынков заложенного движимого имущества

Содержание специализированных рынков заложенного движимого имущества для последующей реализации данного имущества осуществляется физическими либо юридическими лицами (собственниками специализированных рынков заложенного движимого имущества), в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Статья 95¹. Порядок деятельности специализированных рынков заложенного движимого имущества.

Деятельность по приему заложенной собственности и последующей его реализации через специализированные рынки заложенного движимого имущества осуществляется на основании соглашения о передаче движимого имущества должника для дальнейшей его продажи на специализированных рынках между Федеральной службой судебных приставов Российской Федерации и собственником специализированного рынка заложенного движимого имущества.

Статья 96¹. Особенности передачи предмета залога на специализированные рынки заложенного движимого имущества.

- 1. Передача предмета залога на специализированные рынки заложенного движимого имущества осуществляется:
- на основании договора о залоге, в котором стороны в качестве порядка обращения взыскании на заложенное движимое имущество указали передачу предмета залога на специализированные рынки заложенного движимого имущества;
- на основании письменного согласия залогодержателя о передачи предмета залога на специализированные рынки заложенного движимого имущества в случае несостоятельности первого этапа проведения публичных торгов.
- 2. При наличии соглашения сторон о передачи предмета при внесудебном порядке обращения взыскания либо согласия залогодержателя при судебном порядке обращения взыскания на специализированные рынки заложенного движимого имущества указанное имущество поступает на специализированные рынки по стоимости на 15 % меньше рыночной стоимости либо первоначальной объявленной стоимости имущества соответственно.

Статья 97¹. Срок передачи предмета залога на специализированные рынки заложенного движимого имущества.

В случае обращения взыскания на предмет залога через специализированные рынки заложенного движимого имущества собственник указанного рынка обязан в течение десяти рабочих дней приобрести данное имущество.

Статья 98¹. Специализированные рынки заложенного движимого имущества: количество и местонахождение.

Количество специализированных рынков заложенного движимого имущества на один субъект Российской Федерации должно быть не более трех.

Информация о местонахождении специализированных рынков заложенного движимого имущества размещается в средствах массовой информации субъекта Российской Федерации.

Статья 99¹. Контроль над деятельностью специализированных рынков заложенного движимого имущества

Контроль над деятельностью специализированных рынков заложенного движимого имущества осуществляет Федеральная служба судебных приставов согласно законодательству Российской Федерации о судебных приставов.

Собственники специализированных рынков заложенного движимого имущества обязаны ежеквартально предоставлять для ознакомления федеральной службе судебных приставов отчет о реализованном имуществе залогодателя.».

В связи с тем, что изменения затрагивают должностные обязанности судебных приставов, то необходимы изменения и в Федеральный закон «О судебных приставах», в частности в ст. 9 указанного закона [3] (пункт 2 дополнить абзацем 9 следующего содержания: «имеет право заключать соглашение о реализации предмета залога через специализированные рынки заложенного движимого имущества.»). В свою очередь, в статье 12 пункт 2 дополнить абзацем 14 следующего содержания: «проводить проверки деятельности специализированных рынков заложенного движимого имущества.».

Ранее нами было отмечено, что для привлечения потенциальных собственников рынка можно действовать посредством снижения налоговых выплат на прибыль, что повлечет изменения в налоговом законодательстве. Таким образом, налоговое законодательство также подвержено корректировкам.

На наш взгляд, в случае успеха эксперимента рынки заложенного движимого имущества имеет смысл ввести не только в отдельных субъектах Российской Федерации, а также на территории всей страны.

Полагаем, предложенные в работе изменения способствуют минимизации проблем при обращении взыскания на предмет залога.

Литература

1. Федеральный закон Российской Федерации «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования порядка обращения взыскания на заложенное имущество» от 06.12.2011 № 405-ФЗ // СЗ РФ. – 2011. –

№ 50. – Ct.7347.

- 2. Федеральный закон Российской Федерации «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 06.12.2011) (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.03.2012) // СЗ РФ. -2007. № 41. Ст. 4849.
- 3. Федеральный закон Российской Федерации «О судебных приставах» от 21.07.1997 № 118-ФЗ (ред. от 27.07.2010) // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3590.
- 4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. Федерального Собрания Российской Федерации 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 05.07.2010) // Российская газета. № 49. 1993.
- 5. Закон Российской Федерации «О залоге» от 29.05.1992 № 2872-1 (ред. от 06.12.2011) // Российская газета. 1992.– № 129.
- 6. Постановление Правительства РФ «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом» от 05.07.2008. № 432 (в редакции от 29 марта 2011 года) // СЗ РФ. -2008. № 23. Ст. 2721.
- 7. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект Федерального закона Российской Федерации № 47538-6 (ред., принятая Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в I чтении 27.04.2012) [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
- 8. Дербенцева, М.А. Специализированный рынок как альтернативный способ обращения взыскания на заложенное имущество [Электронный ресурс] // Международный научный портал «Ломоносов» / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 2012. Режим доступа: http://lomonosov-msu.ru. Загл. с экрана.
- 9. *Буркова*, *А.Ю*. Изменения в процедуре приведения в исполнение залога движимого имущества // Законодательство и экономика. $-2009. N_{\odot}. 4. C. 45-49$;
- $10.\ Paccказова,\ H.Ю.\ Залог движимого имущества // Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М. <math>-2010.-413$ с.

УДК 346.21

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «КРЕДИТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ», «БАНК», И «НЕБАНКОВСКАЯ КРЕДИТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ» В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ON THE RELATION OF CONCEPTS «CREDIT INSTITUTIONS», «BANK» AND «NON-BANK CREDIT ORGANIZATIONS» RUSSIAN AND FOREIGN LAW

Лосев В. В., аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (Волгоградский филиал)

Losev V. V., graduate student of civil disciplines Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Volgograd branch)

e-mail: vladislav5552007@rambler.ru

Аннотация: В настоящей статье определено сравнение содержания таких базовых понятий банковского права как «кредитная организация», «банк», «небанковская кредитная организация» в российском и зарубежном законодательстве, а также рассмотрены стандарты по банковскому праву Европейского парламента по данным вопросам

Annotation: This article defines the content of the comparison of these basic concepts of banking law as a "credit institution", "bank", "non-banking credit organization" in the Russian and foreign legislation, as well as cover standards on banking law of the European Parliament on these issues

Ключевые слова: банк, кредитная организация, Директива по банковскому праву Key words: banks, credit institutions, Directive on banking law

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (далее - Закон о банках) устанавливает, что разновидностями кредитных организаций являются банки и небанковские кредитные организации [1]. Однако, как отмечает Ефимова Л. Г., ни названный акт, ни российское законодательство в целом не содержат определения понятия «кредитная организация», которое было бы самостоятельным по отношению к термину «банк» [6]. Статья 1 Закона о банках определяет кредитную организацию как организацию, которая вправе совершать банковские операции. Иначе говоря, определение родового понятия дается через видовое, что нельзя считать правильным.

Подобная ситуация наблюдается и в иностранном банковском праве, где определение термина «кредитная организация» осуществляется либо через определение банка, либо через круг банковских операций [10,11]. Так, в Директиве по банковскому праву 2000/12/СЕ Европейского парламента и Совета от 20 марта 2000 г. о допуске и осуществлении

учреждений деятельности кредитных родовое понятие «кредитная организация» рассматривается как видовое в качестве аналога понятия «банк» по российскому законодательству. Другой разновидностью рассматриваемых организаций финансовая организация, которая вправе выполнять отдельные банковские операции, перечисленные в приложении к этой Директиве. Таким образом, понятие «финансовая организация», даваемое в рассматриваемой Директиве аналогично понятию «небанковская кредитная организация» по российскому Закону о банках.

Сложившаяся ситуация неоднократно подвергалась критике в иностранной доктрине. Отчасти отсутствие четкого разграничения понятий «банк» и «кредитная организация» объясняется тем, что понятие «банк» появилось гораздо ранее понятия «кредитная организация».

Законодательство зарубежных государств и доктрина в качестве основного признака банка (а, следовательно, и кредитной организации) называет посреднический характер их деятельности [9], выражающийся в привлечении банками средств физических и юридических лиц. Однако юридическая форма привлечения таких средств может быть различной. В частности, возможно привлечение кредитными организациями денежных средств на основе разного рода договорных конструкций (договор займа, договор банковского счета, договор банковского вклада, продажа векселей, облигаций и т.п.), так и на основе членства, которое предполагает внесение взносов в ее уставный капитал. Примером второй формы так называемые кредитные общества в США, капитал которых образуется за счет взносов их членов, которых эти общества и кредитуют [7]. Указанные организации имеют свой аналог и в российском законодательстве - кредитные потребительские кооперативы, которые, однако, не рассматриваются российским законодателем в качестве кредитных организаций в узком смысле слова.

Следует отметить, что приведенный пример является скорее исключением, чем правилом - большинстве других стран привлечение свободных средств допускается только с использованием договорных конструкций, опосредующих заемные отношения. соответствии со ст. 1 Первой директивы 77/780, принятой Советом 12 декабря 1977 г., о координации норм законов, постановлений и административных актов, касающихся допуска к банковской деятельности, ведения банковского бизнеса, кредитной организацией следует считать предприятие, деятельность которого заключается в приеме у населения вкладов или других подлежащих возврату денежных сумм и в предоставлении кредитов за свой счет [2]. Такая же правовая позиция сформулирована в ст. 1 Директивы 2000/12/СЕ Европейского парламента и Совета от 20 марта 2000 г. о допуске и осуществлении деятельности кредитных учреждений [4]. Указанный выше основной формальный признак банка (круг выполняемых операций) в ряде стран сопровождается дополнительным - наличие разрешения на осуществление банковской деятельности, выданного компетентным органом. Последний признак банка (кредитной организации) существует, например, в законодательстве США и Швейцарии [6], законодательстве стран Европейского сообщества [3].

Таким образом, предоставление кредитов за счет привлеченных средств является тем критерием, который позволяет иностранному законодателю разграничивать банк и небанковскую организацию, которой разрешено выполнять отдельные банковские операции (в том числе и кредитование). Это находит подтверждение в ст. 3 Директивы 2000/12/СЕ Европейского парламента и Совета от 20 марта 2000 г. о допуске и осуществлении деятельности кредитных учреждений, которая предусматривает, что организации, не имеющие статуса кредитного учреждения, не вправе заниматься деятельностью по приему вкладов или других активов на возвратной основе от неопределенного круга лиц. Эти операции могут монопольно осуществляться только банками.

Иначе говоря, что понятие банка (кредитной организации) определяется иностранным законодателем путем перечисления основных банковских операций, выполнение которых признается в каждой конкретной стране социально значимым и нуждается в специальном контроле со стороны государства. Аналогичная ситуация наблюдается и в российском Законе о банках. В связи с этим, как отмечает Ефимова Л. Г., банк - это организация, выполняющая банковские операции, перечень которых определяется не столько экономической сутью их деятельности, сколько волей законодателя. Поэтому круг банковских операций не совпадает в различных странах. Исключение в этом ряду составляет лишь Великобритания, в банковском праве которой понятие банка выработано не законом, а судебной практикой. Как установлено в деле United Dominions Trust v Kirkwood (1966), «существуют два основных качества, характеризующих банкиров в современных условиях (1) они принимают деньги от и инкассируют чеки для своих клиентов, кредитуя их счета; (2) они оплачивают предъявленные им чеки или поручения, выставленные на них их клиентами, и дебетуют счета своих клиентов соответственно. Эти две характеристики влекут за собой третью, а именно: (3) они ведут текущие счета, или что-то в этом роде, в своих учетных книгах, в которых содержатся разделы дебета и кредита» [5].

Таким образом, следует констатировать, что понятие банка (кредитной организации), выработанное иностранным законодательством путем перечисления перечня банковских операций, является формальным. В то же время в условиях глобализации и интернационализации банковского дела этот вопрос нуждается в унификации.

В процессе исторического развития банковской системы появились отдельные финансовые организации, которые стали выполнять отдельные виды банковских операций, например операции по покупке прав требования (факторинг). Указанные организации не являлись банками в истинном смысле слова. В связи с этим возникла потребность в разграничении банков и иных небанковских кредитных организаций и в выработке более общего родового понятия. Как отмечалось выше, в российском законодательстве и законодательстве Франции функцию такого родового понятия выполняет термин «кредитная организация». Однако французское банковское право не содержит четкого определения этого понятия. Оно включает в себя банки, поименованные в этом качестве в реестре, и иные финансовые учреждения, интегрированные в банковскую систему Франции (аналог

российских небанковских организаций). Таким образом, термин «кредитная организация» носит по законодательству Франции собирательный характер. Он объединяет все организации, которые вправе осуществлять банковские операции в любом объеме и соотношении и которые поставлены под контроль государства.

Следовательно, используемое в ряде зарубежных стран понятие «кредитная организация» также является формальным, поскольку перечень банковских операций определяется исключительно волей законодателя. Более того, не все организации, фактически выполняющие банковские операции, признаются кредитными. Иногда в число кредитных организаций включаются те из них, которые вообще не занимаются кредитованием. Таким образом, законодательство включает соответствующие организации в число кредитных только тогда, когда их деятельность нуждается в контроле со стороны публичных властей. Отсюда следует, что понятие «кредитная организация», как и понятие «банк», выработанное в иностранном законодательстве, - средство, с помощью которого государство решает задачи по обеспечению стабильности банковской системы [8].

Что касается Российской Федерации, то банком признается такая разновидность кредитной организации, которая имеет исключительное право осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц. Таким образом, российский законодатель закрепил за банками монополию на совмещение трех видов банковских операций: привлечение вкладов, предоставление кредитов за счет привлеченных средств, открытие и ведение счетов. Отдельные виды банковских операций могут осуществлять и небанковские кредитные организации, допустимые сочетания которых устанавливает Банк России. Следовательно, понятия «банк» и «небанковская кредитная организация», используемые российским законодательством, также являются формальными, как и в большинстве зарубежных стран. Отсюда становится ясно, почему ряд организаций, которые являются кредитными в силу особенностей предмета своей деятельности (ломбарды, кредитные кооперативы), не включены законодателем в банковскую систему России и не названы кредитными. Аналогично не считаются кредитными организациями почтовые учреждения, хотя они выполняют одну из наиболее характерных банковских операций - перевод средств. Деятельность этих организаций не нуждается, с точки зрения законодателя, в специальном банковском надзоре. Поэтому на сегодняшний день они остаются вне банковского законодательства Российской Федерации и вне банковской системы. Естественно, такой подход будет меняться в зависимости от направления кредитно-денежной политики государства. Так, возможно исключение одних организаций из числа кредитных, или, наоборот, включение других в указанную группу.

Литература

1. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 6. - ст. 492.

- 2. Первая директива Совета от 12 декабря 1977 г. «О координации законов, регламентов и административных положений, регулирующих создание и осуществление предпринимательской деятельности кредитными институтами (77/780/ЕЭС) [Электронный Московская Государственная Юридическая pecypc] // Академия Кафедра права Режим Европейского Европейского Союза Союза, Центр права доступа: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/svob peredv/svoboda pered8.htm/. - Загл. с экрана.
- 3. Вторая директива Совета от 15 декабря 1989 г. «О координации норм законов, регламентов и административных положений, регулирующих допуск к банковской деятельности, ведение банковского бизнеса, и внесении изменений в Директиву 77/780/ЕЕС» (89/646/ССЕ) [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
- 4. Директива Европейского парламента и Совета от 20 марта 2000 г. о допуске и осуществлении деятельности кредитных учреждений (2000/12/СЕ) [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
 - 5. Вишневский А.А. Банковское право Англии. М.: Статут, 2000.
- 6. Ефимова Л. Г. Банковское право. Банковская система Российской Федерации (том 1). М.: Статут, 2010.
- 7. Поллард А.М., Пассейк Ж.Г., Эллис К.Х., Дейли Ж.П. Банковское право США. М.: Прогресс; Универс, 1992.
- 8. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственной деятельности. М., 1984.
 - 9. Bonneau Thierry. Droit bancaire. 2 ed. Paris: Montchrestien, 1996.
- 10. Gavalda C., Stoufflet J. Droit du credit. 1 livre. Les institutions. Paris: Libraire de Cour de cassation, 1990
- 11. Lombardini C. Droit bancaire suisse. Schulthess Medias Juridiques SA, Zurich, Bale, Genuve, 2002. P. 5.

УДК 343

«АДМИНИСТРАТИВНАЯ» РЕФОРМА РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ADMINISTRATIVE REFORM OF RUSSIAN EDUCATION

Саруханян А.Р., ректор, НОУ ВПО «Северо-Кавказский гуманитарный институт» Sarukhanyan Artur, rector, Stavropol, North-Caucasus Humanitarian Institute e-mail: pppu@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблемам несовершенства российского законодательства в области образования и административной практики судов в этой сфере

Annotation: the article deals with problems of imperfect Russian legislation in education sphere and administrative court's practice

Ключевые слова: российское законодательство в области образования, административная практика судов

Key words: Russian legislation in education sphere, administrative court's practice

Уважаемые читатели! Данная статья представляет определенную научнопрактическую ценность для исследователей в области административного права, а также будет интересна всем кому небезразлично будущее российского образования. Она вскрывает проблемы несовершенства современного российского законодательства области образования, подход органов, выполняющих контрольные функции, при оценке соблюдения образовательными организациями лицензионных требований условий образовательного процесса, а также констатирует реалии административной практики судов в этой сфере. Выражаю искреннюю благодарность своим коллегам, любезно согласившимся предоставить необходимые материалы!

1. В одном из протоколов об административном правонарушении (далее – протокол), составленном сотрудниками Рособрнадзора в ходе плановой выездной проверки в 2012 году, комиссия констатировала наличие в образовательном учреждении, реализующим образовательную программу по направлению подготовки 030900.62 Юриспруденция, специализированного помещения «Криминалистическая лаборатория», оборудованного столами, стульями, микроскопом, мультимедийным проектором, криминалистической лабораторией (чемоданом). В то же время комиссией был зафиксирован факт нарушения требований пп. «а» п. 5 Положения о лицензировании образовательной деятельности (утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.03.2011 № 174), выразившегося «в отсутствии документов, подтверждающих нахождение в собственности или на ином законном основании оборудования учебного кабинета, а именно микроскопа, мультимедийного проектора, криминалистической лаборатории (чемодан) без указания

марки, типа изделия...».

Однако как видно из постановления суда, по словам представителя образовательного учреждения, в ходе проверки все документы, подтверждающие право собственности или иное вещное право, во всяком случае, по отношению к мультимедийному проектору и криминалистическому чемодану, были представлены комиссии своевременно. В частности, в отношении мультимедийного проектора были представлены следующие документы: товарный чек, инвентарная карточка учета объекта основных средств, авансовый отчет, журнал проводок, подтверждающий начисление амортизации основного средства (мультимедийного проектора) за период с 01.04.2006 по время начала работы комиссии (копии перечисленных документов были приложены в качестве доказательства в суд). В отношении криминалистического чемодана был представлен договор о его передаче в безвозмездное временное пользование образовательному учреждению сторонней организацией (копия договора была приложена в качестве доказательства в суд). «Данный договор, - по мнению заинтересованного лица, - как раз и является документом, подтверждающим нахождение на законном основании криминалистического чемодана. Тем не менее, комиссия не приняла во внимание эти документы».

Как видно из постановления суда, в отношении микроскопа документы комиссии лействительно не были предоставлены, поскольку, как пояснил представитель образовательного учреждения, в этом не было необходимости: «нормативными актами, в частности, ФГОС ВПО по направлению подготовки 030900.62 Юриспруденция и Положением о лицензировании образовательной деятельности (утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.03.2011 № 174), перечень обязательных элементов и единиц оснащенности специализированного кабинета «Криминалистическая лаборатория» не регламентирован; в свою очередь по сложившейся вузовской практике, наличие в криминалистической лаборатории криминалистического чемодана является достаточным. И, тем не менее, несмотря на вышеприведенные обстоятельства, в распоряжении института все же имеется микроскоп».

В судебном заседании представитель образовательной организации просил суд признать заключение комиссии необоснованным и производство по делу прекратить. Суд, приняв во внимание все обстоятельства, признал юридическое лицо виновным в совершении административного правонарушения, однако освободил от административной ответственности в связи с малозначительностью.

2. Другая спорная ситуация посвящена вопросам учебно-методического обеспечения.

В протоколе комиссией отмечено, что «в нарушение пп. «б» п.5 Положения о лицензировании образовательной деятельности и требований законодательства Российской Федерации в области образования, а именно требований п. 7.18 ФГОС ВПО по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр») основная образовательная программа по направлению подготовки 030900.62 Юриспруденция:

содержание учебных дисциплин (модулей) не сопровождается обоснованием времени,

затрачиваемого на ее выполнение;

обучающиеся не обеспечены индивидуальным неограниченным доступом к электронной библиотечной системе, содержащей издания учебной, учебно-методической и иной литературы по основным изучаемым дисциплинам».

Такой вывод сделан комиссией, несмотря на то, что п. 7.18 ФГОС ВПО по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр») говорит об обосновании времени, затрачиваемого на внеаудиторную работу, а не на сопровождение содержания учебных дисциплин (модулей).

Кроме того, как пояснил в судебном заседании представитель образовательного учреждения, во всех без исключения рабочих программах учебных дисциплин по основной профессиональной образовательной программе по направлению подготовки 030900.62 Юриспруденция учебно-тематические планы сопровождаются указанием времени (на лекции, практические, семинарские, лабораторные занятия, самостоятельную работу), затрачиваемого на выполнение каждой темы (в качестве доказательства в суд были представлены выборочно несколько копий учебно-тематических планов из различных *учебных* дисциплин направлению подготовки 030900.62 рабочих программ no Юриспруденция).

Одним из требований к реализации основных профессиональных программ высшего профессионального образования по ФГОС ВПО является обеспечение студентов доступом к электронно-библиотечной системе (ЭБС). В соответствии с п. 7.18 ФГОС ВПО по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр») (в редакции приказа Министерства образования и науки РФ от 31.05.2011 № 1975) «каждый обучающийся должен быть обеспечен индивидуальным неограниченным доступом к электронно-библиотечной системе, содержащей издания учебной, учебно-методической и иной литературы по основным изучаемым дисциплинам и сформированной на основании прямых договоров с правообладателями».

Как видно из постановления суда, по словам представителя образовательного учреждения, выполнение вышеуказанного требования законодательства обеспечивается образовательной организацией посредством договора на предоставление доступа к электронно-библиотечной системе. В соответствии с п. 2.2. этого договора «Исполнитель предоставляет Заказчику доступ к ЭБС (Прим. Название не фигурирует по этическим соображениям) круглосуточно, с возможностью дистанционного индивидуального одновременного доступа для каждого обучающегося Заказчика по каждой из форм получения образования из любой точки, в которой имеется доступ к сети Интернет, адрес в сети Интернет, в том числе одновременного доступа к каждому изданию, входящему в ЭБС» (в качестве доказательства в суд была представлена копия договора на предоставление доступа к электронно-библиотечной системе с приложением). В соответствии с приложением к договору количество предоставляемых Заказчику одновременных доступов через Интернет составляет 500 доступов. Тогда как на момент проверки в образовательном учреждении обучение по ФГОС ВПО проходили всего лишь 134 человека (это даже с учетом лиц, обучающихся по направлению подготовки 080100.62 Экономика), т.е. фактически лица, поступившие на 1-й курс по различным формам обучения в 2011/2012 учебном году.

В протоколе указано на отсутствие ряда рабочих программ по учебным дисциплинам. Однако как сообщил представитель, «в образовательном учреждении на момент проверки имелись рабочие программы по всем дисциплинам учебных планов по всем реализуемым образовательным программам. Просто комиссия объяснила факт их отсутствия тем, что они не были представлены в строго назначенное время (было отведено 2 часа на представление), а по предъявлению, не приняла их во внимание» (в качестве доказательства в суд были представлены рабочие программы, которые не были засчитаны комиссией).

Представляется, проверяющим необходимо учитывать, что такого рода проверки для работников любого образовательного учреждения это не рядовое, а чрезвычайное мероприятие, которое проходит на фоне повышенного уровня нервно-психических перегрузок. В таких условиях у работника вполне объяснима потеря концентрации внимания, и это должно восприниматься проверяющими органами в качестве уважительной причины. Тем более, что в анализируемой ситуации, как это следует из постановления суда, искомые рабочие программы были представлены комиссии в разумное время в тот же день. А оснований у комиссии подозревать работников образовательного учреждения в том, что эти рабочие программы были сделаны «на скорую руку» просто быть не может, поскольку любой специалист, занимающийся учебно-методической работой, может подтвердить, сколько времени нужно потратить, чтобы сделать хотя бы одну такую рабочую программу.

В протоколе указано на то, что реализация основных образовательных программ специалистов не обеспечивается доступом к библиотечным фондам и базам данных, по содержанию, соответствующим полному перечню дисциплин основной образовательной программы, наличием методических пособий и рекомендаций по всем дисциплинам и по всем видам занятий — практикумам, курсовому проектированию, а также наглядными пособиями, мультимедийными, аудио-, видеоматериалами.

В соответствии с пунктами 1.2. и 2.2. Примерного положения о формировании фондов библиотеки высшего учебного заведения (утверждено приказом Минобразования РФ от 27 апреля 2000 года № 1246, далее — Примерное положение), фонд вузовской библиотеки создается как единый библиотечный фонд на основе централизованного комплектования и состоящий из отечественных и зарубежных изданий, неопубликованных, аудиовизуальных и электронных документов. Анализ указанной нормы позволяет сделать однозначный вывод о том, что издания, имеющиеся в осязаемом и электронном виде в библиотеке образовательного учреждения и электронно-библиотечной системе ЭБС образуют единый библиотечный фонд библиотеки образовательного учреждения, и не рассматриваются как самостоятельные библиотечные фонды. Однако как это видно из постановления суда, представитель образовательной организации указал на то, что, «несмотря на допустимость комплектования библиотечного фонда электронными изданиями, составляющими на основании Примерного положения единый библиотечный фонд вузовской

библиотеки, комиссия фактически не проверяла их наличие в фондах библиотеки образовательного учреждения».

В протоколе указано, что в образовательном учреждении отсутствует ряд рабочих учебных планов. Представитель образовательной организации признал, что данный факт действительно имел место на момент проверки. Как видно из постановления суда причиной, способствовавшей возникновению такой ситуации в институте, послужило следующее объективное обстоятельство. Дело в том, что в течение нескольких лет план учебного процесса (наименования и распределение дисциплин, часов и т.д.) не изменялся и поэтому проректор образовательного учреждения не представлял ректору на утверждение рабочие учебные планы целиком (хотя график учебного процесса утверждался ректором ежегодно для каждой группы студентов).

В условиях нынешнего российского законодательства в области образования, на первый взгляд кажется, что проверяющая сторона имеет все основания сослаться на п. 6.1 Закона РФ «Об образовании» от 10.07.1992 № 3266-1. Однако как представляется, эта норма не позволяет однозначно вменять в обязанность образовательному учреждению ежегодное утверждение рабочих учебных планов целиком.

Так или иначе, учитывая все обстоятельства, суд признал юридическое лицо виновным в совершении административного правонарушения, однако освободил от административной ответственности в связи с малозначительностью.

3. Еще одна спорная ситуация посвящена вопросам приема в образовательное учреждение.

В протоколе комиссией установлен факт, «выразившийся в ведении образовательной деятельности без специального разрешения, лицензии...». По мнению комиссии, в 2011 году в отсутствие лицензии на осуществление образовательной деятельности образовательной организацией был объявлен прием на направления подготовки с кодом 62: 080100 Экономика, 030900 Юриспруденция по образовательным программам, реализуемым в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами; осуществлялся прием документов по данным направлениям, а также заключались договоры на оказание платных образовательных услуг.

Как следует из постановления суда, образовательное учреждение в 2007 году в очередной раз получило право на осуществление образовательной деятельности в соответствии с лицензией, выданной Рособрнадзором, сроком действия по 31 декабря 2011 года. В соответствии с приложениями к лицензии образовательное учреждение реализовывало основные образовательные программы по специальностям по коду 65: 030501 Юриспруденция, 080109 Бухгалтерский учет, анализ и аудит, а также по направлениям подготовки по коду 62: 030500 Юриспруденция, 080100 Экономика. По словам представителя образовательного учреждения, «с 2011 года в соответствии с российским законодательством в области образования образовательное учреждение осуществляло переход на обучение по федеральным государственным образовательным стандартам и руководствовался так называемым «переходником» (он установил соответствие направлений

подготовки и специальностей). В качестве «переходника» применяется приказ Министерства образования и науки РФ от 17 февраля 2011 г. № 201 «Об установлении соответствия направлений подготовки высшего профессионального образования, подтверждаемого присвоением лицам квалификаций (степеней) «бакалавр» и «магистр», перечни которых утверждены приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 2009 337, подготовки (специальностей) сентября $N_{\underline{0}}$ направлений профессионального образования, подтверждаемого присвоением лицу квалификации (степени) «специалист», перечень которых утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2009 г. № 1136, направлениям подготовки (специальностям) высшего профессионального образования, указанным в Общероссийском классификаторе специальностей по образованию ОК 009-2003, принятом и введенном в комитета Российской постановлением Государственного Федерации стандартизации и метрологии от 30 сентября 2003 г. № 276-ст».

На основании указанного нормативного документа образовательное учреждение объявило набор студентов на направления подготовки по основным профессиональным образовательным программам высшего профессионального образования по коду 62: 030900 Юриспруденция, 080100 Экономика, которые реализуются в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами (в качестве доказательства в суд было представлено извлечение из указанного приказа, которое подтверждает соответствие направления подготовки 030900.62 Юриспруденция направлению подготовки 030500.62 Юриспруденция, и специальности 030501.65 Юриспруденция, а также соответствие направления подготовки 080100.62 Экономика (бакалавр 3 поколения) направлению подготовки 080100.62 Экономика (бакалавр 3 поколения), и специальности 080109.65 Бухгалтерский учет, анализ и аудит).

Как видно из материалов дела в 2011 году образовательное учреждение, осуществляя переход на систему многоуровневого образования, переоформило лицензию на право ведения образовательной деятельности сроком действия бессрочно, затем заявило о переоформлении документа, подтверждающего наличие лицензии, в связи с изменением наименования образовательной программы (в соответствии с пп.5 п.9 ст. 33.1 Закона РФ «Об образовании» от 10.07.1992 № 3266-1 в действующей на тот момент редакции) в связи с чем получило еще одно приложение к лицензии.

Такая формулировка закона говорит сама за себя. Отсюда следует вывод, что образовательное учреждение изначально действовало в соответствии с требованиями законодательства, и в соответствии со специальным разрешением, лицензией.

Как видно, все вышеуказанные факты свидетельствуют о правомерности образовательного учреждения в части проведения набора абитуриентов в 2011 году, приема 135 человек на 1-й курс в 2011 году и заключения с ними договоров на оказание платных образовательных услуг для обучения по основным профессиональным образовательным программам высшего профессионального образования по коду 62: 030900 Юриспруденция,

080100 Экономика, которые реализуются в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами.

Решение суда в такой ситуации представляется справедливым и правильным: заключение комиссии, проводившей проверку, было признано необоснованным, производство по делу об административном правонарушении было прекращено.

4. Следующая спорная ситуация посвящена вопросам кадрового обеспечения.

В протоколе комиссии указано, «что в нарушение пп. 6.2 ГОС ВПО по направлению подготовки 030500 Юриспруденция, степень (квалификация) — бакалавр юриспруденции по основной по образовательной программе высшего профессионального образования по направлению подготовки 030500 Юриспруденция преподавание по общепрофессиональным и специальным дисциплинам не обеспечивается педагогическими кадрами».

Действительно п. 6.2 ГОС ВПО по направлению подготовки 030500 Юриспруденция, степень (квалификация) — бакалавр юриспруденции предъявляет требования к кадровому обеспечению учебного процесса. Констатируя факт нарушения, комиссия, судя по всему, имела ввиду то, что по направлению подготовки 030500 Юриспруденция преподавание по общепрофессиональным и специальным дисциплинам не обеспечивается педагогическими кадрами, имеющими базовое юридическое образование и/или ученую степень, подразумевая абзац 3 п. 6.2 ГОС ВПО.

Такие однозначные заключения проверяющей стороны могут найти веские аргументы, учитывая весьма противоречивый характер указанной нормы. Обратимся к норме. В первом предложении абзаца 3 п. 6.2 ГОС ВПО говорится: «Вести преподавание общепрофессиональным и специальным дисциплинам могут преподаватели имеющие базовое юридическое образование и/или ученую степень». Тогда как уже во втором предложении сказано: «При этом, иметь ученую степень должны не менее 60 % преподавателей общепрофессиональных дисциплин». Поэтому, если применительно ко второму случаю государственным образовательным стандартом установлено непосредственное указание для вуза, то в первом случае вуз вправе действовать, руководствуясь общеизвестным диспозитивным правилом, согласно которому «разрешено все, что не запрещено законом».

Так или иначе, суд, приняв во внимание все обстоятельства, признал образовательное учреждение виновным в совершении административного правонарушения, однако освободил от ответственности в связи с малозначительностью.

5. В административной практике судов встречаются и такие ситуации.

В протоколе комиссией установлено отсутствие у образовательной организации спортивных площадок, отвечающих современным требованиям, и отсутствие документов, подтверждающих наличие в собственности или на ином законном основании оснащенных объектов физической культуры и спорта, а именно спортивных площадок, отвечающих современным требованиям, необходимых для осуществления образовательной деятельности по направлению подготовки 030900.62 Юриспруденция и соответствующих требованиям, установленным законодательством Российской Федерации в области образования, а именно

требованию п. 7.10 ФГОС ВПО по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»), утвержденного приказом Минобрнауки РФ от 04.05.2010 № 464.

Действительно п. 7.10 ФГОС ВПО по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр») устанавливает, что высшее учебное заведение вне расписания учебных занятий в обязательном порядке обеспечивает условия обучающимся для самостоятельных и под руководством преподавателей для занятий по физической культуре, которые проходят на спортивных площадках, отвечающих современным требованиям. В то же время нормативными актами, и в частности ФГОС ВПО по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»), не регламентируется каким конкретно современным требованиям должна отвечать спортивная площадка.

Как видно из постановления суда, учитывая необходимость организации в учебном заведении спортивной базы для проведения предусмотренных расписанием занятий по учебной дисциплине «Физическая культура» и внеучебных спортивно-оздоровительных мероприятий, образовательное учреждение привлекло партнера. Это было сделано для размещения последним спортивного клуба в помещениях здания по адресу ведения образовательной деятельности. Эти помещения использовались для организации занятий физкультурой по соответствующему договору возмездного оказания услуг, который был представлен комиссии, однако не был засчитан.

В судебном заседании представитель образовательного учреждения просил прекратить производство по делу, однако суд признал образовательную организацию виновной в совершении административного правонарушения.

Все дело в том, что пп. «а» п.5 Положения о лицензировании образовательной деятельности (утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.03.2011 № 174) говорит о наличии у образовательной организации в собственности или на ином законном основании (аренда, безвозмездное пользование) оснащенных зданий, строений, сооружений, помещений и территорий (включая объекты физической культуры и спорта).

В таких условиях образовательные организации могут ежегодно расходовать немалые финансовые средства для того, чтобы обеспечить своим студентам и сотрудникам достойные условия для занятий физической культурой и спортом, возможность занятий в современных фитнес клубах, даже не подозревая, что совершают длящееся административное правонарушение. И наоборот, может оказаться вполне достаточным одного коврика (находящегося в собственности образовательного учреждения или на ином законном основании) в кабинете для занятий физической культурой.

Представляется, что такое положение вещей в законодательстве требует скорейшего реагирования и реформирования.

В таких реалиях понятна и вполне оправдана позиция суда, раз за разом

вынужденному следовать общеизвестному правилу, изложенному в ч.4 ст. 1.5 КоАП РФ, согласно которому неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, толкуются в пользу этого лица. А в тех случаях, когда проверяющей стороны, изложенные в протоколе об административном образовательной правонарушении, опровергаются достаточными доказательствами организации, суд справедливо прекращает производство по делу за отсутствием состава административного правонарушения.

УДК 343.57

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЛЕНИИ РАЗМЕРОВ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ THE MATTER OF NARCOTIC AND PSYHOTROPIC SUSBTANCES DEMENSIONING

Фахрутдинова А.Н., асситсент кафедры теории госудасртва и права, Южно-Россйский государственный университет экономики и сервиса

Fakhrutdinova A.N., assistant of department Theory of state and law, South-Russian state university of economics and service

e-mail: alsu_fakhrutdinova@mail.ru

Аннотация: В работе рассматриваются некоторые коллизионные аспекты определения размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также анализируются новые поправки к УК РФ, внесенные с 01.03.2012 г.

Annotation: In this article some conflict matters of narcotic drugs and phsytropic substances demensioning are researched and also new amendments to Criminal Code of Russian Federation, coming into force from 1st March, 2012 are analised.

Ключнвые слова: наркотические средства, психотпропные вещества, поправки к УК, значительный, крупный и особо крупный размеры.

Key words: narcotic drugs, psychotropic substances, ammendments to the Criminal Code of Russian Federation, considerable, large and extra large ammount.

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ явление для нашей страны не новое. Более того, налаживание поставок и рынков сбыта этих запрещенных веществ осуществлялось на протяжении столетий. По началу, когда вещества только появились они естественно не находились под запретом, но законодатель начиная осознавать отрицательное их воздействие на организм человека стал изымать их из законного оборота, оставляя их использование законным только в медицинских целях.

Законодательное урегулирование проблем незаконного оборота наркотических веществ всегда находилось в состоянии постоянных поправок к правовым актов, регулирующих отношения в данной сфере. Так, например, 01.03.2012 была принята новая поправка к Уголовному кодексу Российской Федерации, которая в частности касалась преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. [1] Несмотря на общую тенденцию смягчения уголовного наказания, ответственность за данный вид преступлений была ужесточена, более того за некоторые квалифицированные виды преступлений была введена пожизненная уголовная ответственность.

В 2011 году было совершено 215 214 преступлений связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также их аналогов, из них 93 664 были совершены в крупном размере, а 71 327 – в особо крупном. Таким образом, 77 % преступлений в данной сфере были совершены в крупном и особо крупном размерах, что объясняет логику законодателя при ужесточении уголовной ответственности. [2]

Анализируя внесенные поправки к УК, можно проследить тенденцию к ужесточению наказаний за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, несмотря на то, что на настоящий момент законодатель стремится к смягчению наказаний, в частности упраздняя нижние санкции преступлений в некоторых статьях УК РФ. Наблюдая такую тактику законодателя в сфере незаконного оборота наркотических средств, можно сделать вывод о том, что рост числа преступлений в сфере НОН представляют большую общественную опасность, по этой причине законодатель пошел по пути ужесточения наказания в данной сфере. Что же собственно изменилось? А вот и ответ:

- водятся новые составы преступлений, а именно совершенно новые статьи 228.3 (незаконные приобретение, хранение или перевозка прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих эти вещества или части этих веществ), 228.4 (незаконные производство, сбыт или пересылка прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих эти вещества или части этих веществ);
- за склонение к потреблению наркотиков появилась нижняя санкции назначения наказания, а именно в абзаце втором части первой слова «до пяти лет» будут заменены словами «от трех до пяти лет» (ст. 230 УК Р Φ),
- ужесточается ответственность за контрабанду наркотических средств и психотропных веществ, совершенной при отягчающих обстоятельствах, теперь она может наказываться пожизненным сроком лишением свободы (ст. 229.1 УК РФ),
- вводится понятие сбыта наркотических средств или психотропных веществ в уголовно-исправительных учреждениях, или посредством СМИ, которые влекут за собой лишение свободы на срок от пяти до двенадцати лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до одного года либо без такового (ст. 228.1),
- теперь действия предусмотренные ст. 228.1 УК РФ, в том числе и совершенные посредством СМИ или в тюрьмах, совершаемые группой лиц по предварительному сговору или в значительном размере наказываются на срок «от восьми до пятнадцати лет», а не «от пяти до двенадцати», также появляется новое понятие в «значительном размере»,
- деяния, предусмотренные ст. 228.1, совершенные в особо крупном размере теперь могут наказываться пожизненным сроком лишения свободы,

Интересно отметить, что десятилетиями вплоть до 2003 г. перечень наркотиков и их криминальных размеров составлялся общественной организацией при Минздраве СССР,

затем России - Постоянной комиссией по контролю наркотиков. Она определяла, какой по размеру наркотиков их оборот преступен, а какой не преступен. [3]

В соответствии с заключением Постоянного комитета по контролю наркотиков [4] к небольшим размерам отнесены следующие количества наркотических средств (укажем наиболее «ходовые» наркотики): марихуана (высушенная) - от 0 до 0,1 г (включительно), гашиш - от 0 до 0,1 г, опий (в том числе медицинский), независимо от нейтральных наполнителей (мука, сахар, крахмал и др.), - от 0 до 0,1 г. [5] Следовательно, получалось, что лицо, приобретающее и хранящее наркотик для личного потребления без цели сбыта даже в размере одной дозы или одной сигареты (опий 0,2 - 0,4 г, марихуана около 4 г.), [6] привлекалось к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 228 УК РФ по признаку «крупного размера». В соответствии с п. 3 примечания к Сводной таблице заключений Постоянного комитета по контролю наркотиков об отнесении к небольшим, крупным и особо крупным размерам количеств наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, обнаруженных в незаконном хранении или обороте, указывалось, что для ряда наркотических средств рекомендации по небольшим размерам отсутствуют. Например, размеры героина (независимо от количества в нем примесей других веществ) определены следующим образом: рекомендации по небольшому размеру отсутствуют, крупный – 5 мг, особо крупный – свыше 5 мг. [7]

Стоит отметить, что крупный размер и особо крупный размеры наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, наркосодержащих растений утверждается Правительством РФ. [8] Но между тем в свете грядущих изменений законодательства с 1 января 2013 г. значительный, крупный и особо крупный размеры будут определяться уже согласно новому Постановлению Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». [9] К примеру, на настоящий момент особо крупным размером кокаина считаются – 5 г., а с 1 января 2013 г. особо крупным размером будет являться – свыше 1,5 кг. этого вещества, 25 г. - особо крупный размер гашиша на настоящий момент, а с 2013 г. особо крупным будет являться – 10 кг., героин – сейчас: 2,5 г., а с 2013 г. – 1 кг. Логика законодателя здесь вполне ясна, так как, к примеру, с 1 января 2013 г. за сбыт наркотического вещества в особо крупном размере предусмотрена уголовная ответственность в виде пожизненного срока лишения свободы.

Этим же Постановлением Правительство РФ утвердило новые размеры наркотических средств и психотропных веществ для целей уголовного наказания, определив в качестве «значительного» и «крупного» размеров те значения, которые ранее относились к «крупным» и «особо крупным» соответственно, и установив для «особо крупного» размера новые значения. Так, в частности, в отношении героина особо крупным размером будет

считаться размер свыше 10 граммов дезоморфина, опия, коки и маковой соломки - свыше 5, 20 и 100 килограммов сухого вещества соответственно.

Литература

- 1.Федеральный закон от 01.03.2012 № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 05.03.2012, № 10, ст. 1166.
- 2. Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, сильнодействующих веществ // Министерство внутренних дел РФ, URL: http://www.mvd.ru/ userfiles/ sb_12_11.pdf, (дата обращения: 10.08.212).
- 3. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Городец, 2007.
- 4. Утверждено Постоянным комитетом по контролю наркотиков, протокол от 04.06.1997 № 3/57-97 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 8.
- 5. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 10.
- 6. Д.А. Газизов Основные вехи развития законодательства Российской Федерации о противодействии незаконному обороту Наркотических средств на современном этапе // Административное право и процесс, 2012, № 5.
- 7. Сводная таблица экспертных заключений Постоянного комитета по контролю наркотиков об отнесении к небольшим, крупным и особо крупным размерам количеств наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, обнаруженных в незаконном владении или обороте» (утв. Постоянным комитетом по контролю наркотиков, Протокол от 16.01.2003 N 1/87-03) (ред. от 21.11.2003) // СПС, «КонсультантПлюс», 2012.
- 8. Постановление Правительства РФ от 7 февраля 2006 г. N 76 "Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 13.02.2006, № 7, ст. 787.
- 9. Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 08.10.2012, № 41, ст. 5624.

УДК 340.11

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ПРИОРИТЕТОВ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА: ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА SOCIAL POLICY AS ONE OF THE BASIC PRIORITY OF STATE LEGAL POLICY: FUNCTIONAL AND STRUCTURAL DESCRIPTION

Лабыгина А.В., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и уголовного права, ФГБОУ ВПО «Таганрогский государственный педагогический институт имени А.П. Чехова»

Labygina A.V., candidate of jurisprudence, docent of Chair of civil and criminal law, Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education «Taganrog's State Pedagogical Institute of A.P. Chekhov»

e-mail: dsdishka@mail.ru

Аннотация: Рассмотрены основные функции социальной политики государства и ее структура, предложены теоретические модели дальнейшего исследования данного института.

Annotation: The contents of the article covers the main functions of state social policy and its structure. The author proposes theoretical models and directions for further research of this institution.

Ключевые слова: Социальная политика, функции социальной политики, организационно-правовые механизмы социальной политики, механизмы социального обеспечения и поддержки, механизм правовой защиты прав и законных интересов граждан.

Key words: Social policy, functions of social policy, organizational-juridical mechanisms of social policy, social provision and support mechanisms, mechanisms of juridical defense of citizens' rights and legal interests.

Наиболее ярко социальная роль государства проявляется, конечно же, в социальной политике.

Прежде всего, необходимо отметить, что существует множество подходов к определению понятия «социальная политика». Большинство авторов рассматривают данную категорию как деятельность государства, других политических и социальных институтов, направленную на прогрессивное развитие социальной сферы общества, совершенствование условий, образа и качества жизни людей, обеспечение определенной части их жизненных потребностей, помощи и защиты с использованием для этого имеющегося финансового и иного общественного потенциала. Социальная политика — одна из главных составляющих

внутренней политики государства, его властных структур и стоящих за ними политических сил, направление политической деятельности, преследующее целью решение социальных проблем. В социальной политике находит свое воплощение социальная функция государства.

Социальную политику ряд исследователей рассматривают как «взаимоотношения классов, социальных групп по поводу сохранения и изменения социального положения населения в целом и составляющих его классов, слоев, социальных, социально-демографических, социально-профессиональных групп, социальных общностей» [1]; другие считают, что социальная политика — одна из главных сфер политической деятельности государств, политических партий, общественных организаций, являющихся субъектами политики, цель которой — развитие образующих то или иное общество классов, социальных групп, социальных слоев, национальных или иных этнических общностей, языковых групп, конфессиональных групп, а также на развитие (социализацию) человека» [2]. Третьи уточняют понятие социальной политики как «особый аспект внутренней политики, целью и содержанием которого является регулирование всего комплекса социальных процессов и отношений, форм общения между людьми» [3]. Социальная политика — одно из главных направлений внутренней политики государства, призванное обеспечить воспроизводство своих социальных ресурсов» [4].

Ю.Е. Волков дает такое определение социальной политики: «... деятельность государства, других политических и социальных институтов, направленная на прогрессивное развитее социальной сферы общества, совершенствование условий, образа и качества жизни людей, обеспечение определенной части их жизненных потребностей, оказание гражданам необходимой социальной помощи, поддержки и защиты с использованием для этого имеющегося финансового и иного общественного потенциала. Социальная политика — одна из главных составляющих внутренней политики государства, его властных структур и стоящих за ними политических сил, направление политической деятельности, преследующее целью решение социальных проблем. В социальной политике находит практическое воплощение функционирование социального государства» [5].

Реальная социальная политика представляет собой концепцию или программу действий государства и представляющих его должностных и юридических лиц, партий, движений, отдельных политических лидеров.

Многие авторы рассматривают социальную политику как совокупность теоретических принципов практических мер, вырабатываемых и реализуемых и негосударственными органами, организациями и учреждениями, государственными направленных на создание необходимых условий жизнедеятельности, удовлетворение социальных потребностей населения, создание в обществе благоприятного социального климата. Суть социальной политики государства, поставившего перед собой задачу стать государством социальным, состоит в обеспечении условий для повышения благосостояния, уровня жизни населения, создания социальных предпосылок в формировании экономических

стимулов развития производства. В социальном государстве идея реализации сильной, эффективной социальной политики выдвигается на первый план.

Несмотря на многочисленность определений социальной правовой политики и попытки большинства авторов рассмотреть теоретико-методологические проблемы данного института, большинство научных изысканий в данной области останавливаются на проблеме определения круга субъектов социальной правовой политики либо на проблеме определения приоритетов социальной правовой политики, ее принципов. Нельзя не отметить, что в настоящее время идет активное изучение данного института, поиск причин неудовлетворительной реализации социальных прав, однако, по мнению автора, без должного внимания осталась функциональная характеристика социальной правовой политики

Обращаясь к функциональной характеристике социальной правовой политики, невольно стает вопрос о том: не происходит ли здесь подмена функциональной характеристики указанного института с функциональной характеристикой государства в целом?

Социально-правовая политика, как и политика вообще, это институт, который, с одной стороны, обеспечивает работу государства путем установления определенных норм и правил в отношениях как между гражданами, так и между гражданами и органами государственной власти и органами местного самоуправления, а с другой — это институт, который создается государством и опирается на силу государственной власти.

Несомненно, основной целью социальной политики в целом является реализация социальных прав граждан, и это прямо закреплено в Конституции $P\Phi$, B свою очередь, в качестве целей социальной правовой политики можно выделить такие как:

- 1) интенсификацию законотворчества, повышение его качества, социальной и научной обоснованности, своевременное и полноценное правовое обеспечение проводимых реформ, усиление гарантий прав личности в социальной сфере;
- 2) формирование единого общероссийского политико-правового пространства, приведение в соответствие региональных нормативных актов с федеральными, устранение коллизий и противоречий между ними, минимизация противостояния центра и мест;
- 3) совершенствование методов реализации правовой политики, выработка предложений и рекомендаций по их оптимизации, повышению эффективности и правильному сочетанию мер убеждения и принуждения;
- 4) последовательную демократизацию всей политико-правовой сферы общества, недопущение применения силовых приемов разрешения возникающих конфликтов, предотвращение выхода на неконституционное поле, прекращение конфронтации между ветвями власти.

Таким образом, можно выделить следующие функции социальной правовой политики:

- регулятивную;
- стабилизирующую (стабилизационную);
- обеспечительную (компенсационную);
- интеграционную.

Рассмотрим более подробно каждую из указанных функций.

Регулятивная функция выражается в том, что социальная правовая политика не только элиминирует социально значимые интересы и потребности различных групп общества, но и обеспечивает взаимодействие последних путем принятия политических решений. Воздействуя на интересы групп, политика управляет социальными процессами и регулирует их, используя, прежде всего, различные правовые механизмы.

Стабилизирующая функция социальной правовой политики выражается в том, что посредством ее происходит выработка общих правил и механизмов их представительства и реализации. Тем самым социальная правовая политика выявляет конфликты и противоречия, предупреждает их и цивилизованно разрешает, обеспечивая поступательное развитие общества.

Компенсационная функция социальной правовой политики выражается в том, что помимо формулирования целей поступательного развития политика обеспечивает их реализацию путем создания мотивационного механизма, предоставляя индивиду эффективные возможности для удовлетворения его социальных потребностей, изменения его социального статуса. Данная функция выражается также в создании и нормативном закреплении гарантий прав и свобод для социально незащищенных лиц, обеспечивает общественный порядок в социальной сфере и организованность.

И наконец, интеграционная функция социальной правовой политики выражается в объединении социально неоднородных групп (например этносов). Реализация данной функции возможна благодаря способности социальной правовой политики улавливать тенденции общественного прогресса и в русле этих тенденций формулировать общие цели, разрабатывать проекты, определять социальные ориентиры, в которых будут представлены интересы всех политически значимых социальных групп.

Обращение к функциональной характеристике социальной правовой политики является необходимым условием для полноценного исследования проблемы обеспечения прав человека в целом и обеспечения и реализации социальных прав человека в частности. Функциональная характеристика социально-правовой политики помогает выявить и определить ее основные направления в области обеспечения социальных прав человека, приоритеты и принципы. Как отмечает Н.Н. Алексеев, «...всякое государство в процессе своей жизни осуществляет ряд весьма сложных заданий и целей, развивает некоторую целесообразную деятельность. В этой деятельности необходимо различать, прежде всего, те цели, которые ставит себе государство, и затем те средства, при помощи которых государство эти цели осуществляет...» [6].

Осуществление конкретных функций социальной правовой политики может как стабилизировать условия развития общества, оказывать созидательное влияние, так и усиливать кризисные состояния. Но не следует забывать, что социальная политика — это лишь часть государственной политики. И потому если речь идет о правовом социальном государстве, то его социальная роль должна проявляться не только в социальной, но и в иных видах политики: экономической, культурной, правоприменительной и т.д.

Как уже ранее неоднократно указывалось, одним из наиболее важных итогов в развитии конституционного права в большинстве развитых стран мира на рубеже XIX и XXвв. стало конституционное закрепление ответственности государства за организацию социального обеспечения граждан и формирование развитой законодательной базы, закрепляющей комплекс социальных гарантий.

В условиях объективно возрастающих социальных рисков материальной необеспеченности населения, прежде всего наемных работников и членов их семей, государство должно путем разработки и применения законов, экономических и организационных механизмов координировать усилия всех субъектов правоотношений. Создавать эффективные системы социальной поддержки населения. Данная линия развития национальных правовых систем получила свое выражение в ряде международных документов: Всеобщая декларация прав человека (1948г.), Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах человека (1966 и 1996).

В условиях становления современной отечественной государственности данная проблема также требует своего решения. В настоящее время особое значение приобретают вопросы эффективного управления процессами в социальной сфере. Это проистекает как из социального характера Российской Федерации, закрепленного в конституции, так и из объективно существующей необходимости социального благополучия граждан как основы доверия государственной органам власти.

Можно с уверенностью утверждать, что эффективная государственная политика по решению социальных вопросов является одним из наиважнейших условий развития государственных институтов, укрепления управляемости страны и обеспечения достойной жизни граждан. Кроме того моральное благополучие и уровень социальной защищенности граждан оказывают существенное влияние и на морально-психологическое состояние общества в целом.

Социальная политика реализует специфическую социальную функцию государства, т.е. является реализующей подсистемой.

Внутри системы государственной политики выделяют три подсистемы: институциональная, технологическая, ценностно-нормативная.

Институциональная подсистема характеризует совокупность форм социальноправовой практики, связанных с формированием государственной политики, определением сфер компетенции и методов деятельности ее субъектов; институционализации статуса объектов государственной политики; выделением ресурсов для ее осуществления; общественно-государственными механизмами реализации политики.

Технологическая подсистема включает элементы управленческого цикла в процессе принятия и реализации целей и решений: деятельность субъектов политики по выработке перспективных целей; доведение решений по достижению целей до взаимодействующих субъектов, организация исполнения решений; получение объектами социальной политики социальных благ и компенсаций по направлениям, связанным с их статусом; обратная связь субъектов политики на основе установленных критериев ее эффективности.

В ценностно-нормативную подсистему входят следующие элементы: нормативно правовая база по определению правового статуса инвалидов боевых действий и государственной политики по их социальной защите; социально-значимые цели государственного развития на основе общественного признаваемых ценностей.

Выделенная совокупность элементов и взаимосвязей между ними позволяет разработать на их основе нормативную модель государственной политики в социальной сфере в условиях российского социального государства.

Исследование понятия и сущности данного института в социальной сфере предполагает анализ следующих ее аспектов:

- а) предназначение и задача политики как механизма реализации специфической социальной функции государства;
 - б) структура, статус и компетенция субъектов этой политики;
 - в) правовой статус объектов рассматриваемой политики;
 - г) правовая база ее осуществления;
 - д) направления политики;
 - е) орагнизационно-технологические элементы проведения;
 - ж) механизмы реализации;
 - з) критерии эффективности;
 - и) вопросы обеспечения.

Предназначение государственной социальной политики выражается в том, что она является институциональным механизмом реализации важнейшей социальной функции современного Российского государства а именно создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Что касается субъектов государственной социальной политики то в точно не представляется возможным поскольку не существует четкости и ясности в перераспределением полномочий и ответственности между органами государственной власти субъектов $P\Phi$ и федеральными органами государственной власти, а также органами местного самоуправления. Тоже самое касается и объекта социальной политики государства.

Государственная политика в социальной сфере опирается на определённую законодательную базу, изучение которой в свою очередь позволяет выделить основные направления государственной социальной политики.

Осуществление государственной политики производится путем функционирования ее организационно технологических элементов, представляющих собой различные этапы управленческого процесса.

К элементам характеризуемой государственной политики относятся: формирование структуры органов государственного управления в данной сфере и установление отношений взаимодействия между ними; разработка перспективного курса и принятие долгосрочных государственных решений по развитию социальной сферы; применение административных средств реализации принятых государственных решений; осуществление государственного контроля и арбитража.

Механизмы государственной социально политики можно объединить в три группы: организационно-правовые механизмы; механизмы социального обеспечения и поддержки; механизм правовой защиты прав и законных интересов граждан.

К механизмам социального обеспечения и поддержки относятся: система медикосоциальной экспертизы и реабилитации; реализация системы льгот, выплат и компенсации; привлечение общественности к социальной интеграции и т.д.

В группу финансово-экономических механизмов входят: механизм бюджетного финансирования законодательно определенных мер социальной защиты; целевое государственной финансирование в форме программ; создание льготных условий для экономической деятельности; механизм привлечения внебюджетных средств на социальные нужды.

Отдельного рассмотрения требует вопрос определения показателей эффективности государственной социальной политики.

А.Г. Чепурной представляет, что показатели эффективности социальной политики государства разделяются на три группы. Первая группа включает показатели социально защищенности, экономического и морального благополучия граждан. Вторая группа включает показатели технологичности осуществления мероприятий государственной политики и достижения на этой основе оптимального расходования выделяемых ресурсов. Третья группа включает показатели правильности, т.е. соответствия нормативным требованиям, что обеспечивает устойчивость и стратегическую выверенность. В месте с тем нельзя не согласить с мнением В.Б. Савостьяновой о том, что «общепринятыми в мире параметрами качества управления и эффективности социальной политики являются: средняя продолжительность жизни, рост численности населения, заселенность территории, а не процент приватизированных предприятий» [7].

В содержание вопросов обеспечения государственной социальной политики включаются: нормативно-правовое обеспечение, информационное обеспечение, финансово-экономическое обеспечение, кадровое и научное обеспечение.

Представленный подход к проблеме реализации социальной политики государства является, по мнению автора, наиболее обоснованным и перспективны. Именно он мог бы

лечь в основу концепции государственной социальной политики, потребность в которой, современного российского государства очевидна.

Литература

- 1. Ракитский Б.В. Социальная политика, социальная защита, самозащита трудящихся в обществе. Часть 1. Социальная политика // Трудовая демократия. Выпуск 9. М., 1997. С.2.
- 2.Овчинников В.С. Политика социальная // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С.566-567.
- 3. Зайцев В.И., Логвинов С.А. Социальная политика государства важнейший инструмент регулирования социальных процессов в рыночном хозяйстве // Стратегическое планирование. М., 1998. С.76.
 - 4. Социальная политика в регионах России. М., 1998 г. С.4.
- 5. Волков Ю.Е. Социальная политика. Социальное государство: Краткий словарьсправочник. М.: АТиСО, 2002. С.207.
 - 6. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 2003.
- 7. Савостьянова В.Б. Роль государства в реализации конституционных прав граждан на пенсионное обеспечение и социальные льготы //Государство и право, 2005, N o 5

УДК 343

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ИСТЯЗАНИЯ И УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ЛЕГКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ CRIMINAL MATTERS AND INDUSTRIAL RELATIONS TORTURE CAUSING BODILY HARM

Деркунский Д.В., преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, НОУ ВПО «Северо-Кавказский гуманитарный институт»

Derkunsky D.V., lecturer in Criminal Law of the North-Caucasian Institute for the Humanities

e-mail: skgi_institut@mail.ru

Аннотация: в статье раскрываются основные уголовно-правовые аспекты соотношения истязания и умышленного причинения легкого вреда здоровью

Annotation: the article deals with main legal and criminal aspects of the ratio of torture and intentional infliction of bodily harm

Ключевые слова: истязание, умышленное причинение легкого вреда здоровью Key words: torture, intentional infliction of bodily harm

В уголовно правовой литературе нередко поднимается вопрос об отграничении побоев (ст. 116 УК РФ) от истязания (ст. 117 УК РФ), от умышленного причинения легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ). Вопросам же конкуренции последнего и истязания уделяется меньше внимания. По видимому отчасти, потому что ст. 117 УК РФ охватывает последствия указанные в ст. 115 УК РФ. Однако на наш взгляд недостатки в конструкции обеих норм могут привести и нередко приводят к неверной квалификации преступного деяния. Между тем, умышленное причинение легкого вреда здоровью относится к категории преступлений небольшой тяжести, истязание же в части первой к преступлениям средней тяжести, а в части второй к тяжким.

Проблемы квалификации, в первую очередь, кроются в объективной стороне обоих составов преступлений. Так способ умышленного причинения легкого вреда здоровью законодателем не определен, поэтому вред может быть причинен любыми действиями или бездействием. В большинстве случаев данное преступление совершается в активной форме. Способ совершения истязания законодателем на первый взгляд определен – систематическое нанесение побоев. Однако в процессе квалификации сотрудники правоохранительных органов, установив, что побои носят систематический характер, автоматически определяют их как истязание, подразумевая, что подобные побои причиняют физические или психические страдания. Тем не менее, на наш взгляд — это более верный подход, чем

установление физических или психических страданий исходя из слов потерпевшего. Так интервьюирование участковых инспекторов показало, что основную долю преступлений, возникающих на почве семейно-бытовых отношений, составляют побои, умышленное причинение вреда здоровью, а так же истязания. При этом потерпевшие нередко меняют свои показания либо сознательно усугубляя положение виновного, либо не желая привлечения к уголовной ответственности своих близких.

Так, суд переквалифицировал с п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ на ст. 115 УК РФ действия М., который в состоянии алкогольного опьянения, взяв швабру, умышленно стал наносить ею удары по голове и телу своей матери, причинив телесные повреждения, характеризующиеся, согласно заключению эксперта, как легкий вред здоровью. При этом суд счел недоказанным и подлежащим исключению из предъявленного обвинения эпизод причинения физических страданий потерпевшей, поскольку в судебном заседании подсудимый не признал себя виновным в совершении насилия к матери. Сама потерпевшая подтвердила, что к ней сын насилия не применял, как и не наносил побоев, не причинял физических страданий, а только обмотал вокруг тела и завязал на ней поливной шланг, зачем это делал, ей не говорил, не душил ее шлангом, никаких побоев на теле не было. И поскольку других доказательств по данному эпизоду получено не было, суд разрешил все сомнения в пользу подсудимого [10]. Здесь не трудно заметить стремление матери уберечь от сурового наказания своего жестокого сына, пренебрегая своими интересами, и меняя показания в суде в пользу виновного.

Потерпевшие от насилия в семейно-бытовых отношениях, обращаясь к сотрудникам правоохранительных органов, в большинстве случаев стремятся к прекращению или предотвращению подобного поведения со стороны виновных, не желая привлечения их к уголовной ответственности, так сказать напугать. Сотрудники же, усмотрев в действиях виновного признаки истязания, обязаны привлечь его к ответственности. Это в свою очередь требует временных затрат сотрудников и порой, вызывает недовольство со стороны участников конфликта, что способствует формированию негативного отношения к органам, обеспечивающим правопорядок со стороны населения в целом. Облегчить ситуацию можно, отнеся основной состав истязания к делам частного обвинения.

Состав истязания уточняет, что побои должны носить систематический характер, иначе квалификация по данной статье исключается (однако это спорный вопрос). Систематичность является сугубо оценочным понятием. Причем вопрос о его толковании однозначно не решен не только в правоприменительной практике, но и в теории уголовного права. В рамках данной работы мы не имеем возможности всесторонне рассмотреть этот криминаобразующий признак истязания. Отметим лишь общие признаки систематичности. Побои должны представлять собой единый поведенческий акт, направленный на причинение физических или психических страданий потерпевшему. Ранее в Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 25 сентября 1979 г. «О практике рассмотрения судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч. 1 ст. 130 и ст. 131 УК РСФСР» уточнялось, что ни по одному из эпизодов не должны истечь сроки давности [1]. После отмены

названного постановления такое уточнение перестало быть обязательным для правоприменителя. Это привело к возможности более широкого толкования и без того размытого понятия.

Однако помимо побоев в ст. 117 УК РФ законодатель указал и на иные действия как способ совершения истязания. Под иными действиями понимается и однократно совершенное любое действие, что делает ближе рассматриваемые составы. Единственным отличием при этом является то, что в истязании действия должны причинять физические или психические страдания (если считать, что преступление имеет материальный состав). Понятие страданий законодателем не определено, что относит его, как и систематичность к категории оценочных. Однако в отличие от последнего понятие страдания не раскрывалось и в постановлениях Пленума Верховного Суда, поэтому и трактуется весьма неоднозначно. Мы разделяем мнение тех авторов, которые определяют страдания как превосходную степень боли. Симонов В.И. считал, что страдания – это либо боль с постоянным ожиданием возможности ее повторения, либо особенно сильная боль, – отсюда проистекает и ее новое качество [8].

Кроме изложенного в истязании способ имеет еще одну особенность, который отличает его от умышленного причинения легкого вреда здоровью. Речь идет о бездействии, то есть законодатель определил, что истязание может быть совершено только в активной форме. В то время как умышленное причинение легкого вреда здоровью возможно и путем бездействия. Таким образом возникает ситуация, при которой в случае причинения физических или психических страданий путем бездействия, повлекшее наступление легкого вреда здоровью потерпевшего, деяние будет квалифицироваться по ст. 115 УК РФ. А не повлекшее таковых последствий и вовсе исключает уголовную ответственность (при отсутствии признаков иного состава преступления), что противоречит принципу справедливости.

Рассматриваемые преступления имеют одинаковый видовой и родовой объект. Родовым объектом является совокупность общественных отношений, возникающих по поводу существования охраняемых законом интересов личности, видовым объектом совокупность общественных отношений, возникающих по поводу существования охраняемых законом жизни и здоровья человека. Это и некоторые другие положения дают основание отдельными авторам признавать в качестве непосредственного объекта истязания здоровье человека [2; 3; 4; 6; 7], что так же говорит о его схожести с составом умышленного причинения легкого вреда здоровью. Акимова Э.А. пишет о том, что психические переживания человека приводят в итоге к расстройству его здоровья: «... это, разумеется, негативно сказывается на нормальной жизнедеятельности человека, а в конечном счете, и на его здоровье» [5]. С мнением этих авторов стоит не согласиться, иначе в общественные отношения, обеспечивающие здоровье человека, необходимо было бы признать объектом таких преступлений, как, например, клевета и оскорбление, так как потерпевший от этих преступлений, несомненно, испытывает определенные психические переживания.

Однако эта проблема требует самостоятельного рассмотрения. Ограничиваясь же рамками озаглавленной темы работы поясним, что мы придерживаемся, мнения таких авторов как Г.И. Чечель, который, рассуждая об объекте истязания, пишет, что в этом случае посягательство осуществляется на телесную неприкосновенность лица [9].

Учитывая вышеизложенное мы считаем, что было бы более точным считать непосредственным объектом истязания общественные отношения, возникающие по поводу существования охраняемых законом физической или психической неприкосновенности личности. Таким образом объект так же может быть положен в основу отграничения истязания от умышленного причинения легкого вреда здоровью.

В зависимости от степени опасности для жизни или здоровья человека насилие в теории уголовного права, а также в УК РФ подразделяется на две группы:

- 1) насилие, опасное для жизни или здоровья, и
- 2) насилие, не опасное для жизни или здоровья потерпевшего.

Сущность первой группы определяется тем, что данный вид насилия создает реальную угрозу причинения смерти, тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью либо влечет их наступление. Вторая группа связана с причинением боли, страданий, утратой физической или психической свободы, если при этом не создается реальной угрозы наступления последствий, характерных для насилия, опасного для жизни и здоровья.

В уголовном законодательстве данные указанные виды насилия являются неравноценными. Насилие, опасное для жизни и здоровья является соответственно более общественно опасным. Например, наличие этого признака в качестве квалифицирующего в составе захвата заложника переводит его из категории тяжких в категорию особо тяжких. Подобное усиление уголовной ответственности можно наблюдать в каждой статье Уголовного Кодекса РФ, конструкция которой содержит названый квалифицирующий признак. Однако ст. 117 УК РФ предусматривает равную уголовную ответственность за истязание повлекшее вред здоровью и не повлекшее такового. Мы считаем, что более соответствующим принципу справедливости было бы выведение легкого вреда здоровью за рамки состава истязания. Это так же позволит отнести истязание к насильственным преступлениям не опасным для здоровья. При этом истязание, повлекшее умышленное причинение легкого вреда здоровью можно будет квалифицировать по совокупности ст. 117 и ст. 115 УК РФ.

Исходя из вышесказанного, мы предлагаем исключить из статьи об истязании, возможность причинения легкого вреда здоровью посредством ссылки в негативных признаках нормы на ст. 115 УК РФ и понизить уголовную ответственность за истязание по части первой до 2 лет лишение свободы, что позволит отнести истязание к категории преступлений небольшой тяжести. При этом ч. 1 ст. 117 УК РФ необходимо приравнять к преступлениям частного обвинения.

Литература

- 1. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 25 сентября 1979 г. «О практике рассмотрения судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч. 1 ст. 130 и ст. 131 УК РСФСР // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации 1961-1993. М., 1995.
- 2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1997.
- 3. Мельниченко А.Б., Кочубей М.А., Радачинский С.Н. Уголовное право: Особенная часть. Ростов н/Д, 2001.
- 4. Уголовное право России: Учебник для вузов. Т.2. Особенная часть / Под ред. д.ю.н. проф. А.Н. Игнатова и д.ю.н. проф. Ю.А. Красикова. М., 2000.
- 5. Акимова Э.А. К вопросу о физических и психических страданий при истязаниях // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Материалы международной научно-практической конференции. М., 2004.
- 6. Векленко В., Галюкова М. Уголовно-правовой анализ понятия «вред здоровью» // Уголовное право. 2007. № 1.
- 7. Дашиева А.Д. Конкуренция норм при квалификации деяний как истязание или жестокое обращение в отношении несовершеннолетнего по УК РФ // Бизнес в законе. 2011. № 3.
- 8. Симонов В.И. К вопросу о понятии истязания. // Вопросы совершенствования уголовноправовых мер борьбы с преступностью. Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск. 1983.
- 9. Чечель Г.И. Систематическое нанесение побоев как признак истязания // Гарантии прав личности и проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства: Сборник научных трудов. Ярославль, 1989.
- 10. Приговор по делу М. от 14.05.1999. Дело № 1-364/99 // Архив Минераловодского районного суда Ставропольского края.

УДК 343

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ НРАВСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНЫХ НОРМ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ РЕЖИМА СОДЕРЖАНИЯ АРЕСТАНТОВ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ТЮРЕМНЫХ ЗАМКАХ LEGISLATIVE CONSOLIDATION OF MORAL AND RELIGIOUS STANDARDS IN THE EXECUTION OF THE REGIME OF PRISONERS HELD IN THE PRISON CASTLES BECAUSE

Канцерова Т.К., преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин НОУ ВПО « Северо-Кавказский гуманитарный институт»

Kantserova T. K., teacher of the department of state and legal disciplines of the North-Caucasus Humanitarian Institute

e-mail: skgi_institut@mail.ru

Аннотация: Анализ нравственно-религиозных норм, влияющих на режим содержания арестантов.

Annotation: The analysis of the moral and religious norms that affect the regime of detention of detainees.

Ключевые слова: нравственно-религиозные нормы, режим содержания, исполнение наказания, арестанты.

Key words: the moral and religious norms, regime of detention, execution of punishment, prisoners.

На протяжении всей истории пенитенциарное законодательство формировалось как комплекс ограничений, применяемых к арестантам, которые обеспечивались принудительным воздействием государства в виде установленного режима содержания, признание тюремной администрации в качестве единственного субъекта по реализации изоляции, пресечение нарушения порядка отбывания наказания и дисциплинарную практику.

Режим содержания в местах лишения свободы в дореволюционной России был очень суров, что неоднократно отмечалось в юридической пенитенциарной науке.

В начале XIX века в пенитенциарной науке и практике появляются новые пенитенциарные меры, способствующие укреплению режима содержания и исправлению арестантов. Это нравственно-религиозное воздействие на арестантов, чтобы вызвать смирение с той обстановкой в которой они находятся и исправление нравственности.

Исполнение наказания всегда находится в неразрывной связи с исправительным режимом и имеет цель «преднамеренного причинения виновному известных страданий и

явлений, специально рассчитанного на то, что он будет претерпевать наказание как страдание за причиненное обществу зло» [1].

Практически во всех тюремных замках XIX века существовали церкви, которые выполняли огромную роль в усмирении и покаянии арестантов, что значительно влияло на режим содержания. К примеру: в Ставропольском тюремном замке церковным попечителем был один из купцов участковых, и в его заведении была церковная утварь. Так в течение 1850 года в церкви осуществляли религиозные обряды 279 арестантов. Грамотные всегда снабжались для чтения из имущества при церкви библейскими книгами и писаниями духовно-нравственного содержания.

В церкви Ставропольского губернского тюремного замка отправлялись службы всех великих постов особо надлежащим священником, из подсудимых состоял хор певчих. «Тяжко вздыхая, слушали арестанты слово, которое было приноровлено к их быту... По лицам многих текли горячие слезы. Стоящий кандальник, гремя цепями, опустился на колени. Седой как лунь старик горел от стыда. После службы арестанты подошли к кресту и без шума разошлись по камерам» [2].

В Инструкции смотрителя губернского тюремного замка 1831г. в главе 6 (ст.92-129), определялись общие обязанности арестованных и религиозные правила, которые они должны были выполнять.

Содержащиеся в замке арестанты должны были вставать летом в 5 утра, зимою в 6 утра, о чем извещалось колоколом. Каждый из арестантов должен был умыться, расчесать волосы, одеться и убрать свою постель опрятно. Затем все камеры подметаются арестантами простого звания, открываются форточки. После уборки грамотный арестант читает внятно и вслух утренние молитвы, если в камере не находилось ни одного грамотного арестанта, то поручалось прочтение молитв арестантам из других камер, после чего отводили их обратно в свои камеры. Во время молитвы все должны стоять смирно, не разговаривать не под каким предлогом, не лежать ни под каким предлогом, за этим наблюдали приставники. После совершения молитвы в рабочие дни приставники получив приказание Смотрителя тюремного замка, объявляли наряды, кто, чем из арестантов должен заниматься в течение дня. Во время занятий допускаются лишь приличные вопросы, или разговоры, не останавливающие занятий и относящиеся к самим только занятиям. Для того чтобы было тихо и не было посторонних разговоров один из арестантов должен читать духовные книги по назначению священника. О времени обеда извещалось колоколом, на время обеда должны сдаваться инструменты приставнику. Перед принятием пищи и после читалась молитва. За обедом и ужином все должны сидеть благопристойно и не разговаривать между собой. По окончании ужина спустя полчаса по камерам проводилась проверка арестантов караульным офицером с помощником смотрителя и потом читается вслух грамотными арестантами молитва на сон грядущий. После совершения молитвы все ложатся спать, никто не должен ложиться в постель, не скинув верхнего платья. Всякий, раздевшись должен положить свое платье и обувь в пристойном порядке. Всем содержащимся в тюремном замке дозволялась

прогулка во двор, под присмотром достаточного караула, но всегда так, чтоб каждый разряд был порознь, т.е. должна была соблюдаться изоляция. Во время Великого поста, все арестанты христианского исповедания должны были говеть по очереди. Число говеющих, и кто именно на какой неделе должен говеть определялось Смотрителем тюремного замка, по согласованию со священником. Арестанты другой веры во время молитв в церкви могли оставаться для молитв в камерах или им должна была отводиться отдельная комната, также для иноверцев могли приглашаться их священники [3].

Влияние религиозных норм на духовно-нравственное состояние арестанта состояло в изменении его человеческой натуры, стремление заслужить прощение и положительную оценку в процессе исполнения наказания. Общая тюремная инструкция 1915 года в соответствии со ст. 244-245 регламентировала также проведение для арестантов в свободное от работы время духовно-нравственные и общеобразовательные чтения. Законодательно закреплялись цели воспитания правильных понятий о религии, для поддержания режима содержания в местах лишения свободы и, конечно же, все эти меры не могли не влиять на нравственное состояние большинства арестантов, содержащихся в тюремных замках.

«Нельзя одержать победы над распущенностью арестанта, ни над его пороками без обращения к содействию религии, если душа его не будет подготовлена к получению религиозного утешения» [4].

Следовательно, исправление нравственности может быть успешным на высоком уровне организованности религиозного просвещения в местах лишения свободы. Поэтому тюремный священник должен избрать такой способ воздействия на арестанта, при котором заинтересованность арестанта в своем исправлении была бы достигнута, а тюремный режим принимался бы как должное за совершенное им преступление.

Литература

- 1. Ременсон А.Л. Избранные труды. Томск, 2008. С.19-20
- 2. Газета Северный Кавказ. 1885 год. №31.
- 3. Инструкция смотрителя губернского тюремного замка. Санкт-Петербург, 1831 С. 18-22.
- 4. Стевенс И. Одиночные тюрьмы в Бельгии, их физическая и нравственная гигиена/Пер. с фр. Москва, 1903. С.148

УДК 316.6

AHAЛИЗ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ ВИКТИМНОЙ ЛИЧНОСТИ ANALYSIS OF THE BASIC STAGES OF DEVELOPMENT OF VICTIMA PERSONALITY

Литвинова Н.Н., кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, Ставропольский технологический институт сервиса (филиал) ЮРГУЭС

Litvinova N.N, the candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department General subjects, Stavropol technological service Institute (branch) of YURGUES

e-mail: n-lit@yandex.ru

Красикова Е.А., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры бщеобразовательных дисциплин, Ставропольский технологический институт сервиса (филиал) ЮРГУЭС

Krasikova E.A., the candidate of philosophical Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department General subjects,, Stavropol technological service Institute (branch) of YURGUES,

e-mail: www.krasikova@rambler.ru

Пинахин А.И., студент, Ставропольский технологический институт сервиса (филиал) ЮРГУЭС

Pinakhin A.I., student, Stavropol technological service Institute (branch) of YURGUES

Аннотация: Рассмотрены основные этапы и факторы, влияющие на формирования виктимной личности.

Abstract: Discusses the main stages and the factors, affecting the formation of victima personality.

Ключевые слова: виктимология, виктимная личность, насилие.

Key words: victimalogos, victima identity, violence.

Многие исследователи отмечают рост насилия в современном обществе. Общепринято считать, что насилие возможно в патологических семьях, в поведении психически больных людей, по отношению к врагу, но это не так. Проблема насилия волновала людей издавна, в истории этико-философской мысли мы встречаем различные оценки феномена насилия. По убеждению некоторых раннехристианских авторов, в своей

частной жизни христианин должен следовать принципам полного ненасилия. Его единственной надеждой и примером является сам Господь Иисус Христос. Применить силу истинный последователь Христа может, по мнению Августина Блаженного, только защищая ближнего. Такой взгляд был выражен еще в послании апостола Павла к Римлянам (глава 13) и 1-м послании к Тимофею (2, 1-2), а также в 1-м послании апостола Петра (2, 13-17).

Так же существовали теории, которые оправдывали применение насилия. Традиция рассмотрения человека как изначально злого существа тянется с древнейших времен. Древнекитайская школа законников (Фа-цзя), Макиавелли, Гоббс и Кант - мыслили о человеке как о носителе всех бед и разрушений, существующих в обществе. В частности, еще философы античности восхваляли не только мудрых, но и сильных правителейпобедителей (Платон в «Государе», Аристотель в «Политике» и др. Н.Макиавелли, считал, что умелый политик должен сочетать в себе определенную долю мудрости и жестокости, необходимую для сохранения государства. Э.Геккель, основываясь на естественных законах борьбы за существование, пытался обосновать справедливость и благотворность смертной казни по отношению, как он выражался, «к неисправимым преступникам и негодяям». Наиболее крайним проявлением морального оправдания применения насилия можно назвать приверженцев концепции «справедливой войны» с неверными, разработанной еще христианскими теологами Св. Августином, Ф.Аквинским и др. Согласно утверждениям, насилие нравственно допустимо в том случае, если оно творится с «благими намерениями». Такие рассуждения характерны и для крайних сторонников исламского фундаментализма: так называемая «борьба с неверными» (джихад) не является грехом, а напротив, истинный мусульманин обязан бороться с неверными.[2]

Абсолютное оправдание использования насилия исходит из сопоставления его цели и средств, которые можно охарактеризовать знаменитой фразой Н.Макиавелли: «Цель оправдывает средства». Наиболее действенной материализацией этой точки зрения является фашизм. Идеология «сверхчеловека» и «лучшей расы» Ф.Ницше выражается в следующих словах: «Мы думаем, что жестокость, насилие, рабство, опасность физическая и нравственная, скрытность, стоицизм, искусство соблазнять и всевозможная дьявольщина, как и все злое, страшное, тираническое, хищническое и змеиное в человеке – благоприятствуют возвышению породы «человек», как его контраст» [1].

Пересмотр роли и места насилия в системе культуры связан с достижениями целой плеяды выдающихся исследователей во всех областях познания. В психиатрии - это фигуры Чезаре Ломброзо и Рихарда Крафт-Эббинга; в психологии - это, безусловно, Зигмунд Фрейд и его психоанализ; не чужды этой проблеме Ясперс, Фромм, Гроф, и многие другие.

Факторы, провоцирующие насилие, пытаются объяснить многие существующие в настоящее время теории:

а) психопатические, центрированные на предрасположенностях к насилию родителей (алкоголь, наркотики, низкая самооценка, аэмпатичность, коммуникативная некомпетентность, социальная изолированность, социальные, психологические и

психиатрические проблемы, депрессивность, отсутствие самоконтроля, суицидальные наклонности, агрессивность, потери близких особенности партнера по общению, такие как физические и психические недостатки;

- б) социальные, объясняющие насилие внешние (социальные) факторы и условия влияние социокультурных факторов (т.е. на стереотип семейных отношений, усвоенный еще в детстве и принятый в данной социальной группе), на жилищные и материальные условия, порождающие хронический психологический стресс и посттравматические расстройства. (бедность, низкий уровень дохода, безработица, социальная изоляция и закрытость семьи, перенаселенность, низкий образовательный и культурный уровень);
- в) психологическая теория основывается на представлении, согласно которому человек сам «участвует» в создании предпосылок для жестокого обращения, что автоматически выливается в концепцию плохого обращения как конечного результата деструктивных отношений.
- г) психосоциальные, стремящиеся интегрировать психологические и социальные факторы насилия; в данных моделях факторы насилия подразделяются на структурные, ситуативные и коммуникативные, причем именно последние являются ключевыми и определяющими проявления насилия: особенности межличностных взаимодействий являются либо «ингибитором», либо «катализатором» действия структурных и ситуативных факторов насилия, в последнем случае происходит эскалация насилия или «принудительная спираль насилия». [3]

Весьма распространенной в обществе является психологическая форма насилия: грубость, унижение друг друга, а также физическое насилие – рукоприкладство. Чаще всего насилие совершается по отношению к более слабому (дети, пожилые и больные люди). Современное воспитание насильственно по своей природе, ребенок чаще всего воспринимается как субъект, не имеющий своих мыслей, чувств, потребностей. Не редко можно услышать фразы: «Я лучше знаю, что тебе надо», «Мал еще иметь свое мнение», «Помолчи, когда разговаривают старшие», при общении родителей со своими детьми. Многие не понимают, что это и есть проявление психологического насилия по отношению к своим детям, так формируется виктимное поведение.

Насилие широко распространено в практике обыденной жизни. Оно настолько привычно, что мы и не считаем насилие насилием, это норма. Психологи для обозначения феномена насилия используют непереводимое английское слово abuse - абьюз. Это слово образовано из слияния двух слов и дословно означает «ненормальное использование» или «тобой злоупотребили». Слово же «насилие» обычно обозначает лишь крайнюю степень выраженности абьюза, причем сопряженную с физическим воздействием. Абьюз включает в себя весь спектр ненормального использования, начиная от оскорбления или издевательства и кончая крайним физическим и сексуальным насилием. Взрослые, пережившие в детстве насилие, так же, как и большинство жертв жизненных травматических событий, страдают

либо от пониженного, либо от повышенного контроля за своими чувствами, импульсами, уровнем тревоги, это можно отнести к отдаленным последствиям.[1]

Большинство исследователей сходятся в том, что результатами пережитого в детстве насилия, так называемыми «отставленными эффектами травмы», являются нарушения Я – концепции, чувство вины, депрессия, трудности в межличностных отношениях и психологические дисфункции. Очень важным отличием жертв во взрослом возрасте является неспособность справляться с проблемами, а также искать и получать помощь от окружающих людей. Когда ребенок-жертва не получает помощи от собственных родителей, это подрывает его способности к поиску помощи и взаимоотношениям с людьми в будущем. Психологическое насилие было признано как вид насилия над детьми сравнительно недавно – лишь в 1980 году. И если все остальные формы насилия легко диагностируются, поскольку имеют четкие физиологические последствия, то явные признаки психологического воздействия редко видны, а последствия при этом могут быть чрезвычайно тяжелыми.

Психологическое насилие над ребенком не позволяет ему создать положительный образ Я, снижает самооценку, препятствует развитию социальных навыков, способности к близости и доверию, мешает установлению здоровых межличностных отношений. Основные типы искаженного родительского отношения — депривация и симбиоз — рассматриваются в настоящее время как психологическое насилие. Именно они, и ложатся в основу формирования виктимной личностной организации, которая вынуждает ее обладателя всю последующую жизнь вызывать на себя другие ситуации насилия.[2]

Термин «виктимология» в буквальном смысле означает «учение о жертве» (от лат. victima — жертва и греч. logos — учение). Эта наука возникла в результате изучения жертв преступлений и изначально развивалась только в рамках криминологии, однако со временем представления о ней претерпели изменения. На сегодняшний день виктимология — социально-психологическая область знания, изучающая различные категории людей — жертв неблагоприятных условий социализации и требующих специальной социальной и психологической помощи.

Вопросы виктимологии стали объектом научных исследований лишь со времен второй мировой войны. В 1945 г. на Японию были сброшены две атомные бомбы. В результате этих взрывов жертвами оказались одновременно тысячи человек. Трагедия вышла за рамки индивидуальной, превратившись в национальное бедствие, что и подтолкнуло японских ученых к рассмотрению вопросов о причинах жертвенности. В том же году появились публикации по новому научному направлению – виктимологии. Практически одновременно, хотя и с некоторой задержкой, исследования в области виктимологии начали проводиться в США и ряде европейских стран. В нашей стране виктимология начала активно развиваться только в конце 1980-х гг. В 1970-х гг. Л. В. Франк первым в СССР опубликовал труды по виктимологии, его поддержал Д. В. Ривман.

К базовым понятиям виктимологии (как общей, так и криминальной) относятся виктимность и виктимизация. Виктимность или виктимогенность — это приобретенные человеком физические, психические и социальные черты и признаки, которые способствуют

его превращению в жертву (преступления, несчастного случая, деструктивного культа и т. д.). Виктимизация – процесс приобретения виктимности.[3]

Немецкий исследователь Г. Шнайдер отмечает, что не существует «прирожденных жертв» или «жертв от природы». Но приобретенные человеком физические, психические и социальные черты и признаки (какие-то физические и иные недостатки, неспособность к самозащите или недостаточная готовность к ней, особая внешняя, психическая или материальная привлекательность) могут сделать его предрасположенным к превращению в жертву преступления.

С точки зрения психоаналитической теории, предрасположенность стать жертвой можно объяснить бессознательным чувством вины или стыда и желанием быть наказанным, ведущим к пассивности субъекта. Виктимизация, это процесс и результат превращения человека в жертву, и таким образом, объединяет в себе и динамику (реализацию виктимности), и статику (реализованную виктимность).

По мнению психологов, люди, сознательно или бессознательно избирающие социальную роль жертвы (установка на беспомощность, нежелание изменять собственное положение без вмешательства извне, низкая самооценка, запуганность, повышенная готовность к обучению виктимному поведению, к усвоению виктимных стереотипов со стороны общества), постоянно вовлекаются в различные криминогенные кризисные ситуации с подсознательной целью получить как можно больше сочувствия, поддержки со стороны ролевой позиции жертвы.

Проблема стигматизации себя как жертвы, неспособной нормально адаптироваться к существующим условиям социального развития, определенным образом связана с состоянием внутриличностного конфликта. Внутриличностный конфликт как переживание, вызванное столкновением различных структур внутреннего мира личности, может приводить к снижению самооценки, сомнениям, эмоциональному напряжению, негативным эмоциям, нарушениям адаптации, стрессам. К основным видам внутриличностного конфликта специалисты в области конфликтологии относят: мотивационный конфликт (между стремлениями к безопасности и обладанию), нравственный конфликт (между моральными принципами и личными привязанностями), конфликт нереализованного желания или комплекса неполноценности (между желаниями и возможностями), ролевой конфликт (между ценностями, стратегиями или смыслами жизни), адаптационный конфликт (при нарушении процесса социальной и профессиональной адаптации), конфликт неадекватной самооценки (при расхождениях между притязаниями и реальной оценкой своих возможностей), невротический конфликт (невозможность выхода из состояния фрустрации, что порождает истерию, неврастению и прочие психические заболевания).

Рассмотрим основные этапы развития виктимной личности в раннем онтогенезе.

Некоторые исследователи считают что формирование виктимной личности начинается еще в внутриутробный период развития человека, это так называемая первая матрица. В это время ребенок чувствует симбиотическую связь с матерью, ощущает её

любовь, комфорт, доверие к жизни и миру. В случае, когда мать ребенка испытывает постоянное эмоциональное напряжение, находится в стрессовом состоянии, то ребенок чувствует угрозу своему существованию, недоверие к миру, активизирует дополнительные инстинкты для защиты от агрессии, что значительно сказывается на способах его реагирования в дальнейших отношениях с родителями. Все это, увеличивает риск виктимизации, проявляющуюся в более позднем периоде в виде агрессивного отношения к жизни, конфликтных отношении с родителями, нарушения эмоциональных отношений привязанности, дополнительной соматизации, трудностей с кормлением и т.д.

Прохождение второй, третьей и четвертой перинатальной матрицы, то есть роды, также может влиять на появления виктимности субъекта. Неблагоприятное течение родов, виктимизирует ребенка через нанесение родовой травмы, на которую как на основу будут наслаиваться все дальнейшие травматические события. Ребенок при таком исходе сталкивается с переживаниями одиночества, беспомощности, чувства вины, страха, неуверенности в себе.[3]

Следующий важный этап развития ребенка - период до года, в котором ребенок уязвим и беспомощен. Исследуя развитие виктимности в этот период, можно говорить о влиянии ситуации и физиологических особенностей младенца на виктимизацию индивида. К факторам, увеличивающим виктимизацию ребенка на данном этапе, можем отнести характеристики родителей, их социально - экономическое положение, культурную среду.

Следующий этап возникновения виктимности, появление «подчиняемого поведения», приходится на возрастной период один - три года. Психологический смысл этого поведения - возможность доступными для ребенка средствами - беззащитностью - контролировать агрессию окружающих. При неадекватной семейной обстановке, агрессивном поведении родителей может формироваться устойчивый патологический паттерн поведения - «подчиняемое поведение». На базе этого могут формироваться различные деформации личности, например, застенчивость. Данный тип поведения, который часто переводят как «премиленькое подчинение», связан с видимым раздвоением внешнего и внутреннего содержания поведения. Внешне демонстрируются все знаки пассивного подчинения: открытый живот, запястья, шея, эффект «сломанной лодыжки», определенный наклон головы, непрямые взгляды. Однако на внутреннем плане можно наблюдать значительное количество куммулируемой агрессин, которая может направляться на себя, увеличивая травматизм личности, или вызывать ответную агрессию, часто контролируемую носителем подчиняемого поведения через социальное чувство вины.

Следующий возрастной период возникновения виктимности, проявляющейся в дальнейшем в виде виктимного поведения, это период полоролевой идентификации. Многие авторы (З.Фрейд, К. Хорни, Э. Фромм) указывают на него как на сенситивный период возникновения мазохизма. Из всего комплекса факторов и условий, способствующих появлению виктимности личности на этом этапе возрастного развития, выделяют следующие: болезни, физические травмы, особенности протекания полоролевой идентификации, стиль семейного воспитания, эмоциональная холодность родителей,

игнорирование потребностей ребенка или его полная заброшенность, нищета семьи, антигуманность воспитания, наказания ребенка и т.д. А. В. Мудрик выделяет дополнительный ряд факторов: отвержение сверстниками, антисоциальные соседи, влияние телевизионных программ и видеофильмов. [3]

Значимым фактором возникновения виктимизации личности является подростковый кризис. Важным аспектом, увеличивающим виктимную уязвимость подростка является «Я – концепция», которая становится важным фактором в интерпретации опыта, способствует достижению внутренней согласованности личности и является источником ожиданий, то есть представлений о том, что должно произойти. Плохая социальная адаптация, связанная с негативной «Я - концепцией» и низкой самооценкой, приводит к увеличению виктимности подростка по типу пассивной жертвы. Эти дети стараются ничем не выделяться, их мнение никто не учитывает, они не умеют постоять за себя, испытывают социальную изоляцию, склонны к подчинению, конформны. У подростков с неустойчивой самооценкой и идентичностью могут возникать эмоциональные расстройства.

Мировой финансовый кризис создал благоприятную почву для поступательного роста преступности, в особенности наиболее опасных ее проявлений, преступлений против личности, поэтому в настоящее время очень актуальным является изучение факторов, влияющих на формирования виктимной личности, а так же поиск путей профилактики виктимизации детей и подростков.

Литература

- 1. Гусейнов А.А. Понятие насилия // Философия, наука, цивилизация. М., 1999.
- 2. Литвинова Н. Н.. Педагогические условия формирования позитивного образа Яродитель у студентов вуза, переживших домашнее насилие: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.01. Ставрополь, 2005. 209 с. Библ.: с 45-50.
- 3. Малкина-Пых, И.Г. Психология поведения жертвы. / И.Г. Малкина-Пых. М.: Эксмо, 2010

УДК321.1

СТРАТЕГИИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

(при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-03-00427/12 от 16.08.2012)

POLITICAL STRATEGY LEGAL MODERNIZATION OF FEDERAL RELATIONS IN MODERN RUSSIA IN DOMESTIC SCIENCE END XX - BEGINNING OF XXI CENTURY

(supported by a grant from the RFH № 12-03-00427/12 08/16/2012)

Курилкина О.А., кандидат юридических наук, доцент доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ФГБОУ ВПО «Таганрогский государственный педагогический институт имени А.П. Чехова»

Kurilkina O.A., candidate of jurisprudence, associate professor, assistant professor of public and legal disciplines FGBOU VPO "Taganrog State Pedagogical Institute named after AP Chekhov"

e-mail: olga-kurilkina@mail.ru

Аннотация: В работе исследуются возможные стратегии и модели политико-правового становления федеративных отношений в современной России.

Abstract: This paper investigates the possible strategies and models of political and legal establishment of federal relations in Russia.

Ключевые слова: федерация, федеративные отношения, стратегия, модель, геополитика, национальный вопрос, нация, суверенитет.

Keywords: federation, federal relations, strategy, model, geopolitics, the national question, the nation's sovereignty.

В современном поиске адекватной отечественному геополитическому ландшафту [1] модели федеративных отношений необходимо выделять два аспекта национального политико-правового сознания – гражданский и этнический. В первом «нация – это граждане, участвующие – или вовлеченные – в создании законов, их принятии и управлении через выборные центральные и местные органы, суды, а также политические партии, добровольные общества и другие институты гражданского общества». Этнический аспект предполагает рассматривать нацию в качестве общности людей, «объединенных одним языком, культурой, традициями, историей, экономикой и территорией. В некоторых нациях один аспект доминирует над другим: французы, швейцарцы, американцы – нации прежде всего «гражданские», тогда как немцы и восточноевропейские народы, скорее, «этнические»» [2]. Поэтому федерализация государственного устройства постсоветской России неизбежно пересекается с известным стремлением властных (либерально

ориентированных) элит сформировать (*«сверху»*) институты гражданского общества, причем в западном варианте последнего.

Предполагается, что причина асимметрии СУБЪЕКТОВ Российской Федерации кроется в соединении двух принципов построения Российской Федерации – национального и территориального. Считается, что республики и автономные формирования образованы на национальной основе, другие же субъекты Федерации – на территориальной.

Однако в российской науке существуют и иные мнения. Так, Б.С. Эбзеев, Л.М. Карапетян и др. считают, что между национальной и территориальной моделями нет противоречий. Последние во многом – плод унифицированного подхода к федерализму без учета конкретной специфики той или иной страны [3]. По мнению В.Е. Чиркина, национально-территориальный подход соответствует признанному на международном уровне коллективному праву народов на самоопределение и может способствовать достижению ряда иных целей, включая интеграцию государства и преодоление противоречий между разными этносами [4].

Некоторые исследователи предлагают вообще отказаться от национального фактора как основы построения Федерации и перейти к иному проекту институционализации отечественного федерализма – принципу *губернизации* [5].

Впрочем, существует еще одна, промежуточная точка зрения, а именно: признание движения России к постепенному переходу от национально-территориального устройства к территориальному, которое наиболее жизнеспособно. Действующая Конституция РФ отказалась от понятия «национально-государственное устройство Российской Федерации» и закрепила «федеративное устройство государства». Послание Президента России 1994 года «Об укреплении Российского государства» подчеркивает, что в России федерализм является территориальной формой демократии (выделено мной – О.К.) [6].

Однако даже в контексте рассмотрения конфликтогенной ситуации политикоправового развития постсоветского федерализма и поиска путей ее постепенного преодоления трудно объясняется создание республик на национальной основе, когда в качестве титульной признается только одна национальность, если проанализировать процентное соотношение численности лиц титульной национальности и лиц, вообще проживающих на данной территории [7]. Таким образом, национальный фактор как основа образования республик в полной мере может быть отнесен лишь к нескольким республикам.

Другой аспект, порождающий асимметрию, — это наделение республик статусом государств в отличие от субъектов федерации, не признаваемых таковыми, т.е., таким образом, происходит деление субъектов на «первосортные» и «второсортные», элиминируется конституционный принцип равного статуса субъектов РФ. Республики в этом случае ориентируются на формирование нации и особого рода государственности. За чем, вероятно, последует вопрос о реализации права на полное самоопределение, т.к. такое право закреплено действующей Конституцией. В этой связи для удаления противоречий следовало

бы конкретизировать право на самоопределение субъектов Российской Федерации в культурной жизни общества.

Поиск решения национально-территориальных проблем в многонациональной России многие правоведы видят в формировании *наднациональной* концепции государственности России, суть которой сводится к созданию модели федерации, которая бы обеспечила постепенное формирование единой российской нации путем «выращивания и культивирования» особой наднациональной в этническом смысле общности российского народа — российской нации как идейной основы обеспечения жизнедеятельности российского государства, поддержания его целостности и стабильности, достижения национального согласия [8].

Постепенный отказ от понимания «нации» в этническом смысле, формирование и развитие наций как «этнически нейтральных» (безликих) общностей, объединение людей в едином государстве — дальнейшая перспектива развития российской государственности с позиций либеральной (глобализационной) стратегии политико-правовой институционализации. Одним из путей в этом направлении видится придание всем субъектам статуса республик. Сторонники либеральной версии модернизации федерализма считают, что если все субъекты Российской Федерации станут именоваться «республиками» независимо от того, какой принцип положен в основу их образования, и приобретут один и тот же статус, то уже отождествление «нация — республика» не будет рассматриваться как перспектива развития некой особой государственности [9].

Ряд ученых не соглашаются с такой точкой зрения. Так, Л.Ф. Болтенкова считает, что «вряд ли имеет смысл подгонять все субъекты отечественной федерации под один статусный шаблон и, следовательно, под одно название, к примеру, «республика». Сегодняшние реалии России слишком богаты и многообразны, чтобы все можно было втиснуть в какую-то жесткую схему» [10]. Из вышесказанного можно сделать вывод, что для решения существующих проблем, чтобы избежать противоречий, все-таки необходимо внести поправки в Конституцию Российской Федерации. При этом в связи с тем, что это длительный и сложный процесс, целесообразно провести толкование некоторых конституционных положений Конституционным Судом РФ, дабы подготовить всех субъектов к неизбежным переменам.

Таким образом, с позиций *либеральной стратегии* институционализации федеративных отношений в постсоветской России предполагается выделять два этапа в процессе *преодоления асимметрии субъектов Федерации*:

1. Формально-юридическое закрепление в Конституции РФ, наряду с уже существующими республиками, статуса республик за другими субъектами Федерации. Причем возникнет необходимость создания вначале Московского столичного федерального округа, в результате объединения Москвы и Московской области. Статус города – федерального значения – Санкт-Петербурга также измениться по этой аналогии;

2. Постепенное структурирование федеративной системы по плану укрупнения и сокращения числа государственно-территориальных образований – республик [11].

Опасность при этом в том, что вновь образованные по «данному плану» крупные субъекты могут начать *бороться за независимость* и *отделение* от Федерации, весьма настойчиво и умело проводить сепаратистскую правовую политики на своей территории, хотя в мировом сообществе и существуют примеры, когда такие субъекты не выходят и не пытаются выходить из состава Федерации, оставаясь при этом мощными частями целого со своими культурными и языковыми особенностями, например, Бавария в составе ФРГ [12]. Однако никогда нельзя с уверенностью сказать, что также поступят субъекты в составе Российской Федерации в период затяжного кризиса в основных сферах общественной жизни.

Подведя предварительные итоги, можно констатировать, что российская модель федерализма окончательно не сформировалась. Реальность такова, что Россия находится на стыке кооперативного и дуалистического федерализма. Переходный этап позволяет предположить, что национальная модель государственно-территориального устройства тяготеет к федерализму кооперативного типа. Кроме этого, для постсоветской России как федерации очевидно сочетание централизации и децентрализации в системе разделения государственной власти по вертикали, т.е. смешанный вариант организации государственных властеотношений. Правовая и политическая институционализация отечественного федерализма не закончена, и многие проблемы национального государственного устройства в дальнейшем будут преодолены.

При этом следует отметить, что, несмотря на бурные споры как обустроить будущее России, четких завершенных проектов развития федерализма в России практически нет, хотя наряду с существующим вариантом федерализма имеют место и так называемые перспективные модели, которые их создатели в той или иной мере стремятся приблизить к национальным реалиям.

Одной из них, в частности, является официальная доктрина, разработанная комиссией под руководством Д.Н. Козака и представленная следующими положениями:

- 1. Дуалистическое разделение государственной власти по вертикали, основанное на положении об отсутствии общего *объекта власти* и управления у Федерации и ее субъектов, тем самым отрицающее и практически упраздняющее совместную компетенцию, т.е. общие вопросы, которые должны решаться Федерацией и составляющими ее субъектами сообща путем проведения совместных действий;
- 2. Принцип *позитивного обязывания*. При разграничении компетенции между центром и регионами по предметам совместного ведения за органами государственной власти субъектов РФ должны быть закреплены полномочия, которые они обязаны выполнять за счет своего бюджета и за исполнение которых несут ответственность. Остальные полномочия по предметам совместного ведения остаются за федеральным центром и могут передаваться субъектам РФ только с соответствующими финансовыми средствами. Поэтому усиливается ответственность субъектов РФ за выполнение важнейших задач

жизнеобеспечения регионов, делается попытка предупредить возможность нецелевого использования средств региональных бюджетов;

- 3. *Бюджетная обеспеченность* полномочий органов государственной власти субъектов РФ. За каждым уровнем бюджета на постоянной основе закрепляются собственные доходы, упраздняя необеспеченный федеральный мандат, делая попытку уменьшить диспропорции между регионами и, соответственно, неравенство людей, проживающих на различных территориях нашей страны;
- 4. *Централизация государственной власти* на федеральном уровне пересмотр конституционно закрепленных предметов совместного ведения Российской Федерацией и ее субъектами;
- 5. Усиление конституционно-правовой ответственности субъектов Российской Федерации: установлена возможность заменить конституционно избранные органы государственной власти субъектов РФ, назначаемой федеральной администрацией, что может быть истолковано как присвоение властных полномочий региональных органов государственной властью, которое недопустимо и преследуется по закону в Российской Федерации;
- 6. Исключительно законодательный способ разграничения полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов. Значительно ограничено применение договора между Российской Федерацией и ее субъектами, который из двустороннего правового акта, закрепляющего свободное волеизъявление сторон, превратился в односторонний правовой акт федеральный закон, фактически исключив из Основ конституционного строя договоры между Российской Федерацией и ее субъектами как важнейшие конституционные институты [13].

Как и в любой теории, в проекте Д.Н. Козака присутствуют и положительные и отрицательные моменты. Например, ограничение применения договоров при разграничении предметов ведения и полномочий можно отнести к положительным, а вот исключение из федерального законодательства уникального механизма взаимодействия Российской Федерации с ее субъектами никак нельзя назвать положительным. Например, как можно решать только на федеральном уровне вопросы владения, пользования и распоряжения недрами, находящимися на территории субъектов Российской Федерации?

Основными моментами предложенной модели являются централизация государственной власти, ужесточение разделения предметов ведения и компетенции между государственными органами Российской Федерации и ее субъектами. Представляется, что данная концепция достаточно жестка для российских условий. Мировой опыт федерализма показал, что, например, только законодательное разделение предметов ведения и отсутствие совместной компетенции между участниками федеративных отношений практической ценности не имеет.

Другая стратегия развития постсоветского федерализма, разработана Н.М. Добрыниным [14]. Так, современный российский федерализм характеризуется им как

«фантомный», как «такое состояние государственных и правовых институтов, при котором зафиксированная в нормах права конструкция федеративных отношений значительно отличается от реально сложившейся и существует системный разрыв между декларированным и действительным состоянием государственной системы». В качестве основного признака «фантомности» выделяется асимметрия федерации, «при которой, несмотря на декларируемое в Конституции равноправие субъектов, имеет место их политическое, правовое и экономическое неравенство».

Таким образом, основным противоречием федеративной системы считается противоречие между конституционным равноправием и реальным неравенством субъектов Российской Федерации. По этой причине модель нового федерализма Н.М. Добрынина направлена на устранение асимметрии и диспропорции в государственном устройстве Российской Федерации с выделением критерия экономической целесообразности в качестве приоритетного.

Базовыми элементами модели будущего государственного устройства, по мнению Н.М. Добрынина, должны стать регионы нового типа — экономически самодостаточные и равностатусные субъекты Российской Федерации. На основании экономического анализа предлагается укрупнение современных субъектов РФ и создание на их основе 46 самодостаточных за счет доходной базы новых субъектов РФ (губерний и республик). Базовым комплексным критерием новой структуры определяется бюджетная обеспеченность предоставления населению субъекта федерации социальных услуг.

Действующая же Конституция РФ считается основным юридическим препятствием для политико-правовой институционализации Федерации, отвечающей современным требованиям развивающегося общества. В качестве радикальной меры оптимизации федеративных отношений рассматривается переход к другой конституционной схеме разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами, близкой к австрийской конституционной модели разделения государственной власти:

- 1. Предметы ведения, по которым законодательную и исполнительную власть осуществляет Российская Федерация (предметы исключительного ведения Российской Федерации);
- 2. Предметы ведения, по которым законодательную власть осуществляет Российская Федерация, а исполнительную власть совместно Российская Федерация и ее субъекты;
- 3. Предметы ведения, по которым законодательную и исполнительную власть осуществляют совместно Российская Федерация и ее субъекты;
- 4. Предметы ведения, по которым Российская Федерация устанавливает основы законодательства, а субъекты РФ издают законы в соответствии с основами законодательства Российской Федерации;

5. Предметы ведения, по которым законодательную и исполнительную власть осуществляют субъекты Российской Федерации (предметы исключительного ведения субъектов Российской Федерации).

Анализируя предложенную концепцию, стоить отметить, что подробная экономическая разработанность, целесообразность, симметричность, которая так недостает в настоящее время, положительно скажутся на будущем российской государственности. Вопрос же об укрупнении субъектов Российской Федерации сейчас решен однозначно. Практически все политологи, занимающиеся проблемами российского федерализма, согласны с этим.

Тем не менее, нельзя согласиться, что асимметрия российского федерализма на современном этапе единственная проблема. Большинство (если не сказать все) федерации в мире формально симметричны, а фактически асимметричны. При этом ни в одном государстве федерализм не считается по этой причине «фантомным». Что касается структуры разделения полномочий между Российской Федерации и ее субъектами, то надо сказать, что в изменчивых условиях становления российского федерализма закреплять полномочия исполнительной власти в таком стабильном и трудно изменяемом документе, как Конституция, представляется спорным. И, наконец, исходя из представленной схемы остается нерешенным основной вопрос: каким образом и на каких принципах осуществлять дальнейшее разделение государственной власти между Российской Федерации и ее субъектами в рамках конституционно установленных предметов, по которым остается совместное законодательное или исполнительное ведение [15].

Таким образом, основным моментом данной версии политико-правовой институционализации национального федерализма является укрупнение субъектов Российской Федерации.

Существует еще одна концепция перспективной модели российского федерализма, предложенная В.А. Черепановым [16], ее исходными теоретическими предпосылками являются следующие положения:

- 1. Российская конституционная модель разделения государственной власти устанавливает разграничение лишь законодательной (нормотворческой) компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами путем закрепления предметов ведения Российской Федерации, предметов ее совместного ведения с субъектами РФ и предметов ведения субъектов РФ;
- 2. Конституционное регулирование предметов ведения осуществляется в *общем виде* без разграничения федеральной и региональной компетенции внутри конституционных предметов ведения и без закрепления принципов такого разграничения;
- 3. Последующее же разграничение законодательной, исполнительной и судебной компетенции Российской Федерации и ее субъектов (федеральных и региональных органов государственной власти) осуществляется в ходе реализации законодательной

(нормотворческой) компетенции в рамках установленных Конституцией РФ предметов ведения и посредством различных правовых форм;Конституция РФ, определяя предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, не устанавливает для федерального законодательства каких-либо границ и пределов правового регулирования общественных отношений, отнесенных к этим предметам. В рамках конституционно закрепленных предметов совместного ведения федеральный законодатель, руководствуясь общими конституционными принципами, сам определяет пределы и границы собственной правовой активности на совместном правовом поле. По мнению директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ Т.Я. Хабриевой, в случае необходимости Российская Федерация вообще может возложить на себя всю полноту государственной или главным образом законодательной власти; по сути она имеет неограниченные возможности для законодательного определения полномочий федеральных органов государственной власти [17]. По мнению же Н.В. Варламовой, неограниченные правовые возможности федеральной законодательной власти по предметам совместного ведения означают «фактическое нахождение данных предметов в сфере компетенции Российской Федерации, которая по своему усмотрению делегирует субъектам Федерации осуществление отдельных полномочий» [18]. Таким образом, федеральная законодательная власть в рамках предметов совместного ведения является исходно абсолютной и неограниченной. В научной литературе считается, что при этом федеральный законодатель обязан руководствоваться «принципом «разумной сдержанности», согласно которому он не должен регулировать те отношения, которые без ущерба для качественного осуществления задач публичной власти может урегулировать субъект Федерации» [19];

4. Перспективная модель российского федерализма в рамках действующей Конституции РФ нацелена на достижение *оптимального баланса* между федеральной и региональными властями как двумя формами единой государственной власти Российской Федерации и по этой причине представляет собой систему принципов разделения государственной власти между Российской Федерацией и ее субъектами, закрепленных в правовой форме, адекватной федеративной природе Российского государства.

Анализируя данную модель развития российского федерализма, необходимо отметить, что, закрепляя ее в качестве базовой конституционной стратегии, решаются многие противоречия между Российской Федерацией и ее субъектами. При нынешней же системе разделения полномочий между субъектами федеративных отношений, где четко зафиксирована исключительная компетенция субъектов РФ и их совместная компетенция с Российской Федерацией, федеральный законодатель нередко полностью исчерпывает предмет правового регулирования в сфере совместной компетенции, не оставляя там места для регионального законотворчества. Более того, имеет место федеральное законодательное вмешательство и в сферу исключительной компетенции регионов. По этой причине деятельность федерального законодателя, глубина и степень федерального регулирования

должны быть четко регламентированы правовыми рамками и подчиняться ясно сформулированным принципам.

Конечно, данная схема разделения полномочий между государственными и региональными органами, несомненно, характеризуется централизацией государственной власти. Но это положение не является отрицательным в российских геополитических и правокультурных условиях.

Тем не менее, анализируя предложенные выше концепции развития России в будущем, можно отметить, что ни одна из них в чистом виде применима быть не может. Поэтому необходимо найти такую стратегию развития российского федерализма, которая бы позволила синтезировать все положительные (с точки зрения реализации национальных интересов в XXI в.) моменты, содержащиеся в каждой из рассмотренных версий.

Литература

- 1. «Россия как континентальное образование Россия-Евразия возникла из сочетания двух ландшафтов (культурных округов): леса и степи, при наложении двух традиционных жизненных ориентаций: оседлости и кочевья. Синтез этих элементов прослеживается устойчиво с самых первых периодов русской истории...» (Дугин А.Г. Философия политики. М, 2004. С. 479.)
- 2. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552 1917). Смоленск, 2001. С. 7. Кроме этого, заметим, и это вполне созвучно приводимым аспектам национального правового сознания и поиску приемлемой модели российского федерализма, что вообще «существует два полярных взгляда на сущность «нации» органический (естественный) и механический (искусственный). Немец Гердер и его последователи понимали под «нацией» естественную общность людей (то, что сегодня принято называть греческим термином «этнос»). Француз Эрнест Ренан, напротив, видел в «нации» продукт искусственной организации, основанной на договоре и коллективной воле граждан». (Дугин А.Г. Философия политики. М., 2004. С. 335)
- 3. Эбзеев Б.С., Карапетян Л.М. Российский федерализм: равноправие и асимметрия конституционного статуса субъектов // Государство и право. 1995. №3. С.5.
- 4. Чиркин В.Е. Современный федерализм: сравнительный анализ. М. 1995. С. 33.
- 5. *Михайлов Р*. Асимметричность Федерации. М., 1997. С.49-54.
- 6. Послание Президента России 1994 года «Об укреплении Российского Государства». М., 1994. С. 39.
- 7. Некоторые исследователи более подробно останавливаются на рассмотрении данной ситуации. Так, А.В. Дуденков считает, что «национально-культурные автономии способны оздоровить и ситуацию вокруг национально-территориального принципа федеративного устройства России, который содержит скрытый конфликтогенный потенциал, порожденный асимметрией, разностатусностью и иерархизацией этносов,

- территориальными претензиями, узурпацией власти и экономики титульными народами и т.д.» (Дуденков А.В. Политико-правовой режим национальных отношений в постсоветской России: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 25.)
- 8. *Тишков В.А.* Россия как многонациональная общность и перспективы межэтнического согласия // Серия обозрений к первому Конгрессу российских предпринимателей: Вып. IV. М., 1994.
- 9. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма: Учебно-практическое пособие. М.: Дело, 1998. С. 95.
- 10. Болтенкова Л.Ф. Российская государственность: состояние и перспективы развития.М.: республика, 1995. С.48.
- 11. Умнова И.А. Указ. соч. С. 97.
- 12. *Замышляев Д.В.* Основные пути оптимизации политико-территориального устройства Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2004. №3. С.31.
- 13. Черепанов В.А. Теория российского федерализма. М.: МЗ-ПРЕСС, 2005. С. 259-261.
- 14. Добрынин Н.М. Новый федерализм: Модель будущего государственного устройства Российской Федерации. Новосибирск, 2003; Добрынин Н.М. Российский федерализм: проблемы и перспективы // Государство и право. 2003. №11; Добрынин Н.М. Новый федерализм: концептуальная модель государственного устройства Российской Федерации: Автореф. дис.... д-ра юрид. наук.Тюмень, 2004.
- 15. *Черепанов В.А.* Теория российского федерализма. Учебное пособие. М.: МЗ-ПРЕСС, 2005. С. 266.
- 16. *Черепанов В.А.* Конституционно-правовые основы разделения государственной власти между Российской Федерации и ее субъектами: М., 2003; *Черепанов В.А.* О принципах разделения государственной власти между Российской Федерацией и ее субъектами // Журнал российского права. 2003. №9; *Черепанов В.А.* Конституционно-правовые основы разделения государственной власти между Российской Федерацией и ее субъектами: Автореф. дис. . . . д-ра юрид. наук. М., 2004.
- 17. *Хабриева Т.Я*. Разграничение законодательной компетенции Российской Федерации и ее субъектов // Соотношение законодательства Российской Федерации и законодательства субъектов Российской Федерации. М., 2003. с. 123.
- 18. Варламова Н.В. Совместный российский федерализм: конституционная модель и политико-правовая динамика. М., 2001. с.36.
- 19. Хабриева Т.Я. Указ. соч. С. 124.

УДК 343

ОПОСРЕДОВАННАЯ ПРОФИЛАКТИКА ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ UNCONTACTING PREVENTIVE MAINTENANCE OF WOMEN CRIMES

Спасенников И.Г., кандидат юридических наук., доцент доцент кафедры уголовного права и криминологии, Ростовского юридического института (филиала), РПА Минюста России

Spasennikov I. G., PhD in Law, associate professor, associate professor of the Criminal Law and Criminology Chair of Rostov Legal Institute (the Branch) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation

e-mail: ruy@aaanet.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос борьбы с преступностью среди женщин. Одно из определяющих направлений этой борьбы – предупреждение преступлений, совершаемых женщинами. Профилактика на ранней стадии данной преступности является главным позитивом всей работы правоохранительных органов.

Annotatoin: The article examines the issue of prevention of crime among women. One of the determining direction of this combat - the prevention of crimes committed by women. Preventive maintenance of such delinquency at the early stage is the main positive of the whole activity of Lawenforcement agencies.

Ключевые слова: Женская преступность, социальные роли женщин, преступное поведение, профилактика, предотвращение преступлений, пресечение преступлений.

Key words: Women delinquency, social role of women, criminal behavior, preventive maintenance, prevention of crime, restriction of crimes.

Женская преступность представляет собой часть общей преступности, совокупность преступлений, совершаемых женщинами. Эта преступность обладает определенными особенностями, связанными с социальной ролью и функциями женщины, образом жизни и профессиональной деятельностью, биологической и психофизиологической спецификой, а также с ее исторически обусловленным местом в системе общественных отношений. С изменением социальных условий и образа жизни женщины, ее социальных ролей изменяются характер и способы ее преступного поведения.

Проблема женской преступности весьма актуальна в настоящее время, что обусловливается статистическими показателями, по данным которых за четверть века женская преступность увеличилась в три раза. Сейчас в следственных изоляторах страны ждут своего приговора тысячи женщин, большинство из которых моложе 30 лет. И эти показатели не стоят на месте, а быстро растут.

Справедливости ради следует отметить, что предпосылки кроются в тех стереотипах, которые сложились на сегодняшний день в нашем обществе. В частности, это и изменения социально-политических установок, и падение духовной культуры, частичная утрата нравственных ценностей, традиций, обычаев, и не без того, изменения социально-ролевых позиций в обществе, и многие другие факторы. Претерпевает изменения статус женщины. Ее роль уже все чаще не сводится к хранительнице домашнего очага, уюта, продолжению рода; женщина все больше стремиться к доминированию, преобладанию над мужчинами.

Говоря о женской преступности, нельзя не обратить внимания на особенности женской психологии и психики, поскольку любая проблема образуется не на пустом месте. Она является следствием чего-то. Не секрет, что женщина – это «существо» как физически, так и психически слабое, незащищенное, отличающееся от мужчины повышенной эмоциональностью, чувствительностью, неуравновешенностью, необдуманностью, вспыльчивостью. Однако, несмотря на ЭТИ именно женшина качества, легче приспосабливается к быстроменяющейся жизненной обстановке.

Несомненно, разделение преступности по половому признаку имеет смысл, так как и количественное, и качественное содержание женской преступности имеет свои особенности и отличия от мужской[1]. Что касается количественных особенностей и отличий, то на протяжении веков женская преступность всегда значительно уступала мужской. Соотношение уровня преступлений, совершаемых женщинами, к уровню преступлений, совершаемых мужчинами, равно 1:7. И это несмотря на то, что количество женщин в стране больше, чем количество мужчин. Относительно качественных особенностей и отличий, как показывает статистика, соотношение корыстных и насильственных преступлений, а также иных преступлений, совершенных женщинами, отличается от ситуации, сложившейся среди мужчин. Выделяются преступления, в которых отражается стереотип поведения, сложившийся под влиянием конкретной, характерной именно для женщин микросреды или ситуации в определенный период.

Из всего числа преступлений, совершаемых женщинами, можно выделить такую категорию, как «чисто женское преступление». Таковым является детоубийство. В последние годы наблюдается рост данного вида преступлений.

Можно много назвать причин подобных преступлений. Часть из них будут сводиться к неустроенности женщины, не готовности осознания себя как матери, ранними необдуманными связями с мужчинами, низкими доходами (или отсутствием таковых) в семье, осуждению со стороны общества. Кроме того, необходимо учитывать и психологическое состояние женщины в момент родов и сразу же после них. Любой женщине, даже самой смелой нужна забота и поддержка. Также нельзя упускать из внимания момент, связанный с воспитанием. Зафиксированы случаи, когда девочки из некоторых неблагополучных семей испытывают оскорбление, насилие, понуждение со стороны отцов или отчимов-насильников. Это, несомненно, накладывает неизгладимый отпечаток на

психологическое состояние девочки, которая впоследствии боится, ненавидит, презирает мужчин, причем не только своих обидчиков.

Много преступлений совершается на семейно-бытовой почве. В нормальных условиях женщина практически не совершает преступлений. Лишь драматическое стечение обстоятельств в большинстве случаях толкает женщину на преступления. Неудовлетворенная в семейных отношениях, лишенная заботы, уважения, внимания, ласки, любви; брошенная, преданная, оскорбленная, «растоптанная» мужчиной, женщина может потерять контроль над собой, совершить необдуманные поступки, за которыми уже будут стоять преступления. Такой женщиной движет месть, корысть, ревность, агрессия, желание доказать, что она ни перед чем и не кем не остановится. Ею движет стремление достичь цели – наказать любым способом своего обидчика, предателя.

Говоря о преступлениях, совершаемых женщинами на семейно-бытовой почве, следует подчеркнуть, что немаловажную роль играет, и готовность женщины и мужчины вступить в брак, создать семью. Создание семьи, вступление в брак – это очень важный и серьезный шаг в жизни каждого человека к которому, надо быть готовым морально; не следует принимать скоропалительных решений, относиться легкомысленно, несерьезно. Семья – это важнейшая ценность в жизни многих людей. Семья – это первичная ячейка любого общества. Именно в ней происходит первое восприятие мира, воспитание, образование, закладывается основа будущих убеждений. Однако стоит заметить, что растет количество лиц, вступающих в брачные отношения, которые не готовы взять на себя ответственность за себя лично, а также за свою вторую половину и будущих детей. Они склонны к разгульной, беззаботной жизни, пьянству, наркомании, эгоизму. История такой семьи очевидна. Дети, рожденные в ней, лишены всяческой заботы, не говоря уже о тех эмоциях и чувствах, в которых нуждается ребенок. С раннего возраста они растят в себе чувство злости, жестокости, мести, агрессии, что, в свою очередь, также приводит к развитию преступности. А ведь семья - это то место, где должны поддержать в трудную минуту, лишь на нее можно безошибочно положиться. Друзья бросают, жены изменяют, а материнская любовь, по идее, остается неизменной.

Кроме того, в последние годы женщины, вступая в брак, все больше стараются обращать внимание не на чувства, любовь, порядочность, уважительное отношение, а на размер кошелька спутника жизни, желая приобрести не любимого мужа, а возможность обогатиться, жить в роскоши. Это, в свою очередь, также является предпосылкой для совершения преступлений.

На основе анализа перспектив развития и совершенствования системы профилактики в современной России можно выделить основные направления предупреждения рассматриваемого вида преступности. Учитывая, что женская преступность, причины и условия её обуславливающие, имеют свои особенности, предупреждение данного вида преступности должно обладать определенной спецификой[2].

Обязательной предпосылкой по предупреждению преступности женщин является достижение качественно иного состояния нашего общества. В новом обществе женщина

должна занять принципиально иной жизненный статус, она должна быть защищена законом, обычаями и традициями, её следует избавить от роли основной или даже равной с мужчинами «добытчицы» материальных благ, больше сосредоточив внимание и силы на детях, семье.

Необходимо выработать общий основополагающий принцип профилактической работы с женщинами, которые совершили или могут совершить преступление. В качестве такого принципа могут выступать гуманность и милосердие к этим женщинам, понимание причин, толкнувших их на уголовно наказуемые или безнравственные поступки, стремление помочь им выйти из порочного круга, разобраться в собственной жизни.

Мы солидарны с мнением Л.М. Щербаковой и полагаем, что действующие в настоящее время детерминанты женской преступности ставят под сомнение наличие позитивной общегосударственной социальной политики. Проводимая в стране судебноправовая реформа должна быть существенно расширена и распространена на всю систему правоохранительных органов, а также на законодательство, с тем чтобы стратегия борьбы с преступностью была сосредоточена на главных направлениях и учитывала как криминальную обстановку в стране, так и реальные возможности всех звеньев юридической системы и гражданского общества. Основные механизмы предупреждения насильственных преступлений, совершаемых женщинами, должны иметь системный характер и опираться на стратегическое партнерство государства и общества (сотрудничество правоохранительных органов и институтов гражданского общества)[3].

Деятельность по предупреждению преступлений должна являться частью политики государства в области обеспечения национальной безопасности, борьбы с преступностью и иметь цели: 1) противодействовать криминогенным процессам в обществе, обеспечивать сдерживание и сокращение преступности; 2) способствовать созданию и укреплению в обществе атмосферы спокойствия и стабильности; 3) устранять угрозы правам, свободам и законным интересам членов общества и государства, возникающие в связи с возможностью перехода лиц путь; 4) обеспечивать исправление лиц, вовлекаемых предупредительного воздействия, и их ресоциализацию. Например, в социальной сфере необходима государственная поддержка семьи, позволяющая женщине сделать акцент в своей социальной активности на рождении и воспитании детей, сохранении семьи. В экономической сфере необходимо продолжать начавшуюся политику на преодоление стагнации, углублять социальную ориентацию экономической политики, направленную, в частности, на сокращение женской безработицы. Это создаст возможность для женщин решать материальные проблемы семьи законными способами. В организационной сфере должны быть меры в виде принятия специальных целевых программ федерального и регионального уровня, создания специальных профилактических органов, оказывающих помощь лицам, страдающим наркотической зависимостью, развития системы реабилитационных центров лечения этих лиц. В идеологической и духовно-нравственной

сфере необходима пропаганда нравственно и физически здорового образа жизни, культа семьи для женщины как абсолютной и высшей ценности.

Подчеркивается необходимость пересмотра роли и места женщины в жизни современного общества, оказания помощи в повышении ее статуса, в реализации основных предназначенных для женщины функций в социуме. Улучшение положения женщин должно стать одним из наиболее важных социальных императивов современного общества.

На специально-криминологическом уровне приоритетным направлением деятельности, способствующей предупреждению женской насильственной преступности, должна являться государственная забота о семье. Семейная политика должна стать самостоятельной областью деятельности государства. В связи с этим наряду с анализом антикриминогенного эффекта глобальных мероприятий экономического, социального, политического порядка в таких сторонах жизнедеятельности женщин, как сфера производства, социального обслуживания, образования, здравоохранения, особый акцент должен упираться на проблемы формирования и реализации государственной семейной политики.

Поскольку в ряду социально-психологических факторов криминального насилия женщин особое значение имеют переоценка нравственных ценностей, девальвация идеалов, поэтому, по мнению автора, фундаментальной предпосылкой снижения насильственной преступности женщин должно стать восстановление соответствия между институциональным строем и системой ценностей, когда важнейшие социальные институты — семья, гражданское общество и государство — превращаются в базовые ценности и приоритетные цели общественного развития. При этом составным компонентом идеологической функции государства и общества в целом должно быть правовое воспитание, результатом которого должна стать правовая культура человека.

Существует необходимость введения новых форм профилактической работы с семьями и детьми, находящимися в социально опасном положении. Для своевременного выявления и коррекции проблем на ранней стадии социального неблагополучия, следует обеспечить продвижение в нескольких направлениях: 1) разрешение семейно-бытовых конфликтов на профессиональном уровне; 2) повышение уровня культуры семьи и особенно внутрисемейного общения; 3) принятие мер к оздоровлению среды, которая окружает семью; 4) принятие предусмотренных законом мер к родителям, ведущим антиобщественный образ жизни и не обеспечивающих должного воспитания детей (Ю.М. Антонян)[4]. В связи с последним необходимо расширить профилактические функции органов опеки и попечительства. Важно добиться полноты выявления и учета лиц с психическими аномалиями, чье поведение и образ жизни чреваты возможностью совершения насильственных преступлений, а затем принимать по отношению к ним действенные меры профилактического характера.

Важно добиться повышения эффективности индивидуального профилактического воздействия, что представлялось возможным дифференцировать индивидуальные предупредительные мероприятия в зависимости, как от особенностей личности насильственных преступниц, так и от объекта, на который они должны быть направлены: 1) лица, осужденные за насильственные преступления и находящиеся в местах лишения свободы (пенитенциарная

форма); 2) лица, осужденные за насильственные преступления и освободившиеся из мест лишения свободы (постпенитенциарная форма); 3) лица, еще не совершившие насильственное преступление, но потенциально склонные к нему[5].

Изучение женской преступности, как и преступности в целом и других отдельных ее видов, должно быть комплексным, непрерывным, с учетом тех существенных изменений, которые происходят в нашем обществе и влияют на социальные позиции и социальные роли женщин, характеризуют их трудовую и иную активность, место в семье и иных малых группах.

Женскую преступность можно определить как обусловленное неизбежными историческими изменениями, а также социально-экономическими, политическими, идеологическими, духовно-нравственными противоречиями в обществе и государстве, общественно опасное, системно-структурное явление, включающее в себя предусмотренную уголовным законом, действующим в заданный период времени, совокупность преступлений, совершенных лицами женского пола, достигшими возраста уголовной ответственности.

В основе причин женской преступности лежат определенные явления и процессы, а именно: активное участие женщин в общественном производстве; ослабление социальных институтов, и в первую очередь семьи; возросшая напряженность в обществе, возникновение в нем конфликтов и враждебности; рост антиобщественных явлений.

Происходит социальная переделка женской природы. Эти изменения могут иметь весьма неблагоприятные последствия для общества, его нравов, духовной культуры, отношений между людьми. Огромный вред наносится воспитанию молодежи. Сохраняется противоречие между высоким уровнем занятости женщин в общественном труде и относительно низким уровнем их квалификации. Переутомление, нагрузки на работе в сочетании с выполнением функций жены, матери очень часто ведут к негативным последствиям. Психическая неуравновешенность, которая сопровождается высокой тревожностью, бросает женщину из крайности в крайность.

Женщины наиболее остро чувствуют и переживают существующую напряженность, социальное неблагополучие, конфликтность, они более восприимчивы и уязвимы в сложные периоды развития общества. Именно на них ложатся обязанности по обеспечению семьи продуктами питания и другими благами, воспитанию детей, уходу за ними, поэтому они остро реагируют на любые процессы, угрожающие семье и детям. Нынешняя социально-экономическая ситуация в стране коснулась большинства женщин.

Все эти перечисленные явления, способствующие существованию женской преступности, тесно переплетаются друг с другом, и постепенно под влиянием глобальных перемен происходящих в нашем государстве, стали набирать силу. В связи с этим следовало бы усовершенствовать и систему предупреждения современной женской преступности[6].

На данном этапе предлагается следующее:

- разработка современных актуальных программ оказания социально-экономической помощи, направленных на повышение уровня социальных выплат и гарантий, на защиту

материнства, детства, поддержку малоимущих женщин, инвалидов, матерей-одиночек, детей-сирот, пенсионеров;

- формирование государственных стандартов, направленных на доступность повышения образовательного уровня женщин, квалификации, снижение уровня безработицы, противодействие дискриминации на рынке труда, осуществление контроля за условиями труда женщины;
- разработка мер, направленных на повышение физического здоровья женщин с помощью широкомасштабной пропаганды здорового образа жизни, повышения грамотности населения в области здравоохранения путем проведения консультаций и других мероприятий; обеспечение доступности медицинского обслуживания, применение мер медицинского характера к лицам женского пола, страдающим алкоголизмом, наркоманией, психическими расстройствами; обеспечение доступности спортивно-оздоровительных центров;
- разработка и внедрение культурно-образовательных и духовно-нравственных программ, направленных на повышение нравственного уровня населения, восстановление уважения к традиционным ценностям института семьи, воспитание понимания роли женщины (рождение и воспитание детей), выработка социально-позитивной модели поведения женщины, недопущение распространения пропаганды половой распущенности, насилия; обеспечение доступности культурно-воспитательных учреждений и досуговых мероприятий;
- повышение уровня правовых знаний у населения; внедрение новых методов воспитания в образовательную систему; координация деятельности общественных организаций и СМИ по просветительской деятельности; недопущение исповедования псевдорелигий, разжигания межнациональной розни;
- оказание социально-экономической помощи женщинам-беженцам, вынужденным переселенцам и мигрантам, оказание правовой и психологической помощи указанной категории населения; снижение конфликтности с местным населением, недопущение проявлений национализма;
- восстановление сотрудничества общественных организаций и правоохранительных органов; повышение уровня доверия населения к органам власти (в т.ч. правоохранительной системе); разработка принципиально новых методов добровольного сотрудничества и программ поощрения населения за оказание помощи указанным органам;
- проведение современных психологических исследований личности с отклоняющимся поведением и выработка принципиально новых методик, направленных на своевременное выявление таких лиц и изменение их направленности; разработка психологических программ оказания квалифицированной помощи женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, жертвам насилия, освобожденным из мест лишения свободы; внедрение и использование зарубежного опыта психологической реабилитации;
- использование научных рекомендаций, данных криминологических исследований, опыта международной практики борьбы с преступностью женщин при нормотворчестве, в

т.ч. проведение криминологической экспертизы законопроектов; внедрение полученных результатов в практическую деятельность правоохранительных органов, в т.ч. при подготовке квалифицированных кадров в процессе их обучения; развитие международного сотрудничества в предупредительной сфере.

Таким образом, предупреждение женской преступности позволит укрепить законность и правопорядок в нашем молодом государстве, очистить нравственную атмосферу в обществе и улучшить воспитание подрастающего поколения. Но специфика профилактики преступности женщин не означает, что все связанные с нею вопросы можно решить в отрыве от общих проблем с преступностью. Среди этих общих проблем данное направление должно занимать определенное место, более того, необходимы особые программы или концепции профилактики преступности женщин, неизбежно учитывающие причины преступности женщин и причины их индивидуального преступного поведения.

Литература

- 1. Антонян Ю.М. Преступность женщин. // Социалистическая законность.1991. № 7. С. 21-37.
- 2. Агеева Ю.Р. Женская преступность: современное положение и причины // Следователь. 2008. №6. С. 39-40.
- 3. Кунц Е.В. Преступность среди женщин и ее предупреждение в современной России. 2008. Вып. 717. С. 21-24.
- 4. Щербакова Л.М. «Женская насильственная преступность в современной России: динамика, детерминанты и проблемы предупреждения: Монография». Ставрополь: 2007. Издво СГУ.
- 5. Щербакова Л.М. «Особенности предупреждения преступлений, совершаемых женщинами: Монография» Ставрополь: 2000. Изд-во СГУ.
- 6. Щербакова Л.М. «Женская насильственная преступность: общая характеристика и проблемы предупреждения: Монография» Ставрополь: 2006. Изд-во СГУ.

УДК 300-399 (34)

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ ПРОКУРОРА И РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА FEATURES OF CRIMINAL AND PROCEDURAL LEGAL RELATIONSHIP OF THE PROSECUTOR AND HEAD OF INVESTIGATORY BODY.

Рубачева Е.Л., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и защиты прав человека, $\Phi \Gamma AOV$ «Северо-Кавказский федеральный университет»

Rubacheva E.L., candidate of jurisprudence, assistant professor of criminal procedure, criminology and human rights. Stavropol, North-Caucasian federal university

Новик Н.М., студент третьего года очной формы обучения, юридического факультета, Ставрополь, ФГАОУ «Северо-Кавказский федеральный университет» Novik N.M., a student of the third year of full-time teaching faculty of law, Stavropol,

North Caucasus federal university

e-mail: novik-nikita@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены полномочия прокурора и руководителя следственного органа в уголовном процессе. Исследуются полномочия руководителя следственного органа по возвращению уголовного дела для производства дополнительного следствия с учетом внесенных изменений.

Annotatoin: The article examines the powers of the prosecutor and the head of the investigation agency an recommitment of criminal procedure. The article examines the powers of the head of the investigation agency an recommitment of criminal cases for conducting additional inquiry, taking into account recent changes of the law.

Ключевые слова: прокурор, руководитель следственного органа, следователь, возвращение уголовного дела для производства дополнительного следствия, полномочия прокурора.

Key words: prosecutor, head of the investigation agency, investigator, recommitment of the criminal case for additional inquiry, powers of the prosecutor.

Обычно в уголовно-процессуальном правоотношении участвует один носитель властных полномочий. Однако существуют и такие правоотношения, в которых оба субъекта являются представителями власти. Причем для этих процессуальных отношений специфично, что выразителем властного начала является лишь один субъект - представитель власти. Подобное положение типично для отношений в сфере уголовного судопроизводства. Оно не нарушается даже в случае участия в проведении следственных действий наряду со следователем прокурора.

В уголовно-процессуальных правоотношениях руководителя следственного органа и прокурора значительные изменения произошли в июне 2007 г., когда была проведена структурная реорганизация органов прокуратуры в связи с принятием ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ и ФЗ «О прокуратуре РФ» [1], в результате которой следственные подразделения были выделены в самостоятельный орган.

До внесения вышеуказанных изменений прокурор осуществлял процессуальное руководство и надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия. При этом он обладал по отношению к руководителю следственного подразделения большими властными полномочиями, в силу которых имел возможность своевременно повлиять на орган предварительного следствия в целях обеспечения правильного и своевременного принятия решения и обеспечения законности проведения предварительного расследования.

Очевиден тот факт, что в связи с проведенной реорганизацией Следственный комитет по отношению ко всей системе органов прокуратуры получил определенную организационную независимость. На мой взгляд, это целесообразная и своевременная мера, однако данная реформа должна обеспечить качественную независимость органов следственного аппарата, а не создавать дополнительные сложности при обеспечении законности предварительного следствия.

Сегодня процессуальное руководство за деятельностью следователя стал осуществлять руководитель следственного органа, получивший полномочия, ранее принадлежавшие прокурору, среди которых необходимо отметить право возвращать уголовное дело следователю со своими указаниями о производстве дополнительного расследования (п. 11 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). [2]

Прокурор лишен возможности осуществлять в полном объеме надзор за исполнением законов следственными органами на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Очевидно, что оставшиеся полномочия недостаточны для эффективного надзора за процессуальной деятельностью следствия.

Вместе с тем слишком широкие полномочия следственных органов могут повлечь за собой возможные злоупотребления и, как следствие, нарушение прав и свобод участников уголовного судопроизводства, что в итоге не приведет к достижению цели повышения качества и законности на предварительном следствии. [3]

Федеральный закон N 87-ФЗ [4] резко изменил положение прокурора в уголовном судопроизводстве, не только ограничив его права по выполнению стоящих перед ним задач, но и лишив его действенного механизма по устранению нарушений законности в ходе предварительного следствия.

С данным положением соглашаются и многие авторы. Так, например, Н. Буланова считает, что арсенал мер прокурорского реагирования, позволяющих предупреждать, выявлять и пресекать нарушения законов при производстве предварительного следствия, не может быть уже, чем при производстве дознания. Ведомственный контроль,

осуществляемый руководителем следственного органа, не может служить равноценной заменой прокурорскому надзору. [5]

Иной точки зрения придерживается Б.Я. Гаврилов, считая, что принятые изменения способствовали повышению процессуального статуса и самостоятельности следователя, улучшились показатели законности в деятельности следственного аппарата, снизилось число необоснованно содержащихся под стражей. [6]

До изменения законодательства правоотношения между руководителем следственного органа и прокурором позволяли последнему своевременно реагировать на нарушение законности при проведении предварительного следствия, обязывая следователя и руководителя следственного органа выполнить указания прокурора, направленные на устранение допущенных нарушений. Позитивной является передача руководителю следственного органа части полномочий прокурора по руководству деятельности следователей, негативным является фактическое уравнивание прокурора и руководителя следственного органа по вопросам принятия решений по уголовным делам, производство по которым осуществляется в форме предварительного следствия, что негативно отражается на соблюдении законности при производстве предварительного следствия.

Оставив прокурору надзор за процессуальной деятельностью органов следствия, законодатель противопоставил ему процессуальный контроль со стороны руководителя следственного органа, лишив прокурора возможности эффективного реагирования на допущенные нарушения закона органами предварительного следствия, поскольку праву прокурора внести представление об устранении нарушений закона не соответствует обязанность руководителя следственного органа их устранить. Руководитель следственного органа вправе согласиться либо не согласиться с представлением прокурора. Таким образом, законодатель уравнял в правах прокурора и руководителя следственного органа, в связи с чем возникает вопрос о целесообразности осуществления прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов следствия, если решения прокурора не обязательны для исполнения ими. Чем в данном случае отличается представление прокурора от жалобы гражданина на незаконность действий или принятие решений следователем? [7]

Существенное сокращение процессуальных полномочий прокурора в досудебном производстве препятствует осуществлению им своевременной защиты прав и законных интересов граждан, выполнению назначения уголовного судопроизводства.

Анализируя правоотношения, возникающие при реализации полномочий прокурором и руководителем следственного органа, следует отметить, что руководитель осуществляет ведомственный контроль над деятельностью следователей, а прокурор - вневедомственный надзор. Решения, принимаемые прокурором при проверке законности деятельности следователя, не зависят от ведомственных интересов, а направлены на устранение допущенных нарушений, на обеспечение законности. Прокурор должен обладать большими властными полномочиями по отношению к руководителю следственного органа, поскольку решения, принимаемые следователем, фактически принимаются под контролем руководителя. Согласиться с позицией прокурора для руководителя следственного органа -

значит признать свою ошибку в руководстве производства предварительного следствия по уголовному делу. Руководитель следственного органа в указанной ситуации вряд ли может объективно принять решение.

Необходимо устранить противоречия в правоотношениях между прокурором и руководителем следственного органа, предусмотрев обязанность последнего выполнять представления прокурора о нарушении законности, при несогласии с ними обжаловать представление у вышестоящего прокурора.

Данная схема соответствует положению прокуратуры как органа, осуществляющего надзор за соблюдением законности, обеспечит осуществление надзора прокурора за деятельностью органов предварительного следствия, исключит неоправданную волокиту.

Литература

- 1. Федеральный закон от 05.05.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовнопроцессуальный кодекс РФ и Федеральный закон о прокуратуре Российской Федерации».
- 2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 18 декабря 2001 года N 174-Ф3 (в ред. от 10.04.2012) // СЗ РФ. 2001 г.
- 3. Олейник В.И. Реформирование органов прокуратуры и регулирование их взаимодействия с органами предварительного следствия // Российский следователь. 2009. №23.
- 4. Федеральный закон от 05.05.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовнопроцессуальный кодекс РФ и Федеральный закон о прокуратуре Российской Федерации».
- 5. Буланова Н. Правовая регламентация прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Уголовное право. 2009. N 3.
- 6. Трифонова К.А. Некоторые проблемы возвращения уголовных дел для производства дополнительного следствия руководителем следственного органа // Общество и право. $2010. N_23.$
- 7. Татьянина Л.Г. Уголовно-процессуальные правоотношения прокурора и руководителя следственного органа: проблемы и пути их решения // Уголовное судопроизводство. 2010. №1.

УДК 343

OCHOBAHHЫЕ НА КОРРУПЦИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ БИЗНЕСА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВНИМАНИЯ RELATIONSHIP BETWEEN BUSINESS AND LAW-ENFORCEMENT AUTHORITY BASED ON CORRUPTION AS THE SUBJECT OF CRIMINAL LAW WATCH

Панченко П.Н., доктор юридических наук, профессор Panchenko P.N. Doctor of legal science, professor e-mail: skgi_institit@mail.ru

Аннотация. Анализируется проблема коррупции во взаимоотношениях бизнеса и правоохранительной власти, обосновываются выводы о необходимости усиления общественного и правового контроля над этими взаимоотношениями.

Annotation: the problem of corruption in relationships between business and lawenforcement authority, conclusions on necessity to strengthen the social and legal control over those relationships are justified.

Ключевые слова: коррупция, взаимоотношения, бизнес, власть.

Key words: corruption, relationships, business, authority

Во взаимоотношениях бизнеса и правоохранительной власти многое остается пока неясным — особенно если речь идет о взаимоотношениях криминальных и, в частности, взаимоотношениях криминально-коррупционных. Ведь ни та, ни другая сторона этих взаимоотношений не заинтересована в афишировании всего того криминала, которым они подпитываются, сопровождаются и все более наполняются. Напротив, здесь, как нигде, существует, так сказать, «глухая» конспирация. И даже если какие-то совершаемые в этих взаимоотношениях преступления и «вылазят наружу» (по неписанному правилу типа «тайное всегда становится явным», «шила в мешке не утаишь», «сколько бы веревочке не виться...»), то далеко не всё, что их касается, становится известным. А если многое и становится известным, то далеко не всё предается огласке, так как маскируется под корпоративную, коммерческую и служебную тайну.

Более того, обе стороны взаимоотношений всегда стремятся представить себя (как и сами эти взаимоотношения) в самом лучшем свете и цвете. Здесь имеет место то, о чем в народе метко говорят: «Рука руку моет». И обе «руки» здесь склонны демонстрировать только свою «исключительную чистоту». Что же касается «грязи под ногтями», образовавшейся по причине неразборчивого «загребания» денег, то она умело скрывается под блестящим «малиновым маникюром», глядя на который нельзя не испытывать одно только неподдельное восхищение.

Отмеченное, однако, совсем не означает, что тайна криминально-коррупционных взаимоотношений бизнеса и правоохранительной власти — «за семью печатями», и, следовательно, никогда до конца так и не будет раскрыта. Конечно же, она *будет* раскрыта, но все-таки это лучше сделать сейчас, чем откладывать дело «не потом», или, тем более, ожидать, когда проблема «рассосется сама по себе».

Сегодня становится совершенно очевидным, что при существующем порядке вещей проблема коррупционной составляющей криминальных взаимоотношений бизнеса и правоохранительной власти не только не решается, но и с течением времени становится еще более острой, опасной, непреодолимой. Страдают при этом не только бизнес и правоохранительная власть, но и граждане, не имеющие отношения ни к бизнесу, ни к власти, как равно и общество и даже страна в целом.

И, конечно же, идет под уклон экономика, так как в результате криминально-коррупционных взаимоотношений бизнеса и правоохранительной власти создаются все новые препятствия для реализации стратегии модернизации, перехода к использованию новых видов техники и новых технологий, внедрения информационного, культурного и иного необходимого ресурса, рационального использования имеющихся и поиска новых видов энергии, оптимальной интеграции страны в мировое экономическое пространство. Все это обязывает последовательно, детально и точно разобраться в том, в чем же заключается главная суть рассматриваемой проблемы. А также в том, какие направления ее решения следует наметить и, может быть, уже в ближайшее время осуществить.

Для каждого из нас, рядовых граждан, всякое положительное соприкосновение с властью, в том числе с властью правоохранительной – весьма желанно. Почему? Да потому что предназначение власти – заботится о нас, то есть одаривать нас различными благами, позволять нам основательно обустраиваться в этой жизни, открывать для себя в ней свои пути-дороги, делать различные приобретения, сохранять имеющие ценности и пополнять их новыми, обеспечивать и охранять свое благополучие и безопасность. Соприкасаясь с могуществом власти, мы и сами набирались силы, уверенности, спокойствия в этой пока еще достаточно сложной, во многом неблагополучной, несбалансированной, неблагородной, неблагорарной и, конечно же, все еще суетной, тревожной и беспокойной жизни.

С другой же стороны, любое наше соприкосновение с властью полезно и выгодно ей самой, поскольку оно способно помочь ей лучше разобраться в том, что же нам, в конце концов, надо от нее, а ей – от нас. И в то же время совершенно очевидно, что без таких соприкосновений власть как бы отрывается от народа, делает ошибки, начинает злоупотреблять нашим доверием и своими полномочиями. И если случается именно так, то люди, используя возможности своего гражданского общества, рано или поздно сметают власть с политической сцены, утверждают новую и благодаря этому пытаются жить поновому.

Констатируя, что правильные. TO есть соответствующие закону, наши взаимоотношения с властью - это всегда хорошо, причем как для нас самих, так и для власти, нельзя не отметить и того, что ситуация в стране пока складывается несколько поиному, а именно так, что традиционно мы все еще, как правило, опасаемся власти, а попросту говоря, боимся ее. И поэтому стоим по отношению к ней всегда как бы вполоборота, постоянно ожидая от нее каких-то очередных, образно говоря, каверз например, дальнейших манипуляций c механизмами своего формирования, функционирования, жизнеобеспечения. Ни и, конечно же, с ценами, тарифами, штрафами, нашими правами, обязанностями и т.д. Игры власти со своими «вертикалями» и «горизонталями», продлениями и расширениями полномочий, окладами и премиальными для чиновников – все это, казалось бы, далеко от нас, но... за нашей спиной, и, естественно, за наш счет. А с ценами, тарифами, штрафами, правами, обязанностями и т.д. – это... тоже за нашей спиной, и тоже за наш счет, но касается нас уже самым непосредственным образом.

Наше отношение к власти в чем-то напоминает наше отношение к начальству на работе, где обычно каждый старается держаться подальше от руководителя, не беспокоить его своими посещениями, и вообще, по возможности, не попадаться ему лишний раз на глаза. А то вдруг...«не с той ноги встал». И тогда попадешь «под горячую руку», то есть пошлет куда-нибудь, отругает, накажет, вспомнив «что-то не то», загрузит какими-то дополнительными делами и т.д.

Еще на заре советской власти было сказано, что не надо бояться «человека с ружьем», то есть власти (был еще на эту тему фильм – режиссера Сергея Юткевича), если ты – действительно ее творец, источник, вдохновитель. Но мы все еще по привычке переходим на другую сторону улицы, когда видим полицейского – особенно если он с пистолетом, а тем более, с автоматом. А вдруг откроет стрельбу – по «бегающим мишеням», как это иногда у нас еще бывает, в том числе в столице Москве.

И, вместе с тем, власть не только страшит, но и обладает определенными привлекательными чертами, а поэтому она многих интересует, манит, притягивает как магнит. Не случайно сплошь и рядом мы видим людей, которые, независимо от способностей и образования, знаний и опыта всячески стремятся попасть в нее, в том числе правдами и неправдами, включая какие-то совсем уж окольные пути. И попадают, в чем мы наглядно убеждаемся, видя во множестве таких нелепых самозванцев по телевидению.

Как здесь не вспомнить Священное писание, убеждающее нас в том, что всякая власть – от Бога. Но, как говорится, Богу – Богово, а кесарю – кесарево. И как бы эти «кесари», если можно так выразиться, ни «кесарили» в этой жизни, с ними мы вынуждены все же как-то считаться, договариваться, уживаться. И, естественно, соглашаться с теми правилами, которые они устанавливают и неукоснительного соблюдения которых настойчиво добиваются от нас.

Даже если человек – в оппозиции, то все равно правильные взаимоотношения с властью ему крайне необходимы, так как иначе власть может буквально стереть его в порошок, то есть выключить навсегда из политики – убрать как пушинку с ладони. В нашем

правовом (по Конституции) государстве власть, к сожалению, остается пока далеко еще не правовой. Во многом она живет как бы собственной жизнью, бесцеремонно делая все, что ей вздумается. Еще вчера она исключила из Уголовного кодекса состав клеветы, а сегодня вновь ввела его, отменила выборы губернаторов, а потом восстановила их (хотя и с определенными «фильтрами»), высказывалась за то, чтобы тем, кто предлагает изменить некоторые конституционные положения с целью продления президентских полномочий, «мозги поменять», а затем все же продлила их – до шести лет, да еще с возможностью общего продления их до восемнадцати лет (один срок – как таковой, и два подряд – уже по новым правилам), то есть до 2030 года. Если же учесть уже «отбытые» В.В.Путиным на президентском посту восемь лет, то это получается в общей сложности – 26 лет. У нас разве что И.В.Сталин мог бы похвастаться таким политическим долголетием. С момента начала реформ появилось уже, можно сказать, новое поколение, а власть – все еще по существу ельцинская. Фраза о том, что «король умер – король жив», получила, как видим, и в нашей стране свое реальное воплощение. Примечательно, что и в первом, и во втором случае «свитой короля» неизменно была партийно-чиновничья номенклатура.

Требование соизмерять свои амбиции с позициями власти относится не только к отдельным личностям (то есть к гражданам как частным лицам), но и к бизнесу. И, может быть, даже в большей мере к бизнесу и бизнес-структурам, чем ко всем нам как частным лицам, то есть к людям, не занимающимся предпринимательством и не имеющим прямого отношения к власти.

Бизнес и власть призваны быть, прежде всего, партнерами, а не противостоящими системами. Собственно бизнес — это тоже власть, но власть экономическая, а не политическая. И эти власти должны во всем находить общий язык, так как иначе пострадают обе стороны взаимоотношений. Правильные взаимоотношения бизнеса с властью должны обеспечить ему достаточно уверенные экономические позиции. Такие взаимоотношения выгодны, конечно же, и власти. Ведь бизнес — это в значительной мере тоже источник власти, так как за ним — значительная часть нашего населения, то есть по существу сам народ. А народ, по Конституции, является носителем суверенитета и единственным источником власти. И это — не только сугубо электоральный источник (голоса избирателей), но и источник материальный, если иметь в виду поступления от бизнеса в бюджет — в виде налогов, сборов, пошлин и т.д.

Но бизнес, вместе с тем, составляет и определенную оппозицию власти, поскольку опять же... – налоги, нередко являющиеся здесь как бы «яблоком раздора». Изымая у бизнеса значительную часть доходов в виде налогов, власть довольно часто заставляет работать предпринимателей на грани возможного и невозможного.

В то же время власть ревностно относится к вхождению в ее ряды предпринимателей, которые, заполняя залы представительных органов, далеко не всегда послушны тем, кто и раньше находился у власти, основательно привык к ней и уходить из нее не намерен. Между тем, парламентарии, заседая какое-то время в представительных органах, постепенно

перебираются в правительственные и другие высокие должностные кресла, где остаются практически пожизненно, сохраняя за собою, как правило, столь же долго и былые привилегии — в дополнение к новым. И, естественно, «наработанный» ранее бизнес. Таким образом, кухарки, кухаркины мужья и дети, люди от плуга и станка, а затем и от партийного билета и комсомольского значка, начальники цехов и директора заводов, генералы и космонавты постепенно сменились во власти людьми от бизнеса. Предприниматель стал оппонировать по существу самому себе, но облачившемуся в тогу чиновника, а последний стал оппонировать предпринимателю, не имеющему такой тоги.

Ярким примером противостояния бизнеса и власти является событие, происшедшее на встрече Президента РФ В.В.Путина (буквально в первые недели его нового президентства) с представителями нашего крупного предпринимательства (встреча демонстрировалась по телевидению). Прерывая выступление одного из участников совещания, В.Путин спросил его (цитируем по памяти): «Как Вы относитесь к налогу на роскошь?», то есть к налогу, который тогда планировался к введению и который в канун президентских выборов был, как известно, одной из сильнейших предвыборных «фишек» кандидата от «Единой России». Олигарх... замялся. Тогда вопрос был повторен. После некоторой паузы ответ все же последовал (цитируем опять же по памяти): «Идея о налоге на роскошь только озвучена.., а поэтому еще требует осмысления...». «Осмысление», как можно понять, продолжается до сих пор. И оно, разумеется — исключительно оппозиционное.

Но неизбежное при любой экономико-политической конфигурации противостояние бизнеса и власти (если позволительно использовать здесь термин «противостояние») должно быть всегда цивилизованным, происходить в рамках закона и, конечно же, с соблюдением норм деловой этики, морали, нравственности. И, естественно, это противостояние должно быть никак не антагонистическим, а сбалансированным, то есть с полным набором своих «сдержек и противовесов». Подобно тому, как это имеет место во взаимоотношениях между различными ветвями власти, любое серьезное нарушение баланса между которыми способно привести к опасным событиям, в том числе подобным тем, которые произошли у нас, как известно, 3-4 октября 1993 года, когда «Белый Дом» (тогда – здание Верховного Совета РФ) полыхал в огне, будучи по распоряжению Б.Н.Ельцина обстреляным в течение девяти часов из танков 150-миллиметровыми снарядами. Кстати, до сих пор не дана юридическая оценка случившемуся и даже не обнародованы имена погибших тогда 146-и депутатов и сотрудников парламента.

Одним из суррогатных элементов системы «сдержек и противовесов» во взаимоотношениях бизнеса и власти является коррупция, при которой предприниматель и чиновник договариваются между собой на основе взаимных интересов – по принципу «ты – мне, я – тебе», но с циничным пренебрежением интересами граждан, общества, государства. Это – своеобразная форма «перемирия», при которой отмеченное выше противостояние хотя и сохраняет состояние, так сказать, «холодной войны», но «войны горячей», при которой, например, предприниматель «заказывал» бы («закапывал», «умывал», «обувал», «размазывал

по стенке» и т.п.) чиновника, а тот делал бы то же самое соответственно с предпринимателем, уже нет.

Но на этом «достоинство» коррупции во взаимоотношениях бизнеса и власти (состоящее в примирении бизнеса с властью, а власти с бизнесом – хотя и за счет интересов граждан, общества и государства), собственно, и кончается. Далее начинаются одни «минусы». Первый «минус» состоит в том, что за взятки предприниматели добиваются от чиновников тех или иных предпочтений для себя, в том числе права на рейдерские захваты, сводя по существу к нулю главное преимущество рыночной экономики – состязательность, второй — в том, что чиновники, одаривая за взятки отдельных предпринимателей предпочтениями, идут на любые злоупотребления и тем самым еще больше криминализуют пространство своей и предпринимательской деятельности, третий – в том, что чиновники создают для себя в бизнесе ситуацию «открытых дверей», усиливая и без того прочные свои предпринимательские возможности, четвертый – в том, что коррупция развязывает предпринимателям руки в их посягательстве на трудовые права работников, на окружающую природную среду, на поступления в бюджет, в-пятых, в условиях коррупции власть бесцеремонно использует в своекорыстных интересах уголовный закон, манипулируя им «что дышлом»[1], *пятый* – в том, что, увлеченно занимаясь коррупцией – по существу как своеобразной формой бизнеса, чиновники довольно часто не находят времени для решения насущных нужд граждан, у них до этого просто «не доходят руки», в результате чего те порой даже погибают[2].

Перечисление «минусов» коррупции во взаимоотношениях бизнеса и власти можно было бы продолжать, но, думается, и приведенных достаточно. Все они в совокупности и каждый из них в отдельности приводят к свертыванию или, в лучшем случае, к откладыванию на разные сроки социальных программ, в результате чего в обществе растут протестные настроения, активизируются марши «миллионов», «писателей и читателей», «кумиров и почитателей» и т.д. Такого рода «минусы» требуют принятия решительных мер по оздоровлению взаимоотношений бизнеса и власти. Ясно, что без пусть несколько грубой, но достаточно взвешенной и четко сфокусированной силы уголовного закона здесь не обойтись.

Но уголовный закон как бы взял «передышку» на этом направлении своего предназначения. Правоохранительная власть, являясь продолжением власти общей компетенции, не торопится наступать на коррупцию со всей силой, а довольствуется в основном отчетами о «победах» над врачами, учителями, преподавателями специальных учебных заведений, которые в противоборстве с нуждой и нищетой пытаются как-то свести «концы с концами», в том числе поддаваясь соблазну принимать подношения от благодарных больных, учащихся и их родителей.

Все это довольно чувствительно ударяет по обеим сторонам анализируемых взаимоотношений, то есть как по бизнесу, так и по власти. Неэффективными становятся ни бизнес, ни власть. И не только потому, что коррупционная нагрузка на бизнес как бы загоняет его в угол, из которого нет выхода, а власть, все больше обрастая бизнесом,

постепенно становится неспособной заниматься должным образом ни им, ни своими непосредственными делами. И не только потому, что в результате такой коррупции возрастают монополистические явления в экономике, и она становится неповоротливой, а следовательно, и несостоятельной — особенно перед лицом внешней экономической экспансии, значительно усиливающейся в условиях присоединения России к ВТО и отсутствия достаточно эффективных «шлюзов постепенности» вхождения в эти условия. И не только потому, что вследствие всего этого в стране возрастает опасность «реставрации бурбонов», то есть возвращения к власти партийно-государственной номенклатуры. А еще и потому, что Россия по причине коррупции в сфере взаимоотношений бизнеса и власти может вообще прекратить свое существование, распавшись вначале на мелкие части, а затем, «перенасытившись» гастарбайтерами с Юга и Востока, потонуть в болоте неразберихи и всеобщей оппозиционной шумихи.

Как показывает жизнь, само по себе присоединение страны к ВТО не спасает ее от экономического краха и вообще ничего ей не гарантирует, кроме, разве что, жестких условий увеличивающейся конкурентной среды. Яркий пример тому — судьба одной из колыбелей мировой цивилизации Греции, которую мало спасает даже абордаж со стороны такого крупного фактора мировой экономики, как Евросоюз. Не говоря уже о странах ближнего зарубежья, присоединившихся к ВТО гораздо раньше России, но бедствия которых не только продолжаются, но и обостряются. И еще неизвестно, когда они кончатся. Даже гордость Украины Крым, который в свое время Пабло Неруда назвал орденом на груди планеты по имени Земля, оставляет сегодня довольно грустное впечатление из-за нужды и нищеты населения, нескончаемых помоек на улицах городов, дерзости и цинизма новоявленных нуворишей. Не хотелось бы, чтобы и состояние России после присоединения ее к ВТО характеризовалось этими же параметрами — бедность, разбитые дороги, помойки и т.д.

Именно закону принадлежит главное слово в снятии коррупционного пресса бизнеса на власть, а власти на бизнес. Но для этого, как ни странно такое может прозвучать, должны быть значительно укреплены позиции правоохранительной власти. Казалось бы, зачем укреплять правоохранительную власть, если она у нас — основной инициатор коррупционных отношений, если она сегодня стала по существу придатком и неотъемлемой составной части традиционной нашей преступности, ее верной служанкой и, можно даже сказать, ударной силой.

Все это так, но правоохранительную власть все же *надо* укреплять. Во-первых, путем дальнейшего ее реформирования (произведенные в ней реформы следует рассматривать только как начало того большого дела, которое предстоит осуществить), а во вторых – путем создания факторов определенной ее независимости от власти общей компетенции. Правоохранительная власть должна подчиняться, прежде всего, закону, а не власти общей компетенции. Тем самым будет разорвана причинно-коррупционная связь между той и другой, и если какая-то коррупция в среде правоохранителей еще и будет сохраняться, то она уже не будет получать подпитки со стороны коррупции во власти общей компетенции. С другой стороны пойдет на спад и коррупция в среде чиновников общей компетенции,

поскольку она не будет получать своего продолжения и логического завершения в коррупции среди правоохранителей.

Надо постепенно повышать уровень прозрачности как бизнеса, так и правоохранительной власти. Сегодня мы не знаем, как, каким образом, по каким схемам бизнес, образно говоря, «высасывает» из работников сверхдоходы. Как не знаем и того, как, каким образом, по каким схемам правоохранительная власть (как и власть общей компетенции) «высасывает» из бизнеса взятки. Мы не знаем, чьи трубы дымят в наших городах, в чьи магазины мы ходим за продуктами, чьи автобусы «бегают» по нашим улицам. И, тем более, нам неведомо, чем занимаются чиновники в своих кабинетах — за исключением, разве что, того, о чем они сами говорят в средствах массовой информации. Необходимо поставить под достаточно жесткий общественный контроль обе стороны рассматриваемых взаимоотношений, которые (стороны) все еще вожделенно смыкаются, как некогда утверждал В.В.Путин, в жарком коррупционном экстазе.

В кабинетах правоохранителей должны находиться хотя бы время от времени представители общественного контроля. Такой контроль надо создавать — на первых порах, может быть, из числа студентов юридических вузов, которых в городах немало. И может быть, на правах общественных помощников сотрудников. Это была бы, вместе с тем, и хорошая практика для будущих юристов. Не следует «отсекать» и посетителей-очередников от присутствия в кабинетах сотрудников — пусть присматриваются к тому, что в них происходит.

Жизнь показывает, что если правоохранитель работает в кабинете один на один с посетителем, то в его шкафах скапливаются взятки – коньяк, сувениры, деньги... А если в кабинете работает *несколько* сотрудников и к тому же в нем находится *несколько* посетителей, то те же шкафы наполнены служебной документацией, пособиями, методические рекомендациями, необходимой для дела специальной литературой. То есть служебные помещения «работают» по назначению, от них есть отдача, показатели растут.

Выдвигая мысль о необходимости внедрения во взаимоотношения бизнеса и правоохранительной власти общественного контроля, мы отнюдь не призываем к ≪эпохи стукачества», а лишь выступаем за прозрачность возвращению взаимоотношений, за доступ к ним институтов гражданского общества. Например, все мы ездим на машинах и все мы сталкиваемся с сотрудниками ГИБДД по поводу нарушений (наших или чужих) правил дорожного движения. И воочию видим, как ловко сотрудники манипулируют своими возможностями «достать» каждого своими обвинениями, претензиями и вымогательствами – как говорится, не мытьем, так катаньем. Открытость наших взаимоотношений с этими сотрудниками (например, посредством видеозаписи контактов) позволила бы полностью исключить здесь элемент коррупции и сопряженных с ними злоупотреблений. Точно так же в случае установления общественного контроля исчезла бы коррупция и все, что с ней связано, и из взаимоотношений бизнеса и власти.

Представляется целесообразным, во-первых, стимулировать сообщения о фактах коррупции денежными выплатами, а во-вторых, защищать интересы заявителей от возможной мести со стороны коррупционеров. По мнению руководителя Национального антикоррупционного комитета К.Кабанова, коррупция в России сама стала своеобразной формой бизнеса, который только на откатах «зарабатывает» один триллион рублей в год, а поэтому без широкой общественной поддержки ее не решить[3].

Недостаточен и *правовой* контроль над данной сферой взаимоотношений. Законодательство, призванное стать действенным инструментом такого контроля, зачастую лишено даже элементарного морально-нравственного содержания, в силу чего правоохранительная власть либо вообще ничего не делает на направлении осуществления антикоррупционной политики, либо является прямой соучастницей разного рода коррупционных схем, либо в лучшем случае шарахается со стороны в сторону, требуя необходимой для нее информации о фактах коррупции то от взяткодателей, то от взяткополучателей, то от посредников во взяточничестве, то от представителей гражданского общества, то непосредственно от граждан. На эту стороны проблемы с основанием обращает внимание и секретарь Совета при Президенте РФ по культуре и искусству Владимир Толстой, который, в частности, заявляет: «Здесь у нас «дырка»: культура на протяжении последних 20 лет только теряла свои позиции. Она не отстояла их ни разу — ни в одном законе, ни в одном кодексе. Почти все действующие законы РФ совсем не учитывают специфики культуры»[4].

В настоящее время в Уголовном кодексе есть две основные статьи, посвященные ответственности за коррупцию, а именно статья 290 (получение взятки) и статья 290 (дача взятки). Задача же заключается в том, чтобы объединить эти статьи в одну, так как и в той, в другой статье речь идет по существу об одном и том же – если смотреть на эти статьи с позиций института соучастия в преступлении.

Ситуацию «получение-дача взятки» можно было бы, как мы полагаем, назвать так: «коррупционная сделка». В рамках квалифицирующих признаков можно было бы установить повышенную ответственность инициаторов такой сделки - со стороны как того, кто получает взятку, так и со стороны того, кто ее дает. При такой реконструкции норм инициатор коррупционной сделки мог бы привлекаться к ответственности дополнительно еще и за подстрекательство к ее заключению. Если инициатор коррупционной сделки – лицо, получающее взятку, то оно, помимо прочего, могло бы привлекаться к ответственности дополнительно еще и за вымогательство (ст. 163 УК). Если же инициатор коррупционной сделки - лицо, дающее взятку, то в случае склонения им путем взятки должностного лица к совершению какого-либо злоупотребления можно было бы ставить и решать вопрос о привлечении его к ответственности за подстрекательство К соответствующему злоупотреблению.

Заслуживают внимания предложения бизнес-омбудсмена Б.Титова (Уполномоченного при Президенте РФ по правам предпринимателей) о том, чтобы уголовные дела по экономическим деяниям предпринимателей возбуждались не по рапортам оперуполномоченных (как это имеет место в большинстве случаев в настоящее время), а по

заявлениям потерпевших. Фактически речь здесь идет о переводе таких дел в категорию дел частного обвинения. По данным Б.Титова, примерно лишь каждое второе уголовное дело об экономических деяниях доходит до суда, что говорит о давлении на предпринимателей на этапе следствия. Следует признать конструктивным и его предложение об установлении общественного контроля за отзывом лицензий, блокированием счетов налоговыми органами, проведением обысков у предпринимателей и других процессуальных действий сотрудников правоохранительных органов, принятием законов, регулирующих предпринимательскую деятельность[5].

Положителен опыт создания в Башкиртостане Центра общественных процедур «Бизнес против коррупции». Объясняя необходимость учреждения этой общественной структуры, глава региона Рустэм Хамитов на состоявшемся в Уфе круглом столе «Правовые механизмы защиты прав предпринимателей», в частности, подчеркнул: «Гидра бюрократизма сильна, победить ее мы сможем, только объединившись. Республика старается создать все возможности для свободного развития бизнеса. Мы заинтересованы в том, чтобы предприниматели были защищены, а бизнес стал чистым и прозрачным...»[6].

Но более важными здесь являются преобразования в экономики, переориентация ее с нефти и газа на информационные и новые энергетические ресурсы. Педалирование ресурсов нефте-газового комплекса существенно тормозит такие преобразования и, в то же время, создает условия для сверхдоходов, которые в условиях бесконтрольности идут, с одной стороны, на подкуп властью своего человеческого фактора, то есть чиновников (на повышение им окладов, умножение льгот, привилегий и т.д.), а с другой – на подкуп ее самой – предпринимателями (в стремлении предпринимателей получать от власти необоснованные преимущества).

Способствует коррупции в сфере взаимоотношений бизнеса и правоохранительной власти незнание предпринимателями своих прав. Человек часто прибегает к взятке только потому, что не видит выхода из создавшегося положения. Получается «игра в одни ворота» правоохранитель знает законы, а предприниматель их не знает, и поэтому в условиях коррупционного пресса он всегда пасует, идет на попятную. В народе не случайно говорят, что прав тот, у кого больше прав. А у кого больше прав? Конечно же, у того, кто лучше знает свои права. Поэтому предприниматели должны активно вооружаться юридическими знаниями. Не обязательно это должно быть именно высшее юридическое образование, но какое-то обучение праву они все же должны пройти. Достаточно здесь хорошо проштудировать кодексы, другие законы и подзаконные нормативные правовые акты, в чем предпринимателю могут помочь те же юридические учебные заведения. И человека уже невозможно будет, как говорится, «взять голыми руками». Никакой прожженный чиновниккоррупционер, а тем более сотрудник ГИБДД, налоговик, эколог, пожарный, таможенник или иной службист, уже не сможет, образно говоря, «прижать к стенке» предпринимателя и снять с него соответствующую коррупционную дань. Юристы и юридические службы организаций – это хорошо, но если предприниматель в юридической стороне своего дела полагается исключительно на них, то рано или поздно это дает о себе знать, причем порой самым негативным образом. И хорошо если все закончится, как говорится, «легким испугом», а то ведь нередко случаются и уголовные дела, в том числе с вполне реальной судебной перспективой.

Нельзя забывать о том, что неизбежным следствием расширяющейся коррупционной составляющей криминальных взаимоотношений бизнеса и правоохранительной власти является ужасающая бедность значительной части нашего населения. Речь идет не только об инвалидах, студентах и пенсионерах — страдают и многие из тех, кто *трудится*, но заработная плата которых составляет мизер от того, что человеку действительно необходимо для жизни. По этой причине, как свидетельствует «Российская газета», подавляющее большинство жителей страны (70 %) не могут позволить себе купить жилье и взять ипотеку из-за низких доходов. Многие по этой же причине не могут даже нормально питаться, одеваться, приобщаться к культуре, поднимать и воспитывать детей. Преодолев коррупцию, мы покончим и со всеми остальными нашими бедами, в том числе с двумя всем известными.

В данной связи весомая нагрузка в деле оздоровления взаимоотношений бизнеса и правоохранительной власти, и, в частности, в устранения из криминального содержания этих взаимоотношений его коррупционной составляющей, ложится на политические партии, объединения и движения, которые ставят своей задачей улучшение материальных и культурных условий жизни населения, в том числе посредством наступления на коррупцию с использованием всех имеющихся в распоряжении государства и общества возможностей. Обнадеживающей в этом смысле является появление на политическом горизонте «Партии налогоплательщиков России», программа которой включает, в частности, пункт о необходимости перечисления на счет каждого гражданина (с момента его рождения и в равных долях) средств, получаемых страной от продажи сырья[7].

В заключение еще раз сделаем акцент на том, что без решения проблемы коррупции во взаимоотношениях бизнеса и правоохранительной власти не будет успешно развиваться ни бизнес, ни правоохранительная власть, ни страна в целом. Предложенные меры — лишь малая часть тех, которые следовало бы осуществить на рассматриваемом направлении антикоррупционной политики. Но с чего-то ведь надо начинать.

Литература

1. «Российская газета» пишет, что в стране около ста тысяч невиновных находятся в исправительных колониях (см.: Фалалеев М. Где тонко, там и врется // Российская газета. 2011. 24 июня — № 5511/135; Фалалеев М. Ничего, кроме правды // Российская газета. 2011. 6 августа. С. 9), значительная часть из которых — работники различных бизнес-структур. По данному поводу Уполномоченный по правам человека в Нижегородской области Василий Ольнев на встрече омбудсменов с Президентом В.В.Путиным вышел с инициативой дополнить Уголовный кодекс статьей об ответственности судей за незаконное осуждение невиновного (см.: Хабаров Т. К Фемиде

есть вопросы. Судьи должны нести ответственность за свои решения // Российская газета. 2012. 27 сентября. С. 14).

- 2. Бросили на авось. Чиновники и врачи позволили умереть голодной смертью младенцу (редакционный материал) // Российская газета. 2012. 2 августа. С. 19.
- 3. Новиков К. Донос или сделка? Сенаторы уперлись в коррупцию // Российская газета. 2012. 25 июня. С. 3.
- 4. Яковлева Е. Время потерянных позиций // Российская газета. 2012. 21 сентября. С. 9.
- 5. Зыкова Т. Защита Титова. Бизнес-омбудсмен против возбуждения уголовных дел без заявления потерпевших // Российская газета. 2012. 26 июля. С. 6
- 6. Камаева А. Прощай коррупция. В регионах ищут новые способы поддержки предпринимателей // Российская газета. 2012. 31 июля. С. 19.
- 7. Программа Политической партии «Партия налогоплательщиков России» // Российская газета. 2012. 26 сентября. С. 20.

УДК 343.19

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАЙОННЫХ СУДОВ И СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: СТОЛИЧНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ INTERACTION OF DISTRICT COURTS AND THE MEDIA: THE METROPOLITAN AND REGIONAL EXPERIENCE

Полиева О.М., г. Таганрог, судья Таганрогского городского суда Polieva О.М., Taganrog, Taganrog City Court Judge e-mail: skgi_institut@mail.ru

Аннотация: проанализировано взаимодействие районных судов и средств массовой информации с учетом особенностей административно-территориального устройства российской государственности.

Abstract: The interaction between the district courts and the media, taking into account the features of the administrative-territorial structure of the Russian state.

Ключевые слова: правосудие, судебная система, информационные технологии, средства массовой информации, регионы

Keywords: justice, the court system, information technology, media, regions

Общеизвестна значительная роль в формировании общественного мнения средств массовой информации. Они воздействуют на правовую позицию граждан в оценках деятельности правоохранительных органов и судов по защите их прав и законных интересов, формируют правовую культуру населения, создают позитивное либо негативное восприятие людьми фактов и событий.

В соответствии с Декларацией «О праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы», принятой на 53-ей сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1998 г. каждое демократическое государство обязано обеспечивать и поддерживать создание и развитие независимых национальных учреждений по вопросам защиты прав человека и основных свобод на всей территории, находящейся под его юрисдикцией.

Незаменимость связей с общественностью и СМИ, как наиболее эффективного канала реализации наиболее важных задач, стоящих сегодня перед государством в целом и всеми ветвями власти была подтверждена на Гражданском форуме 2001 г. Особо здесь была подчеркнута безусловная необходимость и полезность содействия всех институтов гражданского общества в завершении реформы системы правосудия. «Она идет не просто и не может быть только ведомственным делом. Здесь голос граждан должен быть одним из решающих» [1]. Именно такое понимание специфики роли российской общественности и

независимых СМИ должно найти свое воплощение во взаимоотношениях со всеми государственными органами, в том числе и с органами правосудия.

Кроме того, как следует из результатов различных социологических опросов, большинство работников судебной системы считают своим главным назначением защиту прав и свобод граждан, оказание помощи наименее защищенным слоям населения и восстановление социальной справедливости. В то же время судебные работники полагают, чтобы такая работа была результативной, и люди чувствовали себя защищенными от преступных посягательств и произвола чиновников, необходима активная и повседневная поддержка усилий судей самими широкими кругами общественности.

В связи со сказанным, целями взаимодействия судебных органов с общественными организациями и СМИ, можно считать не только осуществление контроля за органами государственной власти, качеством работы суда, но и создание условий и возможностей для оказания общественностью реальной помощи органами правосудия в обеспечении законности в области соблюдения прав и законных интересов человека и гражданина, а также как следствие и повышение авторитета суда в глазах населения.

Следовательно, предметом взаимодействия судей с общественностью и СМИ является обеспечение соблюдения Конституции и законодательства, общепризнанных принципов и норм международного права в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, законности и правопорядка, борьбы с преступностью, совершенствования правового регулирования общественных отношений [2].

Отсутствие эффективного, отлаженного механизма взаимодействия СМИ и судов, четких принципов освещения их работы образовало информационный вакуум, породивший ложные стереотипы судебной системы как «вещи в себе» и журналистов, априорно обвиняющих суды в коррупции [3].

Одной из таких причин существующего непонимания между судьями и представителями средств массовой информации является недостаточная подготовка журналистов по вопросам права. Журналист не всегда четко представляет себе роль и место судов в системе органов государственной власти и требования законодательства, регулирующего деятельность судей.

Кроме того, журналисты и отдельные аналитические обозреватели дают свою оценку показаниям свидетелей, иным доказательствам по делу, после чего делают вывод о виновности или невиновности подсудимых еще задолго до окончания судебного разбирательства, формируя, таким образом, в общественном сознании свое предполагаемое судебное решение, называемое в литературе медийным [4].

Другая проблема взаимоотношений СМИ и судов, в том числе районных – отсутствие четких правил, принципов, положений, которые должны быть являться основой их отношений. Если существующее информационное законодательство предоставляет журналистам широкий круг полномочий для получения необходимых сведений, то судебная

система имеет правовые нормы несколько иного характера, находящихся в различных законах.

Следующим вопросом можно назвать способы и методы СМИ для «ведения борьбы» с судебной властью, которые могут либо не замечать судебную власть, умалять ее значение в сравнении с законодательной и исполнительной, либо оспаривать принцип независимости и критиковать каждое конкретное судебное решение и судью, его вынесшего.

Другой круг проблем касается ряда руководителей судов всех уровней, которые в силу различных обстоятельств или не замечают журналистов, или систематически обвиняют СМИ в предвзятости и тенденциозности.

Таким образом, исходя из анализа вышеобозначенных трудностей и проблем во взаимоотношениях судебных органов и СМИ, становятся очевидны два подхода к работе последних. Суть первого состоит в отрицании всяческого сотрудничества и приложение максимума усилий для того, чтобы отказать журналистам в общении, в каких-либо комментариях и разъяснениях. Суть второго же в том, чтобы предоставить СМИ как можно больше информации не только по наиболее актуальным судебным делам, имеющим значительный общественный резонанс, но и по различным другим сторонам деятельности судов: различные статистические сведения, кадровые назначения и т.д.

Рассматривая два представленных подхода, можно отметить лишь одно – при отсутствии комментариев позиций суда по интересующим журналистов делам всегда появляются разного рода независимые эксперты в области права, адвокаты или представители государственного обвинения, которые с большим удовольствием заполнят нишу судебного молчания и сформируют с помощью СМИ в общественном сознании свое, «более законное и обоснованное судебное решение» [5]. Поэтому, бесспорно, что выработка принципов сотрудничества и взаимодействия судебной власти и средств массовой информации – это важнейшее направление современной судебно-правовой реформы. В этом ключе справедливо высказывание председателя Верховного Суда РФ В. Лебедева: «Мы не должны обижаться на средства массовой информации, это не наши оппоненты, это наши союзники. Только через них... есть одна единственная возможность донести до общества, до граждан правду о работе российского правосудия...» [6].

Безусловно, и руководитель суда, и судья должны отстаивать интересы суда перед СМИ. Но основное бремя в решении этих задач возлагается на сотрудника аппарата суда, отвечающего за общение не только с прессой, но и любыми иными общественными организациями. Особенно это касается основного звена судебной системы – районного суда. Именно на его плечи, как было сказано ранее, ложится ответственность за рассмотрение наиболее интересных для населения дел и вопросов. Арбитражное и конституционное судопроизводства требуют в большей степени специальных познаний в соответствующих областях юриспруденции, экономики и финансов, а, следовательно, зачастую не вызывают должного общественного резонанса. Как правило, решения арбитражных и конституционных (уставных) судов заинтересовывают лишь участников подобных общественных отношений. Кроме того, месторасположение районных судов говорит об их наиболее тесном

соприкосновении с гражданами, общественностью и, следовательно, со средствами массовой информации.

Следствием несовпадения реального судебного решения с выводами, обозначенными в СМИ, может стать серьезный социальный конфликт, механизмом преодоления которого является работа пресс-секретарей, специалистов по взаимодействию с общественностью по разъяснению своих позиций, своих постановлений и решений, подготовка общественного мнения.

Успешная и результативная деятельность пресс-служб является залогом эффективности всего комплекса взаимодействий со СМИ. Основной целью их деятельности является формирование имиджа судебного органа и позиционирование его в определенных социальных группах. При этом, решая вопрос об открытости судопроизводства в конкретном суде надо помнить о ее пределах. Только закон может ограничить доступ к информации из зала суда. Поэтому задача пресс-службы суда обеспечить баланс интересов, чтобы открытость не была реализована в ущерб другим правам, свободам и законным интересам граждан, общества и государства.

Цель создания пресс-службы суда любого уровня, а в особенности районного – это формирование объективного общественного мнения, повышение авторитета судебной власти и престижа профессии судьи, а также оперативное информирование общественности о деятельности суда через подготовку и распространение заявлений, сообщений и других информационных материалов, организацию пресс-конференций и предоставление в СМИ официальных разъяснений позиции суда по различным вопросам.

Таким образом, укрепление взаимодействия районных судов со средствами массовой информации, положительно сказывается на процессе формирования информационного обеспечения собственной деятельности, принципе открытости в сотрудничестве с центральными, областными и районными СМИ, качестве подготовки собственных материалов для прессы.

В этой связи нельзя не упомянуть о том факте, что, опыт успешного взаимодействия со средствами массовой информации, как показывают отчетные данные, зачастую заставляет суды более творчески и инициативнее походить к своим полномочиям в информационной сфере.

Наряду с традиционными и привычными населению рубриками областных и районных СМИ, материалы судебной тематики публикуются и под иными актуальными и востребованными названиями. И это понятно, т.к. именно на уровне районного суда наиболее просто выявить интересующие различные социальные группы вопросы и проблемы. Кроме того, инициатива судов при подготовке собственных материалов для районных газет иногда даже создает их избыток. Ряд районных (городских) судов сохраняет практику выступлений перед общественностью по вопросам судебной деятельности и актуальным темам, вызывающим интерес населения. Так, например, сложная ситуация с

преступностью несовершеннолетних, регулярно находит свое отражение в публикациях и передачах СМИ, основанных на приговорах и решениях судов [7].

Не менее важным и интересным представляется вопрос о взаимодействии районных судов с такой формой средств массовой информации, как Интернет. Так, рубеж 2006-2007 гг. в судебной системе Российской Федерации ознаменовался появлением Интернет-сайтов у всех судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента. В федеральной целевой программе «Электронная Россия» [8], рассчитанной на 2002-2010гг., отмечалось, что использование властными структурами информационных технологий позволяет повысить оперативность и эффективность их работы, а также обеспечить информационную открытость органов власти для общества. Благодаря этому, отмечалось в программе, в стране будет «гораздо меньше возможностей для злоупотреблений по отношению к гражданам со стороны представителей власти», что в итоге будет способствовать развитию гражданского общества [9].

В Концепции использования информационных технологий деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года [10], принятой Правительством РФ в 2004г., положения федеральной целевой программы «Электронная Россия» были развиты более детально. В частности, повышение информационной открытости органов государственной власти предполагалось осуществить путем создания общегосударственных информационных ресурсов, а также информационных ресурсов, содержащих информацию о деятельности федеральных органов государственной власти, с предоставлением доступа к ним граждан и организаций, в том числе через сеть Интернет. Руководящим документом для работы судов в этой сфере, как было сказано в предыдущих разделах настоящей работы, стало «Положение по созданию и сопровождению официальных Интернет-сайтов судов общей юрисдикции Российской Федерации», утвержденное Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 24 ноября 2004г. [11] Интернет-сайты судов общей юрисдикции создавались в целом для реализации механизмов открытости правосудия в условиях информационного общества, в частности для обеспечения доступа всех желающих к информации о деятельности суда и, как показывает анализ публикаций СМИ, их создание чрезвычайно востребовано обществом.

Тем не менее, вопрос взаимодействия судебной власти и средств массовой информации не теряет актуальности и сейчас. Данная проблема рассматривается, как правило, в общем контексте поставленных судейским сообществом задач: реализации принципов открытости и гласности правосудия, своевременного информирования общественности о деятельности судов и органов судейского сообщества, формирования позитивного общественного мнения о судебной системе, повышения уровня доверия населения к судебной власти. На прошедшем в 2008 году VII Всероссийском съезде судей получила дальнейшее развитие принятая Постановлением Совета судей РФ в 2001 году Концепция информационной политики судебной системы [12].

Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [13], который вступит в силу с

1 июля 2010 года, развивает конституционное положение об открытости информации о деятельности государственных органов, реализуя право граждан и организаций на получение информации о деятельности судов. В новом законе урегулированы отношения, связанные с доступом граждан, организаций, общественных объединений, органов государственной власти и местного самоуправления к информации о деятельности судов в РФ. В частности, установлены основные принципы и способы обеспечения доступа к информации о деятельности судов, а также определены формы предоставления такой информации.

Важность создания собственных информационных ресурсов судебной власти сложно переоценить. В соответствии с Концепцией информационной политики судебной системы, эта мера позволяет не только доводить до общества сведения о деятельности судов, но и обеспечить площадку для выражения представителями судебной власти взглядов и мнений по вопросам деятельности судов и по иным проблемам, связанным с обеспечением независимости и самостоятельности правосудия.

В научных исследованиях ученых отмечается что «...собственная информационная деятельность органов государственной власти и местного самоуправления позволяет избежать промежуточных интерпретаций СМИ и доставить потребителю, прежде всего гражданам, изначальные сведения, не «препарированные» посредниками. Конечно, такого рода информационная деятельность органов публичной власти тоже носит целевой характер и не может исключать создания благоприятного «имиджа» соответствующего органа в глазах граждан и общества, но это естественно» [14].

Проблема взаимоотношений районных судов с представителями СМИ не может рассматриваться без учета социально-экономического характера развития российского государства, т.е. регионального аспекта взаимоотношений судебной системы и СМИ. Что касается понятия «региональное», то здесь можно согласиться с мнением доктора социологических наук, профессора Э.Д. Дагбаева, полагающего, что под регионом понимается административно-территориальная единица государства, в частности, субъект Российской Федерации. В целом же следует сказать о том, что регионализация в современной России является объективным процессом — следствием ее природно-климатического, социально-экономического, этнокультурного и политико-административного многообразия. Трансформация общественной системы еще более способствовала тому, что характер реформ, уровень и качество жизни, глубина кризиса, ментальность населения стали различными. Отсюда неминуемое обострение отношений между центральной и региональной властью [15].

Как показывает мировой опыт, успешное продвижение к информационному обществу определяется геополитическими целями и приоритетами различных стран. В современных условиях это продвижение становится важным политическим фактором и для ведущих стран является основой национальной политики. Перед российским государством стоит не только политическая, но социально-экономическая задача: создать необходимые нормативноправовые и организационно-экономические предпосылки и условия перехода к

информационному обществу. Существенные различия в уровне информатизации регионов страны, углубляющиеся неравномерностью их социально-экономического и культурного развития, лишь препятствуют этому процессу. Поэтому существование качественной системы средств массовой информации, дающей адекватную картину как регионам о том, что происходит на уровне федерации, так и центру о том, что происходит в самих регионах, является одним из элементов интеграции не только экономического и политического, но и национального социокультурного пространства.

Кроме того, в условиях формирования отношений в федеративном государстве на новых для посттоталитарной России демократических принципах сохранение государственной и территориальной целостности России, ее государственности в решающей степени обусловлено устойчивостью информационного взаимодействия между центром и регионами.

Поэтому усиление государственного воздействия на процессы информатизации полностью отвечает национальным интересам страны в информационной сфере, сформулированным в Доктрине информационной безопасности РФ.

основным проблемам, на решение которых должна быть направлена государственная политика в сфере информатизации, можно отнести снижение значительной дифференциации неравенства субъектов Российской Федерации информатизации, повышение уровня доступности современных информационных технологий и телекоммуникационных услуг широким слоям населения и т.д. Эти направления крайне актуальны для сельских районов, так как культурный и образовательный уровень населения, как правило, ниже, чем в городе.

Кроме того, низкое качество телефонных сетей территории затрудняет развитие Интернет-технологий. «Те, кто живет в крупном столичном городе, обладают практически любыми возможностями и по доступу в Интернет, и по использованию мобильных средств связи, а те, кто живет в небольших населенных пунктах, не обладают практически никакими», – посетовал глава государства [16]. Дело здесь, скорее всего, в общественной и социальной значимости тех споров, которые рассматриваются в Москве и Московском регионе. Нередко они вызывают большой резонанс в обществе, привлекают внимание крупных российских средств массовой информации, комментируются на самом высоком уровне.

Конечно, в каждом регионе есть свои «Кремль» и «Белый дом», свои «олигархи» и «процессы века», тем не менее, концентрация в столице огромных капиталов, наличие высокой деловой активности, близость федеральных органов власти, Высшего Арбитражного Суда России и целый ряд других факторов, которые переплелись между собой, все же накладывают на споры, рассматриваемые в Москве, свой «фирменный» отпечаток.

К тому же в связи с тем, что Правительство Российской Федерации продолжает выстраивать налоговую политику, и крупные налогоплательщики сейчас контролируются в

Москве, все споры, которые возникают с этими налогоплательщиками - это столичные споры [17].

В настоящее время разработана Концепция региональной информатизации до 2010 г., которая как раз и направлена на реализацию государственной политики в сфере региональной информатизации и решение указанных проблем.

За последние годы в России сделано немало в этом направлении. Так, например, практически во всех субъектах Российской Федерации определены органы, ответственные за информатизацию региона, а в половине субъектов образованы координационные советы по вопросам использования информационных технологий и формирования региональных информационных систем. Быстро растет число пользователей Интернета и количество российских сайтов в нем. Расширяется сфера международного информационного обмена. Отставание России от развитых стран уже не столь драматично, как это было в начале 90-х годов XX в.

В сфере функционирования судебной власти, также есть результаты. Во всех районных судах смонтированы локальные компьютерные сети, в которых включены автоматизированные рабочие места. Завершены работы по созданию Интернет-сайтов, обеспечено устройство каналов связи всех районных судов с Судебным департаментом.

Все суды имеют доступ в сеть «Интернет» и информационно-справочные системы. Приняты меры по формированию в судах системы технической поддержки мероприятий государственной автоматизированной системы «Правосудие».

Во всех районных (городских) судах установлены программные изделия «Судимость» и «Судебное делопроизводство» подсистемы «Судебное делопроизводство и статистика» ГАС «Правосудие», подсистема «Банк судебных решений», в управлении установлены подсистемы «Кадры», «Недвижимость», «Документооборот», «Материально-технические ресурсы», а также программные изделия «Судимость» и «Судебная статистика» подсистемы «Судебное делопроизводство и статистика».

Тем не менее, общее состояние информатизации всех регионов России не может вызывать еще полного удовлетворения. Общие принципы взаимоотношений СМИ и органов власти, закрепленные в региональных нормативно-правовых актах, зачастую, носят декларативный характер, а взаимоотношения СМИ и судов, в частности районных (городских) вообще не являются предметом регионального правотворчества.

Все виды СМИ опасаются потерять рейтинг и не стремятся размещать информацию, которая может показаться кому-то из потребителей сложной или скучной. Серьезная аналитика стала уделом элитных изданий и специальных радиостанций. Что касается Интернета, то сегодня в РФ пока отсутствуют единые нормативные требования федерального уровня к районным судам, обязывающие их выставлять определенную информацию в открытый доступ в Интернете, организовывать обсуждение проблем, использовать его для учета мнений и пожеланий населения.

В регионах издаются нормативные акты, частично регулирующие данный вопрос. Тем не менее, нет единообразия в порядке размещения информации, с целью удобства ее получения, актуализации и обновления по мере необходимости, большей частью отсутствует интерактивный режим общения с гражданами [18].

Таким образом, процесс становления успешных и эффективных взаимоотношений СМИ и районных судов переживает сегодня этап скорее становления, чем развития. И если ранее стремление к взаимодействию, как правило, исходило от СМИ, то в последнее время отмечается тенденция активных действий и со стороны судебных органов. Взаимодействие судов и средств массовой информации приобретает особое значение в ходе проводящейся судебно-правовой реформы, одной из целей которой является обеспечение доступа к правосудию. Тем не менее, оптимально сбалансированные отношения СМИ и районных судов невозможны без учета регионального фактора их становления и развития. Существенные различия в уровне информатизации регионов страны, углубляющиеся неравномерностью ИХ социально-экономического И культурного развития, лишь препятствуют этому процессу.

Поэтому повышенное внимание к региональному аспекту взаимодействия судов и СМИ должно обеспечить создание эффективной системы согласования интересов и действий в информационной сфере между федеральными и региональными органами власти и управления, формирование системы нормативного правового обеспечения процессов информатизации с учетом региональной специфики, оптимизацию решения государственных задач и т.д. В целом, можно констатировать, что информационная политика судебной власти тесно взаимосвязана со спецификой федеративного устройства в России.

Литература

- 1. Выступление Президента РФ Путина В.В. на открытии Гражданского форума // Российская газета. 2001. 22 ноября.
- 2. *Пантелеев Б.Н.* Судебная система и общественность: стратегии сотрудничества М., 2008. С. 51-52.
- 3. *Одинцов П*. Судебная власть и средства массовой информации Прикамья //www.library.cjes.ru
- 4. *Комиссаров Е.В.* Принципы построения взаимоотношений судебной власти со средствами массовой информации // Вестник МОВС . 2007. №3.С. 17.
- 5. *Комиссаров Е.В.* Принципы построения взаимоотношений судебной власти со средствами массовой информации // Вестник МОВС . 2007. №3. С.17.
- 6. В.Лебедев: «В российских СМИ создается негативный образ судебной системы» [Электронный ресурс] // www.gipp.ru
- 7. О взаимодействии районных (городских) судов и мировых судей со средствами массовой информации и общественностью во втором квартале 2006 г. [Электронный ресурс] // uloblsud.ru

- 8. Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002 2010 годы)» (с изменениями от 26 июля 2004 г., 15 августа 2006 г., 10 марта, 10 сентября 2009 г.) // Российская Бизнес-газета. 2002. № 6; 2002. № 7; 2002. № 8; Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. ст. 531
 - 9. www.e-rus.ru/site.shtml?id=14
- 10. Концепция использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года (одобрена распоряжением Правительства РФ от 27 сентября 2004 г. № 1244-р) (с изменениями от 10 марта 2009 г.) // Российская газета. 2004. № 220.
- 11. Положение по созданию и сопровождению официальных Интернет-сайтов судов общей юрисдикции Российской Федерации (утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 24 ноября 2004 г.) //Текст положения официально опубликован не был.
- 12. Постановление Совета судей РФ от 16 ноября 2001 г. № 60 «О Концепции информационной политики судебной системы»//Текст постановления официально опубликован не был.
- 13. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Парламентская газета. 2008. № 90, Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (часть I). ст. 6217.
- 14. *Устинович Е.С.* Конституционно-правовые основы реализации собственной информационной деятельности органами публичной власти в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2006 . № 3. С. 21-24.
- 15. Дагбаев Э.Д. Региональная политическая коммуникация как система // СМИ в информационном взаимодействии власти и общества / Материалы всероссийской конференции, Москва, 17-18 марта 2005 г. М.: Издательство Хроникер. С.67.
 - 16. Единый компьютерный экзамен [Электронный ресурс] // clck.yandex.ru
 - 17. Интервью Л.Н. Майковой [Электронный ресурс] // www.fasmo.arbitr.ru/news
 - 18. www.juristlib.ru/book

УДК 343

СПЕЦИФИКА СПОСОБОВ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА ЭТАПЕ ПРОВЕРКИ СВЕДЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ SPECIFICITY OF THE MEANS OF COLLECTING EVIDENCE ON THE CRIME DATA TESTING' STAGE

Гулакова В.Ю., кандидат юридических наук., доцент доцент кафедры уголовного права и процесса, ФГАОУ «Северо-Кавказский федеральный университет»

Gulakova V.U., candidate of legal science, associate professor, docent of the department of criminal law and criminal procedure North Caucasus Federal University

e-mail: gsv26@mail.ru

Аннотация: Исследуется проблема доказательственного значения деятельности, осуществляемой на стадии возбуждения уголовного дела в ходе первоначальной проверки сообщений о преступлениях.

Annotation: The problem of evidential importance of the activity been at the stage of criminal case initiation during the initial examination of crime reports.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, предварительная проверка сообщений о преступлениях, способы собирания доказательств, доказывание.

Key words: institution of prosecution, the initial examination of crime reports, methods of collecting evidence, substantiation.

Возбуждение уголовного дела является самостоятельной стадией уголовного судопроизводства, в рамках которой осуществляется проверка сведений о преступлениях.

В литературе высказываются полярные мнения о значении данной стадии. Так, одни авторы предлагают вообще исключить возбуждение уголовного дела из перечня стадий уголовного судопроизводства, ссылаясь на непроцессуальную деятельности этапа предварительной проверки информации о преступлениях [1], другие, наоборот, придают излишнюю, на наш взгляд, значимость предварительной проверке, предлагая выделить ее как самостоятельную первую стадию уголовного судопроизводства [2].

Отметим, что сейчас подавляющее большинство российских ученых считает возбуждение дела первой самостоятельной стадией уголовного процесса. Однако вопрос: является ли деятельность по проверке сведений о преступлениях уголовно-процессуальным доказыванием или она носит административный характер, долгое время оставался открытым.

Мнения авторов по данному вопросу менялись со временем. Так, если ранее ученые утверждали, что на стадии возбуждения дела доказывание вообще отсутствует, что она имеет строго ограниченную задачу, которая не включает в себя доказывания [3], что в ней не происходит процесс доказывания, а проверка первичных материалов может проводиться без

проведения следственных действий [4], что фактические данные, которыми обосновывается решение о возбуждении дела, носят характер «зачатков» судебных доказательств [5], то в дальнейшем многие ученые стали говорить о том, что в стадии возбуждения дела осуществляется уголовно-процессуальное доказывание, не отличающееся от доказывания в других стадиях судопроизводства [6].

Опубликованная в 1992 году «Концепция судебной реформы в Российской Федерации» вызвала в научной литературе новую волну противоречий относительно доказательственного значения деятельности на стадии возбуждения уголовного дела [7]. Поводом явился раздел «Концепции», посвященный именно возбуждению уголовного дела, где, в частности, отмечалось, что «В любом случае, когда хотя бы в минимальной степени существует вероятность того, что преступление было совершено, необходимо возбуждать уголовное дело и устанавливать истину наиболее надежными средствами, то есть действиями, облеченными в процессуальную форму» [8].

Заметим, что проблемы, возникающие в теории и практике применения уголовнопроцессуального закона, напрямую связаны с несовершенством норм действующего законодательства. И рассматриваемая проблема не является исключением.

Деятельность органов предварительного расследования на этапе первоначальной проверки регламентируется уголовно-процессуальным законодательством и, следовательно, не может носить административный характер. Однако надо учитывать специфику способов собирания доказательств на стадии возбуждения уголовного дела.

После получения информации органы предварительного расследования осуществляют ее проверку следующими, предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством, способами: получение объяснений граждан с их согласия, а также предметов, документов; проведение документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, а также отдельных следственных действий, таких как осмотр места происшествия, осмотр трупа и освидетельствование.

Вся эта деятельность преследует цель подтвердить или опровергнуть сведения о преступлениях, чтобы предотвратить факты необоснованного возбуждения или отказа в возбуждении уголовного дела, а также сокращения фактического срока предварительного расследования (например, путем получения объяснений определить круг лиц, обладающих информацией, имеющей значение для уголовного дела).

Отсутствие на сегодняшний день специальной нормы, конкретизирующей процесс первоначальной проверки информации, подробного описания всех способов, используемых на этапе первоначальной проверки, приводит к выводу о необходимости устранения пробелов в действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

На наш взгляд, для повышения эффективности проведения предварительной проверки, необходимо, во-первых, расширить перечень способов собирания доказательств, применяемых на данном этапе.

Считаем необходимым предусмотреть проведение осмотра предметов и документов, а также назначение судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела.

Так, в случае проведения осмотра места происшествия, обнаруженные предметы и документы сразу же осматриваются в рамках протокола осмотра места происшествия. А если предположить ситуацию, когда, например, заявитель предоставляет предметы и документы. Возникает вопрос: можно ли их осмотреть до возбуждения уголовного дела? Исходя из содержания норм действующего уголовно-процессуального законодательства, нет.

О необходимости назначения судебных экспертиз, и в частности судебномедицинской экспертизы, до возбуждения уголовного дела уже давно говорят многие ученые [9]. Это, в первую очередь, способствовало бы реализации одной из целей предварительной проверки – сокращение срока расследования.

Во-вторых, необходимо определить процессуальное значение объяснения, поскольку данный способ собирания доказательств в действующем уголовно-процессуальном законодательстве не предусмотрен, не указываются процессуальные документы фиксации информации, и тем самым ставится под вопрос доказательственное значение объяснений.

И как следствие, в третьих, необходимо внести в уголовно-процессуальный кодекс РФ норму, раскрывающую понятие предварительной проверки сообщений о преступлениях и способы собирания доказательств на данном этапе.

Литература

- 1. Тадевосян В.С. Прокурорский надзор в СССР. М., 1956. С. 116-117.
- 2. Калашов А. Действительно ли возбуждение уголовного дела первоначальная стадия уголовного процесса? // Соц. законность. 1989. № 8. С. 53-54.
- 3. Жогин Н.В. Возбуждение уголовного дела/ Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин. М.: Госюриздат, 1961. С. 173; Жогин Н.В. Предварительное следствие в советском уголовном процессе /Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин. М.: Юрид. лит., 1965. С. 20.
- 4. Жогин Н.В. Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел. М.: Юрид. лит., 1968. С. 129.
- 5. Арсеньев В.Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1967. С. 13.
- 6. Сердюков П.П. К вопросу о доказывании в стадии возбуждение уголовного дела // Проблемы советского государства и права. Вып. 1. Иркутск: 1970. С. 142-152; Ульянова Л. Т. О доказывании в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 1970. № 3. С. 22-29; Карнеева Л.М. Доказывание при отказе и возбуждении уголовного дела // Сов. государство и право. -1975. -№ 2. С. 94-96; Карнеева Л.М. Проблемы доказывания при отказе в возбуждении уголовного дела // Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности. Ярославль: 1976. С. 163-167; Карнеева Л. Основания отказа в возбуждении уголовного дела // Соц. законность. 1977. № 3. С. 56-57.

- 7. Пономаренков В.А. Проблемы представления и использования доказательств в уголовном процессе / Дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 46-48.
- 8. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С.Л. Патин. М.: Республика, 1992. С. 89.
- 9. Нагнойчый Я.П. О возможности назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела // Криминалистика и судебная экспертиза. - Выи. 4. - Киев: Вища школа, 1967. - С. 176-177; Лиеде Л. Вопросы возбуждения уголовного дела // Учен. зап. Латвийского гос. ун-та. - Т. 93. - 1968. - С. 148; Мудьюгин Г. Судебно-медицинскую экспертизу - в стадию возбуждения уголовного дела / Г. Мудьюгин, М. Похис // Соц. законность. - 1971. - № 9. - С. 56-Баженов И.А. Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы требует 59: усовершенствования (в порядке обсуждения) / И.А.. Баженов, С.А. Шейфер // Вопросы борьбы с преступностью. - Вып. 23. - М.: Юрид. лит., 1975. - С. 154-156; Баженов И.А. Насущные проблемы организации и про ведения судебно-медицинской экспертизы / И.А. Баженов, Э.П. Балдин, С.А. Шейфер // Тр. Волгоградской высшей следственной школы. - Вып. 12. - 1976. - С. 87-88; Карнеева Л.М. Доказывание при отказе в возбуждении уголовного дела // Сов. государство и право. - 1975. - № 2. - С. 98; Кузнецов Н.П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1983. - С. 84-88

УДК 343

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕКРАЩЕНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ЗАЧЕТОМ ВСТРЕЧНЫХ ТРЕБОВАНИЙ SOME FEATURES OF EXTINCTION OF CIVIL-LAW COMMITMENT BY SETTING-OFF

Великородова И.А.,, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Ростовский (г. Ростов-на-Дону) юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»

Velikorodova I.A., Senior lecturer Department of Civil Law Disciplines, The Russian Law Academy of the Russian Federation Ministry of Justice, FSBEI HPO, Rostov-on-Don Juridical Institute (affiliated branch)

e-mail: ruy@aaanet.ru

Аннотация: В статье рассмотрены некоторые особенности прекращения гражданско-правовых обязательств зачетом встречных требований

Annotation: The article deals with some features of extinction of civil-law commitment by setting-off

Ключевые слова: прекращение, гражданское право, обязательства Key words: extinction, civil law, commitment

Посредством зачета как одного из законодательно установленных способов прекращения гражданско-правовых обязательств встречные однородные требования сторон, если они равны по объему, полностью погашаются.

Если иное не предусмотрено договором, арендатор имеет право после прекращения договора аренды зачесть в счет арендных платежей стоимость неотделимых улучшений, произведенных с согласия арендодателя за счет собственных средств (п. 2 ст. 623 ГК РФ).

В арбитражный суд обратился арендодатель с иском о взыскании с арендатора арендных платежей. Ответчик не признал долга по арендным платежам, так как он с согласия арендодателя произвел за счет собственных средств неотделимые улучшения арендованного имущества, и после прекращения договора аренды заявил о зачете причитающихся с него арендных платежей в сумме, на которую произведены упомянутые улучшения.

Истец, не оспаривая факта произведенных улучшений, в судебном заседании указал, что зачет в данном случае невозможен, поскольку не предусмотрен ст. 623 ГК РФ.

Суд первой инстанции иск удовлетворил, отметив при этом, что п. 2 ст. 623 ГК РФ не предусматривает возможности зачета таких требований арендатора и, кроме того, до

определения сторонами или судом стоимости улучшений, подлежащей уплате арендодателем арендатору, денежного обязательства у арендодателя не возникает.

Суд апелляционной инстанции решение отменил и в иске отказал со ссылкой на следующее. В соответствии с п. 2 ст. 623 ГК РФ арендатор имеет право после прекращения договора на возмещение стоимости неотделимых улучшений, произведенных с согласия арендодателя, если иное не предусмотрено договором. Поскольку арендатор имеет упомянутое право, на арендодателе лежит корреспондирующая обязанность. Право на возмещение стоимости указанных улучшений, равно как и право на арендные платежи, является денежным требованием. П. 2 ст. 623 ГК РФ не обусловливает возникновение данного права арендатора наличием отдельного соглашения или судебного акта о взыскании сумм, израсходованных на неотделимые улучшения.

Так как ст. 623 ГК РФ прямо не регулирует данные отношения по зачету встречных однородных требований, суд, руководствуясь общими положениями гражданского законодательства о зачете (ст. 410 ГК РФ), признал произведенный арендатором зачет соответствующим закону и прекращающим обязательство арендатора (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.12.2001 № 65 "Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований").

В соответствии со ст. 410 ГК РФ обязательство может быть полностью или частично прекращено зачетом встречного требования. Обязательными условиями для такого зачета являются однородность требований, а также наступление срока требования (зачет также возможен, если срок требования не указан или определяется моментом востребования). При применении норм по зачету сумм арендной платы и расходов на содержание арендуемого имущества возникает ряд проблем относительно определения однородности обязательств, а также процедуры оформления зачета. Последнее зачастую связано с тем, что стороны в договоре аренды нередко предусматривают условие о необходимости подписания дополнительного соглашения о зачете, хотя в соответствии со ст. 410 ГК РФ для зачета достаточно заявления одной стороны.

Арендатор или суд при рассмотрении дела может произвести зачет суммы арендной платы и стоимости ремонта арендуемого имущества, поскольку его обязанность по перечислению арендной платы и обязанность арендодателя по возмещению стоимости ремонта помещений представляют собой гражданско-правовые денежные обязательства, которые являются однородными (Постановление ФАС Дальневосточного округа от 16.03.2010 № Ф03-1327/2010 по делу № А51-5174/2009, Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 11.03.2011 по делу № А03-15638/2009, Постановление ФАС Поволжского округа от 10.05.2007 по делу № А06-1608/2-9/2006, Постановление ФАС Северо-Западного округа от 12.04.2007 по делу № А42-1464/2005, Постановление ФАС Уральского округа от 16.12.2009 № Ф09-10087/09-С6 по делу № А07-12721/2009, Постановление ФАС Уральского округа от 24.01.2008 № Ф09-10610/06-С6 по делу № А07-44105/05).

Затраты на улучшение имущества, осуществленные в соответствии с договором, можно зачесть в счет арендной платы без подписания дополнительного соглашения о зачете, даже если такое оформление предусмотрено договором, но арендодатель уклоняется от его полписания

Постановление ФАС Московского округа от 03.02.2006 № КГ-А40/14233-05 по делу N A40-18190/02-59-200 подчеркивает, доводы заявителя о необоснованности требований истца о зачете стоимости восстановительных работ в счет арендной платы, поскольку условием для зачета является дополнительное соглашение между сторонами, которое не было заключено, отклоняется. Суд обоснованно исходил из того, что требование истца направлено на понуждение ответчиков исполнить договор в части зачета стоимости восстановительных работ в счет арендной платы.

При этом судом было учтено, что истец неоднократно обращался к арендодателю с просьбой произвести зачет, а также направлял в его адрес проект дополнительного соглашения для акцепта.

Однако в нарушение договорных обязательств арендодатель не подписал дополнительного соглашения и не произвел зачета.

При таких условиях и поскольку истец обратился в суд с требованием о понуждении исполнения обязанности в соответствии с условиями договора аренды, заключение сторонами дополнительного соглашения не требуется.

Зачет стоимости произведенных улучшений арендуемого имущества в счет арендной платы возможен лишь на сумму арендной платы, период внесения которой уже наступил (Постановление Φ AC Московского округа от 20.07.2009 № КГ-A40/6404-09 по делу № A40-82704/08-155-676, Постановление Φ AC Уральского округа от 29.01.2008 № Φ 09-88/08-C6 по делу № A07-4440/2007).

Арендатор не может произвести зачет суммы арендной платы и расходов на коммунальные услуги, поскольку оплата таких услуг не является формой арендной платы.

Постановление ФАС Уральского округа от 08.06.2006 № Ф09-4665/06-С6 по делу № А60-23807/2005 обращает внимание на то, что в соответствии со ст. 410 ГК РФ обязательство прекращается полностью или частично зачетом встречного однородного требования, срок которого наступил либо срок которого не указан или определен моментом востребования. Для зачета достаточно заявления одной стороны. Но вместе с тем, обязательство по внесению арендной платы и обязательство по несению расходов на содержание помещения не являются встречными и возникшими в момент поступления соответствующего требования, которое не может быть квалифицировано как заявление о зачете.

Если арендатор самостоятельно проводит какие-либо работы в (на) арендуемом объекте и условиями договора не предусмотрено отнесение расходов в счет арендной платы, то у него нет права требовать зачета произведенных затрат в счет задолженности по аренде. Например, в случае, если условиями заключенного договора не предусмотрено отнесение возможных затрат по очистке территории в счет арендной платы, поскольку

гл. 34 ГК РФ не установлена обязанность арендодателя по возмещению расходов арендатора по содержанию арендованного имущества (Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 10.03.2009 № А58-3563/07-Ф02-393/09 по делу № А58-3563/07).

Обязанность арендатора произвести затраты по предварительному договору аренды, не засчитанные впоследствии в арендную плату, является дарением, и такое условие договора признается недействительным, если подпадает под запрет ст. 575 ГК РФ. Процитируем Постановление ФАС Центрального округа от 02.02.2009 по делу № А35-3790/08-c13.

"...Пунктом 5.4 предварительного договора предусмотрено, что арендодатель обеспечивает установку единообразных витрин и дверей для всех арендаторов в соответствии с проектом арендодателя. Расходы по установке витрин и дверей, приобретению материалов, необходимых для их установки, оплачиваются арендатором по отдельным счетам, выставляемым арендодателем, в течение 5 дней с даты выставления счета.

Витрины и двери являются собственностью арендодателя, так как устанавливаются в помещении, предназначенном для осуществления торговой деятельности в торговом центре, принадлежащем истцу на праве собственности. В дальнейшем стоимость витрин и дверей не засчитывалась в счет арендной платы. При таких обстоятельствах суд, со ссылкой на ст. ст. 572, 575 ГК РФ, сделал правильный вывод о том, что п. 5.4 предварительного договора аренды является недействительным (ничтожным) в силу ст. 168 ГК РФ..."

УДК 343

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАВЕЩАНИЯ КАК ОСНОВАНИЯ HACЛЕДОВАНИЯ LEGAL ANALYSIS OF WILLS AS A BASIS INHERITANCE

Рябухина С.Б., доцент кафедры гражданского права и процесса, Северо-Кавказский социальный институт

Ryabukhina S.B., Associate Professor of Civil Law and Procedure North Caucasus Social Institute.

e-mail: skgi_institut@mail.ru

Аннотация: В статье дается правовой анализ завещания как доминирующего основания наследования на современном этапе развития общества.

Annotation: The article provides a legal analysis of the will as the dominant reason of succession at the present stage of development of society.

Ключевые слова: завещание, наследование, наследование по завещанию, основания наследования.

Key words: testament, inheriting, testamentary succession, grounds for inheriting.

Наследование по завещанию - это урегулированный законом порядок посмертного правопреемства, основанного на завещании наследодателя [1].

Основой этого порядка является завещание, которое в совокупности с другими юридическими фактами: открытие наследства, наличие наследственного имущества и др., признается основанием такого наследования.

Наследование по завещанию, порядок которого определяется волей наследодателя, подлежащей осуществлению после его смерти, является наиболее полным и сильным выражением свободы распоряжения правом частной собственности и другими имущественными правами, охраняемыми на основе норм Конституции РФ [2] (ст. 35, 55) и Гражданского кодекса РФ (ст. 1, 9) [3]. В свободе завещания, как отмечается в литературе, воплощен применительно к наследственному законодательству общегражданский принцип диспозитивности правового регулирования [4].

Регулируют наследование по завещанию, правила гл. 62 ГК РФ[5], обозначенной как «Наследование по завещанию», однако они не исчерпывают всех норм, регулирующих соответствующие отношения, опираясь прежде всего на общие положения о наследовании (ст. 1110 - 1117 ГК РФ), а также подчиняясь институту обязательной доли в наследстве, который при одних обстоятельствах ограничивает завещательную свободу наследодателя, при других - охраняет ее неприкосновенность (ст. 1149 ГК РФ). Осуществление права на наследство по завещанию обеспечивается также правилами о приобретении наследства, об охране наследственного имущества, о разделе наследства и др. (ст. 1152 - 1175 ГК РФ),

правилами об особенностях наследования отдельных видов имущества (ст. 1176 - 1185 ГК РФ).

По мнению Т.Д. Чепига, к общим положениям института наследования по завещанию можно отнести следующие:

- завещания составляются до открытия наследства, и до этого момента они удерживают в себе правовую силу воли завещателя;
- завещание является прижизненной сделкой лица по распоряжению имуществом на случай своей смерти;
- завещание признается единственным законным средством распорядиться имуществом на случай смерти;
- завещание вызывает правовые последствия после открытия наследства, в связи с чем оно признается основанием наследования: предназначенное для исполнения после смерти, оно создает права и обязанности наследников по завещанию и других лиц;
- соблюдение и исполнение завещания является необходимым условием наследования по завещанию, в силу чего исполнение завещательной воли наследодателя возложено на наследников по завещанию и исполнителя завещания;
- пределы свободы завещания предусмотрены законом, устанавливающим рамки необходимого и допустимого соотношения наследования по завещанию и наследования по закону [6].

Завещание составляет лично гражданин основываясь на собственном желании распорядится при жизни судьбой своего имущества после своей смерти. Совершенное завещание может быть неоднократно изменено, отменено, причем Закон не ограничивает количество данных действий.

Право раскрыть намерение и содержание завещания принадлежит исключительно самому завещателю и это право закон охраняет как тайну завещания.

Охрана тайны завещания представляет собой специальный случай охраны неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны физического лица (ст. 150 ГК РФ). На эти отношения распространяются правила ст. 1123 ГК РФ, а также правила, предусматривающие основания и порядок защиты нематериальных благ, принадлежащих гражданину от рождения или в силу закона (ст. 150 - 152 ГК РФ). Объектом правовых отношений по охране тайны завещания являются сведения о самих фактах совершения завещания, последующего изменения или отмены завещания, а также сведения о содержании завещаний - первоначального и последующих. Круг лиц, обязанных соблюдать тайну завещаний, установлен законом и обусловлен либо служебным положением лиц, удостоверяющих завещательные действия, либо участием определенных лиц в процессе совершения завещания.

К лицам, обязанным соблюдать тайну завещания в силу служебного долга, ст. 1123 ГК РФ отнесла нотариуса и другое удостоверяющее завещание лицо, переводчика, свидетелей, рукоприкладчика, исполнителя завещания. К этому следует добавить, что в соответствии со

ст. 5 Основ законодательства РФ о нотариате [7] правила о соблюдении тайны нотариальных действий распространяются также на лиц, работающих в нотариальной конторе, которым стало известно о совершении нотариальных действий в связи с выполнением ими служебных обязанностей. Эти лица обязаны хранить тайну завещания и после увольнения. Кроме того, завещания, приравненные к нотариально удостоверенным, подлежат пересылке через органы юстиции нотариусу по месту жительства завещателя, при этом в сопроводительных письмах содержатся сведения о факте совершения завещания, завещателе и месте его жительства, которые становятся известными работникам органов юстиции. В связи с этим представляется верной позиция Т.Д. Чепиги, указывающей, что правила о соблюдении тайны завещания должны стать общими для всех случаев удостоверения завещания. В дополнение к ст. 1123 ГК РФ следует предусмотреть, что запрещение разглашать сведения о завещаниях распространяется на лиц, которым о совершении завещания стало известно в связи с выполнением ими служебных обязанностей [8].

Срок охраны тайны завещания ограничен периодом до открытия наследства.

Правовые последствия нарушения тайны завещания заключаются в возможности завещателя потребовать компенсации морального вреда и использовать другие способы защиты гражданских прав (ч. 2 ст. 1123 ГК РФ). При этом следует учитывать, что право требовать компенсации морального вреда, причиненного нарушением тайны завещания, принадлежит исключительно самому завещателю и может быть осуществлено при жизни завещателя.

В связи с положениями ч. 2 ст. 1123 ГК РФ следует подчеркнуть, что выбор способов защиты для случая нарушения тайны завещания определяется правовой сущностью и свойствами завещания, особенностями имущественных или неимущественных последствий такого нарушения. Следовательно, надо признать ошибочными утверждения о том, что в случае нарушения тайны завещания завещатель вправе потребовать восстановления положения, существовавшего до нарушения права, присуждения к исполнению обязанности в натуре, взыскания неустойки, прекращения или изменения правоотношений [9].

Завещание по своей юридической сути является сделкой. Для завещания как сделки характерно:

во-первых, завещание является сделкой имущественного характера и должно содержать распоряжения об имуществе, принадлежащем завещателю;

во-вторых, завещанием определяется судьба имущества на случай смерти;

в-третьих, завещание является односторонней сделкой;

в-четвертых, завещание является строго личным действием;

в-пятых, завещание предназначено, чтобы создать права и обязанности после открытия наследства.

Распоряжения, сделанные лицом на случай смерти, признаются завещанием, если они имеют имущественное содержание, хотя могут сопровождаться и отдельными распоряжениями неимущественного характера. На это обращается внимание в литературе, так Д.И. Мейер, давая определение завещания, указывал, что «духовное завещание... есть

удовлетворяющее известным законным условиям изъявление воли лица относительно судьбы его имущественных отношений в случае смерти» [10]. Г.Ф. Шершеневич отмечал: «Завешание представляет собою... предсмертное распоряжение об имуществе». Аналогичным образом высказался и В.И. Синайский, говоря, что «не будут... завещанием советы, заветы и вообще поучения наследникам... ибо в этих случаях нет распоряжения имуществом» [11].Распоряжения, которые сделаны исключительно неимущественных отношений, завещанием не являются. Так, например, распоряжения о месте, способе захоронения (кремации или погребении), указания о предпочтениях при назначении определенного лица опекуном ребенка, остающегося сиротой, не являются завещанием. На это обращал внимание уже цитированный выше Г.Ф. Шершеневич, указывавший, что завещанием не может быть признан такой акт, которым распоряжения вовсе не касаются имущества, потому что закон смотрит на завещания как на способ приобретения прав на имущество.

Завещание является распоряжением об имуществе на случай смерти. Это означает, что завещание до события смерти завещателя либо до объявления его умершим не вызывает никаких правовых последствий ни для самого завещателя, ни для лиц, упомянутых в завещании [12]. Совершенное завещание не связывает ни имущественной свободы завещателя, ни его воли.

Обязательное условие совершения завещания: завещание может быть совершено только гражданином, обладающим в момент его совершения дееспособностью в полном объеме. Сохраняют юридическую силу завещания граждан, совершенные до признания их недееспособными или до ограничения их в дееспособности. С отменой судебных решений о признании гражданина недееспособным или об ограничении в дееспособности восстанавливается завещательная правоспособность.

Отсутствие такого правила в прежнем законодательстве вызывало споры относительно завещательной способности несовершеннолетних в возрасте старше 15 лет и совершеннолетних граждан, ограниченных в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими веществами [13]. Теперь на законодательном уровне устранена основа для подобных дискуссий, однако в литературе все же нет единого мнения по данному вопросу.

Бывают случаи, когда завещание составляется лицом, хотя и дееспособным, но не могущим в полной мере осознавать характер своих действий и/или руководить ими [14]. Доказывание подобных состояний психики отличается в судебной практике значительной сложностью.

С учетом того, что закон позволяет совершать завещания лишь полностью дееспособным физическим лицам, на нотариуса возлагается обязанность проверить дееспособность того, кто обращается к нему с просьбой об удостоверении завещания (ст. 43 ОЗН). Примечательно, что констатацией такой обязанности нормативная регламентация соответствующей процедуры исчерпывается. Приходится признать, что нотариус в

настоящее время практически лишен возможности проверять дееспособность завещателей в строгом смысле слова - он, в частности, не наделен полномочиями по истребованию медицинских документов или назначению необходимых экспертиз, не имеет возможности проверить факт вынесения судом решения о полном или частичном ограничении дееспособности лица. Следовательно, традиционная ДЛЯ завещаний формула «дееспособность завещателя проверена» - являет собой лишь констатацию презумпции, но не факта. И даже если у нотариуса возникают сомнения в дееспособности завещателя в силу того или иного его поведения, следует признать, что юридические основания для отказа в удостоверении завещания не имеют места, ибо отказ в совершении нотариального действия не может основываться на предположениях [15].

Завещание является односторонней сделкой. Для совершения завещания достаточно одной лишь воли завещателя и не требуется предварительного согласия будущего наследника на принятие наследства по завещанию. Волеизъявление завещателя приобретает юридическое значение сделки до открытия наследства, а волеизъявление наследников может быть юридически значимым лишь после открытия наследства. Поэтому указанные волеизъявления не образуют единого действия и, следовательно, одной общей двухсторонней сделки.

Итак, исходя из вышеизложенного, можно предложить следующее определение завещания: завещание представляет собой совершаемую до открытия наследства в установленной законом форме строго личную одностороннюю сделку полностью дееспособного лица по распоряжению принадлежащим ему имуществом на случай смерти, юридические последствия которой наступают после открытия наследства.

Литература

- 1. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный) / Отв. ред. Л.П. Ануфриева. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 13.
- 2. Конституция (Основной закон) Российской Федерации //Рос.газ. N 7. 2009.
- 3. Гражданский кодекс Российской Федерации //СЗ РФ. 1994. N 32. Ст. 3301.
- 4. Звеков В.П., Маковский А.Л., Шилохвост О.Ю. Вводный комментарий к проекту Гражданского кодекса Российской Федерации/ Звеков В.П., Маковский А.Л., Шилохвост О.Ю.; Исследовательский центр частного права.- М., 2001. С. 23.
- 5. Гражданский кодекс Российской Федерации //СЗ РФ. 2001. N 49. Ст. 4552. ГК
- 6. О нотариате: Федеральный закон //Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. N 10. Ст. 357.
- 7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный) / Отв. ред. Л.П. Ануфриева. С. 45.
- 8. Пиляева В.В. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ (постатейный). Часть третья. М., 2002. С. 25.
- 9. Мейер Д.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2003. С. 783.
- 10. Синайский В.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. С. 592 593.

- 11. Никитюк П.С. Наследственное право и наследственный процесс (проблемы теории и практики). Кишинев: Штиинца, 1973. С. 114.
- 12. Серебровский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. М.: Статут, 2003. С. 119;
- 13. Раскостова Р. О завещаниях дееспособных лиц // Наследственное право. 2008. N 3. C. 21
- 14. Зайцева Т.И., Крашенинников П.В. Наследственное право в нотариальной практике. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 100.
- 15. Винавер М.М. Из области цивилистики. Дарение и завещание. СПб., 1908. С. 98 100

ОТЗЫВ

ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИЮ СЛЕПОВА АНДРЕЯ ПЕТРОВИЧА «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ОСУЖДЕННЫМИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ», ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.08 – УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО) REVIEW

OFFICIAL OPPONENT'S DISSERTATION SLEPOVA ANDREI PETROVICH
«PREVENTION OF VIOLENT CRIMES COMMITTED BY INMATES IN
CORRECTIONAL FACILITIES», PRESENTED FOR THE DEGREE OF CANDIDATE
OF SCIENCE (SPECIALTY 12.00.08 - CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY,
PENAL LAW)

Уваров И.А., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовноправовых дисциплин, Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт

Uvarov I.A., PhD, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Nevinnomyssky state humanitarian-technical institute

e-mail: uvarov.igor@mail.ru

Рецензируемая работа, представляет собой одно из немногих монографических исследований такого феномена исправительных учреждений, как преступность осужденных. Автору диссертации удалось раскрыть тему с учетом специфических условий мест лишения свободы

The work under review, is one of the few monographs such phenomenon prison as criminal convictions. The author of the dissertation could cover the topic with the specific conditions of detention

Ключевые слова: лишение свободы, насильственная преступность, пенитенциарное насилие

Keywords: imprisonment, violent crime, penal violence

Статья 2 Конституции Российской Федерации провозглашает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. В соответствии с этим положением Конституции действующий Уголовный кодекс Российской Федерации, охрану прав и свобод человека и гражданина среди задач Кодекса ставит на первое место. Положения Конституции России и Уголовного кодекса об охране личности, ее прав и свобод предопределяют актуальность диссертационного исследования, посвященного

предупреждению насильственных преступлений, совершаемых осужденными в исправительных колониях.

Повышенная общественная опасность анализируемых в диссертации преступлений определяется тем, что они посягают на жизнь и здоровье осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, а также не редко становятся причиной новых преступлений: действия, дезорганизующие нормальную деятельность исправительных учреждений, массовые беспорядки, побеги и т.д. Между тем Конституция Российской Федерации провозглашает равенство всех граждан перед законом и судом. И заслугой диссертанта, в частности, является то, что он обосновывает тезис о том, что государство обязано защитить права и свободы всех граждан, в том числе и осужденных. Обоснованные им пути повышения эффективности мер по предупреждению анализируемых преступлений находится в русле обеспечения безопасности личности в период отбывания наказания в виде лишения свободы.

Несмотря на то, что проблемам проявления насилия в местах лишения свободы посвящено ряд работ, автору удалось найти ряд новых вопросов и подходов к их решению. Новизна диссертационного исследования А.П.Слепова заключается уже в том, что его тема еще не была объектом самостоятельного монографического исследования, о чем свидетельствует отсутствие научных работ, посвященных предупреждению насильственных преступлений, совершаемых осужденных в исправительных колониях. Отдельные частные вопросы данной проблематики в уголовно-правовой и криминологической литературе рассматривались, как правило, вне системного подхода к изучению общественных отношений, входящих в объект и предмет исследования. Автором выделен ряд признаков, характерных для насильственных преступлений, совершенных в исправительных колониях. Обоснованы предложения по совершенствованию уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, в части касающейся рассматриваемых преступлений.

В диссертации уделено значительное внимание выявлению наиболее типичных причин и условий, способствующих совершению насильственных преступлений, в исправительных колониях и разработке мер, направленных на повышение эффективности предупреждения этих преступлений.

Теоретическая значимость работы определяется новизной ряда положений, развитых в диссертации при анализе вопросов связанных с уголовно-правовой и криминологической характеристикой насильственных преступлений, в исправительных колониях (гл. 1) и совокупностью обстоятельств детерминирующих насильственную преступность в исправительных колониях, на основе характеристики причин и условий, способствующих совершению таких преступлений и личности осужденного (гл. 2). Помимо уже изложенных элементов новизны следует обратить внимание на теоретическую значимость разработки специально-криминологического и индивидуального аспекта проблемы насильственной преступности условиях лишения свободы (гл. 3).

Заслугой автора также является попытка вскрыть причины большой латентности рассматриваемых преступлений, заключенных как в действиях администрации (желание «поправить» в лучшую сторону статистические показатели, по которым делается оценка деятельности уголовно-исполнительной системы) так и в поведении потенциальных жертв (отказываются делать заявления о преступлениях, так как боятся расправы со стороны отрицательно настроенной части осужденных).

В работе обосновываются предложения по совершенствованию уголовного законодательства об ответственности за насильственные преступления, исправительных колониях. На наш взгляд вносимые предложения заслуживают внимания, т.к. борьба с насильственной преступностью в местах лишения свободы осложняется отсутствием четкого законодательного определения насилия, что создает затруднения в практической деятельности.

Автор предлагает ряд мер организационно-методического характера, реализация которых может способствовать повышению эффективности предупреждения преступлений против личности в исправительных учреждениях. По его мнению, в их основу должны быть положены теоретические исследования различных аспектов насилия и насильственной преступности, изучение положительного зарубежного опыта, а также результаты практической деятельности сотрудников, осуществляющих непосредственную профилактику указанных преступлений в ИК. Назрела необходимость на законодательном уровне закрепить вопросы профилактики насильственной преступности в системе учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Достоверность результатов исследования определяется его методикой репрезентативностью эмпирического материала, включающей в себя данные официальной статистической отчетности ГУИН России и Федеральной службы исполнения наказаний о состоянии преступности в исправительных учреждениях России за 1993-2007 гг., результаты криминологических исследований, проведенных нами, данные других специалистов, изучающих пенитенциарную преступность. При подготовке диссертационного исследования по специально разработанным программам были проанализированы материалы 105 уголовных дел о насильственных пенитенциарных преступлениях, рассмотренных судами Российской Федерации в 1997-2006 гг., а также 148 личных дел осужденных, совершивших насильственные преступления в ИК; проведено анкетирование 639 осужденных, отбывающих наказания в ИК общего, строгого и особого режимов; опрошены в качестве экспертов 255 сотрудников исправительных учреждений различных регионов (Владимирской, Липецкой, Московской, Рязанской областей и Республики Мордовия). Комплексность применения методов исследования и эмпирическая база позволили обеспечить достоверность и обоснованность выводов диссертации.

Результаты исследования прошли достаточно серьезную апробацию. Результаты диссертационного исследования были апробированы и внедрены в практическую деятельность УФСИН России по Рязанской области. Отдельные положения диссертации

используются в учебном процессе Академии ФСИН России при проведении семинарских и практических занятий, чтении лекций по курсу «Криминология».

Наиболее важные теоретические положения и выводы отражены в семи статьях, опубликованных в сборниках научных трудов и журнале, включенном ВАК Минобразования России в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, «Человек: преступление и наказание» (2006. № 2-3). Результаты, выводы и предложения настоящего исследования были предметом научных докладов на Межвузовской научно-практической конференции «200-летие Министерства юстиции России: история и пути развития органов и учреждений» (Рязань, 14-15 декабря 2001 г.); Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы реформирования уголовно-исполнительной системы России» (Рязань, 28-29 октября 2004 г.); Научно-практической конференции: «Человек: преступление и наказание» (Рязань, 24 декабря 2005 г.); Всероссийском научно-«Проблемы совершенствования практическом семинаре управления учреждениями УИС» (Рязань, 20 апреля 2006 г.); Международном научно-практическом семинаре «От исправительно-трудового права к уголовно-исполнительной отрасли» (Рязань, 24 июня 2006 г.); Международной научно-практической конференции «10 лет Уголовноисполнительному кодексу Российской Федерации» (Рязань, 1-2 ноября 2007).

Однако, несмотря на положительную, в целом, оценку диссертационного исследования А.П. Слепова, следует отметить ряд замечаний, которые носят частный характер и не умаляют этой общей положительной оценки работы.

- 1. Так, на стр. 42 диссертации Вы утверждаете, что «совершение осужденными насильственных преступлений способно повлиять на изменение криминогенной обстановки за пределами исправительного учреждения». Нет ли здесь противоречия? В криминологической литературе, доминирует представление том, что криминогенность обстановки в обществе, способно влиять на криминогенность в местах лишения свободы. Об этом, например, может свидетельствовать разница в росте преступности в обществе и в местах лишения свободы.
- 2. Предложение дополнить статью 63 УК РФ пунктом «о», в вашей редакции, по сути, дублирует пункт «и». Зачем создавать конкуренцию норм? Возможно, было бы достаточным внести пункт, отягчающий любое преступление, совершенное в период отбывания наказания. Как, например, Вы это предложили сделать в отношении составов умышленных преступлений против личности, предусмотренных Особенной частью УК РФ (стр. 44).
- 3. Согласно Вашим утверждениям, причины и условия совершения в ИК насильственных преступлений во многом свойственны преступности в целом, однако пенитенциарной преступности присущи специфические особенности, обусловленные криминальной субкультурой (стр. 79). В чем конкретно проявляется эта «специфичность» особенностей пенитенциарного насилия?
- 4. На стр. 99 диссертации Вы утверждаете, что «рост насильственной преступности в исправительных колониях имеет прямую зависимость от профессиональных навыков

сотрудников учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания». В чем проявляется такая зависимость и каковы критерии ее оценки?

5. Предложение о дополнении в ч. 4 ст. 73 УИК РФ (стр. 105), кажется довольно спорным. Проблема отбывания наиболее опасных преступников в отдаленных регионах страны имеет давнюю историю. В то же время, большинство современных исследователей сходятся во мнении о том, что такое направление осужденных, усиливает процесс потери социально полезных связей. Как, по Вашему мнению, будет сказываться на исправлении осужденных, реализация Вашего предложения.

Сделанные замечания, как видно из их содержания, отнюдь не затрагивают концептуальных основ, положений и выводов диссертации А.П.Слепова никоим образом не колеблют ее общей высокой оценки.

Автореферат отвечает предъявляемым требованиям и адекватно отражает содержание диссертации. Предложения и выводы диссертанта нашли отражение в пяти опубликованных работах, прошли надлежащую апробацию в практической деятельности и учебном процессе.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что диссертация на тему «Предупреждение насильственных преступлений, совершаемых осужденными в исправительных колониях» является самостоятельным, законченным, монографическим исследованием актуальной научной и практической проблемы, отвечающим требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, предусмотренным Положением о порядке присуждения ученых степеней, а Слепов Андрей Петрович заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

УДК 343

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЗОН ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И ЗОН ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БЕДСТВИЯ LEGAL REGIME OF EXTREME ECOLOGICAL SITUATION AND ECOLOGICAL DISASTER ZONES

Шанько В.В., преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России Shanko V.V., the teacher of Chair of Legal Disciplines of the Stavropol branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal Affairs of Russia v.shanko@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы понятия и правовой характеристики зон чрезвычайной экологической ситуации и зон экологического бедствия.

Annotation: In the article the questions of the concept and legal characteristics of extreme ecological situation zones and ecological disaster zones are considered.

Ключевые слова: зоны чрезвычайной экологической ситуации; зоны экологического бедствия; экологическая безопасность; чрезвычайное положение.

Keywords: zones of extreme ecological situation; zones of ecological disaster; ecological safety; state of emergency.

Экологическая безопасность – состояние защищенности окружающей среды, населения, территорий, хозяйственных и иных объектов от различных угроз, возникающих вследствие негативных изменений компонентов окружающей среды в результате антропогенной деятельности, природных явлений и противоправных деяний[1]. Экологическая безопасность обеспечивается комплексом правовых, организационных, финансовых, материальных и информационных мер, предназначенных для прогнозирования, предотвращения, ликвидации реальных и потенциальных угроз безопасности, смягчения их последствий. [3]

Угроза экологической безопасности выражает повышенную вероятность гибели отдельных природных объектов, существенного загрязнения, отравления или заражения окружающей среды, масштабы которых определяются исходя из размеров поражения окружающей среды, его устойчивости, возможности устранения, воздействия на жизнь и здоровье населения.

Кроме особо охраняемых территорий и природных объектов, имеются территории с особым режимом экологопользования. В статье 57 закона «Об охране окружающей среды» предусмотрены зоны экологического бедствия и зоны чрезвычайной экологической

ситуации, которые объявляются таковыми либо решениями Федерального Собрания РФ, либо указами Президента РФ по представлению специально уполномоченных на то органов государственной экологической экспертизы. Зонами чрезвычайной экологической ситуации либо зонами экологического бедствия объявляются участки территории РФ, где в результате хозяйственной или иной деятельности происходят устойчивые отрицательные изменения или уже произошли глубокие необратимые изменения окружающей среды, угрожающие здоровью населения или повлекшие существенное ухудшение здоровья населения, нарушение природного равновесия, расширение естественных экологических систем, деградацию флоры и фауны. [4]

Чрезвычайное положение означает вводимый в соответствии с Конституцией РФ и настоящим Федеральным конституционным законом на всей территории РФ или в ее отдельных местностях особый правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, независимо от организационноправовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, допускающий установленные настоящим Законом отдельные ограничения прав и свобод граждан, либо без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей. Введение чрезвычайного положения является временной мерой, применяемой исключительно для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя РФ. Чрезвычайное положение вводится лишь при наличии обстоятельств, которые представляют собой непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан или конституционному строю РФ и устранение которых невозможно без применения чрезвычайных мер.

После объявления территорий указанными зонами в них прекращается или существенно ограничивается подобная и уже указанная деятельность. Финансирование всех указанных мероприятий осуществляется за счет непосредственных виновников ухудшения экологического состояния на данной территории или за счет средств федерального бюджета и бюджетов соответствующих субъектов РФ.

Под чрезвычайными ситуациями иногда понимают не только экологические и иные ситуации, связанные со стихийными бедствиями, взрывами магистральных трубопроводов, наводнениями, землетрясениями и т.д. Такие нарушения окружающей среды нередко затрагивают целые экосистемы и носят устойчивый характер, для ликвидации последствий которых, как правило, необходимы большие сроки и громадные материальные средства.

Кроме особо охраняемых территорий и природных объектов, имеются территории с особым режимом экологопользования. В статье 57 Закона «Об охране окружающей среды» предусмотрены зоны чрезвычайной экологической ситуации и зоны экологического бедствия, которые объявляются таковыми либо решениями Федерального Собрания РФ, либо указами Президента РФ по представлению специально уполномоченной на то государственной экологической экспертизы.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»

чрезвычайная ситуация — это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей; а предупреждение чрезвычайных ситуаций — это комплекс мероприятий, проводимых заблаговременно и направленных на максимально возможное уменьшение риска возникновения чрезвычайных ситуаций, а также на сохранение людей, снижение размеров ущерба окружающей природной среде и материальных потерь в случае их возникновения.

Понятие чрезвычайная экологическая ситуация впервые было введено ст. 58 Закона РСФСР от 19 декабря 1991 г. «Об охране окружающей природной среды», определившей зоны чрезвычайной экологической ситуации как участки территории РФ, где в результате хозяйственной и иной деятельности происходят устойчивые отрицательные изменения в окружающей среде, угрожающие здоровью населения, состоянию естественных экологических систем, – генетических фондов растений и животных.

Федеральный закон «Об охране окружающей среды» сохранил отсылочную норму ст. 57 «Порядок установления зон экологического бедствия, зон чрезвычайных ситуаций», правда выделив для нее целую главу VIII. Порядок объявления режима зон экологического бедствия, в соответствии с указанными положениями, определяется законодательством о зонах экологического бедствия. Защита окружающей среды в зонах чрезвычайных ситуаций устанавливается федеральным законом о защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, другими Федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Российское законодательство использует также ряд смежных понятий: «зона экологического бедствия», «чрезвычайная ситуация», «чрезвычайное положение», «угроза безопасности», «бедствие», «стихийное бедствие», «экологический риск», «зона экологического риска» и пр.

Чрезвычайная ситуация — это обстановка, реально угрожающая жизни значительного числа людей или их здоровью с необратимыми последствиями для трудоспособности, с существенным материальным ущербом, негативными социально-политическими, экономическими, военными, экологическими и иными последствиями. Элементами чрезвычайной ситуации являются:

- наличие угрозы (реальной, потенциальной, неизбежной, чрезвычайной);
- последствия (необратимые, существенные, устойчивые, отрицательные);
- необходимость принятия дополнительных мер для ликвидации, предотвращения, смягчения последствий.

Ситуация признается чрезвычайной, когда она приобретает новые черты и тенденции, характеризуется кризисностью положения.

Понятие экологическое бедствие было введено ст. 59 Закона РСФСР от 19 декабря 1991 г. «Об охране окружающей природной среды». Зонами экологического бедствия объявляются участки территории РФ, где в результате хозяйственной или иной деятельности произошли глубокие необратимые изменения окружающей среды, повлекшие существенное ухудшение здоровья населения, нарушение природного равновесия, естественных экологических систем, деградацию флоры и фауны. В зоне экологического бедствия прекращается деятельность хозяйственных объектов, кроме связанных с обслуживанием проживающего на территории зоны населения, запрещаются строительство, реконструкция хозяйственных объектов, существенно ограничиваются природопользования, принимаются оперативные меры ПО восстановлению И воспроизводству природных ресурсов и оздоровлению окружающей природной среды. Как указывалось выше, Федеральный закон «Об охране окружающей среды» содержит лишь отсылку к федеральному законодательству (ст. 57).[2]

Литература

- 1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.]. М.: Инфра-М, 2012.- 64 с.
- 2. Об охране окружающей среды: [федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-Ф3]. М.: Инфра-М, 2010. 57 с.
- 3. Дубовик, О.Л. Экологическое право / О.Л. Дубовик. М.: Инфра-М, 2008. 550 с.
- 4. Ерофеев, Б.В. Экологическое право России. / Б.В. Ерофеев. М.: Инфра-М, 2006. 251 с.

УДК 343

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ В РФ TOPICAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ENERGY SUPPLY CONTRACT

Шевчук Т.И., , старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Филиал Российского государственного социального университета в г. Ставрополе Shevchuk T.I., senior lecturer, Department of theory and history of state and law Stavropol Branch of Russian state social University in the city. Stavropol

e-mail: www.tanhanuv@rambler.ru

Аннотация: рассмотрены актуальные проблемы реализации договора энергоснабжения в России и определены пути их решения

Abstract: the article deals with urgent problems of realization of the contract of energy supply in Russia and the ways of their solution

Ключевые слова: договор энергоснабжения, тариф, естественные монополии Key words: contract of power supply, the tariff of natural monopolies

Роль энергоснабжения переоценить сегодня трудно. В наши дни оно стало неотъемлемой частью жизни современного общества, его нормального существования. Высокая социальная значимость энергоснабжения бесспорна. Бесспорна также и значимость энергоснабжения как правового института, поскольку в современном гражданском обороте договор энергоснабжения — один из наиболее распространенных.

Сегодня в снабжении энергией в той или иной форме нуждается большинство используемых современной цивилизацией предметов. От бесперебойной подачи энергии зависит надлежащее функционирование таких жизненно важных объектов как больницы, поликлиники, учебные заведения, банки, - то есть все то, без чего немыслима в наше время жизнь любого человека. Именно по этой причине законодательство трактует энергоснабжение как деятельность, связанную с обеспечением жизнедеятельности населения [1].

Правовой формой, опосредующей процессы потребления энергии, и выступает договор энергоснабжения.

С точки зрения классификации объектов гражданских прав энергия является движимой, простой, делимой, потребляемой вещью, определяемой родовыми признаками. Именно уникальная специфика товара - энергии как свойства материи производить определенную работу является тем критерием, который служит основанием для выделения договора энергоснабжения в отдельный вид договора купли-продажи [2]. Естественная специфика

этого товара обусловливает ряд существенных особенностей его оборота. Это непрерывность (неразрывность) процессов производства, транспортировки и потребления энергии, ограниченная возможность ее хранения (складирования), влияние деятельности потребителей на качество товара, наличие единых систем газо- и энергоснабжения в масштабах страны. Обычно передача энергии потребителю невозможна без использования специальных технических средств, соответствующей инфраструктуры: электропередач, газо- и водопроводов, трансформаторных и насосных станций и т. д. требует специального Потребление энергии также оборудования: инженерных коммуникаций, контрольно-измерительных приборов, средств обеспечения безопасности. Система технических устройств, обеспечивающих получение и безопасное использование энергии потребителем, называется присоединенной сетью.

Возможность передачи и потребления энергии только через присоединенную сеть и является одной из главных особенностей договора энергоснабжения. Этот признак присущ и другим договорам — о теплоснабжении, газоснабжении, снабжении нефтепродуктами, водой и т.д., что позволяет говорить о существовании особой группы договоров о снабжении продукцией через присоединенную сеть (в число которых входит и сам договор энергоснабжения). Однако ГК РФ не регулирует этот вид договоров в целом, сосредоточивая свое внимание лишь на договоре энергоснабжения, правила о котором субсидиарно применяются и к остальным договорам этого типа.

Изучение проблем, связанных с реализацией настоящего договора привело к определенным выводам.

Договор энергоснабжения, как и любые иные договоры, играет важную роль в осуществлении субъектами гражданских правоотношений своих прав и интересов. В подтверждение этого издан специальный Федеральный закон «Об энергоснабжении» от 3 марта 1996 года. Кроме того, на правоотношения в этой области действуют Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон РФ «О естественных монополиях», Федеральный закон РФ «Об электроэнергетике» от 26 марта 2003 года, постановления Правительства Российской Федерации, а также правила, утвержденные Министерством топлива и энергетики Российской Федерации.

Вспомним, что договор энергоснабжения — это гражданско-правовой договор, в соответствии с которым энергоснабжающая организация обязуется подавать абоненту - потребителю через присоединенную сеть энергию, а абонент обязуется оплачивать принятую энергию, соблюдать предусмотренный договором режим ее потребления, обеспечивать безопасность эксплуатации находящихся в его ведении энергетических сетей и исправность используемых им приборов и оборудования, связанных с потреблением энергии [3].

Сторонами договора энергоснабжения, т.е. снабжения электрической или тепловой энергией, являются энергоснабжающие организации и потребители. Потребителями могут быть как граждане, использующие энергию для бытового потребления, так и юридические лица, осуществляющее пользование электрической энергией - мощностью.

В силу публичного характера договора энергоснабжения, энергоснабжающая организация обязана заключить договор с каждым, кто к ней обратится, при наличии технических возможностей по исполнению договора. Поэтому большое значение имеет своевременное принятие мер воздействия на недобросовестных абонентов.

Поскольку потребность в электроэнергии возникает непрерывно и повсеместно, то электрическая энергия должна производиться в таком количестве, которое определяется ее потреблением, а общество, следовательно, вынуждено взять на себя соответствующие расходы, уровень которых всегда был, есть и будет в дальнейшем предметом острых дискуссий. И если по многим другим видам продукции участниками таких дискуссий выступают, как правило, две стороны - производитель и потребитель, то процесс формирования тарифов на электрическую энергию вызывает острые споры, в которых представляют свои собственные интересы, как минимум, пять сторон: потребители энергии, общественность, органы власти, инвесторы, кредиторы, производители энергии и энергоснабжающие организации. Каждая из этих сторон предъявляет свои претензии к процессу организации и уровням тарифов.

Напоминаем, что тарифы на электрическую и тепловую энергию - это система ценовых ставок, по которым осуществляются расчеты за электрическую тепловую энергию (мощность) [4].

Потребители энергии заинтересованы в надежном и бесперебойном энергоснабжении, но при этом каждый из них считает своим долгом добиться минимальных цен на энергию.

Основной проблемой в области государственного регулирования тарифов на электрическую энергию явилось то, что отдельные региональные энергетические комиссии не сумели организовать регулирование тарифов строго в соответствии с Законом «О государственном регулировании тарифов на электрическую и тепловую энергию в РФ». Вместо принципа экспертной проверки, обоснованности предъявленных расчетов и соответствия их методическим документам, регулирование тарифов начало осуществляться голосованием членов региональных комиссий по принципу «много - мало».

В ряде случаев на работу региональных энергетических комиссий оказывает давление местная администрация. Особенно это проявилось в энергоизбыточных энергообъеденениях и выразилось в директивном установлении тарифов на передачу электроэнергии за пределы объединения, в установлении рентных платежей в пользу местных бюджетов. При этом такие действия местной администрации, как правило не вызывают противодействия со стороны энергоснабжающей организации, так как ее интересы не ущемляются, а тот факт, что удорожающие факторы в большей степени переносятся на потребителей дефицитных энергосистем, поднимает авторитет руководителей данного региона.

На сегодняшний день так же актуальна проблема взыскания задолженностей по договорам энергоснабжения.

Доказательственная база по делам о взыскании задолженности по договорам энергоснабжения, как правило, не представляет сложности. Успешный ход дела

определяется надлежащим качеством представленных в суд документов - письменных доказательств по делу, особое значение имеет их полнота, юридическая правильность оформления и непротиворечивость содержащихся в них данных.

В связи с этим, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях определено, что требования, основанные на документах, подтверждающих задолженность по оплате за потребленные электроэнергию и отопление, могут быть рассмотрены в упрощенном порядке - без вызова сторон и в сокращенные сроки.

Также имеются трудности в решении вопросов о заключённости договоров энергоснабжения в связи с наличием или отсутствием существенных условий договора. В связи с отсутствием четкого нормативного регулирования возникают сложности в доказывании убытков, причиненных бездоговорным потреблением энергии либо с нарушением условий договора энергоснабжения.

Что касается ответственности энергоснабжающей организации за недоотпуск электрической энергии на производственные нужды потребителя, и за перерыв в подаче энергии, то ранее она предусматривалась «Правилами пользования электрической и тепловой энергии».

Согласно этим правилам, энергоснабжающая организация уплачивала штраф в размере двукратной тарифной стоимости недоотпущенной электроэнергии — в случае, если недоотпуск был вызван недостатком топлива электростанции, и восьмикратной тарифной стоимости — в случае недоотпуска по другим причинам, за исключением случаев, вызванных стихийными бедствиями, а так же неправильными действиями персонала или посторонних лиц, к которым относятся ошибочное включение или переключение, наброс на провода воздушных линий и прочее.

Однако, приказом Министерства топлива и энергетики от 10 января 2000г. № 2, эти правила «в целях приведения в соответствие с ГК РФ нормативных документов, регулирующих отношения в области электроэнергетики»[5] были признаны недействующими. А новых правил регулирующих отношения в области энергоснабжения до сих пор не принято, что является существенной недоработкой в законодательстве.

Таким образом, по моему мнению, необходимо разработать и принять новые правила, которые бы соответствовали нормам ГК РФ и подробно оговаривали бы ответственность энергоснабжающей организации в случае недоотпуска электрической энергии потребителю.

Законодательство так же трактует энергоснабжение как деятельность, «связанную с обеспечением жизнедеятельности населения» [1].

Столь масштабная роль энергоснабжения предполагает развернутое и детальное правовое регулирование, которое в настоящий момент вряд ли можно считать достаточно разработанным и адекватным складывающимся социальным потребностям. Изучение действующего законодательства, регулирующего правовые вопросы энергоснабжения, а также анализ практики применения данного законодательства со всей очевидностью свидетельствует о его несовершенстве. Особую остроту и актуальность данная проблема приобретает при снабжении топливно-энергетическими ресурсами организаций,

финансируемых из федерального бюджета. К сожалению, в последние годы государство подчас снимает с себя заботу об их надлежащем - бесперебойном обеспечении энергией. Заключается это в неурегулированности многих не только экономических, но и правовых аспектов энергоснабжения. Прекращение подачи энергии данным субъектам нередко производится вопреки действующему законодательству. Да и само законодательство порой не дает конкретного ответа на тот или иной спорный вопрос. Возобновление же целевого финансирования, судебная защита и восстановление нарушенных прав бюджетных организаций может занять достаточно продолжительное время, тогда как прекращение подачи энергии данной категории потребителей недопустимо ни на минуту.

Говоря о проблемах правового института энергоснабжения, следует отметить традиционную для России множественность соответствующих нормативных актов и их низкое качество. Большинство юридических норм упомянутых актов в силу их несовершенства и двусмысленности настолько запутаны, что разобраться в них под силу лишь специалисту, имеющему серьезную юридическую подготовку. Но основная проблема заключается в бессистемности правовой базы, отсутствии единой концепции регулирования тех или иных вопросов энергоснабжения.

Отмечая просчеты в законодательном регулировании энергоснабжения и связанные с этим серьезные отрицательные последствия для всей страны, следует сказать о необходимости комплексного решения данной проблемы.

Необходимо:

Во-первых, - повысить платёжную дисциплину в энергоснабжении путём ужесточения юридической ответственности сторон за нарушение договорных условий.

Во-вторых, – усовершенствовать порядок ограничения и прекращения энергоснабжения потребителей, не обеспечивающих оплаты принятой ими энергии.

В-третьих, - усовершенствовать порядок компенсации государством, потреблённой стратегическими (не отключаемыми) организациями энергии, в случае их неплатёжеспособности.

В-четвёртых, - необходимо ужесточить меры ответственности компетентных должностных лиц, а именно руководителей энергоснабжающих организаций за внеплановое отключение и ограничение подачи электро- и теплоэнергии населению и организациям.

Всё вышеперечисленное необходимо воплотить в жизнь путём детальной разработки, принятия и включения новых норм в Гражданский и Административный кодексы Российской Федерации. По нашему мнению необходимо включить в Административный кодекс, в Главу 9 «Административные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике» - статьи следующего содержания:

Статья 9.7.1. Нарушение энергоснабжающей организацией режима подачи электроэнергии.

1. Нарушение энергоснабжающей организации режима подачи электроэнергии в отношении граждан и организаций влечёт наложение административного штрафа на

должностных лиц в размере от двадцати до пятидесяти минимальных размеров оплаты труда; на юридических лиц – от пятидесяти до ста минимальных размеров оплаты труда.

2. Нарушение энергоснабжающей организации режима подачи электроэнергии в отношении организаций – финансируемых из средств федерального бюджета, а равно – стратегически важных, не отключаемых организаций влечёт наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от сорока до восьмидесяти минимальных размеров оплаты труда; на юридических лиц – от двухсот до пятисот размеров оплаты труда.

Статья 9.7.2. Нарушение энергоснабжающей организацией режима подачи тепловой энергии.

1. Нарушение энергоснабжающей организации режима подачи тепловой энергии в отношении граждан и организаций влечёт наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от двадцати до пятидесяти минимальных размеров оплаты труда; на юридических лиц – от пятидесяти до ста минимальных размеров оплаты труда.

Так же порекомендовать бы законодателю рассмотреть возможность применения мер уголовной ответственности за отключение тепловой энергии гражданам - повлекшей тяжкие последствия, т.е. причинение вреда здоровью граждан (населения), в результате отключения тепловой энергии в отопительный период. И включить в УК РФ в Раздел IX - «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», в Главу 25 — «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», статьи предусматривающие уголовную ответственность руководителей и ответственных должностных лиц энергоснабжающих организаций за данные преступления.

Конечно же, автор не утверждает, что это решит все возможные проблемы в области правового регулирования договора энергоснабжения, но законодательным органам необходимо работать в этом направлении. По крайней мере, изменение ныне действующего порядка позволит решить массу трудностей, существующих сегодня в сложном и противоречивом правовом поле. Все это вызывает необходимость глубокого осмысления и правового анализа спорных вопросов энергоснабжения, разрешения и последующего устранения правовых коллизий, препятствующих принятию единственно верного решения. На нынешнем этапе представляется важным привлечь внимание общества к данным проблемам, вызвать широкую дискуссию с теми, кто не желал бы положительных сдвигов в энергоснабжении как в экономическом, так и в правовом смысле.

Литература

- 1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ в ред. от 30.06.2003 г № 86-ФЗ. М.: ИНФРА-М, 2003.- С. 75.
- 2. Брагинский, М. И., Витрянский, В. В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. М.: Статут, 2000. С. 143.
- 3. Гражданский кодекс Российской Федерации (с изм. и доп. от 30 декабря 2004 г.) Ст. 539 [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

- 4. Федеральный Закон «О государственном регулировании тарифов на электрическую и тепловую энергию в Российской Федерации» (с изменениями на 31 декабря 2005 года) [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
- 5. Приказ Министерства топлива и энергетики Российской Федерации от 10 января 2000г. №2 «О признании недействующими Правил пользования электрической и тепловой энергии» [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «Гарант»

УДК 343

РОЛЬ И МЕСТО МИНЮСТА РОССИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ И ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО ПОЛЯ В СУБЪЕКТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ROLE AND SEAT MINJUST OF RUSSIA IN MAINTENANCE OF LEGALITY AND FORMATION OF A LEGAL FIELD IN THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Артамонов А.Н., г. Ростов-на-Дону, заместитель начальника Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Ростовской области

Авитисов А.С., г. Ростов-на-Дону, начальник отдела законодательства, регистрации уставов муниципальных образований и ведения регистров Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Ростовской области

Artamonov A.N., Rostov-on-Don, Deputy Chief of Administration of the Justice Department of the Russian Federation, Rostov Region Branch

Avitisov A.S., Rostov-on-Don, the department head of the legislation, registration of charters of municipal formations and conducting registers

e-mail: ryu@aaanet.ru

Аннотация: В статье приводятся некоторые результаты деятельности территориальных органов Минюста России по вопросам единства правового пространства, анализируется состояние законодательства субъектов Федерации Южного федерального округа в указанной сфере общественных отношений.

Annotation: The article presents certain results of the activity of the local departments of the Ministry of Justice of the Russian Federation concerning of unity of community law, analyses the state of law in the constituent units of the Southern Federal District in the abovementioned sphere of social relations.

Ключевые слова: единство правового пространства, нормативное регулирование, устав муниципального образования, мониторинг законодательства

Key words: unity of community law, regulation, municipal entity's charter, legislation monitoring.

Формирование правового поля, в том числе и обеспечение единства правового пространства Российской Федерации является важнейшей основой для стабильного функционирования общества, а также гармоничного развития и взаимодействия Российской Федерации и ее субъектов.

В целях реализации данных задач был издан Указ Президента Российской Федерации от 10.08.2000 № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового

пространства Российской Федерации», включивший в механизм обеспечения единства правового пространства Минюст России и его территориальные органы.

Указанная задача территориальными органами Минюста России осуществляется путем проведения экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и их проектов, регистрации уставов муниципальных образований и проведения их правовой экспертизы, проведения мониторингов законодательства.

Для изучения состояния правового регулирования анализируются не только федеральные законы и подзаконные акты, но и решения Конституционного Суда Российской Федерации, затрагивающие соответствующие правоотношения, а также иных органов судебной власти Российской Федерации. Особого внимания требует оценка компетенции органа государственной власти на принятие акта.

Ниже на примере Ростовской области и Главного управления Минюста России по Ростовской области будут показаны некоторые результаты основных направлений деятельности по обеспечению единства правового пространства государства, что поможет определить современную роль Минюста России в описываемых вопросах.

В соответствии с уже отмеченным Указом Президента Российской Федерации от 10.08.2000 № 1486 был создан федеральный банк нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации - федеральный регистр нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. В рамках этого же Указа дано предписание высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации (руководителям высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) обеспечивать направление в Министерство юстиции Российской Федерации копий нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации в 7-дневный срок после их принятия, для включения этих актов в федеральный регистр и проведения правовой экспертизы.

В настоящее время в федеральном регистре нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации содержится около 6 500 нормативных правовых актов Ростовской области, из них действующих более 4 600 актов.

Для рассмотрения практики проведения правовой экспертизы были взяты за основу результаты деятельности органа юстиции в Ростовской области в данной сфере за период с 2006 года по июль 2012 года.

По результатам проведения первичных и повторных правовых экспертиз в указанном периоде было подготовлено 124 отрицательных экспертных заключения. Анализ нормативных правовых актов, в которых выявлены несоответствия федерального законодательства, по предметам правового регулирования показал, что нарушения были допущены в сферах: бюджетного законодательства, предпринимательской деятельности, жилищного законодательства, социального обеспечения и других сферах общественных отношений.

При выявлении норм, не соответствующих федеральному законодательству, экспертное заключение направляется Губернатору Ростовской области в отношении актов

Главы Администрации (Губернатора) Ростовской области или Администрации (Правительства) Ростовской области, председателю Законодательного Собрания Ростовской области – в отношении областных законов, руководителю органа исполнительной власти – в отношении соответствующих ведомственных нормативных правовых актов.

В случае несогласия с доводами Главного управления, изложенными в экспертных заключениях, проводятся рабочие группы либо встречи представителей Главного управления и региональных органов государственной власти, на которых происходит обсуждение позиций и формирование соответствующих концептуальных выводов.

Второй не менее значимой функцией по обеспечению единства правового пространства, а может даже и более важной, чем проведение экспертизы уже принятых нормативных правовых актов является участие органов юстиции в нормотворческом процессе органов государственной власти Ростовской области.

Как показывает практика, данная форма участия в нормотворческой деятельности органов государственной власти Ростовской области является наиболее действенным и эффективным способом устранения из нормативных правовых актов Ростовской области и их проектов несоответствий федеральному законодательству, коррупциогенных факторов и нарушений правил юридической техники.

Для оценки результатов деятельности Главного управления в сфере проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов Ростовской области были проанализированы показатели с 2006 года по сентябрь 2012 года.

В данный период времени для проведения экспертизы поступило 3768 проектов нормативных правовых актов, из них на большую часть подготовлены экспертные заключения, часть проектов было согласовано без проведения экспертизы.

Из указанного количества проектов в отношении 447 были направлены их разработчикам письма с замечаниями.

Из проектов, в которых были выявлены нарушения федерального законодательства, замечания, подготовленные Главным управлением, учтены в 378 принятых нормативных правовых актах. Данные показатели свидетельствуют об учете более 84% наших замечаний на проекты нормативных правовых актов Ростовской области.

Классификация проектов нормативных правовых актов по предметам правого регулирования показывает, что наибольшее количество нарушений федерального законодательства допущено в проектах, регламентирующих сферы предпринимательской деятельности, социального обеспечения и социального обслуживания, земельного, административного, жилищного законодательства, проведения публичных мероприятий, бюджетного законодательства, образования.

Значительное количество выявленных нарушений заключается в превышении компетенции субъектом Российской Федерации и регламентации вопросов, относящихся к ведению Российской Федерации или органов местного самоуправления.

Кроме того, в результате проведения экспертизы проектов областных актов Главным управлением выявлялись и коррупциогенные факторы. Так, за период наделения

территориальных органов Минюста России полномочиями по проведению антикоррупционной экспертизы указанной экспертизе было подвергнуто более 2500 проектов нормативных правовых актов Ростовской области.

В результате экспертизы коррупциогенные факторы были выявлены в 122 проектах нормативных правовых актов Ростовской области, которые впоследствии устранены в 96 принятых актах, что составляет более чем 78 % от количества проектов, в которых выявлены коррупциогенные факторы.

Основными причинами наличия противоречий в разрабатываемых проектах нормативных правовых актов являются динамичное изменение федерального законодательства, недостаточный анализ областными органами государственной власти норм федерального законодательства, неверное толкование законодательства.

Территориальные органы Минюста России были наделены полномочиями по проведению антикоррупционной экспертизы приказом Минюста России от 01.04.2010 № 77 «Об организации работы по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и уставов муниципальных образований», вступившим в силу со 2 мая 2010 года.

В соответствии с данным приказом территориальным органам Минюста России предписано:

- обеспечить проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации при мониторинге их применения, а также уставов муниципальных образований (муниципальных правовых актов о внесении изменений в уставы) при их государственной регистрации;
 - проводить антикоррупционную экспертизу:

нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации;

уставов муниципальных образований (муниципальных правовых актов о внесении изменений в уставы).

В целях предотвращения принятия региональных актов, в которых присутствуют коррупциогенные факторы, Главное управление в рамках заключенных соглашений с органами государственной власти Ростовской области проводит антикоррупционную экспертизу проектов нормативных правовых актов, о чем уже было сказано выше.

При анализе ситуации в сфере реализации полномочий по проведению антикоррупционной экспертизы были проанализированы три периода (с мая по декабрь 2010 года, весь 2011 год и 2012 год) по всем направлениям указанной деятельности.

В 2010 году антикоррупционная экспертиза была проведена в отношении 642 нормативных правовых актов Ростовской области.

Коррупциогенные факторы были выявлены в 56 нормативных правовых актах.

Классификация нормативных правовых актов по предметам правого регулирования показывает, что наибольшее количество коррупциогенных факторов в 2010 году было выявлено в актах, регламентирующих: земельное законодательство; координацию вопросов

здравоохранения; вопросы предоставления государственных услуг исполнительными органами государственной власти; общие вопросы образования; защиту прав и свобод человека и гражданина; социальную защиту и социальное обеспечение граждан Российской Федерации.

Среди наиболее часто встречающихся коррупциогенных факторов, выявленных в 2010 году, при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов следует выделить:

- широту дискреционных полномочий,
- определение компетенции по формуле «вправе»,
- отсутствие административных процедур,
- юридико-лингвистическую неопределенность.

В результате проведенной Главным управлением работы по исключению из нормативных правовых актов, выявленных коррупциогенных факторов, данные факторы были исключены из 39 нормативных правовых актов.

В 2011 году антикоррупционная экспертиза была проведена в отношении 1010 нормативных правовых актов Ростовской области.

Коррупциогенные факторы были выявлены в 27 нормативных правовых актах.

В результате проведенной Главным управлением работы по исключению из нормативных правовых актов выявленных коррупциогенных факторов данные факторы были исключены из 35 нормативных правовых актов.

Наибольшее количество коррупциогенных факторов в 2010-2011 годах было выявлено в нормативных правовых актах высшего исполнительного органа государственной власти и иных органов исполнительной власти Ростовской области.

Также хотелось бы отметить ситуацию, сложившуюся в сфере проведения антикоррупционной экспертизы основных муниципальных нормативных правовых актов, к которым относятся уставы муниципальных образования и решения о внесении изменений и дополнений в уставы муниципальных образований.

Антикоррупционная экспертиза основных муниципальных правовых актов проводится при осуществлении их государственной регистрации. В Ростовской области антикоррупционная экспертиза была проведена в отношении 887 уставов муниципальных образований и решений о внесении изменений в уставы муниципальных образований (2010 г. – 156, 2011 г. – 644, 2012 г. – 87).

Главным управлением за указанный период не выявлены коррупциогенные факторы в основных муниципальных правовых актах.

Проанализировав работу в этом направлении, в том числе при подготовке муниципальных правовых актов установлено, что основными причинами, связанными с возникающими ошибками у органов местного самоуправления при подготовке документов для регистрации уставов муниципальных образований, являются отсутствие в

муниципальных образованиях квалифицированных юристов (особенно в сельских поселениях) и отток кадров, которые хоть раз сталкивались с процедурой принятия муниципальных правовых актов и имеют хоть какое-то понятие об установленной законодательством процедуре.

В этой связи, начиная с 2005 года, мы занимаем активную позицию в сфере оказания помощи органам местного самоуправлению.

Главное управление ежегодно разрабатывает типовые проекты уставов муниципальных образований, решений о внесении изменений и дополнений в уставы муниципальных образований, а также методические рекомендации по приведению уставов муниципальных образований в соответствие с федеральным и областным законодательством, с учетом изменений, внесенных в Федеральный закон от 06.10.2003 №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Указанные рекомендации ДЛЯ согласования направляются В Министерство внутренней информационной политики Ростовской области и прокуратуру Ростовской области.

Таким образом, отсутствие в основных муниципальных правовых актах коррупциогенных факторов является следствием оказания Главным управлением практической и методической помощи органам местного самоуправления

Помимо территориальных органов Минюста России по субъектам Российской Федерации проведением антикоррупционной экспертизы также могут заниматься и иные субъекты указанной деятельности, к таковым относятся, в том числе независимые эксперты, аккредитованные Минюстом России на проведение указанной экспертизы.

На территории Ростовской области в качестве независимых экспертов аккредитовано 24 физических и юридических лица

Антикоррупционная экспертиза указанными экспертами проводится с различной периодичностью и результативностью и не всегда достаточно активно.

В целях обеспечения взаимодействия и координации работы независимых экспертов, выработки единых подходов при проведении антикоррупционной экспертизы при Главном управлении создан специальный координационный, совещательный орган, в состав которого вошли независимые эксперты, уполномоченные на проведение антикоррупционной экспертизы.

Раскрывая обозначенную тему, нельзя не остановиться и на таком виде деятельности, как проведение мониторингов законодательства субъектов Российской Федерации.

Проведение мониторингов законодательства позволяет на регулярной основе осуществлять контроль за исполнением органами государственной власти субъекта Российской Федерации предоставленных им полномочий. Помимо этого оценивается не только степень реализации предоставленных субъектам Российской Федерации полномочий, но и качество их урегулирования путем проведения правовых, в том числе повторных экспертиз нормативных правовых актов в определенной сфере общественных отношений.

Мониторинг законодательства представляет собой постоянное наблюдение за региональным законодательством с изучением динамики изменения основных показателей. В связи с этим анализ нормативной правовой базы субъектов Российской Федерации, в том числе Ростовской области в форме проведения мониторинга является наиболее эффективным и действенным способом обеспечения законности региональных актов и полноты урегулирования ими положений федерального законодательства.

В этой связи одним из приоритетных направлений в настоящее время в деятельности Главного управления остается проведение мониторингов регионального законодательства.

Данная работа осуществляется Главным управлением на регулярной и плановой основе, закрепленной в локальных документах Главного управления, начиная с создания Управления Минюста России по Ростовской области. Предпосылки для осуществления указанной деятельности возникли еще вначале 2000-х годов, когда органы юстиции только начинали работать с региональным законодательством, в частности, проводить юридическую экспертизу нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

На том этапе органы юстиции, исследуя региональные акты, обращали значительное внимание на место изучаемых правоотношений в правовом поле регионального и федерального законодательства, исходя из основных категорий права. В результате совершенствования полномочий органов юстиции по обеспечению единства правового пространства проведение обзоров регионального законодательства стало неотъемлемой частью выполнения основных задач Главного управления, как и любого другого территориального органа Минюста России.

сожалению, осуществление деятельности ПО комплексному изучению регионального законодательства, то есть в рамках всестороннего анализа актов субъектов Российской Федерации, регулирующих те или иные правоотношения, до настоящего времени не нашло своего буквального отражения в федеральной нормативной правовой базе, регламентирующей вопросы Министерства юстиции Российской ведомственной - по вопросам деятельности территориальных органов Минюста России. Лишь в мае 2011 года был издан Указ Президента Российской Федерации «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации», который частично урегулировал данный пробел.

С учетом того большого промежутка времени, в течение которого территориальные органы Минюста России по субъектам Российской Федерации проводят мониторинги законодательства, можно утверждать, что они имеют значительный опыт по проведению обзоров регионального законодательства и уже сложилась достаточно положительная практика работы в данном направлении.

Важным условием в достижении позитивных результатов безусловно является система и методология. Указанные 2 категории в деятельности органов юстиции предопределили направления проведения обзоров законодательства. Первый — это анализ законности принимаемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации нормативных правовых актов, соблюдения порядка опубликования, включения в

федеральный регистр. Второй – обзор регионального законодательства на предмет реализации федерального законодательства.

Безусловным преимуществом в данном мониторинге является то, что по каждому из указанных направлений деятельности проводится сравнительный анализ количественных и качественных показателей, осуществляется их классификация, анализируются причинные факторы негативной динамики, выносятся предложения по совершенствованию федеральной, ведомственной и локальной нормативной правовой базы.

Анализируя деятельность Главного управления по подготовке аналитических материалов, следует отметить, что ежегодно подготавливается более 100-130 мониторингов, обзоров и информационно-аналитических сведений. Из них: большая часть направляется в аппарат полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе, Минюст России, в органы прокуратуры.

Указанные аналитические сведения можно классифицировать по срокам (периодичности) их исполнения. Так, часть проводились однократно, однако, большая часть находятся на постоянном контроле Главного управления (например, в сферах противодействия коррупции, земельного, жилищного законодательства, по вопросам защиты прав субъектов предпринимательской деятельности при осуществлении государственного (муниципального) контроля (надзора) и регулярно актуализируются.

Говоря о результативности проведения мониторинга регионального законодательства, следует отметить следующее. Основным показателем эффективности этой работы является, прежде всего, увеличение количества приведенных в соответствие с федеральным законодательством актов и уменьшение актов Ростовской области, противоречащих федеральному законодательству.

Другим положительным моментом, который следует из проведения мониторингов является возможность выявления пробелов и коллизий в правовом регулировании, допущенных как на федеральном уровне, так и на региональном уровнях.

Реформа местного самоуправления в Российской Федерации привела к созданию в 2005-2006 годах на территории Российской Федерации более 25 000 муниципальных образований. В Ростовской области в настоящее время создано 463 муниципальных образования.

Происходило это при участии Минюста России, которым организована система по государственной регистрации уставов муниципальных образований и ведению государственных реестров муниципальных образований с сентября 2005 года.

Подавляющее большинство муниципальных образований Ростовской области было зарегистрировано в 2005 году (455 из 463), а в 2006 и 2007 годах были зарегистрированы оставшиеся муниципальные образования. Всего было зарегистрировано, присвоено государственных регистрационных номеров и выдано свидетельств о государственной регистрации: городских округов — 12, муниципальных районов — 43, городских поселений — 18, сельских поселений - 390.

Следует отметить, что с регистрацией уставов муниципальных образований и включением всех муниципальных образований Ростовской области в государственный реестр работа не приостановилась. Учитывая динамичное изменение законодательства и продолжающуюся реформу местного самоуправления, сначала Главным управлением Минюста России по Южному федеральному округу, а потом и Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Ростовской области постоянно проводится работа по приведению в соответствие с действующим законодательством уставов муниципальных образований Ростовской области.

За это время были использованы различные варианты оказания практической и методической помощи органам местного самоуправления по подготовке основных муниципальных правовых актов, но как, показывает практика, они не всегда продуктивно используют ту помощь, которая им оказывается. При том, что муниципальные образования постоянно сами должны следить за изменениями законодательства в целях приведения своих уставов муниципальных образований в соответствие с действующим законодательством, но, к сожалению, не у всех муниципальных образований это получается.

Также представители Главного управления принимают активное участие в обучающих семинарах органов местного самоуправления.

Следует отметить, что проекты основных муниципальных правовых актов разрабатываются Главным управлением в отношении каждого вида муниципальных образований (рекомендации для городских (сельских) поселений, муниципальных районов и городских округов).

Все представленные на государственную регистрацию муниципальные правовые акты о внесении изменений в уставы муниципальных образований принимаются представительными органами муниципальных образований на основе разработанных Главным управлением проектов.

Таким образом, можно сделать вывод, что Главное управление фактически осуществляет работу органов местного самоуправления в части приведения уставов муниципальных образований в соответствие с действующим законодательством.

Методическая и практическая помощь органам местного самоуправления Главным управлением (Управлением) обеспечивается в течение всего периода осуществления регистрационной деятельности уставов муниципальных образований.

Так, в 2009-2012 годах сотрудники Главного управления принимали участие в обучающих семинарах, в том числе видео-семинарах для органов местного самоуправления, проводимых органами исполнительной власти Ростовской области и образовательными учреждениями.

Например, в 2010 году представитель Главного управления принял участие в проводимом Администрацией Ростовской области на базе Северо-Кавказской академии государственной службы обучающем семинаре, на котором присутствовали представители всех 463 муниципальных образований Ростовской области.

При активном участии Ростовского юридического института Российской правовой академии Минюста России Главным управлением был проведен научно-практический семинар по вопросам правотворчества органов местного самоуправления и государственной регистрации уставов муниципальных образований.

Кроме того, регулярно органы юстиции в Ростовской области в данной сфере совершенствуют реализацию схем взаимодействия с органами государственной власти, прокуратуры Ростовской области, управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Южном федеральном округе и органами местного самоуправления по вопросам приведения уставов муниципальных образований в соответствие с принимаемыми федеральными актами.

Проведенный анализ и результаты практической деятельности Минюста России и его территориальных органов по вопросам обеспечения единства правового пространства Российской Федерации показывают, что проводится большая по объему и, во многом, уникальная работа, которая способствует поддержанию действующего в стране и в каждом из ее субъектов приемлемого уровня нормотворчества и правоприменения или указывает на его недостатки. При этом, такие решения, как принятие федерального закона о нормативных правовых актах в Российской Федерации, появление четкой, подробной, вытекающей из практики данного вида анализа, методики проведения антикоррупционной экспертизы документов, разработки и внедрения методики оценки нормотворческой деятельности, возможно, наделение органов Минюста правом обращения в суд о признании нормативных правовых актов или их отдельных положений не соответствующими действующему законодательству смогли бы, на наш взгляд, вывести проводимую работу по обеспечению единства правового пространства государства на еще более высокий уровень. Все это при условии, что будет решен самый главный в последнее время вопрос о достойной материальной оценке работы специалистов Минюста России и его территориальных органов, в том числе обеспечивающих выполнение сложных и важных для страны и ее граждан задач, описанных в настоящей статье.

УДК 343

ЭЛЕМЕНТЫ MEXAHU3MA ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ ELEMENTS OF THE CORRUPTION COUNTERACTION MECHANISM

Биккинин И.А, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права, Ростовский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»

Bikkinin I. A., Doctor of law, Full professor, Head of the chair of civil law, Rostov law institute (branch), The Russian Law Academy of the Russian Federation Ministry of Justice e-mail: bikkinin@mail.ru

Аннотация: Рассмотрены элементы механизма коррупционных отношений и противодействия им со стороны органов юстиции республики Башкортостан.

Annotation: The elements of the mechanism of corruption relations and resilience on the part of Justice of the Republic of Bashkortostan.

Ключевые слова: коррупция, правовая экспертиза, элементы механизма Keywords: corruption, legal expertise, elements of the mechanism

Модернизация экономической, социально-политической жизни современной России существенно повысила роль правовых средств и механизмов противодействия коррупции.

По определению Р.Д. Дронова развитие коррупционных отношений в органах государственной власти, исследованное на основе данных по Орловской области, Башкирии, Тувы и т.д., позволяет говорить о набирающем обороты процессе монополизации и усилении коррупционной экспансии, которая подчиняет себе не только отдельные компании, предприятия, фирмы, но и целые сектора экономики [1]. В России будут работать свои механизмы решения этой наболевшей проблемы. Ситуация меняется, и в обществе появилось ощущение, что коррупцию можно преодолеть. Но только всем миром, не скрывая и не замалчивая правонарушений.

«Разговоры о коррупции в России банальны. Есть исторический соблазн победить коррупцию путем репрессий — борьба с коррупцией, безусловно, предполагает применение репрессивных мер. Тем не менее проблема здесь принципиально глубже. Это проблема прозрачности и подконтрольности обществу институтов государства и проблема мотивации чиновников — людей на службе государства. И с этим, на наш взгляд, существуют огромные трудности» — отметил В.В. Путин в одной из программных статей в средствах массовой информации. «Для победы над системной коррупцией нужно разделить не только власть и собственность, но исполнительную власть и контроль за ней... Борьба с коррупцией должна стать подлинно общенациональным делом, Мы предлагаем реальные, системные решения. Они позволят нам с гораздо большим эффектом провести необходимую санацию

государственных институтов. Переход от слов к делу в борьбе с "большой" коррупцией поможет преодолеть коррупцию и в тех сферах, с которыми граждане встречаются в своей повседневной жизни — в полиции, судебной системе, в управлении жилищным фондом и ЖКХ, медицине и образовании...Мы будем действовать последовательно, осмысленно и решительно. Устраняя фундаментальные причины коррупции и карая конкретных коррупционеров. Создавая мотивацию для тех людей, которые готовы служить России верой и правдой. Таких людей у нас в стране традиционно много. Они будут востребованы.» Лозунг В.В. Путина: «Мы справились с олигархией, справимся и с коррупцией» [2].

Одним из таких средств является правовая антикоррупционная экспертиза, рассмотрение которой должно осуществляться в соответствии с объективными изменениями законодательства и субъективными проявлениями коррупциогенности в нем.

Это средство имплементировано в российское законодательство из международных антикоррупционных конвенций и данное обстоятельство во многом обусловливает отсутствие должной научной теории и практики их применения в российских условиях, несмотря на принятые в последние годы законы: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» и другие документы [3].

Указанные проблемы дополняются межотраслевыми коллизиями в российском законодательстве и несогласованностью соответствующих уголовно-правовых норм с международными нормативно-правовыми актами, которые значительно осложняют работу правоприменительных органов по квалификации данных деяний [4].

Коррупциогенное законодательство, как сложное социально-негативное явление выражается в элементах концептуальной коррупциогенности законодательства, пробельной коррупциогенности законодательства, коллизионной коррупциогенности законодательства, коррупциогенности нормативных предписаний. Все перечисленные элементы находят противодействие в деятельности органов юстиции.

Проведенное исследование деятельности Управления юстиции Министерства юстиции по Республике Башкортостан в сфере обеспечения единства правового пространства показало, что за последние два года на 38 % увеличилось количество нормативных правовых актов, поступивших в Управление для проведения правовой экспертизы[5]. При этом, увеличение количества актов республики основном связано тем, что из республиканского органа государственной власти в сфере юстиции, на основании заключенного Соглашения с органами власти субъекта РФ, в Управление поступают копии всех зарегистрированных ведомственных нормативных правовых актов Республики Башкортостан.

В результате осуществления постоянного контроля за изменением федерального законодательства на 27 % увеличилось количество актов, в которых были выявлены несоответствия федеральному законодательству при проведении повторной правовой

экспертизы.

За это время в связи с изменениями федерального законодательства проведена повторная правовая экспертиза 88 нормативных правовых актов республики, в 79 из них выявлены несоответствия федеральному законодательству (за АППГ – 86 и 62 соответственно). Характерными нарушениями федерального законодательства являлись превышение полномочий субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, включение в нормативный правовой акт норм и положений, противоречащих либо искажающих смысл федерального законодательства.

В два раза увеличилось количество республиканских актов, приведенных в соответствие с федеральным законодательством.

В исследуемый период увеличилось количество поступивших в Управление проектов нормативных правовых актов Республики Башкортостан с целью выявления в них положений, противоречащих федеральному законодательству, либо содержащих Эта коррупциогенные нормы. тенденция связана c изменением федерального законодательства, а также необходимостью внесения изменений в нормативные правовые акты республики, в которых были выявлены противоречия федеральному законодательству.

Литература

- 1. Дронов, Р.В. Механизм нейтрализации коррупции в органах государственного управления: автореф. дисс. . . . д. экон. наук: 08.00.05 / Дронов Роман Владимирович. Санкт-Петербург, 2010. С. 19.
- 2. Владимир Путин о развитии демократических институтов в России // Газета "Коммерсантъ". N 20/П (4805). 2012. 6 февраля.
- 3. Мелекаев, Р.К. Определение и предупреждение коррупциогенности законодательства Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Мелекаев Руслан Курманович. Ростов-на-Дону, 2011. С. 3.
- 4. Гейвандов, Э.А. Получение и дача взятки (ст. 290, 291 УК РФ): проблемы законотворческой и правоприменительной деятельности: автореф. дисс. ... канд. юрид. Наук: 12.00.08 / Гейвандов Эмиль Анатольевич.. Нижний Новгород, 2012. С. 3.
- 5. Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Башкортостан[Электронный ресурс] / Управление Минюста России по РБ. Уфа, 2012. Режим доступа: http://to03.minjust.ru/?theme=minjust-Загл. с экрана.

УДК 343

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ГЛАВНОГО ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ МИССИИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ ЮЖНЫЙ СУДАН ТО THE ISSUE OF INFORMATION-ANALYTICAL SUPPORT OF THE CHIEF INFORMATION-ANALYTICAL DEPARTMENT OF THE UNITED NATIONS MISSION IN THE REPUBLIC OF SOUTH SUDAN

Бобушев С.Р., Кыргызская Республика, Главная штаб-квартира, Главное информационно-аналитическое управление, Гражданский полицейский Миссии ООН в Республике Южный Судан, кандидат юридических наук

Bobushev S.R., the Kyrgyz Republic, the Main headquarters, The Chief informationanalytical department, the Civilian Police Mission UN in the Republic of South Sudan, PhD in Law

Аннотация: Рассмотрены актуальность и значимость правовой статистики, влияние уголовной статистики Республики Южный Судан на решение социально-политических проблем развития общества.

Annotation: The relevance and significance of legal statistics, the influence of criminal statistics Republic of South Sudan to address the socio-political problems of the society.

Ключевые слова: правовая статистика, информационный аналитический центр Key words: the legal statistic, the information-analytical center

Актуальность изучения данного вопроса обусловлена тем, что статистика Республики Южный Судан, охватывающая своими показателями все стороны экономической, политической, культурной и правовой жизни Республики Южного Судана, расчленяется на целый ряд отраслей (экономическая, демографическая, медицинская, уголовная и др.).

Одной из таких отраслей и является правовая (юридическая или уголовная) статистика, которая отражает своими показателями как охраняется общественный и государственный строй, различные формы собственности, как защищаются гарантированные Конституцией Республики Южного Судана права и интересы граждан и юридических лиц.

Уголовная статистика охватывает широкий круг проблем, связанных с негативными явлениями в обществе. Изучает различного рода преступления и правонарушения, такие как: бандитизм, ограбление, скотокрадство, изнасилование, проституция, наркомания, алкоголизм, коррупция и другие отрицательные общественные явления.

Данные уголовной статистики позволяют Миссии ООН в Республике Южный Судан не только более результативно бороться с преступностью и эффективно предупреждать ее, но и целенаправленно проводить образовательную, воспитательную, наставническую и

предупредительную работу не только с полицейскими Республики Южный Судан, но и с населением в целом, так как полиция, прежде всего, является непосредственной частью данного населения.

Кроме того, разрабатываемая статистическая информация способствует улучшению организации наставничества при осуществлении совместной работы с полицией Республики Южный Судан со стороны Правительства Республики Южный Судан и со стороны Миссии Организации Объединенных Наций за работой полиции по предотвращению различного рода преступлений, дает возможность прогнозировать и планировать мероприятия по борьбе с преступностью с учетом изменяющейся действительности.

Помимо того, что часть направлений уголовной статистики рассматривается не в полном объеме, существует и другая проблема - искажение действительных данных, что пагубно влияет на целый комплекс задач по предупреждению преступности, раскрытию преступлений, расследованию преступности, прогнозированию преступности, планированию деятельности планов совместной работы гражданских полицейских и Службы полицейских Республики Южный Судан.

Сегодня из-за совершенства системы регистрации преступлений, и вследствие несвоевременности представления в Полицейские участки Республики Южный Судан сведений о совершенных в стране преступлениях, и вследствие заинтересованности государственных органов в сокрытии, а, следовательно, в искажении части информации, и вследствие целого ряда других причин.

Сегодня в Республике Южный Судан произошли значительные перемены, связанные с обретением независимости, позволившие свободно развиваться любому из направлений науки, в том числе и уголовной статистики Республики Южный Судан, к ней необходимо проявлять повышенный интерес не только гражданским полицейским Миссии ООН в Республике Южный Судан, но и Правительству Республики Южный Судан, так как при помощи ее возможно решить ряд социально-политических проблем развития общества.

В связи с этими и многими другими факторами предлагается введение нового проекта «Информационный аналитический центр (UNPOL + SSNPS)».

Совместный информационный аналитический центр (UNPOL + SSNPS) [1], направлен на обеспечение Полиции Южного Судана — оперативно-справочными, оперативными, розыскными, криминалистическими, статистическими, и архивными сведениями.

Задачи центра:

- Ведение централизованных учетов, баз данных оперативно-справочной, розыскной, криминалистической, статистической и иной информации.
- Формирование архивных фондов, осуществление учета, хранения архивных документов Министерства внутренних дел Республики Южный Судан.

Для достижения указанных целей Инфорационно-аналитический центр осуществлял бы для МВД Республики Южный Судан следующие виды деятельности:

сбор, накопление статистической информации о состоянии преступности и результатах оперативно-служебной деятельности территориальных органов МВД

Республики Южный Судан, оперативно-справочной, оперативной, розыскной, криминалистической, архивной, и иной информации;

- обработку и выдачу в установленном порядке для руководства Министерства, подразделений и учреждений МВД Республики Южный Судан, органов государственной власти Республики Южный Судан, а также правоохранительных органов иных государств запрашиваемой информации из учетов, баз и банков данных информационных систем, автоматизированных банков данных специализированных учетов;
- подготовку и выпуск малотиражных изданий, изданий в электронном виде о состоянии оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, обзорных информационно-аналитических материалов;
- осуществление организационно-методического руководства деятельности информационных центров территориальных органов МВД Республики Южный Судан.

Литература

1. UNPOL – UnitedNationsPolice – Полиция Организации Объединенных Наций SSNPS – South Sudan National Police Service – Национальная полиция Южного Судана.

УДК 343

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЗРАЧНОСТИ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ВЫПОЛНЕНИЯ РЕФОРМЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО И МЕСТНОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

ENSURING TRANSPARENCY OF MANAGEMENT DECISION-MAKING AS A CONDITION OF IMPLEMENTATION OF THE REFORM OF CENTRAL AND LOCAL PUBLIC ADMINISTRATION IN MOLDOVA

Бойко Н.Ф., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публичного права, Славянский Университет Республики Молдова

Boyko N.F., PhD in law, the assistant professor, the Chief of the Chair of Public Law, Chisinau, Slavic University of the Republic of Moldova

e-mail: skgi_institut@mail.ru

Аннотация: В данной статье акцентируется внимание на правовых вопросах организации прозрачности процесса принятия решений центральными и местными органами публичного управления, а также иными органами публичной власти.

Annotation: This article focuses on the legal questions of organization transparency of decision-making by central and local public authorities and other public authorities.

Ключевые слова: прозрачность принимаемого решения; публичное обсуждение проекта акта управления; этапы обеспечения прозрачности; процедуры организации публичных консультаций.

Key words: transparency of decisions, the public discussion of the draft government's act; the stages of transparency; the procedures of organization public consultations

Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнения необходимость, после распада СССР, осуществления в Республике Молдова реформы центрального и местного публичного управления, так как формы и методы исполнительной власти советского периода не могут быть в полной мере применимы в условиях существования Республики Молдова, как независимого, демократического и правового государства.

Курс на совершенствование управления был определен в принятой Правительством, в декабре 2005г., стратегии реформы центрального публичного управления в Республике Молдова [1], где в частности в процессе реорганизации центрального публичного управления ставилась задача по внедрению в практику работы публичной власти элементов оптимизации принятия управленческих решений. При этом предусматривалось создание для органов центрального публичного управления равных условий для разработки секторных политик и эффективной деятельности органов публичного управления по тщательному

изучению влияния решений и упрощению процедур их принятия, а также укрепление и расширение в данном явлении участия общества. К концу 2007г. стало ясно, что на ряду с некоторыми достижениями процесс принятия управленческих решений требует дальнейшего совершенствования. Представляется, что возрастающий интерес к правильному и своевременному принятию решения, как центральным так и местным органом публичного управления является на случайным. Официальное решение, облеченное в предусмотренную законом форму, как правило, приобретает силу нормативного акта и порождает юридические последствия [2], которые в демократическом государстве должны выражать интересы как большинства членов общества так и государства. Ясно, что при выработке управленческих решений между гражданским обществом и публичным управлением , должна быть обеспечена высокая степень траспарентности, которая в конечном итоге будет способствовать доверию общества к органам власти, что на данном этапе развития представляется чрезвычайно важным.

Дальнейшее совершенствование процесса принятия решений нашло свое отражение в Национальной стратегии развития на 2008-2011 годы [3]. Вместе с тем ее воплощение в жизнь натолкнулось на ряд вопросов, которые требовали законодательного разрешения, в частности по уточнению отдельных понятий, уяснению прозрачности процесса разработки и принятия решений и др. В связи с этим в ноябре 2008г. был принят Закон о прозрачности процесса принятия решений [4]. По нашему мнению основным его достоинством является, то, что впервые сделана попытка определить механизм (или по крайней мере его основы) обеспечения непосредственного участия граждан, а также созданных в соответствии с действующим законодательством объединений или иных заинтересованных сторон в процессе принятия решений, что безусловно способствует гарантий созданию предусмотренного ст.39 Конституции Республики Молдова права граждан на управление общественными делами. Примечательным является четкое определение сферы применения Закона под которой понимается совокупность правоотношений, устанавливаемых в рамках процесса принятия решений между гражданами, созданными в соответствии с законом объединениями и иными заинтересованными сторонами, с одной стороны, и органами публичной власти – с другой. Под действие закона подпадают как центральные органы публичной власти (Парламент, и созданные им органы, Президент Республики Молдова, Правительство, министерства и другие центральные административные органы), а также местные органы публичного управления (первого и второго уровней), деконцентрированные общественные службы и учреждения местного значения, а также юридические лица публичного и частного права, которые распоряжаются публичными финансовыми средствами и используют их.

Существенным моментом в применении данного Закона является однообразное толкование понятия «прозрачность» под которым законодатель определил осуществляемое в целях открытого и точного информирования представление органами публичной власти установленных сведений об их деятельности и консультирование с гражданами и

иными заинтересованными сторонами в процессе разработки и принятия решений. В тоже время прозрачность не распространяется при рассмотрении органами публичной власти официальной информации, доступ к которой ограничен в соответствии с законом. Мы полагаем, что в Законе следовало бы оговорить характер допускаемой «закрытой» информации. Думается, что ее содержание не должно быть направлено на причинение ущерба обществу и государству, в том числе не содержать в себе признаков измены родине; захвата государственной власти; вооруженного мятежа; призывов к свержению или насильственному изменению конституционного строя Республики Молдова, за которые предусмотрена уголовная ответственность по ст.337, 339, 340 и 341 УК РМ.

Весьма существенным обстоятельством является и то, что в результате разработки и принятия решений должен быть принят правовой акт (ст. 2 указанного Закона). Следовательно, речь идет о прозрачности принятия на любого решения, а только такого, которое затрагивает существенные общественные интересы, имеющие социальные, экономические, природоохранные последствия для образа жизни и прав человека, а также его культуры, здоровья, социальной защиты и т.д. Разумеется, что принимаемые иные решения оперативного характера, которые не содержат признаков правового акта не должны проходить какие-либо этапы обеспечения прозрачности. Однако при этом не исключается, что отдельное должностное лицо в процессе управленческих действий может допустить субъективизм, проявляющийся в совершении дисциплинарного проступка, а иногда и в злоупотреблении властью или служебных положениями, либо в превышении власти (ст. 327, 328 УК РМ). В целях предотвращения этих и других подобных действий, мы предлагаем внедрить практику систематического осуществления мониторинга, (например, один раз в полгода), за законностью, экономической целесообразностью и убедительной мотивацией принимаемых значимых решений со стороны руководителей среднего звена и выше, которые как правило отражаются (фиксируются) в соответствующих приказах кадрового или иного характера. Подобные проверки могли бы осуществляться сотрудниками Государственной канцелярии или аппаратов центральных органов публичного управления, что конечно не исключает своевременного реагирования органов уголовного преследования на признаки преступлений, совершаемых должностными лицами. Такая практика, на наш взгляд, способствовала бы общему укреплению законности и государственной дисциплины, сокращению обжалований неправомерных действий отдельных руководителей как субъектов управления.

На ряду с ранее изложенным представляют интерес этапы обеспечения прозрачности принимаемых решений. Отдавая должное их содержанию [5], все же отметим, что, по нашему мнению необходимо п. «а» ст.8 Закона изложить в следующей редакции: «Информирование общественности об инициировании разработки решения и ознакомление граждан и иных заинтересованных сторон. О результатах проведения правовой, антикоррупционной, экономической, финансовой, научной, экологической, языковой и иного рода экспертиз». Данное положение соответствовало бы требованиям ст.22. Закона №780-XV от 27 декабря 2001г. о законодательных актах[6].

Прозрачности процессу принятия решений, безусловно, способствует предусмотренная Законом практика, при которой орган публичной власти не позднее чем за 15 рабочих дней до рассмотрения решения размещает соответствующее объявление на официальной веб-странице и направляет его по электронной почте заинтересованным сторонам, вывешивает его в общедоступном месте по месту своего нахождения или распространяет его в зависимости от обстоятельств через центральные или местные средства массовой информации. Положительным является и то, что законодатель регулирует доступ общественности к проектам решений; консультирование с заинтересованными сторонами; прием и рассмотрение рекомендаций; участие в публичных заседаниях; информирование граждан о принятых решений и др.

Отметим и то, что организация выполнения принятого Закона была возложена на Правительство Республики Молдова, которое для этих целей в феврале 2010г. приняло Положение о процедурах по обеспечению прозрачности процесса разработки и принятия решений [7]. Практическая значимость данного нормативного акта вытекает из его целиобеспечения в масштабе страны единообразного применения ранее охарактеризованного нами Закона № 239-XVI от 31 ноября 2008 года. Принятое Положение кроме информации ограниченной доступности (о чем мы ранее отмечали), не распространяется на проекты нормативных и административных актов, вносящих изменения в действующие акты в редакционном аспекте, без каких-либо изменений их концепции или воздействия, а также проектов административных (управленческих) актов индивидуального характера, которые не имеют социальных, экономических и природоохранных последствий. В Положении раскрываются такие понятия как обязательные И дополнительные процедуры консультирования, объявление об организации публичного консультирования, а также определен координатор процесса публичного консультирования, которым является государственный служащий или сотрудник органа публичной власти, наделенной функцией координирования и мониторинга обеспечения прозрачности процесса разработки и принятия проектов решений в рамках соответствующего органа, а также подразделение автор структурная единица органа публичной власти, ответственная за разработку проекта решения.

Принятое Положение сочетается с содержанием Закона № 317- XV от 18.07.2003г. О нормативных актах Правительства и других органов центрального и местного публичного управления, в частности со ст.28-46 (Подготовка проектов нормативных актов); 47-48 (Редактирование нормативных актов); 49-58 (Структура и содержание нормативного акта) и др.

В Положении нашли детальное отражение способы информирования в процессе принятия решений (ст.13-24), их результаты утверждаются руководством органа публичной власти и обнародуются согласно Закону №982-XIV от 11 мая 2000 года о доступе к информации. В рассматриваемом документе уделяется должное внимание **процедурам**

организации публичных консультаций. В частности, в нем четко определены стороны публичных консультаций. Ими могут быть:

- а) граждане Республики Молдова, иностранцы и лица без гражданства;
- b) созданные в соответствии с законом общественные объединения;
- с) профсоюзы;
- d) объединения патронатов;
- е) партии и другие общественно-политические организации;
- f) средства массовой информации;
- g) представители делового сообщества и др.

В число процедур публичных консультаций входят запрашивание мнений граждан и экспертов; деятельность рабочих групп с участием представителей заинтересованных сторон; публичные обсуждения и публичные слушания как систематизированные способы встречи органа публичной власти- автора проекта решения и заинтересованных сторон и т.д.

Положением определено, что проведение публичного заседания, дата, время и адрес, где оно будет проходить, повестка дня заседания объявляются органом публичной власти заранее, как правило, не менее чем за 3 рабочих дня. На публичные заседания обеспечивается доступ представителей средств массовой информации, которые могут ретранслировать работу данных заседаний.

На ряду с изложенным регламентируется порядок годового отчета о прозрачности процесса принятия решений. Он разрабатывается координатором процесса публичного консультирования соответствующего органа публичной власти, при участии всех подразделений данного органа, вовлеченных в разработку проектов решений и организацию публичных заседаний по их утверждению[8].

В целом отметим, что в настоящее время в нормализации прозрачности процесса принятия решений должны быть в равной степени заинтересованы как государство с одной стороны так и общество- с другой. Обеспокоенность вызывает проявляемая в некоторых случаях инертность граждан, которая со временем станет легко преодолимой. Важно, что для этого созданы как правовые так и организационные предпосылки.

Литература

- 1. см.: Постановление Правительства Республики Молдова №1402 от 30 декабря 2005г. «Об утверждении Стратегии реформы центрального публичного управления в Республике Молдова» В: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2006г., № 1-4, ст.9.
 - 2. см. Овсянко Д.М. Административное право.- М., 1996. С.85.
- 3. Закон Республики Молдова №295- XVI от 21 декабря 2007 года об утверждении Национальной стратегии развития на 2008-2011 годы. В: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2008 г., №18-20, ст.57.

- 4. Закон Республики Молдова о прозрачности процесса принятия решений №239-XVI от 13.11.2008. В: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2008, №215-217 от 05.12.2008.
- 5. См.ст.8 Закона №239-XVI от 13 ноября 2008 года о прозрачности процесса принятия решений.
 - 6. См. Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 36-38 от 14 марта 2002г.
- 7. См. Постановление Правительства Республики Молдова №96 от 16 февраля 2010г. «О действиях по внедрению Закона №239-XVI от 13 ноября 2008 года о прозрачности процесса принятия решений» (Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2010г. №30-31, ст.161).
 - 8. Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2003r., №208-210 or 03.10.2003.

УДК 343

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ CREATING LEGAL CONSCIOUSNESS BY BAILIFFS

Волков А.А., доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарно-экономических дисциплин, Ростовский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»

Волков С.А., аспирант ФГАОУ «Северо-Кавказский федеральный университет»

Volkov A.A., doctor of psychology, docent, professor of humanities and socio-economic disciplines, Rostov institute of law of Russian legal academy of the Russian Federation Ministry of Justicem

Volkov S.A., Stavropol, North Caucasus Federal University, postgraduate e-mail: volkoffss@yandex.ru

Аннотация: Рассмотрены проблема формирования правосознания судебных приставов, формы дефектности правосознания, особенности проведения занятий по отработке судебными приставами действий в сложных ситуациях.

Annotation: The problem of forming of bailiff sense of justice, the forms of bailiff sense of justice deficiency, features of lecturing on training bailiff's acting in tough situations

Ключевые слова: правосознание, судебный пристав.

Key words: awareness of the law, the bailiff

Формирование правосознания судебных приставов до настоящего времени не являлось предметом специального комплексного исследования. Не существует специального научного исследования, содержащего комплексный анализ института судебных приставов в процессе самореализации, включающий изучение проблем правосознания, личностной трансформации и деформации сотрудников службы судебных приставов.

Особую значимость для кадровых служб судебных приставов сегодня приобретает проблема формирования правосознания сотрудников, т.к. деформация правосознания в той или иной степени определяет коррупционную составляющую, а трансформация правосознания — одно из условий, обеспечивающее достойное выполнение служебного долга и ликвидацию этого «позорного» для государственного служащего явления.

В настоящее время накоплен огромный материал, посвященный проблемам совершенствования профессиональной деятельности специалистов правоохранительных органов и иных государственных структур, связанных с охраной правопорядка (В.С.

Агеев, П.П. Баранов, С.П. Безносов, В.Л. Васильев, А.А. Деркач, О.Ю. Михайлова, А.И. Папкин, В.М. Поздняков, А.М. Столяренко, А.Р. Ратинов, В.Ю. Рыбников).

Противоречие, возникшее между социальным заказом государства по подготовке сотрудников службы судебных приставов высокой профессиональной квалификации, свободных от целевых установок коррумпированного сознания, и реальный дефицит целостных исследований по формированию правосознания судебных приставов тех, кто непосредственно работает в этой отрасли, определило *проблему* настоящего исследования — не просто определить те изменения, которые свойственны каждому человеку, живущему в современных условиях и при динамически меняющихся ценностных ориентирах, но выявить и проанализировать те базовые ценностно-смысловой сферы правосознания сотрудников службы судебных приставов, которые становятся барьером в их успешной самореализации, существенным и значимым препятствием на пути исполнения их профессионального долга.

Рассматривая правосознание как сложный социальный феномен, включающий в себя философские, юридические, социально-политические и моральные аспекты, некоторые авторы раскрывают содержание правосознания как: 1) специфическую функцию особым образом организованной материи человеческого мозга отражать явления правовой действительности и целенаправленно регулировать свое взаимодействие с ней; 2) одной из форм общественного и индивидуального сознания; 3) совокупности правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества к существующему и желаемому праву, к правовым явлениям, к поведению людей в сфере права; 4) компонент правовой действительности, влияющий на эффективность юридической деятельности и формирующий отношение к правовым явлениям в процессе осуществления субъектами своих прав и обязанностей [1].

При этом правомерное поведение при идеальном функционировании правосознания может быть построено по схеме: знание нормы – признание ее социальной ценности – выполнение требований нормы. Однако, в схеме противоправного поведения возможны варианты, когда субъект: а) не знает содержания нормы – не выполняет требования нормы; б) знает содержание нормы – относится к ней отрицательно – не выполняет требования нормы; в) знает содержание нормы – признает ее социальную ценность – не выполняет требования нормы. Соответственно по этим трем вариантам связи правосознания с противоправным поведением можно говорить о трех основных формах дефектности правосознания: правовом инфантилизме, правовом нигилизме (негативизме) и правовой безответственности [2].

В результате формирования элементов функциональной структуры правосознания мы получили высокие показатели: рационального уровня регуляции (правовую подготовку), эмоционального уровня регуляции (ценностное отношение к праву и практике его применения), поведенческого уровня регуляции (правовые установки и ориентации).

В эксперименте, проведенном в процессе служебной и боевой подготовки в подразделениях и службах, а также курсах повышения квалификации в Российской правовой академии Минюста России по специально разработанной программе проверялась эффективность формирования у судебных приставов комплексного компонента – умения действовать в сложных ситуациях служебной деятельности, обусловленного рядом профессиональной структурных элементов подготовки (правовая подготовка критерием профессионально-психологическая подготовка). Основным эффективности профессиональной подготовки судебных приставов является комплексная составляющая умения действовать в сложных ситуациях служебной деятельности, которые обусловлены целым рядом общих требований, которые в широком смысле, безотносительно к видам человеческой деятельности, следует рассматривать как тактику маневрирования тремя составляющими: исходной информацией, тактическими процедурами, средствами данного вида деятельности. Ключевыми исходными понятиями тактики являются следующие [3]: тактическая ситуация, тактическое решение, тактический прием, тактическая комбинация, тактический риск.

Моделирование деятельности судебного пристава осуществлялось на двух типах занятий:

- первый тип занятия, моделирующие различные ситуации обеспечения охраны зданий судов, совещательных комнат и судебных помещений в рабочее время, выполнения распоряжений председателя суда, а также судьи или председательствующего в судебном заседании, связанные с соблюдением порядка в суде, исполнения решений суда и судьи о применении к подсудимому и другим гражданам предусмотренных законом мер процессуального принуждения, поддержания общественного порядка в судебных помещениях, ставящие судебных приставов перед необходимостью учитывать их психолого-педагогические аспекты и формирующих соответствующее умение;
- второй тип занятия, моделирующие экстремальные ситуации риска, опасности, высокой ответственности по предупреждению и пресечению преступлений и правонарушений, выявление нарушителей, а в случае необходимости задержание их, а также осуществление привода лиц, уклоняющихся от явки в суд или к судебному приставу-исполнителю, в ходе которых осуществлялось формирование у судебного пристава психологической устойчивости, умения владеть собой, психологической ориентированности.

Формирование умения действовать в психологически напряженных ситуациях служебной деятельности осуществлялось на занятиях по отработке действий судебными приставами в сложных ситуациях. Эти занятия проводились на полигоне и в учебных аудиториях. Все разыгрываемые на занятиях ситуации можно разделить на три группы:

- первая группа – ситуации, в которых судебным приставам рассказывали о реальных действиях сотрудников в них, а затем им предлагалось выполнить аналогичную задачу с имитацией действий правонарушителей специально подготовленными судебными приставами с «артистическими данными»;

- вторая группа ситуации, перед началом которых судебным приставам давался инструктаж об оперативной обстановке в микрорайоне у здания суда с указанием примет правонарушителей. Затем судебные приставы должны были реализовать полученную информацию в разыгрываемой ситуации;
- третья группа ситуации, в которых судебные приставы не получали полной информации, но должны были принимать решения, исходя из обстановки. Занятия проводились после изучения судебными приставами нормативных документов, регламентирующих служебную деятельность судебного пристава.
- В разыгрываемых ситуациях служебной деятельности судебные приставы экспериментальной группы после прохождения курса обучения обладали лучшими умениями, чем судебные приставы контрольной. Вместе с тем, можно сказать, что в первой группе ситуаций действия судебных приставов были несколько успешнее, чем во второй, а во второй несколько успешнее, чем в третьей.

Оценка судебными приставами занятий по отработке умений довольно высока.

Наиболее полезными, по мнению судебных приставов, были ситуации разбора на месте: при вызывающем поведении правонарушителей, при совершении мелкого хулиганства, при конфликтах с участием двух и более граждан и др.

При анализе первоначальной профессиональной подготовки судебных приставов к службе возможным стало выделение трех уровней сформированности правосознания:

- уровень правосознания начинающего специалиста судебный пристав имеет неустойчивый интерес к профессии, несмотря на то, что осведомлен о роли и месте службы судебных приставов и значимости их в личностном развитии, их функциональных возможностях, имеет навыки выполнения отдельных операций в служебной деятельности, недостаточные для самостоятельного решения задач;
- уровень правосознания специалиста интерес судебного пристава к профессиональной деятельности имеет устойчивый характер, но не простирается за рамки, предусмотренные программой, самостоятельно справляется с типовыми задачами, аналогичными ранее решенным; деятельность в целом репродуктивная;
- уровень правосознания квалифицированного специалиста интерес судебного пристава к профессиональной деятельности устойчивый и глубокий, судебный пристав решает как типовые задачи, так и новые, отличные от решенных ранее, видит возможности новых точек приложения профессиональной подготовленности; в целом деятельность продуктивная.

По оценкам судебных приставов влияние на них оказали:

- наиболее сильное правовая подготовка (38,75%);
- затем боевая и психологическая подготовка (32,34%);
- и на третьем месте внеучебные мероприятия (16,12%).

Первоначальная профессиональная подготовка, по оценкам судебных приставов, оказала наиболее сильное влияние на: а) развитие следующих групп качеств —

психологическую устойчивость (39,26%); профессионально-деловые качества (45,5%); профессионально-психологические умения (30%); б) развитие отдельных качеств – устойчивость к неожиданному, новому, непредвиденному (55%); устойчивость к риску (62%); уверенность в себе (50%); волю (52%); натренированность к действию в сложных условиях (56%); умение мобилизоваться (48%); знание психологии служебной деятельности (49%); профессиональную наблюдательность и память (47%); эмоциональную устойчивость (48%); самообладание (48%); устойчивость к неудачам (41%); склонность к выявлению, оценке и учету субъективных сторон охраны правопорядка (42%).

В целом можно сказать, что выпускники экспериментальной группы проявили более высокий уровень профессионального мастерства в ходе служебной деятельности, а психологическая подготовка судебных приставов, как специальная учебная дисциплина, оказала положительное влияние на формирование и развитие психологической подготовленности судебных приставов, которая является, по нашему мнению, составной частью правосознания и профессионального мастерства сотрудника. Ее высокий уровень является одним из важных факторов для успешного несения службы после прохождения первоначальной подготовки судебными приставами.

Литература:

- 1. Бреднева, В. С. Новое в понимании правосознания. М., 2002.
- 2. *Грошев, А. В.* Уголовный закон и правосознание (теоретические проблемы уголовноправового регулирования). – Екатеринбург, 1994. – С. 61.
- 3. Судебные приставы по обеспечению установленного порядка деятельности судов. Учебно-практическое пособие. М., 2000.

УДК 343.2

СУЩНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ КОРРУПЦИОННОГО ПОДКУПА THE NATURE AND SOCIAL DANGER OF BRIBERY

Гончаренко Г.С., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Ростовский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»

Goncharenko Grigoriy Stepanovitc, PhD, docent, The docent of the chair of criminal, law and procedure Rostov institute, of Law (branch office) Russian academy, of Law Department of Justice Russian, Federation

e-mail: ruyaaanet@mail.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу санкций за получение и дачу взятки, посредничество во взяточничестве, существенно измененных в 2011 году. Анализируются основные признаки коррупции, которые легли в основу криминологической и уголовно-правовой классификации различных видов коррупционных преступлений. Указываются недостатки регламентации наказуемости деяний, пути их устранения.

Annotation: The present article is dedicated to the analysis of sanctions for acceptance and giving bribe, essentially changed in 2011. Features of corruption are analyzed in the article, which formed the basis for the criminological and penal classification of different tipes of corruption offences. Regulation's lacks of punishability are specified and the ways of their elimination are shown.

Ключевые слова: борьба с коррупцией, наказуемость, санкция нормы, дача взятки, получение взятки, коммерческий подкуп, посредничество во взяточничестве коррупция, коррупционная преступность, классификация, коррупционный подкуп, сущность коррупции.

Key words: fight against corruption, punishability, sanction of the rule, acceptance bribe, giving bribe, briber, bribetaker, mediation in bribery, corruption, corruption offences, penal classification, criminological classification, bribery, nature of corruption.

Главная причина коррупции – всевластие бюрократии. Коррупция и бюрократизм в России разрослись до таких масштабов, что стали представлять собою серьезную угрозу национальной безопасности государства. Коррумпированные чиновники и политики в развивающихся странах, в числе которых и Россия, ежегодно получают 20-40 млрд. долларов взяток, подсчитали в Трансперенси Интернешнл. Коррумпированность в России по состоянию на январь 2012 года, по оценке организации, на уровне Коморских Островов, Мавритании, Нигерии, Того и Уганды: 143-е место из 183. В пресс-релизе Центра антикоррупционных исследований и инициатив, в частности, утверждалось: «... никаких

кардинальных изменений не произошло. С коррупцией в нашей стране все как было плохо, так плохо и осталось». Елена Панфилова заявила, что за год в России фактически ничего не поменялось, и добавила, что страны с рейтингом ниже трех баллов следует считать находящимися в зоне очень высокой коррупции.

Причинами этого явились не только просчеты проводимых реформ и борьба между старой и нарождающейся общественной элитой. Серьезному отставанию в модернизации способствовало возникновение и развитие в российском обществе ряда крайне социально опасных явлений и, в первую очередь, коррупции, которая буквально захлестнула формирующуюся российскую систему государственных органов управления, деформировала не только ее структуру, но и «кадровый ресурс». Это привело к созданию слабого, малоэффективного механизма государственного управления, власть которого стала средством удовлетворения личных и клановых интересов отдельных групп государственных служащих, произошло их сращивание, как с представителями бизнеса, так и с организованной преступностью.

Что такое коррупция на практике знают все, более того, она стала неотъемлемой частью нашей жизни. А вот как бороться с этим явлением до сих пор нет идеального рецепта. О существовании мер противодействия коррупции и взяточничеству известно еще из работ Цицерона: «Взяточники должны трепетать, если они наворовали, лишь, сколько нужно для них самих. Когда же они награбили достаточно, чтобы поделиться, то им нечего более бояться» [1]. Высокая общественная опасность коррупции обусловлена тем, что она подрывает авторитет власти, дискредитирует ее в глазах общества. Действующая уголовноправовая политика оставляет нерешенными многие вопросы, касающиеся подкупапродажности. Более того, указанная проблема дополняется межотраслевыми коллизиями в российском законодательстве [2].

Так, Федеральный закон от 4 мая 2011 года № 97-Ф3[3] существенным образом изменил наказуемость взяточничества и неразрывно связанных с ним коррупционных преступлений в России. Статьи Уголовного кодекса Российской Федерации о получении и даче взятки, а также незаконной передачи и получения коммерческого подкупа помимо новой редакции описания деяний обрели модернизированные санкции. А в главу 30 введена новая норма об ответственности за посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ). Судя по «скорости» принятия изменений и заявлениям ряда политических деятелей, новация кодекса продиктована принципиальными задачами государства, отмеченными в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 30 ноября 2010 года, в Национальной стратегии противодействия коррупции, и нацелена на нейтрализацию одной из наиболее опасных системных угроз безопасности страны – коррупции. Тем не менее, реализация законодателем антикоррупционных идей оставляет желать лучшего. Анализ нововведений в части наказуемости подкупа-продажности и сопутствующих ему действий показывает непоследовательность, бессистемность и алогичность предпринятых мер.

Анализируя норму об ответственности за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 204 УК РФ в редакции Закона № 97-ФЗ, можно обратить внимание на то, что максимальное

наказание за это деяние осталось прежним – семь лет лишения свободы. В то же время максимальное наказание за схожее коррупционное преступление – получение взятки с простым составом (ч. 1 ст. 290 УК РФ) – стало еще меньше и составило три года лишения свободы. Но даже квалифицированный состав – получение взятки в значительном размере (ч. 2 ст. 290 УК РФ), теперь влечет менее строгое наказание в виде лишения свободы (до шести лет), чем коммерческий подкуп с простым составом. И только получение взятки за незаконные действия в соответствии с ч. 3 ст. 290 УК РФ влечет наказание, максимальный срок которого равен семи годам. Хотя следует заметить, что коммерческий подкуп с аналогичным признаком его получения за незаконные действия образует уже квалифицированный состав и влечет наказание в виде лишения свободы на срок до 12 лет.

Видимо такая заметная разница в наказаниях объясняется даже не столько переоценкой законодателем соотношения общественной опасности этих преступлений, сколько оставлением без должного внимания вопросов концепции уголовно-правовой политики по дифференциации наказания. Более того, наказание за получение взятки закреплены в шести частях статьи 290 УК РФ. Пределы дифференциации наказания за коммерческий подкуп ограничены лишь двумя частями статьи 204 УК РФ. К тому же, в данной статье не предусмотрены различные границы наказания в зависимости от размера предмета коммерческого подкупа, в то время как в статье 290 УК РФ выделены: значительный, крупный и особо крупный.

Если допустить, что законодатель, оставляя в статье 204 УК РФ лишь простой и квалифицированный составы незаконного получения предмета коммерческого подкупа, предусмотрел в них все возможные обстоятельства совершения этого преступления, а общественную опасность оценил в санкциях «с запасом», тогда почему он оставил без изменения пункт 2 Примечания к статье 201 УК РФ, устанавливающего уголовную ответственность для лиц, причинивших ущерб коммерческой организации, только по заявлению этой организации или с ее согласия?

Это, видимо, означает, что предусматривая в одной 290 статье УК РФ шесть разновидностей одного и того же состава преступления, а в другой – 204 УК РФ, объединяя самостоятельные составы преступления, законодатель умышленно концептуальных положений уголовной политики. Более того, можно ли утверждать, что степень общественной опасности получения взятки группой предварительному сговору (п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ) существенно выше степени общественной опасности совершения того же преступления лицом, занимающим государственную должность в Российской Федерации (ч. 4 ст. 290 УК РФ). Видимо, нет, поскольку групповое получение взятки может быть менее опасным деянием, чем получение взятки указанным лицом [4].

Существующие противоречия, а порой и не понимания вызывают обличенные в Закон решения законодателя. Для примера остановимся на вновь введенной норме — статье 291.1 УК РФ «Посредничество во взяточничестве». Само взяточничество как итог коррупционной

сделки, посягающее на нормальную деятельность публичного аппарата управления, в любых формах коррупционных проявлений всегда находится в генетическом единстве с дачей взятки и в известной степени с посредничеством во взяточничестве. Оценить соотношение опасности дачи взятки и посредничества во взяточничестве сложно. Резонно предполагать, что взяткодатель - более опасная фигура, чем посредник, поскольку сама взятка без него нереальна. С другой стороны, в определенных случаях криминальная сделка не может состояться без посредника. Но наказание в виде лишения свободы за преступление, предусмотренное ст. 291.1 УК РФ является суровым. Например, посредничество во взяточничестве с простым составом влечет наказание до пяти лет лишения свободы, а само получение взятки, в соответствии с ч. 1 ст. 290 УК РФ, оценивается гораздо мягче – за него предусматривается максимальное наказание три года лишения свободы. Следовательно, общественная опасность деяний посредника оценивается выше, чем взяткополучателя(!). Получение взятки в значительном размере наказывается строже, чем посредничество во взяточничестве, которое, в свою очередь, строже дачи взятки. По ч. 2 ст. 290 УК РФ взяткополучатель может быть осужден к лишению свободы на срок до шести лет со штрафом в размере 30-кратной суммы взятки, посредник же по ч. 1 ст. 291.1 УК РФ – к лишению свободы на срок до пяти лет со штрафом в размере 20-кратной суммы взятки, а виновный по ч. 2 ст. 291 УК РФ – к лишению свободы на срок до трех лет со штрафом в размере 15-кратной суммы взятки.

А вот за незаконные действия (бездействие) ситуация иная: санкции за получение взятки и за посредничество во взяточничестве практически равны, но ниже в максимальном пределе в сравнении с санкцией за дачу взятки. По ч. 3 ст. 290 и по ч. 2 ст. 291.1 УК РФ виновный может быть осужден к лишению свободы на срок от трех до семи лет со штрафом, а по ч. 3 ст. 291 УК РФ – до восьми лет и также со штрафом.

Санкции за получение взятки и за посредничество во взяточничестве в крупном размере по-прежнему уравниваются, но уже выше санкции за дачу взятки. Так по ч. 5 ст. 290 и по ч. 3 ст. 291.1 УК РФ виновный может быть осужден к лишению свободы на срок от семи до двенадцати лет со штрафом в размере 60-кратной суммы взятки, а по ч. 4 ст. 291 УК РФ – от пяти до десяти лет с таким же штрафом.

Получение-дачу взятки в особо крупном размере законодатель признал наиболее опасным деянием, в то время как уравнял в опасности дачу взятки и посредничество во взяточничестве. По ч. 6 ст. 290 УК РФ виновный может быть осужден к лишению свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере 70-кратной суммы взятки, а по ч. 5 ст. 291 и по ч. 4 ст. 291.1 УК РФ – от семи до двенадцати лет с таким же штрафом.

И уж никак не объяснимо с научной точки зрения введенное законодателем максимальное наказание по ч. 5 ст. 291.1 УК РФ за обещание или предложение посредничества во взяточничестве. Оно больше, чем за получение и дачу взятки по ч. Ч. 1 и 2 ст. 290 и 291 УК РФ и составляет семь лет лишения свободы с фиксированными пределами штрафа в размере от 25 тыс. рублей до 500 млн. рублей. Однако данное исчисление штрафа идет в разрез с положениями Общей части УК РФ. При этом данный состав не является

квалифицированным по отношению к составам преступлений, предусмотренным частями 1 – 4 ст. 291.1 УК РФ.

Трудно надеяться на высокую эффективность уголовно-правовой политики при таком хаотичном изменении наказуемости коррупционных преступлений. Становятся видны и «лазейки» для ухода от должной ответственности за содеянное. Например, изобличенному посреднику во взяточничестве в значительном или крупном размере выгоднее утверждать, что он является взяткодателем в пользу другого, представляемого им по знакомству, дружбе или родству лица, то есть реального взяткодателя. В этом случае санкции за дачу взятки ниже.

Таким образом, дифференциация ответственности, произведенная в статьях 290, 291, 291.1, 204 УК РФ, предусматривающих ответственность за взяточничество и коммерческий подкуп, должна быть пересмотрена с учетом имеющихся достижений в науке уголовного права. Ведь из года в год заметное количество фигурантов, привлеченных к уголовной ответственности, составляют учителя, врачи, работники жилищно-эксплуатационных организаций, другие чиновники «средней руки», имеющие разрешительные полномочия. Попрежнему активность правоприменительных органов ограничивается борьбой с «низовой» коррупцией, а коррупция на высшем уровне власти остается практически недосягаемой, поскольку работа не только правоохранительных органов, но и всего государства в этом направлении не поставлена еще на системную основу.

В суды направляется примерно каждое пятое уголовное дело на выявленных взяточников, а приговаривается к реальной мере наказания только каждый третий. Показательно, что с момента вступления в силу Федерального закона № 97-ФЗ, в числе привлеченных к уголовной ответственности за получение взятки на долю руководящих должностных лиц приходится менее 15%. А вот количество осужденных за дачу взятки, как и в предыдущие годы, превышает количество осужденных за ее получение. Уголовные дела, возбужденные по ст. 291.1 УК РФ, составляют менее 10% от общего количества возбужденных уголовных дел о взяточничестве.

К сожалению, провести глубокий анализ эффективности введенных Законом № 97-ФЗ ужесточающих санкций по итогам 9 месяцев 2012 года не представляется возможным. Но предварительные статистические данные, заключения ученых и практиков свидетельствуют об «осторожном» применении этих норм. В тоже время, несмотря на тысячи выявленных фактов взяточничества и коммерческого подкупа, их количественная характеристика неадекватна реальной криминальной ситуации, поскольку основная часть этих преступлений остается латентной и порождает социально-негативную атмосферу безнаказанности и даже «обыденности» использования подкупа в широком смысле этого понятия при разрешении всех вопросов.

Исходя из того, что доля преступлений, связанных с подкупом-продажностью (ст. ст. 290, 291, 291.1, 204 УК РФ), преобладает в общей структуре коррупционной преступности, а коррупционная составляющая (собственно взяточничество, подкуп) образует их сущность,

автор, классифицируя все коррупционные преступления на «собственно коррупционные», «частично коррупционные», и «сопутствующие коррупционным», особое внимание уделяет «собственно коррупционным», в объективной стороне состава преступления которых присутствует взятка — подкуп. Именно эти преступления, отражающие сущность коррупционной преступности, имеют единую уголовно-правовую и криминологическую основу, а, следовательно, требуют своей интеграции в единый правовой институт, обозначаемый автором как «коррупционный подкуп». Само понятие «коррупционного подкупа» подчеркивает особую общественную опасность подкупа, как наиболее яркого проявления коррупционной преступности.

Объединяя в этом понятии схожие по своей сути такие составы преступлений, как взятка, коммерческий и иные виды подкупа, автор предлагает модель новой уголовноправовой нормы с раскрытием ее уголовно-правовой и криминологической сущности, в которой учитываются, с одной стороны, одинаковые черты этих преступлений, а с другой – особенности, характерные для каждого из этих составов. При этом сознательно «подтягивается» общественная опасность коммерческого и иных видов подкупа до уровня взятки, так как очевидно, что их коррупционная суть по существу одинакова.

Следовательно, реализация понятия коррупционного подкупа в уголовном праве предлагается путем внесения следующих изменений в особенную часть Уголовного кодекса РФ: исключить статьи 184, 204 УК РФ, изменить название главы 30 УК РФ на «Коррупционные преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», а статьи 290, 291, 291.1 УК РФ изложить следующим образом: статья 290 УК РФ «Получение коррупционного подкупа», статья 291 УК РФ «Передача коррупционного подкупа», статья 291.1 УК РФ «Посредничество в коррупционном подкупе». Изменить также редакцию статьи 304 УК РФ, назвав ее: «Провокация коррупционного подкупа».

Таким образом, анализируя новации в уголовном законодательстве в области противодействия коррупции, автор приходит к выводу, что введение новых норм на сегодня в принципе обосновано, но скорее в политическом, нежели криминологическом плане. К сожалению, отсутствие в последнее время научного обоснования законодательных инициатив и игнорирование законодателем позиций научного сообщества приводит к явным и системным сбоям законодательной техники, что способно вызвать определенные сложности в правоприменительной практике.

Литература

- 1. <a href="http://citatus.ucoz.ru/publ/istochniki/ciceron/vzjatochniki dolzhny trepetat esli oni navoro vali lish skolko nuzhno dlja nikh samikh kogda zhe oni nagrabili dostatochno dlja to go chtoby podelit/3-1-0-3
- 2. Капинус О. Изменения в законодательстве о должностных преступлениях: вопросы квалификации и освобождения взяткодателя от ответственности // Уголовное право. М., 2011. №2. С. 24.

- Федеральный закон от 4 мая 2011 года № 97-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2714.
- 4. Кругликов Л.Л. Уголовное право России. Часть Общая: учебник. М.: Проспект, 2012. 568 с.

УДК 340.11

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ТРУДНОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ЕДИНОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ CONCEPTUAL DIFFICULTIES OF CONSTRUCTING A SINGLE LEGAL SPACE IN MODERN RUSSIA

Грачев В.Д., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Ростовский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»

Grachev V.D., The Doctor of Philosophy, the professor, the professor of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Chair, Rostov-on-Don, Rostov Legal Institute (the Branch of Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation)

e-mail: tdon55@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется теоретические и методологические трудности осмысления проблемы построения единого правового пространства в современной России.

Annotation: The article examines the theoretical and methodological difficulties of understanding the problem of building a unity of the legal space in Russia

Ключевые слова: типы правопонимания, ментальность, способы построения социальности.

Keywords: the types of Legal Comprehension, mentality, the ways build of sociality

В данной статье речь пойдёт о трёх концептуальных проблемах, без учёта которых создание единого правового пространства в России представляется весьма затруднительным.

Первая проблема. Соотнесение типов правопонимания и способов построения социальности в организации целостности правовой системы.

Вторая проблема. Этнонациональная ментальность и её влияние на функционирование правовой системы как единого целого.

Третья проблема. Феномен темпоральности и его роль в создании единого правового пространства в современной России.

В такой же последовательности и рассмотрим суть и содержание обозначенных проблем.

<u>Первое.</u> Целостность правового пространства любого государства (и Россия здесь не является исключением, несмотря на её самобытность) во многом зависти от способов построения социальности и понимания сути самого права.

Сегодня в теории мы наблюдаем какофонию в понимание права. «Право – это совокупность норм и правил, создаваемых государством...», «Право – возведенная в закон

воля правящего класса», «Право – это узаконенные нормы морали», «Право – это воля демиурга» и т.д. Это лишь некоторые из множества утверждений или отрицаний, касающихся природы права, и некоторые из них вступают в конфликт с устоявшимися убеждениями и даже с обыденным миропониманием (легизм в Китае, например).

Но такой разнобой в понимании права среди учёных – явление естественное и в основном положительное, так как таким способом мы приближаемся к пониманию сути права. Но то, что допустимо и приветствуется на теоретическом уровне, совсем иначе выглядит в других местах.

Как замечал Михаил Афанасьевич Булгаков словами профессора Преображенского в «Собачьем сердце»: «Разруха не на улицах, разруха в головах». Понимание сути права, его роли при внедрении в ткань социальной реальности России наталкивается на немалые ограничения с этим связанные. Мало того, что право трудно определяемо в теории, оно ещё оказывается соотнесённым с типом общества, которое или уже построено и функционирует, или же пока ещё декларируется.

Рассмотрим это на примере связи права с типами социальности. В некоторых обществах (при определённых обстоятельствах) доминирующая группа может видеть в людях только объекты эксплуатации и игнорировать их человеческое достоинство. Так Гекльберри Финн, один из главных персонажей писателя Марка Твена, когда его спросили о том, не причинил ли кому-нибудь вреда взрыв парового котла на корабле, ответил: «Нет, мэм. Убило ниггера». Замечание тетушки Салли: «Да, повезло, потому что иногда бывают человеческие жертвы» — четко выражает мораль и право часто преобладавшую в некоторые периоды развития человечества. Однако перейдём к специфике России.

В России наличествует немалая разница в понимании сути права юристамипрофессионалами, «цивилизацией» и «почвой». По терминологии В.О. Ключевского.
«Почва» – это уклад, основные черты которого сложились в условиях Московского царства.
С ним была связана основная масса населения. «Цивилизация» – это уклад западного типа.
Его выражала профессиональная интеллигенция и лица, связанные с промышленным производством.

Между «почвой» и «цивилизацией» была пропасть. Пропасть в доходах. Пропасть в культурных предпочтениях. Пропасть в языке. «Почва» говорила на русском, «цивилизация» – на французском. Эта расколотость России, противостояние двух культур сохраняется до сих пор, с тем небольшим и весьма несущественным в данном контексте отличием, что «почва» продолжает говорить на русском, а «цивилизация» перешла с французского языка на английский. «Цивилизация» как бы «не замечает» право, «почва» тоже, заменяя в содержательном смысле право словом правда.

Мы, с точки зрения обеспечения единства правового пространства, попали в очень непростую ситуацию. Одно дело, когда право «заточено» под диктатуру пролетариата, либо под монархический строй, и совсем другое дело, когда мы сами не можем определиться ни с

типом социальности внутри нашей страны, ни с положением её на сложившемся геополитическом пространстве современного и быстро меняющегося мира.

Эту ситуацию неопределённости четко подметил В.Б. Пастухов: «У современного русского человека ответ на вопрос, в каком обществе он живёт, неизменно вызывает затруднения. Уже не социализм, но еще не капитализм. Вроде бы не тоталитаризм, но уж точно не демократия. Россия откуда-то вышла, да так никуда и не пришла. Россия – символ сюрреализма. Русский народ живет в "посткоммунизме", т.е. после коммунизма, которого так никогда и не было» [1].

Ему вторит И.К. Пантин: «В результате мы сегодня имеем государство, управленческий аппарат которого, включая правоохранительные органы, выведен за рамки ответственности перед гражданами, государство, чьи чиновники, выборные и невыборные, могут позволять себе (и позволяют) открыто лоббировать частные интересы в ущерб общественным, и наконец, государство, где право и законность применяются выборочно, в зависимости от "целесообразности", которую определяют центральные и местные органы, "влиятельные" люди и т.п.» [2].

Право в России (по мнению того же Пастухова) сохранилось как видимость. «Формально оно существует (действуют десятки тысяч норм, работают правоохранительные органы и даже тюрьмы). Но оно существует только для тех, у кого нет ресурсов его преодолеть. Право утратило свое главное качество – всеобщность. Оно стало избирательным, применяемым по обстоятельствам: к кому-то предъявляются все существующие и даже несуществующие требования, а кто-то освобождается от всякой ответственности. Именно этот феномен, названный "селективной юстицией", является сутью, системообразующим блоком, краеугольным камнем нового средневековья. Право стало по-настоящему "частным" в том смысле, что оно теперь принадлежит исключительно частным лицам. Гибель русского права удерживает сегодня русское общество в историческом колодце, не дает ему подняться "со дна"» [3].

Исходя из этих обстоятельств, возникает феномен под названием «спираль молчания» [4]. Суть этого феномена состоит в следующем: люди, придерживаясь определённых взглядов и боясь оказаться в меньшинстве (поскольку их страшит изоляция), присоединяются к большинству, не изменяя своих мыслей. Взгляды одной лишь части нации казались мнением всех и именно это вводит заблуждение как раз тех, кто был источником этой иллюзии большинства.

Как пример разрыва в реальном понимании состоянии прав человека — ситуация в Совет по правам человека при Президенте РФ (СПЧ). От кого, или от чего должен защищать СПЧ человека? Как ни странно, но по большей части от государства и его чиновничьего аппарата. Соответствующим указом создана видимость большинства, но и даже там нет «единства правового пространства». Более 10 человек (из 40) или уже покинули СПЧ, или заявили об этом. Вот несколько высказываний его членов.

«Сейчас легче уйти, чем остаться. Деятельность Совета невысоко оценивается как властью, так и обществом», – пояснил генеральный директор Центра этнополитических и региональных исследований Эмиль Паин.

«Мне там присутствовать в качестве декорации, никакого интереса нет. Может, кто-то сможет сделать больше, лучше, я ему желаю только удачи», – заявляет Дмитрий Орешкин.

Глава СПЧ Михаил Федотов обещает сложить полномочия, если уйдёт больше 20 человек, то есть более половины членов [5].

Сегодня в России де-факто мы может отчетливо наблюдать три слоя в правопонимании:

Первый слой – теоретический, который представлен различными соперничающими юридическими школами и направлениями.

Второй слой формируется представителями «цивилизации». Для них право — это «видимость». Они понимают, и использую право как средство решения своих политических, экономических или иных проблем не более. Право им нужно как закон.

Третий слой в правопонимании (самый многочисленный) — это «почва». Здесь право понимается как правда, и это понимание сути права, и его роли в обществе существенно отличается от первых двух («Закон — что дышло, куда повернул туда и вышло»).

При таком разнобое в понимании сути права и ещё более в разнобое в понимании его роли в реальных условиях современной России, говорить о построении единого правового пространства весьма затруднительно.

<u>Второе.</u> Этнонациональная ментальность и её влияние на функционирование правовой системы как единого целого.

Много копий сломано, и, думается, ещё будет сломано по этой проблеме. В самом широком смысле это связано с общей проблемой культурного заимствования.

Применительно к России суть этой проблемы можно выразить следующим образом: «Широки натуры, русские / Нашей правды идеал / Не влезает в нормы узкие / Юридических начал» — эти слова российского поэта XIX века Бориса Николаевича Алмазова можно взять эпиграфом к этой непростой задаче.

К сожалению, сегодня с этих позиций мы можем наблюдать определенный драматизм в построении единого правового пространства в нашей стране. Суть этого драматизма образно, но метко сформулирована Дж. Риверсом в его «Школе для животных».

«Однажды животные решили, что должны совершить что-нибудь героическое, чтобы достойно решать проблемы «нового мира». И организовали школу. Составили программу занятий, которая состояла из бега, лазанья, плавания и полета. Чтобы было легче контролировать выполнение программы, она была одинаковой для всех животных.

Утка отлично преуспевала в плавании, даже лучше своего наставника, но у нее были посредственные оценки за полет и еще хуже – за бег.

Кролик сначала был лучшим в классе по бегу, но у него случился нервный срыв из-за того, что нужно было так много наверстывать в плавании.

Орел вообще оказался трудным учеником, и его постоянно строго наказывали. На занятиях по лазанью он первым добирался до вершины дерева, но упорно делал это посвоему.

В конце года аномальный лось, который умел отлично плавать, а также бегал, лазал и немного летал, получил самые высокие средние оценки и выступал на выпускном вечере от имени своего класса» [6].

При построении единого правового пространства мы, говоря словами Д. Риверса, похожи на аномального лося. Мы «хватаем» и тащим из различных правовых систем всё, что мнению организаторов реформ, мало-мальски подходит для России, вместо того, чтобы строить правовую систему на собственной этнонациональной матрице. Результат нам всем известен.

И здесь во весь рост встаёт проблема правовой ментальности. Именно ментальность – основа правосознания, которое, в свою очередь, можно определить как понятие народа о справедливости, базирующееся на его историческом опыте. Оно формируется не только под влиянием правовой действительности, но и на основе опыта предшествующих поколений, на основе исторической традиции понимания права и его роли в обществе.

Исторически сложилось так, что большинство задач, стоявших перед властью в России, решалось с помощью сильной и ничем не ограниченной власти. Как правило, человек жертвовал своими личными правами во имя существования государства. На протяжении веков все права были у верховной власти, а подданные имели только обязанности. Эти обстоятельства приводили народ к мысли о том, что право есть нечто внешнее, ненужное, легко изменяющееся в угоду власти, зависимое от желаний чиновника. Народ привык, что не право защищает его от власти, а что власть использует право против него, для его подавления и проведения не всегда понятных народу программ.

И как следствие. Само право теряет своё значение, поскольку, во-первых, важен лишь вопрос, у кого в данный момент находится реальная власть, и, во-вторых, потому, что реформаторы пытаются привить российской действительности чуждые ей правовые нормы.

В настоящий момент основной проблемой являются осознание цели модернизации, выработка её стройной концепции. Отсутствие единой концепции реформ приводят к возникновению целого ряда деформаций, как в способах проведения реформ, так и в их результатах.

На наш взгляд, возникновению деформаций способствует уверенность реформаторов в том, что западные модели, будь то технология, право, или способ построения политической системы, являются культурно нейтральными, могут заимствоваться готовыми и переноситься на любую почву. Однако они забывают, что такой почвой является культура (в том числе и правовая культура), выступающая в качестве своего рода инстанции, которая узаконивает, легитимизирует те или иные инновации. Мало того, правовая культура — как определенная традиция, способная тормозить определенные новации, если они не соответствуют её архетипам.

Правовая идея, родившаяся на основе иной правовой культуры, воплощенная в свою материальную форму (закон) людьми, воспитанными в ином обществе, на основе иных традиции, зачастую противоположных традициям страны, где эта идея возникла, приводит к рождению неработающих законов (борьба с пьянством, или противодействие коррупции). Пить меньше не стали, а средний размер взятки с начала провозглашения противодействия коррупции вырос!

Объективно же попытки заимствовать отдельные правовые институты с Запада (но почему-то не с Востока) приводят к тому, что западные правовые идеи на чуждой им почве, даже если они приживаются, начинают играть в социально-культурном механизме иную, подчас даже противоположную роль, чем в западных обществах. Как говорил Виктор Степанович Черномырдин: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Не имея высокоэффективной экономики, не обладая общей сплачивающей национальной идеей и, как следствие, приемлемой идеологией, обладая гипертрофированным социальным расслоением, имея очень большие проблемы в сфере национальной (этнической) политики мы, тем не менее, декларируем построение единого правового государства.

<u>Третье.</u> Феномен темпоральности и его роль в создании единого правового пространства в современной России.

Справка. Темпоральность (от англ. tempora – временные особенности) – временная сущность явлений, порожденная динамикой их особенного движения, в отличие от тех временных характеристик, которые определяются отношением движения данного явления к историческим, астрономическим, биологическим, физическим и другим временным координатам.

Ныне исследователи достаточно четко различают физическое, историческое, социальное и индивидуальное времена. Есть достаточно чёткое понимание того, что время само неоднородно, и что скорость его течения связана с наполненностью пространства предметами, процессами, событиями.

Для иллюстрации мысли о несовпадении физического, социального и индивидуального времени обратимся к классику русской поэзии А.С. Пушкину.

Хоть тяжело подчас в ней бремя, Телега на ходу легка; Ямщик лихой, седое время, Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу; Мы рады голову сломать И, презирая лень и негу, Кричим: пошел! ... Но в полдень нет уж той отваги; Порастрясло нас; нам страшней И косогоры и овраги; Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега; Под вечер мы привыкли к ней И, дремля, едем до ночлега — А время гонит лошадей [7].

Отсюда возникает временное пристрастие — одно общество живет прошлым, другое может быть поглощено будущим. Каждая культура и личность мыслит в терминах временных горизонтов. Такое мышление — источник социальных и экономических трений, но оно же и придаёт специфику построения правовой системы и задаёт границы её целостности в общей системе культуры.

Этносы живут во многом в своем историческом и социальном времени. Мало того, само право, а точнее его отрасли, с точки зрения темпоральности развиваются неравномерно. Сравните: Конституционное право или финансовое право.

Именно отсюда вытекает третья концептуальная трудность и, как следствие, сложность обеспечения единого правового пространства – осуществить гармонизацию права по временн**ы**м параметрам, в котором бы историческое, социальное и индивидуальные времена были бы в единстве (в средние века это называлось свершением времен). Ибо не представляется возможным построение единого правового пространства без гармонизации времени. Это онтологически невозможно.

В заключение следует остановиться на некоторых принципах обеспечения единства правового пространства в современной России:

- 1) Преемственность. Это, пожалуй, самое трудное для российских реформаторов попытаться не отвергать всё наработанное предыдущими поколениями в сфере обеспечения единства правового пространства государства российского, стараться усвоить всё полезное, что было разработано в прошлом, и при этом избегать ошибок предшественников. Не действовать по принципу «модернизация ради модернизации и любой ценой».
- 2) Комплексность правовой реформы, которая предполагает как наличие концепции правовой реформы исходя из типа социальности, так и соблюдение порядка её проведения, определение тех основных отраслей права, изменение которых вызовет необходимость изменения остальных отраслей. Такой подход позволит обеспечить целостность правового регулирования и устранит неувязки и противоречия между этими отраслями.
- 3) Уменьшение числа подзаконных нормативных актов. Для этого необходимо до оптимального минимума сократить сферу правового регулирования, исключить возможность исполнительных органов с пользой для себя исправлять ошибки и восполнять пробелы,

допущенные законодателем, путем правоустанавливающего регулирования.

4) Учет изменений, возникающих в правовой теории в стране и за ее пределами. Критическое отслеживание новшеств в теории права позволит учесть чужие ошибки и не оставаться в стороне от некоторых полезных тенденций.

Литература

- 1. См.: Пастухов В.Б. Тёмный век. Посткоммунизм как «черная дыра» русской истории // Политические исследования. 2007. №3.
- 2. См.: Пантин И.К. Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего // Политические исследования. 2007. №6.
- 3. См.: Пастухов В.Б. Тёмный век. Посткоммунизм как «черная дыра» русской истории // Политические исследования. 2007. №3.
- 4. Уже в 1856 г. в опубликованной А. де Токвилем истории Французской революции можно найти точное описание динамики воздействия «спирали молчания».
 - 5. Cm.: http://www.bbcrussian.com
- 6. См.: Ямбург Е. Стандарты образования выгодны только аномальным лосям // Известия. -2004.-28 августа.
 - 7. Пушкин А.С. Телега жизни // Избранные сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 220.

УДК 66.2

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИИ POLITICAL AND LEGAL ASPECTS OF CORRUPTION COUNTERACTION IN RUSSIA

Джангазиев Т. Ш., магистрант, Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ЮРИФ РАНХиГС)

Dzhangaziev T.Sh., competitor for master's degree, the South Russian institute – branch of the Russian academy of national economy and state service under President of Russian Federation

e-mail: svivk@yandex.ru

Аннотация: Рассмотрены исторические этапы появления коррупции в России, государственные политико-правовые меры противодействия коррупции.

Annotation: historical stages of corruption appearance in Russia, state political and legal measures of corruption counteraction are considered.

Ключевые слова и словосочетания: коррупция, государственное управление, противодействие коррупции.

Key words: corruption, public management, corruption counteraction.

Коррупция как преступление существовала в разных культурах с древних веков и осуждалась всеми мировыми религиями и школами духовной мысли. Библия гласит: «Проклят, кто берет подкуп, чтоб убить душу и пролить кровь невинную! И весь народ скажет: Аминь!» [1]. Истинные мусульмане верят, что «Дающий взятку и берущий взятку оба окажутся в адском пламени» [2]. В священной книге иудеев Торе сказано: «Не извращай закона... и не бери даров; ибо дары ослепляют глаза мудрых и превращают дело правых» [3]. С далеких времен человечество мечтало построить здоровое развивающееся общество и дать четкие определения коррупции как социального феномена. Макиавелли сравнивал коррупцию с чахоткой, призывал выявлять эту болезнь общества на ранних стадиях развития и находить методы лечения.

В России в конце IX-начале X вв. происходит зарождение «легальной» коррупции: возникает институт «кормления» — направление князем своих воевод в провинцию без денежного содержания. Считалось, что население обязано «кормить» наместника. Часть собранных подношений отправлялась в казну. К XV в. коррупция приняла уже системный характер. Если чиновник выполнял за подношение определенные действия в рамках своих обязанностей, не нарушая закона, это называлось «мздоимство» и воспринималось как

норма. Если же чиновник действовал, нарушая закон, то это уже называлось «лихоимством» и могло быть наказано. Такая система «кормления» создавала препятствия для нормального функционирования государственного аппарата и официально была отменена Иваном Грозным в 1556 г. Но, похоже, традиция жить и богатеть за счет народа сохранилась в менталитете чиновников и по сей день.

Уголовным преступлением взяточничество было признано в период царствования Ивана IV. В Судебнике 1550 г. детально прописывалось, за какие действия (например, подложный протокол, составленный дьяком) предусматривались наказания в виде тюремного заключения или штрафа. В Соборном Уложении 1649 г. уже предусматривались такие наказания, как снятие с должности, наказание кнутом, отсечение руки и другие. В период становления российской бюрократии в XVI-XVII вв. появилось понятие «почесть» – форма добровольно-принудительного подношения как выражение уважения к должностному лицу. Этот обычай сохранился и поныне. Но «почести» в допетровские времена имели градацию. Если челобитчик оказывал «почесть» в виде подношения заранее для более успешного ведения дела или его ускорения, то такая «почесть» не преследовалась законом. Если же «посул» был получен за нарушение закона, то это считалось взяткой в современном ее понимании. Необходимо отметить, что сущность «почести» в системе государственной службы в то время состояла не в материальной ценности подносимого, а в оказании почтения одариваемому.

Разрушение государственной системы коррупцией во времена Петра I достигло таких масштабов, что царь-император был вынужден активно с нею бороться. Одним из первых Указов Петр I пытался ввести борьбу с коррупцией в правовое поле. Указ от 30 января 1701 г. носил разоблачительный характер, содержал угрозы в адрес корыстолюбивых чиновников, делалась попытка навести порядок в бюрократической системе государственной службы. В декабре 1714 г. Петр I издал указ «О воспрещении взяток и посулов», в котором он вводил поместное фиксированное обеспечение чиновников и повышал их жалование. Взятка в любой форме стала считаться преступлением. Было окончательно покончено с системой кормлений, но незаконные поборы не прекратились. Позднее императрица Екатерина II, Александр I и другие государи продолжили политику Петра I, но нехватка государственных средств привела к частичному возврату к «кормлению», когда часть канцелярских служащих работала без жалования с правом «брать акциденцию от дел», т.е. плату с населения за оказываемые государственные услуги. Лишь в конце XVIII в. это правило было отменено. В дальнейшем лихоимство стало повсеместным, и государство не в силах было что-то изменить. Императрица Елизавета Петровна возмущалась: «Ненасытная жажда корысти дошла до того, что некоторые места, учреждаемые для правосудия, сделались торжищем, лихоимство и пристрастие - предводительством судей, а потворство и пристрастие одобрением беззаконникам». Развитие капитализма в России способствовало новому витку развития коррупции и борьбы с нею государственной власти. Об этом говорят многочисленные указы и законы, в которых содержатся статьи и меры по пресечению

коррупционных преступлений. О распространенности взяточничества свидетельствуют и литературные источники. Так, один из героев фонвизинской комедии «Бригадир» (1769) убежден, что взятки – непременный атрибут государственной службы: «Как решить дело даром за одно свое жалование? Этого мы как родились и не слыхивали! Это против натуры человеческой...». «Воруют» – характеризовал происходящее в России историк Н.М.Карамзин.

Так сложилось русская культура, что обычай в ней всегда преобладал над законом. Обычай подношения хозяину, начальнику был естественным и закрепился в массовом сознании. Традиция подарков переносилась на взаимоотношения с властью, и люди приносили подношения, не рассматривая их как взятку, а именно как подарок, что развращало чиновников, несмотря на страх разоблачения. Бесконтрольность чиновников, их низкий нравственный и образовательный уровень, забюрократизированность решения вопросов привели в XIX в. к расцвету взяточничества и казнокрадства. Говорят, что император Николай I сказал в сердцах своему сыну Александру после обнаруженных тотальных хищений во время Крымской войны: «Мне кажется, что во всей России только ты и я не воруем».

С укреплением в России капиталистического социально-экономического уклада появились и новые формы коррупции. Эффективным средством коррумпирования крупных правительственных чиновников для российских предпринимателей стало их привлечение к учреждению акционерных обществ, предложение им должностей в советах и управлениях фирм. Таким образом происходило сращивание бизнеса и власти. Как видно, нынешний симбиоз промышленной и финансовой олигархии и представителей правительственной бюрократии не является «ноу-хау» современной России. При этом отношение в обществе к взяточникам и казнокрадам было более чем терпимым. Кто много «получал», тот и почитался, тот же, кто был честным, жил на одно жалование, занимал низкое место в общественном мнении. Чиновник «берущий» был более удобен, чем «правильный».

К концу 1850-х годов государство встало перед необходимостью навести хотя бы какой-то порядок в государственном управлении. Были осуществлены действенные меры по пресечению злоупотреблений. Например, граф М.Н.Муравьев, назначенный в 1857 г. министром государственных имуществ, осуществил ревизии палат государственных имуществ. И были такие палаты, состав которых после ревизии изгонялся им в полном составе. Заперев двери и положив ключ в карман, граф объявлял, что палата закрыта до сформирования нового состава. Только такие жесткие меры приносили результаты. В 1884 г. император Александр III утвердил указ «О порядке совмещения государственной службы с участием в торговых и промышленных товариществах и компаниях», целью которого объявлялась необходимость укрепления авторитета государственной службы и охранения е достоинства. Государственная гражданская служба объявлялась несовместимой с участием в учреждении промышленных товариществ, общественных и частных ассоциаций. В ХХ в. коррупция неразрывно сплелась со всем укладом политической жизни. Фаворитизмом заразилась самая верхушка государственной власти. В связи с этим достаточно вспомнить

Г.Распутина, который немало «заработал» на народных подношениях, используя свою близость к царской семье, а великий князь Алексей Михайлович вместе с балериной М.Кшесинской за огромные взятки помогали промышленникам получать военные заказы во время Первой мировой войны. Такие примеры в немалой степени способствовали потере авторитета императорского дома и падению российской короны.

Октябрьская революция 1917 г. не отменила коррупцию, а сформировала лицемерное отношение к ней. Молодое Советское государство создало огромный аппарат чиновничества, призванный перестроить государственную систему на новый лад. Но новые «товарищи госслужащие» повсеместно превышали свои полномочия, извлекая из этого немалую выгоду. И уже в 1918 г. был издан декрет о взяточничестве, предусматривающий наказание за взятки в виде тюремного заключения с конфискацией имущества. А в 1922 г. по Уголовному кодексу за взятку был введен расстрел. Постоянное ужесточение наказаний за взятки не сократило масштабы злоупотреблений. Особенно взяточничество расцвело при НЭПе, тогда же оно было приравнено к контрреволюционной деятельности, за которую тоже полагался расстрел. С введением коллективизации коррупция проникла и в деревню. Пленум Верховного суда в то время определил: «Все случаи получения должностными лицами магарыча, то есть всякого рода угощения в каком бы то ни было виде, подлежат квалификации как получение взятки».

Идеологическая пропаганда большевиков внушала, что коррупция – это буржуазный пережиток, по мере строительства социализма она исчезнет. Что большинство советских служащих работают добросовестно, а встречается «кое-кто у нас порой», кто злоупотребляет служебным положением. Интересно, что Советская власть не признавала слово «коррупция», появилось оно в общественном и научном дискурсе только в 80-е гг. Использовались только ее синонимы и заменители: «взяточничество», «злоупотребление служебным положением», «попустительство» и др. Таким образом – отрицая термин, отрицали системное явление, заранее обрекая на неудачу и его анализ, и борьбу с ним. Отрицая наличие коррупции, закрывая глаза на реальность или наивно объясняя причины коррупционных явлений, советская идеологическая машина к середине 80-х гг. привела общество в состояние, когда коррупция поразила значительную часть государственных служащих и подготовила почву для «беспредела» 90-х. Приватизация государственной собственности должна была бы носить постепенный, ступенчатый характер. Но из-за коррумпированности управленческой инфраструктуры она превратилась в стремительное разворовывание и разбазаривание всех ресурсов страны. Впоследствии коррупционные практики успешно перешли по наследству к ныне действующему аппарату государственного управления.

В наши дни коррупция, сохраняя все основные черты прошлого, трансформировалась, приобрела новое качество, значительно выросла в масштабах. Она уже вышла за рамки государственных границ, влилась в мировые финансовые потоки, подрывая государственные и международные институты власти и экономики. Коррупция серьезно угрожает принципам верховенства закона, равенства всех перед законом, демократии, справедливости, правам

человека, подрывает доверие к власти и принципам государственного управления, затрудняет конкуренцию и экономическое развитие. В нашей стране только в начале XXI века общество стало осознавать, какой моральный и экономический вред наносит коррупция развитию цивилизованного государства и его стабильности. Коррупция породила чудовищные диспропорции в системе государственного управления и функционировании социальных институтов, привела к серьезным сдвигам в общественном сознании, создав социальную напряженность в обществе, подорвав доверие к власти и веру в справедливость. Особенностью современного устройства российской власти является то, что коррупцией поражены федеральные структуры всех министерств, ведомств и правоохранительных органов. Коррупция стала нормой для общества вслед за политической, правящей и экономической элитой. Пораженные коррупцией правоохранительные органы не имеют возможности для борьбы с этим злом.

В коррупционных отношениях, выражающих конфликт интересов коррупционеров и общества, всегда присутствуют три субъекта:

- государственный служащий, совершающий незаконные действия в пользу заинтересованной стороны;
 - заинтересованная сторона, желающая получить блага в обход закона;
 - потерпевшая сторона государство как представитель общества.

В настоящее время наиболее коррупционноемкими являются следующие области государственной деятельности: государственные и муниципальные поставки; распределение земли; налоги; перераспределение собственности; назначения на государственные и муниципальные должности. Приемы общеизвестны: использование клановых и семейных связей; включение сумм взяток в цены государственных контрактов; мошенничество всех типов. Коррумпированные чиновники берут проценты («откаты» доходят до 70%) от суммы государственного заказа, которые им перечисляют на счета в зарубежных банках; оформляется недвижимость за рубежом на их родственников и жен; дети обучаются в иностранных учебных заведениях. Чиновники сокращают некоторые сектора отечественной промышленности (такие, как, например, авиастроение) в пользу зарубежных компаний; отдых семьи и сотрудников аппарата оформляют как зарубежные командировки за государственный счет. Открыто демонстрируется полное безразличие государственных должностных лиц к общественной пользе, закону, народу, своему долгу, обеспеченное бесконтрольностью и безнаказанностью со стороны вышестоящих органов в лице «покровителей». Коррупция в России носит элитарный характер, характеризующийся высоким социальным статусом субъектов, огромным материальным и моральным ущербом для страны, исключительной латентностью посягательств, снисходительным отношением властей к данной группе преступников. История учит, что все повторяется. О сущности современной коррупции сказал еще Марк Туллий Цицерон (106-43 гг. до н.э.) более двух тысяч лет назад: «Взяточники должны трепетать, если они наворовали лишь столько, сколько нужно для них самих. Когда же они награбили достаточно для того, чтобы поделиться с другими, то им нечего более бояться».

Коррупционеры обладают высочайшей способностью приспосабливаться к изменяющимся обстоятельствам, профессионально используя пробелы и недостатки закона. Без постоянного и действенного контроля коррупция способна расширяться и мимикрировать, разрушая здоровье общества.

Для современного российского общества ценностью стало все, что имеет цену. Публичной дескридитации подверглись извечные духовные ценности: честность, справедливость, совесть, достоинство. Но ни один народ не может сохраниться без этих составляющих коллективного сознания. Несмотря на системный диагноз, в нашем обществе остаются люди (даже внутри системы власти), которые не могут отказаться от основополагающих принципов их жизни и веры, некоего внутреннего морального стержня. нравственности нашего общества особенно Степень разрушения подчеркивается повседневной практикой таких людей. Как ни печально, но о них принято говорить как об исключении, зачастую маргинальном. И сложившаяся на коррупционных практиках система выдавливает таких людей свойственным ей криминальным способом [4].

Сложившаяся современная мировая культура уделяет большое значение потреблению и владению вещами. И Россия не избежала этой участи. Личный успех измеряется материальным благополучием, а не вкладом личности в общее благо. Это ведет к недостатку нравственных ценностей, что может быть восполнено только воспитанием, образованием и личным примером элиты. Развитие гражданского общества — одна из мер в противодействии коррупции. Так часто поминаемая в общественной мысли апатичность наших граждан не является их внутренней сущностью. Она результат порой беспардонного игнорирования гражданского общества государством и системой правоохранительных органов, которые очень неохотно воспринимают гражданское общество как своего первостепенного партнера, так как видят в нем конкурента в борьбе за власть и контроль. Хотя совершенно очевидно, что противодействие коррупции не есть монополия правоохранительных органов, а задача государства и общества в целом.

Если говорить о борьбе с коррупцией, то рассмотрев семантически слово «борьба», мы увидим, что слово «бороться» значит «состязаться в чем-то, стараться одержать победу, ... активно действовать против кого-, чего-либо, стремясь преодолеть или уничтожить...» [5]. Таким образом, борьба с коррупцией подразумевает цель — победу над нею. Вся история борьбы человечества с чумой коррупции подтверждает, что и в современном обществе это недостижимая цель. Более целесообразно употреблять термин «противодействие» коррупции со стороны закона, государственных органов и правопослушных граждан, хотя бы в целях удержания ее на социально терпимом уровне.

Россия вступила в глобальный мир с его переплетающимися экономическими интересами. И зарубежные инвесторы будут вкладывать средства в российскую экономику только при условиях, кроме политической стабильности, снижения коррупционных рисков. Гражданское общество должно стать катализатором создания единой национальной системы противодействия коррупции через привлечение к диалогу представителей власти, правовой

системы и средств массовой информации. Проблемы противодействия коррупции – многоуровневые и многогранные; следовательно, меры противодействия коррупции должны носить комплексный и системный характер.

Литература

- 1. Библия, Второзаконие, 27:25.
- 2. Хадис Пророка Мухаммеда, Сборник «Сады благонравных» имама Ан Навави.
- 3. Тора, Дварим, 16.1920.
- 4. Никитинский Л. Поселок, типа, городского типа // Новая газета, понедельник, №102. 10.09.2012. C.12.
 - 5. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000. С.452.

УДК 342.57

ИНСТИТУТ НЕЗАВИСИМОЙ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ THE INSTITUTE OF AN INDEPENDENT ANTI-CORRUPTION EXPERTISE: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Каменская Е.В., кандидат юридических наук, заместитель директора по учебно-методической и воспитательной работе. Поволжский (г. Саратов) юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»

Kamenskaya E.V., candidate of legal science, deputy director of educational and methodic department, Povolzhskiy (Saratov) law institute (branch) FGBOU VPO RPA Ministry of justice e-mail: ruy@aaanet.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы, влияющие на эффективность действия института независимой антикоррупционной экспертизы. Автор выдвигает ряд предложений по совершенствованию действующего законодательства в этой области.

Annotation: In article the problems influencing efficiency of action institute of independent anticorruption expertise are considered. The author gives some offers on current legislation improvement in this area.

Ключевые слова: коррупция, независимая антикоррупционная экспертиза, гражданское общество, коррупциогенность, нормативный правовой акт.

Key words: corruption, independent anticorruption expertise, civil society, inclination to corruptions, normative legal act.

Работа по противодействию коррупции – это, несомненно, общая задача государства и обшества. законодатели объявили одним основных противодействия коррупции сотрудничество государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами [1]. В 2009 году был создан новый институт – институт независимых экспертов, уполномоченных на проведение экспертизы на коррупциогенность нормативных правовых актов и их проектов. Согласно ч. 1 ст. 5 Федерального закона № 172-ФЗ от 17.07.2009 г. «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» институты гражданского общества и граждане могут в порядке, предусмотренном нормативными правовыми актами Российской Федерации, за счет собственных средств проводить независимую антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов или проектов нормативных правовых актов [2]. Целью проведения антикоррупционной экспертизы

является выявление в нормативных правовых актах и проектах нормативных правовых актов коррупциогенных факторов и их последующее устранение. Исходя из вышеназванной цели, можно сделать вывод, что антикоррупционная экспертиза — это деятельность специально уполномоченных государственных органов и должностных лиц (Министерства юстиции РФ, Прокуратуры РФ и иных органов власти) либо физических и юридических лиц, аккредитованных в качестве независимых экспертов на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов на коррупциогенность, направленная на выявление в нормативных правовых актах и проектах нормативных правовых актов коррупциогенных факторов и выработку рекомендаций по их устранению.

В качестве независимых экспертов в Министерстве юстиции Российской Федерации по состоянию на апрель 2011 года было зарегистрировано 828 физических лиц и 164 юридических лица. В настоящее время (на сентябрь 2012 года) их численность заметно возросла: 1238 физических лиц и 245 юридических лиц [3]. Но заметен обществу ли эффект от их деятельности? Полагаем, что нет. Действующая нормативно-правовая база в сфере регулирования процедуры проведения независимой антикоррупционной экспертизы, оценки ее результатов имеет столь значительные пробелы, которые за прошедшие три года не устранены, что не позволяют считать функционирование данного института эффективным. В законодательстве отсутствуют механизмы реализации права независимого эксперта на проведение экспертизы.

Авторами научно-практического пособия Каменской Е.В. и Рождествиной А.А. «Независимая антикоррупционная экспертиза» рассматриваются причины неэффективной деятельности института независимой антикоррупционной экспертизы, устанавливаются пробелы, формулируются предложения по совершенствованию правовой базы независимой антикоррупционной экспертизы [4]. Акцентируем внимание на некоторых из них.

Во-первых, в российском законодательстве, несмотря на частое упоминание таких дефиниций, как «гражданское общество», «институты гражданского общества», их нормативное определение отсутствует. Проанализировав законодательные акты, мы выявили только в одном законе норму о том, что этот институт является институтом гражданского «адвокатура является профессиональным сообществом и как институт общества: гражданского общества не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления» [5]. Считаем, что необходимо устранить данный пробел в законодательстве. На это же обращается внимание и в обзоре Главного управления Минюста России по Нижегородской области: «Использование в Федеральном законе № 172-ФЗ «институты гражданского общества» рассматривается понятия как юридиколингвистическая неопределённость, по факту приводящая к возможности необоснованного установления исключений из общего порядка для граждан и организаций, что, согласно Методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96, расценивается как коррупциогенный фактор» [6].

Во-вторых, по-прежнему продолжает оставаться актуальным вопрос о правовом

статусе независимых экспертов, уполномоченных на проведение экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов на коррупциогенность. На наш взгляд, необходимо разработать Положение о статусе независимых экспертов, в котором определить права и обязанности независимого эксперта. В научной литературе широко обсуждается вопрос о компетентности лиц, проводящих антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов). В отношении независимых экспертов данный принцип может означать наличие у эксперта специальных знаний в той или иной области. Вопрос об ужесточении требований для лиц, желающих быть аккредитованными в качестве независимых экспертов, спорен и неоднозначен. В настоящее время разрабатываются варианты программ обучения будущих экспертов, но пока не ясен механизм их реализации, в частности, кто будет финансировать данные мероприятия — если сам независимый эксперт, то количество экспертов может уменьшиться, в силу того, что независимый эксперт осуществляет свою деятельность на добровольной и безвозмездной основе, а если еще придется платить и за обучение, то интерес к данной деятельности значительно снизится.

В-третьих, по сути, отсутствует методика проведения антикоррупционной экспертизы. Вряд ли можно признать действующую Методику методикой в подлинном смысле слова, так как в этом нормативном правовом акте только перечисляются коррупциогенные факторы, сам алгоритм действия независимого эксперта при проведении экспертизы отсутствует.

В-четвертых, нет четкого определения значения и статуса заключения независимого эксперта, его роли при принятии нормативного правового акта. Не урегулированы такие важнейшие вопросы, как:

- а) механизм отправки заключения и фиксации его получения органом власти. По нашему мнению, следует закрепить положение о том, что орган власти или должностное лицо, которому направлено заключение, обязан информировать эксперта о получении заключения;
- б) закрепление единообразного срока для проведения экспертизы в зависимости от вида нормативного правового акта (федеральный закон, указ, постановление и т.п.);
- в) значение заключения независимого эксперта. Согласно ст. 5 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» направленное заключение носит рекомендательный характер, но подлежит обязательному рассмотрению органом, организацией или должностным лицом, вынесшим данный акт [2]. Срок для рассмотрения заключения установлен в ч. 2 ст. 5 вышеназванного Федерального закона и составляет 30 дней. За это время нормативный акт может быть принят, и начать действовать. Таким образом, значение заключения независимого эксперта для дальнейшей судьбы нормативного правового акта, а особенно его проекта, законодательно не определено, т.е. наличие заключения независимого эксперта с указанием коррупциогенных факторов не препятствует принятию такого акта, а также не

приостанавливает действие уже вступившего в силу нормативного правового акта. Такое положение сводит независимую экспертизу к формальности, хотя в п. 20 ст. 7 Федерального закона «О противодействии коррупции» среди основных направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции указывается повышение ответственности федеральных органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления и их должностных лиц за непринятие мер по устранению причин коррупции [1]. Поэтому следует поддержать мнение Ю.А. Тихомирова о том, что нереагирование на рекомендации, содержащиеся в заключении независимого эксперта следует, по крайней мере, рассматривать как служебный проступок со всеми последствиями и выяснять причины такого нереагирования, среди которых могут быть халатность, ошибки, злоупотребления и т.п., пагубно отражающиеся на эффективности правоприменения [7].

- г) получение ответа на заключение от государственных органов власти. Мотивированный ответ на заключение эксперта дается только в случае, когда в нем содержатся предложения о способе устранения выявленных коррупциогенных факторов, в иных же случаях дача такого ответа не обязательна. Решение этой проблемы представляется нам в использовании официального сайта, где следует размещать не только заключения экспертов, но и мотивированные ответы органов власти на них, а также обзоры наиболее типичных коррупциогенных факторов. Такую обязанность по размещению на сайте ответов на заключения следовало бы прямо закрепить в законодательстве так, как это сделано применительно к обзорам обращений граждан (физических лиц), в том числе представителей организаций (юридических лиц), общественных объединений, государственных органов, органов местного самоуправления в Федеральном законе «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [8]. Названным Законом установлена обязанность размещать на сайте также и обобщенную информацию о результатах рассмотрения этих обращений и принятых мерах. Такое размещение и обобщение результатов независимой экспертизы позволят сделать ее проведение открытым и проанализировать, какие органы власти учитывают мнение эксперта для улучшения качества нормативных правовых актов или их проектов и исключения в них коррупциогенных факторов, а для каких нормы об обязательном рассмотрении заключения носят лишь декларативный характер. Кроме того, публичность заключений независимых экспертов повлияет и на повышение качества их работы. Согласимся с высказываемым в научной литературе мнением о том, что «экспертному сообществу, общественности и СМИ целесообразно активнее публиковать результаты собственных экспертиз (экспертных заключений). Знание того, что результаты именно твоей работы будут доступны для коллег и их оценок, существенно повышает объективность оценок и качество работы» [9].
- д) оценка заключения эксперта. Не определено, как будут разрешаться коллизии между несколькими экспертными заключениями, например, между заключением независимого эксперта и заключением Министерства юстиции РФ или при сравнении с заключениями других экспертов. Вполне вероятны ситуации, когда Министерство юстиции

РФ выявит коррупциогенные факторы в проекте нормативного акта, а независимый эксперт не выявит их [10], или, наоборот, в заключении Минюста России таких факторов указано не будет, а в заключении эксперта они имеются, или возможны случаи, когда заключения даются разными экспертами, и в каждом таком заключении указано разное количество или разные виды коррупциогенных факторов. Общий порядок разрешения таких коллизий установлен в п. 6 ст. 4 Федерального Закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», согласно которому разногласия, возникающие при оценке указанных в заключении коррупциогенных факторов, разрешаются в установленом порядке. Следует отметить, что такого порядка до сих пор не установлено.

е) ответственность органов власти за принятие нормативных правовых актов и разработку их проектов, содержащих коррупциогенные факторы. Проблемы ответственности за нарушения в сфере правотворчества разрабатываются, в основном, в рамках исследования конституционной ответственности, но такие существующие меры конституционной ответственности представительных органов как официальное предупреждение представительного органа о возможности роспуска и досрочное прекращение полномочий органа власти малоэффективны. Как отмечает А. Филатова, «на практике даже проведенная экспертиза и официальный вариант заключения зачастую игнорируются, причем самим органом, его утвердившим, так как отсутствуют обязательность экспертного заключения и ответственность за неисполнение его положений» [11].

Считаем также, что одной из причин низкой эффективности института независимой экспертизы является и недостаточная его пропаганда. Ученые-правоведы проанализировали нормативную правовую базу исследуемого института, разработали целый ряд предложений по её совершенствованию. Итоги проведения независимых антикоррупционных экспертиз можно увидеть в отчетах и обзорах региональных управлений Минюста России, но отсутствует широкое освещение в средствах массовой информации положительного опыта проведения независимых антикоррупционных экспертиз. Публичность антикоррупционной экспертизы могла бы быть обеспечена, если бы публикации подлежали заключения по результатам антикоррупционных экспертиз, информация о коррупциогенных правовых актах. Необходимо также привлекать молодых юристов, студентов вузов к данному роду деятельности. Для этого нужно вводить в учебные планы спецкурсы по антикоррупционной экспертизе, отдельные темы в программы соответствующих дисциплин. Например, в Поволжском юридическом институте (филиале) РПА Минюста России у магистрантов по программе «Правотворчество и правоприменение: теория и практика» будет преподаваться дисциплина «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов», в рамках получения дополнительного профессионального образования будет реализована программа «Современная практика нормотворчества и проведения правовых экспертиз в Российской Федерации», которой предусмотрены как изучение современной практики нормотворчества, в том числе вопросов экспертизы правовых актов. Также считаем недостаточным выпуск учебных пособий по данной проблематике.

Положительным примером реализации принципа публичности антикоррупционной экспертизы является создание правового портала «Независимая антикоррупционная экспертиза», находящегося в настоящее время в стадии разработки [12]. представляет собой инициативу группы независимых экспертов, уполномоченных Министерством юстиции РФ на проведение экспертизы на коррупциогенность и получивших соответствующую аккредитацию, направлен информирование И на общественности о проводимой в стране антикоррупционной экспертизе проектов нормативных актов (нормативных актов). Инициаторы проекта видят основную его миссию в создании условий для повышения влияния институтов гражданского общества, в частности, независимых экспертов, на снижение уровня коррупциогенности нормативных актов. Основным условием данного процесса является создание условий информирования общественности о реальных мерах, принимаемых в стране по ликвидации коррупционных факторов нормативного регулирования, как одной из важнейших причин, препятствующих цивилизованному и динамичному развитию страны.

С 01 октября 2012 года начинает действовать Единый портал для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов их публичного обсуждения, в структуре которого имеется рубрика «Антикоррупционная экспертиза» [13].

Но нам представляется целесообразным создание единого официального сайта (определяемого Правительством РФ), на котором бы размещались нормативные правовые акты и их проекты, предназначенные для проведения независимой экспертизы, по отраслям время, права. Это позволило бы: сэкономить необходимое ДЛЯ поиска соответствующего специализации эксперта; вести учет проведенных экспертиз каждого эксперта; обмениваться опытом по составлению заключений; проводить мониторинг наиболее часто встречающихся коррупциогенных факторов; проанализировать, в каких органах власти чаще всего принимаются нормативные правовые акты, содержащие коррупциогенные факторы; проанализировать реакцию на результаты независимой экспертизы со стороны органов власти – разработчиков нормативных правовых актов.

Таковы, на наш взгляд, лишь некоторые проблемы, не позволяющие сделать функционирование института независимой экспертизы более эффективным. Независимая антикоррупционная экспертиза проводится лицами, не находящимися в подчинении какоголибо органа власти и должна выполнять важнейшую функцию – предоставлять «субъектам гражданского общества прямой канал воздействия на законодательную деятельность» [14]. Но если реально оценить ситуацию, то есть ли это воздействие? Считаем, что наличие пробелов в регулировании данного института ведет к усилению правового нигилизма как со стороны тех, кто зарегистрировался в качестве независимых экспертов, так и со стороны органов государства. Чтобы противодействие коррупции было действенным, необходим качественный правовой инструментарий, детально проработанный механизм осуществления антикоррупционной экспертизы. Также важное значение имеет пропаганда правовых знаний,

в том числе и о деятельности независимых экспертов, уполномоченных на проведение экспертизы на коррупциогенность нормативных правовых актов и их проектов.

Литература

- 1. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ // Рос. газ. 2008. 30 дек.
- 2. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17.07.2009 г. № 172-Ф3// СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.
- 3. Министерство юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.minjust.ru Загл. с экрана.
- 4. *Каменская*, *E. В.* Независимая антикоррупционная экспертиза. / Каменская, Е. В., Рождествина, А. А. Научно-практическое пособие [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
- 5. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2022 г. № 63-Ф3 // Рос. газ. -2002.-05 июня.
- 6. Главное управление Минюста России по Нижегородской области Электронный ресурс] / Режим доступа: http://to52.minjust.ru Загл. с экрана.
- 7. *Тихомиров*, *Ю*. А. Практические аспекты осуществления антикоррупционного анализа и оценки реализации правовых актов // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 21.
- 8. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: Федеральный закон от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.
- 9. *Казакова*, *Е. В.* Экспертные сообщества современной России: политологический анализ // Правовая политика и правовая жизнь. -2011. № 1. C. 23.
- 10. *Астанин, В. В.* Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008. г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». СПб. Юридический центр Пресс. 2009. С. 93.
- 11. Филатова, A. Роль экспертизы в формировании антикоррупционной политики // Безопасность бизнеса. -2010. -№ 1. -С. 29.
- 12. Правовой портал «Независимая антикоррупционная экспертиза» [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.lawexpertise.ru/
- 13. Единый портал для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов их публичного обсуждения [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.regulation.gov.ru/index.html
- 14. *Зеленский,* П. А. Формы гражданского участия в управлении обществом и возможности их воздействия на правовую систему России // Правовая культура. -2010. -№ 1(8). C. 26.

УДК 343

О ПРАКТИКЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ВЗЫСКАНИЯ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ПО УПЛАТЕ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ, ПЕНЕЙ И ШТРАФОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ФССП РОССИИ, ДЕЙСТВУЮЩИМИ В ЮЖНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ THE PRACTICE OF FORCED COLLECT THE CUSTOMS DUTIES, FINES AND PENALTIES TO TERRITORIAL BODIES FSSP RUSSIA IN SOUTHERN FEDERAL DISTRICT

Крещук Е.В., главный специалист-эксперт Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Ростовской области

Kreschuk E.V., Chief Expert of the Main Directorate of the Ministry of Justice of the Rostov region

e-mail: evg-rnd@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению сложившейся в Южном федеральном округе ситуации по принудительному взысканию таможенных платежей, пеней и штрафов. Особое внимание уделяется взаимодействию таможенных органов и Федеральной службы судебных приставов, проблемным вопросам взыскания и списания задолженности, возможным путям их разрешения.

Annotation: This article is devoted to the current situation of the Southern Federal District to enforce collection of customs duties, fines and penalties. Special attention is paid to the interaction of the customs authorities and the Federal Bailiff Service, problematic issues foreclosure and debt relief, the possible ways to solve them

Ключевые слова: Территориальные органы ФССП России; структурные подразделения судебных приставов; судебный пристав-исполнитель; Федеральная таможенная служба; таможенные органы; таможенные платежи, пени и штрафы.

Key words: Territorial authorities FSSP Russia; divisions bailiffs, court bailiff, the Federal Customs Service, Customs, customs duties, fines.

Взыскание задолженности по уплате таможенных платежей, пеней и штрафов являются существенной составляющей по пополнению доходной части бюджета Российской Федерации.

В связи с этим Главным управлением Минюста России по Ростовской области (далее – Главное управление) с учетом особой значимости исполнительных производств по взысканию указанной задолженности в рамках осуществления координационной деятельности уделяется особое внимание данному направлению работы территориальных

органов ФССП России, действующих в Южном федеральном округе (далее – территориальные органы ФССП России).

Главным управлением в соответствии с протоколом совместного совещания с Южным таможенным управлением ФТС России от 10.07.2012, с целью изучения сложившейся ситуации и детализации проблемных вопросов в рамках Южного федерального округа, связанных с взысканием таможенных платежей, пеней и штрафов и разработке комплекса мер, направленных на их разрешение, проведен соответствующий мониторинг.

Анализ статистических показателей результатов деятельности территориальных органов Федеральной службы судебных приставов ПО исполнению требований исполнительных документов о взыскании таможенных платежей, пеней и штрафов свидетельствует об увеличении в 1-м полугодии 2012 года как количества находящихся на исполнении исполнительных документов такой категории, так и сумм, подлежащих взысканию. Так, в течение I полугодия 2012 года на исполнении в структурных подразделениях судебных приставов территориальных органов ФССП России находилось 178 исполнительных документов о взыскании таможенных платежей, пеней и штрафов на общую сумму 131 млн. 074 тыс. рублей, что больше по количеству - на 7 %, а по сумме, подлежащей взысканию, в два раза (на 65 млн. 192 тыс. рублей), в сравнении с аналогичным периодом прошлого года.

В большинстве территориальных органов ФССП России (за исключением управлений ФССП России по *Республике Калмыкия* и *Краснодарскому краю*) в рассматриваемом периоде отмечается увеличение сумм таможенных платежей, пеней и штрафов, подлежащих принудительному взысканию.

Необходимо отметить, что в отчетном периоде более 94 % от общего объема находящихся на исполнении материальных требований рассматриваемой категории приходится на управления ФССП России по *Ростовской области* (72 млн. 719 тыс. рублей), *Волгоградской* (24 млн. 873 тыс. рублей) и *Астраханской областям* (20 млн. 549 тыс. рублей).

Окончено и прекращено в 1-м полугодии 2012 года 54 исполнительных производства на сумму 9 млн. 564 тыс. рублей, в том числе фактическим исполнением 14 производств на сумму 535 тыс. рублей, остаток неоконченных исполнительных производств по состоянию на 01.07.2012 составил 122 и/п. на сумму 121 млн. 510 тыс. рублей.

Нормативным правовым актом, регламентирующим совместную деятельность ФТС России и ФССП России, является Соглашение о порядке взаимодействия таможенных органов Российской Федерации и Федеральной службы судебных приставов при исполнении постановлений таможенных органов и иных исполнительных документов от 23.04.2008 № 01-12/13-12/01-2 (далее - Соглашение).

Данное Соглашение определяет общие принципы взаимодействия Федеральной таможенной службы, таможенных управлений, таможен и Федеральной службы судебных приставов, ее территориальных органов и их структурных подразделений при исполнении

исполнительных документов о взыскании задолженности по уплате таможенных платежей и пеней.

Основными задачами взаимодействия таможенных органов и Федеральной службы судебных приставов, ее территориальных органов и структурных подразделений являются:

- повышение эффективности контроля ФССП России за исполнением постановлений, вынесенных таможенными органами, и иных исполнительных документов;
- организация надлежащего взаимодействия таможенных органов и ФССП России, ее территориальных органов и их структурных подразделений при осуществлении возложенных на них полномочий;
- осуществление регулярного обмена информацией по вопросам, входящим в их компетенцию и представляющим взаимный интерес.

Во всех субъектах Южного федерального округа с руководителями таможенных органов заключены соглашения о сотрудничестве, определяющие порядок взаимодействия, созданы рабочие группы по координации взаимодействия таможенных органов и территориальных органов ФССП России. На заседаниях рабочих групп рассматриваются проблемные вопросы взыскания таможенных платежей, вырабатываются планы совместных мероприятий, обсуждается ход принудительного взыскания по наиболее сложным исполнительным производствам данной категории.

На плановой основе проводятся ежеквартальные сверки показателей работы о взыскании задолженности по таможенным платежам, что позволяет более полно и объективно оценить складывающуюся ситуацию в указанном направлении деятельности.

Итоги работы структурных подразделений судебных приставов о взыскании задолженности по уплате таможенных платежей являются предметом рассмотрения коллегиальных и совещательных органов.

Заслуживает внимания налаженное конструктивное взаимодействие Управления ФССП России по *Республике Калмыкия* с Волгоградской таможней.

Так, по результатам проведенной рабочей встречи заключено Соглашение по обмену информацией о должниках, продекларировавших товары в соответствии с таможенным законодательством, а также транспортных средствах, принадлежащих должником, на которых осуществляется перемещение товаров через таможенную границу Российской Федерации.

В структурных подразделениях судебных приставов с представителями таможенных органов проводятся совещания, рабочие встречи по проблемным вопросам, возникающим при исполнении конкретных исполнительных производств, совместно вырабатываются пути их оптимального и скорейшего разрешения.

С целью сокращения остатка исполнительных производств о взыскании таможенных платежей проводится их инвентаризация с последующим направлением в структурные

подразделения судебных приставов указаний о необходимости проведения дополнительных исполнительных действий, направленных на фактическое исполнение.

Специалистами аппаратов территориальных управлений ФССП России в рамках осуществления внутриведомственного контроля проводятся инспекционные проверки структурных подразделений судебных приставов по вопросу взыскания задолженности по уплате таможенных платежей, пеней и штрафов, по результатам которых старшим судебным приставам направляются соответствующие указания, направленные на безусловное исполнение рассматриваемой категории производств.

Существенное внимание территориальными органами ФССП России уделяется методическому сопровождению структурных подразделений судебных приставов.

Регулярно проводится анализ работы судебных приставов-исполнителей по принудительному взысканию таможенных платежей, результаты которого направляются в подразделения судебных приставов для изучения и применения в практической деятельности.

Например, управлениями ФССП России по *Краснодарскому краю*, *Ростовской и Волгоградской областям* неоднократно в структурные подразделения судебных приставов направлялись обобщения деятельности судебных приставов-исполнителей по принудительному исполнению постановлений и судебных актов о взыскании таможенных платежей.

Судебными приставами-исполнителями при исполнении исполнительных документов о взыскании задолженности по таможенным платежам принимаются различные меры, направленные на фактическое исполнение. Активно реализуется временное ограничение прав должника на выезд за пределы Российской Федерации, что положительным образом сказывается на уровне фактического взыскания.

Только в Управлении ФССП России по *Ростовской области* в 1-м полугодии 2012 года ограничено право выезда 17 должникам в целях взыскания таможенных платежей на общую сумму 6 млн. 551 тыс. рублей. В результате принятых мер погашена задолженность на сумму 740 тыс. рублей.

В случае отсутствия сведений о местонахождении имущества должников, судебными приставами-исполнителями принимаются меры по объявлению его в розыск (в *Ростовской области* розыск имущества объявлен в рамках 6 исполнительных производств на сумму 2 млн. 477 тыс. рублей, сумма разысканного имущества составила 694 тыс. рублей).

Существует ряд объективных и субъективных причин, сдерживающих фактическое и своевременное исполнение исполнительных документов о взыскании таможенных платежей.

К субъективным причинам следует отнести непринятие (несвоевременное принятие) судебными приставами-исполнителями мер принудительного характера, в том числе по истребованию информации об имущественном положении должников в органах регистрации; несвоевременное проведение проверки имущественного положения с выходом

по месту жительства или месту нахождения должника; затягивание процессуальных сроков совершения исполнительных действий и др.

Объективными причинами являются: неплатежеспособность должников; отсутствие ликвидного имущества, на которое возможно обратить взыскание в рамках исполнительного производства, а также самих должников по адресу, указанному в исполнительном документе.

Например, не представляется возможным произвести взыскания в Управлении ФССП России по *Волгоградской области* в отношении ООО «Данком» на сумму 24 млн. 599 тыс. рублей, ООО «Интер ВД» на сумму 272 тыс. рублей, Управлении ФССП России по *Республике Адыгея* - в отношении ООО «Фрутолэнд» на сумму 2 млн. 143 тыс. рублей.

Одной из существенных причин, негативно влияющих на уровень взыскания таможенных платежей в целом, является предоставление судами отсрочки, рассрочки исполнения, отложения и приостановления исполнительных действий, в том числе в связи с обжалованием должником постановлений таможенных органов и судебных актов.

Так, в Управлении ФССП России *по Ростовской области* в 1-м полугодии 2012 года по указанным основаниям не представлялось возможным взыскать задолженность по 23 исполнительным производствам на общую сумму взыскания 25 млн. 064 тыс. рублей, что составляет 41 % от общей суммы по всем неоконченным исполнительным производствам.

Однако самым весомым фактором незначительного взыскания таможенных платежей, о чем сообщают все территориальные органы ФССП России, является неоднократное предъявление на принудительное исполнение исполнительных документов в отношении должников, по которым ранее исполнительные производства были окончены без исполнения.

Неоднократное предъявление таких исполнительных документов требует повторного проведения проверки имущественного положения должника, розыскных мероприятий, затрат рабочего времени судебного пристава-исполнителя, а в конечном итоге приводит к очередному окончанию исполнительного производства без исполнения.

Например, в Управлении ФССП России по *Республике Адыгея* неоднократно предъявлялись на исполнение исполнительные документы о взыскании 83,8 тыс. рублей с Самогова А.А. (9 раз) и 9,7 тыс. рублей с Пугиной А.А. (два раза), которые ранее возвращались в Краснодарскую таможню без исполнения.

В Управлении ФССП России по *Ростовской области* в 1-м полугодии 2012 года из 105 находящихся на исполнении исполнительных документов о взыскании таможенных платежей более половины (60 и/д.) предъявляются во второй, третий и более раз.

При этом необходимо отметить, что действующий в настоящее время механизм списания задолженности по уплате таможенных платежей в отношении юридических лиц, предусмотренный приказом ФТС России от 29.04.2011 № 886, носит усложненный характер и предусматривает взаимодействие с налоговыми органами в части исключения юридического лица из единого государственного реестра юридических лиц как недействующего.

Не предусмотрен также механизм списания задолженности по уплате таможенных платежей безнадежной к взысканию в отношении индивидуальных предпринимателей и физических лиц.

Ранее действовавшим (до апреля 2008 года) Соглашением о порядке взаимодействия таможенных органов Российской Федерации и Федеральной службы судебных приставов повторное предъявление исполнительного документа предусматривалось при наличии у таможенного органа информации о месте нахождения должника и (или) его имущества (п. 34 Соглашения).

Повышению уровня взыскания таможенных платежей, пеней и штрафов способствовало бы введение электронного документооборота между службой судебных приставов и таможенными органами, в том числе по вопросам:

- направления исполнительных документов и процессуальных документов исполнительного производства, что сократит сроки регистрации исполнительных документов в структурных подразделениях судебных приставов, а таможенные органы получат возможность в короткие сроки получать информацию по исполнительным производствам без направления соответствующих письменных запросов;
- осуществления должником внешнеэкономической деятельности, нахождения его имущества в таможенном оформлении, что позволит более оперативно принимать меры принудительного исполнения по выявлению и обращению взыскания на имущество и др.

В этой части представляется целесообразным разработать совместный правовой акт ФТС России и ФССП России и соответствующее программное обеспечение.

В целях исключения фактов неоднократного предъявления исполнительных документов рассматриваемой категории, по которым отсутствует перспектива фактического взыскания, необходимо внесение изменений в ст. 160 Федерального закона от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» в части расширения оснований для отнесения задолженности безнадежной к взысканию для её последующего списания.

Например, дополнив часть 1 указанной статьи следующим пунктом: *«безнадежной к взысканию признается задолженность по уплате таможенных платежей (недоимки), пеней, процентов, числящихся за отдельными плательщиками таможенных пошлин, налогов, взыскания которых оказались невозможными в случае принятия судебным приставом-исполнителем всех мер по выявлению имущества должника и проведения розыскных мероприятий».*

Кроме того, возможно внесение изменений в Соглашение ФТС России и ФССП России от 23.04.2008 № 01-12/13-12/01-2, предусматривающее повторное предъявление исполнительного документа о взыскании задолженности по уплате таможенных

платежей при наличии у таможенного органа информации о месте нахождения должника и (или) его имущества.

В связи с этим Главным управлением Минюста России по Ростовской области в Министерство юстиции Российской Федерации направлены соответствующие предложения о внесении изменений в нормативные правовые акты, регламентирующие совместную деятельность ФТС России и ФССП России по принудительному взысканию задолженности по уплате таможенных платежей и списанию задолженности, не перспективной к взысканию.

Принятие указанных изменений положительным образом скажется на уровне фактического взыскания таможенных платежей и выполнении поставленной перед территориальными органами ФССП России задаче по пополнению доходной части бюджета Российской Федерации за счет взыскания таможенных платежей, пеней и штрафов, исключит излишние трудозатраты судебного пристава-исполнителя с учетом имеющейся значительной нагрузки.

УДК 340

РАЗВИТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО МОНИТОРИНГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ THE DEVELOPMENT AND PROSPECTS OF LEGAL MONITORING IN THE RUSSIAN FEDERATION

Павлушкин А.В., кандидат юридических наук, заведующий отделом мониторинга законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Pavlushkin A.V., Ph.D., head of the department of legal monitoring of the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation e-mail: pavlex@lenta.ru

Рассматриваются актуальные вопросы реализации механизма правового мониторинга на федеральном, региональном и местном уровнях. Раскрываются теоретические и нормативные основы правового мониторинга, организация правового мониторинга.

Discusses topical issues of implementation of legal monitoring mechanism at the federal, regional and local levels. Reveals the theoretical basis of the legal and regulatory monitoring, the organization of the legal monitoring.

Ключевые слова: правовой мониторинг, эффективность, действие нормативных правовых актов.

Legal monitoring, efficiency, application of regulatory legal act.

Проблемы определения эффективности действия правовых норм не являются абсолютно новыми для российской юридической науки. Подобные исследования активно осуществлялись во второй половине прошлого века такими учеными-юристами, как А.Б. Венгеров, В.В. Глазырин, Д.А. Керимов, В.Н. Кудрявцев, В.В. Лапаева, В.И. Никитинский, Е.А. Павлодский, А.С. Пашков, И.С. Самощенко, С.М. Сырых, Ю.А. Тихомиров, С.А. Шлыков и др. В ходе таких исследований были предложены схемы и формулы для измерения степени эффективности воздействия правовых предписаний на общественные отношения. Однако универсальная методика оценки эффективности действия правовых норм так и не была сформулирована[1]. Среди ученых так не сложилось единства взглядов по вопросу, что следует понимать под эффективностью правовых норм [2].

В юридической науке одной из основных задач исследований по эффективности права практически всегда являлась подготовка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию законодательства. Эта деятельность потребовала предварительного

осмысления подходов к оценке социальной эффективности тех правовых норм, которые предполагалось совершенствовать. Возникла необходимость в разработке основ методологии изучения эффективности правовых норм для проведения соответствующих исследований в различных отраслях права по единообразной методике.

С этой целью предпринимаются попытки использовать различные юридические технологии. В юридической литературе под ними предложено понимать систему научнообоснованного комплекса приемов, методов, других правовых инструментов, а также процедур их использования, с помощью которых оптимально используются необходимые ресурсы (финансовые, организационные и т.д.) с целью формирования эффективных юридических решений [3].

Одной из современных юридических технологий является правовой мониторинг, под которым понимается комплексный структурный и информационно-аналитический механизм анализа и оценки нормативного правового акта на всех этапах его создания и применения [4]. Как отмечается российскими учеными, эффективность права является одним из ключевых средств обеспечения инновационной экономики и модернизации. Речь идет об отказе от традиционно общего представления об актах как таковых и о формировании такого механизма правового регулирования, в котором бы сочетались оценки регулирующего воздействия при подготовке правовых актов, анализ корреляции между разными средствами правового воздействия и различными элементами экономической системы, действие института правового мониторинга, разработка прогнозных оценок меняющихся правовых циклов [5].

Длительный период основной формой правового мониторинга на федеральном уровне была подготовка Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации ежегодного доклада о состоянии законодательства в Российской Федерации. Выводы и рекомендации, содержащиеся в данном докладе, подлежали использованию комитетами, комиссиями и членами Совета Федерации при осуществлении своей деятельности по реализации конституционных полномочий этой палаты российского парламента. Основным недостатком методики, используемой при подготовке указанных ежегодных докладов, является то, что эти доклады по большей части носили описательный характер, правовые проблемы в них только констатировались, а пути решения таких проблем указывались в самом общем виде, без указания их конкретных исполнителей и сроков. Даже если конкретные исполнители и назывались, то, как правило, отсутствовали рекомендации по решению самих проблем. Практика подготовки ежегодных докладов должна получить развитие на качественно новой основе. В настоящее время Совет Федерации готовит очередной доклад, посвященной проблеме реализации решений Конституционного Суда Российской Федерации на уровне субъектов Федерации.

Особо следует подчеркнуть, что правовой мониторинг встраивается в систему противодействия коррупции, включая антикоррупционную экспертизу. В юридической литературе справедливо подчеркивается, что федеральные органы исполнительной власти обеспечивают выявление и устранение коррупциогенных факторов из разрабатываемых ими

нормативных правовых актов, а также из действующих нормативных правовых актов при мониторинге их правоприменения [6].

В ходе реализации Указа Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы» была проведена весьма активная работа по созданию единой системы мониторинга правоприменения. При этом в пришедшем на смену Национальном плане противодействия коррупции на 2012-2013 годы также значительное внимание уделяется как необходимости осуществления мониторинга по различным аспектам противодействия коррупции, так и проведения собственно мониторинга правоприменения.

Необходимо также отметить Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденные Президентом Российской Федерации (в частности, раздел V Основ «Меры государственной политики в области совершенствования законодательства Российской Федерации и правоприменения»). Подп. 3 п. 16 данного раздела предусмотрена организация системного мониторинга законодательства Российской Федерации и правоприменения в целях выявления недостатков, пробелов и противоречий в законодательстве.

20 мая 2011 г. был издан Указ Президента Российской Федерации № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации». Этим Указом утверждено и Положение о мониторинге правоприменения в Российской Федерации. В соответствии с данным Указом под мониторингом правоприменения понимается комплексная и плановая деятельность, осуществляемая федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, по сбору, обобщению, анализу и оценке информации для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу нормативных правовых актов.

При этом Правительство Российской Федерации в 3-месячный срок утвердило методику осуществления мониторинга (постановление Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 г. № 694).

Ключевым федеральным органом исполнителей власти в сфере мониторинга становится Министерство юстиции Российской Федерации. Именно оно разрабатывает ежегодно проект плана мониторинга, осуществляет координацию мониторинга, проводимого федеральными органами исполнительной власти, и его методическое обеспечение, подготавливает ежегодно и вносит проект доклада Президенту Российской Федерации о результатах мониторинга и выполняет иные функции.

В 2012 г. приказом Министерства юстиции Российской Федерации был образован Экспертный совет при Министерстве юстиции Российской Федерации по мониторингу правоприменения в Российской Федерации. Экспертный совет обеспечивает участие и взаимодействие граждан Российской Федерации, общественных и иных некоммерческих организаций, научных организаций, адвокатских образований и иных организаций, федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов

Российской Федерации с Министерством в процессе мониторинга правоприменения в Российской Федерации. Экспертный совет формируется на основе добровольного участия в его деятельности граждан Российской Федерации, представителей общественных, правозащитных объединений и иных некоммерческих организаций, адвокатских образований. Решения Экспертного совета носят рекомендательный характер.

Отметим, что 19 августа 2011 г. не только утверждена Методика осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации (постановление Правительства Российской Федерации № 694), но и также утверждены планы проведения мониторинга. Причем это планы не только на 2012 г., но и на 2011 г. Спектр направлений, в отношении которых проводится мониторинг, очень широк: от реформы полиции до автомобильных перевозок и рыболовства. На 2011 г. было предусмотрено 11 направлений мониторинга, на 2012 г. – 29.

Следует учитывать, что практически сразу обнаружились коллизии между самими назваными актами (Указом Президента Российской Федерации и постановлением Правительства Российской Федерации), а также проблемы в практической работе по их реализации. Особенно наглядно это проявилось при утверждении вышеназванных планов мониторинга правоприменения. Например, в Указе Президента Российской Федерации государственным корпорациям предоставлено только право вносить предложения в план мониторинга, однако в утвержденном плане мониторинг правоприменения в сфере труда и занятости населения осуществляют не только соответствующие федеральные органы исполнительной власти (Минздравсоцразвития России и Роструд), но и Фонд социального страхования Российской Федерации (п. 5). Аналогичным образом мониторинг социального обеспечения и социального правоприменения В сфере страхования осуществляют Минздравсоцразвития России и Фонд социального страхования Российской Федерации, а также Росздравнадзор и Пенсионный фонд (п. 6); мониторинг в сфере использование атомной энергии осуществляет не только Ростехнадзор России, но и Госкорпорация «Росатом», которая не является федеральным органом исполнительной власти (п. 26). Отметим также, что в плане мониторинга в основном учтены предложения только органов исполнительной власти. Единственное исключение – учет одного предложения Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

Принятие Указа Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» и постановления Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» дает качественно новый импульс дальнейшим научным и практическим разработкам в сфере мониторинга. Особое значение здесь имеет деятельность субъектов Российской Федерации.

В настоящее время в субъектах Российской Федерации идет активное внедрение правового мониторинга в деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления. Рядом субъектов Федерации уже приняты законы, закрепляющие нормативные основы его проведения. Это, в частности, Закон Республики Хакасия от 9 июня 2012 г. № 49-3РХ

«О мониторинге правоприменения нормативных правовых актов в Республике Хакасия», Закон Республики Башкортостан от 29 мая 2012 г. № 533-3 «О мониторинге законов Республики Башкортостан», Закон Московской области от 4 мая 2012 г. № 46/2012-ОЗ «О правовом мониторинге в Московской области», Закон Краснодарского края от 7 ноября 2011 г. № 2354-КЗ «О мониторинге правоприменения нормативных правовых актов Краснодарского края», Закон Воронежской области от 24 января 2011 г. № 16-ОЗ «О мониторинге нормативных правовых актов Воронежской области», Областной закон Ленинградской области от 21 декабря 2010 г. № 81-оз «О мониторинге правоприменения нормативных правовых актов Ленинградской области», Закон Еврейской автономной области от 17 ноября 2010 г. № 848-ОЗ «О мониторинге нормативных правовых актов Еврейской автономной области», Закон Республики Татарстан от 3 июля 2010 г. № 49-3PT «О мониторинге законов Республики Татарстан», Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 8 июня 2009 г. № 37-ЗАО «О мониторинге правового пространства в Ямало-Ненецком автономном округе», Закон Липецкой области от 5 декабря 2008 г. № 213-ОЗ «О мониторинге нормативных правовых актов Липецкой области» и др.

Необходимо также учитывать, что в значительном числе субъектов Российской Федерации деятельность по правовому мониторингу осуществляется законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации в форме доклада, посвященного состоянию законодательства в этом субъекте Федерации.

При законодательных (представительных) органах власти отдельных субъектов Российской Федерации создаются специальные центры по мониторингу. Например, в феврале 2012 г. в Курганской областной Думе прошло первое заседание Центра мониторинга законодательства и правоприменения. В состав центра вошли депутаты и специалисты аппарата областной Думы, представители органов исполнительной власти и общественности. Сейчас необходима активная работа по созданию единой системы мониторинга правоприменения. Однако необходимо констатировать, что федеральные акты больше ориентированы на мониторинг федерального законодательства. Хотя названный Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» и предусматривает широкие полномочия органов власти субъектов Федерации, но в Методике мониторинга им уже уделено значительно меньше внимания.

Однако ограничения в составе объектов мониторинга правоприменения таких актов, как нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации и муниципальные нормативные правовые акты не отвечают комплексному характеру указанной деятельности.

Кроме того, федеральные нормативные правовые акты (названные ранее Указ Президента Российской Федерации № 657 и постановление Правительства Российской Федерации № 694) ориентированы на построение системы правового мониторинга исключительно в отношении системы органов исполнительной власти в Российской Федерации. Это в том числе вытекает из рассмотренного выше плана мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2011 г. и 2012 г., утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 г. № 1471-р. При

этом участие органов местного самоуправления в мониторинге планом не предусмотрено, хотя в Указе Президента Российской Федерации № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» подчеркивается, что в плане мониторинга отражаются наименования не только исполнительной федеральных органов власти, органов государственной власти субъектов Федерации, но и органов местного самоуправления, участвующих в мониторинге (п. 11).

В отношении органов государственной власти субъектов Российской Федерации возможности осуществления мониторинга названными федеральными актами весьма ограничены. Более того, указанные акты не предусматривают создания системы мониторинга правоприменения на уровне муниципальных образований, хотя известно, что именно муниципальных правовых актов в целом по стране издается больше всего в количественном отношении, а правоприменительная деятельность органов местного самоуправления как уровня публичной власти, наиболее приближенного к населению, имеет для граждан первостепенное значение в повседневной жизни. В то же время предусмотрено, что органы местного самоуправления могут осуществлять мониторинг по собственной инициативе.

При этом Указом Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» установлено, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации при подготовке предложений к проекту плана мониторинга учитывают предложения соответствующих органов местного самоуправления (п. 7). В то же время необходима активная работа по созданию единой системы мониторинга правоприменения, в которую, по нашему мнению, должны быть включены не только органы исполнительной власти, но все государственные и муниципальные органы в Российской Федерации.

Однако к проблеме осуществления мониторинга в субъектах Российской Федерации и на муниципальном уровне требуется дополнительное внимание как самих органов местного самоуправления, так и органов государственной власти посредством оказания соответствующей методической помощи. Анализ нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных правовых актов в сфере организации правового мониторинга показывает, что данная деятельность разрозненна, осуществляется на основе неоднородных показателей, что существенно затрудняет обобщение результатов проведенного мониторинга, выявление схожих проблем применения соответствующих актов, выработку предложений по совершенствованию правового регулирования, в том числе на общероссийском уровне [7].

Полагаем, что нормативные правовые акты субъекта Российской Федерации, устанавливающие способ организации мониторинга и порядок его проведения, должны предусматривать:

 орган публичной власти, осуществляющий координационные полномочия при проведении мониторинга различными органами на территории субъекта Российской Федерации;

- порядок взаимодействия органов власти субъекта Российской Федерации, участвующих в проведении правового мониторинга, в части информационного обмена;
- сроки (периодичность) проведения мониторинговых мероприятий, уточняемые в рамках утверждаемых планов мониторинга, срок предоставления собранной информации уполномоченному органу для обобщения, срок подготовки и направления итогового документа;
 - форму утверждения итогового документа.

В настоящее время одним из главных вопросом дальнейшего развития механизма правового мониторинга является практическое применение уже имеющихся теоретических и нормативных разработок, последовательная реализация Указа Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» и постановления Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» и собственно планов мониторинга. При формулировании критериев эффективности действия норм права следует учитывать юридические показатели. Требуется использовать показатели, по которым следует проводить мониторинг закона (позитивные и негативные показатели). Позитивные показатели реализации нормы закона выражаются в оценке нормативного правового акта с помощью цифр принятия, изменения, отмены либо посредством понятия законности как меры его соблюдения. Также используются негативные (нарушений, отклонений) и антикоррупционные показатели.

Литература

- 1. Глазкова М.Е., Нанба С.Б. Оценка эффективности действия нормативных правовых актов: современные подходы // Журнал российского права. 2011. N 9. C. 73 80.
- 2. Бадамшин И.Д., Черепашкин А.С. К вопросу о понятии и условиях эффективности уголовно-правовых норм // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2012. № 3. С. 101 105.
- 3. Эффективность законодательства и современные юридические технологии (материалы заседания Международной школы-практикума молодых ученых-юристов, Москва, 29-31 мая 2008 г.). М.: ИЗиСП, 2009. С. 4.
- 4. Правовой мониторинг: научно-практическое пособие. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2009.
- 5. Хабриева Т.Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход // Журнал российского права. 2010. № 12.
- 6. Хабриева Т.Я. Формирование правовых основ антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Журнал российского права. 2009. № 10.
- 7. Механизм правового мониторинга: научно-практическое пособие [Д.Б. Горохов, А.А. Каширкина, А.Н. Морозов и др.; отв. ред. А.В. Павлушкин]. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2012. С. 28.

УДК 343

POCCИЙСКАЯ НАУКА И БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС: ТРУДНЫЕ ШАГИ HABCTPEЧУ RUSSIAN SCIENCE AND BOLOGNA PROCESS: HARD STEPS TO MEET

Плешков Е.В., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Ростовский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО«Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»

Апольский Е.А., кандидат юридических наук, доцент кафедры государственноправовых дисциплин, НОУ ВПО «Северо-Кавказский гуманитарный институт»

Pleshkov E.V., candidate of legal science, associate professor, Head of Department of theory and history of state and law, Rostov-on-Don, Rostov institute of law of Russian legal academy of the Russian Federation Ministry of Justicem

Apolski E.A., candidate of legal science, docent of the department of state and legal disciplines of the North-Caucasus Humanitarian Institute,

E-mail: apolski@mail.ru

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые проблемы взаимодействия российской науки и европейской образовательной системы в рамках Болонского процесса.

Annotation: the article deals with some problems about Russian science and European educational system in Bologna process.

Ключевые слова: Болонский процесс, наука, магистр, бакалавр.

Key words: Bologna process, science, master, bachelor

Ни для кого не является секретом или открытием сегодня тот факт, что современное российское образование как никогда нуждается В использовании передовых информационных технологий, разработок и новшеств. Вопрос только в том, как правильно эти технологии использовать (чтобы добиваться нужных и действенных результатов), а также где и у кого их достать? Ответ на поставленный вопрос крайне важен как для будущего развития системы отечественного образования в целом, так и для сферы юридического образования – в частности. Двигаться вперед в XXI веке без информационного и технологического прорыва бессмысленно, а зачастую и опасно. На кон поставлен престиж России, как ведущей державы в сфере образования и науки.

Но перед тем как предлагать конкретные методики и способы внедрения технологий давайте зададим себе еще пару вопросов. А зачем это нужно? Какие результаты преследуются? Кто в этом заинтересован? И главное – как добиться того, чтобы нужный результат был налицо и de facto, а не «для галочки» и de jure?

Ответ и здесь представляется довольно простым, но двояким. С одной стороны, и это официальная позиция Российской Федерации – с 2010 г. наша страна является частью Болонского процесса, преследует цель интеграции в общеевропейскую образовательную систему с общими критериями и принципами обучения студентов, получения ученых степеней. С другой стороны, и это неофициальная и всеми понимаемая в научном мире точка зрения, - советское образование ушло в прошлое, а российское находится на стадии становления, поэтому следует с помощью современных методов стремиться вновь выйти на передовые рубежи и доказать всем право на лидирующие позиции в образовании.

Следовательно, вывод напрашивается один — информационным передовым технологиям в образовании — быть. Как только все мы (преподаватели, студенты, аспиранты, докторанты, а главное чиновники) этого реально, а не в статьях нормативных актов, будем желать, - половина пути будет пройдена.

В рамках данной статьи хотелось бы остановиться на двух конкретных аспектах: 1) на вопросах подготовки аспирантов и докторантов к написанию качественных и «результативных» диссертационных исследований и 2) на вопросах интеграции в европейскую информационную и образовательную систему.

По данной проблематике нами уже были высказаны конкретные предложения относительно изменения и дополнения законодательства[1], которые сводятся к тому, что в России законодательно не закреплены четкие критерии определения «результативности» диссертационных исследований, нет ясных и понятных форм научного знания, в которые ученые могли бы «вкладывать» полученные в диссертациях результаты. Но сейчас немного о другом.

Современный уровень информационных технологий позволяет создавать различные базы данных с открытым доступом к ним всех желающих. Ярким примером использования указанных ресурсов является Президентская библиотека, где собраны электронные варианты огромного количества научных работ и исследований: любой желающий может воспользоваться ими в научных или иных целях.

Мы же предлагаем создать «банк» результатов диссертационных исследований общероссийского масштаба, куда вошли бы итоги научных исследований дореволюционных, советских и российских ученых по различных сферам науки. Для реализации данного проекта потребуется много времени, придется создавать подобные ресурсы в каждом субъекте РФ. Но в итоге каждый аспирант и докторант будет иметь возможность ознакомиться с результатами исследований предыдущих поколений по избранной им проблематике, провести сравнительный анализ, выработать свою позицию и представить действительно новый, актуальный научный продукт. В свою очередь современные аспиранты и докторанты при наличии указанного «банка данных» будут размещать там полученные ими формы научного знания, помогая тем самым в проведении исследований следующим поколениям ученых.

Это направление технологического и информационного усовершенствования образовательного и исследовательского процесса необходимо начинать уже сейчас, причем ясно понимая выгоду от конечного результата — доступность и прозрачность результатов научных исследований. В будущем возможен обмен научными данными в рамках Европейского Союза, в который Россия рано или поздно вступит.

Еще одно перспективное направление использования передовых информационных технологий нового поколения в области образования и гуманитарных наук - интеграция в общеевропейский и общемировой образовательный процесс. Каким же образом добиться желаемого? Всем известно, что сегодня довольно активно функционируют программы обмена опытом, проводятся международные семинары и конференции, страны и их высшие учебные заведения обмениваются студентами и т.д.

Дополнительным способом привлечения зарубежного опыта и передачи отечественных разработок, на наш взгляд, является система дистанционного обучения. Сегодня эта сфера привлекает к себе пристальное внимание научной общественности в силу своей перспективности. По мнению сторонников дистанционного обучения — это будущее современного образования.

На сегодняшний день дистанционно (т.е. без личного контакта) образование получают студенты того учебного заведения, которое предлагает такую сферу услуг. В то же время гораздо интереснее и эффективнее было бы привлечение зарубежных лекторов и профессоров к участию в образовательном процессе в России. И наоборот. Как это может выглядеть на практике? Определенный университет или институт России заключает договор о сотрудничестве с университетом или академией европейского государства. Одним из условий договора является проведение дистанционных лекций on-line, с трансляцией из Европы в Россию для студенческой или преподавательской аудитории. И, опять-таки, наоборот — с трансляцией из России в Европу. Сказка и утопия? Отнюдь. Вопрос в мотивации и желании.

Одним из принципов Болонского процесса заявлено единство образовательного пространства стран-участниц, что в свою очередь подразумевает учебу студентов одного вуза в другом, привлечение преподавателей из различных стран к работе в различные университеты и академии при наличии вакансии и заинтересованности «принимающей стороны».

Подобные шаги могли бы действительно мотивировать «активную» часть профессорско-преподавательского состава к более решительным действиям. Думается, перспектива трудоустройства в одном из университетов Франции, Чехии, Англии, Италии более чем привлекательна для отечественных доцентов и профессоров. Аналогичная ситуация, как нам кажется, должна присутствовать и в студенческой среде.

Направлением применения информационных технологий является также языковая практика, коммуникабельность и взаимодействие на основе личного общения и контакта представителей образовательных систем различных государств. И здесь неожиданным барьером выступает сам язык, а точнее владение им более или менее свободно. Зададимся

вопросом: сколько сотрудников (в процентном выражении) профессорско-преподавательского состава российских вузов могут свободно изъясняться на английском или французском, либо кто из нас смог бы направить резюме в европейский университет, в котором в качестве рекламы своих профессиональных навыков указал бы возможность чтения курса/курсов лекций на английском или французском языке? Думаю единицы. Но ведь в таком случае ни о какой интеграции в европейскую образовательную систему речи быть не может.

Получается, таким образом, что если мы ставим себе целью использование передовых информационных технологий в области отечественного образования, то нужно параллельно и одновременно решать сразу комплекс сопутствующих задач, а это довольно затруднительно.

В связи с вышеизложенным нашим правительственным структурам следует уделять отдельное внимание комплексному подходу к решению задачи внедрения информационных технологий в образование, как вузовское, так и послевузовское. При этом в первую очередь нужно мотивировать себя на получение практических результатов от такого внедрения, а именно: а) сохранение уникальной системы подготовки специалистов и научных кадров в высших учебных заведениях России; б) интеграция в европейскую систему образования и использование опыта экономически и социально развитых стран на благо своей страны; в) формирование конкурентно способных научных кадров, способных реализовывать себя в различных сферах.

Возможно, такой метод покажется бесперспективным в силу своей невыполнимости. Но не будем забывать, что способности человека огромны, а способности государства – безграничны. Главная задача – активно использовать информацию и ее ресурсы, и не бояться делать первые шаги.

Литература

1. Апольский Е.А., Федоренко С.А. Вопросы законодательного закрепления требований к диссертационным исследованиям в России // Общество и право (Всероссийский научно-практический журнал). – 2009. - № 3 (25). – С. 278-283

УДК 343.01

ДИСКРЕЦИОННЫЕ НОРМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА: УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ ИЛИ КОРРУПЦИОГЕННЫЙ ФАКТОР? DISCRETIONARY RULES OF CRIMINAL LAW: THE CONDITION OF REALIZATION OF A PRINCIPLE OF FAIRNESS OR CORRUPTION-FACTOR?

Потапкин С.Н., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Средне-Волжский (г. Саранск) филиал ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»

Potapkin S.N., candidate of law, docent, head of the Department of criminal law and process, Middle-Volga (Saransk) branch FGBOUVPO «The Russian Law Academy of the Russian Federation Ministry of Justice»

e-mail: criminallaw_svf@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется правовая природа дискреционных норм уголовного права, их влияние на правоприменительную практику и их соответствие основополагающим началам и целям уголовного права.

Annotation: The article analyses the legal nature of the discretionary rules of the criminal law and its influence on law enforcement practices and their compliance with the fundamental principles and objectives of the criminal law.

Ключевые слова: дискреционные нормы, дискреционные полномочия, коррупциогенный фактор.

Key words: discretionary rules, discretionary powers, corruption-factor.

Дискреционное право, дискреционная власть, дискреционные полномочия, дискреционные расходы, дискреционная политика достаточно прочно вошли в оборот.

Все эти слова образованы от латинского «discretio», что в самом общем смысле переводится как возможность действовать по своему усмотрению.

В юридической науке наиболее часто обсуждаются вопросы, связанные с наличием дискреционных полномочий у чиновников, в том числе судей.

В связи с введением антикоррупционной экспертизы правовых актов был определен перечень коррупциогенных факторов, наличие которых, соответственно, свидетельствует о наличии опасности злоупотребления полномочиями со стороны должностного лица.

Было бы неверно говорить о том, что наличие дискреционных полномочий само по себе предопределяет коррупционное поведение должностных лиц.

Объективно говоря, не бывает полномочий «плохих» или «хороших», все зависит от того, как их использовать. Точно также не бывает «плохих» или «хороших» должностей, все зависит от того, какие люди их занимают.

Наличие властных полномочий является неотъемлемой частью государственного управления. История юриспруденции не знает примеров того, чтобы порядок деятельности хотя бы одного чиновника был нормативно урегулирован в мельчайших деталях, в том числе и в должностных инструкциях. Соответственно, определенный «люфт» в рамках нормативного регулирования должностных полномочий предполагается сам собой. Крайними проявлениями этого является ситуация, когда чиновник превращается в подобие механизма, выполняя свои должностные обязанности, и противоположная ситуация, когда чиновник имеет неограниченные, так называемые «чрезвычайные» полномочия.

Соответственно, коррупциогенным фактором является не закрепление дискреционных полномочий как таковых, а <u>широта</u> дискреционных полномочий, предполагающая возможность <u>в рамках правовой нормы</u> действовать столь свободно, что при этом существенно могут быть ограничены права и законные интересы других лиц. Естественно, при этом речь идет о возможности произвольного выбора решения чиновником, что никак не может служить укреплению режима законности.

Правовые нормы, предусматривающие дискреционные полномочия, в настоящем исследовании будут обозначаться как дискреционные нормы.

Согласно приказу Минюста России №77 от 01.04.2010 г. «Об организации работы по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и уставов муниципальных образований» органами юстиции осуществляется оценка на коррупциогенность соответствующих правовых актов при их государственной регистрации. Следует отметить достаточно эффективную деятельность органов юстиции в регионах в данном направлении [1].

При этом федеральные нормативные правовые акты подобному тщательному мониторингу не подвергаются, в том числе и Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ).

Согласно Методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов называются такие коррупциогенные факторы, устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключения из общих правил, как, например, широта дискреционных полномочий, т.е. отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения, определение компетенции по формуле «вправе», т.е. диспозитивное установление возможности совершения органами государственной власти (должностными лицами) действий в отношении граждан и организаций [1].

Подобные формулировки не в единичном числе встречаются и в статьях УК РФ, и в корреспондирующих им статьях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ).

Необходимо отметить, что в юридической науке целым рядом исследователей акцент сделан на исследовании дискреционных полномочий суда в уголовном судопроизводстве.

Считаем необходимым отметить, что процессуальные нормы являются производными от материальных норм, для реализации которых они, собственно, и создаются. Материальными нормами в данном случае являются нормы уголовного права. С учетом этого считаем правильным утверждать, что при отсутствии уголовно-правовых норм, предполагающих широкие дискреционные полномочия правоприменителя, невозможны и широкие дискреционные полномочия публичных субъектов в уголовном судопроизводстве.

Соответственно, если вести речь о предотвращении коррупционных проявлений при производстве по уголовным делам, то, в первую очередь, необходимо скорректировать нормы уголовного, а не уголовно-процессуального законодательства.

Поэтому основным объектом настоящего исследования являются <u>дискреционные</u> нормы уголовного права, т.е. нормы уголовного права, предусматривающие право правоприменителя на применение соответствующей нормы альтернативным образом.

Нормы уголовного права, предусматривающие широкие дискреционные полномочия, вполне логично было бы обозначить как коррупциогенные нормы уголовного права.

В статьях УК РФ содержится несколько видов норм, которые предусматривают дискреционный подход при своем применении.

В первую очередь, речь идет о санкциях статей Особенной части УК РФ, которые предусматривают как альтернативные виды наказания, так и «нижний» и «верхний» пределы размера данных видов наказания, что предопределяет право суда при назначении наказания определять по собственному усмотрению его вид и размер в пределах, обозначенных в санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ на основании субъективной оценки обстоятельств совершения преступления и данных о личности подсудимого.

При этом, если для решения вопроса о назначении наказания ниже предела, предусмотренного в санкции соответствующей статьи УК РФ, требуется установление определенных обстоятельств, то для назначения наказания по «нижнему» пределу санкции УК РФ формальных требований не предъявляет.

Соответственно, количество дискреционных норм уголовного права этого вида равно количеству статей Особенной части УК РФ.

Во-вторых, видом потенциально коррупциогенных норм уголовного права являются нормы, предусмотренные в статьях Общей части УК РФ, предусматривающие возможность освобождения от уголовной ответственности при наличии условий, обозначенных в законе. Речь идет о факультативных основаниях освобождения от уголовной ответственности (в связи с деятельным раскаянием, в связи с примирением с потерпевшим).

Потенциальная коррупциогенность дискреционных уголовно-правовых норм данного вида связана с тем, что даже при наличии условий, предусмотренных в УК РФ, право выбора

применять или не применять соответствующую норму об освобождении от уголовной ответственности зависит от произвольного усмотрения правоприменителя.

Аналогичное положение имеет место с нормами уголовного права, предусмотренные в статьях Общей части УК РФ, предусматривающие возможность освобождения от уголовного наказания при наличии условий, обозначенных в законе. Речь также идет о факультативных основаниях освобождения от наказания, когда право выбора применять или не применять соответствующую норму об освобождении от уголовного наказания зависит от произвольного усмотрения судьи.

Также к дискреционным можно отнести уголовно-правовые нормы, предусматривающие право помилования и объявления амнистии.

Дискреционной нормой является и положение о праве суде решать вопрос о снятии судимости до истечения сроков погашения судимости.

Новой дискреционной нормой уголовного права стало положение, закрепленное в ч.6 ст. 15 УК РФ, предусматривающее право суда на изменение категории преступления по степени тяжести, что, соответственно, впоследствии влияет на вид места лишения свободы, сроки условно-досрочного освобождения от наказания, сроки погашения судимости.

Дискреционные нормы уголовного права обладают разной степенью потенциальной коррупциогенности.

Предупреждение коррупции в сфере уголовного судопроизводства во многом связано с предотвращением злоупотреблений именно при назначении наказания, освобождении от уголовной ответственности и от наказания.

Представляется верным, что снижению потенциальной коррупциогенности соответствующих уголовно-правовых норм могло бы способствовать установление четких формальных условий применения соответствующих правовых норм, что фактически должно означать уход от факультативных оснований освобождения от уголовной ответственности и уход от факультативных оснований освобождения от уголовного наказания.

Предвидя возможные вопросы о стимулировании посткриминального поведения лица, совершившего преступление, необходимо отметить, что одноименные с ныне факультативными основания освобождения от уголовной ответственности и наказания могут быть сохранены в качестве обязательных, но с более жесткими условиями применения.

В качестве примера, можно было бы переформулировать диспозицию ст.76 УК РФ: «Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, освобождается от уголовной ответственности за совершенное деяние, если примирилось с потерпевшим (потерпевшими) и полностью возместило ему (им) причиненный вред, и затраты, понесенные государством в связи с производством по уголовному делу». В данном случае это основание было бы уже не факультативным, а обязательным и утратило бы возможность произвольного выбора решения в подобной ситуации.

Более сложно обстоит дело с возможностью формализации подхода к назначению наказания в пределах санкции статьи Особенной части УК РФ.

Наличие относительно-определенных санкций в статьях Особенной части УК РФ, в первую очередь, связано с реализацией принципа справедливости в уголовном праве, в соответствии с которым наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему общественно-опасное деяние, должны соответствовать общественной опасности этого деяния и самого лица.

При этом логика законодателя заключается в том, что смещение размера назначаемого наказания «вверх» или «вниз» от медианы санкции должно зависеть от наличия смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств. Однако, буквальное предписание об этом отсутствует в УК РФ, что дает судье формальное основание, руководствуясь собственным правосознанием на основании субъективной оценки обстоятельств совершения преступления по своему усмотрению определять справедливое и соразмерное наказание. Нарушение закона имеет место, когда назначенное наказание излишне мягкое либо наоборот – излишне суровое, причем закон сам по себе не дает четких критериев определения соразмерности.

Исправление «недочетов», допущенных при назначении наказания, исходя из действующего законодательства, связано с деятельностью судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций. В УПК РФ для этого имеется такое основание для изменения или отмены состоявшегося приговора как несправедливость приговора (ст. 383 УПК РФ).

Необходимо помнить, что при отсутствии четких ориентиров количество мнений будет пропорционально количеству лиц, принимающих решение в конкретном случае, что никоим образом не служит задаче обеспечения единообразия применения закона, и, соответственно, обеспечению единого правового пространства, единства правоприменительной практики.

Резюмируя изложенное, можно сказать, что сам закон допускает возможность нарушения принципа справедливости и в качестве гарантий восстановления справедливости предусматривается система контролирующих судебных инстанций. Иными словами, государство само создает проблему, чтобы затем «героически» ее решать.

Одним из вариантов ухода от этой проблемы с параллельным снижением потенциальной коррупциогенности соответствующего правового института заключаться в концептуальном подходе, связанном с определением размера наказания, исходя из четких критериев, установленных законом, когда функции правоприменителя будут сводиться лишь к установлению тех или иных обстоятельств без права уменьшать или без увеличивать размер назначаемого наказания установления дополнительных обстоятельств.

Итак, введение абсолютно определенных санкций в статьях Особенной части УК РФ сводит к минимуму возможность реализации принципа справедливости без подсоединения дополнительных правовых инструментов. В качестве подобных инструментов могли бы быть использованы понижающие либо повышающие коэффициенты, привязанные к

определенным смягчающим или отягчающим наказание обстоятельствам, соответствующим образом изменяющих «базовую» санкцию нормы.

В случае реализации подобной системы дискреционные полномочия правоприменителя были бы ограничены лишь установлением наличия или отсутствия соответствующих правовых фактов, а определение наказания, связанного с их наличием или отсутствием (как наиболее потенциально коррупциогенный фактор), уже не зависело бы от усмотрения судьи, и, соответственно, сводило бы возможность злоупотребления к минимуму.

Необходимо отметить, что подобный подход нетрадиционен для отечественного уголовного законодательства, которое предоставляет достаточно широкие дискреционные полномочия правоприменителю уголовно-правовых норм (публичным субъектам уголовного судопроизводства).

Отечественное законодательство в этой части не имеет в качестве своей составляющей презумпцию недоверия к судье, однако современные российские реалии диктуют необходимость дополнительных гарантий соблюдения законности в сфере осуществления судопроизводства по уголовным делам.

Необходимо еще раз отметить, что согласно действующим правовым актам официальная антикоррупционная экспертиза федеральных нормативно-правовых актов не предусмотрена и не предусмотрено принесение представлений об устранении коррупциогенных положений в них, однако это совершенно не означает, что в перспективе подобная функция не будет возложена, например, на уполномоченный государственный орган, например, на Министерство юстиции Российской Федерации.

Литература

1. Девятаев, Ф. П. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и уставов муниципальных образований как важное звено в системе мер по противодействию коррупции // VII Державинские чтения в Республике Мордовия: материалы Всерос. науч.практ. конф., г. Саранск, 19-20 мая 2011 г. / РПА Минюста России Средне — Волж. (г. Саранск) фил.; [редкол.: Г.П. Кулешова и др.]. — Саранск, 2011. — С.23-35.

УДК 343

ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЕ ОШИБКИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ THE LAWMAKING MISTAKES IN THE LEGISLATIVE PRACTICE

Романова В. А., старший преподаватель кафедры гуманитарных и социальноэкономических дисциплин, Ростовский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»

Romanova V.A., senior lecturer of humanities and socio-economic disciplines, Rostov-on-Don, Rostov institute of law of Russian legal academy of the Russian Federation Ministry of Justicem

e-mail: ikulia3@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы возникновения ошибок в законодательной практике. Рассматриваются их виды и анализируются причины, приводящие к законотворческим ошибкам.

Annotation: The problems of origin of the mistakes in the legislative practice are in the focus of this article. The author considers the kinds of the mistakes and analyses the reasons that result in the lawmaking mistakes.

Ключевые слова: законотворческая деятельность, закон, ошибки.

Key words: lawmaking process, legislation, mistake.

Scīre leges non hoc est verba earum teněre, sed vim ac potestātem (Знание законов – не в том, чтобы помнить их слова, а в том, чтобы понимать их смысл)

Закон — это нормативно-правовой акт, обладающий высшей юридической силой, принятый в строго определенном порядке, устанавливающий основные нормы всех отраслей права и регулирующий наиболее важные общественные отношения.

Законотворчество является неотъемлемой функцией государства. Текст закона — это результат очень сложного познавательного процесса, который включает в себя разработку концепции, подготовку и экспертную проверку закона, доработку, если это необходимо, и, конечно же, рассмотрение и одобрение органом власти. Нередко именно в этой области законодателями допускаются ошибки в несоблюдении общепринятых правил, стандартов и требований в разработке и принятии законодательных актов.

Несовершенство принятого закона обычно связывают с законотворческими ошибками. Для законотворческой деятельности это проблема имеет большое значение, так

как нарушение определенных правил техники, затрагивает права и свободы человека и гражданина, разрушает систему гарантий.

Причины, приводящие к законотворческим ошибкам, можно разделить на две группы.

По мнению одних ученых, они связаны с недостатками и упущениями, возникшими на стадии проектирования норм права, переводом имеющихся представлений о социальных и юридических закономерностях в систему нормативно — правовых установлении. Хотя проектирование любого закона и является творческим процессом, но его результаты должны соответствовать определенным, достаточно формализованным критериям, в первую очередь — положениям Конституции РФ, федеральным законам и общепризнанным нормам международного права, а также правилам законодательной техники, формальной логики и современного русского литературного языка.

Среди субъективных причин можно отметить поспешность в рассмотрении и принятии законов, нарушение технологии и недостаточно четкую регламентацию законодательного процесса, незнание многими субъектами и участниками законопроектной деятельности действующего законодательства, методологии, методики законотворчества, правил законодательной техники и современного русского литературного языка, несоблюдение или игнорирование отдельными участниками законодательного процесса установленных или выработанных на практике процедур создания законов, волюнтаризм отдельных руководителей, проявляющийся во внесении в Государственную Думу популистских или не основанных на потребностях практики законопроектов.

Законотворческой ошибкой признают официально реализованное добросовестное заблуждение, результат неправильных действий законотворческого органа, нарушающих общие принципы либо конкретные нормы правообразования, не отвечающих потребностям, уровню и закономерности развития регулируемой деятельности и влекущих отрицательные последствия в юридической, социальной и иных сферах.

Выделим следующие критерии, несоответствие которым ведет к появлению законотворческих ошибок.

Первый: соблюдение принципов законодательной техники, формальной логики, грамматики и иных требований, упомянутых ранее.

Второй: учет социальных и юридических закономерностей, действующих в различных сферах общественных отношений.

Приведенная схема позволяет правильно определить изъяны и недочеты в нормативно-правовом акте, относимые «на совесть» правотворческих органов. А своевременное и верное выявление недостатков, осознание его сущности, установление причины — залог его скорейшей ликвидации и надежная гарантия от повторения таких неприятностей в будущем.

Процесс законотворческих ошибок строится по правилам формальной логики и не требует сложных теоретических и эмпирических обоснований: достаточно установить факт

несоблюдения общепризнанного правила законодательной техники, логики или русского языка.

Владимир Михайлович Сырых, доктор юридических наук, в своей работе «Российское законодательство: проблемы и перспективы» предложил делить законотворческие ошибки на юридические, логические и грамматические [1].

ошибки Юридические возникают вследствие несоблюдения требований законодательной техники. Этими требованиями охвачены все стадии процесса законотворчества, а также наиболее важные аспекты содержания и формы создаваемого нормативно-правового акта.

Юридические ошибки занимают главенствующее положение среди остальных законотворческих ошибок и заслуживают максимально тщательного разбора. Анализируя наиболее характерные нарушения, допускаемые законодателем, можно выделить следующие виды юридических ошибок: ошибки в проектировании механизма правового регулирования; пробелы; избыточная нормативность; стилистические погрешности; коллизии между отдельными нормативно-правовыми актами; фактографические ошибки.

Следующий тип законотворческих ошибок — логические. Они представляют собой результат несоблюдения принципов и законов формальной логики при подготовке и принятии нормативно-правового акта. В повседневной жизни можно верно мыслить и не будучи знакомым с положениями формальной логики. Однако в процессе создания законопроекта элементарной бытовой логикой не обойтись. Речь идет, прежде всего, о правилах оперирования понятиями, употребления научных терминов, формулирования определений, логически последовательного распределения материала внутри текста законопроекта и т.п.

Но даже при поверхностном анализе ряда российских законов обнаруживаются существенные отступления от элементарных правил формальной логики. Наиболее часто встречаются логические противоречия, т. е. интерпретация различным образом одного и того же предмета, взятого в одном и том же отношении, в одном и том же временном отрезке.

Заключительный тип – грамматические ошибки. Законы наполнены лексическими дефектами – это могут быть ошибки морфологии, лексики пунктуации.

Следует обратить внимание на несогласованность некоторых слов в предложениях закона. К примеру, ст. 908 ГК РФ «Товарный склад признается складом общего пользования, если из закона, иных правовых актов вытекает, *что она* обязана принимать товары на хранение от любого товаровладельца». И это официальный, опубликованный текст закона.

Или морфологическая ошибка, связанная с искажением смысла в п. 5 ст. 790 ГК РФ: «В случаях, когда в соответствии с законом или иными правовыми актами установлены льготы или преимущества по провозной плате за перевозку грузов, пассажиров и багажа, понесенные в связи с этим расходы возмещаются транспортной организацией за счет средств соответствующего бюджета». Получается, что не организации возмещаются расходы за счёт средств бюджета, а организация за счёт средств соответствующего бюджета кому-то должна возмещать расходы. Смысл нормы поменялся на прямо противоположный.

Зачастую нормы законов представляют собой громоздкие фразы, перегруженные однородными членами предложения, дополнениями, причастными и деепричастными оборотами.

Например, согласно ст. 1373 Гражданского кодекса РФ, «право на получение патента и исключительное право на изобретение, полезную модель или промышленный образец, созданные при выполнении работ по государственному или муниципальному контракту для государственных или муниципальных нужд, принадлежат организации, выполняющей государственный или муниципальный контракт (исполнителю), если государственным или муниципальным контрактом не предусмотрено, что это право принадлежит Российской Федерации, субъекту Российской Федерации или муниципальному образованию, от имени которых выступает государственный или муниципальный заказчик, либо совместно исполнителю и Российской Федерации, исполнителю и субъекту Российской Федерации или исполнителю и муниципальному образованию». Смысл написанного удается вычленить с большим трудом. Законодатель должен помнить, что предложения простые выглядят яснее, нежели сложные[2].

Значительная роль в выявлении законотворческих ошибок принадлежит правоприменительной практике, правовой культуре всех субъектов правоотношений, и в первую очередь служащих и должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления. В зависимости от момента выявления ошибок они могут устраняться непосредственно в ходе законодательного процесса, вплоть до подписания закона, а после введения закона в действие — за счет внесения изменений и дополнений в действующий закон.

Таким образом, законотворчество должно обеспечивать условия, при которых отсутствуют как пробелы в праве, так и зарегламентированность общественных отношений.

Литература:

- 1. *Сырых, В. М.* Российское законодательство: проблемы и перспективы. М., 1995. С. 390–395
- 2. Гражданский кодекс Российской Федерации. М., 2012.

УДК 343

КАЧЕСТВО НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА – ЗАЛОГ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕДИНСТВА ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА ГОСУДАРСТВА

THE QUALITY OF THE REGULATORY FRAMEWORK OF THE REGIONAL LEGISLATION - THE KEY TO ENSURE THE UNITY OF THE LEGAL SPACE OF THE STATE

Спасенников И.Г., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Ростовский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»

Spasennikov I.G., candidate of law, docent, the docent of Criminal Law and Criminology Chair, Rostov Legal Institute (the Branch of Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation)

e-mail: ispasi@mail.ru

Аннотация: Рассмотрены вопросы правового регулирования различных общественных отношений, качество нормативно-правовой базы регионального законодательства.

Annotation: The problems of legal regulation of various public relations, the quality of the regulatory framework of the regional legislation.

Ключевые слова: региональное законодательство, единство правового пространства.

Key words: regional legislation, unity of the legal space.

Создание единого правового пространства на всей территории Российской Федерации одна из важнейших задач Российского государства, заключающаяся не в одинаковом регулировании тех или иных общественных отношений в разных субъектах Российской Федерации, а в строгом и полном соблюдении основополагающих актов и норм, на основании которых существует и действует наше государство, то есть в соблюдении Конституции Российской Федерации и федерального законодательства.

В Российской Федерации конституционными основами установления единства правового пространства является положение части 2 статьи 4 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которым Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации, а также часть 5 статьи 76 Конституции Российской Федерации, устанавливающая, что законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам, принятым в соответствии с частями первой и второй настоящей

статьи. В случае противоречия между федеральным законом и иным актом, изданным в Российской Федерации, действует федеральный закон.

Таким образом, обеспечение единства правового пространства, в первую очередь, заключается обеспечении соответствия нормативных правовых актов органов Российской государственной власти субъектов Федерации И органов местного самоуправления Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству. Исполнение данной государственной функции, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 №1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации», возложено на Министерство юстиции Российской Федерации, территориальные органы.

Согласно приказу Минюста РФ от 21 мая 2009 г. N 147 "Об утверждении Положения об Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по субъекту (субъектам) Российской Федерации и Перечня управлений Министерства юстиции Российской Федерации по субъектам Российской Федерации" на Управления Минюста России (по субъектам)возложены функции по проведению юридической экспертизы нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству, подготовке обзоров нормотворчества субъекта Российской Федерации в различных сферах правоотношений.

Юридическая экспертиза осуществляется в целях выработки федеральными органами государственной власти в пределах их полномочий, вытекающих из пункта «а» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации, совместно с органами государственной власти субъектов Российской Федерации мер по обеспечению соответствия конституций, уставов, законов и иных правовых актов субъектов Российской Федерации Конституции Российской Федерации и федеральным законам.

Вместе с тем, анализ состояния законодательства субъектов Российской Федерации показывает, что до сих пор наличие законодательной базы для правотворчества субъекта Российской Федерации в некоторых регионахне на должном уровне. Отсутствуют механизмы правового регулирования регионального правотворчества на уровне законодательства субъекта. Не все субъекты приняли основополагающие правовые акты, необходимые для выполнения своих функций и задач, а для этого необходимы степень учета местных условий, соотношение законов и подзаконных актов и внутренняя согласованность актов и их соответствие требованиям юридической техники.

В связи с этим, для соответствия региональных нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) федеральному законодательству, необходимо, прежде всего, осуществлять внешнюю и внутреннюю согласованность законодательства субъекта Российской Федерациис федеральным законодательством, определив предмета ведения и полномочий субъекта.

Необходимо также отметить, что качество нормативно-правовой базы регионального законодательства будет зависеть от невмешательства органов государственной власти в

компетенцию органов местного самоуправления, однако, не исключая,при этом,системноговзаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в интересах субъекта и его населения.

Следует подчеркнуть, что качество нормотворчества и переход в правовое поле достигается при верховенстве Конституции Российской Федерации, федеральных законов, Конституции или Устава субъекта Российской Федерации при ориентированности законодательства субъекта Федерации на общепризнанные принципы и нормы международного права.

В целях приведения нормативных правовых актов, действующих на территории субъектаРоссийской Федерации, в соответствие с нормами федерального законодательства необходимо назначать рабочие группы экспертов и принимать экспертные заключения, содержащие выводы о наличии в акте противоречий, а по мере их подготовки направлять в адрес органа (должностного лица), издавшего акт для рассмотрения и принятия необходимых мер.

В целях осуществления обеспечения превентивных мер по принятию законов, противоречащих федеральному законодательству либо содержащих коррупциогенные факторы, особое внимание в настоящее время следует уделять юридической обработке нормативных правовых актов на проектной стадии.

Таким образом, важным показателем эффективности нормотворческой работы субъекта Федерации является качество региональных законов и других нормативных актов. Вместе с тем, объективный критерий качества не установлен. Чаще всего используется показатель соответствия нормативных актов субъекта Конституции Российской Федерации и федеральным законам.

Взаимодействие субъекта с органами государственной власти должно осуществляться в целях совершенствования и систематизации регионального законодательства путем проведения правового анализа проектов нормативных правовых актов, а также проведения мониторингов законодательства субъектов Российской Федерации, регулирующих общественные отношения в различных отраслях права, в которых указывается на необходимость разработки и принятия ряда нормативных правовых актов в целях обеспечения полноты урегулирования отношений и обеспечения механизма реализации норм федерального законодательства.

При проведении юридической экспертизы необходимо проводить проверку полномочий субъекта Российской Федерации на регулирование тех или иных общественных отношений, компетенцию органа государственной власти субъекта Российской Федерации по принятию акта в рассматриваемой сфере общественных отношений, а также рассматривать непосредственно сам акт на предмет наличия в нем положений, противоречащих Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству.

Справедливости ради следует отметить, что проведение юридической экспертизы указанных актов является не просто бюрократической процедурой, но, в первую очередь, инструментом обеспечения соблюдения конституционных прав и свобод человека и

гражданина, его законных интересов на территории каждого отдельно взятого субъекта Российской Федерации, инструментом недопущения ограничений прав граждан посредством принятия, противоречащих федеральному законодательству региональных нормативных правовых актов.

Вместе с тем, деятельность органов юстиции по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации не ограничивается только проведением юридической экспертизы акта. При выявлении несоответствия федеральному законодательству в акте субъектов Российской Федерации задачей органа юстиции является принятие мер в целях приведения акта в соответствие, путем признания его утратившими силу, либо внесения в него изменений. Также органами юстиции должны регулярно проводиться экспертные исследования регионального законодательства в целях выявления пробелов правового регулирования общественных отношений, что также может нарушать права граждан, проживающих на территории отдельных субъектов Российской Федерации. В тех же целях следует проводить работу по отслеживанию изменений федерального законодательства.

Практика принятия нормативных правовых актов субъектами Российской Федерации должна осуществляться, прежде всего, не в угоду политической целесообразности, а на основе принципа выпуска таких законов в правовое пространство, которые бы не противоречили друг другу и искусственно не создавали бы трудности для правоприменителей.

Таким образом, обеспечение единства правового пространства Российской Федерации это целый комплекс мер, осуществляемых органами юстиции, направленный на соблюдение прав и свобод человека и гражданина, Конституции Российской Федерации и федерального законодательства на всей территории Российской Федерации.

Внутренняя противоречивость федерального и регионального законодательства, наличие в конституциях, уставах и других нормативных правовых актах субъектов Федерации норм, которые расходятся с положениями Конституции и законов Российской Федерации, противоречат основным принципам создания и функционирования федеративного государства - подрывают стабильность и единство правового регулирования, так необходимых в современных условиях. И чем быстрее будут устранены несоответствия и противоречия между федеральными и региональными правовыми решениями, тем скорее от этого выиграют и государство и общество.

УДК 343

К ВОПРОСУ ОБ ОСПАРИВАНИИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ TO THE QUESTION OF CHALLENGING THE REGULATIONS IN THE COURTS OF GENERAL JURISDICTION

Филимонова Е.А., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, Ростовский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»

Filimonova E.A., candidate of law, docent, the docent of business law, civil and arbitration process Chair, Rostov Legal Institute (the Branch of Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation)

e-mail: lenarnd1008@mail.ru

Аннотация: Рассмотрены проблемы обеспечения единства правового пространства, в том числе актуальные вопросы осуществления судебного нормоконтроля.

Annotation: The problems of ensuring the unity of the legal space, including current issues of judicial control of legal norms

Ключевые слова: единство правового пространства, судебный нормоконтроль, подведомственность, нормативный правовой акт.

Key words: unity of the legal space, judicial legal norms control, jurisdiction, legal act.

Согласно ст. 15 Конституции Российской Федерации законы и иные правовые акты, принимаемые в России, не должны противоречить Конституции РФ, имеющей высшую юридическую силу и прямое действие. Нельзя говорить о едином правовом пространстве, если не соблюдается данная норма. В данной статье рассматриваются вопросы оспаривания нормативных правовых актов в судах общей юрисдикции, поскольку в настоящее время законодательная и правоприменительная практика несовершенна, то есть имеют место проблемы с обеспечением единства правового пространства.

По мнению И.Н. Барцица, «правовое пространство представляет сферу регламентации юридическими нормами моделей правомерного поведения государства, его составных частей и граждан в границах территории данного государства и конкретного исторического времени» [1].

Формирование правового пространства и построение единой правовой системы зависит от многих факторов и процессов. Конечно же, все начинается с законотворчества, поэтому основной акцент должен быть сделан именно в этом направлении с целью совершенствования и дальнейшего развития российского законодательства. Этот процесс не

должен быть хаотичным и подвержен сиюминутным потребностям общества, то есть не должен зависеть от внезапно возникшей или обнаруженной в обществе проблемы.

Во-вторых, следует должное внимание уделять юридической технике подготовки и оформления правовых актов. Для этого надо выработать унифицированные стандарты оформления законов и подзаконных актов с использованием единых терминов и однозначной их трактовкой, соответствующего языка и стиля изложения и т.д.

В-третьих, надо сформировать систему выявления изъянов действующего законодательства и своевременного устранения имеющихся противоречий и пробелов.

В-четвертых, помимо очень важной процедуры принятия нормативных правовых актов, в рамках которой не должны нарушаться либо превышаться полномочия органа государственной власти или местного самоуправления, должностного лица на их издание, существуют правила опубликования и вступления нормативных правовых актов в законную силу, которые также должны соблюдаться неукоснительно.

Однако, что мы видим на практике: нормативные правовые акты, особенно принимаемые на уровне субъектов $P\Phi$ и муниципальными образованиями, обладают существенными недостатками и часто оспариваются в судах. Итог рассмотрения таких дел один — удовлетворение заявлений и признание нормативных правовых актов недействующими.

Контроль судов общей юрисдикции за законностью нормативных правовых актов (судебный нормоконтроль) представляет собой одно из проявлений контрольной функции судебной власти в сфере нормотворчества. Реализация судебных полномочий по проверке нормативных предписаний обеспечивает поддержание судебной властью баланса между законодательной и исполнительной ветвями власти, между федеральным, региональным и муниципальным уровнями власти, является важнейшим средством сохранения равновесия всей нормативно-правовой системы [2].

Следует отметить, что до сих пор не издан федеральный конституционный закон, который бы регламентировал вопросы, относящиеся к осуществлению судами общей юрисдикции нормоконтроля. Хотя Верховный Суд РФ обращался в Федеральное Собрание с законодательной инициативой — проектом федерального конституционного закона № 99020723-2 «О полномочиях судов общей юрисдикции по проверке соответствия нормативных правовых актов Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, федеральным законам, иным нормативным правовым актам». Однако Совет Федерации 22 декабря 1999 г. отклонил данный закон, и более к этому вопросу не возвращались.

В действующем Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации [3] (далее – ГПК РФ) содержится гл. 24, которая регламентирует производство по делам о признании недействующими нормативных правовых актов полностью или в части.

Из-за отсутствия специального закона возникает множество дискуссий и судебных ошибок, связанных с неправильным определением подведомственности дела об оспаривании

нормативного правового акта. Так, действующее законодательство не относит к компетенции арбитражных судов рассмотрение дел об оспаривании нормативных правовых актов, регулирующих земельные отношения, даже если заявителем является акционерное общество. На данное положение Верховный Суд РФ вынужден был вновь обратить внимание в своем постановлении [4].

Для того, чтобы правильно определить подведомственность дела данной категории, а этот вопрос является номером один для суда общей юрисдикции перед тем, как принимать или не принимать его к своему производству, следует правильно определить вид оспариваемого правового акта (нормативный или ненормативный), характер регулируемых им общественных отношений, а также установить, какому нормативному правовому акту он противоречит (Конституции РФ или федеральному закону, или закону субъекта РФ).

Исходя из положений статьи 245 ГПК РФ суды не вправе рассматривать и разрешать дела, возникающие из публичных правоотношений, в том числе по заявлениям граждан, организаций, прокурора об оспаривании полностью или в части нормативных правовых актов, в случаях, когда федеральным законом их рассмотрение прямо отнесено к ведению арбитражных судов (например, абзацем первым пункта 2 статьи 138 Налогового кодекса Российской Федерации, пунктом 4 статьи 5 Таможенного кодекса Российской Федерации, статьей 36 Федерального закона «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров», статьей 7.1 Федерального закона «О государственном регулировании тарифов на электрическую и тепловую энергию в Российской Федерации», статьей 23 Федерального закона «О защите конкуренции») [5].

В судебной практике имеют место случаи, когда суды ошибочно исходят из того, что ведомственные документы (распоряжения) во всех случаях не содержат правовых норм, обязательных для неопределенного круга лиц, и возвращают заявления.

Таким образом, необходимо уточнить, что понимается под объектом оспаривания, т.е. нормативным правовым актом [6]. Следует отметить, что до сих пор отсутствует законодательное закрепление определения понятия «нормативный правовой акт». В п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2007 № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» содержится лишь указание на существенные признаки, характеризующие нормативный правовой акт. К ним относятся:

- издание нормативного правового акта в установленном порядке управомоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления или должностным лицом;
- наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений.

Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» раскрывает понятие «муниципальный правовой акт». Это решение, принятое непосредственно населением муниципального образования по вопросам местного значения либо решение, принятое органом местного самоуправления по вопросам местного значения, по вопросам осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов РФ, а также по иным вопросам, отнесенным уставом муниципального образования в соответствии с федеральными законами к полномочиям органов местного самоуправления и (или) должностных лиц местного самоуправления, документально оформленные, обязательные для исполнения на территории муниципального образования, устанавливающие либо изменяющие общеобязательные правила или имеющие индивидуальный характер.

Итак, потребность в регламентации ключевых понятий очевидна. В научных кругах ставится вопрос о необходимости принятия кодифицированного федерального закона, в котором в том числе следует определить понятие «нормативный правовой акт», возможность и условия компиляции норм федерального законодательства в актах субъектов Федерации, последствия для органов государственной власти субъектов Российской Федерации принятия нормативных правовых актов, содержащих противоречия федеральному законодательству [7].

К субъектам, которые могут обратиться в суд с заявлением, относятся:

- 1) граждане и организации, считающие, что принятым и опубликованным в установленном порядке нормативным правовым актом органа государственной власти, местного самоуправления или должностного лица нарушаются их права и свободы, гарантированные Конституцией РФ, законами и другими нормативными правовыми актами. Однако даже если нормативным правовым актом не нарушаются права, свободы и законные интересы заявителя, суд не вправе отказывать в принятии заявления по данному основанию, поскольку этот вопрос разрешается в процессе рассмотрения заявления по существу в судебном заседании, то есть в настоящее время имеет место абстрактный нормоконтроль. Хотя Верховный Суд РФ внес проект федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» (постановление № 5 от 05 апреля 2012 г.), в котором в частности предлагается внести дополнение в ч. 1 и 5 ст. 251 ГПК РФ. Речь должна идти только о тех нормативных правовых актах, которые применены или могут быть применены в отношении гражданина, организации.
 - 2) прокурор (ст. 45, ст. 251 ГПК РФ).
- 3) органы государственной власти, органы местного самоуправления, организации или граждане в случаях, предусмотренных законом, в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц по их просьбе либо в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц (ст. 46 ГПК РФ).

4) Президент РФ, Правительство РФ, законодательный (представительный) орган субъекта РФ, высшее должностное лицо субъекта РФ, орган местного самоуправления, глава муниципального образования, считающие, что принятым и опубликованным в установленном порядке нормативным правовым актом нарушена их компетенция (ст. 251 ГПК РФ).

Следует заметить, что нормативные правовые акты часто оспариваются прокурором в суде при наличии коррупциогенных факторов. Однако и здесь имеются проблемы, поскольку механизм обращения прокурора с заявлением об исключении коррупциогенных факторов из нормативных правовых актов недостаточно законодательно урегулирован. Кроме того, оспариваться могут только нормативные правовые акты, а судьба проектов какова? Этот вопрос в процессуальном законодательстве также не разрешен до сих пор.

В процессе рассмотрения дел данной категории необходимо более активно использовать письменные доказательства и заключения экспертов, в том числе в рамках юридической экспертизы. Однако здесь другая проблема – недостаток квалифицированных специалистов, так как отсутствуют программа, методика и система их подготовки.

В заключение отметим, Россия как федеративное и суверенное государство должна планомерно двигаться вперед, стремясь к унификации и гармонизации законодательства. Но пока наиболее эффективным средством обеспечения законности в нормотворческой деятельности остается судебный контроль.

Литература

- 1. *Барциц, И. Н.* Правовое пространство России: вопросы конституционной теории и практики. М., 2000. С. 24.
- 2. *Никитин, С. В.* Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе. М.: «Волтерс Клувер», 2010.
- 3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-Ф3 (ред. от 14 июня 2012 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
- 4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2011 года, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 14 марта 2012 года. Режим доступа: http://www.supcourt.ru/second.php
- 5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2007 № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 1.
- 6. По данным Верховного Суда РФ, в 2011 году зарегистрировано 2276 исковых заявлений и жалоб в порядке гражданского производства. Окончено производством 253 гражданских дела, из них о признании противоречащими федеральному законодательству нормативных правовых актов 197 дел. Вынесено 22 решения о признании нормативных правовых актов противоречащими федеральному законодательству. См.: Обзор статистических данных о результатах деятельности

- Верховного Суда РФ по рассмотрению уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях за 2011 год. Режим доступа: http://www.supcourt.ru/second.php
- 7. *Артамонов, А. Н.* Новые формы российской государственности: задачи, решения, перспективы (насущная необходимость внедрения федерального кодекса, регламентирующего все отношения между Российской Федерацией и ее субъектами, крайне назрела) // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 9.

УДК 343

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ THE MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE SOCIAL SYSTEM OF THE ANCIENT RUSSIA

Гринев В.А., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Ростовский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»

Grinev V.A., the candidate of jurisprudence, associate professor of criminal trial and criminalistics, Rostov legal institute (branch) of the Russian legal academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation

E-mail: grinev77@mail.ru

Аннотация: Рассмотрены историко-правовое концепции ученых советского периода отечественного государства, которые занимались проблемой развития общественных отношений Древней Руси.

Abstract: The concept of the historical and legal scholars of the Soviet period of Russian government, which dealt with the issue of social relations of ancient Russia.

Ключевые слова: историография, Древняя Русь, общественный строй, община. Key words: Historiography, Ancient Russia, the social system, the community.

Необходимо напомнить, что в научной литературе под историографией понимается описание исторической литературы, то есть изучение истории науки в целом, совокупность исследований, посвященных определенной эпохе или теме. В своей конкретике историография рассматривает смену методов исследования, исторические концепции, теории [1].

C учетом вышеизложенного определения, историографическое описание общественных отношений Древней Руси, логично было бы начать с наиболее значимой фигуры отечественной историко-правовой науки – академика Б.Д. Грекова. Даже новейшие научные исследования [2] и учебные пособия по Истории отечественного государства и права не обходятся без историографического очерка, где в обязательном порядке упамянается Б.Д. Греков. Так, например, известный профессор В.К. Цечоев в своих работах пишет: «...Б.Д. Греков выделялся не только научным талантом, он был выдающимся педагогом, умелым администратором. Многие советские историки считали Б.Д. Грекова своим учителем...» [3]. Важно отметить, что создаваемая еще в 30-е гг. Б.Д. Грековым концепция древнерусского феодализма, в числе своих главных составляющих, содержала мысль о крупном вотчинном хозяйстве как основе феодальных отношений. Пристальное внимание ученого к древнерусской вотчине во многом проистекало как со стороны влияния идей Маркса о феодальном способе производства, так и из собственного научного опыта связанного с изучением хозяйственной жизни Новгорода XV-XVI вв. Рассматривая крупное хозяйство новгородской земли периода позднего средневековья, Б.Д. Греков полагал, что своим истоком оно должно было иметь землевладение новгородской знати X-XI вв [4].

Конечно, одним из основных источников, используемым ученым для реконструкции феодальной вотчины, стала Русская Правда. То обстоятельство, что этот юридический памятник относится к XI-XII вв., не стало препятствием Б.Д. Грекову для вывода о складывании вотчинного хозяйства в предшествующий период IX-X вв. По предположению исследователя, Русская Правда, подобно варварским правдам Западной Европы, фиксирует общественные отношения более раннего периода, отстоящих от времени создания памятника на два-три столетия [5].

Впрочем, ученый не ограничивался только этим источником (хотя он для него основной), а стремился найти в летописях косвенные свидетельства наличия крупных землевладельцев в IX-X вв. Подспорьем в этом поиске исследователю послужили договоры руси с греками, а также и те редкие летописные записи X- начала XI в., содержащие упоминания о «княжих» селах.

Анализируя договоры руси с греками, Б.Д. Греков вполне справедливо предположил, что упоминаемые в документах «послы» варяжских князей, никак не могли быть представителями родоплеменной знати. Они, по определению ученого, были представителями «высшего класса древнерусского общества» [5]. Поскольку основным занятием славян в VI-IX вв. было земледелие, постольку и знать русско-византийских договоров могла быть только землевладельческой знатью [5]. Интересно, что конкретное подтверждение своей мысли Б.Д. Греков находит в уставе новгородского князя Святослава Олеговича, передавшего дому св. Софии десятину от княжеских доходов.

Напомним, что устав содержит следующую преамбулу «Уставъ бывъшии нас в Руси от прадед и от дед наших, имати пискупом десятину от дании и от вир, и от продажъ, что входить в княжь двор всего» [6]. Преамбула устава вполне ясна для понимания и декларирует лишь отчисления от княжеских доходов, но Б.Д. Греков истолковывает ее в выгодном для себя ключе. Согласно ученому, «далекие предки (Святослава Олеговича) уже, стало быть, достаточно давно (Х век тут несомненен, так как иначе нельзя было бы говорить о «прадедах и дедах» во множественном числе) владели здесь землей» [5]. В интерпретации этого небольшого отрывка заметны особенности грековской методики работы с источниками.

Сведения устава историк пытается подогнать под свою концепцию раннего сложения вотчинного хозяйства. Очевидно, что в преамбуле устава нет никакого намека о земельных владениях новгородских князей. Для того, чтобы доказать наличие таких владений, необходимо выявить связь между взимаемой князем данью с погостов и его частным правом на сам погост и людей, живущих в нем. Б.Д. Греков эту проблему решает утвердительно, полагая, что погосты Устава Святослава Ольговича, находились во владении новгородских

князей. При этом вотчины были унаследованы ими «несомненно, от древнейших времен» [5]. Сделав подобный вывод, историк оставил в стороне ряд нюансов источника. Во-первых, территория, с которой поступала дань (Обонежье), стала объектом новгородской колонизации лишь со второй половины XI века, что препятствовало созданию там княжеских вотчин [7]. Управляемая особым чиновником, домажиричем, колонизуемая земля служила Новгороду источником поступления пушнины, что видно из самого устава.

Во-вторых, ссылки в уставе на традицию «от прадед и от дед» оказывать помощь церкви, никоим образом не говорят о княжеских вотчинах в Новгородской земле. Святослав Олегович декларировал давать отчисления от своих доходов церкви, что было заведено с конца X века [8].

Анализируя источники о землевладении знати в X-XI вв., историком без внимания были оставлены некоторые нюансы проблемы генезиса феодальной собственности на землю. В частности Б.Д. Греков никак не оговаривал тот факт, что для X- начала XI в. известны сообщения только о княжеских селах. А ведь это обстоятельство могло послужить (и в последствии послужило для других ученых) основой периодизации роста земельной собственности: от княжеской к боярской и монастырской. Вряд ли этот просчет можно списать только на невнимательность историка. Концептуальные представления Б.Д. Грекова, полагавшего, что вотчина рождается в недрах крестьянской общины, служили препятствием для создания подобной периодизации.

Как бы то ни было, отрывочные сведения летописей и других повествовательных источников позволили ученому утверждать, что на протяжении X-XII вв. происходил рост земельных владений знати, в том числе и за счет расхищения свободных крестьянских земель [8].

Центром вотчины исследователь считал «княжий двор», в котором сходились все нити вотчинного управления [8]. Во главе хозяйства стоял сам князь, а во время его отсутствия огнищанин и тот штат княжеских слуг, чья жизнь защищена 80-гривеной вирой. Упоминание в Правде Ярославичей сельского и ратайных старост наводит ученого на вполне допустимую мысль, что эти люди следили за сельскими работами в вотчине. И более того, так как речь идет о княжеском старосте и княжеской вотчине, то «естественно предположить здесь наличие княжеской пашни, то есть княжеской барской запашки»[8].

Высокие штрафы за нарушение земельных меж (статья 34), а также и бортных угодий (статься 32), еще более убеждает историка в охранительном назначении статей Правды, оберегавшей имущество феодала. Таким же свидетельством классового назначения норм Правды служит и наличие феодальных прав князя по отношению к зависимому населению вотчины - смердам и холопам. Только князь обладал исключительным правом судить смерда (статья 33) [5].

Интересно, что в последней характеристике Б.Д. Греков демонстрирует выборочный подход при анализе источникового материала. Как следует из самой статьи 33, княжеский суд распространялся не только на смерда, но и на весь штат княжеских служащих (огнищанина, тиуна, мечника).

Ну и низшим разрядом зависимого населения, по мнению Б.Д. Грекова, являлось «челядь», которое эксплуатировалось на господской пашне или дворе феодала [5]. Вместе с тем, понятие «челядь» используется в источниках и как общее определение для различных прослоек зависимого люда, куда могли входить и холопы. Сделанное допущение дает историку возможность обнаружить «челядь» и в Правде Ярославичей, хотя само понятие там вовсе не используется. Под общее наименование «челяди» ученым подводятся самые различные категории зависимых населявших княжеский домен: от мелких администраторов («ратайный староста») до «непосредственных производителей» холопов.

Нужно согласиться с тем, что реконструкция вотчины, проделанная Б.Д. Грековым на основе Русской Правды, далеко не во всем убедительна, что дало повод для критики со стороны некоторых историков.

В историографии 50-х гг., уже послегрековского периода, исследователями по инерции продолжал отстаиваться тезис о раннем формировании вотчинного землевладения, основанного на эксплуатации рабов и зависимых крестьян. В немногочисленных публикациях по этой проблеме, вышедших в 50-е гг., зарождение вотчины относилось к VIII-IX вв., а ее социальным истоком называлась разлагавшаяся под воздействием имущественного расслоения, сельская община [9,10].

Правда, в эти же годы в науке появляются и робкие тенденции ставить под сомнение некоторые идеи Б.Д. Грекова. На проходившем в 1956 году в Институте истории, обсуждении вопроса о генезисе феодализма, рядом историков были высказаны критические замечания по адресу концепции раннего происхождения феодализма. Так, М.Н. Тихомировым, Б.А. Романовым, В.В. Мавродиным и другими были высказаны сомнения относительно самой возможности наличия феодальной вотчины в VII-IX вв. Даже для X века, как считали названные историки, доказать существование феодального землевладения на основе археологических данных, вряд ли было возможно [9,10].

Отрицание грековской концепции, в том числе и ее главного постулата о вотчине, как основе феодальных отношений, шло и со стороны тех ученых, кто разделял мысли своего предшественника. Разумеется, это отрицание велось не сознательно, а как бы исподволь, поскольку исследователи, стремясь сделать концепцию древнерусского феодализма более убедительной, вынуждены были отклонять наиболее слабые места научных рассуждений Б.Д. Грекова. Одним их таких ученых, пошедших на ревизию грековских взглядов, был Л.В. Черепнин, предположивший гипотезу о государственной феодальной собственности на землю в Древней Руси. Гипотеза ЈІ.В. Черепнина в своей основе двуедина: с одной стороны, она включает мысль о верховной собственности государства на общинные земли, с другой, это верховное право реализовывалось во взимание князем дани с крестьян, тождественной феодальной ренте. Последний вопрос о дани-ренте мы намерены рассмотреть отдельно в следующем параграфе.

Процесс формирования вотчинного землевладения JI.В. Черепнин рисует во многом традиционно в духе научных представлений Б.Д. Грекова. К VII-VIII вв. ученым относится

процесс разложения сельской общины, внутри которой выделяются группы землевладельцев-аллодистов, подчиняющих своей экономической власти других малосостоятельных крестьян [11,12].

Одновременно с этим ученый наблюдает и другой процесс, который он называет «окняжением» свободных крестьянских общин. Политическим выражением этого процесса было подчинение «племенных княжений» Киеву. Оказавшись под властью киевского князя, вчерашние свободные общинники утрачивали свои права. Прежде всего, они подверглись эксплуатации со стороны государства посредством взимания дани. Наряду с этим крестьяне, по предположению Л.В. Черепнина, теряли возможность свободно распоряжаться своей землей. Право на владение землею переходило к государству в лице князя и его дружины. По словам ученого общественные отношения Древней Руси, «рассматривая крестьянские земли как государственные, княжеская власть начинает по своему усмотрению их отчуждать, причем вместе с крестьянами» [11,12]. Конкретным примером такого отчуждения земли с крестьянами для исследователя служат жалованные грамоты новгородских князей, датируемые началом XII века. Все три документа вызывали далеко не однозначную оценку в историографии, но важно подчеркнуть, что для Л.В. Черепнина одна из этих грамот - Всеволода Мстиславича на терпужский погост Ляховичи, является прямым указанием на передачу земли с «крестьянами» Юрьеву монастырю.

Наряду с государственной собственностью в конце X- начале XII вв. формируется и вотчинная собственность отдельных прослоек феодалов - князя, бояр и церкви. Вопрос о том, что было источником возникновения земельных владений феодалов, Л.В. Черепниным фактически не ставится. Исключение составляет исследование ученым вотчинных владений церкви XI-XII вв., появлявшихся, во многом, благодаря земельным раздачам князей [11,12].

Нельзя не упомянуть и о другом ярком ученом - М.Б. Свердлове, который исследуя проблему генезиса феодальной собственности в IX — XI вв., исходил из верного посыла, что в догосударственный период «титульная» собственность на землю находилась в руках племени [13]. По мере складывания государства и формирования административного аппарата управления, племенная собственность оказалась под властью князя и его дружины [13,14].

Подобно своим коллегам, М.Б. Свердлов уходит от решения некоторых вопросов, которые должны были пояснить его суждения. В частности, не ясно, могли ли племенные князья, безусловно, обладавшие правом суда, управления, взимания дани (или полюдья), рассматриваться в качестве феодалов в рамках племенных княжений. Не совсем понятно из суждений М.Б. Свердлова, насколько глубоко княжеская администрация проникала в жизнь сельских общин. Следуя Русской Правде, соприкосновение княжеских людей и свободных общин происходило только во время судебных коллизий, вся остальная жизнь общины, видимо, находились вне присутствия князя и его администрации.

Хотелось бы заметить, что практически все исследователи, придерживающиеся концепции государственного феодализма, в качестве источника формирования феодального

землевладения называли княжеские пожалования [13,14]. В этой связи важно увидеть один историографический момент, связанный с переменами в исторических представлениях ученых. Если Б.Д. Греков пожалования князя воспринимал исключительно как передачу прав на землю, что означало рождение новой вотчины, то историки государственности 60-х начала 80-х гг. в таких пожалованиях видели систему кормлений. Четких различий в кормлениях, передававшихся от одного князя другому или же поступавших от князя церкви, приближенным лицам, ученые не делали. Это затрудняло понимание «механизма» формирования кормлений, с одной стороны, а с другой, отдаляло от исследователей ряд вопросов, связанных с функционированием системы кормлений - межкняжеские отношения, связь кормлений с государственной властью и перераспределением государственных доходов (дани, судебные пошлины).

Наиболее радикально мысль о зарождении вотчинной системы через княжеские пожалования, была высказана А.А. Горским. По наблюдениям ученого, в Древней Руси Х-ХІІІ вв. заметны три формы образования феодальной вотчины: 1. передача сбора дани князем дружиннику, что создавало потенциальную возможность для складывания вотчины; 2. пожалование землей из государственного фонда; 3. пожалование землей из княжеского домена [15,16,17]. Подобно многим своим коллегам историк не учитывал все те моменты, что сопутствовали образованию кормлений. Так, передача сбора дани с определенной территории, как правило, происходила внутри княжеского рода. Исходя из этого, можно сделать ряд выводов, идущих вразрез с научными представлениями А.А. Горского.

Совсем недавно, во время дискуссии о древнерусском феодализме, носившей уже, скорее, историографический характер, В.Д. Назаровым было подмечено, что концепция государственного феодализма дала определенный рывок «в самом понятийном аппарате, связанном с понятием феодализма и, в принципе, выходящим... за пределы марксизма» [18]. Подобный «рывок» историк усматривал в пристальном внимании ЈІ.В. Черепнина и других к системе кормлений, которые в XI-XII вв. «пронизывают весь круг социальных связей и служат до определенного момента фокусом отношений собственности» [18]. Мнение В.Д. Назарова разделили и другие участники дискуссии - В.А. Кучкин, А.В. Назаренко [18].

Было бы неверно определять историографическую ситуацию 60-70-х гг. как время безраздельного господства идей Б.Д. Грекова и Л.В. Черепнина. Несмотря на то, что концепции этих ученых имели лидирующее значение в историко-правовой науке, в эти же годы некоторые историки государственности пытались переосмыслить ход социально-экономического развития Древней Руси. Идеи, предлагаемые этими учеными, во многом были «маргинальными» для советской историографии 60-х - середины 80-х гг. Выяснение причин подобной ситуации не входит в нашу задачу, но от себя заметим, что они лежат в застойных явлениях научной жизни тех лет - монополия одной методологии.

Однако были и другие ученые, которые высказывали свою субъективную точку зрения – это, прежде всего А.А. Зимин. Работая над проблемой древнерусского холопства, ученый доказывал необоснованность тезиса Б.Д. Грекова о быстром отмирании этого

института. Холопы, как верно считал историк, играли большую роль в хозяйстве знати, что накладывало свой отпечаток на вотчинное землевладение. Немногочисленные сообщения летописи о княжеских селах X- начала XI вв., А.А. Зимин рассматривает как легендарные, служившие летописцу «догадкой» о происхождении того или иного факта [19].

Развитие феодального землевладения сдерживалось крепкой крестьянской общиной, не допускавшей обогащения отдельных ее членов. Вотчина в XI века рождается не внутри общины, как это казалось Б.Д. Грекову, а через княжеское пожалование землей боярина или монастыря.

Сравнительно позднее появление вотчинного хозяйства в Древней Руси наблюдает и В.И. Горемыкина. Отвергая устоявшуюся в историографии трактовку ряда статей Русской Правды, связанных с защитой прав на имущество, в том числе и на землю, как оберегающих интересы феодалов, исследовательница приходит к иным выводам. Используя данные этнографии, В.И. Горемыкина справедливо замечает, что традиционному мировоззрению крестьян, в том числе и древнерусской эпохи, было свойственно «трудовое право» на землю. Оно коренилось в представлении о том, что крестьянин обладает правом не на земельные угодья, а только на результаты своего труда [20].

Исходя из этих наблюдений, историк ставит под сомнение саму возможность формирования феодальной вотчины внутри общины. Крестьянское мировоззрение, не допускавшее возможности свободно владеть и распоряжаться землей, а также и контроль со стороны общинной организации за социальной обстановкой, препятствовали возникновению феодальных отношений.

Те земельные вотчины, что находились в руках древнерусской знати, «произрастали» либо из владений родоплеменных владык, либо не являлись княжескими пожалованиями [20]. При этом вотчины не определяли социального облика Руси X-XII вв., основу в котором составляло общинное землевладение.

Рассматривая генезис общинной собственности, В.И. Горемыкина выделяет ряд этапов. Первоначально, в догосударственный период верховенство право на землю находилось в руках племени. С распадом родовых отношений верховные права племени на земли переходят к общинам различных уровней: от сельской до городской [20]. Именно кормления в исторической перспективе, как думает историк, и создали фундамент для «строительства» феодальных вотчин [21].

Похожим образом процесс формирования земельной собственности видится Л.В. Даниловой. Подобно Горемыкиной, исследовательница основным землевладельцем считала общинную организацию [22]. И все же, несмотря на то, что титульное право распоряжение землей было закреплено за общинами различных уровней, на рубеже XI-XII вв. появляются те элементы, из которых сложились впоследствии феодальные отношения. Основу феодализма составляла система кормлений, предоставлявшая кормленщику осуществлять суд и управлять населением города или волости [22]. Соответственно эти административные права и позволили кормленщику распространять свою власть не только на личность, но и земли вверяемых ему людей. Правда, Л.В. Данилова делает оговорку, что в древнерусский

период право распоряжения общинной землей еще не вошло в компетенцию кормленщика [22].

Высказанные В.И. Горемыкиной и Л.В. Даниловой мысли во многом пересекались с наблюдениями И.Я. Фроянова касательно места крупного землевладения в хозяйственной жизни Древней Руси. Историк государственности полагает, что вотчинное землевладение сформировалось сравнительно поздно, краткие известия о котором можно встретить в летописных статьях за XI вв. [23]. Ранее всего зарождается княжеский домен, отрывочные известия о котором можно встретить в сообщениях источников за X век [23]. Не оспаривая мнения Б.Д. Грекова и других ученых о том, что основным занятием славян было земледелие, И.Я. Фроянов все же полагает, что княжеский домен носил более промысловый, нежели земледельческий характер [23]. Ученый утверждал, что право собственности, выступала власть государства. Наличие за носителем публичной власти (будь-то князь или городская община) определенных прерогатив было обусловлено как традицией, идущей еще от родоплеменной эпохи, когда племя выступало собственником своей земли, так и повседневной практикой XI-XIII вв., связанной с решением князем и общиной насущных задач (управление, суд).

Разумеется, подходы к решению проблемы у каждого ученого были свои: одни, такие как Л.В. Черепнин, подходили к ней через «модификацию» концепции Б.Д. Грекова, меняя ракурс на существо феодальной ренты, время сложения феодальной вотчины; другие же, это, прежде всего, И.Я. Фроянов и В.И. Горемыкина, напротив шли по пути отрицания основ грековской концепции, привнося в науку новые подходы, позволившие иначе взглянуть на «старые» вопросы генезиса феодальной собственности.

Литература

- 1. Симаков В.С. Словарь исторических терминов. СПб., 1998. С. 94.
- 2. Малихов А.В. Историография советской и зарубежной русской историко-правовой науки (1917-1990-е гг.): автореф. дис. ... кан. юрид. наук: 12.00.01 / Андрей Викторович Малихов. Краснодар. 2009. С. 12-14
- 3. Цечоев В.К. История отечественного государства и права. Учебное пособие. Часть IV. Историография и источниковедение истории государства и права / В.К. Цечоев. Ростовна-Дону: Изд-во ДЮИ, 2001. С. 135-141.
- 4. Носов Е.Н. Академик Б.Д. Греков исследователь-источниковед / Е.Н. Носов. ВИД. Вып. 15. Л.. 1983. С. 8-12.
 - 5. Греков Б.Д. Киевская Русь / Б.Д. Греков. М, 1953. С. 125-144.
- 6. Российское законодательство X-XX веков. Законодательство Древней Руси. Т. 1. М., 1984. С. 224 (далее РЗ).
- 7. Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь Древней Руси XI-XIV вв. / Я.Н. Щапов. М., 1972. С. 159, 163-164.

- 8. Щапов Я.Н. Церковь в системе государственной власти Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение / Я.Н. Щапов. М., 1965. С. 300-303.
- 9. Тарновский К.Н. Предпосылки возникновения феодализма у восточных славян // Вопросы истории. 1954. № 4. С. 85, 91-92.
- 10. Созин И.В. К вопросу о причинах перехода восточных славян от первобытнообщинного строя к феодализму // Вопросы истории. 1957. № 6. С. 109.
- 11. Черепнин JI.В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) // Вопросы истории. 1953. № 4. С. 46-47.
- 12. Черепнин Л.В. Русь. Спорные вопросы феодальной земельной собственности в IX-XV вв. // Пути развития феодализма / А.П. Новосельцев, В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин. М, 1972. С. 157.
- 13. Свердлов М.Б. Генезис феодальной земельной собственности в Древней Руси // История СССР. 1978. № 8. С. 47-51.
- 14. Свердлов М.Б. Генезис и структура раннефеодального общества Древней Руси / М.Б. Свердлов. Л., 1983. С. 80-81.
- 15. Горский А.А. К вопросу о предпосылках и сущности генезиса феодализма на Руси // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1982. \mathbb{N} 4. C. 79.
- 16. Горский А.А.. Дружина и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. 1984. № 9. С. 23.
- 17. Горский А.А.. Феодализация на Руси: основное содержание процесса // Вопросы истории. 1986. \mathbb{N}_2 8. С. 80.
- 18. Свак Д. «Дурно» ли говорить «о русском феодализме»? (к историографии вопроса) // Труды ИРИ РАН за 1997-1998 гг. Вып. 2. М., С. 36 (дискуссия по докладу).
 - 19. Зимин А.А. Холопы на Руси / А.А. Зимин. М.. 1973. С. 53-54.
- 20. Горемыкина В.И. К проблеме истории докапиталистических обществ (на материале Древней Руси) / В.И. Горемыкина. Минск, 1970. С. 40.
- 21. Горемыкина В.И. Возникновение собственности на землю / В.И. Горемыкина. Минск, 1991. С. 62.
- 22. Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси / Л.В. Данилова. М., 1994. С. 185-187.
- 23. Фроянов И Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя / И.Я. Фроянов. СПб., 1999. С. 85-91.

УДК 66.2 (2Рос)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

SOME ASPECTS OF THE ENSURING OF THE RUSSIAN NATIONAL SECURITY

Кузина С.И., доктор политических наук, доцент, зав.кафедрой гуманитарных и социально-экономических наук, Ростовский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»

Kuzina S.I., the Doctor of politics, docent, head of humanitarian and social and economic science department, of Rostov legal institute of the Russian legal academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation

e-mail: svivk@yandex.ru

Аннотация: Рассматриваются проблемы обеспечения национальной безопасности России в условиях глобализации и международного разделения труда.

Annotation: the problems of ensuring of Russian national security in globalization and international division of labour are considered.

Ключевые слова и словосочетания: национальная безопасность, международное разделение труда.

Key words: national security, international division of labour.

Термин «национальная безопасность» в российском научном и политическом лексиконе появился сравнительно недавно — в XX в., при этом наиболее глубокую теоретическую проработку получила внешняя безопасность (как один из видов национальной безопасности). Внутренняя же безопасность, в силу различных причин идеологического и политического характера, до последнего времени в отечественной науке оставалась теоретически довольно слабо разработанной.

В Федеральном законе «О безопасности» № 2446-ФЗ от 5.03.1992 г. давалось понятие: «безопасность — состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Жизненно важные интересы — совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства. К основным объектам безопасности относятся: личность — ее права и свободы; общество — его материальные и духовные ценности; государство — его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность» [1]. Трактовка понятия «безопасность» в законе вызвала определенную критику со стороны научной общественности. Так, О.Бельков считает, что неверен был сам подход к объекту защиты. «Интересы <...> защищать не надо.

Защите подлежат люди и создаваемые ими структуры, а также ценности, нужные, потребные для нормального функционирования, нормальной жизнедеятельности человека, общества, государства, и условия, обеспечивающие их доступ к этим ценностям и возможность пользоваться ими» [2].

Новый Федеральный закон «О безопасности» 390-ФЗ от 28 декабря 2010 г. не содержит дефиниции безопасности, а «определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности...» [3]. Несомненным достоинством действующего законодательного акта является определение приоритетов деятельности по обеспечению безопасности. Первоочередной задачей поставлено прогнозирование, выявление, анализ и оценка угроз безопасности. Таким образом, законодательно зафиксировано признание безопасности как вторичного явления. Первичным должно стать выявление опасности, угроз, вызовов, рисков. Проанализировать, оценить, разработать меры безопасности можно только после выявления факторов, которые способны подорвать ее.

Согласно «Современному толковому словарю русского языка» — «Безопасный — 1. Не угрожающий опасностью, лишенный угрозы. 2. Безвредный» [4]. Словарь по общественным наукам дает определение национальной безопасности, — это «совокупность внутренних и внешних условий, которые обеспечивают стабильное политическое, социально-экономическое и духовно-культурное развитие общества, обеспечение независимости, защиту суверенитета и территориальной целостности государства» [5].

Принятая в 2009 году Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года рассматривает национальную безопасность как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» [6].

Предлагаемая Стратегией триада — «личность — общество — государство» — собственно, является носителем национальной безопасности. Другими словами, носитель национальной безопасности — нация или страна как единство государства, гражданского общества и каждого гражданина Российской Федерации. В данной триаде государство, прежде всего, понимается как государственная структура, публичная власть, а не как форма существования, организации народов в мире. Национальная безопасность означает состояние защищенности нации от возможных угроз во всех сферах ее жизнедеятельности — экономической, политической, духовной, экологической, оборонной, международной и других. Взаимосвязанность и единство отдельных частей целого — личности, общества, государства, — имеет такую особенность, что если одна из частей приобретает превалирующий, доминирующий характер, то этим неизменно наносится ущерб остальным. При этом необходимо видеть, что интересы субъектов безопасности часто не совпадают, и даже могут противоречить друг другу. Например, очевидно, что расходы государства на

оборону служат созданию его имиджа на международной арене как «сильного» государства, способного защитить свой суверенитет. Но значительные расходы на вооружение могут повлечь за собой ограничение финансирования социальных программ, снижение уровня жизни населения. Национальная безопасность России должна строиться исходя из сбалансированных интересов личности, общества и государства. Сферы интересов личности, общества и государства могут, пересекаясь, как укреплять, так и ослаблять, подрывать друг друга. «Государство пухло, народ хирел», – говорил В.О.Ключевской о периоде правления Петра I и его реформах.

Осмысление необходимости политического и экономического сохранения и развития страны сконцентрировалось в решении единой комплексной задачи — обеспечении национальной безопасности Российской Федерации. Выполнение этой комплексной задачи является не только условием, но и главной целью преуспевания российского государства.

За два последних десятилетия общественное мнение россиян так и не пришло к единству во взглядах на национальные ценности, интересы, цели и место Российской Федерации в современном постиндустриальном мире. Мнение одних россиян склоняется к идее русской монархической государственности, где национальная безопасность базируется на православии, патриотизме, соборности и самодержавии. Другие привержены идее демократического государства и гражданского общества, национальная безопасность которого строится на приоритете общечеловеческих ценностей и интересов. Значительная социальная группа россиян старшего поколения отстаивает мнение о необходимости ориентироваться на национальную безопасность, базирующуюся на идеологии советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

Все заметнее и чувствительнее для российского федерализма проявляет себя стремление отдельных групп населения И национальной политической придерживаться этнической концепции безопасности, основанной на приоритете этнических ценностей, необходимости подчинения интересов личности и общества интересам своего этноса. Недостаточная эффективность политики правительства в области обеспечения национального консенсуса не способствуют формированию общественного мнения россиян национальной безопасности, базирующейся на безусловной ориентации общенациональные ценности, интересы и цели Российской Федерации, на жизненно важные интересы личности, общества и государства.

До 1997 г. в России не было документа, принятого на государственном уровне и отражающего концепцию национальной безопасности. Вместо него государству и обществу предлагались отдельные программные заявления государственных и партийных деятелей, которые отражали национальные ценности, интересы и цели, а также угрозы им. И только в 1997 году Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 (с изменениями и дополнениями от 10 января 2000 г. № 24) была введена Концепция национальной безопасности России. В мае 2009 г. была утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, в 2010 г. принят Закон РФ «О

безопасности». В принятых документах Россия четко сформулировала свои национальные интересы.

Классификация факторов обеспечения национальной безопасности страны в отечественной науке представлена, прежде всего, делением их на внешние и внутренние (в соответствии с парированием существующих угроз), хотя такое деление представляется недостаточно строгим. К примеру, улучшение благосостояния народа является внутренним фактором обеспечения национальной безопасности страны, но в условиях современной глобализации колебания котировок на международном фондовом рынке отражается на курсе национальной валюты и, соответственно, — на уровне жизни населения страны.

Тем не менее, определить основные маркеры внешних и внутренних факторов национальных угроз возможно. К внешним необходимо отнести такие глобальные проблемы, как военная угроза, финансовые риски, место России в международной системе разделения труда, наркотрафик, незаконная торговля оружием, глобальное изменение климата и другие. Внутренние факторы угроз национальной безопасности можно классифицировать по разным основаниям. Если говорить о внутренних ресурсах страны и их безопасности, то можно перечислить экологическую, энергетическую безопасность природных ресурсов; технологическую безопасность материально-технических ресурсов; информационную безопасность – информационных ресурсов; финансовую безопасность в области финансовых ресурсов страны; социально-экономическую безопасность (демография, здоровье нации, ее духовный потенциал, образование, культура).

Современное мировое хозяйство развивается достаточно неоднородно. Такой результат является следствием международного разделения труда как формы специализации стран в рамках мировой экономики. Разделение труда, специализация являются важнейшая характеристикой, основой современной цивилизации. Специализация ведет к повышению производительности труда, растет общий объем производства, снижается себестоимость производимой продукции, повышается качество производимых товаров, работ и услуг. И любая специализация должна на следующем этапе привести к кооперации, объединению, сотрудничеству, обмену. Если эти процессы идут в рамках национальной экономики, то такие связи только усиливают экономический потенциал страны.

Несколько другая картина при переносе разделения труда на мировой уровень. На межгосударственном уровне всегда были и остаются на ближайшую перспективу такие факторы, как конфликты интересов, войны (глобальные и локальные) и прочие формы насилия. В условиях противоречий интересов субъектов мировой политики любая узкая специализация экономики страны приводит к экономической и политической зависимости от других стран-участниц международной торговли, т.е. к потере национальной безопасности. И чем уже специализация производства товаров и услуг в стране, тем сильнее угроза потери независимости.

Идея о «полезности» специализации для отстающих в развитии стран и внешней торговли с развитыми странами принадлежит английским политэкономам конца XVIII-го – начала XIX-го вв. Адаму Смиту и Дэвиду Рикардо. Такая выгода носит краткосрочный

характер, в долгосрочной перспективе она грозит полной потерей независимости. Система международного разделения труда выгодна, прежде всего, странам — лидерам мировой экономики, «золотому миллиарду». Говорить о равноценном товарном обмене в условиях узкой межстрановой специализации невозможно по причине того, что участники «свободной торговли» изначально находятся на разном уровне экономического развития. И такое разделение труда не является соглашением равных партнеров.

Вопрос об экономических взаимоотношениях России с внешним миром является достаточно дискуссионным. В общественном дискурсе нет согласия по поводу внешнеэкономической политики страны. Одни считают, что обладание богатыми природными ресурсами может сделать Россию «энергетической сверхдержавой», другие высказывают опасение, что зависимость страны от импорта товаров ставит под угрозу ее безопасность. В связи с этим спором интересно вспомнить высказывание известного немецкого ученого второй половины XIX-го века Фридриха Листа в его работе «Национальная система политической экономии» о протекционистской экономической политике России в начале XIX-го века: «Если бы иностранцы принимали в уплату пищевые продукты и сырье, а также грубые фабричные изделия, которые Россия могла поставлять, если бы не было войн и внешних осложнений, то Россия считала бы долго еще для себя более выгодным свободный обмен со странами, ее опредившими, т.к. ее культура вообще вследствие этих сношений сделала бы гораздо больше успеха, нежели при протекционной системе. Но войны, блокада континента и ограничительные меры других стран принуждали Россию попытать счастья на ином пути, а не в отпуске сырья и привозе иностранных фабричных изделий. <...> Поэтому она видела себя вынужденной взяться самостоятельную переработку своего сырья» [7]. И там же Ф.Лист дает совет Германии брать пример с России: «...Всякая нация, как и всякий человек, не имеет более дорогих интересов, как свои собственные. России нечего заботиться о благосостоянии Германии. Пусть Германия занимается Германией, а Россия – Россией. Вместо того чтобы жаловаться, надеяться и ждать Мессию будущей свободы торговли, было бы гораздо лучше бросить космополитические системы в огонь и поучиться на примере России» [8]. Невольно напрашивается вопрос: а не поучиться ли современной России на собственном примере из прошлого?

Открытие российской экономики в 90-е годы в условиях неконкурентоспособности отечественного производителя по сравнению с аналогичными зарубежными фирмами привели к тому, что Россия была отброшена на периферию мировой экономики. Выгода от внешнеэкономической торговли для любой страны состоит в том, чтобы получать не только дешевые товары и услуги, но передовые технологии производства. Но развитые страны не спешат делиться высокими технологиями, процесс затягивается на длительные периоды или передаются устаревшие технологии. Причиной таких процессов является нежелание развитых стран уграчивать монополию на интеллектуальную ренту в мировом масштабе. Периферийным странам навязывается экономическая специализация, сохраняющая

лидерство стран «золотого миллиарда». За прошедшее двадцатилетие внешняя торговля и открытость российских рынков не привели к массовому внедрению новейших зарубежных технологий, нам поставляется уже устаревшее оборудование и технологии вчерашнего дня, да и в ближайшей перспективе увеличение инвестиций в основной капитал страны не предвидится. Неясны перспективы и вступления России в ВТО.

Анализ угроз национальной безопасности государства и системы ее обеспечения нуждается в комплексном подходе, так как ущерб безопасности в одной сфере жизни общества ставит под вопрос безопасность во всех остальных ее сферах. Национальная безопасность обеспечивается осуществлением координации мер политического, экономического, правового, административного, оборонного характера.

Литература

- 1. Федеральный закон Российской Федерации от 5.03.1992 г. № 2446-ФЗ «О безопасности». Режим доступа: http://www.legis.ru/misc/doc/77/
- 2. Проблемы современного государственного управления в России. Материалы научного семинара / под ред. В.И.Якунина. Выпуск № 1(22). Экономическое, социальное, региональное, внешнесредовое измерения государственного управления и национальная безопасность. М.: Научный эксперт, 2009. С.42.
- 3. Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности». Режим доступа: http://www.rg.ru/2010/12/29/bezopasnost-dok.html
- 4. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. С.37.
- 5. Словарь общественных наук / Авторы-составители: Подольская Е.А., Погорелый Д.Е., Лихвар В.Д. Ростов н/Д: «Феникс», 2006. С.45.
- 6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. 13 мая 2009 года. Режим доступа: http://президент.pф/ref_notes/424
- 7. Цит по: *Коваль, О.* Национальная безопасность как ориентир для выбора стратегии экономического развития // Россия в мире: гуманитарное, политическое и экономическое измерение: материалы Всеросс.научн.конф., 19 марта 2010г., Москва / Центр пробл.анал. и гос.-упр.проект. М.: Научный эксперт, 2010. С.398.
- 8. Там же. С.399.

УДК 66.2 (2Рос)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ (ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ) RUSSIAN NATIONAL IDENTITY AS A CONDITION OF A STATE PROTECTION (POLITICAL AND LEGAL ASPECTS)

Федан М.А., заместитель декана по заочному обучению, магистрант Ростовского юридического института (филиала) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»

Fedan M.A. deputy dean of distance learning faculty, competitor for master's degree of Rostov legal institute of the Russian legal academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation

e-mail: ruyzaochka@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы становления российской национальной идентичности в условиях глобализации, обосновывается необходимость трансформации нормативно-ценностные системы общества.

Annotation: the problems of formation of the Russian national identity in globalization are considered in the article; the necessity of transformation of the normative and value system of society is based.

Ключевые слова и словосочетания: национальная идентичность; самокатегоризация; нормативно-ценностные системы; толерантность; интолерантность; мультикультурализм.

Key words: national identity; self-categorization; normative and value systems; tolerance; intolerance; multiculturalism.

Становление системы национальной безопасности России в большой степени связано с нерешенной до сих пор проблемой национальной идентичности страны. Кризис идентичности — это потеря Россией исторически сложившегося представления о себе. Что собой представляет Россия как государство? Каково ее положение в мире? Какова ее долгосрочная стратегия развития? Ни у власти, ни у общества нет единого мнения по этим вопросам. Отечественная наука только приступает к изучению темы идентичности во всей ее сложности. На Западе уже сложилось направление «постколониальных исследований», изучающее противоречие идентичностей колонизированных субъектов и колонизаторов. Тема идентичности чрезвычайно востребована в настоящее время по причине разворачивающихся культурных (информационных, психологических, цивилизационных)

войн. Технологии манипуляции сознанием толпы, молодежи, сценарии «цветных» революций представляют собой уже угрозу миру [1].

Поиск российским обществом своей национальной идентичности и определение национальной стратегии развития государства связаны с происходящими противоречивыми процессами, как внутри страны, так и в мире, в том числе в правовом поле. Глобализация сталкивается с происходящими в национальных государствах процессами поиска и сохранения этнонациональной идентичности. Такое сопротивление вызвано угрозой поражения идентификационных ядер национальных культур, хранящих в себе накопленные тысячелетиями представления этнонациональных сообществ о себе. Глобализационные процессы приводят к размыванию культурных особенностей этнонациональных сообществ, что и породило в последние годы вектор сопротивления унифицирующему тренду глобализации — концепцию «краха мультикультурализма». Сохранение и укрепление идентификационного ядра российской нации представляет собой важнейшую задачу обеспечения национальной безопасности, так как национальная идентичность является сущностью и ресурсом конкурентоспособности нации на мировой арене в условиях глобализации. Для России это означает не только выбор конкурентоспособной стратегии развития, но и вопрос национального выживания.

В первые послесоветские годы демократические власти «первой волны» попыталась объявить Российскую Федерацию совершенно новым демократическим государством, антиподом СССР. Такая позиция была унаследована от большевиков, старавшихся отказаться не только от наследия Российской империи, но и от тысячелетней российской истории. Но вскоре стало ясно, что начать «с чистого листа» не получается, так как собственно своего нового исторического проекта (кроме деклараций об «интеграции в мировое сообщество») реформаторы не имеют. Кроме того, члены этого самого мирового сообщества предъявили счет по историческим долгам как СССР, так и Российской империи в материальном смысле этого слова. Таким образом, отрекаясь от собственного прошлого, Россия переставала быть международно-правовым субъектом. Осознание правящей элитой сложившегося положения привело к ряду решений, возрождающих государственную символику дооктябрьской России – российский герб с двуглавым орлом, Андреевский флаг, гимн на музыку М.Глинки, название парламента – Государственная Дума (вместо Верховного Совета), институт губернаторов (по какой-то причине совмещенный с французским институтом мэров), городских управ, суда присяжных и пр. Институт президентства, как известно, был заимствован у США. Наряду с этим сохранился советский красный флаг у Вооруженных сил России, пятиконечные звезды на погонах, (введенные большевиками по предложению Л.Троцкого). В.Путин, став президентом, вернул советский гимн. Таким образом, национальная идентичность россиян оказалась размытой соединением трудносовместимых друг с другом идентичностей: дооктябрьской, советской и новой, «демократической». Российской политической элитой до сих пор не выполнена ее задача: обществу так до сих пор четко и не сформулированы ни стратегия развития, ни национальная идея, ни национальные интересы. Все попытки это сделать наталкиваются на

нерешенную задачу самоидентификации, ставящую вопросы «кто мы?», «откуда мы?», «куда идем?». Является ли Россия частью Европы, и тогда ее главный вектор — евроатлантические страны, является ли она частью Азии, и тогда ее интересы сосредоточены на Востоке, или же она является самостоятельным центром силы и будет придерживаться постулатов «многополюсного мира»?

Анализ социальных процессов и политических решений последнего времени позволяет сделать некоторые выводы по вопросу национальной самоидентификации российского общества. Что касается дооктябрьской идентичности, то можно констатировать, что «пациент скорее мертв, чем жив». Она была вытравлена из народного самосознания во время большевистского террора и строительства коммунистического будущего. Но сквозь советские исторические травмы прорастают архетипические православные традиции, стереотипы внешнеполитического мышления, атрибуты российской государственности и т.д. Не так много времени прошло, чтобы была утрачена советская идентичность. Это проявляется в ностальгии народа по советским временам, тоске по «сильной руке» (скорее, потребности в работающих законах и правопорядке), в возрождении советской государственной символики, отторжении ценностей «дикого» капитализма, «шоковой терапии», приватизации, всепроникающей коррупции и др. Наряду с этим у российского общества (особенно у молодых поколений) есть запрос на новое, современное государство с развитыми демократическими институтами, высоким уровнем жизни, сильной социальной государственной политикой, единым правовым пространством, гарантирующим своим гражданам индивидуальные свободы и защиту собственности.

Особенность России состоит в том, что, в отличие от других стран, ее национальная идентичность никогда не была чисто национальной, связанной с этническим основанием. Она всегда была наднациональной. Национальные интересы других стран, как США, так и Европы формировались на национально-этнической почве. В ходе исторического развития роль социально-культурного фактора в формировании национального интереса возрастала, а этнического сокращалась. В России же национально-этнический фактор до сих пор сохраняет самостоятельное значение и проявляется как в государственной национальной политике, так и в деятельности национальных элит. Поэтому после распада СССР Россия не могла сразу сформировать свою национальную идентичность, так как ее население не представляло собой нацию в западном смысле этого слова.

В результате национальная идентичность России представляет собой некий «слоеный пирог» (в отличие от «плавильного котла народов» США), слои которого (они же измерения идентичности) могут быть представлены «как:

- православный (религиозный);
- коммунистический (идеологический);
- либеральный (аксиологический);
- евразийский (геополитический, или территориальный);
- культурный (европейский);

- национальный (этнический);
- имперский;
- технологический (модернизационный)» [2].

Национальная идентификация происходит в такие исторические моменты, когда народ начинает взаимодействовать с другими народами, обладающими другими ценностями, когда он начинает испытывать давление «чужих» ценностей. На протяжении всей своей истории Россия самоопределялась или подтверждала свою идентичность в военном противоборстве с другими народами и государствами. Сегодня у России нет явно выраженных врагов, время «битвы народов» прошло. Сейчас пришло время «битвы идентичностей». Такие войны в форме «мягкой силы» (soft power) называют еще информационными, психологическими войнами. Основное оружие в таких войнах — манипуляция сознанием противника. Наибольшую опасность они представляют с точки зрения сохранения культурного ядра нации. Культурная стандартизация по западному образцу — главный вызов для национальной идентичности стран мира. Сопротивление этой стандартизации в целях защиты национальной культуры и является основной причиной антиамериканских настроений по всему миру.

Именно культурное измерение идентичности, ее цивилизационные коды и ценности являются главным ядром национальной идентичности народа. Ценности — продукт национального культурного развития. Они живут в душах людей, люди добровольно себя с ними идентифицируют. Никакой самый лучший закон и порядок не будут работать в обществе, если они не живут в душах и сознании людей. После отмены лжерелигии — коммунизма в душах российских граждан не возникла вновь христианская религия. Произошел процесс апостасии — отпадения от Бога. В душах образовался ценностной, религиозный вакуум, что не только не могло способствовать созданию правового государства, но и привело к невиданному расцвету криминальных отношений.

На всех этапах российской истории национальный интерес отождествлялся с государственным. Отношение к государству было важной составляющей национальной самокатегоризации. Уровень ожиданий граждан, связанных с государством, по-прежнему высок, но существующее одновременно недоверие по отношению к власти объясняется нереализованностью этих ожиданий. По-прежнему крайне болезненно гражданами воспринимается любое унижение России (вплоть до футбольного поражения), любая попытка поставить под сомнение ее статус великой державы. Именно величие державы является одной из главных ценностей в национальном российском самосознании. Поэтому концепт «сильной власти» в официальном политическом дискурсе свидетельствует о понимании отечественным истэблишментом необходимости преодоления национального унижения могучей прежде державы, произошедшего в 90-годы после распада СССР.

В общественное сознание россиян институциональные изменения в экономическом и политическом поле последних лет привнесли не только западные, но и общечеловеческие ценности, доказавшие свою эффективность на пути цивилизационного развития; произошли изменения в трудовой этике и морали.

Решающим шагом в изменении ценностных ориентаций стало принятие Конституции Российской Федерации в 1993 г. Ключевым элементом основополагающего закона был провозглашен человек, его права и свободы; в числе ценностей, гарантированных Конституцией – гражданский мир и согласие, равноправие народов, любовь и уважение к Отечеству, вера в добро и справедливость, суверенитет России, принципы демократии. В последующих программных документах, определяющих пути развития России, посланиях Президентов РФ подчеркивалась важность таких ценностей, как свобода, справедливость, жизнь человека, семейные традиции, патриотизм. При этом официальные документы всегда содержали не только западные, но и ценности российского культурно-цивилизационного ядра. Представляется, что эта система национальных ценностей способна стать жизненным ориентиром граждан России, их современным мировоззрением, не разрушающим культурное ядро российской цивилизации.

На вектор движения в сторону западных ценностей в общественных процессах посткоммунистической России наложился неожиданный для ученых и политиков вектор национализма. Он стал спутником вторичной буржуазной модернизации в России и в бывших республиках СССР. На территории распавшегося Союза национализм стал заменой идеологии пролетарского интернационализма. Для молодых государств он стал поиском путей в современный мир. Чувство национальной идентичности, дающее представление о национальной истории, в развитых современных государствах обеспечивает состояние безопасности, стабильности, уверенности в завтрашнем дне. Для русского населения, оказавшегося на территории новых независимых государств, это чувство болезненно обострилось, так как экономически, социально и политически оно оказалось в положении национального меньшинства. В отсутствие продуманной национальной политики, когда политические системы России и стран СНГ работают не в режиме вовлечения, а в режиме отталкивания людей, у большинства бывших соотечественников возникает чувство изгойства. Появление националистических движений на всем постсоветском пространстве можно объяснить постимперским или постколониальным синдромом. Это проявляется в наследовании бывшими зависимыми субъектами от бывшей метрополии потребности в расовых, конфессиональных, этнических различиях, как воспроизведения отношения господства, смещаемого на более слабого, чтобы самому встать на место господина. В этой связи антикавказские или антирусские (в бывших советских республиках) настроения являются постколониальными психическими комплексами.

В России размыванию национальной идентичности способствует конструирование отношения власти к населению российской провинции как к общности дегенеративного типа на основе социально-экономического и классового различия. Что закрепляется в «вертикали власти» — способу авторитарного администрирования. В общественном сознании картина деградации закрепляется мрачными показами по телевидению новостей и криминальных обзоров, а освещение террористических актов создает негативный тип «кавказцев». По сути, речь идет о внутренней колониальной политике, где колониями выступает провинция,

деревня, спальные микрорайоны, моногорода и пр. Формами протеста населения является уклонение (от призыва в армию, политики, выборов и др.), сентенции типа «умом Россию не понять», уход в теневую экономику («оптимизация налогов»), национализм «простых» людей как вызов космополитизму элиты.

Современному капиталистическому развитию вообще присуще неравномерное развитие регионов. Само существование капитализма определяется наличием развитых и недоразвитых (в политкорректной формулировке «развивающихся») регионов. Вторые выступают в качестве поставщика и резерва дешевой рабочей силы, а также резервного рынка. Богатство развитого региона возрастает, несмотря на увеличение стоимости производства в нем. Быть потребителем оказывается выгодно, но туда «возьмут не всех», потому что доступ к потребительским благам статусно-классовый характер. Таким образом, возрастает интерес населения к внутренним границам, национальной самоидентификации внутри границ государства или региона. Отношения неравномерности развития между городом и деревней, центром и периферией воспроизводятся сегодня в глобальном масштабе в виде богатеющего «золотого миллиарда» и все более нищающей периферии в системе международного разделения труда. Неравномерность уровня жизни и развития создается среди прочего сверхприбылью за счет технологической ренты, которую центр получает именно за счет своей технологической, организационной развитости. Все это с неизбежностью воспроизводит регионализм во всех индустриально развитых странах, доходящий порой до сепаратизма, и вынуждает российское государство искать новые варианты региональной политики, в том числе и стратегического культурного планирования поиска путей национальной идентификации.

Десятилетние усилия посткоммунистической власти внятно сформулировать «российскую национальную идею» так и не увенчались успехом – не удалось выстроить нарратив, без которого никаких «идей» и национальных идентичностей не может быть по определению. Причинами здесь являются не только невозможность построения целостной, непротиворечивой модели идентичности, но и немыслимость создания идеологически однородной общности в ситуации фрагментации экономики, резкой стратификации общества и колоссального разрыва между центром и провинциями. Территориальные границы государства всегда определяли содержание культурных традиций и национальной идентичности, поэтому изменение границ, как это произошло в 90-е годы в бывшем советском государстве, значительно и на продолжительное время имели и имеют последствия для людей. В России произошло изменение и внутренних, и внешних границ, что сделало злободневной задачу обживания внутреннего и внешнего культурного пространства. Увеличение общественного интереса к вопросу обживания новых границ связано также с переструктурированием экономики, ментальной карты, социальной и культурной среды страны. Этот переход закономерно вытекает из ставшей несостоятельной прежней системы действий и мышления. Именно новые границы России становятся опорой, символом консолидации населяющих ее людей, становления российской общности не только как этнической, но и как политической.

Полиэтничность российского общества задает особые условия его функционирования: оно невозможно без взаимодействия составляющих его субъектов, и уже в силу этого нуждается в определенном уровне толерантности, терпимости каждого человека, как к собственной особости, так и к инаковости другого. Наиболее общее определение толерантности трактует ее как качество, присущее социальному субъекту, заключающееся в способности осознавать и принимать другой субъект как самостоятельный социокультурный феномен и осуществлять с ним социальное взаимодействие. Толерантность обычно рассматривается как социальный феномен. Но необходимо помнить, что человек как элемент биосферы обречен на сосуществование с другими элементами, следовательно, толерантность имеет еще и биологическую природу, заложенную в инстинкт самосохранения человека и его сообществ. С этой точки зрения определение толерантности не очень отличается от первоначального медицинского значения термина: толерантность это устойчивость биологической системы к чуждому воздействию. Разность между интолерантностью и толернатностью состоит в отношении к Другому: ставке на его уничтожение или воспитание терпения, устойчивости и выносливости организма к дестабилизирующим факторам.

Ценностное содержание толерантности в стабильном состоянии социальной системы, как правило, не востребовано. И только в условиях системного кризиса и межсистемного перехода происходит его актуализация, социальное взаимодействие переносится на уровень нормативно-ценностных систем, происходит их взаимная трансформация. Результаты трансформации могут быть для данного социального субъекта количественно более негативными, или более позитивными. Но даже в самой глубокой фазе кризиса, например, во время гражданской войны, нормативно-ценностная система субъектов, представляющая собой совокупность преследуемых целей и средств для их достижения, иногда проявляет свою спасительную адаптивность.

Нормативно-ценностные системы являются продуктом не коллективного творчества масс, а только соответствующей интеллектуальной элиты. Не статусной или социальной элиты, а именно интеллектуальной, способной создавать новое знание, новые представления о мире и переводить их содержание в доступный массовому пониманию вербальновизуальный вид. Наличие в обществах таких интеллектуальных элит делает возможным трансформацию нормативно-ценностных систем обществ, достижения ценностного уровня толерантности, делающего возможным новый этап развития общества и придание содержанию поиска национальной идентичности необходимых форм выражения.

Литература

- 1. Мейсан Т. Бунтари на поводке // Комсомольская правда. 07.08.2012. С.9.
- 2. Кортунов С.В. Становление национальной идентичности: Какая Россия нужна миру: учеб.пособие для студентов вузов / С.В.Кортунов. М.: Аспект Пресс, 2009. С.33.

УДК 343

ОСОБЕННОСТИ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ С РАЗМЕЩЕНИЕМ HECTALUOHAPHЫХ ТОРГОВЫХ ОБЪЕКТОВ. THE FEATURES OF THE DISPUTES SOLUTIONS ASSOCIATED WITH PLACEMENT OF NO STATIONARY MARKET SUBJECTS

Глазунова И.Н., кандидат юрид.наук, судья Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда

Glazunova I.N. candidate of legal science, judge of the 15th arbitral appellate court e-mail: skgi_institut@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены особенности разрешения споров, связанных с размещением нестационарных торговых объектов.

Annotation: the article deals with features of the disputes solutions associated with placement of no stationary market subjects

Ключевые слова: земельный участок, нестационарный торговый объект, спор Key words: land, no stationary market subject, dispute

Согласно нормам Земельного кодекса Российской Федерации, Градостроительного кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Закон о местном самоуправлении) в границах муниципального образования, независимо от форм собственности и целевого назначения земель, контроль за соблюдением порядка размещения объектов и за использованием земель осуществляет соответствующая администрация как орган местного самоуправления.

Органы местного самоуправления вправе определять места для размещения нестационарных торговых объектов в пределах территории муниципального образования.

Правоотношения, связанные с размещением (установкой) и эксплуатацией временных некапитальных (нестационарных) торговых объектов, регулируются Федеральным законом от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон о торговле).

Условия и порядок предоставления земельных участков в границах муниципального образования определяются нормативно-правовым актом органа местного самоуправления (так, например, в городе Ростове-на-Дону в настоящее время действует постановление Администрации г. Ростова-на-Дону от 12.10.2011 № 717 «Об утверждении Положения о порядке предоставления земельных участков для целей, не связанных со строительством», в городе Сочи – постановление главы города Сочи от 16.01.2004 № 65 «О порядке размещения объектов мелкорозничной торговли (услуг) на территории города Сочи»).

Такими актами, в частности, может быть закреплено требование о заключении договоров в отношении согласованных мест размещения нестационарных торговых объектов, именуемых, как правило, договорами аренды.

Анализ практики рассмотрения споров, вытекающих из правоотношений по использованию земельных участков для целей размещения нестационарных объектов торговли, выявил наличие проблемных вопросов, неединообразно решаемых судебными инстанциями.

Так, по делу, возникшему из заявления о признании незаконным отказа органа местного самоуправления в издании распоряжения о заключении договора аренды земельного участка для размещения нестационарного торгового объекта на новый срок в порядке главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (дело № А53-4851/2011), суды разошлись во мнениях относительно квалификации сделки как договора аренды земельного участка и надлежащего способа защиты прав арендатора.

По-разному судебными инстанциями решается вопрос о том, при каких условиях возможно удовлетворение требований органа местного самоуправления о демонтаже нестационарного торгового объекта (об освобождении земельного участка).

Согласно одному из подходов, если занимаемый нестационарным торговым объектом земельный участок не обособлен, права и законные интересы собственника не могут быть восстановлены посредством виндикационного, либо негаторного иска, поскольку положения статей 301 и 304 Гражданского кодекса Российской Федерации защищают нарушенное право собственника в отношении конкретного, индивидуального объекта.

Другая точка зрения основана на том, что объектом земельных отношений могут являться не только земельные участки, но и их части. Если часть земельного участка имеет ориентиры на местности и индивидуализирована, возможно применение виндикационной защиты.

У судов возникает вопрос, достаточно ли заключения договора аренды земельного участка для возникновения права на размещение нестационарного торгового объекта без включения его в схему размещения нестационарных торговых объектов, утвержденную органом местного самоуправления?

Представляется наиболее приемлемым следующий подход. Правоотношения, связанные с размещением (установкой) и эксплуатацией временного некапитального (нестационарного) торгового объекта регулируются, в том числе, Законом о торговле. В силу пункта 6 статьи 2 Закона таковыми являются временные сооружения и конструкции.

Согласно статье 10 Закона о торговле размещение нестационарных торговых объектов на земельных участках, в зданиях и строениях, находящихся в государственной или муниципальной собственности, должно осуществляться с учетом необходимости обеспечения устойчивого развития территорий и достижения нормативов минимальной обеспеченности населения площадью торговых объектов. Для этого разрабатывается и утверждается органом местного самоуправления специальная схема.

Схема размещения нестационарных торговых объектов и вносимые в нее изменения подлежат опубликованию на официальных сайтах соответствующих органов власти.

Утверждение указанной схемы, равно как и внесение в нее изменений, не может служить основанием для пересмотра мест размещения нестационарных торговых объектов, строительство, реконструкция или эксплуатация которых были начаты до утверждения схемы (изменений схемы).

Отношения по использованию земельных участков для целей размещения нестационарных объектов торговли формируются как в горизонтальной (товарно-денежной) сфере, так и в управленческой (регулятивной) сфере. Управленческие отношения складываются между органами, уполномоченными контролировать деятельность землепользователей, и землепользователями.

Указанное выражается, в частности в том, что при предоставлении земельного участка для целей размещения нестационарного торгового объекта необходимо получить предварительное согласование места размещения такого объекта с органом местного самоуправления.

Между тем, расположение нестационарного объекта торговли на территории муниципального образования предполагает использование земельного участка для указанных целей. Отношения по владению и пользованию земельным участком подлежат регулированию общими нормами гражданского и земельного законодательства с учетом специфики отношений по размещению размещения нестационарных торговых объектов.

Для возникновения арендных правоотношений по поводу земельного участка, на котором планируется размещение нестационарного торгового объекта, необходима совокупность юридических фактов (юридический состав): решение органа публичной власти (как административная предпосылка возникновения гражданских правоотношений) и договор аренды (как юридическое оформление отношений по поводу возмездного пользования чужим имуществом).

Наличие договора аренды при данных обстоятельствах недостаточно для констатации права на размещение нестационарного торгового объекта, поскольку такой объект может быть расположен только в месте, определенном схемой размещения нестационарных торговых объектов, разработанной и утвержденной органом местного самоуправления, за исключением случая, названного в пункте 6 статьи 10 Закона о торговле.

Также важное значение имеет правовая оценка договора, заключенного в отношении согласованного места размещения нестационарного торгового объекта.

Если государственный кадастровый учет земельного участка не проводился, договор в отношении согласованного места размещения нестационарного торгового объекта не может быть квалифицирован как договор аренды земельного участка.

В соответствии с пунктом 3 статьи 607 Гражданского кодекса Российской Федерации в договоре аренды должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить имущество, подлежащее передаче арендатору в качестве объекта аренды. При отсутствии

этих данных в договоре условие об объекте, подлежащем передаче в аренду, считается не согласованным сторонами, а соответствующий договор не считается заключенным.

В силу статьи 11.1 Земельного кодекса Российской Федерации земельным участком является часть земной поверхности, границы которой определены в соответствии с федеральными законами.

Согласно пункту 7 статьи 38 Федерального закона от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» местоположение границ земельного участка устанавливается посредством определения координат характерных точек таких границ, то есть точек изменения описания границ земельного участка и деления их на части. Указанные сведения отражаются в межевом плане, предоставляемом при постановке земельного участка на кадастровый учет (статья 22 Закона).

В силу приведенных норм земельный участок может выступать объектом гражданских прав только с момента его надлежащего формирования и постановки на кадастровый учет.

Если нормативным актом органа местного самоуправления установлено требование о заключении договора в отношении согласованного места размещения нестационарного торгового объекта (который сторонами обычно обозначается как договор аренды), то такой договор, наряду с решением органа местного самоуправления, является одним из элементов юридического состава возникновения права на размещение нестационарного торгового объекта.

В отличие от договора аренды земельного участка, договор в отношении согласованного места размещения нестационарного торгового объекта может быть заключен и при отсутствии установленных границ земельного участка, если это не противоречит порядку предоставления участков для размещения таких объектов, установленному нормативным актом органа местного самоуправления.

Если нормативным актом органа местного самоуправления не установлено требование о заключении договора аренды земельного участка, поставленного на кадастровый учет, наличие рассматриваемого договора и соответствующего решения органа местного самоуправления (о включении объекта в схему размещения нестационарных торговых объектов) достаточно для возникновения права на размещение нестационарного торгового объекта.

Факт наличия/отсутствия сформированного земельного участка в данном случае влияет на выбор органом местного самоуправления способа защиты нарушенного права при отказе лица, использующего земельный участок для размещения торгового объекта, освободить его.

В ситуации, когда государственный кадастровый учет земельного участка не проводился, требования органа местного самоуправления об освобождении земельного участка, предъявляются в порядке осуществления земельного контроля, поскольку положения статей 301 и 304 Гражданского кодекса Российской Федерации защищают

нарушенное право собственника только в отношении конкретного, индивидуального объекта.

Для удовлетворения требований органа местного самоуправления об освобождении земельного участка (о демонтаже объекта) необходимо констатировать, что лицо, использующее земельный участок для размещения торгового объекта, является правонарушителем.

Такое лицо может быть признано правонарушителем, если спорный объект соответствует критериям самовольной постройки, либо размещен на территории муниципального образования без получения на то надлежащего разрешения и при отсутствии заключенного договора аренды земельного участка (если требование о заключении договора установлено нормативным актом органа местного самоуправления).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ABTOPOB INFORMATION FOR AUTORS

Уважаемые авторы!

Журнал «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» приглашает к сотрудничеству преподавателей вузов, научных работников, аспирантов и соискателей. Обращаем ваше внимание на то, что к публикации в Вестнике принимаются статьи, соответствующие заявленным рубрикам и обладающие научной новизной. Решение о включении статей и других материалов в журнал принимает редакционная коллегия, которая не гарантирует публикацию всех предоставленных материалов.

Рукописи и дискеты (диски) как опубликованных, так и неопубликованных материалов не возвращаются.

Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, технических, социологических, психологических и иных данных, имен собственных, цитат и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Статьи, опубликованные или принятые в другие издания, не принимаются.

Максимальный объем статьи (статей) для одного автора или коллектива соавторов составляет 15 страниц, минимальный – 4 страницы: Публикация бесплатная. Всем авторам будет роздан 1 экземпляр журнала.

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить и лицензионный договор, который можно скачать на сайте института www.skgi.ru

Электронную версию печатного издания можно будет **скачать бесплатно** на сайте института: www.skgi.ru

Научные направления журнала:

- 1. Экономические науки;
- 2. Юридические науки;
- 3. Философские науки;
- 4. Социологические науки;
- 5. Исторические науки;
- 6. Политические науки;
- 7. Физико-математические науки;
- 8. Технические науки;
- 9. Педагогика и психология;
- 10. Филологические науки.

Текст статьи, представленный автором, будет принят редакцией к рассмотрению только в случае соблюдения автором следующих условий оформления:

- формат бумаги A4 (21 cm x 29.7 cm);
- ориентация книжная;
- **поля:** левое -2.5 см, верхнее, нижнее, правое -2 см;
- текстовый редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- размер шрифта 14;

- межстрочный интервал полуторный;
- абзацный отступ 1,25.

Название файла содержит номер тематического направления и фамилии всех авторов: например, *ИВванов*.

В левом верхнем углу первой страницы печатается **УДК (ББК)** (*шрифт* – жирный), ниже через строку **название статьи** строчными буквами без переносов (*шрифт* – жирный, *выравнивание* – по центру) на русском и английском языках, затем через строку **инициалы и фамилии авторов, город и место работы** (*выравнивание* – по центру) на русском и английском языках, через строку – **аннотация** на русском и английском языках, ниже через строку – **ключевые слова** на русском и английском языках.

Аннотация объемом не более 3 строк должна кратко излагать предмет статьи и основные содержащиеся в ней выводы, ключевые слова (3 до 6 слов) должны отражать проблематику публикации. *Шрифт* – курсив, *форматирование* выравниванием по ширине страницы.

Текст статьи выравнивается по ширине. При наборе текста не следует делать жесткий перенос слов со знаком переноса. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения должны быть расшифрованы при первом появлении их в тексте. Разделы и подразделы статьи нумеруются арабскими цифрами, выделяются полужирным шрифтом и на отдельную страницу не выносятся.

Необходимо различать в тексте **дефис (-)** (например, черно-белый, бизнес-план) и **тире** (–) (Ctrl+пробел+ «–»).

Если вы используете кавычки, они должны иметь вид так называемых «елочек» (« »). Если в тексте встречаются внутренние и внешние кавычки, то они должны различаться, например: ООО «Издательство "Макрос"».

Таблицы в тексте должны быть выполнены в редакторе Microsoft Word (не отсканированы и не в виде рисунка). Таблицы должны располагаться в пределах рабочего поля. Таблицу при переносе на следующую страницу не разрывать (не копировать шапку, не делать отступы клавишей Enter). Таблицы нумеруются сверху. **Форматирование номера таблицы и ее названия**: *шрифт* обычный, *выравнивание* — слева. **Форматирование таблицы**: *шрифт* обычный, *размер шрифта* 12 пт, выравнивание — по центру, межстрочный интервал - одинарный.

Пример:

Таблица 1 – Название таблицы

№п/п		

Рисунки размещаются в рамках рабочего поля. Допускается использование рисунков в форматах JPEG и GIF. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров и быть представлены единым элементом. Используемое в тексте сканированное изображение должно иметь разрешение не менее 300 точек на дюйм. *Положение рисунка* – в тексте. Рисунки нумеруются снизу, **подпись под рисунком** выравнивается по центру.

Пример:

Рисунок 1 – Название рисунка

Количество таблиц в документе не более 3-х, количество рисунков – не более 5.

Формулы должны быть набраны с использованием формульного редактора Microsoft Equation 3.0 или Math Type, выравниваются по центру, их номера – в круглых скобках по правому краю.

Нумерация страниц и колонтитулы не используются.

Ссылки на литературу в тексте указываются в квадратных скобках с указанием номера источника, например: Текст статьи ... [1]. Текст статьи ... [2] и т.п.

Список литературы приводится в конце статьи и должен быть озаглавлен «Литература» (*шрифт* полужирный, *форматирование* — по центру). Используемые источники должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ 7.1-2003(форматирование выравниванием по ширине страницы).

На отдельном листе прилагаются сведения об авторах

Статьи принимаются по адресу: 355041, г. Ставрополь, ул. Лермонтова 312-А, (Северо-Кавказский гуманитарный институт) или по электронной почте skgi_institut@mail.ru

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Порядок рецензирования рукописей, представляемых для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института»

- 1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, представляемых для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» (далее Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, представляемых авторами для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» (далее Журнал)
- 2. Каждая рукопись, представленная в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.
- 3. Рукопись научной статьи, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет соответствия рукописи научной статьи профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.
- 4. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии Журнала, имеющий наиболее близкую к теме статьи научную специализацию. Редакция имеет право привлекать внешних рецензентов, как правило, имеющих ученую степень и(или) ученое звание, а также специалистовпрактиков.
- 5. Рецензенты уведомляются о том, что представленные для рецензирования статьи являются частной собственностью авторов и содержат сведения, не подлежащие разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.
- 6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензии предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.
- 7. Рецензия в обязательном порядке должна быть предоставлена по соответствующему запросу экспертных советов в Высшую аттестационную комиссию Министерства образования и науки Российской Федерации.
- 8. Сроки рецензирования рукописей:
- 8.1. Главный редактор Журнала рассматривает представленную к публикации рукопись в течение десяти дней с момента получения рукописи редакцией.
- 8.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.
- 8.3. В сроки, указанные в п.п. 8.1. и 8.2. Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.
- 8.4. По согласованию редакции и рецензента, рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью включения статьи в ближайший номер Журнала.
- 9. Содержание рецензии.
- 9.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:
- 9.1.1. соответствие содержание статьи ее названию;
- 9.1.2. актуальность темы исследования;
- 9.1.3. научная новизна полученных результатов;
- 9.1.4. целесообразность публикации статьи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;
- 9.1.5. подача материала (язык, стиль, используемые категории и обороты).

- 9.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору и редакции по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного и методического уровней рукописи.
- 9.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:
- 9.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати;
- 9.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати с внесением технической правки;
- 9.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати после устранения автором замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту;
- 9.3.4. рекомендовать отказать в публикации статьи в открытой печати по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню Журнала.
- 10. В случае принятия рецензентом решения, указанного в п.п. 9.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, статья считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.
- 11. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в п.п. 9.3.2 9.3.4 Порядка, текст рецензии в обязательном порядке направляется автору рукописи.
- 12. В случае отрицательной оценки рукописи в целом, рецензент должен убедительно обосновать свои выводы.
- 13. В случае принятия рецензентом решения рекомендовать рукопись к принятию к публикации, статья принимается к публикации в Журнале с обязательным уведомлением автора.
- 14. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение трех лет с момента их подписания рецензентом

THE ORDER OF REVIEWING MANUSCRIPT

The order of reviewing manuscript submitted for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin»

- 1. This order of reviewing manuscript submitted for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin» (hereinafter The order) determinates the order of reviewing manuscript of scientific articles submitted by authors for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin» (hereinafter the Bulletin).
- 2. Every manuscript submitted to the Editorial staff of the Bulletin must pass a reviewing procedure.
- 3. Scientific article manuscript received by Editorial staff is considered by the Chief editor for the Bulletin profile adequacy, requirements for registration and then sent to a specialist reviewing.
- 4. Reviewing is done by the member of the Editorial staff who has the closest scientific specialization with the topic of article. Editorial staff has the right to engage external reviewers, generally with scholastic degree and (or) academic degree, as well as practitioners.
- 5. Reviewers are notified that the articles submitted for review are the private property of the authors and contain information that is not to be disclosed. Reviewers are not allowed to make copies of articles and pass them to third parties.

Ежеквартальный научно-практический журнал

- 6. Reviewing is confidential for the article's authors. Reviews can be passed to the author of the manuscript upon his written request, without the signature and the names, position and job of reviewer.
- 7. Review must be provided upon request of advisory councils to the Higher Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of Russian Federation.
- 8. Terms of reviewing manuscripts:
- 8.1. The chief editor of the Bulletin considers the submitted manuscript within ten days of receipt the manuscript.
- 8.2. Specialist reviews the manuscript within fourteen days from the moment he gets the manuscript from the chief editor.
- 8.3. Weekends and holidays established by the legislation of the Russian Federation are not included in the terms mentioned in p.p. 8.1 and 8.2 of the Order.
- 8.4. According to Editorial staff and reviewer' agreement reviewing can be done in a shorter time to include the article in the next Bulletin edition.
- 9. The content of review.
- 9.1. The review must include expert estimation of the manuscript for the following options:
- 9.1.1. line content of the article to its name;
- 9.1.2. topicality of the theme;
- 9.1.3. scientific novelty of the results;
- 9.1.4. suitability of publishing the article taking into account the previously issued literature on this subject;
- 9.1.5. presentation of the material (language, style, categories and speed).
- 9.2. The reviewer may make recommendations to the author and Editorial staff to improve the manuscript. Reviewer comments and suggestions should be objective and based on principles, pointed at improving the scientific and methodological level of the manuscript.
- 9.3. Final part of the review must contain one of the following desissions:
- 9.3.1. recommend accepting the manuscript for publication in the press;
- 9.3.2. recommend accepting the manuscript for publication in the press with technical editing;
- 9.3.3. recommend accepting the manuscript for publication in the press after removal of the author of the reviewer comment and re-review;
- 9.3.4. recommend to refuse publishing article in the press because of its non-compliance to requirements of the scientific level of the Bulletin.
- 10. If the reviewer decides as it mentioned in p. 9.3.3 of the Order modified (revised) author's article must be repeatedly sent to reviewing.
- В случае принятия рецензентом решения, указанного в п.п. 9.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование. If the reviewer takes the similar decision the article is excluded and is not to be considered any more.
- 11. In the case the reviewer takes decisions mentioned in p.p. 9.3.2. 9.3.4 of the Order the review' text must be sent to the manuscript author.
- 12. In the case the manuscript gets the negative assessment in general the reviewer must convectively justify his conclusions.
- 13. In the case the reviewer recommends the manuscript to publication the article is to be published in the Bulletin with obligatory notification of the author.
- 14. The originals of the reviews are stored in the Editorial staff for three years from the moment of the reviewer signing.